

Ш. ДИЛЬ

ВИЗАНТІЙСКІЕ
ПОРТРЕТЫ

В. Митрохин

МОСКВА —
К-во М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

ВИЗАНТІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Переводъ М. Безобразовой
подъ редакціей и съ предисловіемъ
П. Безобразова

МОСКВА
Издание М. и С. Сабашниковыхъ
1914

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Множество нитей культурныхъ, экономическихъ, религіозныхъ, литературныхъ связывали Византію съ Русью. Эти древнія нити не порвались еще окончательно. Византійскія начала живы и въ нашей государственной и въ нашей общественной жизни. Такимъ образомъ исторія Византійской имперіи, давно покончившей свое существованіе, представляетъ для насъ, русскихъ, современный интересъ.

Теорія и практика византійскаго самодержавія оказала громадное вліяніе на московское государство. Самое слово „самодержецъ“ буквальный переводъ греческаго „автократоръ“, автось-самъ, крато-держу. Когда великій князь московскій Іоаннь Грозный пожелалъ принять титулъ царя, онъ старался доказать свои права на такой титулъ. Въ то время турки уже владѣли Константинополемъ, пала Византія, считавшаяся единой всемірной имперіей, замѣнившей древній Римъ, и права Іоанна на царскій титулъ могли основываться только на связи московскаго престола съ престоломъвизантійскимъ. Во время Іоанна Грознаго

создалась легенда, будто императоръ византійскій Константинъ Мономахъ вѣнчалъ на царство Владиміра Мономаха, князя кіевскаго. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что не могло быть такого факта. Константинъ Мономахъ умеръ 11 января 1055 г., когда Владиміру Мономаху было всего два года, и когда еще никто не могъ предвидѣть, что чрезъ 58 лѣтъ онъ будетъ великимъ княземъ кіевскимъ, такъ какъ было много князей старше его.

Тѣмъ не менѣе эта легенда, такъ ярко характеризующая нашу зависимость отъ Византіи, важнѣе многихъ подлинныхъ событій. А вотъ и несомнѣнные факты. Іоаннъ IV былъ первымъ нашимъ самодержцемъ, настоящимъ византійскимъ царемъ на московскомъ престолѣ. Въ первый разъ иностранные послы увидѣли въ Москвѣ царя, сидящаго на тронѣ съ золотой византійской короной на головѣ, въ золотомъ византійскомъ платьи, съ византійскимъ скипетромъ въ рукѣ, русскаго царя со всѣми атрибутами византійскаго самодержавія. Съ тѣхъ поръ всѣ подданные стали холопами царя; жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ также вольны, писалъ грозный царь Курбскому. Для царя всѣ были холопами, и бояре, и потомки удѣльныхъ князей, и воеводы, наравнѣ съ мужикомъ, всѣ они были холопами, рабами царя. Всѣ подданные на челобитныхъ царю подписываются „холопъ твой такой-то“, такъ же точно какъ въ Византіи высшій сановникъ наравнѣ съ

крестьяниномъ подписывался „рабъ державнаго царя такой-то“.

На установленіи московскаго самодержавія отразилось и книжное вліяніе, византійскіе законы и толкованія византійскихъ юристовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что вся наша литература въ эпоху допетровскую была греческой. Житія святыхъ, которыя до сихъ поръ читаются нашимъ народомъ, были или переведены съ греческаго или написаны по греческимъ образцамъ. Византійскимъ духомъ и византійской риторикой пропитаны проповѣди, поученія, раздававшіяся въ церквахъ и учившія нравственности народъ еще дикій, которому Византія представлялась верхомъ культуры.

Не только въ книгахъ, въ самой жизни отразилось византійское вліяніе. При нашихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ примѣръ цивилизованной страны казался достойнымъ подражанія. Всѣмъ извѣстно, хотя бы изъ гимназическихъ учебниковъ, какъ безчеловѣчно былъ ослѣпленъ своими родственниками князь Василько (въ XI вѣкѣ). Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть отраженія у насъ византійскихъ обычаевъ. Въ Византіи ослѣпленіе было однимъ изъ общепринятыхъ средствъ отдѣлываться отъ врага и законодательство признавало всякія членовредительныя наказанія.

Особенно сильно сказалось византійское вліяніе въ домашней жизни и поставило въ тяжелое положеніе женщину. Теремъ московскаго

времени вполнѣ соответствуетъ византійскому гинекею. Гинекеемъ называлась женская половина дома, гдѣ женщинѣ полагалось сидѣть взаперти.

Въ Византіи существовалъ одинъ обычай, который несомнѣнно очень вредно отзывался на семейной нравственности. Родители обручали дѣтей во время ихъ малолѣтства, и выросши эти несчастныя дѣти обязаны были исполнить обѣщаніе, данное за нихъ родителями. Обыкновенно при этомъ писали форменный брачный договоръ, женихъ давалъ задатокъ, получалъ приданое и обязывался жениться впоследствии на обрученной съ нимъ дѣвочкѣ. Законъ признавалъ подобные контракты и требовалъ, чтобы они не нарушались. Онъ ставилъ только одно ограниченіе: жениху и невѣстѣ должно было быть по крайней мѣрѣ семь лѣтъ, не меньше. Этотъ обычай перешелъ къ намъ, и въ московскомъ государствѣ точно такъ же обручались дѣти и составлялись обязательные контракты, называвшіеся рядными записями.

Въ византійской имперіи женщина не пользовалась уваженіемъ. Ее считали порожденіемъ діавола, виновницей грѣхопаденія рода человѣческаго, существомъ слабымъ и нечистымъ, предназначенной быть служанкой и рабой мужчины. Она никогда не была самостоятельной, никогда не имѣла права распоряжаться ни собою ни имуществомъ. До замужества она вполнѣ подчинялась отцу; выданная замужъ отцомъ за че-

ловѣка, котораго часто въ глаза не видала, попадала въ полное подчиненіе къ мужу. Данное ей отцомъ приданое отдавалось мужу, который могъ распоряжаться ея доходами по своему усмотрѣнію, не имѣя только права отчуждать капитала. Но если она расходилась съ мужемъ, приданое возвращалось не ей, а ея отцу. Жена была до нѣкоторой степени свободна только у себя дома; тутъ она могла и даже обязана была заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ и женскими рукодѣліями. Но выходить изъ дому, бывать въ театрѣ или циркѣ она могла только съ разрѣшенія мужа. Даже въ собственномъ домѣ свобода ея была ограничена; ей отводилась отдѣльная половина, гинекей, откуда она не имѣла права выходить, когда у ея мужа сидѣли гости. Совершенно такіе же порядки царили въ московскомъ государствѣ.

По отношенію къ Европѣ Византія сыграла тоже важную роль. Она уберегла ее отъ разгрома варваровъ и сохранила для нея культурныя сокровища первостепенной важности. Благодаря своему географическому положенію между Западомъ и Востокомъ византійская имперія принимала на себя удары азіатскихъ народовъ, печенѣговъ, половцевъ, турокъ сельджуковъ, наконецъ, османовъ. Она задерживала варварскій потокъ, не дала ему разлиться и поглотить западно-европейскія государства.

Любознательные византійцы переписывали Гомера, сочиненія Платона и Аристотеля, трагедіи

Софокла и Еврипида. Дѣти учились читать не только по псалтыри, но и по Иліадѣ. Такимъ образомъ сохранились для человѣчества плоды эллинской цивилизаціи и произведенія геніальныхъ философовъ, вліяніе которыхъ чувствуется до сихъ поръ. Когда началось въ Италіи такъ называемое Возрожденіе наукъ и искусствъ, Петрарка и Боккачіо отлично понимали важность греческой литературы и сожалѣли, что не знаютъ греческаго языка. Тѣмъ не менѣе они разыскивали и покупали греческія рукописи и справедливо придавали большую цѣну эллинизму, которому суждено было возродить Западъ.

Помимо всего этого Византія сама по себѣ представляетъ значительный интересъ. Будучи восточной половиной нѣкогда единой римской имперіи, она просуществовала всѣ средніе вѣка, на тысячу лѣтъ дольше западной. Этотъ фактъ заслуживаетъ изученія. Въ Византіи должны были совмѣщаться и живыя силы и сѣмена разложенія, приведшія ее къ гибели.

Неудивительно, что византійская имперія привлекаетъ вниманіе европейскихъ ученыхъ, и въ послѣднее время появился рядъ цѣнныхъ монографій на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Изъ французскихъ византинистовъ первое мѣсто принадлежитъ Шарлю Диллю, который составилъ себѣ громкое имя своими изслѣдованіями объ Африкѣ въ византійскую эпоху и о царствованіи Юстиніана. Недавно появилась

его капитальная исторія византійскаго искусства, встрѣченная сочувственными отзывами всей европейской печати.

Въ популярныхъ очеркахъ, названныхъ авторомъ портретами, Диль даетъ публикѣ возможность познакомиться съ своеобразнымъ строемъ и полной трагическихъ происшествій исторіей византійскаго государства.

Въ византійской исторіи множество противорѣчій и оригинальныхъ чертъ. Имперія абсолютная и демократическая въ то же время. Царю принадлежала власть деспотическая, но происхожденіе его не имѣло никакого значенія. Чтобы облечься въ порфиру, не требовалась знатность рода. Въ теоріи византійскій императоръ избирался народомъ и сенатомъ. Формула эта, унаслѣдованная отъ Рима, продолжала существовать, но превратилась въ пустой звукъ безъ соотвѣтствующаго содержанія. Не было народныхъ собраній и правильно организованнаго избранія. Когда византійцы говорили о народномъ избраніи, они допускали архаизмъ и сами хорошо знали, что это фикція, пустой отголосокъ старины, давно прошедшей. Даже въ римской имперіи первоначальное голосованіе на Марсовомъ полѣ въ Римѣ превратилось въ пустую формальность, въ привѣтственные клики. Сенатъ въ византійской имперіи не былъ государственнымъ учрежденіемъ. Сенатомъ называли собраніе сановниковъ, назначенныхъ царемъ, съ которыми онъ совѣщался, когда желалъ, и

совѣты которыхъ онъ принималъ или отвергалъ по своему усмотрѣнію.

Въ Византіи не существовало закона о престолонаслѣдіи. Никто не имѣлъ исключительнаго права на престоль, и всякій свободный гражданинъ, не рабъ и не крѣпостной, имѣлъ право надѣть на себя царскій вѣнецъ и порфиру. Это право сильнаго, и въ немъ заключалась византійская конституція. Царское самовластіе сдерживалось заговорами, возможностью, о которой такъ часто мечтали византійцы, свергнуть царя и занять его мѣсто. Изъ сорока трехъ императоровъ, царствовавшихъ отъ Юстиніана до четвертаго крестоваго похода, шестнадцать вступили на престоль насильственнымъ путемъ. Когда заговоръ приводилъ къ желаемому результату, то происходило провозглашеніе новаго царя, но производилось оно исключительно столичнымъ населеніемъ, а не всѣми подданными, и означало только подтвержденіе совершившагося факта. Главное же значеніе при византійскихъ переворотахъ принадлежало войску, а константинопольскіе жители иногда помогали заговорщику тѣмъ, что начинали шумѣть и грозить царствовавшему императору.

Сынъ царя имѣлъ такія же права на престоль, какъ и всякій другой гражданинъ. Онъ долженъ былъ быть тоже провозглашенъ народомъ и фактически долженъ былъ имѣть въ своихъ рукахъ армію. Совершенно естественно, что византійскіе монархи желали обезпечить престоль

за своимъ семействомъ, и съ этой цѣлью они пользовались соправительствомъ, которое Византія унаслѣдовала отъ Рима. Абсолютная монархія мирилась съ тѣмъ, что на престолѣ могли сидѣть два, даже три царя; фактически правилъ только одинъ царь, другой носилъ почетный титулъ василевса и автократора (царя и императора) и въ видѣ формальности подписывался на документахъ. Но такимъ путемъ предупреждалась возможная революція и упрочивалась царская власть за извѣстной династіей. Царь имѣлъ право назначить себѣ преемника, и чтобы не возникалъ вопросъ объ его избраніи, цари еще при жизни назначали соправителями и короновали своихъ преемниковъ. Такимъ образомъ по смерти царя не могло быть и рѣчи о преемствѣ; одинъ царь умеръ, но другой былъ живъ, и къ нему переходила фактическая власть. Случалось, что короновали младенцевъ. Императоръ Константинъ Копронимъ короновалъ своего полуторогодовалого сына Льва, а послѣдній — малолѣтняго сына Константина VI. Когда умеръ Левъ Мудрый, Константину Багрянородному, вѣнчанному на царство отцомъ, было всего семь лѣтъ. Благодаря такому способу, нѣкоторыя династіи продержались на престолѣ довольно долго: македонскій домъ — почти двѣсти лѣтъ, Комнины—сто лѣтъ.

Живые очерки Дияля знакомятъ читателей съ этими противоположными теченіями и съ разными типами царей: съ выскочкой, вродѣ Ва-

силія I, простымъ крестьяниномъ, достигшимъ престола при помощи кровавыхъ преступленій, съ Комнинами, считавшими, что ихъ семейство имѣетъ право на престоль, съ дворцовыми революціями и придворными интригами, а также съ царями, которымъ дорогу къ трону прокладывалъ капризь императрицы.

Туть мы наталкиваемся на новое противорѣчіе византійской жизни. Женщина, которую считали презрѣннымъ существомъ, порою распорядилась судьбой имперіи. Такова была умная, властная и очаровательная Θεодора, о которой подробно говоритъ Диль и которая оказывала большое вліяніе на Юстиніана. Значительную роль сыграла въ X вѣкѣ Θεофано, съ трагической исторіей которой насъ также знакомитъ Диль.

Вліяніе женщины и въ тѣ времена основывалось на мужской слабости, на увлеченіи женской красотой. Слабохарактерныхъ царей нерѣдко побѣждали жены и фаворитки. Напримѣръ, Склирена, любовница императора Константина Мономаха, интриговала противъ Маніака, талантливѣйшаго полководца своего времени. Благодаря этой интригѣ, царь лишилъ мѣста Маніака и въ угоду женщинѣ отнялъ у византійской арміи лучшаго генерала.

Диль не ограничился портретами императриць, онъ постарался проникнуть въ семейный бытъ средняго сословія, а сдѣлать это довольно трудно за отсутствіемъ надлежащихъ документовъ. Византійскіе историки описываютъ почти исключи-

тельно войны, дипломатическія сношенія, касаются только высшихъ сферъ, не занимаясь личностями, по ихъ мнѣнію, ничтожными, тою массою, которая очень интересуется современнаго историка. Дилію удалось воспользоваться рѣчами византійскихъ писателей и среди множества риторическихъ фразъ отыскать черты, дающія нѣкоторое представленіе о византійской буржуазіи.

Дилію не пренебрегъ и византійской изящной литературой и знакомитъ насъ съ Дигенисомъ, напоминающимъ нашихъ богатырей, и съ византійскимъ романомъ, который еще очень мало изслѣдованъ. Неоднократно упоминаетъ онъ объ аскетическомъ идеалѣ, о стремленіи къ монашеской жизни, которое было такъ сильно въ Византіи.

Развитіе аскетизма можно прослѣдить по житіямъ святыхъ, которыхъ Дилію не пришлось касаться, и по нѣкоторымъ сказаніямъ. Въ одномъ греческомъ сказаніи рассказано слѣдующее. Въ Эдессѣ живутъ язычники, Клитофонъ и Левкиппа; у нихъ нѣтъ дѣтей, и они горюютъ объ этомъ. Однажды, пустынный Онуфрій, заставъ Левкиппу плачущей, спрашивалъ ее о причинѣ горя. Мужъ недоволенъ моею бездѣтностью, отвѣчаетъ она. Онуфрій обѣщаетъ ей потомство подъ условіемъ, чтобы она крестилась; та соглашается, и когда оказалась беременной, обо всемъ извѣщаетъ мужа, который тоже принимаетъ христіанство. У нихъ родился сынъ, названный Галактіономъ, т. е. молочнымъ, за бѣлоснѣжный цвѣтъ

кожи. Когда ему минуло 24 года, отецъ женилъ его на красавицѣ Эпистиміи, именитой и богатой, но Галактіонъ рѣшилъ воздержаться отъ исполненія супружескихъ обязанностей, что и дѣлаетъ, несмотря на протесты и соблазны Эпистиміи. Онъ убѣждаетъ и жену, которая отказывается отъ языческой вѣры, становится христіанкой и вмѣстѣ съ мужемъ предается аскетизму.

Авторъ этого сказанія безсознательно, но все же очень наглядно представилъ намъ, какъ измѣнилось воззрѣніе на любовь съ принятіемъ христіанства. Клитофонъ и Левкиппа признаютъ совмѣстную жизнь, они горюютъ только о томъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Сынъ ихъ уже держится другихъ воззрѣній на бракъ; онъ считаетъ, что физическое сожителство—грѣхъ во всякомъ случаѣ. Этотъ процессъ дѣйствительно совершился въ Византіи. Главное содержаніе старогреческаго романа составляетъ любовь, любовь плотская въ основѣ, обнимающая все существо влюбленныхъ, все для нихъ освящающая въ мірѣ. И здѣсь всѣмъ правитъ любовь, въ этомъ ея высшая законность. Христіане не могли смотрѣть такъ на любовь; они отличаютъ цѣломудріе отъ незаконной, грѣховной любви, но они считаютъ, какъ Клитофонъ и Левкиппа, что цѣломудріе соблюдено въ бракѣ и нѣтъ грѣха въ продолженіи рода человѣческаго.

Въ литературѣ взглядъ на женщину и любовь сказался очень ясно. Климентъ-язычникъ сообщаетъ александрійскому грамматику Аппіону,

что онъ страстно влюбленъ безъ надежды на успѣхъ. Аппіонъ обѣщаетъ написать его милой посланіе съ такими похвалами прелюбодѣйству, что ни одной женщинѣ не устоятъ противъ нихъ. Онъ пишетъ посланіе слѣдующаго содержанія. Привѣтствовавъ милую отъ имени Эрота, влюбленный говоритъ: „О, знаю, что ты интересуешься философіей и стремишься подражать жизни лучшихъ людей. Кто же эти лучшіе, какъ не боги прежде всего, а изъ людей философы? Они одни знаютъ, какія изъ дѣяній хороши или какія дурны. Такъ, нѣкоторые считаютъ дурнымъ дѣломъ прелюбодѣйство (т. е. связь, не скрѣпленную бракомъ), хотя оно во всѣхъ отношеніяхъ дѣло хорошее, ибо творится по велѣніямъ Эрота, ради приумноженія жизни. Эротъ—древнѣйшій изъ всѣхъ боговъ; безъ Эрота нѣтъ смѣшенія и зарожденія ни стихій, ни боговъ и людей, ни неразумныхъ животныхъ, ни всего остального. Всѣ мы—орудія Эрота. Оттого мы стремимся исполнить его волю не по своему желанію, а по его велѣнію. Испытывая желаніе по его волѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пытаюсь ограничить это желаніе въ угоду такъ называемаго воздержанія, развѣ мы не совершаемъ величайшаго кощунства, дѣйствуя наперекоръ старѣйшему изъ боговъ“. Эти общія положенія поясняются рассказомъ о любовныхъ похожденияхъ Зевса, о наградахъ, которыя Зевсъ расточалъ своимъ любовницамъ, о мудрецахъ, подчинявшихся велѣніямъ Эрота. Въ отвѣтномъ посланіи милой къ Клименту

проведенъ уже совсѣмъ другой взглядъ на любовь. Она отрицаетъ божество и главенство Эрота. Любовь не богъ, а вождельніе самого любящаго; любовныя похождения боговъ придуманы людьми, чтобы прикрыть ихъ примѣромъ собственное распутство. Эротъ не богъ, а животное вождельніе, внушенное Творцомъ въ цѣляхъ продолженія жизни, дабы человѣческой родъ не прекратился. Родители, озабоченные цѣломудріемъ своихъ дѣтей, должны наставлять ихъ въ немъ прежде, чѣмъ наступитъ пора вождельній, сдерживая ихъ страхомъ закона и раннимъ бракомъ. Въ этомъ отвѣтномъ посланіи взглядъ на любовь совсѣмъ другой, чѣмъ въ первомъ; тутъ проводится рѣзкое отличіе между любовью въ бракѣ и внѣ брака.

На первыхъ порахъ идеаль женщины представлялся въ видѣ цѣломудренной жены, но жены въ полномъ смыслѣ слова. Она—блаженное напоминаніе перваго творенія, когда единый Господь создалъ единому мужу единую жену; ея красота—въ благоустроеніи души, ароматы—добрая слава, прекрасныя одежды—стыдливость. Она не даетъ поводовъ нравиться кому бы то ни было, кромѣ мужа, избѣгая общества юношей, сдержанная и относительно старцевъ, предпочитая честную бесѣду безпорядочному смѣху. Но очень скоро доходятъ до крайности, отрицаютъ любовь, прославляютъ дѣвственность. Всякія физическія отношенія между мужчиной и женщиной считаются грѣхомъ, даже когда они освящены

бракомъ. На смѣну Клитофонта являются понятія Галактіона. Этихъ-то понятій и держались въ Византіи. Идеаломъ была женщина, поступившая въ монастырь, умерщвляющая плоть, надѣвающая на себя вериги, изнуряющая себя постомъ и воздержаніемъ. Другого идеала византійцы не знали; женщина, живущая въ мірѣ и для міра—источникъ зла и соблазна. Понятія эти были перенесены изъ Византіи къ намъ и пустили у насъ крѣпкіе корни. Въ Пчелѣ, сборникѣ статей, переведенномъ съ греческаго и очень распространенномъ въ Московскомъ государствѣ, читаемъ: „Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ; горе дому тому, имъ же владѣеть жена; зло и мужу тому, иже слушаетъ жены“.

Въ послѣднее время русское образованное общество замѣтно заинтересовалось Византіей. Большинство университетовъ включило исторію византійской имперіи въ число предметовъ, обязательныхъ для студентовъ. Между тѣмъ чувствуется большой недостатокъ и въ университетскихъ учебникахъ и особенно въ популярныхъ книгахъ. Единственный общій трудъ, существующій на русскомъ языкѣ, исторія Византіи Герцберга, переведенная мной и снабженная примѣчаніями и обширными приложеніями, давно разошлась и стала библиографической рѣдкостью, которую ищутъ у букинистовъ и рѣдко находятъ. Для специалистовъ издаются два журнала, *Byzantinische Zeitschrift* въ Мюнхенѣ и Византійскій Временникъ въ Петербургѣ. Появляются и обширныя моно-

графіи извѣстнаго Бёри въ Англіи и учениковъ Дияля во Франціи. Но всѣ эти цѣнныя сочиненія не могутъ быть прочтены той публикой, которая не имѣетъ времени и охоты углубляться во всѣ подробности византійской исторіи, но желала бы познакомиться съ ней въ общихъ чертахъ.

Къ сожалѣнію, спеціалисты не только у насъ, но и за границей очень рѣдко снисходятъ къ требованіямъ широкой публики и рѣдко умѣютъ писать популярно. Диль представляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе. Онъ спеціалистъ и вполнѣ вооруженъ научнымъ знаніемъ. Онъ не почерпаетъ своихъ свѣдѣній изъ вторыхъ рукъ, а обращается къ первоисточникамъ. Матеріалы для византійскихъ портретовъ, которые Диль нарисовалъ умѣлой рукой, онъ извлекъ непосредственно изъ греческихъ лѣтописей, мемуаровъ, рѣчей и проповѣдей. Но въ то же время онъ не сообщаетъ намъ и излишнихъ и ненужныхъ подробностей и знакомитъ насъ только съ тѣми біографіями, которыя дѣйствительно характерны и даютъ богатая иллюстраціи къ византійской исторіи.

Мы не сомнѣваемся, что талантливые очерки Дияля будутъ съ интересомъ прочтены всѣми интересующимися византійской жизнью, давно прошедшей и все еще намъ близкой.

П. Безобразовъ.

ГЛАВА I.

Жизнь византійской императрицы.

I.

Въ самой отдаленной части императорскаго дворца въ Константинополѣ, за помѣщеніями охранной стражи и приѣмными палатами, среди тѣнистыхъ садовъ съ фонтанами, представлявшихъ, по выраженію одного лѣтописца, новый Эдемъ, какъ бы второй рай, находилось частное обиталище византійскихъ императоровъ.

По описаніямъ византійскихъ писателей мы можемъ имѣть нѣкоторое представленіе о пышномъ и красивомъ жилищѣ, украшавшемся въ теченіе вѣковъ нѣсколькими поколѣніями царей, гдѣ вдали отъ свѣтскаго шума и тягостнаго церемоніала, василевсы, представители Бога на землѣ, становились вновь простыми смертными. Тутъ повсюду видны были драгоцѣнные мраморы и блестящая мозаика. Въ большой залѣ Новаго дворца, построеннаго императоромъ Василиемъ I, надъ великолѣпными колоннами, изъ зеленаго мрамора и краснаго оникса, большихъ размѣровъ композиціи, памятники свѣтской живописи, которой византійскіе художники вовсе не такъ пренебрегали, какъ обыкновенно думаютъ, изображали

самодержца сидящимъ на тронѣ среди своихъ побѣдоносныхъ полководцевъ и рассказывали славную эпопею его царства, „геркулесовскія работы царя,—какъ выражается современникъ,—его попеченія о благѣ подданныхъ, его труды на полѣ брани, его побѣды, дарованныя Богомъ“. Но, повидимому, нѣчто особенно чудесное представляла императорская спальня. Подъ высокимъ потолкомъ, усыпаннымъ золотыми звѣздами, сверкалъ крестъ изъ зеленой мозаики, символъ спасенія, и вся обширная комната была покрыта великолѣпными украшеніями. На мозаичномъ полу, по самой серединѣ, былъ изображенъ павлинъ съ свѣтозарными перьями, а по угламъ—четыре орла — царскія птицы — въ рамахъ изъ зеленого мрамора, съ распростертыми крыльями, готовые улетѣть. Вдоль стѣнъ внизу мозаичные четырехугольники образовывали какъ бы кайму изъ цвѣтовъ; выше по золотому фону была изображена, той же мозаикой, вся императорская фамилія въ полномъ парадномъ одѣяніи: Василій на тронѣ, съ короной на головѣ, и подлѣ него жена его Евдокія, а вокругъ нихъ, почти въ томъ же видѣ, какъ они представлены на выцвѣтшихъ миниатюрахъ одной прекрасной рукописи въ Національной Библіотекѣ, ихъ сыновья и дочери съ книгами въ рукахъ, гдѣ были написаны благочестивыя изреченія изъ Священнаго писанія; и всѣ торжественно воздымали руки къ символу искупленія, ко кресту, а пространныя надписи, начертанныя на стѣнахъ, призывали на весь царскій родъ Божіе благословеніе и молили да будетъ ему даровано царство небесное.

Дальше, въ Жемчужной палатѣ находилась

лѣтняя опочивальня царей съ золотымъ сводомъ, поддерживаемымъ четырьмя мраморными колоннами, съ мозаичными украшеніями, изображающими сцены изъ охотничьей жизни, выходившая съ двухъ сторонъ черезъ портики въ сады, манившіе прохладой. Въ покояхъ, называвшихся Карійскими, такъ какъ они были выстроены цѣликомъ изъ карійскаго мрамора, находилась зимняя опочивальня, защищенная отъ рѣзкихъ вѣтровъ, дующихъ съ Мраморнаго моря; тутъ была и уборная императрицы съ поломъ, выложеннымъ бѣлымъ проконискимъ мраморомъ, и вся украшенная иконописью. Особенно поражала спальня императрицы, удивительная зала съ мраморнымъ поломъ, казавшимся „усыпанной цвѣтами лужайкой“, а стѣны ея, выложенныя порфиромъ, зеленымъ крапленнымъ ессалійскимъ мраморомъ, бѣлымъ мраморомъ карійскимъ, представляли такое счастливое и рѣдкое сочетаніе цвѣтовъ, что благодаря ему комната эта получила названіе залы Музика или Гармоніи. Были тутъ еще покои Эрота и покои порфиновые, гдѣ по традиціи должны были рождаться дѣти императорской фамиліи, называвшіяся вслѣдствіе этого „порфирородными“. И наконецъ, вездѣ тутъ привлекало взоры великолѣпніе двери изъ серебра или слоновой кости, пурпуровыя завѣсы на серебряныхъ прутьяхъ, золототканья ткани на стѣнахъ, съ фигурами фантастическихъ животныхъ, большія золотыя люстры, висѣвшія подъ сводами куполовъ, драгоценная мебель съ тонкой инкрустаціей изъ перламутра, золота и слоновой кости.

Въ этомъ то великолѣпномъ жилищѣ, окру-

женная своими придворными евнухами и женщинами, вдали от докучнаго церемоніала и шумныхъ треволненій столицы, жила среди мирной тишины цвѣтущихъ садовъ, среди звонкаго плеска фонтановъ, та, чью жизнь мнѣ хотѣлось бы описать, „слава порфиры“, „радость міра“, какъ привѣтствовалъ ее народъ константинопольскій, „благочестивѣйшая и блаженнѣйшая Августа, христіюлюбивая василисса“, какъ именовалась она по церемоніалу, словомъ, византійская императрица.

II.

Обыкновенно довольно не вѣрно представляютъ себѣ образъ жизни царицъ восточной греческой имперіи. Безсознательно припоминая идеи, опредѣлявшія положеніе женщины въ древней Греціи, въ средневѣковой Россіи и на мусульманскомъ Востокѣ во всѣ времена, въ византійскихъ императрицахъ часто видятъ вѣчныхъ малолѣтнихъ, вѣчныхъ затворницъ, заключенныхъ въ гинекеѣ подъ строжайшимъ надзоромъ вооруженныхъ евнуховъ, принимающихъ только женщинъ и „безбородыхъ мужчинъ“ (т.-е. евнуховъ), какъ выражались въ Византіи, да старыхъ священниковъ, показывавшихся публично лишь при самыхъ рѣдкихъ церемоніяхъ и то подъ плотными покрывалами, скрывавшими ихъ отъ нескромныхъ взглядовъ, содержавшихъ свой особый женскій дворъ, строго отдѣленный отъ двора василевса, словомъ, ведущихъ въ христіанскомъ обществѣ жизнь мусульманскаго гарема.

Хотя такое мнѣніе объ образѣ жизни византійскихъ царицъ очень распространено, тѣмъ не

менѣе оно не вполне основательно. Немногія государства отводили женщинамъ столько мѣста, предоставляли ей болѣе значительную роль и большее вліяніе на политику и правительство, чѣмъ византійская имперія. Это, по вѣрному замѣчанію Рамбо, „одна изъ отличительныхъ чертъ греческой исторіи среднихъ вѣковъ“ *). Не только было много императрицъ, пользовавшихся всемогущимъ вліяніемъ на своихъ мужей, въ силу обаянія своей красоты или превосходства ума: это ничего бы еще не доказывало, такъ какъ всѣ любимыя султанши дѣлали то же самое. Но въ имперіи, основанной Константиномъ, почти въ каждомъ вѣкѣ встрѣчаются женщины или царствовавшія сами или, что еще чаще, полновластно распорядившіяся короной и поставившія императоровъ. Этимъ царицамъ принадлежало полновластіе и торжество церемоній, въ которыхъ проявляется внѣшнимъ образомъ блескъ власти, и тѣ торжественные акты, въ которыхъ сказывается реальная власть. Даже въ интимной жизни гинекея находишь слѣды всемогущества, которымъ законнымъ образомъ пользовались византійскія императрицы, а въ общественной жизни, въ той политической роли, какую ей отводили ея современники, это всемогущество выступаетъ еще ярче. Поэтому, для того, кто хочетъ узнать и понять византійское общество, и византійскую цивилизацію, быть можетъ, найдется кое-что новое въ жизни забытыхъ царицъ той далекой эпохи.

*) Rambaud, *Impératrices d'Orient* (Revue des Deux Mondes, 1891 t. I, p. 829).

III.

Въ обширныхъ покояхъ, составлявшихъ царскій гинекей, императрица царила полновластной хозяйкой. Наравнѣ съ императоромъ, у нея была, для сопровождаенія и услуженія, многочисленная свита, состоявшая изъ женщинъ и придворныхъ чиновъ. Во главѣ придворнаго штата стоялъ препозитъ или завѣдующій дворцомъ, главный начальникъ камергеровъ, рефендаріевъ, силенціаріевъ, приставленныхъ къ особѣ василиссы, и всѣ они, равно какъ и меченосцы или протоспаѳаріи, избирались изъ среды евнуховъ дворца. Для службы у стола императрица имѣла, подобно императору, своего главнаго стольника и своего главнаго кравчаго. Во главѣ женщинъ стояла завѣдующая дворцомъ, обыкновенно отличенная высокимъ чиномъ опоясанной патрикии (*zôstè*) руководившая съ помощью протовестіаріи безчисленнымъ штатомъ придворныхъ дамъ, прислуживавшихъ въ комнатахъ, а также дѣвушекъ, составлявшихъ общество царицы. Обыкновенно, императоръ самъ заботился о назначеніи особъ, которыя должны были быть приставлены къ особѣ Августы, и въ особенности онъ оставлялъ за собой привилегію самому вручать главной завѣдующей дворцомъ знаки ея достоинства и принимать засвидѣтельствованіе вѣрно-подданическихъ чувствъ отъ вновь назначаемыхъ придворныхъ женщинъ. Но большинство служителей гинекея императрица сверхъ того сама жаловала въ санъ, чтобъ ясно показать, что они принадлежали ей. И, хотя въ день ихъ пожало-

ванія, облаченной въ офіціальныи костюмъ, соотвѣтствовавшій ихъ должности — золотую тунуку, бѣлый плащъ, высокую прическу въ формѣ башни, пропелому, съ длиннымъ бѣлымъ вуалемъ, женской свитѣ царицы препозитъ дѣлалъ внушеніе, что онѣ должны имѣть въ сердцѣ страхъ Господень и хранить искреннюю вѣрность и полнѣйшую преданность василевсу и Августѣ, есть основаніе предполагать, что, разъ принятыя въ покои императрицы, онѣ скоро забывали императора и считали себя принадлежащими только царицѣ.

Увѣренная въ преданности своихъ служителей императрица у себя въ гинекеѣ имѣла право дѣйствовать всецѣло по своему усмотрѣнію, и сообразно со своимъ темпераментомъ и характеромъ, она довольно различно пользовалась этой свободой. Для многихъ изъ этихъ прекрасныхъ царицъ забота о туалетѣ составляла главное занятіе. Говорятъ, что Θεодора, утонченная кокетка, чрезвычайно заботилась о своей красотѣ: чтобъ сохранить ясное спокойствіе лица, она спала до поздняго утра; чтобъ убересть блескъ и свѣжесть цвѣта лица, она принимала частыя и продолжительныя ванны; она любила великолѣпіе парадныхъ костюмовъ, яркія длинныя мантіи изъ фіолетоваго пурпура, вышитыя золотомъ, ослѣпительно сверкающія украшенія, драгоценныя камни и жемчугъ; она знала, что красота ея — лучшій залогъ ея всемогущества. Другія носили болѣе простые наряды. Зоя, за исключеніемъ большихъ придворныхъ праздниковъ, носила только легкія платья, которыя очень шли къ ея бѣлокурой красотѣ; за то у нея было

пристрастіе къ ароматамъ и косметикамъ, и ея комната, гдѣ круглый годъ горѣлъ большой огонь, служившій для приготовленія притираній и ароматовъ, походила нѣсколько на лабораторію алхимика. Наконецъ, были и такія царицы, которыя презирая эти изящныя ухищренія, предпочитали, по словамъ одного современника „украшать себя блескомъ своихъ добродѣтелей“, считая презрѣннымъ и пустымъ искусство косметики, столь дорогое Клеопатры.

Иныя, подобно Θεодорѣ, считали, что тонко сервированный столъ—одна изъ неотъемлемыхъ прерогативъ верховной власти; другія мало тратили на себя, находя главнымъ образомъ удовольствіе въ томъ, чтобы наполнять деньгами большіе ларцы. Многія были набожны: благочестивыя упражненія, долгія стоянія передъ святыми иконами, серіозныя бесѣды съ монахами, прославленными за суровый образъ жизни, наполняли большую часть жизни иныхъ императрицъ. Многія также любили литературу. Онѣ собирали вокругъ себя писателей, сочинявшихъ для нихъ произведенія въ прозѣ и стихахъ, и всегда щедро ихъ вознаграждали; случалось даже, что иныя изъ этихъ царицъ, какъ напримѣръ, Аѳинаида или Евдокія писали сами, и царицы изъ рода Комниновъ заслужили репутацію женщинъ просвѣщенныхъ, образованныхъ и ученыхъ. Другимъ болѣе по вкусу приходились грубыя шутки шутовъ и мимовъ, и сама великая Θεодора, такая, впрочемъ, умная, при этомъ природная актриса, забавлялась иногда тѣмъ, что устраивала,—часто за счетъ своихъ посѣтителей,—различныя увеселенія, довольно сомнительнаго вкуса. Наконецъ,

придворныя интриги и любовныя похождения за-полняли время обитательницъ женской половины дворца, превращая иногда гинекей въ мѣсто тревоги для самого императора.

Но не слѣдуетъ, все-таки, думать, что у византійской императрицы все время уходило на благочестивыя упражненія, туалетъ, приемы, увеселенія и празднества. Заботы болѣе высокаго свойства часто волновали многихъ изъ этихъ царицъ, и не разъ вліяніе гинекея сказывалось на ходѣ правительственныхъ дѣлъ. Августа имѣла собственное состояніе, которымъ распоряжалась по своему усмотрѣнію, не совѣтуясь съ василевсомъ, даже не предупреждая его; она придерживалась своей собственной политики, и не рѣдко политика эта довольно плохо согласовалась съ велѣніями царя, явленіе еще болѣе любопытное, довольно поразительное въ такой абсолютной монархіи; императоръ во многихъ вопросахъ охотно предоставлялъ василиссѣ полную свободу дѣйствія и часто совершенно не зналъ, что у нея происходитъ. А между тѣмъ въ стѣнахъ гинекея творились странныя дѣла, скрывались страшныя тайны. Когда константинопольскій патріархъ Анѳимъ, сильно заподозрѣнный въ ереси, долженъ былъ предстать передъ соборомъ, былъ отлученъ отъ церкви и приговоренъ Юстиніаномъ къ ссылкѣ, онъ нашель убѣжище въ самомъ дворцѣ, въ покояхъ Теодоры. Сначала были нѣсколько поражены внезапнымъ исчезновеніемъ патріарха; затѣмъ о немъ забыли, сочтя его умершимъ. И велико было изумленіе, когда позднѣе, послѣ смерти императрицы, нашли патріарха въ отдаленной части гинекея: двѣнадцать

лѣтъ провелъ онъ въ этомъ скромномъ уединеніи, въ то время, какъ Юстиніанъ не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія, и, что еще удивительнѣе, Θεодора не выдала своей тайны.

Въ гинекеѣ же былъ составленъ заговоръ, жертвой котораго палъ императоръ Никифоръ Фока. Въ то время какъ василевсъ ничего не подозрѣвалъ, Θεофано сумѣла впустить къ себѣ своихъ сообщниковъ, ввести затѣмъ на женскую половину вооруженныхъ заговорщиковъ и такъ ловко ихъ спрятать, что когда царь въ послѣднюю минуту былъ извѣщенъ въ туманныхъ выраженіяхъ объ угрожавшемъ его жизни заговорѣ и приказалъ обыскать гинекей, не нашли никого и подумали, что были введены въ обманъ. Два часа спустя, когда на дворѣ была ночь, и бушевала буря, глава заговора въ свою очередь былъ поднятъ на веревкахъ въ корзину изъ ивовыхъ прутьевъ до окна комнаты императрицы, и застигнутый врасплохъ безоружный василевсъ, обливаясь кровью отъ безчисленныхъ ранъ, палъ мертвымъ съ черепомъ, разсѣченнымъ страшнымъ ударомъ меча.

Безъ сомнѣнія, изъ этихъ исключительныхъ фактовъ отнюдь не слѣдуетъ дѣлать слишкомъ общаго вывода. Но что несравненно знаменательнѣй, это то, что между мужской половиной императора и половиной царицы не существовало, какъ это совершенно ошибочно думаютъ, никакой непроходимой стѣны. Какъ придворныя дамы Августы въ присутствіи всего двора получали изъ рукъ василевса почетные знаки своего отличія, такъ и царица допускала въ свои покои многихъ высокихъ сановниковъ, вовсе не

принадлежавшихъ къ безопасной категоріи „безбородыхъ чиновъ“, и самый этикетъ, этотъ византийскій этикетъ, представляющійся намъ такимъ неумолимо строгимъ, позволялъ въ иные торжественные дни широко, чтобъ не сказать нескромно, растворяться дверямъ гинекея.

Когда черезъ три дня послѣ бракосочетанія новая императрица выходила изъ супружескихъ покоевъ, чтобы принять ванну въ Магнаврскомъ дворцѣ, въ садахъ, черезъ которые проходило шествіе, придворные и горожане стояли сплошной стѣной. И когда, предшествуемая служителями, несшими на виду у всѣхъ пеньюары, коробочки съ ароматами, ларцы и сосуды, сопровождаемая тремя придворными дамами, державшими въ рукахъ, какъ символъ любви, красныя яблоки съ жемчужной инкрустаціей, царица появлялась передъ глазами зрителей, раздавались звуки механическихъ органовъ, народъ рукоплескалъ, придворные шуты отпускали свои шутки, а высшіе государственные чины сопровождали царицу до входа въ ванную и ожидали ее у дверей, чтобъ торжественно отвести ее потомъ обратно въ брачные покои.

Когда, черезъ нѣкоторое время послѣ этого, императрица дарила василевсу сына, черезъ восемь дней по рожденіи ребенка весь дворъ торжественно проходилъ передъ роженицей. Въ опочивальнѣ, обтянутой для этого случая златотканными тканями, сверкающей огнями безчисленныхъ люстръ, молодая мать лежала на постели, покрытой золотыми одѣялами; подлѣ нея стояла колыбель, гдѣ покоился юный наслѣдникъ престола. И препозитъ по очереди впускалъ къ

Августъ членовъ императорскаго дома; затѣмъ слѣдовали по старшинству ранга жены высшихъ сановниковъ и наконецъ, вся аристократія имперіи, сенаторы, проконсулы, патрикіи, всякіе чины; и каждый, склоняясь по очереди передъ царицей, приносилъ ей свои поздравленія и клалъ около постели какой-нибудь подарокъ для новорожденнаго.

Какъ видно, это отнюдь не нравы гарема, и въ виду такихъ обычаевъ, имѣется ли хоть какое-нибудь основаніе говорить о строгомъ затворничествѣ гинекея и неумолимой суровости византійскаго церемоніала?

IV.

Но жизнь византійской императрицы далеко не вся протекала въ узкихъ рамкахъ ея дворца. Даже церемоніаль отводилъ ей мѣсто въ общественной жизни и указывалъ ей на ряду съ василевсомъ ея роль въ официальныхъ торжествахъ и въ управленіи монархіей.

Извѣстно, какую важную роль въ жизни византійскаго императора играли придворныя церемоніи. Одно изъ любопытнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ произведеній этой далекой эпохи, одно изъ тѣхъ, которое лучше всего оживляетъ передъ нашими глазами все живописное своеобразіе этого исчезнувшаго общества, Книга о церемоніяхъ, составленная около половины X вѣка императоромъ Константиномъ VII, вся посвящена описанію процессій, празднествъ, аудіенцій, пировъ, налагаемыхъ въ видѣ обязанности на царя тяжелымъ и неумолимымъ этикетомъ. И хотя и тутъ, какъ въ столькихъ другихъ вещахъ, каса-

ющихся этой такъ мало извѣстной Византіи, впадаютъ въ довольно грубыя ошибки и сильно преувеличиваютъ кое въ чемъ тяжесть, возлагавшуюся церемоніаломъ на плечи царя — какой-нибудь Людовикъ святой или даже Людовикъ XIV навѣрно ходили въ церковь чаще, чѣмъ любой василевсъ—тѣмъ не менѣе несомнѣнно эти официальные торжества составляли не малую часть обязанностей императора. И царица постоянно раздѣляла ихъ съ нимъ. „Когда нѣтъ Августы, говорить одинъ византійскій историкъ, невозможно устраивать празднества, давать пиры, предписываемые этикетомъ“.

Такимъ образомъ, въ общественной жизни монархіи императрица имѣла свою роль, какъ бы свою долю царства. И понятно, что прежде всего императоръ предоставлялъ ей почти все, что относилось къ женской половинѣ дворца. Въ праздникъ Пасхи, въ то время, какъ въ храмѣ святой Софіи василевсъ принималъ высшихъ чиновъ имперіи, приходившіе въ воспоминаніе о воскресшемъ Христѣ почтительно дать ему цѣлованіе мира, на хорахъ великой церкви, спеціально предназначенныхъ для женщинъ, императрица, сидя на тронѣ, окруженная своими камергерами и придворной стражей, съ своей стороны, принимала съ соблюденіемъ того же іерархическаго порядка, въ какомъ проходили передъ императоромъ ихъ мужья, женъ высшихъ сановниковъ, всѣхъ, которымъ должности мужей давали доступъ ко двору; и всѣ, одѣтыя въ парадные костюмы, съ прополомой на головѣ, сверкая шелкомъ, золотомъ и драгоценными камнями, подходили по очереди и цѣловали Августу.

Наступали новыя торжества и опять у императрицы былъ тотъ же блестящій пріемъ женщинъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ во время праздника Брумалій, старый пережитокъ древняго языческаго праздника, — царица въ порфириновыхъ покаяхъ раздавала придворнымъ дамамъ дорогія шелковыя ткани, а вечеромъ въ большихъ парадныхъ залахъ приглашала ихъ на пышныя празднества, во время которыхъ пѣвчіе святой Софіи и храма св. Апостоловъ въ поэмахъ, сложенныхъ въ ея честь, прославляли Августу; придворные актеры и шуты забавляли общество своими интермедіями, а представители партіи цирка и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ сановниковъ исполняли во время десерта передъ царицей и ея гостями медленный, торжественный танецъ съ факелами. Точно также, когда византійскій дворецъ посѣщали иностранныя принцессы, императрица опять-таки помогала императору въ пріемѣ ихъ. Подобно василевсу и она давала имъ аудіенцію; она приглашала ихъ къ обѣду вмѣстѣ съ дамами ихъ свиты; она осыпала ихъ подарками и любезностями. Этимъ она до известной степени участвовала въ иностранной политикѣ своей страны, и отъ ея милостиваго пріема часто зависѣлъ успѣхъ государственной дипломатіи.

Но церемоніаль не ограничивалъ одними пріемами женщинъ официальную роль царицы. Часто она еще болѣе прямымъ образомъ помогала своему царственному супругу. Въ Вербное воскресенье она принимала вмѣстѣ съ нимъ. На придворныхъ обѣдахъ она садилась за столъ вмѣстѣ съ нимъ, съ сенаторами и сановниками,

удостоившимися чести быть приглашенными къ царскому столу. Получая, наконецъ, по этикету, свою долю обычныхъ привѣтствій, которыми народъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчать царей, иногда даже воспѣваемая въ специально для нея сложенныхъ поэмахъ, она не боялась показываться публично вмѣстѣ съ императоромъ. На Ипподромѣ, въ дни большихъ бѣговъ, передъ Священнымъ Дворцомъ, когда происходили нѣкоторыя политическія церемоніи большой важности, толпа протяжно возглашала слѣдующія слова: „Боговѣнчанные цари, являйтесь съ Августами“, и еще: „Чета, покровительствуемая Богомъ, василевсъ и ты, слава порфиры, придите просвѣтить вашихъ рабовъ и порадовать сердца вашего народа“, и еще: „Явись, императрица ромеевъ“: все формулы, которыя не имѣли бы никакого смысла, еслибы царица не появлялась въ эти дни въ ложѣ цирка или на балконѣ дворца. Такъ мало было въ обычаѣ, чтобы императрица жила затворницей за стѣнами императорской резиденціи, что она зачастую появлялась публично и безъ сопровожденія императора. Такъ она идетъ безъ него въ торжественной процессіи въ святую Софію, безъ него вступаетъ въ столицу, отправляется къ нему на встрѣчу, когда онъ возвращается изъ похода. Дѣло въ томъ, — и это объясняетъ выдающуюся политическую роль, какую она такъ часто играла, — что византійская царица была больше, чѣмъ подруга и соправительница василевса. Съ того дня, что она всходила на престолъ Константина, она пріобрѣтала въ своемъ лицѣ всю полноту верховной власти.

V.

Обыкновенно, не политическія причины, какъ въ нашихъ современныхъ государствахъ, опредѣляли въ Византіи выборъ императоромъ жены. Царь находилъ невѣсту при помощи оригинальнаго и довольно страннаго приема.

Когда императрица Ирина захотѣла женить своего сына Константина, она разослала по всей имперіи гонцовъ съ тѣмъ, чтобы они разыскали и привезли въ столицу самыхъ красивыхъ дѣвушекъ имперіи. Желая ограничить ихъ выборъ и облегчить имъ задачу, царица опредѣлила возрастъ и ростъ, какіе должны были имѣть кандидатки въ василиссы, равно и величину ихъ обуви. Снабженные этими инструкціями посланные отправились въ путь, и вотъ въ дорогѣ они попали разъ вечеромъ въ одну Пафлагонскую деревню. Увидѣвъ издали большой прекрасный домъ, принадлежавшій, какъ казалось, богатому владѣльцу, они рѣшили переночевать въ немъ. Расчетъ ихъ оказался не вѣренъ: хозяинъ дома былъ святой, подававшій такую щедрую милостыню, что въ концѣ концовъ совершенно разорился. Тѣмъ не менѣе онъ оказалъ самый радушный приемъ посламъ императора и, позвавъ жену свою, сказалъ ей: „Сдѣлай намъ вкусный обѣдъ“. Жена, крайне смущенная, отвѣчала: „Какъ же мнѣ быть? ты такъ хорошо управлялъ домомъ, что въ птичникѣ не осталось ни одной птицы. — Ступай, возразилъ святой, разведи огонь, приготовь большую столовую, накрой старый столъ изъ слоновой кости: Богъ

позаботится о томъ, чтобъ у насъ было чѣмъ пообѣдать“. И Богъ, дѣйствительно, позаботился; когда же за десертомъ посланные, крайне довольные тѣмъ, какъ ихъ приняли, любезно стали спрашивать старика объ его семьѣ, оказалось, что у него, какъ разъ, было три внучки въ возрастѣ невѣстъ. „Именемъ боговѣнчаннаго императора, пусть онѣ покажутся! воскликнули тутъ послы, ибо василевсъ приказалъ, чтобы не осталось во всей римской имперіи ни одной дѣвушки, которой бы мы не видѣли“. Онѣ явились, и оказались прелестными, и именно одна изъ нихъ, Марія, имѣла требуемый возрастъ, желательную фигуру и величину обуви.

Восхищенные своей находкой гонцы увезли въ Константинополь всю семью. Тамъ собралась уже дюжина другихъ молодыхъ дѣвушекъ, все очень красивыхъ и по большей части происходившихъ изъ богатыхъ и благородныхъ семей. Поэтому красавицы эти отнеслись сначала къ вновь прибывшей съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и когда она, будучи далеко не глупой, сказала своимъ подругамъ: „Друзья мои, обѣщаемъ всѣ другъ другу слѣдующее: пусть та изъ насъ, которую Богъ изберетъ на царство, обязуется пристроить остальныхъ“, дочь одного стратега отвѣтила ей съ высокомеріемъ: „О, я изъ всѣхъ самая богатая, самая знатная и красивая; навѣрно, императоръ женится на мнѣ. Вы всѣ, бѣдныя дѣвушки неизвѣстнаго происхожденія, имѣющія за себя только красивую наружность, вы можете отложить всякое попеченіе“. Само собой разумѣется, что эта спесивая особа была наказана за свою спесь. Когда кандидатки предстали пе-

редь императрицей, передь ея сыномъ и первымъ министромъ, ей тотчасъ замѣтили: „Дѣвица, ты прекрасна, но не годишься въ жены императору“. Марія-же, напротивъ, сразу завоевала сердце юнаго царя, и онъ выбралъ ее.

Этотъ и другіе подобные анекдоты показываютъ намъ, къ какимъ способамъ обыкновенно прибѣгали, чтобы получить византійскую императрицу, а иногда, что случилось съ Юстиніаномъ и Теодорой, царь попросту влюблялся въ какую-нибудь прекрасную искательницу приключеній и дѣлалъ ее своей женой. Изъ этого видно, что василевсы не слишкомъ стояли за знатность рода, и всякая красивая женщина была всегда въ ихъ глазахъ достаточно приличной, чтобы стать императрицей. Но вѣрно и то, что торжественныя церемоніи, сопровождавшія коронаваніе и бракосочетаніе безусловно измѣняли будущую царицу, придавая ей совершенно новое достоинство, преображая самую простую еще на канунѣ дѣвушку въ существо сверхчеловѣческое, живое воплощеніе всемогущества и божественности.

Я не стану описывать подробно пышный церемоніаль, — всѣ эти византійскія торжества очень похожія одно на другое въ своемъ однообразномъ великолѣпіи, — во время котораго молодая женщина, введенная съ покрываломъ на лицѣ въ большую залу Августея, облачалась императоромъ въ пурпуровую хламиду, которую предварительно благословлялъ патріархъ, и короновалась василевсомъ брильянтовой короной съ жемчужными привѣсками; ни приѣма придворныхъ, происходившаго затѣмъ въ дворцовой

церкви святого Стефана, ни, наконецъ, самого бракосочетанія, когда патріархъ возлагалъ брачный вѣнецъ на головы супруговъ. Изъ этого сложнаго ритуала достаточно отмѣтить нѣкоторые символическіе акты, нѣкоторыя характерныя черты, ясно показывающія, какая высокая власть заключалась въ славномъ титулѣ византійской императрицы.

Прежде всего, слѣдующій фактъ: бракосочетаніе слѣдуетъ за коронованіемъ, а не предшествуетъ ему. Императрица пріобщается всемогуществу вовсе не потому, что она жена императора; вовсе не отъ супруга получаетъ она какъ бы отраженіе власти. Она облачается верховной властью актомъ, предшествующимъ бракосочетанію и независящимъ отъ него, и эта верховная власть, какой она облачается, подобно императору, какъ избранница самого Бога, вполне равна власти василевса. Это наглядно видно изъ того, что и народу не императоръ представляетъ новую императрицу. Когда черезъ возложеніе на нее короны она облеклась высшею властью, она идетъ не сопутствуемая императоромъ, а лишь въ сопровожденіи своихъ камергеровъ и женщинъ; медленно, межъ живыми стѣнами, образуемыми при ея прохожденіи охранной стражей, сенаторами, патрикіями, высшими сановниками, проходитъ она рядъ комнатъ во дворцѣ и поднимается на терассу, вокругъ которой, внизу, выстроились войска, высшія сословія государства и народъ. Въ роскошномъ царскомъ нарядѣ, сверкающемъ золотомъ, она показывается своимъ новымъ подданнымъ и торжественно признается ими. Предъ ней склоняются знамена, ве-

ликіе міра и чернь падають ниць, простершись во прахъ, вожди партій выкрикивають свои освященныя обычаемъ привѣтствія. Она же, въ строгой торжественности, съ двумя свѣчами въ рукахъ склоняется сперва передъ крестомъ, потомъ кланяется своему народу, и къ ней летитъ его единогласный крикъ: „Боже, спаси Августу!“

Еще другой фактъ: несомнѣнно, коронованіе царицы окружено бѣльшей таинственностью, чѣмъ коронованіе императора: оно происходитъ не подъ сводами святой Софіи, а внутри дворца. Но не надо думать, что это вслѣдствіе извѣстныхъ идей, будто бы порожденныхъ Византіей, „обрекавшихъ, какъ говорятъ, женщину на затворничество и плохо мирившихся съ присутствіемъ ея на слишкомъ публичныхъ торжествахъ“. Въ сущности, весь дворъ, мужчины и женщины, присутствуютъ при этомъ коронованіи; и когда потомъ, по окончаніи церемоніи, императоръ сходится съ императрицей въ церкви святого Стефана, тутъ не бывало, какъ это думаютъ иные, двухъ отдѣльныхъ приемовъ, одинъ для мужчинъ у василевса, другой для женщинъ у Августы. Сидя рядомъ на своихъ тронахъ оба, смотрятъ, какъ передъ ними, по очереди, проходятъ сначала всѣ мужчины, потомъ всѣ женщины, составляющіе дворъ; и всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, послѣ того какъ ихъ ввели, поддерживая подъ руки два силенціарія, падають ниць и цѣлуютъ колѣна императора и Августы.

Вотъ, наконецъ, еще одна послѣдняя черта. При выходѣ изъ храма св. Стефана, по окончаніи бракосочетанія, супруги въ сопровожденіи всего двора, мужчинъ и женщинъ, направляются

въ брачныя покои. При ихъ проходѣ народъ стоитъ стѣной и, привѣтствуя, обращается съ пожеланіями къ новой василиссѣ. „Добро пожаловать, Августы, избранная Богомъ! Добро пожаловать Августы, покровительствуемая Богомъ! Добро пожаловать, ты, облеченная въ порфиру! Добро пожаловать, ты, для всѣхъ желанная!“ И толпа допускалась въ самые брачныя покои, къ самой императорской золотой кровати, и тутъ еще разъ новобрачные должны были выслушать отъ нея привѣтствія и пожеланія счастья и согласія. Наконецъ, вечеромъ за свадебнымъ пиршествомъ самые важные придворные сановники, такъ называемые друзья императора, и самыя знатныя дамы обѣдали всѣ вмѣстѣ въ триклинѣ Девятнадцати аккумулятовъ, въ обществѣ монарховъ. И что въ особенности поражаетъ во всемъ этомъ церемоніалѣ, это—до какой степени мужчины и женщины бывають вмѣстѣ при этомъ дворѣ, по общему мнѣнію такомъ недоступно строгомъ, и какъ мало похожа на затворничество жизнь этой императрицы, которой самъ церемоніаль предписываетъ, какъ первый актъ ея высшей власти, являть свое лицо передъ всей собравшейся Византійей.

Конечно, надо остерегаться отъ преувеличеній. Относительно такихъ щекотливыхъ вопросовъ, естественно, что и этикетъ, и нравы мѣнялись съ теченіемъ времени. Какъ видно, въ концѣ IX и на протяженіи всего X вѣка, быть можетъ, подъ вліяніемъ мусульманскаго Востока нѣсколько болѣе строгій церемоніаль предписываетъ императрицѣ дѣйствительно замыкаться въ гинекеѣ, носить болѣе плотныя покрывала, не такъ охотно

приглашаетъ ее появляться на публичныхъ торжествахъ. Но между V и IX вѣкомъ нельзя замѣтить ничего подобнаго, и когда, начиная съ конца XI вѣка, Византія начала вступать въ сношенія съ Западомъ, все болѣе и болѣе непосредственныя, когда западныя принцессы стали вступать на тронъ Константина, строгость этикета, если таковая и существовала прежде, окончательно была поколеблена, и древній церемоніаль отошелъ въ область преданія.

Если кто хочетъ, наконецъ, полностью уяснить еще на послѣднемъ примѣрѣ права, какія законы и нравы давали византійской императрицѣ, вотъ еще одинъ фактъ чрезвычайно характерный. Когда въ 491 году умеръ императоръ Зенонъ, вдова его, императрица Аріадна, взявъ въ свои крѣпкія руки бразды правленія, изъ дворца отправилась въ циркъ въ сопровожденіи высшихъ придворныхъ и государственныхъ чиновъ и, стоя въ императорской ложѣ въ полномъ парадномъ одѣянніи, обратилась съ рѣчью къ собравшемуся на ипподромѣ народу. Она объявила ему, что по ея приказанію соберется сенатъ и высшіе сановники, чтобы подъ предсѣдательствомъ монархини и при содѣйствіи арміи назначить преемника покойному. И дѣйствительно, этотъ верховный государственный совѣтъ собрался во дворцѣ, но первымъ его дѣломъ было предоставить самой Аріаднѣ право выбрать новаго императора. Какъ ни поразителенъ можетъ показаться такой способъ дѣйствія, въ немъ отнюдь не слѣдуетъ усматривать чего-либо революціоннаго. Августа, законно облеченная со дня коронованія верховной властью, законно предъ-

являетъ ее во всей ея полнотѣ и передаетъ ее по своему усмотрѣнію. Привѣтствующій ее народъ формально признаетъ ея право. „Тебѣ, Аріадна Августа, кричитъ толпа, принадлежитъ верховная власть“; и министръ, составлявшій въ VI вѣкѣ церемоніаль, откуда заимствованъ этотъ рассказъ, особенно упираетъ на то, что вопросъ о престолонаслѣдіи становится чрезвычайно тревожнымъ, „когда, говоритъ онъ, нѣтъ Августы или императора, чтобъ произвести передачу власти“.

Вотъ почему при всякомъ дѣйстви, можемъ измѣнить правительство имперіи, при избраніи василевса или соправителя, царица всегда выступаетъ публично, появляясь на ипподромѣ, обращаясь къ народу съ рѣчью, энергичная и дѣйствующая, и никому и въ голову не приходитъ видѣть въ этомъ что-нибудь удивительное или оскорбительное. Хранительница власти, она по своему усмотрѣнію можетъ любого произвести въ императоры, управлять въ качествѣ регентши за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей или царствовать самой. Въ то время, какъ германскій Западъ съ негодованіемъ отнесся бы къ тому, чтобъ власть перешла къ женщинѣ, восточная Византія безъ сопротивленія признала царицу, которая въ официальныхъ актахъ съ гордостью называла себя: „Ирина, великій василевсъ и автократоръ римскій“.

Византійскія миниатюры сохранили намъ много портретовъ этихъ царицъ, жившихъ такъ давно. Физически онѣ представляютъ довольно различные типы, и дѣйствительно византійскіе императрицы были самага различнаго происхожденія и всевозможныхъ національностей Европы и Азіи,

Кавказа и Греціи, Константинополя и провинцій, Сиріи и Венгріи, Франціи и Германіи, вплоть до дикихъ племенъ Хазаріи или Болгаріи. Въ нравственномъ отношеніи онѣ представляютъ не менѣе глубокое различіе: „Среди этихъ Августъ, по удачному выраженію Рамбо, встрѣчались всѣ женскіе типы, какіе только можно себѣ представить: политическія дѣятельницы, какъ Теодора или Ирина Лѣинянка; женщины писательницы, какъ Евдокія или Анна Комнина; женщины легкаго поведенія, какъ Зоя порфирородная, другія сохранившія себя въ чистотѣ и предававшіяся благочестію, какъ сестра Зои Теодора; еще другія, занимавшіяся исключительно придумываніемъ всякихъ ароматическихъ смѣсей, утонченнѣйшихъ туалетовъ, изощреннѣйшихъ одеждъ и причесокъ, чтобъ революціонировать всю женскую половину Византіи; женщины, о которыхъ не говорили, и женщины, о которыхъ говорили слишкомъ много; женщины, растворявшія свои двери только монахамъ-мученикамъ и священникамъ-ревнителямъ; женщины, принимавшія фокусниковъ и гадалщиковъ, и женщины время отъ времени спускавшія въ окно своей спальни мѣшокъ съ зашитымъ въ него тѣломъ, неслышно поглощавшимся потомъ темными водами Босфора. Не слѣдуетъ поэтому, если кто хочетъ хорошенько познакомиться съ ними, обманываться ни однообразной пышностью ихъ царскаго облаченія, ни суровой видимостью церемоніала, якобы опредѣляющимъ ихъ образъ жизни. Души ихъ различны, и различна также роль, какую онѣ сыграли: съ этой стороны онѣ и представляютъ интересъ.

Въ исторіи исчезнувшаго общества не слѣдуетъ всего болѣе удѣлять вниманія военнымъ дѣйствіямъ, какъ бы живописны они ни были, ни дворцовымъ революціямъ или военнымъ бунтамъ, какую бы трагическую картину они ни представляли. Что надо постараться узнать, такъ какъ это гораздо поучительнѣе, это всѣ разнообразныя формы повседневной жизни, различные образы бытія и мышленія, нравы и обычаи, словомъ, цивилизацію народа. На все это жизнеописаніе византійской императрицы, быть можетъ, прольетъ для насъ отчасти новый свѣтъ; а если прибавить, что помимо этихъ нѣсколькихъ портретовъ царицъ мы настолько знакомы еще съ нѣкоторыми знатными византійскими дамами и женщинами средняго сословія, что можемъ обрисовать и ихъ, тогда, быть можетъ, согласятся, что, стараясь вставить въ подобающую имъ историческую рамку эти историческіе портреты и возстановить среду, въ которой онѣ жили, мы предприняли небезполезное дѣло. Эти изысканія, съ виду нѣсколько частнаго характера, приведутъ къ кое-какимъ выводамъ болѣе общимъ; византійское общество, такое отдаленное и мало извѣстное, предстанетъ передъ нами въ болѣе правдивыхъ и болѣе яркихъ картинахъ.

ГЛАВА II.

Аѳинаида.

I.

7 іюня 421 г. благочестивѣйшій императоръ Θεодосій, имѣвшій тогда около двадцати лѣтъ отъ роду, женился на молодой дѣвушкѣ, родомъ изъ Аѳинъ, гдѣ отецъ ея былъ преподавателемъ въ университетѣ. Рожденная въ языческой вѣрѣ, она, чтобы вступить на престолъ Константина, должна была перейти въ христіанство и въ то же время, въ самый день своего крещенія, обмѣнять свое хорошенькое имя Аѳинаиды на болѣе подходящее для императрицы и болѣе христіанское имя Евдокіи.

Какъ состоялось это довольно удивительное бракосочетаніе между маленькой неизвѣстной провинціалкой и всемогущимъ василевсомъ? Очень просто: это былъ бракъ по любви, романтическая исторія котораго любезно разсказана намъ византійскими лѣтописцами. Какъ только Θεодосій достигъ возмужалости, онъ задумалъ жениться. Онъ мучилъ свою старшую сестру Пульхерію, воспитавшую его и управлявшую отъ его имени имперіей, настоятельно прося ее найти ему жену. Ему было все равно, знатнаго она

рода или нѣтъ; все равно, богата или бѣдна; но онъ хотѣлъ, чтобъ она была красива совершенной красотой, такой, какой еще не видѣла Византія. И Пульхерія, чтобъ угодить своему юному брату, искала по всему восточному міру, но не находила желаннаго совершенства, а вмѣстѣ съ ней искалъ также Павлинъ, другъ дѣтства и повѣренный царя, какъ вдругъ одно неожиданное обстоятельство натолкнуло ихъ на желанную красавицу.

Одинъ преподаватель Аѳинскаго университета, Леонтій, имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь. Онъ былъ богатъ, но, умирая, завѣщаль, по довольно странному капризу, все свое состояніе своимъ сыновьямъ Валерію и Гезію. „Моей же дорогой дочери Аѳинаидѣ, писалъ онъ въ завѣщаніи, приказываю выдать сто золотыхъ. Ее отъ всѣхъ житейскихъ заботъ избавить счастливая случайность—можно бы перевести: удача—какой не выпадало на долю ни одной другой женщинѣ“. Напрасно умоляла Аѳинаида своихъ братьевъ дать ей ея долю изъ отцовскаго наслѣдства; ей пришлось покинуть родной домъ и отправиться искать пріюта у сестры матери, а та увезла ее въ Константинополь, гдѣ жила другая ея тетка, сестра Леонтія. Обѣ тетки посовѣтовали молодой дѣвушкѣ искать во дворѣ поддержки противъ ея братьевъ, и Августа Пульхерія дала ей аудіенцію. Аѳинаидѣ было двадцать лѣтъ. Поразительной красоты она обладала и удивительнымъ сложеніемъ, и довольно высокимъ ростомъ. Бѣлокурые вьющіеся волосы золотымъ ореоломъ обрамляли лицо, еще больше отѣняя свѣжесть и нѣжность ея кожи; взглядъ у нея былъ пре-

красный, глаза умные и живые, въ то же время скромно опускавшіеся; безукоризненной формы греческій носъ и граціозная, благородная поступь дополняли обаяніе молодой дѣвушки. При этомъ она еще умѣла хорошо говорить; свою просьбу она изложила въ совершенствѣ. Пульхерія пришла въ восторгъ, была сразу побѣждена. Она сдѣлала молодой дѣвушкѣ нѣсколько вопросовъ объ ея семьѣ и прошлой жизни, затѣмъ поспѣшила къ брату сообщить ему, какое чудное созданіе удалось ей открыть. Θεодосій взволнованный и уже влюбленный отъ одного описанія Аѳинаиды, сдѣланнаго его сестрой, сталъ умолять Августу немедленно показать ему юную чаровницу; спрятавшись съ другомъ своимъ Павлиномъ за драпировкой, онъ поджидаль, когда введутъ прекрасную просительницу. Она произвела на обоихъ молодыхъ людей чрезвычайно сильное впечатлѣніе; она очень понравилась Павлину, а императоръ ее полюбилъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, тщательно наставленная въ христіанской вѣрѣ патриархомъ Аттикомъ и омытая отъ грѣховъ язычества водою крещенія Аѳинаида-Евдокія стала императрицей византійской.

Насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности этотъ красивый разсказъ? На это не такъ легко отвѣтить. Лишь въ VI вѣкѣ появляются первыя черты этой романической исторіи, которыя еще болѣе разукрасила фантазія слѣдующихъ вѣковъ. Историки, современные молодой императрицѣ, совсѣмъ не знаютъ подробностей, мной только что приведенныхъ. Съ увѣренностью можно утверждать только, что новая царица была родомъ

изъ Аѣинъ, язычница, исключительно красивая и прекрасно образованная. Этого было довольно, чтобъ очаровать Θεодосіа, сильно желавшаго, кромѣ того, въ видахъ политическихъ, упрочить какъ можно скорѣе будущность династіи; а съ другой стороны понятно, что честолюбивая Пульхерія, державшая въ своихъ рукахъ власть и желавшая сохранить ее, охотно содѣйствовала браку, въ которомъ новобрачныя являлась обязанной ей всѣмъ. Она пожелала быть ея крестной матерью, затѣмъ матерью пріемной и такимъ образомъ могла разсчитывать, что въ Священномъ Дворцѣ ничто не измѣнится.

II.

Въ то время, какъ Аѣинаида-Евдокія стала по-другой Θεодосіа, императорскій дворець въ Византіи представлялъ довольно странный видъ. Семь лѣтъ въ немъ полновластно управляла молодая женщина: то была старшая сестра василевса Пульхерія, имѣвшая тогда двадцать два года отъ роду. Умная, энергичная и честолюбивая, это была, главнымъ образомъ, женщина преданная политикѣ. Съ раннихъ поръ, оставшись послѣ смерти Аркадія главой дома, она руководила воспитаніемъ несовершеннолѣтняго брата, и когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, въ 414 г., приняла титулъ Августы, освящавшій ея власть. Желая отдаться всецѣло своему дѣлу, опасаясь, быть можетъ, также, чтобы не пришлось раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свою власть, она въ шестнадцать лѣтъ дала обѣтъ безбрачія и въ память этого обѣщанія пожертвовала храму

Святой Софіи золотой столъ, украшенный драгоценными камнями. Очень благочестивая, она завела при дворѣ новые обычаи и превратила дворецъ въ настоящій монастырь. Подъ вліяніемъ патріарха Аттика обѣ сестры Пульхеріи, Аркадія и Марина, также дали, по примѣру ея, обѣтъ безбрачія. Окружающіе благочестивыхъ царевенъ старались поддѣлаться подъ ихъ тонъ и образецъ, и вотъ въ императорскомъ жилищѣ съ утра и до ночи раздавалось пѣнье священныхъ пѣсенъ, и всѣ предавались благочестивымъ упражненіямъ. вмѣсто блеска церемоній и великолѣпія парадныхъ костюмовъ, вмѣсто радостныхъ кликовъ привѣтствій и церемоніальнаго марша, слышалось только однотонное псалмопѣніе, чтеніе молитвъ, видны были только темныя одѣянія священниковъ и монаховъ. Очищенный отъ развращенныхъ придворныхъ, безчестившихъ его, руководимый во всѣхъ дѣлахъ своихъ совѣтами мудрыми и святыми, дворецъ, казалось, былъ отмѣченъ совсѣмъ новой печатью. Пренебрегая роскошью, туалетомъ и бездѣльемъ, свойственными ихъ положенію, царевны занимались рукодѣльемъ, пряли и вышивали для бѣдныхъ, предавались исключительно благотворительности, раздавали милостыню.*

Пульхерія строила церкви, одѣляла щедро больницы и пріюты; сестры ея подражали ей. И въ обширныхъ покояхъ Священнаго Дворца, нѣкогда кишѣвшихъ интригами, вѣяло теперь отовсюду благочестіемъ, милостью, отреченьемъ отъ міра.

Таковъ былъ духъ, въ которомъ Пульхерія воспитала юнаго Θεодосія. Очень просвѣщенная

сама—она знала по гречески и по латыни, а это одно уже составляло рѣдкое явленіе въ тѣ времена—она окружила его превосходными учителями и самыми отборными товарищами. И царевичъ воспользовался хорошими уроками, преподаваемыми ему. Дѣйствительно, это былъ очень просвѣщенный молодой человѣкъ. Онъ зналъ языки греческій и латинскій, астрономію, математику, естественную исторію и еще многое другое; онъ рисовалъ и писалъ красками и любилъ иллюстрировать прекрасными миниатюрами имѣвшіяся у него рукописи. Онъ также любилъ читать и составилъ себѣ обширную библіотеку; вечеромъ онъ работалъ до поздней ночи при свѣтѣ лампы, модель которой онъ самъ изобрѣлъ. За все это онъ заслужилъ прозваніе, данное ему исторіей: Θεодосій „Калиграфъ“. Но еще больше заботилась Пульхерія о нравственномъ воспитаніи своего брата. Онъ былъ очень благочестивъ, охотно пѣлъ съ сестрами гимны, правильно постился два дня въ недѣлю и любилъ вступать въ споры съ богословами. Наконецъ, Пульхерія сама давала ему уроки наружной выправки, она учила его, какъ долженъ императоръ носить свой костюмъ, какъ онъ долженъ принимать, когда приличествуетъ улыбаться и когда имѣть видъ строгій и важный; словомъ, всѣмъ тонкостямъ, налагаемымъ на императора церемоніаломъ. Такимъ образомъ, ко времени своей женитьбы Θεодосій былъ красивый молодой человѣкъ средняго роста, бѣлокурый, съ черными глазами, очень хорошо воспитанный, очень вѣжливый, кроткій, человѣколюбивый, любезный, немного скупной, немного педантъ. Изъ физи-

ческихъ упражненій онъ любилъ только охоту; не обладая большимъ нравственнымъ мужествомъ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ войнѣ и сраженіямъ. Домосѣдъ, онъ любилъ проводить время у себя во дворцѣ; слабохарактерный, онъ легко поддавалъ подъ всякое вліяніе. Словомъ, онъ былъ императоръ добросовѣстный, но посредственный, хорошій, можетъ быть, для мирнаго времени и совершенно непригодный для смутнаго, въ какое онъ жилъ.

Какая же участь ожидала Аѳинаиду, очутившуюся между такой властолюбивой невѣсткой, какъ Пульхерія, и такимъ благодѣтельнымъ челоувѣкомъ, какимъ былъ ея мужъ? Она вѣдь тоже — не надо этого забывать — была женщина ученая. Въ то время, какъ она родилась, родина ея, Аѳины, все еще продолжали быть большимъ университетскимъ городомъ эллинскаго Востока, самымъ прекраснымъ музеемъ древней Греціи, послѣднимъ убѣжищемъ языческой науки. Сама дочь преподавателя, молодая дѣвушка получила, конечно, наилучшее воспитаніе. Отецъ ея преподавалъ риторику; онъ познакомилъ ее съ шедеврами древней литературы, съ Гомеромъ и трагиками, съ Лисіемъ и Демосѳеномъ; согласно требованіямъ школы, онъ научилъ ее блестяще импровизировать на заданныя темы, слагать звучные стихи, изящно говорить. Съ другой стороны, она была посвящена въ тайны философіи новоплатониковъ, самые знаменитые представители которыхъ нашли пріютъ въ Аѳинахъ; она знала также астрономію и геометрію, и во всемъ она достигала одинаковаго совершенства. Пульхеріи она прежде всего понравилась своимъ

умомъ и умѣньемъ говорить, и надо думать, что она прельстила Θεодосія столько же своей ученостью, сколько красотой.

Аѳинаида получила чисто языческое воспитаніе, и тотъ поверхностный лоскъ христіанства, которымъ патріархъ украсилъ душу вновь обращенной, конечно, не могъ заставить ее забыть то, чему научили ее въ юности. Поэтому, въ кругахъ оставшихся вѣрными древнимъ понятіямъ, женитьба императора на юной аѳинянкѣ могла казаться побѣдой язычества, во всякомъ случаѣ залогомъ терпимости. И дѣйствительно, императрица оставалась сначала тѣмъ, чѣмъ была дочь Леонтія.

Точно также, несмотря на свое званіе христіанской столицы, въ Константинополѣ V вѣка живы были въ сильнѣйшей степени воспоминанія языческія. Украшенный Константиномъ и его пріемниками самыми удивительными остатками древнихъ святилищъ, онъ являлъ на своихъ площадяхъ и во дворцахъ самые знаменитые шедевры греческой скульптуры, и въ этомъ несравненномъ музеѣ поверженные боги, казалось, все хранили въ себѣ свое бывшее обаяніе, свою былую славу. При дворѣ, несмотря на преобладающій духъ благочестія и ханжества, во многихъ церемоніяхъ, во многихъ празднествахъ живы были воспоминанія языческихъ традицій; и хотя благочестивые люди считали за большой грѣхъ общаться съ граціями и музами, поэзія не была изгнана изъ императорскаго дворца. Евдокія любила стихи; она охотно ихъ слагала; въ окружавшемъ ее обществѣ она нашла людей, раздѣлявшихъ и поощ-

рѣвшихъ ея вкусы. Однимъ изъ первыхъ ея дѣлъ, сейчасъ же послѣ свадьбы, было сочинить стихи, героическую поэму на войну съ Персіей, только что счастливо оконченную. Она не могла лучше придумать, чтобъ понравиться Θεодосію и окончательно завоевать любовь своего просвѣщеннаго супруга. Когда въ концѣ 422 г. она, сверхъ того, родила ему дочь, авторитетъ ея отъ этого еще поднялся: 2 января 423 г. василевсъ преподнесъ ей, въ видѣ новогодняго подарка, титулъ Августы, дѣлавшей ее официально равной Пульхеріи. И внутри императорской семьи вліяніе молодой женщины на своего слабого мужа значительно возросло.

Очень вѣроятно, что ея совѣты имѣли нѣкоторое значеніе при основаніи Константинопольскаго университета, открытаго въ 425 г.; очень любопытно, что въ немъ первенствующее мѣсто отведено было греческой культурѣ. Въ то время, какъ для обученія латинскому языку и литературѣ было назначено тринадцать преподавателей, для языка греческаго и эллинской литературы назначили пятнадцать; создана была кафедра философіи, и самые знаменитые люди того времени, изъ нихъ нѣкоторые только что перешли въ христіанство, — были призваны занять должности въ новомъ университетѣ. Тѣмъ не менѣе, небезполезно замѣтить, что если это основаніе университета и почтеніе выказанное ученымъ и характерны для вкусовъ того времени, все же новое учрежденіе въ его цѣломъ, а также, въ частности, тѣмъ подчиненнымъ мѣстомъ, какое было отведено въ немъ для философіи, носило характеръ скорѣе христіанскій и предназначалось, по мысли

его учредителей, конкурировать отчасти съ слишкомъ языческимъ университетомъ аѳинскимъ. И это проливаетъ достаточно яркій свѣтъ на ту эволюцію, какая медленно совершалась въ душѣ императрицы Евдокии.

Живя при благочестивомъ дворѣ, она незамѣтно воспринимала вліяніе окружавшей ее набожной среды. Ея замужество могло показаться побѣдой язычества; въ дѣйствительности, она ничего не сдѣлала для своихъ единовѣрцевъ, и въ 424 г. императоръ Θεодосій, возобновляя указы, запрещавшіе культъ ложныхъ боговъ, торжественно заявилъ, „что, какъ онъ думалъ, больше не оставалось ни одного язычника“. Этого мало: какъ истая византійка, Евдокія все больше пристращалась къ богословскимъ спорамъ. Когда въ 428 г. Несторій, патріархъ Константинопольскій, началъ распространять ересь, получившую отъ него свое имя, когда честолюбивый Кириллъ, патріархъ Александрійскій, не столько радѣя о православіи, сколько изъ зависти къ сопернику, далъ возгорѣться страшному спору въ восточной церкви, Евдокія стала на сторону своего мужа, чтобы поддержать патріарха столицы противъ его недруговъ и воспрепятствовать мятежному преемнику Аѳанасія, желавшему захватить для своей церкви первенство надъ всѣми другими патріаршими престолами. Но этотъ эпизодъ освѣщаетъ съ любопытной стороны характеръ Аѳинаиды Евдокии не только по той долѣ участія, какое, какъ мы видимъ, она принимала въ религіозныхъ спорахъ; онъ намъ показываетъ еще нѣчто другое, — увеличивающееся вліяніе молодой женщины и

возрастающее несогласіе между ней и Пульхеріей.

Женивъ своего брата, властолюбивая Августа не рассчитывала отказываться отъ власти, какую предоставлялъ ей Θεодосій. Но, какъ бы то ни было, рядомъ съ ней постепенно всходила на горизонтъ звѣзда Евдокіи. Она свѣтилась подлѣ царя, его родныхъ и друзей; Евдокія покровительствовала Павлину, *magister'у officiorum*, и египтянину Киру изъ Панополиса, любившему, подобно ей, литературу и писавшему стихи; у нея были свои льстецы, своя партія при дворѣ, и ужъ она дерзала противодѣйствовать своей невѣсткѣ. Отголоски этихъ скрытыхъ несогласій начинали чувствоваться за стѣнами дворца, и болѣе ловкіе пользовались ими, направляя одну женщину противъ другой. Въ особенности къ этому прибѣгалъ всегда Кирилль въ свой борьбѣ противъ Несторія; съ одной стороны, онъ писалъ императору и его женѣ, съ другой, обращался къ Августѣ Пульхеріи, зная, что она относится враждебно къ его сопернику и рассчитывая на ея вліяніе относительно слабовольнаго василевса. И хотя Θεодосій въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ порицалъ недостойность такого поведенія—„Ты могъ думать, писалъ онъ патріарху, что мы были въ несогласіи; я, жена моя и моя сестра, или ты надѣялся, что письма твоего святѣйшества посѣютъ между нами раздоръ“,—дальнѣйшее показало, несмотря на этотъ провалъ, что Кирилль вѣрно видѣлъ вещи. Θεодосій, созвавъ соборъ въ Ефесѣ, съ твердымъ намѣреніемъ поддержать Несторія, въ концѣ концовъ внялъ внушеніямъ Кирилла, на-

стояніямъ столичныхъ монаховъ, навѣтамъ высшихъ сановниковъ, которыхъ патріархъ Александрійскій склонилъ на свою сторону, въ особенности совѣтамъ Пульхеріи. Собраніе 431 г. отмѣтило побѣду Александрійцевъ и торжество властолюбивой Августы. Для Евдокіи же это былъ серьезный ударъ: позднѣе она еще болѣе жестокимъ образомъ должна была поплатиться за послѣдствія этихъ придворныхъ несогласій и за свою попытку борьбы за вліяніе.

III.

Это смѣшеніе въ одной душѣ завѣтовъ язычества и христіанскихъ заботъ, что составляетъ характерную черту личности Аѳинаиды-Евдокіи, ярко сказалось въ путешествіи, приведшемъ императрицу въ 438 г. въ Іерусалимъ.

Въ 423 г. Константинопольскій дворъ принималъ важныхъ гостей. Сестра Гонорія, тетка Θεодосія II, знаменитая Галла Плацидія, принужденная покинуть Равеннскій дворецъ, явилась съ дочерью своей Гоноріей и юнымъ сыномъ Валентиніаномъ просить пріюта въ Византіи. Существовалъ проэктъ брака между императорскими дѣтьми, только что родившейся тогда Евдокіей и пятилѣтнимъ Цезаремъ, ставшимъ въ это самое время, по смерти Гонорія, наслѣдникомъ Западной имперіи; и Θεодосій II прилагалъ всяческое стараніе, чтобъ заставить признать въ Италіи, подъ опекунствомъ Галлы Плацидіи, власть своего будущаго зятя. Четырнадцать лѣтъ спустя, этотъ съ давнихъ поръ лелѣемый проэктъ сталъ дѣйствительностью. Аѳинаида-Евдокія всег-

да горячо желала этого союза, долженствовавшего возвести ея дочь на славный тронъ Западно-римской имперіи, и она дала обѣтъ, если желанный бракъ состоится, совершить, какъ нѣкогда святая Елена, паломничество въ Іерусалимъ, чтобъ возблагодарить Бога на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Его божественный Сынъ умеръ за людей. Надѣясь, быть можетъ, также, что такимъ путемъ облегчится горе, причиненное разлукой съ любимой дочерью, императрица въ 438 году собралась въ дорогу и отправилась въ Святой городъ.

Прежде всего путь ея лежалъ на Антиохію. Въ этомъ городѣ, полномъ еще традицій и памятниковъ античной культуры, въ душѣ императрицы проснулись всѣ языческія воспоминанія минувшей юности. Когда, сидя во дворцѣ сената на золотомъ тронѣ, сверкающемъ драгоцѣнными камнями, она принимала чиновниковъ и знатныхъ горожанъ, ей, уроженкѣ Лейны, вдругъ вспомнились уроки отца, и она произнесла блестящую рѣчь въ честь принявшаго ее города и, напомнивъ о далекихъ временахъ, когда греческія колоніи разносили по всему Архипелагу и вплоть до береговъ Сиріи эллинскую цивилизацію, она закончила свою импровизацію цитатой изъ Гомера: „Горжусь, что я вашего рода, и что во мнѣ ваша кровь“. Жители Антиохіи были люди слишкомъ культурные, слишкомъ большіе цѣнители литературы, чтобъ не привѣтствовать съ чрезвычайной восторженностью царицу, придерживавшуюся чисто эллинскихъ традицій. И, какъ въ славные дни древней Греціи муниципальный сенатъ вотировалъ въ честь ея золотую

статую, поставленную въ куріи, а на бронзовой плитѣ, помѣщенной въ музеѣ, была вырѣзана надпись въ воспоминаніе о посѣщеніи Евдокіи.

Съ этой картиной въ чисто античномъ духѣ, пребываніе ея въ Іерусалимѣ представляетъ разительный контрастъ. Это былъ городъ исключительно христіанскій, полный благочестивыми воспоминаніями о Спасителѣ, населенный монахами и инокинями, покрытый церквами, монастырями, воздвигнутыми на всѣхъ мѣстахъ освященныхъ прохожденіемъ по нимъ или пребываніемъ въ нихъ Спасителя. Евдокія оставалась въ немъ цѣлый годъ, занимаясь благочестивыми упражненіями и дѣлами благотворительности, посѣщая святыя мѣста, присутствуя при освященіи церквей, одѣляя щедрыми дарами наиболѣе чтимыя святыни. Въ обмѣнъ за это она получила драгоцѣнныя мощи, часть костей святого Стефана и цѣпи, которыя нѣкогда носилъ апостоль Петръ. Благоговѣйно привезла она изъ Іерусалима эти остатки въ Константинополь и торжественно положила ихъ въ евктирій (маленькую церковь) святого Лаврентія. Часть изъ нихъ была взята ею въ расчетъ все на ту же любимую дочь, мысль о которой, внушивъ ей это путешествіе, сопровождала ее во все время пути. Половина цѣпей святого Петра была отправлена въ Римъ молодой императрицѣ Евдокіи, и для ихъ храненія была выстроена церковь С. Піетро in Vincoli.

Лейнаидѣ-Евдокіи пришлось черезъ нѣсколько лѣтъ снова попасть въ святой городъ Іерусалимъ, и на этотъ разъ она оставалась въ немъ уже до конца дней своихъ.

Въ 439 г., въ моментъ возвращенія въ столицу, царица была на верху своей славы. Дочь ея была замужемъ за императоромъ; сама она проѣхала по всему востоку съ царскимъ великолѣпиемъ, вездѣ восторженно привѣтствуемая. Повидимому, она тогда рѣшила, что теперь ей подъ силу вступить въ еще болѣе открытую, чѣмъ раньше, борьбу съ своей прежней благодѣтельницей, ставшей ея соперницей, Августой Пульхеріей. Во всякомъ случаѣ, между 439 и 441 годами друзья ея, поскольку это извѣстно, съ каждымъ днемъ становятся вліятельнѣе при дворцѣ; префектура преторія Востока досталась ея любимцу Киру изъ Панополиса, ученому и поэту, благодаря своей чисто эллинской культурѣ бывшему всегда близкимъ царицѣ: такой человекъ не могъ нравиться Пульхеріи и партіи святошей, а потому для Евдокіи было личнымъ торжествомъ милостивое вниманіе къ нему Θεодосія, явившееся слѣдствіемъ ея вліянія. Ободренная этимъ успѣхомъ она осмѣлилась на большее. Въ это время въ Священномъ Дворцѣ евнухи имѣли большую власть надъ слабовольнымъ монархомъ. Евдокія стала за одно съ бывшимъ въ данную минуту любимцемъ Хрисафіемъ, чтобъ окончательно отстранить Пульхерію отъ дѣлъ; и казалось одно время, что это ей удалось. Августа должна была покинуть дворъ и удалиться въ свою частную резиденцію; но, отрекаясь, какъ будто, отъ власти, Пульхерія не отказывалась отъ борьбы. Ея православные друзья, встревоженные новымъ оборотомъ вещей, милостью оказанной политическимъ дѣятелямъ, духъ которыхъ казался имъ слишкомъ свободолобивымъ,

должны были скоро заставить Евдокію дорого поплатиться за ея мимолетную побѣду.

Исторія ея паденія не менѣе романична, чѣмъ исторія ея восшествія на престолъ. Павлинъ, *magister officiorum*, былъ большой любимецъ царя, съ которымъ игралъ вмѣстѣ будучи еще ребенкомъ, пользуясь полнымъ его довѣріемъ, равно и любимецъ императрицы, такъ какъ въ свое время приложилъ всѣ свои старанія, чтобъ устроился ея бракъ съ Θεодосіемъ. И его выбралъ василевсъ въ день свадьбы себѣ въ дружки; съ тѣхъ поръ милости такъ и сыпались на него; имѣя во всякое время свободный доступъ къ монархамъ, онъ сталъ близкимъ чело-вѣкомъ въ царской семьѣ, и вліяніе его было огромно во дворцѣ. Въ то же время Павлинъ былъ красивъ, изященъ, имѣлъ величавую осанку; говорятъ, что онъ въ прежнее время произвелъ впечатлѣніе даже на строгую Пульхерію. Противникамъ Аѳинаиды не трудно было извлечь изъ всего этого пользу для себя; страстная преданность, выказываемая Павлиномъ царицѣ, вполне искренняя дружба съ ея стороны стали въ ихъ рукахъ оружіемъ для возбужденія ревности Θεодосія и вызвали крайне плачевную катастрофу.

Однажды, рассказываетъ лѣтописецъ, императоръ собрался въ церковь; Павлинъ, ссылаясь на болѣзнь, извинился, что не можетъ принять участія въ торжественной процессіи. По дорогѣ одинъ нищій подалъ императору фригійское яблоко необыкновенной величины. Θεодосій купилъ его и, все еще сильно влюбленный въ жену, велѣлъ отнести его ей. Евдокія, въ свою очередь,

послала его Павлину, какъ дружескій подарокъ; Послѣдній не зная отъ кого императрица получила яблоко и думая, что такой подарокъ не можетъ не понравиться царю, распорядился отправить его Θεодосію. Монархъ, не мало удивленный, чуть только возвратился во дворець, велѣлъ позвать императрицу и безъ всякихъ предупрежденій спрашиваетъ ее: „Гдѣ яблоко, которое я велѣлъ послать тебѣ?“ — „Я его съѣла“, отвѣтила необдуманно Евдокія. Вѣчнымъ спасеніемъ Θεодосій закликаетъ жену сказать ему правду; послѣдняя продолжаетъ упорствовать. Тогда, вынувъ яблоко изъ-подъ своего плаща, василевсъ показываетъ его обманщицѣ. Послѣдовало бурное объясненіе. Взбѣшенный, мучимый ревностью, императоръ разстался съ женой; что касается Павлина, онъ впалъ въ полную немилость, былъ удаленъ отъ двора и сосланъ въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ вскорѣ затѣмъ былъ умерщвленъ по приказанію царя.

На сколько вѣрна дѣйствительности эта исторія? И на это очень трудно дать точный отвѣтъ. Самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ повѣствованій объ этомъ происшествіи относятся къ VI вѣку, современники же ничего намъ о немъ не повѣдали, а, можетъ, и ничего не знали. Сущность разсказа, повидимому, вѣрна дѣйствительности. Не потому, конечно, что Евдокія была виновата въ чемъ либо другомъ, кромѣ какъ только въ неосторожности; много позднѣе, лежа на смертномъ одрѣ, передъ тѣмъ какъ предстать передъ Богомъ, она клялась, что въ дѣлѣ съ Павлиномъ была совершенно невинна. Но случай, возбудившій такую бѣшеную ревность Тео-

досія, не замедлилъ повлечь за собою немилость монархини. Очень искусно враги ея воспользовались имъ противъ нея, чтобъ вновь подчинить своему вліянію императора. Вслѣдъ за Павлиномъ Евдокія увидѣла, какъ впалъ въ немилость другой ея другъ, префектъ Киръ. Тогда, чувствуя, что кредитъ ея палъ, почти совсѣмъ поссорившаяся съ мужемъ, устранившая отъ дѣлъ, видя, что ее подозрѣваютъ при собственномъ дворѣ, измученная при этомъ распространяемою на ея счетъ клеветою, справедливо возмущенная, наконецъ, отвратительнымъ убійствомъ Павлина, она попросила у Θεодосія позволенія удалиться въ Іерусалимъ. Императоръ охотно далъ свое согласіе, возможно даже, что онъ побудилъ ее принять такое рѣшеніе. Къ женщинѣ, нѣкогда столь любимой, онъ теперь ничего больше не чувствовалъ кромѣ ненависти, подозрительности, злобы. И онъ разстался легко и навсегда съ той, которую раньше такъ боготворилъ.

Приблизительно въ 442 г. возвратилась Евдокія въ святой городъ; тутъ прожила она восемнадцать долгихъ лѣтъ до самой своей смерти. Такой печальный, грустный конецъ существованія, повидимому, страннымъ образомъ повліялъ на измѣненіе характера царицы. Покидая Константинополь она надѣялась у гроба Господня найти миръ и забвеніе, но ненависть враговъ преслѣдовала ее вплоть до мѣста ея далекаго изгнанія, подозрѣнія мужа нарушали ея покой. Въ 444 г. два близкихъ ей человѣка, священникъ Северъ и діаконъ Іоаннъ, которыхъ она взяла съ собой изъ Византіи, и которые имѣли на нее большое вліяніе, были оговорены передъ императо-

ромъ, арестованы по его приказу и казнены. Оскорбленная императрица въ свою очередь кровью отомстила за кровь: Сатурнинъ, правитель Іерусалима, палъ подъ ударами подкупленныхъ ею убійць. Послѣ этого ея страстная душа стала искать иной пищи, чтобъ утолить свою потребность дѣйствовать и жить. Она бросилась въ дѣла благочестія, окружила себя аскетами и монахами, увлеклась одной изъ самыхъ мистическихъ формъ христіанской догматики. Маленькая язычница изъ Аѳинъ вся ушла въ ученіе монофизитовъ, руководимыхъ Діоскоромъ Александрийскимъ, восторжествовавшихъ на Ефесскомъ соборѣ (449 г.) и заставившихъ Θεодосія признать ихъ. Думала ли она, ставъ на ихъ сторону, отомстить, до извѣстной степени, императору, Пульхеріи, всей партіи, ставшей причиной ея несчастій? Возможно. Во всякомъ случаѣ она съ головой бросилась въ борьбу, въ пользу своихъ друзей обратила все остававшееся еще у нея вліяніе, всѣ богатства, какими владела. И даже тогда, когда Халкидонскій соборъ при содѣйствіи римскихъ легатовъ формально осудилъ въ 450 г. дорогую ей ересь, она продолжала упорствовать въ своемъ вѣрованіи, быть можетъ, счастливая тѣмъ, что оказываетъ еще сопротивленіе этой ненавистой ей Пульхеріи, которая теперь, послѣ смерти Θεодосія, занимала наряду съ царемъ-супругомъ тронъ, принадлежавшій раньше ей. Она горячо поддерживала еретиковъ въ ихъ противодѣйствіи, и эта василисса побуждала мятежниковъ бороться съ оружіемъ въ рукахъ противъ императорскихъ войскъ. Чтобъ вернуть Евдокію въ лоно право-

славія, потребовались настоятельныя просьбы ея дочери, зятя и мольбы самого папы Льва Великаго.

Въ концѣ концовъ она уступила уговорамъ римскаго первосвященника, и чтобъ заслужить „небесное царство“, какое онъ ей обѣщаль, она употребила все остававшееся у нея вліяніе, чтобъ умиротворить поднявшихся противъ своего епископа палестинскихъ монаховъ и привести къ халкидонской вѣрѣ раскаявшихся еретиковъ (453). Такимъ образомъ, каждый новый годъ приносилъ съ собою старой женщинѣ все новыя огорченія. Мужъ ея, Θεодосій, умеръ въ 450 г.; въ 455, сошла въ могилу ея невѣстка Пульхерія; въ ея положеніи императрицы, лишеной трона, не измѣнилось ничего. На Западѣ дочь ея, Евдокія, и внучки въ 455 г. во время разграбленія Рима попали въ руки вандаловъ, и одна изъ внучекъ должна была выйти замужъ за одного изъ сыновей Гензериха. На Востокѣ династію Θεодосія Великаго на византійскомъ престолѣ смѣнила новая династія. Всѣми забытая, Евдокія не существовала больше для міра. Она искала утѣшенія въ любимомъ ею святомъ городѣ, строя больницы, монастыри, церкви, возстановляя стѣны города, наконецъ, сочиняя стихи, послѣдній отголосокъ ея былыхъ ученыхъ вкусовъ. Она умерла приблизительно въ 460 г. и была погребена въ базиликѣ святого Стефана, сооруженной ею, и благодарный Іерусалимъ наименовалъ благочестивую царицу, столько для него сдѣлавшую, „новой Еленой“.

IV.

Странная была судьба этой Аѳинаиды-Евдокіи, рожденной въ Аѳинахъ отъ родителей язычниковъ, ставшей вслѣдствіе брака по любви византійской императрицей, умершей изгнанницей въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, какъ самая набожная и страстная христіанка, мистически настроенная. Именно эти противорѣчія ея романическаго и печальнаго существованія представляютъ для историка наибольшій интересъ. Поставленная на границѣ двухъ міровъ, на самомъ мѣстѣ столкновенія двухъ цивилизацій, соединяя въ лицѣ своемъ умирающія традиціи языческой культуры и ученіе торжествующаго христіанства, при этомъ достаточно умная и достаточно просвѣщенная, чтобъ понимать явно совершавшуюся эволюцію ея времени, она представляетъ собою любопытный и знаменательный примѣръ того, какъ въ этотъ ея вѣкъ могли уживаться въ одной и той же душѣ самыя противорѣчивыя идеи, самыя рѣзкія противоположности. Уже сама ея жизнь показала намъ сколько соединялось въ ней самага разнороднаго; ея литературныя произведенія показываютъ намъ это еще яснѣе.

Евдокія всегда любила поэзію. Во время своего могущества она, какъ намъ извѣстно, прославила въ героическихъ стихахъ побѣды, одержанныя надъ персами императорскими войсками, и возможно, что ея похвальное слово Антіохіи также было написано въ стихахъ. Въ послѣдніе годы жизни у нея возродился вкусъ къ такого рода литературнымъ упражненіямъ; но на этотъ

разъ вдохновительницей ея музы были исключительно религіозные мотивы. Она перевела героическими стихами мѣста изъ Ветхаго Завѣта, книги Моисея, Иисуса Навина, Судей, книгу Руѳи, и въ IX вѣкѣ еще патріархъ Фотій, хорошій знатокъ по части литературы, очень высоко ставилъ это произведеніе и находилъ его прямо замѣчательнымъ „для женщины и для императрицы“. Она перевела также пророчество Захаріи и Даниила и грамматикъ Цець, въ свою очередь, высоко цѣнилъ талантъ „золотой императрицы, очень премудрой дочери великаго Леонтія“. Она сочинила также Номегосентра или „Гомеровскіе кентоны“, въ которыхъ пыталась рассказать эпизоды изъ жизни Христа гомеровскими стихами искусно подобранными. Это, впрочемъ, былъ родъ сочиненій, крайне любимый въ ея время и прилагая тутъ свое стараніе она только продолжала, какъ сама въ томъ сознается, дѣло одного изъ своихъ современниковъ, епископа Патрикія. Тѣмъ не менѣе надо сознаться, хоть византійскіе критики послѣдующихъ временъ крайне хвалили это царское произведеніе, что оно довольно посредственное. По содержанію оно не представляетъ ничего оригинальнаго; что касается формы, что бы на этотъ счетъ ни думала Евдокія, похвалявшаяся къ тому же, что „облекла въ гармонію священныя повѣствованія“, она ничуть не выше: языкъ слабъ, стихосложеніе посредственное. Единственная, въ сущности, интересная и характерная сторона этого произведенія, это стараніе включить повѣсть жизни Спасителя въ рамки гомеровскаго размѣра рѣчи и языка и такимъ страннымъ образомъ соединить

языческое съ христіанскимъ. Поэтому не много пришлось бы сказать о литературной дѣятельности Аѳинаиды-Евдокии, не будь она авторомъ одного болѣе любопытнаго произведенія: это поэма въ трехъ пѣсняхъ о святомъ Кипріанѣ Антиохійскомъ, крайне цѣнимая Фотиємъ, и отъ которой до насъ дошло нѣсколько значительныхъ отрывковъ.

Кипріанъ Антиохійскій былъ, по преданію, знаменитый магъ. Однажды одинъ молодой язычникъ, по имени Аглаида, пришелъ къ нему, надѣясь на помощь его таинственной науки. Онъ любилъ одну христіанскую дѣвушку Юстину, но она отвергала его любовь; чтобъ побороть ея сопротивленіе, онъ не видѣлъ другого средства, какъ только прибѣгнуть къ помощи демона. Кипріанъ согласился, и чтобы восторжествовать надъ дѣвушкой, онъ пустилъ въ ходъ всю свою власть съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что скоро самъ влюбился въ сіяющую красоту Юстины. Всѣ усилія волшебника остались тщетны; вызванные имъ демоны бѣжали, чуть только дѣвушка сдѣлала знаменіе креста. Тогда, убѣжденный въ тщетъ своего преступнаго знанія, Кипріанъ рѣшаетъ сжечь свои волшебныя книги, раздаеть свое имущество бѣднымъ, принимаетъ христіанскую вѣру. Оставшійся не при чемъ влюбленный юноша дѣлаеть то же самое. И въ концѣ концовъ раскаявшійся магъ становится епископомъ Антиохійскимъ и вмѣстѣ съ Юстиной мужественно претерпѣваетъ мученическую смерть за свою вѣру.

Самая интересная часть поэмы — я только вкратцѣ указалъ ея содержаніе — это вторая пѣснь, заключающая исповѣданіе Кипріана. Го-

товясь отречься отъ своихъ заблужденій, мудрый язычникъ хочетъ публично рассказать свою жизнь, передъ лицомъ собравшагося народа открыть все, чему онъ научился при помощи волшебныхъ языческихъ знаній, обо всемъ преступномъ, что онъ совершилъ при проклятомъ содѣйствіи демоновъ, и какъ, наконецъ, когда свѣтъ истины озарилъ его душу, онъ обратился и покаялся. Въ этомъ длинномъ повѣствованіи Кипріанъ рассказываетъ, какъ онъ былъ посвященъ во всѣхъ святыхъ мѣстахъ язычества, въ Лейнахъ и въ Элевзинѣ, на Олимпѣ, гдѣ „невѣжественные смертные говорятъ, что живутъ ложные боги“, на Аргосѣ и во Фригіи, гдѣ обучаютъ искусству авгуровъ, въ Египтѣ и Халдеѣ, гдѣ обучаются тайнамъ астрологіи; въ сильныхъ выраженіяхъ онъ рассказалъ, какъ изучилъ „всѣ эти переходящія формы, ложное обличіе вѣчной мудрости“, какъ онъ питался этими древними и зловредными знаніями, разсѣиваемыми демонами по лицу земли на гибель людей. Благодаря ихъ проклятому искусству онъ дошелъ до того, что могъ вызывать самого князя лжи, и онъ „далъ ему власть надъ міромъ и приставилъ въ услуженіе ему сонмъ злыхъ духовъ“. Но этотъ описываемый Кипріаномъ сатана совсѣмъ не тотъ діаволь, какого представляли себѣ средніе вѣка; въ своемъ мрачномъ величіи онъ напоминаетъ скорѣй павшаго ангела, описаннаго впоследствии Мильтономъ въ его „Потерянномъ Раѣ“. „Его ликъ, говорится въ поэмѣ, горѣлъ какъ цвѣтокъ чистымъ золотомъ, и отсвѣтъ этого огня сіялъ въ блескъ его глазъ. На головѣ его была діадема, сверкавшая драгоцѣнными камнями. Ве-

ликолѣпны были его одежды. И земля содрогалась при малѣйшемъ его движеніи. Тѣснясь во-кругъ его трона стояли безчисленные сонмы стражи и онъ считалъ себя Богомъ, льстясь, что можетъ все, какъ Богъ и не боясь борьбы съ вѣчнымъ Владыкой“. Отецъ лжи, этотъ павшій Богъ, навожденіемъ мрака созидающій все, что можетъ погубить и обмануть человѣка, „города и дворцы, тѣнистые берега, густолиственные лѣса, родимый кровь отчаго дома, всѣ обманчивые образы, что видятся путнику въ ночи“, ложные призраки, которыми демоны прельщаютъ смертныхъ, ввергая ихъ тѣмъ въ погибель.

Затѣмъ слѣдуетъ повѣсть искушенія Юстины. На нее Кипріанъ напускаетъ всѣхъ демоновъ одного за другимъ, а также самого сатану: все бесполезно. Тогда, чтобъ побѣдить ее, магъ прибѣгаетъ къ помощи призраковъ оболъстителей; чтобъ облегчить себѣ доступъ къ ней, чтобъ вѣрнѣе искусить ее, онъ самъ превращается то въ молодую женщину, то въ прекрасную птицу съ сладкозвучнымъ голосомъ; самого Аглаиду онъ превращаетъ въ воробья, чтобы тотъ могъ летѣть къ возлюбленной. Но подъ спокойнымъ и чистымъ дѣвичьимъ взглядомъ ложная птица камнемъ падаетъ на землю. Тогда Кипріанъ прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ: на семью Юстины насылаются всевозможныя бѣдствія; чума свирѣпствуетъ въ ея родномъ городѣ; но ничто не можетъ поколебать твердость молодой дѣвушки. И, безсильный передъ всѣми этими неудачами, магъ начинаетъ сомнѣваться въ себѣ самомъ; онъ поноситъ сатану, хочетъ уничтожить договоръ, которымъ онъ связанъ съ царемъ тьмы

теперь и онъ, какъ Юстина, дѣлаетъ знаменіе христіанскаго креста, чтобъ огородиться отъ нападокъ нечистаго. Но сатана, полный издѣвательства, неумолимый, насмѣхается надъ своей жертвой, думающей спастись отъ него: „Христось не вырветъ тебя изъ моихъ рукъ, Христось не принимаетъ того, кто разъ послѣдовалъ за мной“. И несчастный, страшась грозящаго ему вѣчнаго проклятія, заканчиваетъ свою исповѣдь слѣдующими горестными словами, полными мольбы: „Я разсказалъ вамъ мою жизнь. Теперь вашъ чередъ сказать мнѣ, смогу ли я преклонить къ себѣ милость Христову, и услышитъ ли Онъ мою молитву?“

Во всѣхъ частяхъ этой поэмы встрѣчаются дѣйствительно красивыя, сильныя мѣста, и чувствуется также какія литературныя воспоминанія, какія сближенія вызываетъ и будить непосредственно это чтеніе. Кипріанъ и сатана развѣ это не Фаустъ и Мефистофель; а въ ослѣпительномъ и гордомъ демонѣ греческаго автора, въ надменныхъ словахъ, роняемыхъ имъ, есть нѣчто общее съ павшимъ ангеломъ изъ Потерянаго рая. Въ другихъ мѣстахъ воспоминается Божественная Комедія, тамъ, гдѣ Евдокія сильными красками описываетъ олицетворенные пороки, разсѣваемые злыми духами по всему міру: ложь и похоть, обманъ и ненависть, лицемеріе и непостоянство. И это безъ сомнѣнія не малая заслуга греческаго произведенія V вѣка,—вызывать въ памяти читателя образы Данте, Гете, Мильтона. Значить ли, что честь этого произведенія принадлежитъ всецѣло Аѳинаидѣ-Евдокиі? Никоимъ образомъ. И тутъ доля ея личнаго творчества не велика, и она ничего не создала

изъ всѣхъ этихъ чудесныхъ, плѣняющихъ насъ выдумокъ. Легенда о святомъ Кипріанѣ появляется еще въ IV вѣкѣ, вѣроятно въ Сиріи, и она настолько пользовалась успѣхомъ, что должна была существовать ея версія прозой и на греческомъ языкѣ. Эту то повѣсть императрица и переложила въ стихи, какъ она перекладывала въ стихи священныя книги и жизнеописаніе Спасителя, и красота взятаго ею содержанія ничего не говоритъ въ пользу ея таланта!

Но во всякомъ случаѣ ей принадлежитъ заслуга выбора, и вотъ съ какой стороны произведеніе ея становится чрезвычайно интереснымъ для желающаго ознакомиться съ ея душой. Легко понять, что приключеніе Кипріана Антіохійскаго должно было особенно плѣнить Лейнаиду-Евдокію: отчасти это ея собственная исторія. Какъ это было съ магомъ, такъ и ея родители хотѣли, чтобы она научилась всему, „что есть на землѣ, въ морѣ и воздухѣ“. Какъ и онъ, она была посвящена „въ мнимую мудрость грековъ“. Какъ и онъ, „она думала, что живетъ, когда на самомъ дѣлѣ была мертва“. Далѣе, подобно ему, она отвергла „нечестивую вѣру въ идоловъ“ и разбила „ложные кумиры боговъ“. И, наконецъ, подобно ему же, ставъ сама христіанкой и предавшись благочестію, она хотѣла наставлять „тѣхъ, кто еще услаждался нечестивыми кумирами“. Вотъ почему можно съ полнымъ основаніемъ думать, что въ поучительную исторію, рассказанную ею, она вложила и кое-что свое.

Можемъ ли мы признать, что эта искренность отмѣчена искрой геніальности? Опять нѣтъ. И тутъ, какъ въ другихъ вещахъ, единственно ей

принадлежащее—форма, посредственно. И тѣмъ не менѣе произведеніе это сохраняетъ весь свой интересъ для психологіи нашей героини. Съ того дня, какъ Аѳинаида стала христіанкой, новая вѣра очень быстро выжгла въ ея душѣ послѣдніе слѣды античной языческой красоты, всю прелесть ея юношескихъ воспоминаній. Аѳины, Элевсинъ, Аргось, всѣ эти святыя мѣста, гдѣ она проводила первые годы жизни, отнынѣ стали для нея лишь пріютами ложныхъ боговъ. Наука, которой она раньше питалась, показалась ей наводненіемъ демоновъ - обманщиковъ; прекрасныя легенды, въ дѣтствѣ баюкавшія ея, стали въ глазахъ ея лишь „пустыми розказнями старыхъ женщинъ“. „О, вы! прекрасные и чистые образы, истинные боги и истинныя богини, трепещите! писалъ Ренанъ въ знаменитомъ мѣстѣ своей книги объ ап. Павлѣ. Роковое слово произнесено: вы—идолы. Зablужденіе этого невзрачнаго іудея станетъ вашимъ смертнымъ приговоромъ“. Точно также торжествующее христіанство въ одинъ день преобразовало Аѳинаиду. Прежняя ученая молодая дѣвушка, философка язычница, стала лишь благочестивѣйшей императрицей Евдокіей; и когда пробуждались въ ея душѣ смутныя отголоски классической культуры, когда, оставаясь вѣрной своему эллинскому воспитанію, она свято хранила культъ гомеровской формы и память о Гомерѣ, быть можетъ, испытывала она, съ другой стороны, страхъ вновь поддаться обманчивымъ иллюзіямъ сатаны, если только, какъ доброй христіанкѣ, ей не представлялось, что, отдавая всѣ эти языческія чары на служеніе славѣ Божьей, она тѣмъ самымъ освящала ихъ.

ГЛАВА III.

Θеодора.

Приключенія Θеодоры, императрицы византійской, поднявшейся съ-подмостковъ ипподрома и затѣмъ сразу попавшей на тронъ цезарей, во всѣ времена возбуждали особенное любопытство и заставляли разыгрываться воображеніе. Еще при ея жизни ея необычайное счастье такъ поражало современниковъ, что константинопольскіе обыватели для объясненія его выдумывали самыя невѣроятныя исторіи, множество всякихъ сплетенъ, тщательно собранныхъ Прокопіемъ для потомства въ Тайной исторіи. Послѣ смерти, Θеодора стала еще больше достояніемъ легенды: люди Востока и Запада, сирійцы, византійцы и славяне изукрасили всевозможными романическими подробностями ея романическую судьбу; и благодаря этой шумной славѣ, изъ множества царицъ, занимавшихъ византійскій престолъ, одна Θеодора вплоть до нашихъ дней продолжаетъ пользоваться извѣстностью и почти популярностью *).

*) Подробности о жизни Θеодоры читатель найдетъ въ монографіи, напечатанной мной подъ заглавіемъ: Θео-

Но значить ли это, что мы знаемъ совершенно точно, какова была эта прославленная императрица, въ которой очень многіе видятъ только знаменитую искательницу приключеній? Я не вполне въ этомъ увѣренъ. До сихъ поръ большинство писателей, пытавшихся дать ея характеристику, пользовались главнымъ образомъ, чтобы не сказать исключительно, анекдотами, собранными Прокопіемъ. Я конечно не отрицаю извѣстной цѣнности этого документа и даже охотно допускаю, что изучая его внимательно, можно, лучше чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ, ознакомиться съ нѣкоторыми психологическими чертами Θεодоры временъ ея бурной молодости. Однако, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что существуетъ не одна Тайная исторія. Были найдены, въ особенности въ послѣдніе годы, другіе документы, довольно новые, позволяющіе нарисовать болѣе полный портретъ знаменитой царицы. Житія восточныхъ святыхъ, рассказанныя въ половинѣ VI вѣка однимъ изъ приближенныхъ императрицы, епископомъ Іоанномъ Ефесскимъ, неизданные отрывки большой Церковной исторіи, составленной тѣмъ же авторомъ, анонимная хроника, выдаваемая за сочиненіе Захаріи Митиленскаго, другія произведенія, тоже современныя, какъ-то: жизнеописанія патріарха Севера и Якова Барадея, апостола монофизитовъ, были изданы или переведены по сирійскимъ рукописямъ, пребыва-

дора, императрица византійская, Парижъ, 1904 г. Но мнѣ представилось, что читатель былъ бы удивленъ, еслибы въ этой галлерей византійскихъ царицъ не нашель хотя бы небольшого очерка объ этой знаменитой монархинѣ

вшимъ до того времени въ полномъ забвеніи, и они съ достаточно интересной стороны освѣщаютъ роль, какую играла Θеодора въ дѣлахъ религіозныхъ и политическихъ. Сюда можно прибавить и другихъ писателей, ставшихъ извѣстными раньше, но которыми пользуются довольно рѣдко, какъ на примѣръ, Іоаннъ Лидъ, или новые отрывки Малалы, не говоря уже объ императорскихъ новеллахъ, отбившихъ не у одного смѣльчака всякую охоту читать ихъ, несмотря на то, что въ нихъ много матеріала,— до того онѣ томительно многословны, и о самомъ Прокопіи, оставившемъ, къ счастью для насъ, не одну Тайную исторію, но еще и другія произведенія. И если внимательно прочесть всѣ эти источники, выясняются нѣкоторые факты, представляющіе историческія лица времени Юстиніана, въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ ихъ обыкновенно изображаютъ.

I.

Въ первые годы VI вѣка Θеодора, актриса и танцовщица, заставляла говорить о себѣ весь Константинополь.

Откуда она была родомъ, не вполне извѣстно. Иные изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ считаютъ, что родиной ея былъ Кипръ, знойный и страстный край Афродиты; другіе, съ большимъ вѣроятіемъ указываютъ, что родиной ея была Сирія. Какъ бы то ни было, она маленькимъ ребенкомъ была привезена родными въ Византію и выросла и воспиталась въ этой шумной и развращенной столицѣ имперіи.

Изъ какой семьи она происходила, также неизвѣстно. Изъ почтенія къ императорскому дому, до котораго она возвысилась, позднѣе сложилась легенда о ея знаменитомъ происхожденіи, или во всякомъ случаѣ почтенномъ, будто отецъ ея былъ сенаторомъ, очень уважаемымъ и благомыслящимъ. Въ дѣйствительности, она, повидимому, была болѣе скромнаго происхожденія. Отцомъ ея, если вѣрить Тайной исторіи, былъ бѣдный человекъ, по имени Акакій, по профессіи жокакъ медвѣдей въ циркѣ; мать ея была женщина не строгая, какъ это часто встрѣчается въ закулисномъ мірѣ театра и цирка. У этой артистической четы было три дочери: вторая, будущая императрица, родилась, вѣроятно, около 500 г.

Съ малолѣтства Θεодора была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ, котораго плѣняла потомъ, какъ актриса, раньше чѣмъ стала управлять имъ, какъ монархиня. Акакій умеръ, оставивъ вдову и трехъ дочерей въ бѣдственномъ положеніи. Чтобъ сохранить за собой должность покойнаго, единственный заработокъ семьи, мать не видѣла иного выхода, какъ сойтись съ другимъ мужчиной, который, ставъ преемникомъ по должности жока медвѣдей, принялъ бы на себя заботу и о его семьѣ, и о его животныхъ. Но чтобъ этотъ расчетъ удался, надо было согласіе Астерія, главы партіи Зеленыхъ, а Астерій былъ подкупленъ въ пользу другого кандидата. Чтобъ восторжествовать надъ противной стороной, мать Θεодоры рѣшила склонить въ свою пользу народъ и однажды, когда толпа собралась въ циркѣ, она появилась на аренѣ со

своими тремя дѣвочками, увѣнчанными цвѣтами и простирившими съ мольбой свои ручки къ народу. Зеленые только разсмѣялись надъ этой трогательной мольбой; къ счастью, другая партія цирка, партія Голубыхъ, всегда готовыхъ повредить своимъ противникамъ, успѣшила исполнить просьбу, отклоненную Зелеными, и предоставить семьѣ Акакія должность подобную той, какую она теряла. Никогда Теодора не могла забыть обидное равнодушіе, съ какимъ Зеленые отнеслись къ ея мольбѣ и съ этой минуты въ ребенкѣ становится замѣтной черта характера, такъ рѣзко выступающая въ женщинѣ, злопамятство и неутолимая жажда мести.

Такъ росла Теодора среди этихъ довольно двусмысленныхъ людей, цирковыхъ актеровъ и естественнымъ образомъ подготовилась къ своей будущей профессіи. Старшая ея сестра имѣла успѣхъ на сценѣ, Теодора пошла по ея слѣдамъ. Съ малолѣтства она сопровождала старшую сестру на подмостки, исполняя при ней роль маленькой прислужницы; всего чаще Теодора ходила съ ней на свѣтскія собранія и въ сутолокѣ переднихъ рано познакомилась съ грязными прикосновеніями и нескромными разговорами. Затѣмъ, въ свою очередь, и она появилась на сценѣ; но ей не хотѣлось, подобно многимъ другимъ, быть флейтщицей, пѣвицей или танцовщицей; она предпочитала принимать участіе въ живыхъ картинахъ, гдѣ она могла выставять безъ всякаго прикрытія свою красоту, которой гордилась, и въ пантомимахъ, гдѣ могли проявляться вполнѣ свободно ея веселость и живой комизмъ.

Дѣйствительно, она была хороша собой, нѣскольکو маленькаго роста, но чрезвычайно граціозная; а ея прелестное лицо, матовое, слегка блѣдное, озарялось большими, полными выраженія жизни и блеска глазами. Отъ этого всемогущаго очарованія сохранилось очень мало слѣдовъ на официальномъ портретѣ въ храмѣ святаго Виталія въ Равеннѣ. Подъ тяжелой императорской мантией станъ кажется выше, но менѣе гибкимъ; подъ діадемой, скрывающей лобъ, маленькое нѣжное лицо съ нѣскольکو какъ бы похудѣвшимъ оваломъ, большимъ прямымъ и тонкимъ носомъ выгладитъ торжественно, почти печально. Одна только черта сохранилась на этомъ увядшемъ лицѣ: подъ темной линіей сросшихся бровей прекрасные черные глаза, о которыхъ говоритъ Прокопій, все еще озаряютъ и какъ будто уничтожаютъ лицо.

Но Ееодора обладала и другими качествами помимо красоты. Она была смѣшлена, умна, забавна; въ ней былъ природный комизмъ, и она упражняла свое остроуміе надъ другими актрисами, съ которыми играла; веселый, игривый складъ ума ея неодолимо привязывалъ къ ней самыхъ вѣрныхъ ея обожателей. Она отнюдѣ не всегда была добра, и въ своихъ насмѣшкахъ не останавливалась передъ крѣпкими словами, разь что они вызывали смѣхъ; но когда она хотѣла нравиться, она умѣла проявлять силу очарованія, совершенно неотразимую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предприимчивая, смѣлая, дерзкая, она не ждала, чтобъ почести сыпались на нее, она сама добивалась и вызывала ихъ, хватаясь за нихъ съ веселой ликующей отвагой; и такъ какъ, наконецъ, у нея

мало было развито нравственное чувство, — но откуда бы, впрочемъ, и взятыя ему у ней, — и сверхъ всего остального она обладала исключительно страстнымъ темпераментомъ, она быстро добилась успѣха и не только на сценѣ. Въ профессіи, не требующей непременно добродѣтели, она развлекала, забавляла и скандализировала Константинополь. На сценѣ она рѣшалась на самыя нескромныя выходки и показывалась самымъ откровеннымъ образомъ. Въ городѣ она скоро прославилась безумной роскошью своихъ ужиновъ, смѣлостью рѣчей и множествомъ любовниковъ. Но тутъ въ особенности она скоро такъ скомпрометировала себя, что честные люди, встрѣчаясь съ нею на улицѣ, сторонились отъ нея, боясь запачкаться, прикоснувшись къ такому нечистому существу, и одинъ фактъ встрѣчи съ ней принимался уже за дурное предзнаменованіе. Ей не было тогда и двадцати лѣтъ.

Въ это время она вдругъ исчезла. У нея тогда былъ любовникъ, сиріецъ Экеволь, который былъ назначенъ правителемъ Пентаполя Африканскаго, и Θеодора рѣшила послѣдовать туда за нимъ. Къ несчастью, романъ длился не долго: самымъ грубымъ образомъ, неизвѣстно почему, Экеволь прогналъ Θеодору, и несчастная, безъ денегъ, нуждаясь въ самомъ необходимомъ, должна была нѣкоторое время скитаться по всему Востоку. Довольно долго пришлось ей тогда прожить въ Александріи, и это обстоятельство сыграло значительную роль въ ея жизни. Египетская столица не была на самомъ дѣлѣ только большимъ коммерческимъ городомъ, изящнымъ и богатымъ, легкомысленнымъ и развращеннымъ, избран-

нымъ мѣстомъ знаменитыхъ куртизанокъ. Начиная съ IV вѣка, она была также одной изъ столицъ христіанства. Нигдѣ религіозная борьба не велась съ такимъ ожесточеніемъ, богословскіе споры съ такимъ искусствомъ и съ такимъ жаромъ, нигдѣ фанатизмъ не принималъ такихъ размѣровъ; но нигдѣ также память о великихъ основателяхъ монастырской жизни не принесла такого пышнаго расцвѣта монастырей, мистиковъ и аскетовъ. Предмѣстья Александріи были наполнены монастырями, въ Ливійской пустынѣ скрывалось столько отшельниковъ, что она заслуживала названіе „пустыни святыхъ“.

Въ томъ бѣдственномъ состояніи, въ какомъ она тогда находилась, Θеодора испытала вліяніе среды, куда закинули ее обстоятельства. Она нашла доступъ къ нѣкоторымъ святымъ людямъ, какъ на примѣръ, къ патріарху Тимоѳею, Северу Антиохійскому, охотно обращавшимся съ своей проповѣдью къ женщинамъ, и можно спросить себя, не безъ основанія, не благодаря ли имъ кающаяся куртизанка возродилась, хотя бы на самое короткое время, для иной, болѣе христіанской и болѣе чистой жизни. Когда она возвратилась въ Константинополь, это была женщина болѣе положительная, зрѣлая, чувствовавшая усталость отъ скитальческой жизни и безумныхъ приключеній; она старалась, искренно ли, или нѣтъ, вести самую уединенную и цѣломудренную жизнь. Одно преданіе гласитъ, что она жила въ маленькомъ домикѣ, скромно и честно, занималась пряжей и охраняла домъ, какъ римскія матроны добраго стараго времени. Тутъ она и встрѣтилась съ Юстиніаномъ.

Какимъ образомъ удалось ей плѣнить и прочно къ себѣ привязать этого человѣка, уже не молодого,—ему было около сорока лѣтъ,—этого государственнаго дѣятеля, которому опасно было скомпрометировать свое положеніе и необходимо было охранять свое будущее? Неизвѣстно. Прокопій говоритъ о магіи и любовныхъ напиткахъ: это значить, по правдѣ сказать, слишкомъ усложнять вещи, совершенно забывать о гибкомъ, развязномъ умѣ, о непринужденной граціи, объ остроуміи, которыми Θеодора плѣнила столько любовниковъ, и въ особенности объ ея ясномъ и твердомъ умѣ, который долженъ былъ сильно дѣйствовать на нерѣшительную, слабую душу ея любовника. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она овладѣла царемъ всецѣло. Влюбленный безъ памяти, онъ исполнялъ всѣ требованія своей любовницы. Она любила деньги, — онъ снабжалъ ее сокровищами. Она жаждала почестей и уваженія,—онъ выхлопоталъ для нея у слабого императора, своего дяди, высокое достоинство патриціанки. Она была тщеславна, жаждала имѣть вліяніе, онъ руководился ея совѣтами, сдѣлался послушнымъ орудіемъ ея симпатій и ея мстительности. Скоро онъ дошелъ до того, что захотѣлъ жениться на ней во что бы то ни стало. Добрый императоръ Юстинъ, мало заботившійся о благородствѣ рода, повидимому, легко согласился на просьбу своего любимаго племянника. Но препятствіе встрѣтилось съ другой и совсѣмъ неожиданной стороны. Обладая простымъ здравымъ смысломъ крестьянки, императрица Евфимія была возмущена при мысли, что женщина, подобная Θеодорѣ, можетъ ей наслѣ-

довать; и несмотря на свою нѣжность къ племяннику, несмотря на всегдашнюю готовность исполнять его желанія, въ данномъ случаѣ она и слышать ничего не хотѣла. Къ счастью, Евфимія умерла какъ разъ во время, въ 523 г. Тогда все устроилось безъ труда. Законъ не позволялъ сенаторамъ и высшимъ сановникамъ жениться на женщинахъ рабскаго состоянія, служанкахъ гостиницъ, актрисахъ или куртизанкахъ: чтобъ сдѣлать удовольствіе Юстиніану, Юстинъ отмѣнилъ этотъ законъ. Онъ пошелъ дальше. Когда въ апрѣлѣ 527 г. онъ официально назначилъ племянника своимъ соправителемъ, Θеодора раздѣлила верховный почетъ и торжество своего мужа. Вмѣстѣ съ нимъ въ день Пасхи въ храмъ Святой Софіи, сверкающемъ безчисленными огнями свѣчей, она была торжественно коронована; затѣмъ, по обычаю царицъ византійскихъ, она отправилась на ипподромъ, чтобъ выслушать привѣтствіе народа, на тотъ самый ипподромъ, гдѣ состоялись ея первые дебюты. Мечты ея осуществились.

II.

Такова исторія Θеодоровой юности, по крайней мѣрѣ, такъ рассказалъ ее Прокопій; и въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ, съ того дня, что нашли рукопись Тайной Исторіи, къ этому довольно скандальному разсказу относились вообще съ довѣріемъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что его надо принимать полностью? Памфлетъ не есть еще исторія, и можно спросить себя съ полнымъ основаніемъ, сколько

правды .содержится въ этихъ удивительныхъ приключеніяхъ?

„Не выдумываютъ такихъ невѣроятныхъ вещей, сказала нѣкогда Гиббонъ, значитъ, это правда“. Въ послѣдніе же годы, напротивъ, нѣкоторые основательные историки не разъ отвергали авторитетность единственнаго свидѣтеля, какимъ является Прокопій, и можно было совершенно серьезно говорить о „легендѣ про Θεодору“. Не желая вновь вступать въ эти пререканія и признавая вполнѣ значеніе нѣкоторыхъ изъ сдѣланныхъ замѣчаній, мнѣ, тѣмъ не менѣе, думается, что было бы неосторожно черезчуръ обѣлять ту, которую Тайная Исторія такъ сильно очернила. Очень досадно, что Іоаннъ, епископъ Ефесскій, близко знавшій Θεодору, изъ уваженія къ великимъ міра сего, не сообщилъ намъ подробно всѣхъ оскорбительныхъ выраженій, которыми, по его же словамъ, поносили императрицу благочестивые монахи, люди, извѣстные своей грубой откровенностью. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что между современниками были и другіе, помимо Прокопія, находившіе возможнымъ осуждать ее, и что люди, близкіе къ императорскому двору, какъ напри- мѣръ, секретарь Прискъ, префектъ Іоаннъ Каппадокійскій знали за ней нѣкоторыя слабости, за которыя ее можно было порицать. Не знаю, вѣрно ли сообщеніе Прокопія, что она въ молодости родила сына и что это было для нея несчастнымъ обстоятельствомъ; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что у нея была дочь, но ни какъ не отъ Юстиніана, однако, судя по высокому положенію, какое приобрѣлъ себѣ при дворѣ

сынъ этой дочери,—его темное прошлое мало смущало какъ императрицу, такъ и императора. Наконецъ, нѣкоторыя психологическія черты Θεодоры, ея заботы о бѣдныхъ дѣвушкахъ, погибавшихъ въ столицѣ чаще отъ нужды, чѣмъ отъ порочности, мѣры, предпріятыя ею для ихъ спасенія и ихъ освобожденія „отъ ига ихъ постыднаго рабства“, по выраженію одного современника, а также нѣсколько презрительная жестокость, какую она всегда выказывала мужчинамъ, до извѣстной степени подтверждаетъ то, что передаютъ о ея молодости. И если признать все это, а отрицать этого нельзя, невозможно отвергать цѣликомъ все, что разсказано въ Тайной Исторіи?*)

Но можно ли повѣрить, вслѣдствіе этого, что приключенія Θεодоры производили тотъ страшный скандалъ, какой описываетъ Прокопій, что она была, дѣйствительно изъ ряда вонъ выходящей куртизанкой, какой онъ намъ ее представляетъ, настоящимъ демономъ зла, съ соизволенія дьявола безстыдно выставившимъ на показъ всему міру свое распутство? Не надо упускать изъ виду, что Прокопій любитъ представлять развращенность выводимыхъ имъ лицъ въ раз-

*) Слѣдуетъ прибавить, что въ одномъ мѣстѣ Житій восточныхъ святыхъ, къ сожалѣнію не достаточно ясно, Іоаннъ Ефесскій, знавшій хорошо императрицу, называлъ ее доволно грубо, но, повидимому, безъ упрека: „Θεοδώρα, публичная женщина“. Если переводъ словъ *ἐκ τοῦ πορνείου*, какими Ландъ передаетъ сирійскій текстъ, точенъ, то этотъ текстъ однимъ словомъ подтверждаетъ суть того, что такъ пространно разсказано Прокопіемъ.

мѣрахъ почти эпическихъ; и хотя, конечно, довольно затруднительно опредѣлить степень паденія Феодоры, я, съ своей стороны, былъ бы очень склоненъ видѣть въ ней—хотя бы это ее и умаляло,—героиню болѣе банальной исторіи; танцовщицѣ, которая вела себя такъ же, какъ во всѣ времена ведутъ себя женщины ея профессіи, надоѣли, наконецъ, мимолетныя связи и, найдя серьезнаго человѣка, который обезпечивалъ ей прочное положеніе, она стала вести порядочную жизнь въ бракѣ и благочестіи. Искательница приключеній, если хотите, но умная, осторожная, достаточно ловкая, чтобы умѣть прятать концы, и сумѣвшая, безъ особаго скандала, женить на себѣ самаго будущаго императора. Но не въ въ этомъ заключается самая важная ея сторона. Есть и другая Феодора, менѣе извѣстная, но гораздо болѣе интересная: великая императрица, занимавшая значительное мѣсто возлѣ Юстиніана, и часто игравшая въ дѣлахъ правленія рѣшающую роль, женщина ума выдающагося, рѣдкой сообразительности, энергичная, существо деспотическое и высокоумѣренное, неистовое и страстное, настолько сложное, что часто могла всякаго сбить съ толку, но всегда безконечно плѣнительная.

III.

Въ храмѣ Святого Виталія въ Равеннѣ, въ уединенной абсидѣ, гдѣ вспыхиваетъ огнемъ золотая мозаика, Феодора предстаетъ передъ нами во всемъ блескѣ своего величія. Облекающія ея одежды великолѣпія несравненнаго. Длинная,

покрывающая ее мантия изъ фіолетоваго пурпура внизу отливааетъ огнями въ мягкихъ складкахъ вышитой золотомъ каймы; на головѣ ея, окруженной нимбомъ, высокая діадема изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, волосы переплетены жемчужными нитями и нитями, усыпанными драгоцѣнными камнями, и такія же украшенія сверкающими струями ниспадають ей на плечи. Такой представляется она на этомъ официальномъ портретѣ взорамъ потомства, такой, при жизни, хотѣла она являться своимъ современникамъ. Рѣдко женщина выбившаяся изъ ничтожнаго положенія, такъ быстро усваивала всѣ требованія своего новаго высокаго положенія; рѣдко природная монархиня проявляла больше любви и склонности ко всякаго рода удовольствіямъ роскоши и мелкимъ удовлетвореніямъ тщеславія, встрѣчающимся при отправленіи верховной власти. Типичная женщина, всегда изящная и желающая нравиться, она потребовала пышныхъ покоевъ, великолѣпныхъ одеждъ, чудесныхъ драгоцѣнностей, стола, накрытаго всегда съ тонкимъ изысканнымъ вкусомъ. О красотѣ своей она постоянно заботилась съ большимъ тщаніемъ. Чтобы лицо ея никогда не выглядывало блѣклымъ, усталымъ, она увеличивала время сна, постоянно ложась отдыхать днемъ; чтобъ сохранить блестящій цвѣтъ лица, она часто принимала ванны, послѣ которыхъ отдыхала часами. Она отлично понимала, что ея очаровательная внѣшность составляетъ главную силу ея вліянія.

Она еще больше дорожила наружнымъ аппаратомъ власти. Ей нуженъ былъ дворъ, штатъ

прислужницъ, охранная стража, свита; какъ настоящая выскочка, она обожала и усложняла и безъ того сложный церемоніаль. Чтобъ понравиться ей, надо было усердствовать въ оказаніи ей почести, падать передъ ней ницъ, каждый день въ часы аудіенцій подолгу простаивать въ ея прихожей. Отъ своего пребыванія въ театрѣ она сохранила вкусъ и знаніе декоративной обстановки; но въ особенности, при своемъ тщеславіи, она любила подчеркивать свой санъ и далекое разстояніе, отдѣляющее отъ нея всякаго подданнаго, быть можетъ, радуясь втайнѣ, видя, какъ смиренно склоняются къ ея пурпуровымъ туфлямъ многочисленные сановники, когда-то обращавшіеся съ ней гораздо фамиллярнѣе.

Доказываетъ ли это, что пристрастіе къ блеску и пышности, постоянная забота объ этикетѣ и внѣшнемъ достоинствѣ сана необходимо исключаютъ похожденія Θеодоры, представленныя въ драмѣ Сарду? Было бы нѣсколько наивно такъ думать, и съ другой стороны извѣстно, что въ гинекеѣ императорскаго дворца происходило много таинственныхъ вещей, которыхъ Юстиніанъ и не подозрѣвалъ. Доказательствомъ можетъ служить исторія патріарха Анѳима, уже рассказанная мной. Поэтому я вовсе не хотѣлъ бы подвергнуться насмѣшкамъ, защищая добродѣтель Θеодоры послѣ ея замужества. Помимо того, что всегда довольно трудно быть увѣреннымъ въ подобнаго рода вещахъ, я, само собою разумѣется, вовсе не настаиваю на безупречномъ поведеніи императрицы. Я охотно вѣрю, что въ молодости она совершенно свободно предавалась кутежамъ; еслибы и позже она продолжала

такой же образъ жизни, это не могло бы меня смутить, и, въ сущности, одинъ Юстиніанъ имѣлъ бы нѣкоторое право на это жаловаться. Но факты остаются фактами, и съ ними надо считаться.

А это фактъ, что ни одинъ писатель ей современный, и ни одинъ историкъ послѣдующихъ вѣковъ—а между тѣмъ среди нихъ было не мало жестоко укорявшихъ Θеодору въ алчности, въ властности и необузданности характера, въ чрезмѣрности ея вліянія на Юстиніана, въ скандалѣ, произведенномъ ея еретическими мнѣніями,—ни одинъ, повторяю, не сказалъ ничего, что позволило бы усумниться въ безусловной порядочности ея поведенія въ частной жизни послѣ ея замужества. Самъ Прокопій, столько клеветавшій на нее, такъ расписывавшій приключенія ея юности, рассказавшій со всей извѣстной намъ роскошью подробностей о коварствѣ, жестокости, беззаконіи, которыя она позволяла себѣ въ зрѣломъ возрастѣ, не дѣлаетъ ни единого намека,—если только мы захотимъ почитать его внимательно и въ подлинникѣ,—на какое-либо любовное похождение Θеодоры послѣ ея брака, несмотря на всю природную испорченность этой женщины. Мнѣ думается, легко себѣ представить, что еслибы императрица дала къ этому малѣйшій поводъ, памфлетистъ не преминулъ бы воспользоваться имъ, чтобъ пространно рассказать о ея незаконныхъ связяхъ. Онъ не сказалъ объ этомъ ни слова, ибо, дѣйствительно, ему и нечего было сказать.

Я вовсе не хочу извлечь изъ этого что-нибудь въ пользу нравственныхъ качествъ Θеодоры.

Помимо того, что она ужъ не была такъ молода, когда вступала на престоль, — ей было около тридцати лѣтъ, а для восточной женщины это возрастъ близкій къ началу увяданія, — она была слишкомъ умна, слишкомъ честолюбива, чтобы рисковать скомпрометировать любовными интригами положеніе, которое она сумѣла завоевать. Царская власть стоила того, чтобъ ради нея поступиться кое-чѣмъ, и добропорядочная жизнь Ееодоры послѣ брака дѣлаетъ, быть можетъ, столько же чести ея практическому уму, сколько моральному чувству. Но въ особенности эта женщина выдающагося ума очень честолюбивая, страстно алкавшая власти, была поглощена заботами, имѣвшими мало общаго съ вульгарными любовными похождениями. Она обладала нѣкоторыми выдающимися качествами, дающими право домогаться верховной власти: смѣлой энергіей, мужественной твердостью воли, спокойной храбростью, оказавшейся на высотѣ положенія въ самыя трудныя минуты. Благодаря этимъ качествамъ въ теченіе двадцати одного года, что она царствовала вмѣстѣ съ Юстиніаномъ, она имѣла глубокое и вполне законное вліяніе на обожавшаго ея мужа.

IV.

Есть одинъ фактъ, и его никогда не надо забывать, когда говоришь о Ееодорѣ: это роль, которую она сыграла въ трагической день 18 января 532 г., когда у дверей императорскаго дворца раздавались угрожающіе крики торжествующихъ мятежниковъ, когда обезумѣвшій

Юстиніанъ, потерявъ голову, видѣлъ одно спасеніе въ бѣгствѣ. Ееодора присутствовала на совѣтѣ сановниковъ; всѣ пали духомъ, она одна оставалась бодрой и спокойной. Ею не было еще произнесено ни слова; вдругъ, среди полной тишины, она поднялась, вся въ негодованіи на всеобщее малодушіе и напомнила императору, а также и министрамъ объ ихъ долгѣ: „Еслибы не оставалось другого исхода кромѣ бѣгства, заявила она, я не хочу бѣжать. Кто носить царскій вѣнецъ, не долженъ переживать его потерю. Я не увижу того дня, когда меня перестанутъ привѣтствовать императрицей. Если ты хочешь бѣжать, царь, это твое дѣло; у тебя есть деньги, суда готовы, море открыто; что касается меня, я остаюсь. Мнѣ нравится старинное выраженіе, что порфира — прекрасный саванъ“. Въ этотъ день, когда по выраженію современника, „имперія находилась, казалось, наканунѣ гибели“, Ееодора спасла престолъ Юстиніана и въ этой послѣдней борьбѣ, гдѣ на карту были поставлены и тронъ ея, и жизнь, воистину ея честолюбіе возвысилось до героизма.

Въ эту рѣшающую минуту Ееодора явила себя государственнымъ мужемъ, благодаря своему хладнокровію, благодаря своей энергіи; и этимъ, какъ было остроумно замѣчено, она дѣйствительно заслужила въ государственнымъ совѣтѣ то мѣсто, какое до тѣхъ поръ занимала, быть можетъ, лишь благодаря слабости императора. Отнынѣ она должна была сохранить его за собой, и Юстиніанъ отнюдь его не оспаривалъ. Страстно влюбленный до самыхъ послѣднихъ дней своихъ въ женщину, которую въ молодости

обожалъ, всецѣло подчиненный обаянію этого выдающагося ума, этой рѣшительной, сильной воли, онъ ни въ чемъ ей не отказывалъ: ни въ наружныхъ почестяхъ, ни въ реальныхъ проявленіяхъ верховной власти.

На церковныхъ стѣнахъ того времени, надъ крѣпостными воротами и сейчасъ можно прочесть рядомъ съ именемъ императора имя Теодоры; въ Равеннскомъ храмѣ святого Виталія изображеніе ея помѣщено на ряду съ изображеніемъ ея царственнаго супруга, равно какъ и въ мозаикахъ, украшавшихъ покои Священнаго Дворца, по волѣ Юстиніана, Теодора изображалась участницей военныхъ торжествъ и всѣхъ наиболѣе славныхъ дѣлъ его царствованія. Какъ и Юстиніану, благодарные народы воздвигали ей статуи; какъ и Юстиніану, чиновники присягали въ вѣрности той, которая всю свою жизнь была равной императору. Въ самыхъ важныхъ дѣлахъ Юстиніанъ любилъ обращаться за совѣтомъ къ „досточтимѣйшей супругѣ, Богомъ ему дарованной“, къ той, кого любилъ называть „своею главною усладой“, и современники согласны въ томъ, что она не стѣсняясь пользовалась своимъ безграничнымъ вліяніемъ на царя, что она проявляла власть такъ же, какъ и онъ, а, можетъ быть, и больше.

Въ теченіе двадцати одного года своего царствованія она ко всему прикладывала свою руку: къ администраціи, куда назначала своихъ любимцевъ, къ дипломатіи, къ политикѣ, къ церкви, все устраивая по своему усмотрѣнію, назначая и смѣщая по своему капризу папъ, патріарховъ, министровъ и генераловъ, столь же упорно до-

биваясь успѣха для своихъ любимцевъ, сколь пылко домогаясь подорвать крѣдитъ и силу своихъ противниковъ, не боясь даже, когда считала это нужнымъ, открыто противостоятъ волѣ царя и замѣнять своими приказаніями повелѣнія Юстиніана. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ она была дѣятельной сотрудницей своего мужа, и если вліяніе ея и не всегда было благодѣтельно, если ея алчность, необузданность и тщеславіе, возбуждая тщеславіе и алчность императора, приводили иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ, нужно также сознаться, что она часто правильно усматривала интересы государства, и политика, о которой она мечтала, еслибы только у нея было время вполнѣ закончить свое дѣло, усиливъ и упрочивъ византійскую имперію, измѣнила бы можетъ быть самый ходъ исторіи.

Въ то время какъ Юстиніанъ, соблазняясь былымъ величіемъ Рима, воспламенялся идеей великолѣпной, но неосуществимой, и мечталъ возстановить имперію Цезарей и при помощи союза съ Римомъ установить въ ней торжество православія, Ееодора, болѣе тонкая и проницательная, обращала свои взоры на Востокъ. Она всегда чувствовала симпатію къ этимъ монахамъ Сиріи и Египта, къ Зоорѣ, Якову Барадею и многимъ другимъ, которыхъ принимала во дворцѣ, прося ихъ молиться за нее, не смотря на все неизящество ихъ лохмотьевъ и грубую, рѣзкую откровенность. Какъ истая византійка, она была искренно набожна. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была слишкомъ тонкимъ политикомъ, чтобы не понимать, насколько важными являлись въ христіанскомъ государствѣ вопросы вѣры, насколько

опасно было относиться къ нимъ равнодушно. При этомъ она понимала, что богатая и цвѣтущія провинціи Азіи, Сиріи и Египта дѣйствительно представляли живую силу монархіи; она чувствовала, какую опасность создавали для имперіи религіозные расколы, которыми восточныя національности этихъ областей проявляли уже тогда свои сепаратистическія тенденціи; она чувствовала необходимость значительными уступками и широкой терпимостью разсѣять грозившее недовольство, и когда старалась направлять къ этой цѣли императорскую политику, можно безъ парадокса утверждать, что она судила вѣрнѣе, чѣмъ ея державный мужъ, и яснѣе провидѣла будущее.

Во то время какъ Юстиніанъ, богословъ въ душѣ, занимался религіозными вопросами изъ любви къ словопреніямъ, ради безплоднаго удовольствія пререкается о догматахъ, Θеодора принадлежала къ семьѣ тѣхъ великихъ византійскихъ императоровъ, которые подъ преходящей и измѣнчивой формой богословскихъ споровъ умѣли всегда провидѣть неизмѣнную сущность политическихъ задачъ. Вотъ почему во имя государственныхъ интересовъ она рѣшительно шла своимъ путемъ, открыто защищая еретиковъ, смѣло противясь папѣ, увлекаемая за собой колеблющагося и нерѣшительнаго Юстиніана, бросааясь очертя голову въ борьбу, никогда не признавая себя побѣжденной. Благодаря ея покровительству еретическій Египетъ долгіе годы пользовался широкой терпимостью; ея покровительству обязана еретическая Сирія возстановленіемъ своей гонимой, національной церкви; ея

покровительству обязаны еретики сначала тѣмъ, что вошли снова въ милость и могли свободно вести вновь свою пропаганду, позднѣе тѣмъ, что могли не страшиться соборныхъ отлученій и всѣхъ строгостей свѣтской власти; ея ободреніямъ, наконецъ, и ея поддержкѣ обязаны монофизитскія миссіи своимъ успѣхомъ въ Аравіи, Нубіи, Абиссиніи. До послѣдняго своего дня боролась она за свои вѣрованія „упорно, какъ государственный мужъ, страстно, какъ настоящая женщина, податливая или грубо непреклонная, смотря по обстоятельствамъ, достаточно смѣлая, чтобы приказать арестовать и смѣстить одного папу, достаточно ловкая, чтобы льстить себя надеждой подчинить другого своей волѣ, достаточно отважная, чтобы защищать своихъ гонимыхъ друзей и доставить имъ средства преобразовать ихъ церковь, достаточно умѣлая, чтобы часто навязывать свою политику императору.

Церковь не простила Ееодорѣ ни грубаго низложенія папы Сильверія, ни упорной вѣрности монофизитству, ни деспотической жестокости, съ какой она мстила враждебнымъ ей духовнымъ особамъ, изъ которыхъ папа Вигилій особенно испыталъ это своимъ тяжкимъ опытомъ. Изъ вѣка въ вѣкъ церковные историки предавали ея имя проклятіямъ и поношеніямъ. Ееодора заслуживаетъ, чтобы ее судили менѣе пристрастно и болѣе справедливо. Безъ сомнѣнія, она преслѣдовала свои цѣли съ слишкомъ страстнымъ пыломъ, съ слишкомъ необузданной рѣзкостью, съ слишкомъ упорной злобой, даже съ слишкомъ холодной жестокостью, но она выказала при этомъ и высокія качества, живое чувство госу-

дарственной необходимости, ясный взглядъ на реальныя обстоятельства, и политика, о которой она мечтала, дѣлають честь вѣрности ея сужденія и является въ окончательномъ итогѣ достойной императора.

V.

Но,—и въ этомъ заключается могучая привлекательность этой личности,—обладая качествами государственнаго мужа, Θеодора оставалась женщиной. Она была ею по своей любви къ роскоши и изяществу, она была ею еще больше по необузданности своихъ страстей, и пылу своей злобы. Разъ что были затронуты ея интересы, она не знала ни колебаній, ни разборчивости въ средствахъ. Безпощадно она устранила со своего пути всѣхъ, чье вліяніе могло ослабить ея собственное; безъ всякой жалости уничтожила она всѣхъ, въ честолюбивой заносчивости своей мечтавшихъ поколебать ея авторитетъ или подорвать ея кредитъ, чтобъ отомстить за оскорбленіе, чтобъ сохранить свою власть, всѣ средства казались ей хороши, сила и коварство, обманъ и подкупъ, интрига и насиліе. И если она и чувствовала порой, что ускользаетъ изъ-подъ ея власти нерѣшительная душа Юстиніана, если подъ давленіемъ обстоятельствъ или болѣе сильныхъ вліяній она, казалось, и шла на временныя уступки, всегда ея смѣлая и изворотливая мысль умѣла въ будущемъ приготовить себѣ щедрое воздаяніе: честолюбивая и хитрая, она всегда и во всемъ разсчитывала оставить за собой послѣднее слово, и это ей удавалось.

Константинопольскіе сплетники рассказывали на ея счетъ темныя исторіи о тайныхъ казняхъ, о мрачныхъ подземельяхъ, о страшныхъ и безмолвныхъ тюрмахъ, куда Θеодора заключала свои жертвы, и гдѣ пытала ихъ; не слѣдуетъ принимать эти анекдоты буквально. Нѣкоторыя изъ самыхъ знаменитыхъ жертвъ императрицы въ общемъ чувствовали себя довольно хорошо и, несмотря на временныя невзгоды, сдѣлали довольно блестящую карьеру; а съ другой стороны фактъ тотъ, что самые опасные ея противники поплатились не смертью, а простымъ изгнаніемъ за то, что осмѣлились пойти противъ нея.

Но не увеличивая понапрасну списки ея жестокостей, не надо, однако, и стараться преувеличивать доброту и милосердіе Θеодоры. Когда она ненавидѣла кого, она не останавливалась ни передъ чѣмъ, ни передъ скандаломъ несправедливой опалы, ни, быть можетъ, даже передъ соблазномъ убійства. Происшествіе съ Германомъ, племянникомъ императора, съ секретаремъ Прискомъ, съ Фотіемъ, зятемъ Велизарія, достаточно показываетъ пылкость ея ненависти. Паденіе префекта Іоанна Каппадокійскаго, опаснаго и смѣлаго министра, одну минуту поколебавшаго было ея авторитетъ и заставившаго ее испугаться за свое всемогущество, еще лучше свидѣтельствуетъ о беззастѣнчивой энергіи ея честолюбивой души, о невѣроятной неразборчивости средствъ, въ какихъ изворачивался ея коварный умъ. Такъ же точно и съ тою же смѣсью ловкости и необузданности она заставила такого великаго полководца, какимъ былъ

Велизарій, искупить его немногія попытки къ отвоеванію себѣ независимости, и, благодаря власти, какую она забрала надъ Антониной, женой Велизарія, она сумѣла сдѣлать изъ него своего смиреннѣйшаго и покорнѣйшаго слугу. И тутъ также можно подивиться, какъ необычайному искусству затѣять интригу, такъ и неразборчивости императрицы въ выборѣ средствъ и орудій, служившихъ ея цѣлямъ. Послѣ своей бурной молодости Антонина продолжала усиленно обманывать своего мужа, обожавшаго ее; но она была умная, дерзкая, интриганка по природѣ, способная, какъ говорить хорошо знавшій ее Прокопій, — добиваться невозможнаго. Еѳодора быстро сообразила, что, покровительствуя любовнымъ похожденіямъ этой женщины, она получитъ въ ея лицѣ преданную помощницу своей политикѣ и лучшій залогъ вѣрности Велизарія. Между ними былъ заключенъ союзъ. Антонина приложила къ дѣлу служенія василисѣ все свое умѣнье, и въ низложеніи папы Сильверія, равно и въ опалѣ Іоанна Каппадокійца, она принимала дѣятельное участіе и выказала свою умѣлость; въ обмѣнъ за это Еѳодора покрыла всѣ ея неосторожныя выходки и нѣсколько разъ принудила слабого Велизарія къ примиренію и прощенію. Получивъ черезъ это крайне искусно преимущество надъ своей фавориткой, императрица черезъ нее держала въ своихъ рукахъ и полководца *).

*) Относительно этихъ двухъ эпизодовъ отсылаю читателя къ двумъ главамъ моей книги, озаглавленнымъ: Еѳодора и Іоаннъ Каппадокіецъ, стр. 173—190; Еѳодора и Велизарій, стр. 191—216.

По этой милости, оказанной Антонинѣ, слѣдуетъ ли заключать, какъ утверждаетъ Тайная исторія, что императрица была очень терпима въ отношеніи женскихъ слабостей, и что она снисходительно прикрывала своей императорской мантией многія провинности. Факты производятъ, скорѣе, обратное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, возможно, что въ силу своего властолюбиваго характера и привычки подчинять все цѣлямъ своей политики, Θеодора иногда нѣсколько нескромно вмѣшивалась въ семейныя и домашнія дѣла, ничуть ея не касавшіяся, и что она устраивала браки съ тѣмъ же деспотизмомъ, съ какимъ управляла государствомъ. Но какъ въ законахъ о разводѣ и прелюбодѣяніи, внушенныхъ ею, такъ и въ частныхъ дѣлахъ, она постоянно пеклась, заботилась объ упроченіи института брака, „самаго святаго изъ всѣхъ“, какъ говорится въ одномъ законѣ того времени, и о томъ, чтобъ заставить всѣхъ почитать эти узы, законныя и священныя. Правда и то, что она всегда была „по природѣ склонна—по словамъ одного историка—помогать женщинамъ, впавшимъ въ бѣду“, и что забота эта проявилась въ мѣрахъ, какія по ея приказанію приняты были въ пользу женщинъ, несчастно вышедшихъ замужъ или съ которыми дурно обращались, равно и тѣхъ, какія она посовѣтовала относительно актрисъ и падшихъ женщинъ. Она была знакома, ибо сама прошла черезъ это, съ поддонками столичнаго общества и знала, сколько тутъ нужды и униженія; съ самаго начала она употребила силу своего вліянія, чтобы внести сюда облегченіе. Но это не мѣшало ей, съ другой стороны, самой

быть женщиной недоступной, строгой блюстительницей общественной морали, и она вмѣнила себѣ въ обязанность улучшить нравы и очистить нравственную атмосферу своей столицы *).

Не слѣдуетъ ли думать, что къ этому у Ееодоры примѣшивались кое-какія воспоминанія изъ собственнаго опыта, сожалѣніе о своемъ прошломъ? Это—вещь возможная, чтобы не сказать несомнѣнная, и это нисколько не вредитъ тому представленію, какое мы можемъ составить себѣ о Ееодорѣ. Необычайное благородство заключается въ слѣдующихъ словахъ одного императорскаго приказа, безъ всякаго сомнѣнія внушеннаго ею: „Мы установили судей, чтобъ карать грабителей и воровъ, похищающихъ деньги: не должны ли мы съ большимъ основаніемъ преслѣдовать грабителей чести, похитителей цѣломудрія?“

Было бы, конечно, ребячествомъ скрывать недостатки и пороки Ееодоры. Она любила деньги, она любила власть; она упрочила положеніе своихъ родственниковъ, выказавъ при этомъ, быть можетъ, чрезмѣрную заботливость и привязанность къ своей роднѣ, и чтобъ сохранить престоль, на который сумѣла взойти, она проявила самое беззастѣнчивое коварство, жестокость, необузданность, неукротимость въ злобѣ, неумолимость въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кто возбудилъ къ себѣ ея ненависть. Это была великая честолюбица, причинившая своими интригами глубокія смуты во дворцѣ и въ монархіи. Но у

*) Смотри въ моей книгѣ главу: Женственность Ееодоры, стр. 217—230.

нея были и качества. Друзья называли ее „вѣр-
ной императрицей“; она заслуживала это назва-
ніе. Она обладала и другими, болѣе выдающи-
мися добродѣтелями: мужественной твердостью,
отважной энергіей, яснымъ и могучимъ умомъ
государственнаго мужа. Вліяніе ея не было все-
гда благотворнымъ, но правленіе Юстиніана
ярко отмѣчено ею. Какъ только она умерла, на-
чался упадокъ, приведшій къ печальному концу
долгое и славное царствованіе.

Когда 29 іюня 548 г. Θеодора умерла отъ
рака послѣ довольно продолжительной болѣзни,
Юстиніанъ горько оплакивалъ потерю, которую
съ полнымъ основаніемъ считалъ непоправимой.
Къ ней живой онъ чувствовалъ обожаніе; когда
она умерла, онъ благоговѣнно хранилъ о ней
память. Въ ея воспоминаніе онъ пожелалъ оста-
вить у себя на службѣ всѣхъ бывшихъ ея при-
ближенныхъ и, много лѣтъ спустя, когда онъ
хотѣлъ дать торжественное обѣщаніе, онъ имѣлъ
обыкновеніе клясться именемъ Θеодоры, и кто
желалъ ему понравиться, охотно напоминалъ
ему о „превосходной, прекрасной и мудрой ца-
рицѣ“, которая, бывъ тутъ на землѣ его вѣрной
сотрудницей, молила теперь Бога о своемъ су-
пругѣ.

Надо сознаться, что въ этомъ апоѳеозѣ есть
нѣкоторое преувеличеніе. Θеодора-танцовщица
вовсе не обладала тѣми добродѣтелями, какія
ведутъ прямо въ рай; Θеодора-императрица, не-
смотря на свое благочестіе, имѣла недостатки
и пороки, плохо уживающіеся съ ореоломъ свя-
тости. Но эта черта заслуживала быть отмѣчен-
ной: такъ сильно свидѣтельствуетъ она о необы-

чайномъ обаяніи и очарованіи, сохранившемся у этой честолюбивѣйшей женщины, бывшей всегда образцомъ женственности.

ГЛАВА IV.

Императрица Ирина.

Въ концѣ 768 г. въ Константинополѣ былъ большой праздникъ: византійская столица праздновала бракосочетаніе наслѣдника престола — Льва, сына Константина V.

1 ноября утромъ праздничная флотилія съ судами, обтянутыми великолѣпными шелковыми тканями, отправилась въ Іерійскій дворецъ, находившійся на азіатскомъ берегу Босфора, за молодой невѣстой, послѣ чего долженъ былъ состояться ея торжественный въѣздъ въ столицу. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, 18 декабря, въ Священномъ Дворцѣ, въ палатахъ Августея, въ присутствіи всего двора оба василевса вѣнчали на царство новую монархиню. Сидя на золотыхъ тронахъ, Константинъ и его сынъ вмѣстѣ съ патріархомъ приподняли вуаль, скрывавшій лицо будущей императрицы, надѣли шелковую хламиду поверхъ ея длиннаго золотого платья, возложили на голову ея корону, привязали къ ушамъ подвѣски изъ драгоцѣнныхъ камней. Затѣмъ въ церкви св. Стефана новая Августа принимала поздравленія отъ высшихъ сановниковъ имперіи; на террасѣ Триклинія 19

аккувитовъ она показалаь народу, и подданные громкими криками привѣтствовали ее. Наконецъ, въ сопровожденіи блестящей свиты изъ патрикіевъ, сенаторовъ, кувикуляріевъ и придворныхъ дамъ она возвратилась въ церковь св. Стефана, гдѣ патріархъ Никита совершилъ обычное богослуженіе и возложилъ брачныя вѣнцы на головы супруговъ.

Старый императоръ Константинъ V, энергичный иконоборецъ, никакъ не думалъ, устраивая эти торжества и возлагая царскую діадему на голову молодой женщины, что эта хрупкая василисса уничтожитъ все дѣло его жизни и отниметъ тронъ у его династіи.

I.

Подобно Аѳинадѣ-Евдокіи, Ирина была родомъ изъ Аѳинъ; подобно ей, она была сиротой въ то время, какъ по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, въ которыхъ несомнѣнно красота ея играла главную роль, она стала невѣсткой императора. Но дальше этого сходство между двумя царицами не идетъ. Дѣйствительно, Аѳины VIII и Аѳины V вѣка рѣзко отличались другъ отъ друга. Это уже не былъ больше языческой городъ, городъ ученыхъ, съ университетомъ, преисполненный славою античныхъ писателей и знаменитыхъ философовъ, свято хранящій подъ сѣнью своихъ храмовъ память объ изгнанныхъ богахъ. Во времена Ирины это былъ маленькій провинціальный городъ, тихій и благочестивый, гдѣ Парѳенонъ сталъ церковью, гдѣ святая Софія изгнала изъ Акрополя Палладу-Аѳину, гдѣ свя-

тые замѣстили боговъ. Въ такой средѣ воспитаніе, и въ особенности воспитаніе женщины, не могло больше быть такимъ, какимъ оно было во времена Лѣинаиды. Какъ большинство ея современницъ, Ирина была вѣрующая и набожная; набожность ея была пылкая и восторженная, еще больше воспламеняющаяся отъ событій того смутнаго времени, въ какое она жила.

Уже болѣе сорока лѣтъ шелъ важный религіозный споръ, сильно волновавшій византійскую имперію: борьба, названная иконоборствомъ, достигла наибольшей своей остроты. Однако, это названіе, повидимому, строго богословское, не должно вводить въ заблужденіе относительно истиннаго характера этого грознаго кризиса: сущность дѣла заключалась совсѣмъ не въ мелкомъ вопросѣ церковнаго устава или литургическомъ. Несомнѣнно, что императоры иконоборцы, отличавшіеся благочестіемъ, какъ всѣ люди того времени, вносили и въ религіозные споры искреннее и горячее убѣжденіе; одной изъ цѣлей ихъ реформы было поднять нравственный уровень религіи, очистивъ ее отъ своего рода возрождающагося язычества, какимъ имъ представлялось чрезмѣрное поклоненіе иконамъ Божьей Матери и Святыхъ. Но другая сторона занимала ихъ гораздо больше; они въ особенности пугались могущества, какое пріобрѣли въ государствѣ, благодаря своему вліянію и богатству, защитники иконъ, монахи. Въ сущности, какъ ни странно это можетъ показаться въ такой христіаннѣйшей имперіи, какой была Византія,—начиная съ VIII вѣка, это была борьба свѣтской власти съ монашествомъ.

Противъ него императоръ Константинъ V, эта страстная душа съ сильной волей, боролся съ особеннымъ ожесточеніемъ. По его приказанію совершались жестокія, часто даже кровавыя расправы. Монастыри секуляризировались, монахи изгонялись, ссылались или заточались въ тюрьмы; въ Константинополѣ ихъ почти совсѣмъ не стало. И все византійское общество, увлеченное борьбой, раздѣлилось на два лагеря. Съ одной стороны былъ міръ офіціальный, высшее духовенство, чиновники, высшіе общественные классы, наконецъ, армія, вполнѣ преданная такому побѣдоносному вождю, какимъ былъ Константинъ V. Съ другой стороны стояло низшее духовенство, средніе классы, народъ, женщины, охваченныя мистическимъ благочестіемъ, очарованныя великолѣпіемъ культа, плѣненные красотой храмовъ, а потому не желавшія отказаться отъ поклоненія чудотворнымъ и чтимымъ иконамъ.

Ирина была женщина и, кромѣ того, уроженка провинціи, горячо преданной поклоненію иконамъ, слѣдовательно, не могло быть сомнѣнія, на чью сторону она станетъ. Но когда она вступала въ императорскую семью, преслѣдованія были въ полной силѣ и въ присутствіи страшнаго Константина V являлось далеко не безопаснымъ обнаруживать слишкомъ противоположныя воззрѣнія, поэтому Ирина тщательно скрыла свои убѣжденія. Больше того, по просьбѣ своего свекра она дала торжественную клятву, что никогда не признаетъ иконъ; и съ этой минуты мы видимъ, какъ зарождается въ ея нѣсколько неустойчивой душѣ извѣстнаго рода скрытность,

нѣкоторая недобросовѣстность, которая такъ сильно проявится въ ней позднѣе.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на наружную покорность, благочестіе молодой женщины не было бесплоднымъ благочестіемъ. Это явно сказалось, когда въ 775 г., по смерти Константина V, новый императоръ Левъ IV, быть можетъ, подъ вліяніемъ Ирины, — вліяніе ея было очень сильно въ началѣ его царствованія, — ослабилъ нѣсколько прежнія строгія мѣры. Царица принялась дѣйствовать рѣшительно. Къ тому же многія женщины благоговѣйно сохранили запрещенныя иконы: одна легенда рассказываетъ, что Анеуса, дочь Константина V, въ самомъ дворцѣ безъ всякаго страха и осторожности продолжала поклоняться запрещеннымъ иконамъ. Ирина сочла возможнымъ послѣдовать примѣру своей невѣстки и возмечтала, что ей удастся тайно возстановить въ столицѣ запрещенный культъ. Попытка эта имѣла довольно трагическія послѣдствія. Въ апрѣлѣ 780 г. нѣсколько близкихъ къ императрицѣ лицъ были по приказанію Льва IV арестованы и преданы казни, какъ явно заподозрѣнныя въ иконопочитаніи. Сама царица была скомпрометирована въ этомъ дѣлѣ. Рассказываютъ, что однажды мужъ нашель въ ея комнатѣ запрятанными подъ подушки двѣ иконы съ изображеніями святыхъ. Увидя ихъ, Левъ IV страшно разгнѣвался; и хотя Ирина, всегда готовая на какія угодно клятвы, побожилась, что не знаетъ, кто ей ихъ туда положилъ, милость, какою она пользовалась у императора, была сильно поколеблена; она почти впала въ немилость, когда вдругъ, къ большому ея благо-

получію, Левъ IV умеръ, почти внезапно въ сентябрѣ того же 780 г. Наслѣднику престола, Константину VI, было всего десять лѣтъ; въ качествѣ опекуни своего сына и регентши, Ирина стала полновластной императрицей.

II.

Изъ историческихъ лицъ рѣдко о комъ такъ трудно произнести вѣрное сужденіе, какъ о знаменитой императрицѣ, возстановительницѣ православія въ Византіи. Какъ извѣстно, она была хороша собой; все заставляетъ при этомъ предполагать, что она была цѣломудренна, и что попавъ въ юные годы ко двору, гдѣ не было никакой нравственной устойчивости, гдѣ нравы отличались распущенностью, она сама оставалась всегда безупречною; наконецъ, она была благочестива. Но что мы знаемъ еще объ Иринѣ? Какова была сила ея ума? Каковъ характеръ? Конечно, мы можемъ судить объ этомъ по ея правительственнымъ мѣропріятіямъ. Самостоятельно ли она управляла государствомъ? Проявляла ли она на престолѣ свои собственные идеи? Или была лишь орудіемъ въ рукахъ искусныхъ совѣтниковъ? Это все вопросы, тѣмъ болѣе трудно разрѣшимые и тѣмъ болѣе темные, что современные ей писатели безконечно восхищались этой нравственной и благочестивой царицей.

Согласно ихъ свидѣтельству явилась возможность описывать Ирину въ самыхъ лестныхъ краскахъ, что не преминули сдѣлать и въ наше время. Одинъ знаменитый беллетристъ, набро-

савшій въ дни своей юности портретъ благочестивѣйшей императрицы и давшій намъ недавно въ ярко написанномъ мастерскомъ романѣ полное ея изображеніе *), представляетъ ее намъ посвященной въ философію Платона, въ оккультическіе догматы „космополитическаго герметизма“, знакомой съ „теургическими заклинаніями, ведущими къ власти“, и употребляющей эту власть для единой цѣли—величія Византіи и возстановленія древней римской гегемоніи. Кто хочетъ представить себѣ Ирину такой, какой воображалъ ее Поль Аданъ, пусть прочтетъ слѣдующую страницу: „Сидя подъ балдахиномъ на самомъ краю мыса, высящемся надъ быстро текущими водами Босфора, она проводила вечера въ созерцаніи безсмертной фееріи восточнаго неба, видя собственное отраженіе въ ясномъ зеркалѣ водъ, сіяющее подобно Богоматери въ торжественныхъ ризахъ, переливающихъ лучистыми звѣздами въ каждой грани неподобныхъ драгоценныхъ камней, какими онѣ были усыпаны. И смѣлые замыслы роились у нея въ головѣ. Вспоминались таинственныя наставленія, преподанныя въ школѣ. Почувствовать, какъ отвѣтно ея желанію и велѣнью забьется сердце народа, одна эта мысль заставляла ее и млѣть, и задыхаться“ **) Такъ сильна симпатія автора къ этой выдающейся женщинѣ, что онъ находитъ даже оправданіе для ея преступленія; оно представляется ему чуть ли не законнымъ. Если она свергла съ престола сына и приказала его

*) Paul Adam. Irène et les eunuques.

**) Paul Adam. Princesses byzantines p. 33, 34.

ослѣпить, это потому, увѣряетъ романистъ, „что она предпочла упразднить индивида въ пользу рода. Высшее право было ея оправданіемъ“.

Все это, конечно, простительный для беллетриста вымыселъ. Но и серьезные историки изображаютъ Ирину въ не менѣе привлекательномъ видѣ. Одинъ ученый восхваляетъ ея таланты, ея исключительную ловкость, изворотливость ея ума, ея дальновидность, ея твердость характера *). Другой видитъ въ ней въ высшей степени замѣчательную женщину, давшую Византіи наилучшее за все время ея существованія управленіе, возстановившее ея славу. И прибавляетъ: „это была женщина, дѣйствительно рожденная для трона, мужского склада ума, удивительно одаренная всѣми качествами, необходимыми для великаго монарха, умѣющая говорить съ народомъ и возбуждать къ себѣ его любовь, не менѣе того умѣющая выбирать совѣтниковъ, одаренная дѣйствительной смѣлостью и удивительнымъ хладнокровіемъ“ **).

Съ своей стороны я долженъ сознаться, что мнѣ лично Ирина представляется гораздо менѣе привлекательной. Крайне честолюбивая,—ея поклонники отмѣчаютъ въ ней, какъ характерную черту, исключительное властолюбіе (*τὸ φιλαρχον*),—она всю свою жизнь руководилась одною страстью—желаніемъ царствовать. Она была молода и хороша собой, но не имѣла любовника изъ страха, чтобъ не стала онъ надъ ней

*) Gasquet. L'empire byzantin et la monarchie franque, p. 252.

***) Schlumberger, Les Iles des Princes, p. 112.

господиномъ. Она была матерью, честолюбіе заглушило въ ней материнскую любовь. Для достиженія поставленной себѣ цѣли, она не стѣснялась ничѣмъ; всѣ средства были для нея хороши, обманъ и интриги, жестокость и коварство. Вся мощь ея души, всѣ силы ея гордости были направлены только къ одному, къ достиженію престола. И такъ было всю жизнь: само ея благочестіе, подлинное и глубокое, усиливало и помогало ея честолюбію; благочестіе узкое, суевѣрное, при чемъ она себѣ внушила, что была необходимымъ орудіемъ въ рукахъ Божіихъ, что ей надлежитъ совершить въ этомъ мірѣ важное дѣло, что она обязана это дѣло защищать и не позволять другимъ уничтожить его. Такъ согласовала она наиболѣе удобнымъ образомъ наставленія религіозныя съ побужденіями, внушенными собственными интересами и жаждой власти; и такъ какъ она вслѣдствіе этого была всегда убѣждена въ своемъ правѣ и въ сознаніи своего долга, она искренно и безъ колебаній шла къ намѣченной цѣли, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ, и не было трудности, которая заставила бы ее сойти съ избраннаго ею пути. Надменная и страстная, она поступала деспотически, грубо и жестоко; настойчивая и упрямая, она преслѣдовала свои цѣли съ неутомимымъ и необычайнымъ упорствомъ; скрытая и ловкая, она для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ пустила въ ходъ невѣроятное количество средствъ, несравненное искусство ковать козни, заводить интриги. Есть несомнѣнно нѣкоторое величіе въ этой жаждѣ верховной власти, всецѣло поглощающей душу,

въ такомъ психологическомъ извращеніи, убивающемъ всѣ чувства, за исключеніемъ честолюбія.

И я вполне согласенъ, что Ирина довольно счастливо довела до конца показную роль женщины, выдающейся своимъ честолюбіемъ. Въ ней было величіе, представительность, вкусъ къ роскоши, торжествамъ и великолѣпнымъ сооруженіямъ; въ этомъ, впрочемъ, она была вполне женщина. Друзья ея утверждали, кромѣ того, что она управляла хорошо, что народъ ее любилъ и оплакивалъ ея паденіе, что царствованіе ея было временемъ сплошнаго благоденствія. Далѣе будетъ видно, какого мнѣнія надо придерживаться относительно этихъ похвалъ. Во всякомъ случаѣ намъ трудно признать за императрицей Ириной тотъ исключительный умъ, ту силу духа, ту мужественную смѣлость, ту твердость души. въ несчастіяхъ, какіе ей такъ охотно приписываютъ ея приверженцы. Одна вещь заставляетъ сомнѣваться въ силѣ ея политическаго генія и въ ясности ея взглядовъ: она всегда нѣсколько преждевременно хвасталась побѣдой и не разъ наталкивалась на препятствія, которыя могла бы и должна была; бы предвидѣть. Если угодно, она была искусна и сильна въ интригантствѣ, но въ ея способахъ дѣйствія выказывались, главнымъ образомъ, уловки скрытной и хитрой женщины, имѣвшія, конечно, иногда успѣхъ, но отнюдь не доказывающія превосходства ума. Я признаю, что она съ большимъ упорствомъ, съ похвальной настойчивостью боролась съ препятствіемъ, покуда не побѣждала его. Но она не представляется намъ, несмотря на величіе души (*τὸ κραταίφρον*) и му-

жественный духъ (*τὸ ἀρρενωπὸν φρόνημα*), какими ее надѣляютъ, ни дѣйствительно энергичной, ни достаточно смѣлой.

Въ 797 году, когда она совершила государственный переворотъ, отнявшій у ея сына престоль, она въ рѣшительную минуту потеряла голову; она испугалась, готова была на униженіе, она подумала, что дѣло проиграно и рѣшила было все бросить. Въ 802 году, когда заговорщики подготовили ея паденіе, она дала лишить себя престола, не дѣлая даже попытки къ сопротивленію. Слабая въ пораженіи, при побѣдѣ, наоборотъ, она выказала себя неумолимой. А поступокъ ея съ сыномъ, намъ кажется, достаточно краснорѣчивъ, чтобъ судить о ея сердцѣ. Несомнѣнно, она совершила много крупныхъ дѣлъ въ теченіе почти двадцатилѣтняго своего царствованія; она дерзнула на революцію политическую и религіозную, значенія безпримѣрнаго. Тѣмъ не менѣе, она сама по себѣ не была велика ни силой духа, ни силой воли.

Но какова бы ни была Ирина, эпоха, въ какую она жила, остается необычайно интересной и драматичной. Какъ вѣрно было замѣчено, „въ этой византійской исторіи, заставляющей насъ присутствовать при такихъ невѣроятныхъ событіяхъ, царствованіе Ирины является, быть можетъ, самымъ удивительнымъ*).

*) Molinier. Hist. des arts appliqués à l'industrie, 1. p. 84.

III.

Въ то время, какъ благодаря смерти Льва IV, Ирина вступила въ обладаніе полнотою верховной власти, много честолюбивыхъ замысловъ бродило въ головахъ окружавшихъ ее соперниковъ. При дворѣ она наталкивалась на глухую вражду своихъ зятьевъ, пяти сыновей Константина V, популярныхъ и честолюбивыхъ, отъ которыхъ она могла опасаться всего. Напрасно отецъ, умирая, заставилъ ихъ поклясться никогда не составлять заговора противъ законнаго монарха; не успѣлъ вступить на престолъ Левъ IV, какъ они ужъ нарушили свою клятву; и хотя послѣ этой продѣлки старшій изъ нихъ, кесарь Никифоръ, былъ лишень сана и сосланъ въ отдаленный Херсонъ, многочисленная партія продолжала упорно работать въ ихъ пользу. Съ другой стороны, всѣ высшія государственныя должности были заняты ревностными иконоборцами. Магистръ оффицій, начальникъ канцеляріи, доместикъ схолъ, главнокомандующій арміей были старые и вѣрныя слуги покойнаго василевса Константина V. Сенатъ, высшіе чины провинціальной администраціи были не менѣ преданы политикѣ предшествовавшаго царствованія. Церковь, наконецъ, которой управлялъ патріархъ Павелъ, была полна враговъ иконопочитанія. Съ людьми такого сорта Ирина не могла ничего предпринять; съ своей стороны и они также съ полнымъ правомъ заподозрѣвали царицу и опасались въ недалекомъ будущемъ реакціонныхъ попытокъ съ ея стороны. Чтобъ

привести въ исполненіе свои благочестивыя намѣренія, чтобъ удовлетворить своимъ честолюбивымъ мечтаніямъ, императрицѣ надо было найти иныхъ сотрудниковъ, отыскать иную поддержку.

Вотъ тутъ то и проявилось ея искусство подготавливать себѣ пути. Изъ противниковъ своихъ она съ иными безъ всякаго милосердія расправилась силой, тихо удалила другихъ съ такихъ мѣсть, гдѣ они являлись стѣснительными. Составился заговоръ, чтобы возвести на престолъ кесарей; она воспользовалась имъ, чтобъ заставить зятьевъ вступить въ монашескій чинъ, и для того, чтобы всѣ немедленно узнали объ ихъ опалѣ, она принудила ихъ въ Рождество 780 г. принять участіе въ торжественномъ богослуженіи, отправляемомъ въ этотъ великій праздникъ въ присутствіи всѣхъ жителей столицы, собравшихся въ храмъ Святой Софіи. Въ то же время она постепенно перемѣнила всѣхъ дворцовыхъ чиновниковъ. Затѣмъ она способствовала своей семьѣ въ достиженіи всякихъ почестей, устроила брата; племянника, двоюродную сестру, еще другихъ родныхъ. Она подвергла опалѣ старыхъ военачальниковъ Константина V, особенно страшнаго Михаила Лаханодрокона, стратига Оракисійцевъ, извѣстнаго своей свирѣпой ненавистью къ монахамъ и грубымъ издѣвательствомъ, съ какимъ онъ заставлялъ ихъ жениться. Въмѣсто нихъ она назначила на важныя должности своихъ людей, въ особенности евнуховъ изъ своего дома, и близкихъ ей. Имъ незамѣтно поручила она всѣ отвѣтственныя придворныя и административныя должности; изъ ихъ среды,

наконецъ, выбрала она себѣ перваго министра Ставракія.

Большой любимецъ царицы, человекъ этотъ милостью ея былъ сдѣланъ патрикіемъ, логоетомъ дрома; вскорѣ онъ сталъ безспорнымъ и всемогущимъ владыкой въ Священномъ Дворцѣ. Въ качествѣ дипломата, онъ заключилъ миръ съ арабами; въ качествѣ военачальника онъ подавилъ возстаніе славянъ и, чтобы поднять еще его престижъ, Ирина устроила ему въ ипподромѣ пышный триумфъ. Напрасно недовольная такимъ начальникомъ армія не скрывала своей ненависти къ временщику; увѣренный въ милости императрицы, онъ становился все надменнѣе и нахальнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣрный соучастникъ въ удачахъ Ирины, онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ падалъ и поднимался вмѣстѣ съ ней. И, можетъ быть, этотъ дѣятельный, энергичный и честолюбивый человекъ, за которымъ нельзя не признать извѣстныхъ заслугъ, былъ часто руководителемъ монархини, внушая ей различные проэктъы; но съ другой стороны, видно также, какой своеобразный характеръ и тонъ камарильи былъ съ самаго начала приданъ правительству Ирины, благодаря вмѣшательству дворцовыхъ евнуховъ во всѣ дѣла управленія монархіей.

Производя перемѣны въ составѣ правительства, Ирина въ то же время измѣняла и всю политику имперіи. Она прекратила войну на Востокъ; она начала на западѣ сближеніе съ папой, задумала войти въ соглашеніе съ Карломъ Великимъ; въ особенности въ дѣлахъ религіи она выказывала давно невиданную терпи-

мость. „Благочестивые люди, говорить одинъ современный ей ꙗѣтописецъ, вновь могли свободно говорить, слово Божіе безвозбранно распространяться; искавшіе вѣчнаго спасенія могли безъ помѣхи удалиться изъ міра, и слава Божія вновь возсіяла; монастыри стали вновь благоденствовать, повсюду царило добро. Монахи вновь появились въ Константинополь; вновь открылся доступъ въ монастырь для того, кто раньше вынужденъ былъ душить въ себѣ истинное призваніе; императрица старалась всячески загладить святотатство предшествовавшаго царствования; она съ большой торжественностью отнесла обратно въ святую Софію драгоценную корону, нѣкогда похищенную изъ храма Львомъ IV; она торжественно вновь положила въ ихъ святилище мощи святой Евфиміи, брошенная въ море по приказанію Константина V и чудесно вновь найденная. И партія набожныхъ людей въ восторгѣ отъ такихъ проявленій благочестія привѣтствовала, какъ неожиданное чудо, восшествіе на престолъ благочестивой монархини и благодарила Бога, восхотѣвшаго руками женщины-вдовы и сироты-ребенка уничтожить нечестіе и положить конецъ рабскому состоянію церкви“.

Ловко поведенная интрига упрочила за Ириной единственную не достававшую ей еще власть,—патріархатъ. Въ 784 году, совсѣмъ неожиданно, не посовѣтовавшись съ правительствомъ, какъ утверждаетъ Теофанъ, впрочемъ, вѣроятно, вслѣдствіе внушеній, происходившихъ изъ дворца, — патріархъ Павелъ сложилъ съ себя санъ и удалился въ монастырь, громо-

гласно объявивъ всѣмъ, что, предавшись всецѣло раскаянію о своихъ грѣхахъ, онъ рѣшилъ искупить преступленія, совершенныя имъ противъ иконъ и хотъ умереть въ мирѣ съ Богомъ. Ирина ловко воспользовалась такимъ рѣшеніемъ, надѣлавшимъ много шуму въ столицѣ, и на мѣсто Павла поставила во главѣ церкви чело-вѣка вѣрнаго изъ свѣтскихъ, императорскаго секретаря Тарасія. Этотъ умный и тонкій политикъ, великолѣпно справился съ ролью, какую ему, несомнѣнно, назначила императрица. Когда имя его было выставлено, когда сама царица стала просить его принять избраніе, онъ воспротивился, отклонилъ санъ, какой хотѣли возложить на него, попросилъ, чтобы ему было позволено объяснить передъ народомъ причины своего отказа. И въ длинной рѣчи, пространно, онъ подчеркивалъ плачевное состояніе церкви, потрясавшіе ее раздоры, расколъ, отдѣлившій ее отъ Рима, и очень ловко, этой цѣной только соглашаясь принять предложеніе, онъ подалъ мысль о вселенскомъ соборѣ, единственно могущемъ возстановить миръ и единеніе въ христіанскомъ мірѣ. Въ то же время, сдѣлавъ ловкое отступленіе, онъ осудилъ иконоборческій соборъ, бывшій въ 753 г., отрицая его каноническій авторитетъ вслѣдствіе того, что онъ только утвердилъ неправильно принятыя свѣтской властью рѣшенія по дѣламъ религіи. Подготовивъ такимъ образомъ почву для проэктовъ царицы, онъ, въ концѣ концовъ, далъ себя уговорить и, получивъ разомъ всѣ степени священства, вступилъ на патріаршій престолъ.

Съ такимъ неоцѣнимымъ союзникомъ Ирина

сочла возможнымъ дѣйствовать открыто. По всей имперіи разосланы были возванія, призывавшія въ Константинополь къ веснѣ 786 г. всѣхъ духовныхъ особъ христіанскаго міра, и заранѣе были увѣрены въ побѣдѣ. Но забыли принять въ расчетъ оппозицію извѣстной части епископовъ и въ особенности враждебное отношеніе императорской гвардіи, оставшейся вѣрною памяти Константина V и приверженной политикѣ его славнаго царствованія. Замѣтили сдѣланную ошибку въ самый день открытія собора въ церкви святыхъ Апостоловъ. Епископы торжественно заняли свои мѣста; на хорахъ базилики Ирина съ сыномъ присутствовала на засѣданіи. Платонъ, игумень Саккудійскаго монастыря, одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ иконъ, произносилъ съ кафедры подходящую къ случаю проповѣдь, какъ вдругъ въ церковь ворвались воины съ обнаженными мечами, угрожая смертью духовнымъ сановникамъ. Тщетно Ирина съ достаточной храбростью пыталась вмѣшаться и подавить мятежъ; усилія ея оказались напрасны, авторитетъ безсиленъ. Православные епископы были подвергнуты поруганію и разсѣяны. Тогда епископы иконоборческой партіи, присоединяясь къ войску, стали рукоплескать и кричать; „мы побѣдили, мы побѣдили!“ Сама Ирина не безъ труда спаслась отъ „когтей этихъ львовъ“, какъ пишетъ одинъ лѣтописецъ изъ духовенства, и приверженцы ея, хоть и не была пролита ея кровь, провозгласили ее мученицей.

Проявили излишнюю торопливость, теперь приходилось начинать все съизнова. На этотъ разъ, чтобы имѣть успѣхъ, пошли окольными

путями. Царица и ея первый министр выказали при этомъ весь присущій имъ духъ интригъ, всю свою хитрость. Деньгами, обѣщаніями правитель-ство переманило на свою сторону главную азіатскую армію, всегда завидовавшую войскамъ, составлявшимъ столичный гарнизонъ. Затѣмъ былъ объявленъ большой походъ противъ арабовъ. Первыми отправились въ походъ полки гвардіи; въ Константинополѣ ихъ тотчасъ замѣнили отрядами, въ преданности которыхъ были увѣрены; въ то же время, чтобы принудить къ послушанію непокорныхъ, хватали женщинъ и дѣтей, овладѣвали имуществомъ солдатъ, отправлен-ныхъ на границу; съ такимъ драгоцѣннымъ залогомъ въ рукахъ правительство могло безъ опасенія сломить, распустить, разсѣять неблаговолившія къ нему войска гвардіи. Теперь Ирина имѣла необходимую поддержку для своихъ цѣлей, собственное войско съ преданными ей военачальниками. Несмотря на это, она не рискнула въ самомъ Константинополѣ возобновить попытку, неудавшуюся въ 786 г. Вселенскій соборъ собрался въ Никеѣ въ 787 г.; подъ всемогущимъ вліяніемъ двора, патріарха и монаховъ онъ, не колеблясь, предалъ анаѣемъ иконоборческія постановленія 753 г. и во всей полнотѣ возстановилъ почитаніе иконъ и православіе. Затѣмъ въ ноябрѣ 787 г. отцы собора перебрались въ столицу и на послѣднемъ торжественномъ засѣданіи, происходившемъ въ Магнаврскомъ дворцѣ въ присутствіи легатовъ папы Адріана, Ирина собственноручно подписала каноны, возстановлявшіе любимыя ею вѣрованія.

Такимъ образомъ въ семь лѣтъ, благодаря умѣ-

лomu терпѣнью, Ирина, несмотря на нѣкоторую чрезмѣрную поспѣшность, достигла всемогущества. Она удовлетворила церковь и собственныя благочестивыя стремленія; въ особенности раздала она подѣ своей пятой все, что мѣшало ея честолюбію. И ея набожные друзья, гордые такой монархиней, торжественно привѣтствовали въ ея лицѣ „императрицу христоносицу, правленіе которой, какъ самое имя ея, залогъ мира“ (*χριστοφόρος Εἰρήνη, ἡ φερωνύμως βασιλεύσα*).

IV.

Въ то время, какъ Ирина одерживала эту побѣду, въ то время, какъ торжество ея казалось самымъ полнымъ, честолюбію ея грозила серьезная опасность.

Константинъ VI подрасталъ: ему было семнадцать лѣтъ. Между сыномъ, желавшимъ царствовать, и матерью, охваченной всецѣло жаждой верховной власти, столкновение являлось роковымъ, неизбѣжнымъ: оно должно было превзойти ужасомъ все, что только можно себѣ представить. Поэтому, чтобы объяснить эту злодѣйскую борьбу, благочестивые историки того времени не нашли другого средства, какъ впутать въ дѣло дьявола, и, желая оправдать благочестивѣйшую императрицу, они по возможности все сдѣланное ею зло возложили на ея злокозненныхъ совѣтниковъ. Въ сущности, эти извиненія совершенно неприемлемы: насколько мы ее знаемъ, Ирина несомнѣнно имѣла ясное представленіе о своихъ поступкахъ и является вполне отвѣтственной за нихъ. Ей надо было спасти только что совер-

шенное ею дѣло, сохранить власть, какую она держала въ своихъ рукахъ: для этого она не отступила ни передъ борьбой, ни передъ преступленіемъ.

Властная и страстная, Ирина продолжала обращаться, какъ съ ребенкомъ, съ юношей, какимъ сталъ ея сынъ. Задолго передъ тѣмъ, вначалѣ своего царствованія, она изъ политическихъ видовъ составила проэктъ брака между Константиномъ VI и одной изъ дочерей Карла Великаго, и извѣстно, что одному еврею во дворцѣ было поручено въ Ахенѣ обучать юную Ротруду языку и обычаямъ ея будущей родины, а ученые придворной Академіи, самолюбію которыхъ льстилъ предполагаемый бракъ, принялись на перебой изучать греческій языкъ. Но что сдѣлала политика, то политика же и уничтожила. Разъ что миръ съ Римомъ былъ восстановленъ, союзъ съ франками представлялся Иринѣ уже менѣе нужнымъ; въ особенности, говорятъ, она испугалась, какъ бы могучій король Карлъ не сталъ слишкомъ сильной поддержкой своему слабому зятю и не помогъ ему завладѣть престоломъ. Поэтому она отказалась отъ прежняго своего проэкта и, несмотря на сопротивленіе Константина VI, заглазавлюбившагося въ западную принцессу, она принудила его къ другому браку. Я уже сообщалъ, позаимствовавъ свой рассказъ изъ одного красиваго мѣста житія Филарета, какъ царскіе посланные, согласно обычаю, отправились въ путь, чтобы объѣхать всѣ провинціи и найти невѣсту, достойную василевса, и какъ изъ кандидатокъ на руку Константина Ирина и ея первый министръ выбрали одну юную армянку, уроженку Пафлагок-

ской еемы, Марію Амнійскую. Она была хороша собой, умна, благочестива и, кромѣ того, происходила изъ очень скромной семьи; думали, что обязанная всѣмъ Иринѣ она будетъ послушна и покорна волѣ своей благодѣтельница, и что со стороны такой невѣстки императрицѣ нечего будетъ опасаться какихъ-либо честолюбивыхъ поползновеній, неудобныхъ и неумѣстныхъ. Итакъ бракъ былъ рѣшенъ, и Константинъ поневолѣ долженъ былъ покориться. Это было въ ноябрѣ 788 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ирина тщательно отстраняла сына отъ всякихъ дѣлъ. Императоръ со своимъ дворомъ жилъ какъ бы отдѣльной жизнью, безъ друзей, безъ вліянія; на его глазахъ всесильный Ставракій, дерзкій и надменный, распорядился всѣмъ по собственному произволу, и всѣ униженно склонялись передъ фаворитомъ. Въ концѣ концовъ юный монархъ возмутился противъ такой опеки; вмѣстѣ съ нѣсколькими приближенными онъ составилъ заговоръ противъ перваго министра. Ему пришлось отъ этого плохо. Заговоръ былъ открытъ, и Ирина увидала при этомъ, что ей непосредственно грозитъ опасность: съ этого дня честолюбіе убило въ ней материнскія чувства. Она стала разить безъ пощады. Арестованные заговорщики были подвергнуты пыткамъ, изгнаны или заключены въ тюрьму; но что еще важнѣе, самъ императоръ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію, какъ непокорный ребенокъ, строго отчитанъ матерью и на нѣсколько дней посаженъ подъ арестъ у себя въ комнатѣ. Послѣ этого императрица не сомнѣвалась въ своемъ торжествѣ, льстецы тоже поддерживали въ ней

всячески эту иллюзію, утверждая, что „самъ Богъ не хотѣлъ, чтобъ ея сынъ царствовалъ“. Суевѣрная и легковѣрная, какъ всѣ ея современники, она поддавалась такимъ рѣчамъ и слушала предсказанія прорицателей, пророчившихъ тронъ; и чтобы упрочить его за собой, она рискнула всѣмъ. Армію вновь привели къ присягѣ; солдаты должны были клясться, произнося слѣдующую странную и небывалую формулу: „Покуда ты жива, мы никогда не признаемъ твоего сына императоромъ“, и въ официальныхъ привѣтствіяхъ имя Ирины стояло раньше имени Константина.

И на этотъ разъ, какъ въ 786 г. честолюбивая царица въ пылу своемъ хватила черезъ край. Въ 790 г. среди войска, находившагося въ Азіи, вспыхнуло возстаніе въ пользу юнаго царя, незаконно взятаго подъ опеку. Изъ полковъ армянскихъ мятежъ распространился и въ другія еемы; вскорѣ всѣ войска, соединившись, потребовали освобожденія Константина VI и признанія его единственнымъ и истиннымъ василевсомъ. Ирина испугалась и уступила. Она смирилась передъ необходимостью освободить сына и отказаться отъ власти: въ безсильной злобѣ она должна была смотрѣть, какъ удаляли, предавъ опалѣ, самыхъ близкихъ ей друзей. Ставракій, первый министръ, былъ постриженъ и сосланъ въ Арменію; Аэцій, другой изъ ея приближенныхъ, раздѣлилъ его участь. Она сама должна была удалиться въ свой великолѣпный Элевеерійскій дворецъ и видѣла потомъ, какъ при торжественно провозглашенномъ молодомъ царѣ вновь вошли въ милость всѣ, съ кѣмъ она раньше побѣдонодно боролась, всѣ враги иконъ, почитаніе ко-

торыхъ она возстановила, и прежде всѣхъ старый Михаилъ Лаханодраконъ, возведенный въ высокую должность магистра оффицій.

Но Константинъ VI не питалъ никакой ненависти къ матери. И года не прошло послѣ паденія Ирины, какъ въ январѣ 792 г., уступая ея просьбамъ, молодой царь возвратилъ ей титулъ императрицы, призвалъ ее вновь въ священный дворецъ, вновь предоставилъ ей дѣлать съ нимъ власть; вмѣстѣ съ ней слабовольный василевсъ призвалъ вновь къ власти евнуха Ставракія, ея любимца. Ирина возвратилась, жаждая мести, алкая наказанія тѣхъ, кто предалъ ее и болѣе чѣмъ когда-либо горя желаніемъ осуществить свою честолюбивую мечту. Но на этотъ разъ, чтобы достигъ ея, она должна была дѣйствовать болѣе искусно. Въ 790 г. она была слишкомъ увѣрена въ успѣхѣ; она хотѣла ускорить событія и силой овладѣть престоломъ; своими жестокостями въ отношеніи сына она возмутила общественное мнѣніе и подняла противъ себя войска. Наученная неудачей, она употребила цѣлыхъ пять долгихъ лѣтъ на терпѣливое подготовленіе успѣха и торжества путемъ самыхъ тонкихъ интригъ, прекрасно обдуманыхъ.

Константинъ VI обладалъ несомнѣнными качествами. Подобно своему дѣду, это былъ храбрый, энергичный, умный, способный царь; сами противники его поютъ ему похвалы и признаютъ за нимъ военныя доблести и дѣйствительную способность къ управленію. Возведенная противъ него обвиненія и въ частности развратная жизнь, какой его попрекали, не имѣютъ общаго значенія, какъ это можно подуматъ сначала, и

мѣтятъ, по мнѣнію пустившихъ эти обвиненія, исключительно на скандалъ, возбужденный его второй женитьбой. Безусловно православный, онъ былъ очень популяренъ среди низшихъ классовъ, и церковь благоволила къ нему; смѣлый и дѣятельный полководецъ, всегда готовый возобновить войну съ болгарами и арабами, онъ былъ любимъ войскомъ. Только благодаря ея необыкновенной ловкости Иринѣ удалось поссорить этого достойнаго монарха съ его лучшими друзьями, выставить его одновременно неблагодарнымъ, жестокимъ и низкимъ, дискредитировать его въ глазахъ войска, лишить его любви народа и, наконецъ, погубить его въ глазахъ церкви.

Прежде всего она употребила вновь пріобрѣтенное вліяніе, чтобы возбудить въ юномъ монархѣ подозрѣнія противъ Алексѣя Моселя, военачальника, устроившаго возстаніе въ 790 г., и такъ сильно скомпрометировала его, что императоръ лишилъ его милости и засадилъ въ тюрьму, затѣмъ ослѣпилъ. Для Ирины это было вдвойнѣ выгодно; она мстила человѣку, обманувшему ея довѣріе, и поднимала противъ Константина войско Арменіи, его лучшую поддержку. Дѣйствительно, узнавъ, какъ поступили съ ихъ любимымъ начальникомъ, войско это возмутилось. Въ 793 г. василевсу пришлось самому отправиться усмирять бунтъ: онъ произвелъ это съ крайней жестокостью, вслѣдствіе чего окончательно лишился расположенія войска. Въ то же время, такъ какъ партія, стоявшая за дядей его, кесарей, продолжала волноваться, императоръ, по совѣту Ирины, присудилъ старшаго къ ослѣпле-

нію, а остальнымъ четыремъ велѣлъ вырвать языкъ: довольно бесполезная жестокость, сдѣлавшая его крайне непопулярнымъ, особенно среди иконоборцевъ, любившихъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ жертвъ ихъ отца, Константина V. Наконецъ, чтобы окончательно возстановить противъ своего сына общественное мнѣніе, императрица придумала еще одно средство, самое макіавелическое изъ всѣхъ.

Константинъ VI, какъ извѣстно, не любилъ свою жену, несмотря на то, что имѣлъ отъ нея двухъ дочерей Евфросинію и Ирину. У него были любовницы. По возвращеніи императрицы Ирины во дворецъ, онъ вдругъ вспыхнулъ страстью къ одной изъ дѣвушекъ ея свиты; ее звали Θεодотой; она принадлежала къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій столицы, состоявшей въ родствѣ съ нѣкоторыми изъ самыхъ знаменитыхъ людей православной партіи, игуменомъ Саккудійскаго монастыря Платономъ и племянникомъ его Θεодоромъ. Ирина милостиво поощряла страсть сына къ своей придворной, и сама подала ему мысль развестись съ женой, чтобы жениться на молодой дѣвушкѣ; она хорошо знала, какой скандалъ произведетъ такая выходка царя, и заранее разсчитала всѣ ея послѣдствія, преслѣдуя собственные виды. Константинъ VI охотно принималъ эти совѣты; и вотъ во дворцѣ завелась тогда крайне интересная интрига, имѣвшая цѣлью избавить его отъ Маріи, къ которой мнѣ придется возвратиться, такъ какъ она необыкновенно характерна для византійскихъ нравовъ того времени. Во всякомъ случаѣ, кончилось тѣмъ, что, несмотря на сопротивленіе патріарха, импера-

торъ заточилъ свою жену въ монастырь, а самъ въ сентябрѣ 795 года женился на Θεодотѣ.

Что предвидѣла Ирина, то и не замедлило случиться. Среди всѣхъ христіанъ Византіи, вплоть до самыхъ отдаленныхъ провинцій, этотъ прелюбодѣйный союзъ встрѣтилъ всеобщій протестъ. Партія набожныхъ людей, страшно скандализованная, рвала и метала; монахи, раздувая огонь, громили императора, двоеженца и развратника, и возмущались слабостью патріарха Тарасія, который изъ политическихъ видовъ терпѣлъ подобную мерзость. Ирина втихомолку поддерживала и поощряла ихъ негодованіе, „ибо,—говоритъ одинъ современный лѣтописецъ,—они возставали противъ ея сына и позорили его“. Церковные писатели того времени рассказываютъ, до какихъ припадковъ бѣшенства доходилъ благочестивый гнѣвъ набожныхъ людей противъ непокорнаго и нечестиваго сына, противъ испорченнаго и развратнаго царя. „Горе граду,—писалъ Θεодоръ Студитъ, примѣняя къ нему слова изъ Эклезіаста,—горе граду, царемъ надъ которымъ поставленъ младенецъ“. Константинъ VI, болѣе спокойный, старался умиротворительными мѣрами утишить поднявшуюся страшную бурю. Такъ какъ главный очагъ сопротивленія былъ Саккудійскій монастырь въ Виѳиніи, онъ перѣхалъ подъ предлогомъ подышать воздухомъ въ городокъ Прусу; и оттуда, пользуясь близкимъ сосѣдствомъ, онъ вступилъ съ монахами знаменитаго монастыря въ самыя дружелюбныя сношенія и переговоры. Онъ даже кончилъ тѣмъ, что въ надеждѣ умиротворить ихъ такой предупредительностью, самолично посѣтилъ ихъ. Ничто

не помогло. „Хотя-бы и кровь нашу пришлось намъ пролить,—заявлялъ Θεодоръ Студить,—мы ее прольемъ съ радостью“.

Такая непримиримость заставила императора потерять терпѣніе, что было большой ошибкой: онъ рѣшилъ дѣйствовать силой. Былъ отданъ приказъ объ арестахъ; нѣкоторыхъ монаховъ подвергли тѣлесному наказанію, заключенію или ссылкѣ; остальные члены монашеской общины были разсѣяны. Но эти суровыя мѣры только усложнили положеніе. Монахи повсюду кипѣли гнѣвомъ противъ тирана, противъ „новаго Ирода“, и игумень Платонъ въ самомъ дворцѣ позволилъ себѣ оскорбить царя. Константинъ VI сдержался. На оскорбленіе игумена онъ только холодно отвѣчалъ: „Я не желаю дѣлать мучениковъ“, и спокойно выслушалъ его. Къ несчастью для него, онъ уже раньше зашелъ слишкомъ далеко. Общественное мнѣніе было возстановлено противъ молодого монарха: Ирина сумѣла этимъ воспользоваться.

Во время пребыванія двора въ Прусь императрица-мать дѣйствовала необыкновенно умѣло. Впрочемъ, и обстоятельства исключительно ей благопріятствовали. Юная царица Θεодота въ ожиданіи родовъ должна была возвратиться въ столицу, чтобы разрѣшиться отъ бремени въ священномъ дворцѣ, и Константинъ VI, сильно влюбленный въ жену, съ трудомъ переносилъ ея отсутствіе; поэтому, когда онъ узналъ въ октябрѣ 796 года, что у него родился сынъ, онъ поторопился возвратиться въ Константинополь. Такимъ образомъ, онъ предоставлялъ Ирину полную возможность интриговать. Подарками, обѣ-

щаніями, силой собственнаго очарованія она сумѣла переманить на свою сторону главныхъ начальниковъ охранной стражи; она убѣдила ихъ приготовить государственный переворотъ, имѣвшій цѣлью сдѣлать ее одну императрицей, и заговорщики, руководимые, какъ всегда, Ставракіемъ, условились выждать удобную минуту. На горизонтѣ была все же одна черная точка, благодаря которой все могло рухнуть. Достаточно было одной блестящей побѣды и Константинъ VI вернулъ бы себѣ весь свой былой престижъ: какъ разъ въ мартѣ мѣсяцѣ 797 года царь началъ кампанію противъ арабовъ. Друзья его матери не посовѣстились устроить такъ, что походъ совершенно не удался, помощью обмана, сильно смахивавшаго на измѣну; императоръ долженъ былъ возвратиться въ Константинополь, не имѣя возможности встрѣтиться съ непріателемъ, ничего не сдѣлавъ.

Рѣшительная минута близилась. 17 іюля 797 г. Константинъ VI возвращался съ ипподрома во дворецъ св. Мамы. Измѣнники, окружавшіе его, сочли минуту благопріятной и сдѣлали попытку схватить его. Но царь спасся отъ нихъ и, укрывшись на суднѣ, быстро переправился на азіатскій берегъ, рассчитывая на вѣрность войска, занимавшаго анатолійскую еему. Ирина, при первомъ извѣстіи о покушеніи уже завладѣвшая Большимъ дворцомъ, испугалась, потеряла голову; видя, что друзья колеблются, а народъ склоняется на сторону Константина, она уже подумывала объ униженіи и собиралась послать къ сыну епископовъ просить пощады, какъ вдругъ ея страсть къ верховной власти внушила ей мысль

въ послѣдній разъ поставить все на карту. Многіе изъ приближенныхъ императора сильно скомпрометировали себя вмѣстѣ съ ней; она пригрозила имъ выдать ихъ царю и доставить ему письменныя доказательства ихъ измѣны. Испуганные такими заявленіями и не видя другого средства избѣжать вѣрной гибели, заговорщики, собравшись съ духомъ, захватили несчастнаго монарха. Его привезли опять въ Константинополь, заперли въ священномъ дворцѣ въ порфировой комнатѣ, гдѣ онъ родился, и тутъ по приказанію его матери палачъ выкололъ ему глаза. Но онъ не умеръ. Сосланный въ пышный домъ онъ добился въ концѣ концовъ, что ему вернули жену его Θεодоту, мужественно поддерживавшую его въ роковую минуту; у него даже родился отъ нея второй сынъ, и такъ среди тихихъ сумерокъ дожиль онъ мирно послѣдніе годы своей жизни. Но жизнь императора съ той поры была для него кончена.

Никто, или почти никто, не оплакалъ судьбы несчастнаго монарха. Святоши въ своемъ узкомъ фанатизмѣ увидали въ постигшей его немилости должное наказаніе Божіе за его прелюбодѣйный союзъ, справедливую кару за строгія мѣры, принятыя имъ противъ монаховъ, поучительный примѣръ, наконецъ, долженствующій, какъ говорить Θεодоръ Студитъ, „научить самихъ императоровъ не нарушать божественныхъ законовъ, не предпринимать нечестивыхъ преслѣдованій“. И на этотъ разъ благочестивыя души вновь привѣтствовали съ благодарностью и восхищеніемъ освобожденіе отъ нечестивца, совершенное православноѣйшей царицей Ириной. Одинъ только

лѣтописецъ Теофанъ, несмотря на свою преданность монархинѣ, какъ будто, хотя и смутно, но почуялъ ужасъ ея преступленія: „Солнце,—пишетъ онъ,—затмилось на семнадцать дней, не дало пробиться ни одному лучу, и корабли блуждали по морю во тьмѣ; и говорили всѣ, что это по причинѣ ослѣпленія василевса солнце не хотѣло свѣтить; и такъ вступила на престоль Ирина, мать императора“.

V.

Ирина осуществила свою мечту: она царствовала. Тутъ, повидимому, ея счастье и ея всемогущество опьянили ее. Дѣйствительно, она осмѣлилась на неслыханную вещь, дотолѣ не виданную въ Византіи и какой не видѣли никогда и впослѣдствіи: она, женщина, приняла титулъ императора. Въ изданныхъ ею Новеллахъ она гордо величала себя: „Ирина, великій василевсъ и автократоръ римлянъ“; на монетахъ, ею чеканенныхъ, на диптихахъ изъ слоновой кости, гдѣ и сейчасъ можно видѣть ея изображеніе *), она является во всемъ пышномъ великолѣпнѣи верховной власти. Такой, и еще въ бѣльшемъ великолѣпнѣи, захотѣла она предстать передъ своимъ народомъ. Въ понедѣльникъ на святой 799 г. она изъ церкви св. Апостоловъ прослѣдовала во дворецъ въ торжественной процессіи, сидя на золотой колесницѣ, запряженной четверкой бѣлыхъ коней, которыхъ вели подъ уздцы четыре

*) Одна въ Вѣнскомъ, другая во Флорентійскомъ музеѣ Барджелло. Ср. Molinier, loc. cit. I, p. 81—84.

важныхъ сановника; одѣтая въ роскошный костюмъ василевсовъ, сверкая пурпуромъ и золотомъ, она, согласно обычаю римскихъ консуловъ, бросала пригоршнями деньги собравшейся толпѣ. Это былъ какъ бы апогеозъ честолюбивой монархини и апогей ея величія.

Въ то же время ловкая, какъ всегда, она не переставала заботиться о своей популярности и упроченіи своей власти. Ея зятя кесари, упорное честолюбіе которыхъ переживало всѣ невзгоды, снова стали волноваться; она жестоко обуздала ихъ за эту попытку и отправила ихъ въ далекую ссылку въ Аѳины. Своимъ же друзьямъ монахамъ, напротивъ, она выказывала самое внимательное благорасположеніе: она приказывала строить для нихъ новые монастыри, щедро одѣляла возстановленныя обители; благодаря ея явной милости, большіе монастыри, какъ Саккудійскій въ Виѳиніи и Студійскій въ столицѣ, достигли тогда небывалаго благосостоянія. Наконецъ, чтобы примирить съ собой народъ, она прибѣгала къ всевозможнымъ либеральнымъ мѣрамъ: щедрою рукой сбавляла подати, исправляла финансовое управленіе, уменьшала таможенные сборы на морѣ и сушѣ, а также налоги на предметы потребленія и промышленности, привлекала къ себѣ бѣдныхъ, основывая благотворительныя учрежденія. И Константинополь, очарованный, привѣтствовалъ свою благодѣтельницу.

Между тѣмъ вокругъ состарѣвшейся монархини при дворѣ ея ковались козни, затѣвались тайныя интриги: любимцы Ирины оспаривали другъ у друга ея наслѣдіе. Дѣйствительно, въ

случаѣ ея смерти престолъ оставался пустъ: отъ перваго брака Константина VI родились только двѣ дѣвочки; что касается до дѣтей отъ второго брака, старшій сынъ Левъ умеръ, едва достигнувъ возраста нѣсколькихъ мѣсяцевъ; второй же, родившійся послѣ паденія отца, считался какъ бы незаконнымъ, рожденнымъ какъ бы внѣ брака и лишеннымъ всякихъ правъ на императорскій престолъ. Поэтому оба евнуха, правившіе монархіей, Ставракій и Аэцій, мечтали захватить власть въ свои руки, чтобы помогать своимъ близкимъ и всячески выдвигать свою родню на пути почестей. Разстроенное здоровье Ирины давало поводъ питать надежды на ближайшее будущее. Тѣмъ не менѣе, ревнуя до самыхъ послѣднихъ своихъ дней о верховной власти, до крайности подозрительная относительно всякаго, кто, казалось, грозилъ похитить у нея вѣнецъ, старая царица упорно защищала престолъ, доставшійся ей путемъ преступленія.

И въ продолженіе болѣе чѣмъ цѣлаго года въ священномъ дворцѣ происходили непрестанные доносы, разыгрывались страшныя сцены, производились внезапныя опалы, неожиданныя возвращенія милости; и Аэцій доносилъ о заговорахъ честолюбиваго Ставракія, Ставракій затѣвалъ возмущенія, чтобы погубить Аэція, а между ними двумя Ирина, сомнѣвающаяся, колеблясь и раздражаясь, являлась то карающей, то милующей. И есть что-то дѣйствительно трагическое въ этой борьбѣ старой обезсиленной, но все еще отчаянно цѣпляющейся за власть императрицы и всемогущимъ министромъ, тоже больнымъ, харкающимъ кровью, на рукахъ врачей и нака-

нунѣ смерти все продолжающимъ упорствовать въ заговорахъ и противъ всякой очевидности все еще мечтающимъ о тронѣ. Онъ палъ первымъ, около половины 800 года. Въ то время какъ византійскій дворъ пожирала безплодные раздоры, въ храмѣ св. Петра въ Римѣ Карлъ Великій возстановилъ западно-римскую имперію.

Говорять, будто германскій императоръ и старая византійская императрица замыслили великое дѣло: соединить при помощи брака обѣ монархіи подъ однимъ общимъ скипетромъ и возстановить болѣе славнымъ и могучимъ, чѣмъ оно было даже во времена Цезаря, Константина или Юстиніана древнее единство римскаго государства—*orbis romanus*. Это представляется совершенно неправдоподобнымъ; но тѣмъ не менѣе завязались сношенія, чтобъ установить между обоими государствами *modus vivendi*. Франкскіе послы были въ Константинополѣ, когда разразилась послѣдняя катастрофа, сломившая Ирину.

По мѣртвѣ того какъ старая императрица слабѣла, происки вокругъ нея становились все болѣе пылкими и смѣлыми. Аэцій, ставшій теперь послѣ смерти своего соперника всеильнымъ, открыто выдвигалъ своего брата и старался заручиться для него поддержкой войска. Противъ дерзкаго и высокомернаго честолюбца возставали другіе важные сановники; и одинъ изъ министровъ, логоветъ Никифоръ, пользовался всеобщимъ недовольствомъ, чтобы въ свою очередь составить заговоръ противъ царицы. Наконецъ, партія иконоборцевъ скрытно подготовляла себѣ пути къ отмщенью. 31 октября 802 года рево-

люція разразилась. „Богъ въ неисповѣдимой мудрости Своей,—говоритъ благочестивый лѣтописецъ Теофанъ,—допустилъ ее, чтобы покарать человѣчество за его грѣхи“.

Ирина жила тогда за городомъ въ Элевѳерійскомъ дворцѣ, своей любимой резиденціи. Заговорщики, среди которыхъ были старые друзья Аэція, недовольные теперь временщикомъ, старые приближенные Константина VI, нѣсколько офицеровъ иконоборцевъ, жаждавшихъ мести, высшіе гражданскіе чины, наконецъ, придворные и даже родственники императрицы, всѣ осыпанные ея милостями, воспользовались ея отсутствіемъ. Въ десять часовъ вечера они явились у воротъ священнаго дворца, предъявляя стражѣ Халки свои полномочія, будто бы полученныя отъ царицы, якобы приказавшей имъ немедленно провозгласить императоромъ Никифора, чтобы онъ помогъ противостать кознямъ Аэція. Стража повѣрила и открыла входъ во дворецъ.

При всякой византійской революціи этимъ прежде всего надо было заручиться, и это являлось какъ бы залогомъ и символомъ успѣха. И дѣйствительно, еще ночь не прошла, а ужъ глашатаи возвѣстили по всему городу о восшествіи на престолъ Никифора и успѣхѣ государственнаго переворота, безъ того, чтобы хоть единый человѣкъ сдѣлалъ малѣйшую попытку сопротивленія. Въ то же самое время Ирина, внезапно схваченная въ Элевѳеріи, была подъ надежной охраной привезена въ Константинополь и заперта въ священномъ дворцѣ; и на слѣдующее же утро въ храмъ св. Софіи патріархъ Тарасій, какъ

видно, довольно скоро забывшій благодѣянія императрицы, самъ вѣнчалъ на царство съ невозможной поспѣшностью новаго василевса. Между тѣмъ это еще былъ далеко не конецъ. Ирина пользовалась популярностью; опомнившись отъ перваго пораженія, народъ явно выказывалъ свою враждебность заговорщикамъ. Сыпались оскорбленія по адресу новаго владыки, поносили патріарха; и многіе, вспоминая завѣренія въ преданности, какими заговорщики злоупотребили въ отношеніи своей монархини, съ негодованіемъ укоряли ихъ въ неблагодарности. Сожалѣли о низвергнутомъ правленіи, о благоденствіи, какое оно принесло съ собой, страшились грядущаго будущаго; и большинство, еще какъ бы не вѣря только что совершившемуся событію, спрашивало себя, не было ли это все тяжелымъ бредомъ. Всѣхъ охватили ужасъ и отчаяніе; а хмурое небо туманнаго холоднаго утра дѣлало еще болѣе зловѣщей и трагической зарю новаго царствованія.

Женщина дѣйствительно энергичная, быть можетъ, сумѣла бы воспользоваться подобными обстоятельствами: Ирина этого не сдѣлала. Между двумя чувствами, честолюбіемъ и благочестіемъ, владѣвшими безраздѣльно ея душой и руководившими ею въ жизни, благочестіе на этотъ разъ взяло верхъ. Не потому, чтобы паденіе ея сколько-нибудь ослабило ея смѣлость: она не выказала ни малѣйшей слабости; но передъ совершившимся фактомъ, „какъ женщина мудрая и любящая Бога“, по словамъ одного современника, она склонилась безъ всякаго ропота. Когда на другой день послѣ коронованія, Никифоръ при-

шелъ навѣстить ее съ глазами, полными приторныхъ слезъ, и съ обычнымъ ему напускнымъ добродушіемъ, указывая на оставленные имъ на себѣ черные башмаки вмѣсто пурпуровыхъ туфель, онъ сталъ увѣрять, что надъ нимъ совершили насиліе, чутъ ли не извиняясь за то, что онъ императоръ. Ирина съ истинно христіанскимъ смиреніемъ преклонилась передъ новымъ василевсомъ, какъ передъ избранникомъ Божиимъ, благословляя неисповѣдимый промыселъ Господень и признавая свое паденіе наказаніемъ за свои грѣхи. У нея не сорвалось ни единого упрека, ни единой жалобы; по требованію Никифора она даже отдала свою казну, выразивъ только желаніе, чтобы ей предоставили свободное пользованіе ея Элеверійскимъ дворцомъ.

Узурпаторъ обѣщаль все, что она хотѣла: онъ завѣрилъ ее, что покуда она жива, съ ней будутъ обращаться „какъ это подобаеть царицѣ“. Но онъ тотчасъ же забылъ свои обѣщанія. Старая монархиня была удалена изъ Константинополя и сослана на первыхъ порахъ въ монастырь, основанный ею на островѣ Принкипо. Но затѣмъ и это ея мѣстопробываніе показалось слишкомъ близкимъ. Въ ноябрѣ 802 г., несмотря на наступившіе преждевременно сильные холода, ее отправили на Лесбось; тамъ ее держали подъ строгимъ надзоромъ и запретили кому бы то ни было имѣть доступъ къ ней: такъ сильно боялись еще ея происковъ и ея несокрушимаго честолюбія. И въ этомъ-то тоскливомъ уединеніи провела она послѣднее время своей жизни и умерла въ августѣ 803 года, одинокая, всѣми покинутая. Тѣло ея было привезено въ мона-

стырь на Принкипо, а позднѣе въ Константинополь, гдѣ оно было предано погребенію въ церкви св. Апостоловъ, въ придѣлѣ, гдѣ находилась усыпальница столькихъ императоровъ.

Такой благочестивой и православной императрицѣ, какой была Ирина, церковь простила все, даже ея преступленія *). Византійскіе лѣтописцы, современные ей, называютъ ее блаженнѣйшей Ириной, новой Еленой, „мученически борющейся за истинную вѣру“. Теофанъ оплакиваетъ ея паденіе, какъ бѣдствіе, и сожалеетъ, что минули годы ея царствованія, такъ какъ это было время рѣдкаго благоденствія. Θεодоръ Студитъ, святой, льстилъ ей самымъ низкимъ образомъ и не находилъ достаточно восторженныхъ словъ, чтобы восхвалять „преблагую монархиню“, „обладающую разумомъ столь чистымъ, душой по истинѣ святой“; благодаря своему благочестію и желанію угодить Богу избавившую народъ свой отъ рабства, и нынѣ дѣла „блистають подобно свѣтиламъ небеснымъ“. Но исторія по отношенію къ Иринѣ должна быть менѣе снисходительна и болѣе справедлива. Можно понять и даже, если угодно, извиить ошибку честнаго человѣка, ослѣпленнаго духомъ партійности, но не имѣешь права участвовать въ ней. Въ дѣйствительности эта прославленная монархиня была главнымъ образомъ женщиной политической и набожной,

*) Надо, однако, замѣтить, что нѣкоторые византійцы довольно скоро почувствовали ужасъ ея преступленія и старались уменьшить ея отвѣтственность. Лѣтописецъ Георгій Монахъ, писавшій въ IX вѣкѣ, заявляетъ, что Константинъ VI былъ ослѣпленъ „не въ ея присутствіи, и она даже не знала о намѣненіи своихъ министровъ“.

которую жажда престола довела до преступленія и у которой значительность достигнутыхъ ею результатовъ не могла быть оправдана совершеннымъ ею злодѣяніемъ.

Дѣйствительно, своими интригами она на цѣлыхъ 80 лѣтъ возобновила въ Византіи къ большому вреду для имперіи эру дворцовыхъ революцій, которую приблизительно вѣкомъ раньше прѣкратили ея славные предшественники императоры-иконоборцы.

ГЛАВА V.

Византійская женщина средняго круга въ VIII вѣкѣ.

Что мы меньше всего знаемъ объ исчезнувшихъ обществахъ, съ чѣмъ менѣе знакомятъ насъ документы, но что, быть можетъ, сильнѣе всего заинтересовало бы насъ, это чувства, обыкновенія и мысли, положеніе и домашняя жизнь среднихъ классовъ. Насчетъ великихъ особъ, императоровъ и императрицъ, папъ и патріарховъ, министровъ и полководцевъ, насчетъ всѣхъ занимавшихъ первыя мѣста и игравшихъ главныя роли на исторической сценѣ, мы освѣдомлены достаточно полно и достаточно точно; мы знаемъ ихъ дѣйствія, можемъ разобратся въ ихъ мотивахъ и льстимъ себя увѣренностью, что способны проникнуть въ глубь ихъ души. Дѣло обстоитъ иначе, какъ только спустишься на нѣсколько ступеней ниже по общественной лѣстницѣ: тутъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, полная неизвѣстность. А между тѣмъ образы этихъ людей, не поднявшихся до главной роли на исторической сценѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ иныхъ знаменитостей, поучительны для историка. Великій человѣкъ, тѣмъ самымъ, что онъ великій

человѣкъ, отличается всегда рѣзкой индивидуальностью и ненормальностью; средній человѣкъ, вообще только экземпляръ постоянно повторяющагося типа и имѣеть въ нѣкоторомъ родѣ представительную цѣнность. По одному такому человѣку можно судить о тысячахъ; а такъ какъ эти тысячи составляютъ скрытый матеріаль, изъ котораго слагается исторія, становится совершенно яснымъ, какъ много знакомство съ подобными личностями, если оно только возможно, проливаетъ свѣта на умственное и нравственное состояніе данной эпохи.

Поэтому, можетъ быть, представляетъ нѣкоторый интересъ на ряду съ благочестивѣйшей императрицей Ириной попытаться нарисовать портретъ женщины средняго сословія, ея современницы. Ее звали Θεоктистой и она была матерью запальчиваго ревностнаго монаха, пылкаго полемиста, смѣлаго и страстнаго борца Θεодора Студита. Благодаря любопытному надгробному слову, произнесенному сыномъ въ ея память, благодаря еще нѣкоторымъ другимъ документамъ, мы достаточно хорошо ее знаемъ. А вмѣстѣ съ ней мы можемъ проникнуть немного и въ домашнюю жизнь средняго сословія Византіи, такъ мало намъ извѣстнаго, но столько сдѣлавшаго, благодаря своимъ большимъ положительнымъ качествамъ, для блага и процвѣтанія имперіи; и это будетъ первая оказанная ею намъ услуга въ дѣлѣ нашего ознакомленія съ этимъ обществомъ. Ей будемъ мы обязаны еще и другимъ. Являя собой средній, несомнѣнно, довольно обыкновенный типъ женщины своего времени, она поможетъ намъ, благодаря складу ума и ха-

рактору страстей, которыми сама отмѣчена, понять складъ ума и страсти вѣка, полного волненій и тревогъ, въ который она жила; она поможетъ намъ въ частности правильнѣе судить объ этой императрицѣ Иринѣ, которая при первомъ взглядѣ такъ сильно возмущаетъ и разочаровываетъ насъ; она поможетъ намъ, наконецъ, дать себѣ болѣе ясный отчетъ о событіяхъ этой живописной и мутной эпохи, въ которыя она не разъ была замѣшана или прямо, или при посредствѣ своего сына.

I.

Θеоктиста родилась въ первой половинѣ VIII вѣка, по всей вѣроятности около 740 года, въ Константинополѣ отъ состоятельныхъ, чтобы не сказать богатыхъ, родителей, людей средняго сословія. По счету она была третьимъ ребенкомъ въ семьѣ. О сестрѣ ея мы знаемъ мало, развѣ только то, что она вела свѣтскій образъ жизни, а брату, носившему чисто античное имя Платона, суждено было впоследствии стать знаменитымъ и имѣть на свою сестру глубокое вліяніе. Совсѣмъ юной Θеоктиста осталась сиротой. Жестокая чума 747 года, страшно опустошившая столицу, унесла ея родителей и большую часть ея близкихъ. Одинъ ея дядя, служившій въ управленіи императорскими финансами, пріютилъ сиротъ. Онъ далъ мальчику самое тщательное воспитаніе, чтобы открыть ему дорогу къ государственной дѣятельности. Воспитаніе это удалось, какъ нельзя лучше. Платонъ былъ благодѣтельный юноша, исполнительный, избѣгавшій дур-

ного общества, не тратившій времени на развлечения, а денегъ на игру, юноша осторожный, съ молоду умѣвшій распорядиться своими средствами и приумножать свое состояніе, такъ что византійскія матери обращали на него вниманіе, видя въ немъ превосходную партію для своихъ дочерей. Но тотъ, о комъ мечтали матери, ненавидѣлъ свѣтъ; очень набожный, онъ чаще ходилъ въ церковь, чѣмъ на какое-либо зрѣлище, любилъ чтеніе больше, чѣмъ увеселенія, и приводилъ въ восхищеніе своего исповѣдника, сумѣвъ такъ рано достигъ совершенства. По брату можно иногда предугадать, какова будетъ и сестра.

Само собою разумѣется, согласно византійскому обычаю, дядя меньше заботился о воспитаніи дѣвочекъ, чѣмъ о воспитаніи мальчика. Въ этомъ обществѣ, отмѣченномъ столькими чертами чисто восточнаго характера, женщина получала всегда домашнее воспитаніе; можно себѣ поэтому представить, что когда родителей не было, воспитаніе рисковало быть довольно небрежнымъ. Это и случилось съ Θεоктистой. Она оставалась крайне невѣжественной и въ послѣдствіи ей пришлось много потрудиться, чтобъ возмѣстить недостатки своего первоначальнаго образованія. Опекунъ заботился объ одномъ: хорошо выдать ее замужъ. Въ тѣ времена въ Византіи идеальный типъ хорошаго мужа съ родительской точки зрѣнія былъ человѣкъ здравомыслящій, способный пробиться въ жизни: дядя Θεоктисты нашелъ такого феникса на правительственной службѣ, гдѣ самъ служилъ чиновникомъ. Это былъ высокій чиновникъ въ фи-

нансовомъ управленіи, хорошо принятый при дворѣ и дѣлавшій карьеру. Его звали Фотеиномъ. Такъ какъ молодая дѣвушка была богата, — она какъ разъ въ это время къ личнымъ своимъ средствамъ могла присоединить часть состоянія брата своего Платона, постригшагося въ монахи, — дѣло легко уладилось и предполагавшійся бракъ былъ заключенъ.

Феоктиста была женщина во вкусъ многихъ мужей. Она не любила туалетовъ, не любила свѣтской жизни. Отвергая пустыя украшенія, она всегда была одѣта во все темное. Когда ей приходилось выѣзжать, когда она должна была присутствовать, на примѣръ, на какомъ-нибудь свадебномъ пиршествѣ, она держала себя въ обществѣ очень сдержанно, скромно и цѣломудренно опуская глаза, когда за десертомъ начались комическія интермедіи, и едва осмѣливалась касаться до подаваемыхъ ей блюдъ. Не потому, чтобы она была застѣнчива или неловка: прежде всего, это была женщина добродѣтельная, больше всего думавшая объ исполненіи своего долга, ограничивавшая свои желанія стараніемъ нравиться своему мужу, хорошо вести свой домъ и хорошо воспитывать своихъ дѣтей.

Надо ли прибавлять, что она была благочестива? „Поклоняться Богу, любить исключительно Его“, было для нея главной добродѣтелью. Однако ея благочестіе было свободно отъ всякаго суевѣрія, и эта черта дѣлаетъ честь ея могучему здравому смыслу, силѣ ея разсудка. Дѣйствительно, въ VIII вѣкѣ христіанство было еще очень перемѣшано съ язычествомъ; вѣра въ колдовство, всякія чары и волшебства была чрезвы-

чайно распространена. Существовалъ, напри-
мѣръ, общераспространенный обычай, чтобы
уберечь отъ зла новорожденныхъ, вѣшать въ
ихъ спальни амулеты, а также и подъ ко-
лыбелью, произносить надъ ними магическія за-
клинанія, надѣвать имъ на шею ожерелья и та-
лисманы: ибо всякому было извѣстно, что ихъ
хрупкому существованію грозили безчисленныя
опасности, что ихъ подкарауливали всюду невидимыя колдуньи, способныя пройти сквозь наи-
лучшимъ образомъ запертую дверь и старавші-
я всячески ихъ погубить. И чтобы оградить
отъ этихъ козней, заботливыя матери призывали
вѣдуній, отстранявшихъ опасность. Теокиста,
хотя ее за это очень порицали въ ея кругу, не
придавала никакого значенія всѣмъ этимъ обы-
чаямъ; она полагала, что сдѣланное надъ ре-
бенкомъ знаменіе креста служить ему достаточ-
ной и болѣе вѣрной охраной. Но при этомъ она
любила молиться, до поздней ночи читала свя-
щенныя книги, произносила псалмы; она часто
постилась, никогда не клялась и не лгала. Также
и добрыми дѣлами старалась она заслужить
вѣчное спасеніе. Не будучи особенно богатой,
она была безконечно милосердна. Вдовы, си-
роты, старики, больные и даже страдавшіе са-
мыми отвратительными болѣзнями, эпилептики и
прокаженные, всѣ находили у нея помощь и
поддержку; и она не пропускала ни одного празд-
ника, чтобы не накормить и не угостить хоть
одного, какъ она выражалась, „бѣднаго брата о
Христѣ“. При такихъ склонностяхъ она, понятно,
была совершенно равнодушна къ земнымъ ве-
щамъ, и понятно также, что при своей набож-

ности она была крайне предана иконамъ и от-носилась съ большимъ уваженіемъ къ защищав-шимъ ихъ монахамъ.

При всемъ томъ это была натура энергичная, „женщина сильная“, изъ тѣхъ, что любятъ упра-влять и подчинять себѣ все и всѣхъ. Подобно многимъ византійскимъ семьямъ она, повидимому, играла у себя въ домѣ гораздо бѣльшую роль, чѣмъ ея мужъ. Будучи прекрасной хозяйкой, она при всей своей набожности находила время за-ниматься всѣми хозяйственными дѣлами; она обо всемъ заботилась, за всѣмъ наблюдала, ко всему прикладывала свою руку, ничего не жалѣя, чтобы только все шло хорошо въ домѣ и хозяйство процвѣтало. Наблюдая за всѣмъ бдительнымъ окомъ, она не давала никогда спуску прислугѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была добра къ ней и обращалась съ ней хорошо. Къ полагававшемуся ей по обыкновенію хлѣбу, вину и салу она охотно прибавляла въ праздничные дни какое-нибудь лакомство, свѣжее мясо, рыбу, птицу, лучшаго качества напитки, говоря, что вполнѣ несправедливо было бы ей одной пользоваться всѣми этими лакомыми блюдами. Но она была неумолима, разъ дѣло касалось нравственности, уклоненій отъ благопристойности и когда замѣ-чала, что „нечисты на руку“. И такъ какъ эта женщина съ властнымъ темпераментомъ была къ тому же и очень раздражительна, то не рѣдко случалось, что за выговоромъ слѣдовалъ жестъ. Руки у нея были проворныя, и когда ей случалось вспылить, пощечины такъ и сыпались. Тѣмъ не менѣе слуги очень ее любили: всѣ знали, что намѣренія у нея были хорошія, и кромѣ того,

когда гнѣвъ ея проходилъ, она ласково извинялась. Когда ей случалось побить свою горничную, она испытывала безконечныя угрызения совѣсти; она уходила тогда къ себѣ въ спальню, ударяла себя по лицу, приносила покаяніе и въ концѣ концовъ, призывавъ побитую служанку и ставъ передъ ней на колѣни, она смиренно просила у нея прощенія.

Такой же твердой, тяжеловатой рукой управляла она и семьей. Она любила своего мужа и очень старалась избавить его всячески отъ огорченій; однако она уговорила его жить съ ней, какъ братъ съ сестрой, внушая ему, что жизнь въ сущности только приготовленіе къ смерти, и что лучше всего, чтобы приготовиться къ вѣчной разлукѣ, упразднить и въ этомъ мірѣ слишкомъ близкія отношенія. Не менѣе внимательно заботилась она и объ обученіи и нравственномъ образованіи своихъ дѣтей. У нея было три сына и одна дочь. Чтобы дать имъ хорошее воспитаніе, будучи сама, какъ извѣстно, довольно невѣжественна, она рѣшила сдѣлаться образованной; но такъ какъ она была добросовѣстна, ей пришлось посвящать ночи чтенію, предаваясь долгимъ бдѣніямъ при свѣтѣ свѣчи, для того, чтобы не отнимать ни минуты времени у дня, посвященнаго заботамъ о мужѣ и о хозяйствѣ. Въ особенности для образованія молодыхъ душъ придавала она значеніе дѣйствию примѣра; поэтому съ самаго дѣтства она сдѣлала свою дочь участницей въ своихъ благотворительныхъ дѣлахъ, уча ее помогать бѣднымъ, заставляя ее ухаживать за прокаженными. Въ то же время она побуждала ее читать священныя книги, вос-

пламеня ея благочестіе, отвращая ея отъ міра, не показывая ей ни драгоцѣнностей, ни пурпуровыхъ одеждъ, и уже заранѣе посвящая ея Богу.

Но главнымъ ея любимцемъ былъ ея сынъ Феодоръ. Это былъ тихій ребенокъ, созрѣвшій прежде времени; онъ не слишкомъ любилъ игры и общество товарищей; ему больше нравилось чтеніе, особенно чтеніе священныхъ книгъ, и мать, понятно, одобряла и поддерживала его вкусы. До семи лѣтъ она не отпускала его отъ себя, выхаживая его съ особой заботливостью; позднѣе, когда онъ сталъ заниматься у учителей, когда послѣ первоначальнаго обученія онъ изучалъ послѣдовательно грамматику, діалектику, риторику, философію, богословіе, она продолжала заботливо за нимъ наблюдать. Впрочемъ, и тутъ, какъ во всемъ остальномъ, она проявляла то же смѣшеніе нѣжности и суровости, что составляло основу ея системы воспитанія и управленія: добрые совѣты и уговоры матери часто подкрѣплялись авторитетомъ розги. Несмотря на это, отношенія между матерью и дѣтьми носили прелестный характеръ простоты, почтенія, сильной и глубокой привязанности. Каждый вечеръ, послѣ того, какъ дѣти ложились спать, Феоктиста приходила перекрестить ихъ сонныхъ; утромъ первая ея забота была заставить ихъ прочесть молитвы: и много лѣтъ спустя, въ письмѣ своемъ къ умирающей матери Феодоръ Студитъ съ благодарностью вспоминалъ объ этомъ дѣятельномъ и нѣжномъ попеченіи, вызывалъ въ памяти образъ матери, день и ночь молившей Бога о счастіи и спасеніи своей семьи.

II.

Такова была Оеоктиста. Однако въ столь тяжелыя времена, какія переживала тогда церковь, въ правленіе Константина V и его сына, было нѣсколько неосторожно слишкомъ открыто выражать свои чувства, особенно для жены чиновника. Поэтому есть основаніе думать, что, подобно императрицѣ Иринѣ, она отчасти скрывала свои мнѣнія. Но когда послѣ смерти Льва IV съ наступленіемъ регентства Ирины возвратились лучшіе дни для иконопочитателей и гонимыхъ монаховъ, ея благочестіе, долго сдерживаемое, вспыхнуло съ тѣмъ бѣльшей страстностью.

Терпимость новаго правительства позволила возвратиться въ Константинополь брату Оеоктисты Платону, и первымъ дѣломъ суроваго монаха было начать въ столицѣ проповѣдь нравственности. Въ особенности призывалъ онъ въ своихъ рѣчахъ къ презрѣнію здѣшняго міра, къ любви къ бѣднымъ, къ заботѣ о чистотѣ нравовъ; и такъ какъ онъ имѣлъ видъ истиннаго аскета и былъ краснорѣчивъ, то имѣлъ быстрый и большой успѣхъ. Совершенно понятно, что онъ скоро возымѣлъ глубокое вліяніе на свою благочестивую сестру и на окружавшихъ ее, въ особенности на племянника своего Оедора. Въ домѣ Оеоктисты монахи стали постоянными и почетными гостями, и скоро отъ общенія съ ними набожная византійка увѣрила себя, что не можетъ сдѣлать лучше, какъ посвятить себя Богу, а также и всѣхъ своихъ. Старшій ея сынъ съ самаго начала вполнѣ сочувствовалъ такимъ на-

мѣреніямъ. Вдвоемъ они убѣдили отца, затѣмъ увлекли и другихъ дѣтей; въ концѣ концовъ Теокиста уговорила даже троихъ братьевъ своего мужа послѣдовать за ними въ монастырь, и всѣ вмѣстѣ рѣшили отказаться отъ міра, его соблазновъ и великолѣпія.

Когда такое рѣшеніе стало извѣстнымъ, оно сильно поразило жителей столицы, и всѣ бывшіе въ сношеніяхъ съ семьей Теокисты были глубоко взволнованы рѣшеніемъ этихъ богатыхъ, всѣми уважаемыхъ и счастливыхъ людей отречься такимъ образомъ отъ всѣхъ радостей, отъ всѣхъ упованій общественной и свѣтской жизни, порвать со всѣми дорогими человѣческими привязанностями, добровольно отказаться отъ возможности продолжать столь славный родъ. Говорятъ, даже сама императрица Ирина была этимъ очень взволнована. Но никакое соображеніе не могло поколебать Теокисту. „Въ день, назначенный ею для оставленія своего дома,—пишетъ ея сынъ,—она созвала, какъ на праздникъ, всѣхъ своихъ семейныхъ. Мужчины были опечалены, женщины плакали, присутствуя при такомъ странномъ добровольномъ отъздѣ; тѣмъ не менѣе всѣ, чувствуя величіе совершающейся тайны, въ благоговѣннiи прославляли происходившее событіе“. И тутъ, какъ всегда, всѣмъ распорядилась Теокиста, съ своимъ обычнымъ чувствомъ порядка, съ своей тщательной заботливостью обо всѣхъ подробностяхъ. Прежде всего она отправила своего мужа, болѣе взволнованнаго, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало бы, отъ этой разлуки съ тѣмъ, что было его жизнью; потомъ, благодаря ея стараніямъ, былъ проданъ домъ и всѣ

свободныя деньги розданы бѣднымъ; слугъ отпустили на волю, и каждый получилъ маленькое завѣщанное имущество на память о своихъ старыхъ хозяевахъ. Послѣ этого, свободная отъ всѣхъ своихъ мірскихъ обязанностей, Теокиста всецѣло предалась Богу. Ея постриженіе было торжественной и трогательной церемоніей.

Всеобщее любопытство, возбужденное всѣми этими происшествіями, собрало въ церкви огромную толпу. „Мы также были тамъ съ нашимъ отцомъ, — рассказываетъ Федоръ Студить, — не зная, должно ли намъ радоваться или плакать. Мы теряли нашу мать; ужъ мы не могли, какъ прежде, свободно подойти къ ней, свободно заговорить съ ней; и при мысли, что вотъ-вотъ будемъ разлучены съ ней, сердце у насъ сжималось. Мы сами съ отцомъ, чуть церемонія окончится, должны были итти и постричься; и я, тогда уже большой, несмотря на мое огорченіе и слезы, чувствовалъ вмѣстѣ съ тоской и нѣкоторую радость; но мой младшій братъ, тогда еще совсѣмъ ребенокъ, когда настало время разставанья и наступила минута послѣдняго прощанья, послѣдняго лобзанья, бросился къ матери, прижался къ ея груди, отчаянно сталъ за нее цѣпляться, умоляя, чтобы она еще хоть немного позволила ему остаться съ ней, и обѣщая, что потомъ онъ покорно исполнитъ все, что она захочетъ. И вы думаете, что это твердое, какъ алмазь сердце смягчилось, что оно тронулось этой дѣтской мольбой? Ничуть не бывало. Что же отвѣчала святая женщина? Торжествуя побѣду надъ своими материнскими чувствами, она обратила къ сыну строгое лицо: „Если ты сей-

часть же не уйдешь добровольно, мое дитя, сказала она ему, я собственноручно отведу тебя на судно и отправлю, куда должно“. Ѳедоръ крайне восхищается этой стоической твердостью души, всѣмъ жертвующей ради религіи, вплоть до самыхъ естественныхъ и законныхъ человѣческихъ чувствъ. По правдѣ сказать, намъ нѣсколько трудно понять это восхищеніе, и сами благочестивые толкователи Ѳедора не могутъ не признать его до нѣкоторой степени чрезмѣрнымъ. Но тѣмъ не менѣе, интересно отмѣтить, равно у матери, какъ и у сына, подобную манеру чувствовать и думать, которая насъ удивляетъ. Наблюдая подобное состояніе души, лучше понимаешь преступленіе Ирины, равно и то, что у Ѳедора Студита не нашлось ни единого слова порицанія по поводу преступленія, совершеннаго этой матерью надъ своимъ сыномъ.

Послѣ постриженія Ѳеоктисты вся семья удалась въ одно имѣніе, принадлежавшее ей въ Виѳиніи и называвшееся Саккудіемъ. Это былъ холмъ, поросшій деревьями, а наверху его разстилалась небольшая равнина, орошаемая ручьемъ; отсюда открывался широкій видъ, необъятные горизонты, окаймленные серебристой полосой далекаго моря. Нельзя было найти болѣе мирный пріютъ, болѣе приспособленный къ устройству монастыря. Но Саккудійскій монастырь не сталъ одной изъ тѣхъ модныхъ обителей, какія основывали въ тѣ времена скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ благочестія, многіе богатые люди, сохранявшіе, несмотря на свое удаленіе въ монастырь, состояніе, рабовъ, весь прежній образъ жизни и безъ серьезнаго призванія,

безъ предварительнаго опыта вмѣшивавшіеся въ управленіе монашеской общиной, „вчера новопостриженный, сегодня игумень“. По просьбѣ Θεоктисты суровый Платонъ принялъ на себя устройство и управленіе монастыря, гдѣ собирались жить его близкіе; онъ добросовѣстно исполнилъ свою задачу. Прежде всего удалилъ изъ монастыря рабовъ и женщинъ; болѣе того, уступая обычной и крайней строгости византійскихъ монаховъ, запретилъ въ него доступъ всякому существу женскаго пола. Сама Θεоктиста должна была подчиниться общему правилу и примириться съ тѣмъ, чтобы жить отдѣльно; и такъ какъ не успѣли еще выстроить домъ для женщинъ, она жила сначала затворницей въ уединенной кельѣ съ дочерью и одной изъ родственницъ. Позднѣе она вступила въ одинъ монастырь; но повидимому, несмотря на свое смиреніе и желаніе быть покорной, эта властная женщина, и какъ монахиня, не отличалась покладистымъ нравомъ. Сынъ ея Θεодоръ говоритъ съ нѣскольکو смущенной сдержанностью о затрудненіяхъ, какія у нея выходили съ другими сестрами, и о непріятностяхъ, какія она испытывала; въ концѣ концовъ ей пришлось оставить этотъ монастырь и искать другого пріюта. Къ счастью для нея, обстоятельства должны были скоро дать ей возможность проявить свою набожность болѣе высокимъ и болѣе достойнымъ ея образомъ.

III.

Извѣстна исторія перваго брака императора Константина VI и страстное желаніе, какое онъ

испытывалъ около 795 года расторгнуть его; чтобы развестись съ Маріей Амнійской и жениться на Θεодотѣ, онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости. Онъ объявилъ, что жена покушалась его отравить, увѣренный, какъ самъ это говорилъ съ довольно характерной наивностью, что ему всѣ повѣрятъ, „разъ что онъ царь, а тѣ, кому онъ это рассказывалъ, только подданные“. А потому онъ послалъ одного изъ своихъ камергеровъ донести объ этомъ происшествіи патріарху, прося, чтобы церковь немедленно расторгла его бракъ съ виновной. Но Тарасій, сомнѣваясь въ томъ, что сообщенный ему преступный фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, отвѣтилъ, что законъ знаетъ только одинъ поводъ къ разводу—должнымъ образомъ доказанное прелюбодѣяніе, и отказывался служить видамъ императора. Напрасно Константинъ VI вызывалъ патріарха во дворецъ, доказывая ему, что преступленіе было очевиднымъ, неопровержимымъ, и одна смерть или, по меньшей мѣрѣ, заточеніе въ монастырь могли быть достойнымъ наказаніемъ за такое покушеніе на особу императора. Напрасно, чтобы подтвердить свои обвиненія, онъ велѣлъ принести чаши съ какой-то довольно мутной жидкостью, утверждая, что это ядъ, который ему хотѣла подмѣшати императрица. Тарасій упорствовалъ въ своемъ отказѣ, грозя царю отлученіемъ, если онъ будетъ продолжать настаивать, а вмѣстѣ съ тѣмъ синкеллъ Іоаннъ поддерживалъ его въ его сопротивленіи. Тогда на глазахъ императора всѣ придворные, патрикіи и стратиги стали поносить обоихъ духовныхъ владыкъ и съ обнаженными мечами въ рукахъ грозить имъ смертью, если

они не уступятъ. Ничто не помогло. Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, Константинъ обошелся безъ ихъ согласія: онъ насильно заточилъ жену въ монастырь и женился на Θεодотѣ, при чемъ пышныя празднества продолжались не менѣе сорока дней. Возмущенный Тарасій отказался благословить этотъ прелюбодѣйный союзъ; но патріархъ былъ при этомъ человѣкъ съ политическимъ чутьемъ: онъ отнюдь не хотѣлъ доводить вещей до крайности. Ни слова не говоря, онъ предоставилъ другому священнику совершить бракосочетаніе императора, самъ же, боясь довести василевса до крайности и лишить церковь его благоволенія, воздержался отъ отлученій, какими грозилъ раньше, и даже не наказалъ игумена, совершившаго бракосочетаніе монарха.

Извѣстенъ всеобщій скандалъ, какой произвело въ партіи набожныхъ людей поведеніе императора. Въ особенности онъ былъ великъ въ Саккудійскомъ монастырѣ, гдѣ событіе это не только принципіально возмущало монаховъ, но и особенно близко касалось ихъ, такъ какъ героиня этого романа Θεодота приходилась близкой родственницей игумена Платона, Θεоктисты и Θεдора. Вотъ почему, въ то время, какъ придворные и оппортьюнисты преклонялись передъ поступкомъ монарха, благочестивые люди, возбуждаемые и поддерживаемые Саккудійскими монахами, принялись громить „новаго Ирода“, непокорнаго сына, непочтительно отвергшаго,—упрекъ довольно пикантный, если вспомнить о поведеніи въ этомъ дѣлѣ Ирины,—добрые совѣты матери; затѣмъ, совершенно опредѣленно,

Платонъ и его монахи отказались быть въ какомъ-либо общеніи съ царемъ-прелюбодѣемъ и даже съ духовными особами, поддерживавшими его или только терпѣвшими его распутство.

Константинъ VI, крайне разстроенный всѣмъ этимъ шумомъ, постарался сломить сопротивленіе этихъ непримиримыхъ и неудобныхъ монаховъ. Онъ попробовалъ смягчить ихъ подарками, добрыми рѣчами: онъ не добился ничего. Θεодота, съ своей стороны, пыталась обезоружить своихъ родныхъ слѣдующимъ образомъ: она отправилась въ монастырь; но ее оттолкнули съ негодованіемъ. Тогда Константинъ VI отправился въ Бруссу: онъ самолично явился въ монастырь въ надеждѣ смягчить Платона и Θεодора. Всѣ эти шаги, свидѣтельствуя о силѣ партіи набожныхъ, только увеличивали ихъ упорство. Наконецъ, императоръ разсердился. Доместикъ схоль и комитъ Опсикійскій были отправлены съ войскомъ въ Саккудійскій монастырь. Игуменъ Платонъ былъ арестованъ и подъ усиленной стражей отправленъ въ Константинополь; Θεодоръ съ тремя другими монахами жестоко наказанъ розгами. Затѣмъ главные десять зачинщиковъ, между ними былъ и Θεодоръ съ своимъ отцомъ и братомъ Юсифомъ, были отправлены въ ссылку въ Солунь; остальные монахи были изгнаны, и запрещено было давать пріютъ изгнанникамъ. „Христось безмолствовалъ“, замѣчаетъ не безъ горечи Θεодоръ Студитъ въ своемъ интересномъ разсказѣ объ этомъ гоненіи.

Въ это трудное для ея близкихъ время Θεоктиста выказала чрезвычайную силу души. Несмотря на переживаемыя ею горе и печаль, она

утѣшала, ободряла, поддерживала жертвы гоненія: „Ступайте, дѣти мои, говорила она изгнаннымъ монахамъ, и Богъ да будетъ вашимъ защитникомъ повсюду, куда вы ни пойдете, такъ какъ это изъ послушанія Его волѣ вы предпочли дѣйствовать такъ, а не иначе“. И всегда радостная и твердая, она ходила по тюрьмамъ, гдѣ заключены были узники, перевязывала всякія раны, поднимала духъ устрашившихся и смущенныхъ. Когда монахи должны были покинуть монастырь, и она послѣдовала за ними, не обращая вниманія на ненависть и поношенія, какими преслѣдовала ихъ толпа. Когда воины грубо разлучили ее со своими, она нашла возможность нагнать ихъ по дорогѣ въ ссылку и тутъ въ теченіе цѣлой ночи въ бѣдной лачугѣ вела съ ними возвышенныя бесѣды. Утромъ она простилась съ ними. „Сдается мнѣ, дѣти мои, говорила она, будто я разлучаюсь съ людьми, идущими на смерть“; и съ движеніями, полными паѳоса, вздыхая и плача, она осыпала поцѣлуями всѣхъ этихъ дорогихъ ей людей, не думая вновь увидать ихъ.

Затѣмъ она возвратилась въ Константинополь, все такая же энергичная и смѣлая. Платонъ, не побоявшійся прямо выразить императору свое порицаніе, только что былъ посаженъ въ тюрьму; юный Евѣимій, младшій сынъ Θεоктисты, жестоко наказанъ плетьюми. И тутъ благочестивая женщина не пожалѣла ни трудовъ своихъ, ни силъ. Несмотря на императорское запрещеніе, она собирала разсѣянныхъ и изгнанныхъ монаховъ; въ темницѣ, гдѣ онъ томился, она поддерживала бодрость духа своего брата. Она дѣй-

ствовала такъ смѣло, что въ концѣ концовъ ее схватили, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца она была въ заточеніи, при чемъ тюремщики ея обращались съ ней крайне дурно, плохо кормили и осыпали бранью. Среди людей благочестивыхъ она за такія претерпѣваемыя ею за правое дѣло гоненія стяжала себѣ ореоль мученичества и наименованіе матери церкви; и прославилась она тѣмъ, что, какъ говоритъ одинъ писатель VIII вѣка, — выраженіе это съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, — она „пострадала за правду и истину“.

IV.

Когда въ 797 году государственный переворотъ, произведенный Ириной, положилъ конецъ этому трудному времени и гоненія прекратились, Θεоктиста, отнынѣ спокойная за участь своихъ, возвратилась въ свой монастырь въ Виѳинію. И тутъ она до послѣднихъ своихъ дней оставалась такой, какой была всю жизнь.

Благочестіе ея, возбужденное до крайности сначала страданіями, потомъ радостью побѣды, стало болѣе пылкимъ, чѣмъ когда-либо. Размышлять непрестанно о божественномъ словѣ, день и ночь молиться за церковь, за своихъ близкихъ, за собственное спасеніе, присутствовать съ благоговѣніемъ за безконечными службами, такова была первая забота благочестивой женщины и ея истинная радость. Болѣе чѣмъ когда-либо она предавалась аскетизму. Для умерщвленія плоти она спала на короткой и узкой постели, одѣвалась въ жалкое рубище, пи-

талась крайне недостаточно. Ей представлялось стыднымъ поѣсть до сыта, и все, что она позволяла себѣ по слабости природы человѣческой, это принимать пищу разъ въ день, съѣдая немного овощей, отваренныхъ въ водѣ, безъ всякой приправы изъ масла; при этомъ никогда не полагалось вина за ея скудной трапезой. Точно также обрела она себя на безусловную нищету; у нея не было ни служанки, ни собственныхъ денегъ, ни лишняго платья. Когда она умерла, весь ея гардеробъ или, вѣрнѣе, все ея состояніе заключалось въ власяницѣ и въ двухъ жалкихъ одѣялахъ.

Но Θεоктиста отнюдь не вдавалась въ мистицизмъ. „Пребывая въ уединеніи съ Богомъ“, по прекрасному выраженію ея сына, она все время, какъ и тогда, когда жила въ міру, чувствовала потребность дѣйствовать. Она не тратила времени на бесполезныя мечтанія; она придавала большое значеніе работѣ и вмѣняла себѣ въ обязанность ткать одежды, въ которыя одѣвался весь монастырь. Она усиленно предавалась дѣламъ благотворительности, собирая въ монастырѣ бѣдныхъ женщинъ, ухаживая за ними и всячески изошряясь въ добываніи денегъ, чтобы помогать имъ въ ихъ нуждахъ. Въ особенности, какъ и раньше у себя въ домѣ, она съ любовью пеклась о своихъ близкихъ, объ ихъ нравственномъ совершенствованіи, объ ихъ вѣчномъ спасеніи. Она заботилась о своемъ мужѣ, не выказывавшаго порой ни малѣйшаго рвенія, о своемъ сынѣ Евѣиміѣ, такъ какъ ей казалось, что его призваніе къ монастырской жизни недостаточно сильно; и заботясь о нихъ на разстояніи, она вни-

мательно слѣдила за ними и руководила ихъ душами.

Болѣе чѣмъ когда-либо она усердствовала въ христіанскомъ смиреніи. Такъ какъ братъ ея Платонъ все еще былъ въ тюрьмѣ, она пожелала, чтобы и исповѣдникомъ и духовникомъ сталъ сынъ ея Феодоръ, и она смиренно склоняла передъ нимъ колѣни, объявляя себя его служанкой, готовая во всемъ ему повиноваться, ибо видѣла въ немъ лишь чтимаго главу монастырской общины; и хотя Феодоръ выше всего ставилъ религію, его иногда стѣсняло такое чрезмѣрное почитаніе. Однако, въ этой кающейся смиренницѣ просыпался порой прежній строптивый и властный духъ, нѣкогда владѣвшій ею. Въ монастырѣ какъ и въ міру Θεоктиста оставалась высокоомѣрной и вспыльчивой. Когда другія сестры не очень усердствовали къ церковной службѣ, не выказывали особаго рвенія къ работѣ или пѣснопѣнію, она рѣзко ихъ за это попрекала, дѣлала строгіе выговоры; какъ и прежде, она не останавливалась передъ тѣмъ, чтобы пускать въ ходъ руки, и охотно подкрѣпляла пощечинами свои благочестивыя наставленія. Но ей прощали ея рѣзкость, такъ какъ знали, что намѣренія ея были добрыя, и, какъ раньше въ собственномъ домѣ, такъ и тутъ въ монастырѣ, всѣ ее любили.

Такъ жила она, „все покинувъ, чтобы все отдать Богу; она шла узкимъ и труднымъ путемъ Господнимъ“. Ее всѣ почитали, и въ общинѣ смотрѣли какъ на истинную духовную мать, а въ партіи набожныхъ людей, какъ на истинную мать церкви. И чтобы еще усилить ея ореоль

святости, ей приписывали даръ ясновидѣнія, ей будто бы снились пророческіе сны, предвѣщавшіе ея собственную судьбу, судьбу ея семейныхъ и судьбу церкви.

Между тѣмъ она медленно сгорала. Ей было за шестьдесятъ лѣтъ, а жизнь досталась ей не легкая, и въ послѣдніе годы она была еще опечалена цѣлымъ рядомъ горестей и напастей. Она потеряла одного за другимъ мужа, дочь, сына Евѣимія; двое оставшихся у нея дѣтей какъ будто и не существовали для нея. Любимый ея сынъ Ѳедоръ жилъ въ Константинополѣ, гдѣ управлялъ Студійскимъ монастыремъ, и она видѣла его только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; со своимъ вторымъ сыномъ Іосифомъ она тоже была разлучена; всѣ ея прежніе друзья или умерли, или разсѣялись кто куда. А потому она чувствовала порой въ своемъ одиночествѣ смертельную тоску; но она не поддавалась подолгу этой слишкомъ человѣческой слабости и, вспоминая о Богѣ, снова ободрялась. Такъ дожила она до послѣдняго своего часа, вдали отъ своихъ, и даже сынъ ея Ѳедоръ, задержанный монастырскими дѣлами, не могъ присутствовать при ея послѣднихъ минутахъ и закрыть ей глаза. Тѣмъ не менѣе она ушла „радостная, какъ будто возвращалась на родину“, молясь за сына, благословляя всѣхъ присутствовавшихъ. Это было около 802 года.

Извѣстіе о смерти этой благочестивой женщины произвело сильное впечатлѣніе во всей церкви. Въ особенности въ Студійскомъ монастырѣ, гдѣ ея сынъ былъ игуменомъ и гдѣ съ горячимъ вниманіемъ слѣдили за всѣми переменами въ

ходъ ея послѣдней болѣзни, вознося за нее Богу торжественныя моленія; въ память ея была отслужена заупокойная обѣдня съ особой торжественностью. Самъ Феодоръ сказалъ въ память матери надгробное слово, и благодаря этой рѣчи, по счастью сохранившейся, мы знаемъ такую интересную женщину, какъ Теокиста.

Безъ сомнѣнія въ этой женщинѣ, во многихъ отношеніяхъ обыкновенной и посредственной, были и нѣкоторыя черты, какъ намъ кажется, странныя и удивительныя. Есть, какъ у матери, такъ и у сына, черствость души, поражающая насъ и отталкивающая. Теокиста любила своихъ дѣтей: не колеблясь, она жертвуетъ ими для утоленія своей религіозной жажды. Феодоръ любилъ свою мать: въ любопытномъ письмѣ, написанномъ имъ во время ея послѣдней болѣзни, оплакивая ея близкую кончину, онъ въ то же время рѣшительно желаетъ ей смерти, какъ славной награды за ея жизнь. Намъ нѣсколько трудно понять такую изступленность религіознаго чувства, вызывающую подобное извращеніе, и надо прибавить, что даже благочестивые люди находили въ этомъ нѣкоторое преувеличеніе. Но каково бы ни было наше сужденіе объ этихъ людяхъ VIII вѣка, надо сознаться, что они въ сильнѣйшей мѣрѣ способствуютъ пониманію исторіи той эпохи, въ которой они жили. Когда изучаешь этихъ благочестивыхъ людей, жертвующихъ всѣмъ ради религіи, лучше понимаешь такой характеръ, какой представляетъ изъ себя императрица Ирина, меньше удивляешься, что дѣло ея могло имѣть успѣхъ, а поступки возбуждать почти всеобщее одобреніе. Ибо необхо-

димо въ концѣ концовъ сознаться, что Теокиста не представляетъ исключительнаго явленія среди психологическихъ типовъ ея времени. Многія другія женщины той же эпохи, какъ на примѣръ, мать Тарасія и мать Никифора, мать Теофана и благочестивыя женщины изъ семьи святаго Филарета являются намъ совсѣмъ такими же въ описаніи агіографовъ. Несомнѣнно, всѣ только что названныя лица, равно и наша Теокиста, женщины святыя, и я никакъ не предполагаю, что всѣ ихъ современницы были подобны имъ. На ряду съ ними встрѣчались женщины свѣтскія, преданныя свѣтскому образу жизни, какъ на примѣръ, сестра Теокисты, и женщины легкаго поведенія, какъ ея родственница Теодота. Однако, — и это главнымъ образомъ придаетъ имъ значеніе въ глазахъ историка, — именно эти святыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководили міромъ.

ГЛАВА VI.

Θеодора, возстановительница иконо- почитанія.

I.

Въ 829 году умеръ императоръ византійскій, Михаилъ II Аморійскій, оставивъ престоль сыну своему Θеофилу. Новый монархъ не былъ женатъ; поэтому вдовствующая императрица Евфросинія во время придворныхъ церемоній исполняла роль, принадлежавшую по этикету Августѣ. Но Евфросинія ненавидѣла свѣтъ. Дочь несчастнаго Константина VI, ослѣпленнаго по приказанію матери его Ирины, и первой жены его Маріи, она, послѣ катастрофы, разразившейся надъ ея родными, удалилась въ монастырь и жила спокойно и уединенно въ одной изъ тихихъ обителей на Принкипо, какъ вдругъ, довольно скандальнымъ образомъ царь Михаилъ, воспылавъ къ ней страстью, извлекъ изъ монастыря прекрасную отшельницу, чтобы возвести ее на тронъ кесарей. Но когда ея мужъ умеръ, у Евфросиніи не оставалось другого желанія, какъ поскорѣе вступить опять въ какую-нибудь святую

обитель, и она прилагала всѣ старанія, чтобы женить какъ можно скорѣе юнаго императора, своего пасынка.

Чтобы найти жену василевсу, были, по старинному обычаю, соблюдавшемуся при византійскомъ дворѣ, разосланы гонцы по всѣмъ провинціямъ съ цѣлію отыскать и привести въ Константинополь самыхъ красивыхъ дѣвушекъ имперіи, и въ обширной Жемчужной палатѣ собрали всѣхъ избранницъ, чтобы Теофиль назначилъ, кому изъ нихъ быть монархиней. Сначала царь отобралъ шесть самыхъ привлекательныхъ дѣвушекъ, и не будучи въ состояніи остановиться на одной изъ этихъ соперничавшихъ красавицъ, отложилъ до слѣдующаго дня окончательный выборъ. Въ этотъ день онъ появился, какъ Парисъ передъ тремя богинями, съ золотымъ яблокомъ въ рукахъ, залогомъ любви, который онъ долженъ былъ преподнести той, кто завладѣетъ его сердцемъ, и въ такомъ видѣ онъ началъ свой осмотръ. Сначала онъ остановился передъ одной, очень хорошенькой женщиной знатнаго происхожденія, по имени Касія и, вѣроятно, нѣсколько смущенный и не зная хорошенько съ чего начать разговоръ, онъ наставительнымъ тономъ произнесъ слѣдующее не особенно любезное привѣтствіе: „Черезъ женщину пришло къ намъ все зло“. Касія была умна и не смущаясь отвѣчала: „Правда, но черезъ женщину же приходитъ къ намъ и все добро“. Такой отвѣтъ погубилъ ее. Крайне испугавшись этой красавицы, столь быстрой на возраженіе и столь яркой феминистки, Теофиль повернулся къ Касіи спиной и оказалъ честь и предложилъ свое яблоко другой кандидаткѣ,

также замѣчательно хорошенькой, носившей имя Θεодоры.

Упустивъ царскій вѣнецъ, Касія утѣшилась тѣмъ, что основала, согласно очень распространенному въ Византіи обычаю, монастырь, куда и удалась; и такъ какъ она была женщина умная, то и занялась на досугѣ сочиненіемъ духовныхъ поэмъ и свѣтскихъ эпиграммъ, дошедшихъ до насъ и не лишенныхъ интереса. Тѣмъ временемъ ея счастливая соперница была коронована съ торжественнымъ великолѣпіемъ въ церкви св. Стефана въ Дафнійскомъ дворцѣ и по обыкновению вся ея семья получила свою долю въ ея высокой судьбѣ. Мать ея, Θεоктиста получила очень завидный чинъ „опоясанной патрикіи“, три ея сестры, приглашенныя ко двору, вышли замужъ за важныхъ сановниковъ; братья ея, Петра и Варда, быстро сдѣлали карьеру. Впрочемъ, они выказали мало благодарности той, чье неожиданное возвышеніе и родственное расположеніе приблизило ихъ такимъ образомъ къ самымъ ступенямъ трона.

Новая императрица была родомъ изъ Азіи, она родилась въ Пафлагоніи въ семьѣ чиновника. Родители ея были люди благочестивые, очень преданные почитанію иконъ, противъ которыхъ при преемникахъ благочестивѣйшей императрицы Ирины императорское правительство вновь подняло гоненіе, и, повидимому, они даже на дѣлѣ доказали довольно горячую преданность своимъ вѣрованіямъ. Воспитанная въ такой средѣ Θεодора, естественно, была набожна и очень почитала святыхъ иконы; поэтому она сначала чувствовала себя нѣсколько неловко въ при-

дворномъ мірѣ, куда замужество внезапно перенесло ее.

Дѣйствительно уже прошло лѣтъ двадцать, какъ вновь возгорѣлось иконоборство и, быть можетъ, еще съ большей силой и ожесточеніемъ, чѣмъ въ VIII вѣкѣ, такъ какъ къ спору чисто религіозному примѣшался вопросъ политическій и столкнулись государство, требовавшее права вмѣшиваться въ церковныя дѣла, и церковь, отстаивавшая и защищавшая свою свободу.

Михаиль II преслѣдовалъ своихъ противниковъ безъ пощады и безъ зазрѣнія совѣсти; Еѳофиль, царь умный, властный и энергичный, слѣдовалъ политикѣ своего отца. Поэтому Еѳодора напрасно пыталась употребить свое вліяніе въ пользу своихъ друзей и смягчить своими просьбами чрезмѣрную суровость гоненій. Еѳофиль былъ монархъ нрава довольно крутого; когда онъ хмурилъ брови, принималъ суровый тонъ, его перепуганная жена не рѣшалась настаивать и ей самой приходилось тщательно скрывать свои чувства и тайныя склонности. Она должна была старательно прятать у себя подъ платьемъ святыхъ иконы, которыя она продолжала съ упорствомъ носить; она должна была принимать тысячи предосторожностей, чтобы скрыть отъ постороннихъ взоровъ въ ларцахъ, хранившихся въ ея собственныхъ покояхъ, запрещенныя иконы, и не безъ нѣкотораго риска приходилось ей иногда исполнять свои тайныя благочестивыя упражненія. *

Однажды шутъ императора, карликъ, забавлявшій дворецъ своими шаловливыми выходками, замѣтилъ, что она занимается благоче-

стивымъ поклоненіемъ. Крайне любопытный по природѣ, онъ попросилъ, чтобы ему показали вещи, всецѣло поглощавшія вниманіе императрицы. „Это мои куклы, отвѣчала ему Θεодора, онѣ хорошенькія, и я ихъ очень люблю“. Не долго думая, карликъ пошелъ и разсказалъ императору исторію прекрасныхъ куколъ, которыя царица хранила у себя подъ подушкой. Теофиль сразу понялъ въ чемъ дѣло и, взбѣшенный тѣмъ, что въ самомъ дворцѣ не исполнялись его приказанія, онъ бросился въ гинекей и устроилъ императрицѣ ужасную сцену. Но Θεодора была женщина и сумѣла выйти изъ затруднительнаго положенія. „Это ничуть не касается того, о чемъ ты думаешь, сказала она мужу. Я просто занималась тѣмъ, что смотрѣлась въ зеркало вмѣстѣ съ моими служительницами, и это наши отраженія въ зеркалѣ твой шутъ принялъ за иконы и такъ по-дурацки наболталъ тебѣ о нихъ“. Теофиль успокоился или представился, что повѣрилъ; но Θεодора сумѣла поддѣть нескромнаго болтуна. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого за какую-то провинность она велѣла подвергнуть карлика тѣлесному наказанію, послѣ чего посоветовала ему впредь никогда больше не болтать о куклахъ гинекея. И когда императоръ подъ вліяніемъ вина вспоминалъ иногда объ этомъ происшествіи и принимался его разспрашивать, шутъ съ выразительной мимикой прикладывалъ одну руку ко рту, другую къ пострадавшей части тѣла и поспѣшно произносилъ: „нѣтъ, нѣтъ, царь, не будемъ больше говорить о куклахъ“.

Точно также и все высшее общество было въ заговорѣ противъ иконоборцевъ. Въ монастырѣ,

гдѣ она доживала свою жизнь, старая императрица Евфросинія питала тѣ же чувства, что и Ееодора, и когда къ ней посылали малолѣтнихъ дочерей царя навѣстить ее, она постоянно говорила имъ объ иконопочитаніи. Ееофиль, подозрѣвавшій правду, разспрашивалъ дѣтей, но ему никогда не удавалось узнать отъ нихъ что-нибудь точное. Однако, одинъ разъ самая младшая изъ царевенъ выдала себя и, рассказавъ отцу о прекрасныхъ подаркахъ, которыми ихъ засыпали въ монастырѣ, о великолѣпныхъ фруктахъ, которыми ихъ тамъ угощали, стала объяснять, что у бабушки былъ также одинъ ларецъ, полный прекрасныхъ куколъ, и что она часто прикладывала ихъ благоговѣнно ко лбу своихъ внучекъ и говорила, чтобы онѣ ихъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ цѣловали. Ееофиль снова разсвирѣпѣлъ и запретилъ съ этихъ поръ посылать дѣтей къ старой царицѣ. Но даже среди приближенныхъ царя было много государственныхъ дѣятелей, имѣвшихъ на этотъ счетъ то же мнѣніе, что и объ императрицы; министры, лица близкія ко двору, втайнѣ были глубоко преданы иконопочитанію и обстоятельства складывались такъ, что прорицатели, съ которыми любилъ совѣщаться императоръ, открыто предсказывали скорую гибель его дѣла. Онъ самъ настолько это сознавалъ, что на смертномъ одрѣ потребовалъ отъ жены и логовета Ееоктиста, своего перваго министра, торжественную клятву, что они послѣ его смерти останутся вѣрны его политикѣ и отнюдь не поколеблютъ положенія его друга патріарха Іоанна, главнаго вдохновителя и руководителя этой политики.

II.

Наслѣдникъ Θεофила, сынъ его Михаилъ III, былъ еще ребенокъ; когда умеръ его отецъ, въ 842 году, ему было не больше трехъ—четырехъ лѣтъ. Поэтому, какъ нѣкогда Ирина, Θεодора стала регентшей на время несовершеннолѣтія юнаго монарха. Она оставила подлѣ себя въ качествѣ руководителей, главныхъ министровъ предшествовавшаго царствованія, логовета Θεоктиста, пользовавшагося большимъ вліяніемъ на императрицу, и магистра Мануила. Оба были люди благочестивые, втайнѣ преданные, какъ и сама царица, иконопочитанію; это были также люди со смысломъ, справедливо озабоченные слишкомъ затянувшимся бесполезнымъ и опаснымъ споромъ: совершенно понятно, такимъ образомъ, что имъ пришло на умъ возстановить православіе. Однако, несмотря на ихъ внушенія, императрица, повидимому, сначала нѣсколько колебалась послѣдовать за ними по этому пути. Θεодора горячо любила своего мужа, она свято хранила его память; кромѣ того, она опасалась трудности предпринимаемаго. Но окружавшіе ее прилагали всѣ усилія, чтобы убѣдить ее; мать ея и братья настоятельно ей это совѣтовали. Напрасно царица возражала: „Мой мужъ, покойный императоръ, былъ человекъ мудрый; онъ зналъ, что надлежало дѣлать; не можемъ же мы предать забвенію его волю“. Ей представили опасность положенія, непопулярность, какую она рисковала навлечь на себя, упорно отстаивая политику Θεофила; ее старались запугать револю-

цій, при чемъ погибъ бы престолъ ея сына. Помимо этого, набожность побуждала ее выслушивать эти совѣты. Наконецъ, она рѣшилась.

Въ Константинополѣ былъ собранъ соборъ, но чтобы онъ могъ благополучно совершить свое дѣло, необходимо было прежде всего избавиться отъ патріарха Іоанна, посаженнаго Еѳефиломъ на патріаршій престолъ въ 834 году и бывшаго прежде наставникомъ царя; человекъ умный, дѣятельный, энергичный, онъ хорошо служилъ цѣлямъ монарха; поэтому противники иконоборцевъ терпѣть его не могли. Они распускали темныя слухи о его занятіяхъ магіей, давъ ему прозвище Леканоманта, что значитъ колдунъ, новаго Аполлонія, новаго Валаама; они распространяли о немъ самыя страшныя исторіи: какъ съ помощью своихъ чаръ онъ находилъ способъ губить враговъ императора; какъ онъ приходилъ ночью, бормоча таинственныя формулы, обезглавить бронзоваго змія, украшавшаго ипподромъ, и какъ въ своемъ домѣ, находившемся въ предмѣстьяхъ, онъ устроилъ подземную сатанинскую пещеру, гдѣ съ помощью потерянныхъ женщинъ, отличавшихся обыкновенно рѣдкой красотой, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ для вящаго скандала были монахини, посвященныя Богу, онъ нечестивыми жертвами вызывалъ демоновъ и вопрошалъ мертвыхъ, чтобы узнать отъ нихъ тайны будущаго. Какъ бы ни смотрѣть на эти сплетни, Іоаннъ обладалъ выдающимся умомъ, крѣпкой волей и вслѣдствіе этого являлся человекъ крайне неудобнымъ. Желая отдѣлаться отъ него, требовали, чтобы онъ согласился на возстановленіе православія или снялъ съ себя патріаршій санъ

и, повидимому, воины, назначенные передать патріарху этотъ ультиматумъ, исполнили порученіе довольно грубымъ образомъ. Какъ бы то ни было, патріархъ былъ низложенъ и заточенъ въ монастырь; и когда взбѣшенный отъ такого съ нимъ обращенія, онъ осмѣлился проявить свое нерасположеніе тѣмъ, что велѣлъ уничтожить образа въ монастыряхъ, гдѣ онъ жилъ, онъ по приказанію регентши былъ подвергнутъ жестокому тѣлесному наказанію.

На его мѣсто избрана была одна изъ жертвъ предыдущаго правительства, Мееодій; тутъ началась полная реакція. Заботами епископовъ почитаніе иконъ было возстановлено; изгнанные и сосланные были возвращены и приняты съ торжествомъ; заключенныхъ выпустили на свободу и величали, какъ мучениковъ; на церковныхъ стѣнахъ вновь появились священныя иконы и вновь, какъ прежде, надъ воротами Халки торжественно повѣшенъ на прежнемъ мѣстѣ образъ Спасителя, что свидѣтельствовало о благочестіи обитателей императорскаго дворца; наконецъ, 19 февраля 843 г. въ торжественной священной церемоніи собрались вмѣстѣ духовенство, дворъ и весь народъ. Всю ночь во Влахернской церкви императрица благоговѣнно молилась вмѣстѣ съ священниками; когда наступило утро, торжественная процессія потянулась по улицамъ Константинополя; окруженная епископами и монахами, среди восхищенной толпы, Феодора прослѣдовала изъ Влахернской церкви въ святую Софію и въ Великой церкви принесла благодареніе Всемогущему. Побѣжденные со свѣчами въ рукахъ должны были находиться въ этомъ шествіи, прославляв-

шемъ ихъ пораженіе, и смиренно склоняться передъ предававшими ихъ анаѳемъ. Затѣмъ вечеромъ въ священномъ дворцѣ царица устроила пиршество духовнымъ особамъ, и всѣ поздравляли другъ друга съ достигнутымъ успѣхомъ. Это было торжество православія. И съ тѣхъ поръ въ воспоминаніе объ этомъ великомъ событіи и въ память блаженной Феодоры ежегодно въ первое воскресеніе Великаго поста греческая церковь торжественно празднуетъ возстановленіе иконопочитанія и пораженіе его враговъ.

Революція воздала должное и самимъ умершимъ. Торжественно были привезены въ столицу останки знаменитыхъ исповѣдниковъ, Феодора Студита и патріарха Никифора, пострадавшихъ за вѣру и умершихъ въ изгнаніи. Императоръ и весь дворъ, неся въ рукахъ свѣчи, почли за честь пойти на встрѣчу священныхъ останковъ, слѣдовать затѣмъ благоговѣйно за ракой, несомой священниками, и среди огромнаго стеченія народа сопровождать ее вплоть до церкви св. Апостоловъ. Зато, наоборотъ, осквернили могилу Константина V и безъ всякаго уваженія къ императорскому сану выбросили на улицу останки великаго противника иконъ, а изъ его мраморнаго саркофага, распиленнаго на тонкія доски, сдѣлали облицовку для украшенія одной изъ комнатъ дворца его. Къ сожалѣнію византійскіе историки, которымъ мы обязаны этими подробностями, не сумѣли передать намъ, какимъ образомъ могла произойти такъ быстро эта великая революція, повидимому, не встрѣтивъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Одна вещь, очевидно, ей особенно способствовала: усталость, испытывае-

мая всѣми отъ безконечной борьбы. Но еще другое соображеніе заставило, быть можетъ, государственныхъ дѣятелей присоединиться къ рѣшенію, принятому Θεодорой. Если съ точки зрѣнія догматической побѣда церкви была полная, она съ другой стороны должна была отказаться отъ всякихъ поползновеній на независимость, проявленную иными изъ самыхъ знаменитыхъ ея защитниковъ. Въ отношеніи государства она стала безусловно въ подчиненное положеніе, власть императорская въ вопросахъ религіи стала проявляться надъ ней болѣе, чѣмъ когда-либо. Въ этомъ, несмотря на возстановленіе православія, политика императоровъ иконоборцевъ принесла свои плоды.

За великое дѣло, совершенное ею, Θεодора заслужила быть причисленной восточной церковью къ лику святыхъ. Однако, многое смущало императрицу при исполненіи ею принятой на себя задачи. Одно въ особенности поглощало и заботило ее: она, какъ извѣстно, страстно любила своего мужа; она не могла примириться съ тѣмъ, что страшныя анаемы, какимъ предавались иконоборцы, затрагивали и его. Поэтому, когда святые отцы, собравшіеся на соборъ, пришли просить ея милостиваго соизволенія на возстановленіе иконопочитанія, она въ свою очередь попросила у нихъ, взамѣнъ ея согласія, одной милости: разрѣшить отъ грѣховъ императора Теофила. И когда патріархъ Меѳодій сталъ возражать, что если церковь имѣетъ неоспоримое право прощать живыхъ, приносящихъ покаяніе, она не можетъ ничего относительно человѣка, явно умершаго въ состояніи смертнаго грѣха,

Ееодора прибѣгла къ благочестивому обману. Она объявила, что въ свой смертный часъ царь раскаялся въ грѣхахъ, что онъ съ благоговѣніемъ прикладывался къ образамъ, поднесеннымъ женой къ его губамъ и что онъ, какъ добрый христіанинъ, предалъ духъ свой въ руки Божіи. Епископы легко повѣрили этой назидательной исторіи тѣмъ болѣе, что хорошо сознавали, что возстановленіе иконопочитанія могло получиться только этой цѣной; и согласно желанію регентши они рѣшили, что въ теченіе недѣли они будутъ по всѣмъ церквамъ столицы молиться за спасеніе души покойнаго императора. Ееодора захотѣла сама принять участіе въ этомъ благочестивомъ упражненіи и льстила себя мыслью, что такимъ образомъ вымолила для грѣшнаго раскаявшагося царя милость Божію.

Позднѣе легенда сильно изукрасила трогательный разсказъ о супружеской любви Ееодоры. Разсказывали, что въ страшныхъ снахъ царица видѣла, какая судьба угрожала ея мужу. Она видѣла Богородицу съ младенцемъ на рукахъ, сидящую на тронѣ и окруженную ангелами; она судила царя Ееофила и приказывала жестоко сѣчь его розгами. Въ другой разъ приснилось ей, будто она на форумѣ Константина, и вдругъ огромная толпа затопляла площадь и проходило шествіе людей, несшихъ орудія наказанія и пытки, а среди нихъ обнаженнаго и въ цѣпяхъ волокли несчастнаго Ееофила. Вся въ слезахъ, Ееодора послѣдовала за толпой и съ ней дошла до площади передъ дворцомъ передъ воротами Халки. Тамъ, на тронѣ сидѣлъ человекъ, большой, страшный, съ видомъ безпощаднаго судьи. Тогда

императрица бросилась передъ нимъ на колѣни, моля его помиловать ея мужа, и человѣкъ отвѣчалъ: „Женщина, велика твоя вѣра. Ради благочестія твоего и твоихъ слезъ, и во вниманіе къ молитвамъ моихъ священниковъ отпускаю грѣхи мужу твоему“. И приказалъ его развязать. Въ то же время и патріархъ Меѳодій съ своей стороны прибѣгъ къ опыту, чтобы увѣриться въ предначертаніяхъ Провидѣнія. На жертвенный столъ въ алтарѣ святой Софіи онъ положилъ кусокъ пергамента съ написанными на немъ именами всѣхъ императоровъ иконоборцевъ; затѣмъ онъ заснулъ въ церкви и увидалъ ангела, возвѣстившаго ему, что Богъ помиловалъ императора; проснувшись и взглянувъ на кусокъ пергамента, онъ дѣйствительно увидалъ, что мѣсто, гдѣ имъ было написано имя Θεофила, чудеснымъ образомъ стало вновь бѣлымъ въ знакъ прощенія.

Однако, нѣкоторые люди выказали себя болѣе жестокими, чѣмъ Богъ. У художника Лазаря, расписывавшаго иконы, правая рука была отрѣзана по приказанію покойнаго императора; и хотя по легендѣ эта отрѣзанная рука чудеснымъ образомъ вновь приросла, мученикъ ковалъ злобу противъ палача и на всѣ замѣчанія императрицы съ упорствомъ отвѣчалъ: „Богъ не можетъ быть такимъ несправедливымъ, чтобы забыть наши бѣды и простить нашего гонителя“. На придворномъ обѣдѣ, которымъ закончилось торжество православія, еще одинъ исповѣдникъ выказалъ себя не менѣе неумолимымъ. То былъ Θεодоръ Граптъ, прозванный такъ потому, что Θεофилъ въ видѣ наказанія велѣлъ выжечь у него на лбу раскаленнымъ желѣзомъ четыре

оскорбительныхъ стиха. Императрица, очень озабоченная тѣмъ, чтобы польстить чѣмъ нибудь мученикамъ, велѣла спросить у святого человѣка имя того, кто подвергъ его такой ужасной пыткѣ. „Объ этой надписи, отвѣчалъ тотъ торжественно, я у престола Божія потребую отчета у твоего императора, супруга“. При этой неожиданной выходкѣ, Теодора, вся въ слезахъ, обратилась къ епископамъ съ вопросомъ, такъ ли они рассчитываютъ исполнить свои обязательства; къ счастью, вступился патріархъ и не безъ труда удалось ему успокоить озлобленнаго исповѣдника и завѣрить монархиню: „Наши обѣщанія, заявилъ онъ, остаются непоколебимы, и если кто ими пренебрегаетъ, это не имѣетъ значенія“. Но съ другой стороны далеко небезразлично, что изъ всѣхъ этихъ анекдотовъ мы ясно видимъ, сколько политическихъ и человѣческихъ расчетовъ имѣлось въ виду при этомъ возстановленіи православія, и къ какимъ сдѣлкамъ съ совѣстью одинаково легко готовы были прибѣгнуть и епископы и сама Теодора.

III.

„Первая добродѣтель, говоритъ одинъ лѣтописецъ той эпохи, это имѣть православную душу“. Теодора вполнѣ обладала этой добродѣтелью. Но у нея были еще и другія качества. Византійскіе писатели восхваляютъ ея государственный умъ, ея энергію, ея смѣлость; они приписываютъ ей героическія слова, какъ на примѣръ, слѣдующія, благодаря которымъ она предотвратила нашествіе царя болгарскаго: „Если ты восторже-

ствуешь надъ женщиной, послала она ему сказать, слава твоя не будетъ стоить ничего; но если тебя разобьетъ женщина, ты станешь посмѣшищемъ цѣлаго міра“. Во всякомъ случаѣ, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, что она была регентшей, она правила хорошо. Безъ сомнѣнія, какъ это, впрочемъ, легко предположить, правленіе ея было отмѣчено чрезмѣрной религіозностью. Очень гордая тѣмъ, что возстановила православіе, она не менѣе того мечтала о славѣ истребленія еретиковъ; по ея приказанію павликіанамъ было предложено на выборъ: обращеніе въ православіе или смерть; и такъ какъ они не уступили, кровь полилась рѣкой въ мѣстностяхъ Малой Азіи, населенной ими. Императорскіе инквизиторы, которымъ поручили сломить ихъ сопротивленіе, превзошли самихъ себя: благодаря ихъ стараніямъ болѣе ста тысячъ людей погибли отъ пытокъ. Событіе большой важности, долженствовавшее имѣть еще болѣе важное послѣдствіе; бросивъ этихъ отчаявшихся людей въ руки мусульманъ, императорское правительство приготовило себѣ тѣмъ много бѣдъ въ будущемъ.

Но въ другихъ вещахъ благочестивое рвеніе, воодушевлявшее регентшу, внушило ей благія начинанія; она первая положила основаніе великому дѣлу миссіонеровъ, долженствовавшихъ черезъ нѣсколько лѣтъ нести проповѣдь Евангелія хазарамъ, моравамъ, болгарамъ. Ей также принадлежитъ слава нѣсколькихъ прочныхъ военныхъ успѣховъ, одержанныхъ надъ арабами, и полного подавленія возстанія славянъ въ Элладѣ. Но въ особенности она поставила себѣ задачей хорошее управленіе финансами имперіи. Гово-

рять, она понимала финансовые вопросы и въ одной легендѣ разсказанъ по этому поводу слѣдующій любопытный анекдотъ: императоръ Теофилъ стоялъ разъ во дворцѣ у окна и увидалъ, какъ въ гавань Золотого Рога входитъ большое великолѣпное коммерческое судно. Справившись, чье это прекрасное судно, онъ узналъ, что оно принадлежало императрицѣ. Императоръ промолчалъ; но на слѣдующій день, отправляясь во Влахерны, онъ спустился въ портъ и приказалъ выгрузить корабль, а затѣмъ поджечь его. Послѣ этого онъ обратился къ своимъ приближеннымъ со слѣдующими словами: „Вы, конечно, и представить себѣ не могли, чтобы императрица, жена моя, сдѣлала изъ меня купца! Никогда до сихъ поръ не было видано, чтобы римскій императоръ занимался торговлей“. Не входя въ подробности этого происшествія, надо замѣтить, что Ееодора умѣла управлять государственной казною не хуже, чѣмъ своей. Когда она сложила съ себя власть, казна была достаточно полна. И одно это давало бы ей несомнѣнное право занять мѣсто среди выдающихся монархинь, не будь придворныхъ интригъ и дворцовыхъ происковъ, всегда въ такомъ количествѣ гнѣздящихся тамъ, гдѣ править женщина, и не награди ее судьба совершенно негоднымъ сыномъ.

IV.

Въ царствованіе Теофила императорскій дворецъ, столько вѣковъ служившій резиденціей византійскихъ василевсовъ, сталъ еще великолѣпнѣе. Императоръ любилъ постройки: къ преж-

нимъ покоямъ Константина и Юстиніана онъ прибавилъ цѣлый рядъ чудныхъ сооруженій, украшенныхъ съ самой изящной и изощренной роскошью. Онъ любилъ пышность и великолѣпіе: чтобы увеличить блескъ дворцовыхъ пріемовъ, художники по его заказу исполнили чудеса ювелирнаго и механическаго искусства. Таковы напр. пентапиргій, знаменитый золотой шкафъ, гдѣ были выставлены царскія драгоцѣнности, золотые органы, игравшіе въ дни торжественныхъ пріемовъ, золотая чинара, возвышавшаяся подлѣ императорскаго трона, гдѣ летали и пѣли механическія птицы; золотые львы, лежавшіе у ногъ царя, время отъ времени поднимавшіеся, бившіе хвостомъ и рыкавшіе, и золотые гриффы съ таинственнымъ видомъ, которые, казалось, какъ во дворцахъ азіатскихъ царей, охраняли безопасность императора. Кромѣ того, онъ велѣлъ обновить весь императорскій гардеробъ, красивыя одежды, сверкающія золотомъ, въ которыя облачался василевсъ во время придворныхъ церемоній, удивительныя одѣянія, тканыя золотомъ и усыпанныя драгоцѣнными камнями, въ какія рядилась Августа. Онъ любилъ, наконецъ, литературу, науки и искусства. Онъ осыпалъ своими милостями великаго математика Льва Солунскаго и въ своемъ Магнаврскомъ дворцѣ устроилъ школу, гдѣ этотъ ученый велъ свое удивительное преподаваніе, составившее славу Византіи; и даже онъ, этотъ суровый иконоборецъ, выказалъ себя вполнѣ терпимымъ въ отношеніи исповѣдника Меѳодія послѣ того, какъ нашелъ его способнымъ разъяснить нѣкоторыя научныя трудности, сильно его занимавшія. Со-

всѣмъ очарованный шедеврами арабской архитектуры, очень озабоченный тѣмъ, чтобы замѣнить благочестивыя украшенія, представляемыя иконами, которыя онъ упразднилъ, произведеніями болѣе вольнаго и болѣе свѣтскаго стиля, онъ направилъ византійское искусство своего времени на новые пути, и, благодаря его усиленіямъ и его просвѣщенному покровительству, въ этомъ дивномъ священномъ дворцѣ, полномъ утонченнаго великолѣпія и рѣдкостной роскоши, среди этихъ несравненныхъ красотъ въ видѣ бесѣдокъ, терасъ, садовъ, откуда открывался широкій видъ на сверкающую полосу воднаго простора Мраморнаго моря, придворная жизнь дала новый пышный цвѣтъ. Но когда императоръ умеръ, этотъ великолѣпный дворецъ сталъ, главнымъ образомъ, мѣстомъ всякихъ смуть, интригъ и козней.

Фактическимъ главой правительства во время регентства Θеодоры былъ логоеетъ Θеоктистъ. Онъ былъ человекъ довольно посредственный, полководецъ малоспособный и не имѣвшій никогда удачи; ограниченнаго политическаго ума, темперамента сухого, холоднаго и унылаго, не внушая ни симпатіи, ни любви, онъ держался только милостью и расположеніемъ, какія выказывала ему императрица. Онъ добился того, что ему дали помѣщеніе въ самомъ дворцѣ, а огромное вліяніе его на императрицу и ея довѣріе къ нему были таковы, что въ Византіи ходили довольно сомнительные слухи насчетъ характера отношеній его съ царицей. Его считали честолубивымъ, помнили, съ какой лихорадочной поспѣшностью онъ покинулъ войско на Критѣ, чтобы

слѣдить за событіями въ столицѣ, какъ только пришло извѣстіе о приготовлявшейся дворцовой революціи; его подозрѣвали въ замыслахъ овладѣть престоломъ и доходили до того, что говорили, будто Θεодора, сочувствуя его желаніямъ, думала выдти за него замужъ или выдать за него одну изъ своихъ дочерей, вполнѣ готовая, чтобы очистить ему дорогу къ власти, свергнуть и ослѣпить собственнаго сына, какъ это сдѣлала нѣкогда великая Ирина. Во всякомъ случаѣ, глубоко и искренно преданный регентшѣ, всесильный по своему вліянію на нее, логоеетъ старался возбуждать ея недовѣріе ко всѣмъ совѣтникамъ, раздѣлявшимъ съ нимъ власть.

Скоро всякими интригами онъ отстранилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Магистра Мануила, бывшаго вмѣстѣ съ Θεоктистомъ опекуномъ юнаго Михаила III, обвинили въ заговорѣ противъ императорской фамиліи, и онъ долженъ былъ отказаться отъ своей должности. Братья императрицы Петрона и Варда были много опаснѣе, особенно второй, соединявшій съ выдающимся умомъ необыкновенное отсутствіе всякихъ нравственныхъ требованій. Съ согласія самой Θεодоры Варда былъ подъ какимъ-то предлогомъ удаленъ отъ двора, и логоеетъ думалъ, что окончательно упрочилъ свою власть. Онъ не предвидѣлъ, что ему придется считаться съ юнымъ императоромъ.

Дѣйствительно, Михаилъ III подрасталъ, а подрастая, обнаруживалъ все болѣе плачевныя стороны своей натуры. Напрасно мать его и министръ прилагали все стараніе, чтобы дать ему наилучшее воспитаніе; напрасно приставили къ нему лучшихъ учителей, окружили самыми от-

борными товарищами; рассказываютъ, что среди другихъ товарищей по ученю юнаго царевича, находился Кириллъ, ставшій впоследствии апостоломъ славянъ. Все оказалось бесполезно, Михаилъ былъ плохъ по существу. Въ пятнадцать-шестнадцать лѣтъ, — возрастъ какого онъ достигъ теперь, — онъ больше всего любилъ охоту, лошадей, бѣга, театръ, борьбу атлетовъ и самъ не брезговалъ у себя на дворцовомъ ипподромѣ, взойдя на колесницу, доставлять собственной особой зрѣлище своимъ приближеннымъ. Въ личной жизни поведеніе его было еще предосудительнѣе. Онъ посѣщалъ самое скверное общество, проводилъ за виномъ часть ночи; у него была открытая связь съ Евдокіей Ингериной.

Θеодора и Θеоктисть рѣшили, что при данныхъ обстоятельствахъ ничего другого не оставалось, какъ женить юнаго императора и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Опять согласно обычаю гонцы изъ дворца были отправлены по всѣмъ провинціямъ, чтобы привезти въ Константинополь самыхъ красивыхъ дѣвушекъ имперіи; изъ нихъ была выбрана Евдокія, дочь Декаполита, и почти тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ коронована царицей. Но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль Михаилъ III, которому скоро надоѣла и жена и супружеская жизнь, уже вернулся къ прежнимъ привычкамъ, къ своимъ друзьямъ, къ своей любовницѣ, и потекла та же безпутная жизнь. Но, разумѣется, не надо буквально принимать всѣ сумасбродные или отвратительные поступки, приписываемые византійскими историками Михаилу III: лѣтописцы, преданные Македонской династіи, были слыш-

комъ заинтересованы въ томъ, чтобы извинить и оправдать убійство, возведшее на престолъ Василія I, и не могли не поддасться соблазну очернить нѣсколько его жертву. Но даже и при этой оговоркѣ нѣкоторые несомнѣнные факты ясно показываютъ, сколько было безумія въ поступкахъ злосчастнаго императора. Вѣчно окруженный шутами, людьми развращенными и буфонами, онъ забавлялся съ такими недостойными приближенными, разыгрывая грубые или непристойные фарсы, скандализируя дворець продѣлками дурного вкуса, при чемъ не оказывалъ уваженія ни семейнымъ, ни религіознымъ началамъ. Однимъ изъ его любимыхъ развлеченій было наряжать своихъ друзей въ епископовъ; одинъ изображалъ патріарха, другіе митрополитовъ; самъ царь изображалъ архіепископа Колонейскаго; и въ такомъ видѣ они шли по городу, какъ на маскарадѣ, распѣвая грязныя или нелѣпосмѣшныя пѣсни, поддѣлываясь подъ духовныя пѣсни, пародируя священныя церемоніи. Однажды въ подражаніе Христу Михаилъ отправился обѣдать къ одной бѣдной женщинѣ, совсѣмъ растерявшейся отъ необходимости такъ неожиданно принимать у себя царя; въ другой разъ, повстрѣчавъ на дорогѣ патріарха Игнатія и его чиновниковъ, императоръ рѣшилъ угостить ихъ серенадой и въ сопровожденіи своихъ шутовъ долго слѣдовалъ за ними, крича имъ въ уши слова непристойныхъ пѣсенъ подъ аккомпаниментъ кимваловъ и тамбуриновъ.

Кромѣ того, онъ выкидывалъ отвратительныя шутки съ своей матерью. Разъ онъ послалъ сказать ей, что у него во дворцѣ патріархъ и что

она, конечно, будетъ счастлива получить его благословеніе. Благочестивая Ееодора поспѣшила явиться и дѣйствительно въ большой Золотой палатѣ она увидала патріарха, сидящаго на тронѣ рядомъ съ императоромъ, въ полномъ облаченіи, съ капюшономъ спущеннымъ на лицо, молчаливаго и важнаго, повидимому углубленнаго въ размышленія. Регентша падаетъ къ ногамъ святаго отца и проситъ не забывать ее въ своихъ молитвахъ, какъ вдругъ патріархъ встаетъ, подпрыгиваетъ, поворачивается спиной къ императрицѣ... и пусть прочтутъ у самихъ лѣтописцевъ, что онъ пустилъ въ лицо Ееодоры. Затѣмъ, повернувшись къ ней лицомъ, заявилъ: „Ты никакъ не можешь сказать, царица, что даже и въ этомъ мы не постарались оказать тебѣ почеть“. Тутъ онъ откинулъ капюшонъ и явилъ свой ликъ: воображаемый патріархъ былъ не кто иной, какъ любимый шутъ императора. При этой выходкѣ такого высокаго тона Михаилъ раздражается смѣхомъ. Возмущенная Ееодора громитъ сына проклятіями: „О, злой и нечестивый! съ этого дня Богъ отринулъ тебя отъ Себя!“ и вся въ слезахъ она оставляетъ залъ. Но несмотря на такую грубую непристойность поведенія, опекуны не смѣли вмѣшиваться и остерегались порицать василевса, отъ крайней ли снисходительности или потому, что думали сохранить этой уступчивостью собственный кредитъ.

Выказывая особенную снисходительность ко всѣмъ подобнымъ забавамъ племянника, Варда старался подчинить его своему вліянію. Благодаря заступничеству своего друга, оберкамергера Даміана, ему удалось добиться, что его вернули

изъ ссылки по приказанію императора, и очень быстро онъ сталъ пользоваться милостивымъ вниманіемъ Михаила III. Понятно, что онъ терпѣть не могъ Θεоктиста, ставившаго преграды его честолюбивымъ замысламъ; поэтому онъ непрестанно возбуждалъ въ василевсѣ недовѣріе къ министру. Онъ внушалъ ему страхъ, что логоеетъ способенъ приготовить какой-нибудь государственный переворотъ, не смущался даже тѣмъ, что клеветалъ на сестру свою, регентшу Θεодору, и представлялъ сыну въ самомъ черномъ свѣтѣ поведеніе матери. Онъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, что по поводу одного пустяшнаго случая (дѣло шло объ одномъ личномъ другѣ царя, которому министръ отказалъ дать какое-то повышение) между монархомъ и Θεоктистомъ произошло довольно крупное столкновение. Это случилось въ 856 году. Варда, пользуясь своимъ преимуществомъ, постарался еще больше обострить злобное чувство Михаила: онъ далъ ему понять, что его устранили отъ дѣлъ; грубыми замѣчаніями онъ уязвилъ его самолюбіе. „Покуда Θεоктистъ будетъ заодно съ Августой, царь останется безсиленъ“, говорилъ онъ; въ особенности ему удалось завѣрить Михаила, что замышляютъ лишить его жизни. Противъ логоеета былъ составленъ заговоръ. Большая часть придворныхъ перешла на сторону Варды; царь былъ согласенъ на все, и противъ Θεодоры и ея любимца пошла даже одна изъ сесеръ императрицы и стала на сторону брата своего Варды. Покушеніе такимъ образомъ удалось не встрѣтивъ большихъ затрудненій.

Однажды, когда по обязанностямъ службы

Θεоктисть явился съ бумагами въ рукахъ на аудіенцію къ регентшѣ, онъ нашель въ галлерей Лавсіака, находившейся передъ покоями императрицы, Варду, и тотъ, не вставая передъ нимъ, смѣрилъ его крайне дерзкимъ взглядомъ. Немного дальше онъ встрѣтилъ императора, который запретилъ ему идти къ Августѣ и приказалъ сдѣлать докладъ о дѣлахъ текущаго дня самому ему, императору; и такъ какъ смущенный министръ колебался, василевсъ грубо приказалъ ему удалиться. Но онъ не успѣлъ еще выйти, какъ Михаилъ крикнулъ дежурнымъ камергерамъ: „Арестуйте этого человѣка“. При этомъ возгласѣ Варда бросается на логовѣта; тотъ бѣжитъ; Варда его нагоняетъ, валитъ его на полъ и обнаживъ мечъ, готовъ поразить всякаго, кто бы попытался броситься на помощь несчастному. Однако, по видимому, смерть Θεоктиста не представлялась необходимой: императоръ прежде всего просто приказалъ отвести его подъ строгимъ надзоромъ въ Скилу и тамъ ждать дальнѣйшихъ приказаній. Къ несчастью для логовѣта на поднявшійся шумъ прибѣжала Θεодора съ распущенными волосами, платье ея было въ безпорядкѣ, и съ громкими криками она тала требовать, чтобы возвратили ей ея любимца, разражаясь бранью противъ сына и брата, крича угрожающимъ голосомъ, что запрещаетъ предавать смерти Θεоктиста. Быть можетъ, именно это заступничество и погубило несчастнаго. Приближенные Михаила испугались, что если онъ останется живъ, регентша можетъ опять очень скоро вернуть его къ власти, и какъ бы онъ не томстилъ жестоко своимъ врагамъ; и смерть ея была рѣшена, какъ мѣра пре-

досторожности. Напрасно нѣсколько офицеровъ дворцовой стражи, оставшихся ему вѣрными, пытались спасти его; напрасно несчастный, прячась подъ мебель, старался спастись отъ гибели. Сильнымъ ударомъ меча одинъ изъ воиновъ, нагнувшись, пронзилъ ему животъ. Варда унесъ его.

Убійство перваго министра было ударомъ, направленнымъ прямо противъ Θεодоры: она хорошо это почувствовала. Уже въ смутной тревогѣ, глухо пронесившейся по дворцу, слышала она угрожающіе ей голоса: до нея долетали крики, чтобы она остерегалась, что близокъ день убійствъ. И теперь въ своемъ негодованіи отвергла она всѣ извиненія, съ какими къ ней обратились, всѣ утѣшенія, какія хотѣли ей расточать; непреклонная, полная трагизма, она призывала на виновныхъ, и въ особенности на брата Варду, небесное отмщеніе и открыто желала имъ смерти. Такой непримиримостью она окончательно возстановила противъ себя всѣхъ и стала неудобной; Варда,—она помимо остального мѣшала его честолюбію,—рѣшилъ избавиться отъ нея. Начали съ того, что отняли у нея дочерей и заключили ихъ въ монастырь, твердо разсчитывая, что она не замедлитъ сама добровольно за ними туда послѣдовать. Такъ какъ она колебалась, не зная на что рѣшиться, ее принудили удалиться въ Гастрійскій монастырь. Не желая поднимать въ государствѣ смуту бесполезнымъ сопротивленіемъ, она съ достоинствомъ сложила съ себя власть, офиціально передавъ сенату тѣ казенныя суммы, какія благодаря хорошему управленію финансами удалось ей скопить. Это былъ конецъ ея государственной дѣятельности.

Въ монастырѣ, куда укрылась Феодора, она прожила еще многіе годы со своими дочерьми, ведя благочестивый образъ жизни, простивъ сыну,—позднѣе она, повидимому, даже заслужила нѣкоторое его довѣріе, но она продолжала питать злобу къ Вардѣ, справедливо видя въ немъ виновника смерти Теооктиста. Въ этой своей злобѣ она, благочестивая и православная императрица, дошла до того, что злоумышляла противъ ненавистнаго брата и пыталась, въ согласіи съ нѣсколькими своими придворными приближенными, умертвить его. Эта попытка ей не удалась и, какъ кажется, она даже понесла за нее довольно тяжелое наказаніе. Безъ сомнѣнія, въ это именно время у нея конфисковали все ея имущество и лишили почестей, присвоенныхъ ей въ качествѣ императрицы. Чтобы утѣшить ее въ этихъ неудачахъ, судьба готовила ей замѣстителя, который долженъ былъ отмстить за нее, утолить ея злобу превыше даже всѣхъ ея чаяній. То былъ Василій, знаменитый основатель македонской династии.

ГЛАВА VII.

Романическія приключенія Василія Македонянина.

Въ то время, когда императрица Теодора царствовала вмѣстѣ съ мужемъ своимъ Теофиломъ, около 840 года приблизительно, одинъ молодой человѣкъ, бѣдно одѣтый, но на видъ довольно представительный, благодаря своему высокому росту, могучему сложенію и красивому загорѣлому лицу, вошелъ вечеромъ въ Константинополь, черезъ Золотыя ворота, съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукахъ. Случилось это въ воскресенье; наступала ночь. Усталый, весь въ пыли, путникъ улегся у входа въ ближайшую церковь святого Діомида и сейчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ. И вотъ среди ночи игумень монастыря, которому принадлежала церковь, внезапно пробудившись, услыхалъ голосъ, говорившій ему: „Встань, поди отвори церковныя двери императору“. Монахъ послушался; но не найдя во дворѣ никого, кромѣ какого-то жалкаго оборванца, растянувагося прямо на землѣ, онъ подумалъ, что это ему приснилось, возвратился къ себѣ и снова легъ. Тогда во второй разъ тотъ же голосъ про-

будилъ его ото сна и повторилъ то же повелѣніе: и опять, вставъ и никого не найдя, кромѣ спящаго бродяги, онъ снова улегся на свою постель. Тогда въ третій разъ, болѣе властно, прозвучалъ въ тишинѣ голосъ, и въ то же время, въ доказательство, что это былъ не сонъ, а явь, игумень получилъ въ бокъ таинственный, но здоровый ударъ кулакомъ. „Встань, приказывалъ голосъ, впусти того, кто лежитъ у дверей; ибо онъ императоръ“. Весь дрожа поднимается святой отецъ, поспѣшаетъ покинуть келью и, сойдя внизъ, взываетъ къ незнакомцу. „Я тутъ, господинъ, отвѣчаетъ тотъ, стряхивая съ себя сонъ; что повелишь рабу твоему?“ Игумень приглашаетъ его слѣдовать за нимъ, сажаетъ его за свой столъ; утромъ онъ приготовляетъ ему ванну, приноситъ новыя одежды; и такъ какъ удивленный путникъ совершенно не понимаетъ, чѣмъ заслужилъ такое вниманіе, монахъ, взявъ съ него клятву хранить тайну, открываетъ ему его будущую судьбу и проситъ быть ему отнынѣ другомъ и братомъ.

Этимъ живописнымъ рассказомъ, которымъ Поль Аданъ очень искусно воспользовался для своего романа *Василій и Софія*, начинается первый выходъ на историческую сцену челоуѣка, такъ ловко устроившаго свою судьбу при *Теодорѣ* и *Михаилѣ III*, этого *Василія Македонянина*, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого возвелъ свой родъ на византійскій престолъ.

Историки, жившіе при дворѣ императора *Константина VII*, внука *Василія*, и самъ *Константинъ VII* естественно желали создать для основателя македонской династіи приличную и даже славную

генеалогію. По ихъ словамъ, знаменитый василевсъ происходилъ со стороны отца изъ царскаго дома Арменіи, по матери онъ приходился родственникомъ Константину и даже Александру Великому. Въ дѣйствительности же происхождение его было гораздо скромнѣе. Василій родился приблизительно въ 812 году въ окрестностяхъ Адрианополя въ темной крестьянской семьѣ, бѣдныхъ колонистовъ армянскаго происхожденія, которая переселилась въ Македонію, разорилась отъ болгарской войны и осталась окончательно безъ всякихъ средствъ вслѣдствіе послѣдняго несчастія, смерти отца. Василію, единственной поддержкѣ матери и сестеръ, было тогда двадцать пять или двадцать шесть лѣтъ. Это былъ большой и сильный малый, съ здоровыми мускулами, съ могучимъ тѣлосложеніемъ; густые вьющіеся волосы обрамляли его энергичное лицо. При этомъ совершенный невѣжда, — Василій не умѣлъ ни читать, ни писать, — онъ прежде всего представлялъ изъ себя красивое человѣческое животное. Этого оказалось достаточно, чтобы составить его счастье.

Византійскіе лѣтописцы, до послѣдней степени влюбленные во все чудесное, тщательно собрали и повѣдали намъ всѣ предзнаменованія, возвѣщавшія будущее величіе Василія; какъ въ одинъ прекрасный день, когда онъ еще ребенкомъ заснулъ въ полѣ, рѣявшій надъ нимъ орелъ охранялъ его сѣнью своихъ крыль; какъ мать его видѣла во снѣ, что изъ груди ея выросло золотое дерево, покрытое золотыми цвѣтами и плодами, стало огромнымъ и бросало тѣнь на весь домъ; и какъ въ другой разъ, тоже во снѣ,

явился передъ ней святой Ілія Ѳесвійскій въ образѣ древняго старца съ бѣлой бородой, съ вырывавшимся изъ устъ его пламенемъ и какъ пророкъ объявилъ матери высокую судьбу, предназначенную ея сыну. Суевѣріе византійскаго общества любило украшать подобными легендами юность великихъ людей и искренно придавало значеніе такимъ предсказаніямъ. Въ дѣйствительности, Василій Македонянинъ долженъ былъ добиться своею помощью другихъ средствъ и другихъ качествъ, помощью своего ловкаго и изворотливаго ума, своей ни передъ чѣмъ не останавливавшейся энергіи, обаянія своей силы и, наконецъ, помощью женщинъ, испытывавшихъ неотразимое обаяніе его обольстительнаго сложенія силача.

На своей родинѣ, въ Македоніи, странѣ бѣдной и скудной, Василій, обремененный семьей, скоро понялъ, что земледѣліе не можетъ прокормить ихъ всѣхъ, и онъ началъ съ того, что поступилъ на службу къ правителю той области, гдѣ жилъ. Затѣмъ онъ отправился искать счастья въ Константинополь, и тутъ обстоятельства благопріятствовали ему какъ нельзя лучше. Игумень монастыря святого Діомида, пріютившій его, имѣлъ брата, по профессіи врача; послѣдній увидалъ какъ-то молодого человѣка въ монастырѣ, оцѣнилъ его цвѣтущій видъ и мощное сложеніе и рекомендовалъ его одному изъ своихъ кліентовъ, родственнику императора и Варды, по имени Теофилу, котораго прозвали Теофилицомъ (маленькимъ Теофиломъ), такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ. У этой маленькой особы была манія: имѣть у себя въ услуженіи людей выс-

каго роста, геркулесовской силы, которыхъ онъ одѣвалъ въ великолѣпныя шелковыя одежды, и ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ, показываться публично со своей свитой гигантовъ. Какъ только ему сообщили о Василіи, онъ захотѣлъ его видѣть и, восхищенный его осанкой, тотчасъ предложилъ ему ходить за его лошадьми и окрестилъ его фамиліарнымъ прозвищемъ Кефалы, что значитъ „крѣпкая голова“.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Василій оставался въ домѣ Теофилица, и въ это-то время съ нимъ случилось происшествіе, окончательно упрочившее его судьбу. Хозяинъ его былъ отправленъ съ порученіемъ въ Грецію, и Василій, въ качествѣ конюшаго, сопровождалъ его; но во время пути онъ заболѣлъ и долженъ былъ остановиться въ Патрасѣ. Тутъ онъ встрѣтился съ Даніелидой. Даніелида была богатая вдова, уже довольно зрѣлаго возраста; когда Василій съ ней познакомился, у нея уже былъ взрослый сынъ, и кажется она была даже бабушкой. Но состояніе ея было необычайно велико, „богатство скорѣй приличное царю, говоритъ одинъ лѣтописецъ, чѣмъ частному лицу“. У нея были тысячи рабовъ, необъятныя имѣнія, безчисленныя стада, фабрики, гдѣ женщины ткали для нея великолѣпныя шелковыя матеріи, восхитительныя ковры, поразительно тонкія полотна. Домъ ея былъ полонъ великолѣпной золотой и серебряной посуды; ларцы—прекрасными одеждами; касса не вмѣщала слитковъ изъ драгоцѣннаго металла. Ей принадлежала большая часть Пелопоннеса, и, по выраженію одного историка, она дѣйствительно казалась „царицей этой области“. Она

любила блескъ и пышность: отправляясь въ путешествіе, не пользовалась ни повозкой, ни лошадыю, а носилками, и триста молодыхъ рабовъ сопровождали ее и посмѣнно несли ее на носилкахъ. Она любила также красивыхъ мужчинъ, и Василій понравился ей съ этой стороны. Слѣдуетъ ли изъ этого, что и она, какъ на то указываютъ суевѣрные лѣтописцы, предчувствовала славное будущее Македонянина? Намъ думается скорѣе, что симпатія ея имѣла болѣе матеріальныя основанія. Какъ бы то ни было, она оказала ему въ своемъ домѣ хорошій пріемъ; и когда, наконецъ, Василій вынужденъ былъ уѣхать, она дала ему денегъ, прекрасныя одежды, тридцать рабовъ, чтобы служить ему; послѣ этого недавній бѣднякъ превратился въ важнаго господина; теперь онъ могъ показываться въ свѣтъ и пріобрѣсти помѣстье въ Македоніи.

Надо замѣтить, что онъ никогда не могъ забыть свою благодѣтельницу. Когда, лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого, онъ взошелъ на престолъ, первой его заботой было доставить сыну Даніелиды важное положеніе; затѣмъ онъ пригласилъ старую даму, „имѣвшую, какъ говорятъ, пламенное желаніе повидать императора“, посѣтитъ его въ столицѣ. Онъ встрѣтилъ ее, какъ царицу, въ Магнаврскомъ дворцѣ и торжественно пожаловалъ ей титулъ матери василевса. Съ своей стороны Даніелида, все такая же щедрая, привезла своему старому другу драгоцѣнные подарки; она преподнесла ему пятьсотъ рабовъ, сто евнуховъ, сто ткачихъ, удивительно искусныхъ, драгоцѣнныя ткани, всего не перечестъ. Она сдѣлала еще больше: Василій въ это время строилъ новую

церковь, она захотѣла участвовать въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ тѣмъ, что велѣла выткать на своихъ Пелопоннесскихъ фабрикахъ церковные ковры, долженствовавшіе покрыть весь полъ базилики. Наконецъ, она обѣщала, что въ своемъ завѣщаніи ни въ какомъ случаѣ не забудетъ сына своего прежняго фаворита. Послѣ этого она возвратилась въ Патрасъ; но каждый годъ, покуда былъ живъ Василій, онъ получалъ изъ Эллады великолѣпные подарки, которые ему посылалъ его старый другъ; а когда Василій умеръ раньше нея, она перенесла на сына монарха привязанность, какую питала прежде къ отцу. Она еще разъ пріѣзжала въ Константинополь, чтобы повидать его, и по завѣщанію сдѣлала его единственнымъ и полнымъ своимъ наслѣдникомъ. Когда императорскій повѣренный, долженствовавшій сдѣлать опись наслѣдства, прибылъ въ домъ Даніелиды, онъ былъ совершенно пораженъ такимъ несмѣтнымъ богатствомъ. Не говоря уже о деньгахъ въ монетахъ, драгоценностяхъ, дорогой посудѣ, о тысячахъ рабовъ, — императоръ освободилъ три тысячи изъ нихъ и отправилъ ихъ въ южную Италію, — царь получилъ болѣе восьмидесяти имѣній. Изъ этого видно, до какой степени была въ IX вѣкѣ богата византійская имперія, какія громадныя состоянія были у аристократическихъ провинціальныхъ семей, игравшихъ такую большую роль въ исторіи этой имперіи. Но невольно съ особымъ вниманіемъ и интересомъ останавливаешься на образѣ этой старой женщины, умѣвшей такъ бережно хранить и лелѣять свою дружбу, принесшую столько пользы Македонской династіи.

Возвратившись изъ Патраса въ Константинополь, Василій снова поступилъ на службу къ Теофилицу, когда вдругъ одно неожиданное обстоятельство приблизило его къ царю. Однажды двоюродный братъ Михаила III патрикій Антигонъ, сынъ Варды, давалъ парадный обѣдъ въ честь своего отца; онъ пригласилъ на него много друзей, сенаторовъ, важныхъ особъ, а также болгарскихъ посланниковъ, бывшихъ проѣздомъ въ Византіи. По обычаю византійскихъ празднествъ во время десерта пришли борцы, для развлеченія гостей состязаніями и другими зрѣлищами. Тогда съ свойственнымъ имъ самохвальствомъ, быть можетъ, нѣсколько возбужденные ѣдой и виномъ, болгары стали превозносить одного атлета, своего соотечественника, увѣряя, что это человекъ непобѣдимый, и что онъ одолѣетъ всякаго, кто-бы ни выступилъ противъ него. Отъ нихъ потребовали подтвержденія этихъ словъ и, дѣйствительно, варваръ борецъ сразилъ всѣхъ своихъ противниковъ. Византійцы были достаточно посрамлены и крайне раздосадованы, когда Теофилицъ, присутствовавшій на обѣдѣ, вдругъ заговорилъ: „Есть у меня на службѣ одинъ человекъ, который, если хотите, въ состояніи состязаться съ вашимъ прославленнымъ болгаринномъ. Ибо, дѣйствительно, было бы немного стыдно для византійцевъ, еслибы этотъ чужеземецъ возвратился къ себѣ на родину никѣмъ не побѣжденный“. Всѣ согласились; позвали Василія, тщательно усыпали пескомъ залъ, чтобы было удобно обоимъ противникамъ, и борьба началась. Могуцей рукой болгаринъ силится приподнять Василія и заставить его потерять равновѣсіе, но сильнѣе

его византиецъ схватываетъ его, заставляетъ сдѣлать быстрый оборотъ вокругъ себя самого и ловкимъ ударомъ, славившимся тогда среди борцовъ, бросаетъ на землю своего противника, лишившагося чувствъ и порядочно поврежденнаго.

Этотъ подвигъ заставилъ придворныхъ обратить вниманіе на македонянина. Случилось такъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ этого императоръ получилъ въ подарокъ отъ правителя одной области очень красиваго коня; и тотчасъ ему захотѣлось его попробовать. Но когда царь подошелъ къ коню и хотѣлъ открыть ему ротъ, чтобы посмотрѣть зубы, лошадь взвилась на дыбы, и ни царь, ни его конюхи не могли съ ней справиться. Михаилъ III былъ крайне недоволенъ, но тутъ вмѣшался въ дѣло услужливый Теофилицъ: „У меня есть, царь, сказалъ онъ, одинъ молодой человѣкъ, очень искусный въ умѣнни обращаться съ лошадьми; если ты, царь, желаешь его повидать, знай, что зовутъ его Василіемъ“. Тотчасъ вызываютъ во дворецъ македонянина, и тогда „какъ новый Александръ на новаго Буцефала,—какъ Веллерофонъ на Пегаса, по выраженію одного историка, онъ вскакиваетъ на непокорное животное и въ нѣсколько минутъ укрощаетъ его совершенно“. Царь былъ въ восторгѣ: онъ не хотѣлъ отступить, покуда Теофилицъ не уступилъ ему этого красавца, такого хорошаго наѣздника и такого сильнаго борца. И, крайне гордясь своимъ приобрѣтеніемъ, онъ пошелъ представить Василія матери своей Θεодорѣ: „Поди посмотри, какого прекраснаго мужчину я нашель“. Но императрица, послѣ дол-

гаго осмотра новаго фаворита своего сына, печально произнесла: „О, еслибы Богъ не далъ мнѣ никогда видѣть этого человѣка! Ибо онъ погубить нашъ родъ“.

Теодора была права. Этотъ атлетъ, умѣвшій нравиться женщинамъ, долженъ былъ въ ближайшемъ будущемъ показать, что онъ способенъ и на другія дѣла. На службу къ Михаилу III онъ поступилъ около 856 года: черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого онъ былъ императоромъ.

II.

Въ то время, какъ Василій появился при дворѣ, Варда, дядя царя, становился при немъ все могущественнѣе. Убійство Теокиста, удаленіе Теодоры дали ему возможность сдѣлаться фактическимъ главой правительства; получивъ одинъ за другимъ чины магистра и доместика схоль, затѣмъ куропалата, наконецъ, чуть не соправителя императора съ титуломъ кесаря, онъ царилъ полновластно отъ имени Михаила III.

Несмотря на свои пороки Варда былъ человѣкъ выдающійся. Крайне честолюбивый, страстно любящій власть, деньги и роскошь, онъ въ то же время старался быть хорошимъ администраторомъ, строгимъ и праведнымъ судьей, неподкупнымъ министромъ; и черезъ это, несмотря на полную беззастѣнчивость и глубокую безнравственность, онъ пріобрѣлъ большую популярность. Очень умный, онъ любилъ литературу, интересовался науками. Ему принадлежитъ честь основанія знаменитаго Магнаврскаго университета, куда онъ призвалъ самыхъ знаменитыхъ

ученыхъ своего времени; тамъ преподавали грамматику, философію, геометрію, астрономію; и, чтобы поддерживать рвеніе профессоровъ и пылъ воспитанниковъ, Варда часто посѣщаль школу и относился къ ней съ большимъ вниманіемъ. Среди его близкихъ и друзей встрѣчались такія имена, какъ Льва Солунскаго, знаменитаго математика, прославленнаго философа и врача, одного изъ самыхъ большихъ умовъ IX вѣка, имѣвшаго, подобно всѣмъ великимъ ученымъ средне-вѣковья, довольно плохую славу ясновидца и чародѣя. Но за то въ другихъ отношеніяхъ Варда несомнѣнно скандализироваль и дворъ и весь городъ; онъ былъ съ своей падчерицей въ крайне подозрительныхъ отношеніяхъ, что послужило даже главной причиной серьезнаго столкновенія между папскимъ легатомъ и патріархомъ, когда послѣдній счелъ своей обязанностью запретить всесильному регенту входъ въ святую Софію. Но, въ общемъ, даже враги Варды принуждены признать за нимъ его высокія качества. Въ его управленіе были достигнуты значительные военные успѣхи въ борьбѣ съ арабами; смѣлое нападеніе русскихъ на Константинополь было энергично отбито; и въ особенности, при содѣйствіи патріарха Фотія, преемника Игнатія, Варда прославился блестящимъ веденіемъ дѣлъ христіанскихъ миссій, проповѣдовавшихъ Евангеліе мо-равамъ и болгарамъ: и подъ его же покровительствомъ Кириллъ и Меѳодій, апостолы славянъ, предприняли свое великое дѣло, обратившее въ православіе цѣлый народъ.

Въ то время какъ кесарь правилъ такимъ образомъ, императоръ продолжалъ свои безумства.

Онъ растрчивалъ на вздорныя и безсмысленныя вещи деньги, накопленныя его родителями; онъ поражалъ и возмущалъ столицу своимъ необузданнымъ увлеченіемъ бѣгами и лошадьми. Онъ велѣлъ выстроить великолѣпную конюшню, украшенную, подобно какому-нибудь дворцу, самыми дорогими сортами мрамора, и гордился ею больше даже чѣмъ Юстиніанъ сооруженіемъ Святой Софіи. Онъ проводилъ время въ обществѣ конюховъ, осыпая ихъ золотомъ, съ удовольствіемъ крестилъ ихъ дѣтей; и самъ въ нарядѣ конюха предсѣдательствовалъ во время бѣговъ на ипподромѣ; а на частной аренѣ во дворцѣ св. Мамы часто принималъ въ бѣгахъ участіе лично, заставляя высшихъ сановниковъ поступать какъ онъ, и становиться на сторону одной изъ партій цирка, чтобы оспаривать у него первенство. И, въ видѣ издѣвательства довольно скандальнаго свойства, статуя Пресвятой Дѣвы, водруженная на императорскомъ тронѣ, замѣняла царя и предсѣдательствовала на празднествѣ.

Когда Михаилъ III предавался удовольствіямъ, онъ отнюдь не допускалъ, чтобы его отъ нихъ отрывали подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Однажды, когда онъ былъ на ипподромѣ, ему объявили, что арабы завладѣли азіатскими провинціями, и въ то время, что гонецъ дместика схоль, стоя передъ василевсомъ, въ трепетѣ ожидалъ его рѣшенія, монархъ вдругъ воскликнулъ: „Нѣтъ, какова дерзость являться ко мнѣ съ такимъ докладомъ, когда я весь поглощенъ крайне важными бѣгами, и рѣшается вспросъ, не будетъ ли правая колесница разбита при поворотѣ“. Отъ границы Киликіи до столицы

была устроена система сигнальныхъ огней, нѣчто въ родѣ оптическаго телеграфа, позволявшая быстро давать знать о нашествіяхъ мусульманъ; Михаилъ III велѣлъ ее уничтожить подъ предлогомъ того, что въ праздничные дни это отвлекло вниманіе народа, и что сообщенныя такимъ образомъ дурныя вѣсти мѣшали зрителямъ, огорчая ихъ, вполне наслаждаться бѣгами. Уже было сказано о его развращенности и о шуткахъ, какія онъ устраивалъ съ процессіями шутовъ и скормороховъ; мы упоминали также о томъ, что онъ любилъ выпить и получилъ за это прозвище Михаила Пьяницы, и что ему, когда онъ бывалъ пьянъ и не понималъ самъ, что говорилъ, было безразлично отдавать приказанія казнить или выдумывать самыя дурацкія продѣлки. Единственное средство понравиться ему состояло въ томъ, чтобы принимать участіе въ этихъ странныхъ развлеченіяхъ, и всѣ при дворѣ усердствовали въ этомъ. Рассказываютъ, что самъ патріархъ Фотій находилъ очень смѣшными забавы императора и охотно поддерживалъ его за столомъ, выпивая самъ еще больше. Какъ бы то ни было, Василій быстро сообразилъ, что представляется удобный случай устроить свою судьбу.

Очень ловко онъ подо все поддѣлывался, на все соглашался, изъ всего извлекалъ выгоду. Въ 856 году освободилась должность шталмейстера, такъ какъ занимавшій ее раньше былъ замѣшанъ въ заговорѣ противъ императора; Василій сдѣлался шталмейстеромъ. Въ 862 году камергеръ Даміанъ, старый другъ Варды, былъ отставленъ за то, что не оказалъ почтенія кесарю, съ которымъ былъ въ ссорѣ; на этотъ

довѣренный постъ, приближавшій къ царю того, кто его занималъ, былъ назначенъ Василій. Впрочемъ, Михаилъ III крайне благоволилъ къ своему фавориту; всякому, кто имѣлъ охоту его слушать, онъ рассказывалъ, что одинъ только Македонянинъ былъ дѣйствительно ему преданъ и вѣренъ. Поэтому онъ сдѣлалъ его патрикіемъ и въ концѣ концовъ женилъ его. А Василій уже былъ женатъ на такой же македонянкѣ, какъ онъ самъ, носившей имя Маріи; василевсъ заставилъ его развестись, и Марію отправили на ея родину, давъ ей немного денегъ. Послѣ этого царь женилъ своего друга на своей любовницѣ Евдокіи Ингеринѣ.

Это была очень красивая женщина, уже нѣсколько лѣтъ состоявшая въ связи съ Михаиломъ, который все продолжалъ ее любить; поэтому, устраивая ея судьбу, онъ условился, что она останется его любовницей; и это условіе такъ хорошо соблюдалось, что безпристрастные лѣтописцы безъ всякихъ обиняковъ говорятъ о томъ, что императоръ былъ отцомъ двухъ первыхъ дѣтей Василія. Придворные писатели, несомнѣнно болѣе скрытые по части такихъ деликатныхъ вопросовъ, напротивъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, восхваляли не только красоту и грацію, но и мудрость и добродѣтели Евдокіи; самый фактъ, что они усиленно настаиваютъ на этомъ, указываетъ на больное мѣсто, бросавшее тѣнь на македонскій домъ. Одинъ Василій, по видимому, легко переносилъ это затруднительное положеніе; ему, впрочемъ, было чѣмъ утѣшиться. Онъ былъ любовникомъ Θεоклы, сестры императора, и Михаилъ III закрывалъ глаза на

эту связь, какъ Василій закрывалъ глаза на связь своей жены. И это было самое милое сожителство вчетверомъ, какое только можно себѣ представить.

Василій, конечно, совсѣмъ не желалъ дѣлать такого рода угожденія даромъ. Въ этомъ авантюристѣ изъ Македоніи, такомъ ловкомъ и льстивомъ придворномъ, Варда чуялъ скрытое честолюбіе, подготовлявшее себѣ пути. „Я выкурилъ лисицу, говорилъ онъ своимъ близкимъ послѣ паденія Даміана, но на ея мѣсто впустилъ льва, который пожретъ насъ всѣхъ“. И, дѣйствительно, горячая борьба возгорѣлась скоро между фаворитомъ и министромъ. Василій старался завѣрить императора, что кесарь замышляетъ на его жизнь: но Михаилъ только смѣялся надъ этими нелѣпыми обвиненіями. Тогда, чтобы добиться своего, пронырливый македонецъ сталъ искать себѣ сообщника; онъ соединился съ Симватіемъ, зятемъ Варды, и, взявъ съ него страшную клятву молчать, открылъ, что императоръ, чувствуя къ нему большое уваженіе, желалъ ему всякаго добра, и только его тестъ противился его законному повышенію. Послѣ этого онъ съ тѣми же навѣтами, обратился къ императору и для подкрѣпленія своихъ словъ привелъ свидѣтельство Симватія; послѣдній, увидавъ, какъ его провели, пришелъ въ бѣшенство и, не колеблясь, сталъ клясться вмѣстѣ съ Василіемъ, что, дѣйствительно, Варда заговорщикъ. Крайне потрясенный этими сообщеніями, Михаилъ III мало-по-малу согласился дѣйствовать противъ министра. Но кесарь былъ могучъ; въ Константинополѣ его почитали такъ же, если не больше, какъ импе-

ратора; черезъ сына своего Антигона, начальника охранной стражи, онъ держалъ въ своихъ рукахъ столичные отряды; пытаются нанести ему ударъ, значило заранѣе обречь себя на вѣрную неудачу. Чтобы найти благопріятный случай, слѣдовало разъединить Варду съ его сообщниками; поэтому убѣдили императора объявить походъ въ Азію противъ арабовъ: вынужденный сопровождать василевса, Варда, такимъ образомъ, попадаетъ беззащитнымъ въ руки своихъ враговъ.

Кесарь былъ предувѣдомленъ обо всѣхъ этихъ козняхъ, и нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали ему защищаться и смѣло заявить, что онъ не отправится вмѣстѣ съ императоромъ къ войску. Естественно, что въ это же время суевѣрные люди стали находить всевозможныя зловѣщія примѣты, предвѣщавшія близкій конецъ министра. Рассказывали, что въ церкви, когда онъ былъ углубленъ въ молитву, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ чья-то невидимая рука сзади сорвала у него съ плечь парадную мантию. Подозрительно качали головами, толкуя о присланномъ ему неожиданно сестрой его Теодорой подаркѣ. То была одежда, на которой вышиты были золотыя куропатки, оказавшаяся не достаточно длинной; всѣ предсказатели были того мнѣнія, что куропатка означаетъ измѣну, а слишкомъ короткое платье указываетъ на неминуемую смерть. Самому Вардѣ снились тревожные сны. Онъ видѣлъ, будто входитъ съ императоромъ въ Святую Софію, въ торжественной процессіи, и вдругъ въ абсидѣ церкви замѣчаетъ св. Петра, сидящаго на тронѣ и окруженнаго

ангелами, а у ногъ его патріархъ Игнатій, требующій правосудія противъ своихъ притѣснителей. И апостоль, подавъ мечъ одному изъ служителей, одѣтому въ золотую одежду, велить императору стать подлѣ себя по правую руку, кесарю по лѣвую, и отдаетъ приказаніе поразить его мечомъ. Но Варда былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ свободенъ отъ всякихъ суевѣрій, чтобы придавать большое значеніе подобнымъ вещамъ. Къ тому же императоръ и его фаворитъ ничего не жалѣли, чтобы вновь возбудить въ немъ довѣріе и лучше заманить его въ западню. Передъ отъѣздомъ оба отправились вмѣстѣ съ кесаремъ въ церковь Богородицы Халкопратійской и тутъ, въ присутствіи патріарха Фотія, принявшаго ихъ клятву, торжественно поклялись кровью Христовой, что Вардѣ нечего ихъ опасаться. Почти убѣжденный, регентъ рѣшился отправиться вмѣстѣ съ дворомъ: Василій, трижды клятвопреступникъ, добился своего.

Лѣтописцы, пристрастные къ македонской династіи, сдѣлали все, чтобы оправдать Василія въ убійствѣ Варды, и приложили всѣ старанія, чтобы показать, что онъ не игралъ никакой роли въ этомъ важномъ событіи. Но правда совершенно не соотвѣтствуетъ этому. Войско и дворъ переправились въ Азію. Василій съ нѣкоторыми заговорщиками, — въ ихъ числѣ были его братья, родственники, близкіе друзья, которымъ онъ открылъ свой планъ, — былъ готовъ дѣйствовать по первому слову императора; и, чтобы приблизить развязку, онъ и его сообщники возбуждали нерасположеніе Михаила къ его дядѣ, подчеркивали дерзость кесаря, поставившаго свою па-

латку на холмѣ надъ палаткой императора. Варда зналъ все о замышлявшемся заговорѣ, но, охваченный благороднымъ презрѣніемъ къ опасности, онъ считалъ пустякомъ то, противъ чего предупреждали его друзья, и, вѣря въ свою счастливую звѣзду, полагалъ, что у враговъ не хватитъ смѣлости. Чтобы еще больше подчеркнуть это, онъ надѣлъ великолѣпную одежду и верхомъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, отправился, по обыкновенію, раннимъ утромъ къ императору на аудіенцію. Василій ждалъ его. Въ качествѣ главнаго камергера онъ долженъ былъ принимать кесаря и ввести его за руку къ царю. Войдя въ палатку, Варда сѣлъ рядомъ съ монархомъ, и бесѣда началась. Тогда движеніемъ глазъ Михаилъ далъ знать своимъ соумышленникамъ, что минута наступила. При этомъ знакѣ логоуетъ Симватій вышелъ изъ императорскаго шатра и, сдѣлавъ крестное знаменіе, этимъ заранѣе условленнымъ знакомъ онъ предувѣдомилъ убійць и ввелъ ихъ въ глубь палатки. Уже Василій, стоя позади Варды и едва сдерживаясь, дѣлалъ по адресу министра угрожающіе жесты, какъ вдругъ кесарь обернулся и понялъ. Чувствуя, что погибъ, онъ бросился къ ногамъ Михаила, моля его о спасеніи. Но Василій обнажаетъ мечъ; при этомъ знакѣ заговорщики бросаются и на глазахъ императора, равнодушнаго или безсильнаго, рубятъ въ куски несчастнаго кесаря. До того остервенились убійцы, что не могли оторваться отъ трупа, всего покрытаго кровью, такъ что впослѣдствіи едва могли собрать отъ него нѣсколько безформенныхъ кусковъ, которые были похоронены въ томъ

самомъ Гастрійскомъ монастырѣ, куда, по приказанію его, должна была нѣкогда удалиться сестра его Феодора.

По официальной версіи, очевидно придуманной, чтобы извинить это гнусное убійство, выходитъ, будто заговорщики послѣ долгихъ колебаній вынуждены были совершить убійство, чтобы спасти императора, жизни котораго грозила опасность, и что въ смятеніи, послѣдовавшемъ за убійствомъ, Михаилъ III подвергался самымъ большимъ опасностямъ. Но этотъ разсказъ не можетъ обмануть никого. Разумѣется, патріархъ Фотій, какъ ловкій придворный, поспѣшилъ поздравить императора съ избавленіемъ отъ столь большихъ опасностей; но народъ, болѣе правдивый и любившій Варду, кричалъ царю по дорогѣ, когда тотъ ѣхалъ назадъ: „Хорошее ты совершилъ путешествіе, царь, ты, убившій своего родственника и пролившій кровь своихъ близкихъ. Горе тебѣ! горе тебѣ!“

III.

Василій одержалъ верхъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, императоръ, не имѣвшій дѣтей, усыновилъ его и возвелъ въ санъ магистра; еще нѣсколько позднѣе онъ сдѣлалъ его соправителемъ.

Въ Троицынъ день въ 866 году народъ съ удивленіемъ увидалъ, что въ Святой Софіи воздвигаютъ два трона, и любопытствующіе зѣваки были крайне заинтригованы, зная, что имѣется только одинъ василевсъ. Скоро все объяснилось. Въ положенный часъ императорская процессія вошла

въ базилику; во главѣ шелъ Михаилъ III, въ полномъ парадномъ одѣянїи; Василій слѣдовалъ за нимъ, неся инсигнии и мечъ оберкамергера. Твердымъ шагомъ царь приблизился къ иконостасу и поднялся на верхнія ступеньки; Василій остановился нѣсколько ниже; еще ниже помѣстились императорскій секретарь, завѣдующій дворцомъ или препозитъ, вожди цирковыхъ партій, представлявшихъ офиціальнй народъ. И тогда, въ присутствїи двора и собравшейся толпы, императорскій секретарь прочелъ царскій указъ: „Варда кесарь, говорилось въ этомъ документѣ, составилъ заговоръ противъ меня съ цѣлю убить меня и для этого увлекъ меня изъ столицы. И еслибы не добрые совѣты Симватія и Василія, я теперь не находился бы въ живыхъ. Но онъ палъ жертвой своихъ прегрѣшеній. И такъ я повелѣваю, чтобы Василій паракимомень (спальникъ) и мой вѣрный слуга, охраняющій мою царственность, избавившій меня отъ моего врага и любящій меня, сталъ отнынѣ блюстителемъ и правителемъ моей имперїи, и чтобы всѣ величали его императоромъ“. Василій, совсѣмъ потрясенный, прослезился при этомъ чтенїи, которое, конечно, не могло его удивить. И Михаилъ, передалъ свою собственную корону патріарху, который благословилъ ее и возложилъ на голову Василія, въ то время какъ препозиты облачали его въ дивитисїи и обували въ красные башмаки. И народъ воскликнулъ по церемонїалу: „Многая лѣта императорамъ Михаилу и Василію“.

Благодарность никогда не была въ числѣ главныхъ добродѣтелей македонянина. Когда его сообщники, и въ особенности Симватій, стали тре-

бовать у него своей доли власти и почестей, онъ прогналъ ихъ прочь безъ зазрѣнія совѣсти, такъ какъ не нуждался въ нихъ больше; когда же они, недовольные тѣмъ, возмутились, онъ жестоко наказалъ ихъ за непокорность. Но при такомъ царѣ, какъ Михаилъ, самыя казавшіяся съ виду великія милости были на самомъ дѣлѣ всегда ненадежны, тѣмъ болѣе, что многіе изъ придворныхъ, завидуя быстрому повышенію фаворита, старались повредить ему въ глазахъ императора и увѣрить василевса, что новый соправитель злоумышлялъ на его жизнь. Напрасно для спасенія своего кредита Василій дѣлалъ все, что только могъ, присутствовалъ на императорскихъ празднествахъ, выпивая вмѣстѣ съ царемъ, позволялъ ему самое фамиллярное обращеніе съ женой своей Евдокіей: съ такимъ непостояннымъ и беспокойнымъ человѣкомъ, какъ Михаилъ, онъ все время долженъ былъ опасаться и за власть свою, и за собственную жизнь.

Скоро онъ ясно почувствовалъ грозившую ему опасность. Однажды вечеромъ, чтобы отпраздновать побѣду, одержанную царемъ на бѣгахъ, былъ устроенъ торжественный обѣдъ во дворцѣ св. Мамы. Во время десерта одинъ изъ присутствующихъ, патрикій Васиискіанъ, пользовавшійся милостью монарха, сталъ поздравлять императора, что онъ съ такой ловкостью правилъ колесницей и съ такой удачей. Михаилу, находившемуся уже подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, пришла тогда въ голову забавная мысль, какъ это съ нимъ обыкновенно случалось послѣ выпивки: „Встань, сказалъ онъ патрикію, сними съ меня мои красные башмаки и надѣнь ихъ“.

Тоть, смущенный, смотрѣлъ на Василія, точно желая спросить у него совѣта; тогда василевсъ, разсердившись, приказалъ ему повиноваться тотчасъ-же; затѣмъ онъ обратился къ своему соправителю: „Право, замѣтилъ онъ иронически, я нахожу, что они идутъ ему больше, чѣмъ тебѣ“, и сталъ импровизировать стихи въ честь своего новаго фаворита: „Смотрите на него всѣ, декламировалъ онъ, любуйтесь на него. Развѣ онъ не достоинъ быть императоромъ? Онъ прекрасенъ; вѣнецъ такъ идетъ къ нему; все способствуетъ его славѣ“. Василій, внѣ себя, молча старался подавить свое бѣшенство; Евдокія, вся въ слезахъ, пыталась образумить Михаила: „Императорскій санъ, это великая вещь, царь, говорила она ему, не слѣдуетъ его безчестить“. Но Михаилъ, все болѣе и болѣе пьянѣя, кричалъ: „Не безпокойся объ этомъ, моя милая. Меня это забавляетъ—сдѣлать Василискіана императоромъ“.

Быть можетъ, также и Феодора, повидимому вошедшая въ милость у сына, интриговала противъ Василія и старалась его свергнуть. Во всякомъ случаѣ, македонянинъ, чувствуя, что товарищъ его выходитъ изъ-подъ его опеки, рѣшилъ, что пришло время съ нимъ покончить. Чтобы оправдать этотъ послѣдній актъ драмы, Константинъ VII, внукъ Василія, всячески старался представить Михаила въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и въ грозной обвинительной рѣчи онъ собралъ въ одно рассказы о всѣхъ его безумствахъ, скандалахъ и преступленіяхъ; однако, онъ не дерзнулъ коснуться той доли участія, какую принялъ его дѣдъ въ убійствѣ челоуѣка, бывшаго

его господиномъ и благодѣтелемъ. А между тѣмъ и тутъ правда говоритъ сама за себя.

23 сентября 867 года императоръ ужиналъ во дворцѣ св. Мамы. Несмотря на доносы, какіе дѣлали ему на Василія, несмотря на ненависть, которую онъ теперь питалъ къ прежнему своему другу, царь пригласилъ къ своему столу своего царственного сотоварища вмѣстѣ съ женой его Евдокіей. Какъ обыкновенно, монархъ много выпилъ, а всѣ знали, что когда онъ пьянъ, то способенъ на все. Василій, твердо рѣшившійся дѣйствовать, уже нѣсколько дней передъ тѣмъ сговорился съ большинствомъ тѣхъ самыхъ людей, которые раньше помогли ему отдѣлаться отъ Варды. Полагая, что настала благопріятная минута, онъ подъ самымъ пустымъ предлогомъ вышелъ изъ праздничнаго зала и, пройдя въ императорскую спальню, испортилъ своей богатырской рукой замки, чтобы лишить императора возможности тамъ запереться; послѣ этого онъ возвратился на свое прежнее мѣсто за столомъ; какъ всегда, Евдокія была крайне любезна со своимъ любовникомъ. Когда довольно поздно ночью гости поднялись, чтобы расходиться, Василій захотѣлъ самъ поддержать шатавшагося императора, довелъ его до спальни и на порогѣ почтительно приложился къ его рукѣ. Подъ охраной двухъ вѣрныхъ служителей Михаилъ не замедлилъ уснуть глубокимъ сномъ. Тогда Василій вмѣстѣ съ заговорщиками проникъ въ комнату. Ихъ всѣхъ было восемь чело-вѣкъ. При ихъ внезапномъ появленіи спальникъ Игнатій въ испугѣ вскрикиваетъ, пытается сопротивляться: шумъ борбы пробуждаетъ царя, и,

сразу отрезвѣвъ, онъ привстаетъ и смотритъ. Тогда Іоаннъ Халдій, одинъ изъ друзей Василія, извлекаетъ мечъ и однимъ ударомъ отсѣкаетъ обѣ руки у императора; другой валитъ на землю Василискіана; въ это время остальные заговорщики стоятъ на стражѣ у дверей, чтобы помѣшать караулу придти на помощь своему господину. Приведя въ исполненіе свой умыселъ, заговорщики стали совѣщаться: „Мы отрѣзали ему руки, сказалъ одинъ, но онъ все еще живъ; а разъ онъ живъ, что будетъ съ нами?“ Тогда одинъ изъ убійць вошелъ опять въ комнату, гдѣ Михаилъ, приподнявшись на постели, весь покрытый кровью, стоналъ и осыпалъ ругательствами своихъ убійць, особенно Василія. Однимъ сильнымъ ударомъ вошедшій пронзилъ ему животъ; потомъ, гордясь своимъ подвигомъ, онъ пошелъ объявить Василію, что на этотъ разъ все кончено.

Константинъ VII почувствовалъ ужасъ и трагизмъ этого гнуснаго убійства. Въ біографіи своего дѣда, написанной имъ, онъ просто говоритъ: „Знатнѣйшіе изъ сановниковъ и сенаторовъ погубили императора во дворцѣ св. Мамы съ помощью нѣсколькихъ солдатъ стражи; и, пьяный до безчувствія, онъ безъ страданья перешелъ отъ сна къ смерти“. Конецъ Михаила III былъ несравненно страшнѣе и ужаснѣе. Онъ погибъ, если не отъ руки, то во всякомъ случаѣ по приказанію того человѣка, котораго сдѣлалъ императоромъ; и, внезапно отрезвившись въ свой смертный часъ, онъ могъ во время мучительной агоніи сознать и почувствовать все коварство этого Василія, вдвойнѣ отцеубійцы, убій-

цы своего законнаго царя и своего приѣмнаго отца.

Мрачное предсказаніе Θεодоры исполнилось: отстранивъ всѣ препятствія, отдѣлявшія его отъ трона, македонянинъ сталъ императоромъ. Торопясь окончить революцію, заговорщики, поспѣшно переправившись черезъ Золотой Рогъ, овладѣли Священнымъ Дворцомъ, и на слѣдующее утро первой заботой новаго владыки было водворить съ большой пышностью въ комнатахъ законной императрицы жену свою Евдокію Ингерину, до конца остававшуюся любовницей Михаила III. Вмѣстѣ съ нею онъ безстыдно появлялся, во время Рождественскихъ праздниковъ 867 года, на улицахъ столицы, на великолѣпной колесницѣ, запряженной четверкой бѣлыхъ лошадей; спустя нѣсколько лѣтъ онъ даже имѣлъ отъ нея сына, перваго своего законнаго ребенка, а позднѣе еще четырехъ дочерей. Оставшаяся грубой душа македонскаго крестьянина, какъ видно, не знала пустой щепетильности.

Таковъ онъ всегда былъ. Василій повстрѣчался въ своей жизни съ тремя женщинами. Даниелида, матрона Патраса, была богата; она дала ему, вмѣстѣ съ деньгами, возможность достигъ успѣха: и онъ за это бережно хранилъ память о ней и всячески поддерживалъ съ ней прибыльную для него дружбу. Евдокія была раньше и оставалась любовницей Михаила: онъ любезно сдѣлалъ ее своей женой и такъ же любезно закрывалъ глаза на ея недостойное поведеніе. Она служила его честолюбивымъ цѣлямъ и была ему полезной сообщницей, и по этой же причинѣ, даже послѣ смерти Михаила III и несмотря на свои

новыя скандальныя исторіи, онъ продолжалъ держать ее при себѣ, чувствуя, что скомпрометировалъ бы династію, если бы не оказывалъ Евдокии самага полнаго снисхожденія и всѣхъ подобающихъ ей почестей. Наконецъ, сестра Михаила III, Фекла, имѣла къ красавцу Василию любовное влеченіе; съ ней одной онъ обошелся сурово. Узнавъ позднѣе, что она взяла другого любовника, прежняго друга кесаря Варды, онъ велѣлъ подвергнуть и его и ее жестокому тѣлесному наказанію. И это не была, какъ можетъ сначала показаться, вспышка запоздалой ревности состарѣвшагося императора: человѣкъ практической, Василій въ то же время конфисковалъ въ свою пользу состояніе Феклы.

Такимъ образомъ, онъ всю жизнь оставался человѣкомъ, животнымъ, первобытнымъ и мало-сложнымъ, съ сильными страстями, съ грубыми звѣриными инстинктами, какимъ былъ много лѣтъ назадъ, когда начиналъ свою жизнь, и это проливаетъ значительный свѣтъ на психологію этого основателя династіи. То былъ честолюбецъ ловкій и счастливый, а также большой политикъ, подготовившій своимъ правленіемъ для византійской имперіи два вѣка славы и процвѣтанія. Но при этомъ онъ оставался всегда душой корыстной и низкой, безъ запросовъ совѣсти и чести, не знавшей ни благодарности, ни тонкихъ чувствъ.

IV.

Намъ кажется, что приключенія Василя Македонянина нѣсколько отвлекли насъ отъ благочестивѣйшей императрицы Теодоры; трагиче-

ское событіе 23 сентября 867 года вновь возвращаетъ насъ къ ней. Дѣйствительно, въ этотъ скорбный день она въ послѣдній разъ появляется на исторической сценѣ. Когда, послѣ водворенія Василія въ Священномъ Дворцѣ начали отдавать послѣдній долгъ убитому императору, довѣренныя лица царя, явившись во дворецъ св. Мамы, были свидѣтелями плачевной сцены. Они нашли трупъ Михаила III лежащимъ на полу, съ вывалившимися внутренностями, кое какъ завернутымъ въ попону одной изъ лошадей, которыхъ онъ такъ любилъ. Подлѣ тѣла нѣсколько женщинъ въ траурѣ плакали и молились. То была императрица Θεодора и ея дочери, поспѣшившія въ столицу при первомъ извѣстїи о разыгравшейся драмѣ и теперь благоговѣнно молившія Бога о милосердіи къ несчастному погибшему.

Обстановкой, при которой она достигла власти, великимъ стараніемъ, приложеннымъ ею для возстановленія правосудія, Θεодора напоминаетъ другую византійскую императрицу, василиссу Ирину. Но она не имѣла ни ея властнаго высокоумнаго характера, ни ея пламеннаго и преступнаго честолюбія. Благочестивая и нѣжная, она любила иконы, своего мужа и сына и, послѣ смерти Теофила, можетъ быть, своего министра Теокиста; и если ненавидѣла кого, въ особенности брата своего Варду, то не за отнятую у нея власть, но, скорѣе, за своего измѣннически убитаго фаворита. Она покинула тронъ просто, безъ горечи; въ старости она испытала горе и видѣла конецъ своего рода и паденіе своей династіи. Если въ наши дни она пользуется

исторической извѣстностью, то главнымъ образомъ за возстановленіе иконопочитанія; но она еще и съ другой стороны заслуживаетъ вниманія и памяти. Событія, въ которыя она была замѣшана, подобно приключеніямъ Василя, проливаютъ любопытный свѣтъ на эту Византію IX вѣка, гдѣ видишь вмѣстѣ „кровь, сладострастье и смерть“ (таково заглавіе прекрасной книги Мориса Барреса).

ГЛАВА VIII.

Четыре брака императора Льва Мудраго.

29 августа 886 года императоръ Василій I умеръ неожиданно вслѣдствіе одного довольно страннаго случая на охотѣ. Однажды, когда онъ въ окрестностяхъ столицы предавался своему любимому развлеченію, онъ отдалился отъ своихъ спутниковъ, бросившись преслѣдовать большого оленя; загнанный звѣрь вдругъ остановился, повернулся, наклонивъ рога, къ лошади василевса и, нечаянно зацѣпивъ ими за поясъ царя, поднялъ на кончики ихъ несчастнаго монарха. Когда обезумѣвшая лошадь примчалась къ охотникамъ безъ всадника, среди придворныхъ произошло страшное замѣшательство; оно еще усилилось, когда издали увидали оленя, бѣшено мчавшагося съ императоромъ на рогахъ. Напрасно старались нагнать животное: каждый разъ, когда казалось вотъ-вотъ олень настигнуть, онъ однимъ порывистымъ движеніемъ былъ снова далеко впереди. Въ концѣ концовъ нѣсколькимъ солдатамъ стражи однимъ ловкимъ обходомъ удалось отрѣзать оленю отступленіе, и одинъ изъ нихъ, нагнавъ животное, ударомъ меча перерубилъ поясъ царя. Василій безъ чувствъ упалъ на землю; его при-

несли въ Священный Дворецъ въ довольно плачевномъ видѣ. Къ тому же ему было около семидесяти четырехъ лѣтъ, и уже за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ здоровье его серьезно пошатнулось. При этихъ условіяхъ случай, жертвой котораго онъ сталъ,—олень несъ его на пространствѣ шестнадцати миль,—являлся особенно серьезнымъ. Обнаружились внутреннія поврежденія, и черезъ восемь дней послѣ этого основатель македонской династіи умеръ, оставивъ престоль старшему сыну Льву.

I.

Ни физически, ни нравственно Левъ VI не подходилъ на своего отца; и то что рассказывали о его рожденіи—всѣ были увѣрены, что онъ сынъ Михаила III,—достаточно, впрочемъ, объясняетъ это глубокое несходство. Довольно тщедушный, новый царь былъ неважнаго здоровья: и одна эта подробность даетъ возможность предполагать, сколько въ продолженіе его царствованія зарождалось честолюбивыхъ замысловъ, въ постоянномъ чаяніи, что вотъ-вотъ найдутся новые пути къ открывшемуся наслѣдію. Любя при этомъ сидячій образъ жизни, отнюдь не склонный къ частымъ передвиженіямъ и тяжелымъ трудамъ военной жизни, Левъ VI охотно замыкался въ своемъ дворцѣ, крайне озабоченный вопросами церемоніала, составлявшими основу официальнаго существованія императора: и это объясняетъ то большое мѣсто, какое занимали въ его царствованіи фавориты, а также обиліе придворныхъ интригъ, какими оно было отмѣчено. Это былъ

въ то же время литературно образованный царь. Ученикъ Фотія, онъ, благодаря этому знаменитому учителю, получилъ вкусъ къ классической культурѣ; широко образованный, онъ любилъ писать; отъ него остались поэтическія произведенія, научныя, богословскія, сочиненіе по тактикѣ, сборникъ оракуловъ. Современники называли его „очень ученымъ“ императоромъ (*σοφώτατος*), болѣе позднія времена украсили его образъ легендарнымъ ореоломъ, и вплоть до послѣдняго вѣка существованія Византіи онъ оставался очень популярнымъ въ народѣ, какъ ученый основательный и всесторонній, одинаково свѣдущій въ математикѣ, астрономіи, музыкѣ и другихъ наукахъ.

Наконецъ, онъ былъ очень благочестивъ: отъ него осталось собраніе проповѣдей, которыя онъ произносилъ съ кафедры въ дни большихъ праздниковъ; онъ питалъ чрезвычайное почтеніе къ своему исповѣднику, постоянно обращался къ нему за совѣтами, хотъ иногда и вступалъ съ нимъ въ споръ, а также сильно благоволилъ къ монахамъ, охотно посѣщалъ ихъ, часто безъ всякаго предупрежденія, и оставался запросто и подолгу, садился съ ними за трапезу, пилъ съ ними вино и разсуждалъ о его качествахъ. Сверхъ всего этого, онъ былъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, человѣкъ необыкновенно строгой нравственности. Онъ энергично поносилъ въ одной изъ своихъ новеллъ людей, которые, „вмѣсто того, чтобы пить отъ чистыхъ водъ брака, утопаютъ въ грязи незаконныхъ сожителствъ“. Не менѣе строго относился онъ и къ тѣмъ, кто вступалъ во второй и третій бракъ: „Большинство животныхъ,

пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, когда умираетъ ихъ самка, обрекаетъ себя на вѣчное вдовство. Человѣкъ же, напротивъ того, не видя, что эта слабость постыдна, не удовлетворяется первымъ бракомъ, но безстыдно вступаетъ во второй и, не останавливаясь на этомъ, отъ второго брака переходитъ къ третьему“, вопреки церковному закону и карамъ, имъ налагаемымъ за это, пренебрегая закономъ гражданскимъ, порицающимъ такіе союзы.

Тѣмъ не менѣе, какъ было вѣрно замѣчено, царствованіе Льва VI составляетъ эпоху въ исторіи византійской имперіи. Своимъ законодательствомъ, реорганизаціей провинціального управленія, улучшеніемъ церковной іерархіи, этотъ царь оставилъ прочный слѣдъ въ учрежденіяхъ восточной имперіи. Ибо, въ сущности, несмотря на то, что онъ иногда поддавался вліянію фаворитовъ, онъ, быть можетъ болѣе чѣмъ это думаютъ, былъ способенъ къ проявленію личной воли и энергіи, и, какъ ни кажется намъ порой слабъ и непостояненъ, капризенъ и преданъ страстямъ, во всякомъ случаѣ былъ царемъ умнымъ, умѣющимъ упорно преслѣдовать намѣченную цѣль и ловко и искусно находить средства къ достиженію ея. Но тѣмъ не менѣе, и съ какими бы оговорками мы не принимали обычное представленіе о Левѣ VI, несомнѣнно, что этотъ строгій законодатель, такъ уважавшій общественную нравственность, такъ заботившійся о законахъ церковныхъ, не могъ своими браками не возбудить соблазна среди современниковъ и глубоко не возмутить церковь того времени. Надо, однако, принять во вниманіе, что Левъ VI взо-

шелъ на престолъ двадцати лѣтъ отъ роду и былъ уже женатъ, но не любилъ своей жены.

II.

Хотя Василій по причинамъ династическимъ уже съ 869 года пріобщилъ Льва къ верховной власти, хотя онъ съ крайней заботливостью воспиталъ его, какъ предполагаемаго наслѣдника престола, онъ тѣмъ не менѣе никогда его не любилъ, и подлѣ этого подозрительнаго, раздражительнаго и строгаго отца жизнь молодого чело-вѣка, повидимому, была довольно печальная. Василій явно предпочиталъ своего сына Константина, рожденнаго, вѣроятно, отъ его перваго брака, котораго онъ безъ всякаго колебанія признавалъ своимъ законнымъ преемникомъ; Льву же, наоборотъ, онъ выказывалъ видимое нерасположеніе, такъ что охотно слушалъ и допускалъ невѣроятныя обвиненія, какія взводились на него.

Съ годами Василій утратилъ отчасти тотъ здравый смыслъ, который раньше такъ отличалъ его: онъ сталъ поддавать подъ вліяніе фаворитовъ, въ особенности одного игумена, Феодора Сантаварина, которому покровительствовалъ патриархъ Фотій, а современники сильно подозрѣвали его въ занятіяхъ магіей и колдовствомъ. Преждевременная смерть его любимаго сына Константина окончательно потрясла крѣпкій разумъ императора; подъ гнетомъ этой утраты онъ сдѣлался подозрительнымъ и только и видѣлъ вокругъ себя что козни и заговоры, имѣвшіе яко бы цѣлью свергнуть его съ престола. Когда же Сантаваринъ, давно поссорившійся съ наслѣдни-

комъ престола, донесъ василевсу на Льва, будто бы замышляющаго на жизнь отца, Василій легко повѣрилъ самымъ пустымъ видимостямъ. По его приказанію Левъ былъ посаженъ подъ арестъ въ одномъ изъ помѣщеній дворца, лишенъ своихъ красныхъ башмаковъ, знака императорскаго сана, и, повидимому, императоръ серьезно думалъ ослѣпить его. Во всякомъ случаѣ, придворные, подозрѣвавшіеся въ томъ, что покровительствовавали воображаемой интригѣ, были подвергнуты пыткамъ или сосланы; въ теченіе трехъ долгихъ мѣсяцевъ самъ Левъ просидѣлъ въ заключеніи, и, чтобы освободить его, потребовалось энергичное вмѣшательство патріарха Фотія и въ особенности одного изъ приближенныхъ Василія, Стиліана Заутца, командовавшаго тогда отрядомъ охранной стражи, и который рѣшился заговорить объ этомъ съ своимъ владыкой съ честной и смѣлой откровенностью.

Также и всѣ высшіе сановники и весь сенатъ, серьезно обезпокоенные состояніемъ здоровья Василія, становившимся съ каждымъ днемъ все хуже, совѣтовали быть снисходительнѣе. Нѣкоторые лѣтописцы рассказываютъ даже по этому поводу довольно интересный анекдотъ. Въ большой столовой Священнаго Дворца висѣла клѣтка съ попугаемъ, который постоянно кричалъ: „Увы, увы! бѣдный Левъ!“ Во время одного большого приѣма, когда попугай повторялъ свою обычную фразу, многіе изъ гостей, растроганные воспоминаніемъ о заключенномъ, съ трудомъ могли скрыть свою печаль. Императоръ въ концѣ концовъ это замѣтилъ и спросилъ ихъ о причинѣ ихъ разстроеннаго вида. „Какъ можемъ мы пи-

ровать съ легкимъ сердцемъ, отвѣчали они, когда птица и та словно укоряетъ насъ за наше поведеніе? Она зоветъ своего господина, такъ неужто мы, люди, можемъ среди веселья забыть нашего невиннаго царевича? Или онъ виновенъ, и мы тогда готовы осудить его; или онъ ни въ чемъ не провинился, до какихъ же поръ тогда языкъ клеветника будетъ брать верхъ надъ его невинностью?" Неизвѣстно, сколько правды въ этомъ разсказѣ, но во всякомъ случаѣ Василій, далъ себя умилоствовать; въ день праздника пророка Іліи царевичъ былъ освобожденъ, восстановленъ въ принадлежащихъ ему почестяхъ и достоинствахъ и снова принималъ участіе въ царскихъ выходахъ. Но старый василевсъ, милуя, не забылъ своего нерасположенія. Когда народъ по пути шествія Льва привѣтствовалъ его и кричалъ: „Слава Всевышнему!“ Василій обратившись къ толпѣ, воскликнулъ: „Это по поводу моего сына прославляете вы Бога! Ну, такъ я вамъ скажу, что ему же вы будете обязаны долгими днями труда и печали“.

Изъ этихъ подробностей видно, что между императоромъ и его сыномъ отношенія были далеко не нѣжныя, и легко понять, что Левъ очень боялся бѣшенаго, страшнаго нрава отца, во всемъ безпощадно покорявшаго его своей волѣ. Рано пришлось Льву привыкать къ покорности. Когда ему должно было исполниться шестнадцать лѣтъ, Василій рѣшилъ его женить. По обыкновенію, въ одной изъ залъ Магнаврскаго дворца собрали дюжину дѣвицъ изъ самыхъ красивыхъ въ имперіи. Въ ожиданіи прихода царя эти маленькія особы, очень

возбужденныя, занялись тѣмъ, что пробовали отгадать, кто изъ нихъ окажется счастливой избранницей. Одна аеинянка, по словамъ лѣтописца, „умѣвшая, благодаря обычаямъ своей страны, отгадывать будущее по примѣтамъ“, предложила тогда въ видѣ игры слѣдующее странное испытаніе: всѣ кандидатки должны были сѣсть на полъ, и каждая поставить передъ собой свои башмаки; та изъ двѣнадцати, которая по данному знаку скорѣе всѣхъ встанетъ, обуется и первая успѣетъ сдѣлать красивый поклонъ, та и будетъ, навѣрно, императрицей. Въ то время, какъ онѣ занимались этимъ упражненіемъ, вдругъ вошелъ царь. Первая поднявшаяся была нѣкто Теофано, происходившая изъ знаменитой столичной патриціанской семьи Мартинаковъ; такъ какъ она была знатна, при этомъ очень красива и набожна, она понравилась Василію и женѣ его Евдокіи: такъ оправдалась примѣта, пророчествовавшая ей тронъ. Самого Льва даже не спрашивали, а между тѣмъ юный царевичъ имѣлъ привязанность на сторонѣ. Стиліанъ Заутцъ, начальникъ малой Этеріи, человѣкъ очень близкій василевсу и его соотечественникъ, имѣлъ дочь, по имени Зою. Левъ былъ сильно влюбленъ въ нее и хотѣлъ на ней жениться. Но Василію не было до этого никакого дѣла: онъ приказалъ, и сынъ не осмѣлился послушаться. И съ большимъ торжествомъ, зимой съ 881 на 882 годъ, была отпразднована его свадьба съ Теофано.

Такой бракъ долженъ былъ неизбѣжно плохо кончиться, тѣмъ болѣе, что Теофано, если и обладала множествомъ добродѣтелей, имѣла такъ-

же и недостатки: была ревнива и при этомъ недогадлива и ненаходчива. Ей показалось, что она замѣчаетъ, какъ мужъ ея продолжаетъ ухаживать за дочерью Заутца: и тотчасъ молодая женщина побѣжала жаловаться Василию. Со своей всегдашней грубостью императоръ устроилъ сыну страшную сцену; вцѣпившись ему въ волосы, онъ повалилъ его на полъ, билъ кулаками и ногами, уча его, какъ быть вѣрнымъ женѣ. Затѣмъ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, онъ насильно выдалъ замужъ Зою за нѣкоего Теодора Гутцуніата, какъ ранѣе насильно женилъ сына, и льстилъ себя надеждой, что такимъ образомъ возстановилъ въ семьѣ миръ. Можно легко себѣ представить, что первоначальная антипатія Льва къ Теофану не стала меньше послѣ этого событія; и даже впослѣдствіи, когда царь былъ въ немилости и молодая женщина выказала полную преданность и любовь, выразивъ желаніе раздѣлить съ нимъ его заточеніе, семейный ладъ никогда больше не былъ вполне возстановленъ. Левъ могъ, разумѣется, получить нѣкоторое уваженіе къ женѣ, но онъ и впослѣдствіи не полюбилъ ея. Во всякомъ случаѣ, покуда былъ живъ грозный Василій наружное согласіе сохранялось между супругами. Но когда Левъ сталъ императоромъ и вполне свободнымъ, положеніе довольно быстро испортилось. Теофану, кромѣ того, была женщина добродѣтельная, преданная добрымъ дѣламъ и заботившаяся прежде всего о любви небесной. „Съ болѣзненнымъ пыломъ, рассказываетъ ея благочестивый біографъ, Августа заботилась о спасеніи своей души, пренебрегая, какъ недостойной суетностью,

всѣми удовольствіями мірской жизни. День и ночь возносилась она мыслью къ Богу, молясь постоянно и читая псалмы; она непрестанно стремилась приблизиться къ Богу и черезъ дѣла милосердія. Публично она облекалась въ красоту и блескъ, во все великолѣпіе порфиры; у себя, тайкомъ прикрывала тѣло лохмотьями. Предпочитая всему жизнь аскетическую, она не придавала никакого значенія прелестямъ обильнаго и роскошнаго стола; когда передъ ней ставили изысканныя блюда, она довольствовалась простой ѣдой, состоявшей изъ хлѣба и овощей. Всѣ деньги, какими она могла распоряжаться, все свое состояніе, которымъ такъ дорожатъ люди, живущіе въ міру, она раздавала бѣднымъ; великолѣпныя свои одѣянія сна отдавала нуждающимся; она пеклась о нуждахъ вдовъ и сиротъ, обогащала монастыри, любя монаховъ, какъ братьевъ". Ночью она покидала свое царское ложе, покрытое великолѣпными, золотомъ шитыми одѣялами, и ложилась гдѣ-нибудь въ углу, на подстилкѣ, покрытой грубой тканью, и каждый часъ вставала, чтобы молиться Богу. Такая женщина была святая, но она не годилась ни въ императрицы, ни въ подруги двадцатилѣтнему царю.

Смерть единственнаго родившагося отъ этого брака ребенка, маленькой Евдокии, послѣдовавшая зимой 892 года, еще усилила разногласіе между супругами. Послѣ этого несчастія Теофано стала печальнѣе, чѣмъ когда-либо, еще больше отвратилась отъ міра; и ко всему этому чрезмѣрное воздержаніе серьезно разстроило ея здоровье. „Императоръ, пишетъ біографъ благоче-

стивой царицы, не могъ больше надѣяться имѣть отъ нея другого ребенка, ибо тѣло ея, изнуренное и ослабленное духовнымъ созерцаніемъ, не способно было отдаваться наслажденію плоти“. Естественно, что Льву все больше и больше надоѣдала жена, никогда ничего не доставлявшая ему, кромѣ непріятностей. Съ другой стороны, онъ не забылъ подругу своей юности; и онъ рѣшился взять Зою въ любовницы.

Императрица была скоро объ этомъ извѣщена, и такъ какъ, вслѣдствіе страннаго противорѣчія, эта святая женщина оставалась все такой же ревнивой, нелады императорской четы чуть-было не перешли въ полный разрывъ.

Въ это время жилъ въ Константинополѣ въ Псамаѳійскомъ монастырѣ одинъ святой чело-вѣкъ по имени Евѳимій, біографія котораго, недавно найденная, представляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ документовъ, какіе мы только имѣемъ о царствованіи Льва VI. Будучи на очень хорошемъ счету у царя, которому онъ еще при жизни Василія оказалъ важныя услуги, онъ позволялъ себѣ говорить съ нимъ съ рѣзкой откровенностью и не скупился на выговоры и наставленія. Къ нему-то и прибѣгла императрица въ своей бѣдѣ. Она объяснила, что со смерти ея любимой дочери ей не было больше смысла жить во дворцѣ, что она слишкомъ жестоко страдала отъ создавшагося для нея тамъ положенія, а потому она проситъ объ одномъ— о позволеніи удалиться въ монастырь, прилегающій къ Влахернскому храму, гдѣ съ давнихъ поръ она любила говѣть, и что при этомъ условіи она согласна на все, даже на разводъ. Евѳи-

мій ее ободрить, но представилъ ей, какую важную отвѣтственность она беретъ на себя, покидая супруга, и безъ того слишкомъ склоннаго къ гибели; послѣ этого онъ отправился къ императору. Тотъ пришелъ въ восхищеніе отъ плана жены и радовался при мысли, что сможетъ скоро жениться на своей любвицѣ. Евѣимій строжайшимъ образомъ его отчиталъ, и когда василевсъ, упомянувъ о томъ, сколько горечи и зла накопилось у него противъ Теофано за десять лѣтъ брака, кончилъ тѣмъ, что сказалъ: „Въ концѣ концовъ, не я ее прогоняю, а законъ, и церковные каноны оправдаютъ меня, если я возьму другую жену“, святой отецъ въ негодованіи объявилъ, что онъ больше не увидитъ его, если царь будетъ упорствовать въ своемъ преступномъ рѣшеніи.

Несмотря на такую угрозу, чрезвычайно важную для человѣка благочестиваго, какимъ былъ Левъ, царь не хотѣлъ ничего слышать. Дѣло въ томъ, что прежде всего онъ страстно любилъ Зою. Но у него была еще и другая причина упорствовать: онъ горячо желалъ сына, чтобы упрочить продолженіе македонскаго рода. Про себя онъ зналъ, что здоровье его не важное; братъ его Александръ прожигалъ жизнь въ безумныхъ оргіяхъ; слѣдовательно, какъ въ интересахъ династіи, такъ и въ интересахъ общественнаго спокойствія, онъ долженъ былъ какъ можно скорѣе обезпечить престолъ законнымъ наслѣдникомъ. Впрочемъ, это составляло уже съ давнихъ поръ его большую заботу; чтобы Богъ послалъ ему такъ горячо желаемаго ребенка, онъ отправлялся въ паломничество по наиболѣе зна-

менитымъ святымъ мѣстамъ; чтобы узнать, будетъ ли исполнено его желаніе, онъ неустанно допрашивалъ небесныя свѣтила; и такъ какъ они обѣщали ему сына, то „полагая, говорить одинъ лѣтописецъ, что исполняетъ тѣмъ волю самого Бога и подчиняется неизбѣжному року“, онъ съ спокойной совѣстью не порывалъ сношеній съ своей любовницей.

Тутъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ глазахъ современниковъ и самихъ панегиристовъ Теофано одной этой политической причины, по видимому, было достаточно, чтобы объяснить и оправдать прелюбодѣяніе Льва. Императрица тоже, въ концѣ концовъ, смирилась передъ неизбѣжнымъ. Выслушавъ строгое наставленіе Евѣимія, указывавшаго ей, какая великая заслуга заключается въ смиреніи, она согласилась не требовать скандальнаго развода и предоставила свободу соперницѣ, ища сама утѣшенія лишь въ Богѣ. Ей, впрочемъ, не долго пришлось страдать: вскорѣ послѣ только что описанныхъ событій, Теофано умерла 10 ноября 893 года; ей не было и тридцати лѣтъ. Левъ, какъ это и приличествовало, устроилъ своей женѣ великолѣпныя похороны. Она была похоронена въ императорской усыпальницѣ святыхъ Апостоловъ, гдѣ уже покоилась ея дочь, маленькая Евдокія; царь рѣшилъ построить въ ея память церковь во имя ея святой. Скоро всякія чудеса и необыкновенныя исцѣленія, совершавшіяся на ея могилѣ, возвѣстили всей Византіи о добродѣтеляхъ покойной царицы; церковь причислила къ лику святыхъ тихую и печальную императрицу, и въ теченіе многихъ лѣтъ церемоніаль предписывалъ

самому императору отправляться каждый годъ на ея могилу возжигать въ память ея өиміамъ и возносить молитвы.

III.

Левъ былъ свободенъ.

Нѣкогда онъ объявилъ Евөимію: „Никогда не забуду я Зои, и наступить день, когда я пожалѣю и ее и себя“. Этотъ день насталь. Однако, жениться на своей любовницѣ ему мѣшало одно обстоятельство, ея мужъ. Но Гутцуніать очень остроумно умеръ вскорѣ послѣ смерти Теофано, и это вышло такъ кстати, что злые языки стали поговаривать, что эти двѣ смерти, такія своевременныя, быть можетъ, произошли не вполнѣ случайно. Но Левъ былъ императоромъ; Зоя была дочерью перваго министра; и сочли за лучшее не раздувать подозрѣній.

Такимъ образомъ все, казалось, благопріятствовало желанному браку. Царь больше чѣмъ когда-либо боготворилъ свою любовницу, которая нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ спасла ему жизнь, раскрывъ заговоръ, имѣвшій цѣлью погубить его. Отецъ Зои Стиліанъ Заутцъ, съ начала царствованія правившій дѣлами и получившій милостью царя вновь изобрѣтенный титулъ, въ нѣкоторомъ родѣ символическій, *βασιλεοπάτωρ* или отца императора, изо всѣхъ силъ хлопоталь объ этомъ бракѣ, видя въ немъ средство усилить свое нѣсколько пошатнувшееся въ то время вліяніе; и чтобы ускорить дѣло, онъ поселилъ молодую вдову въ помѣщеніи, занимаемомъ имъ самимъ во дворцѣ. Одинъ только Евөимій, ни-

когда не бывшій въ хорошихъ отношеніяхъ съ министромъ, все еще сопротивлялся. Онъ убѣждалъ императора, что замышляемое имъ дѣло было нечестіемъ и незаконіемъ. Но Левъ отвѣчалъ смѣхомъ на всѣ эти возраженія: „Ну, святой отецъ, говорилъ онъ, слушай меня и не говори глупостей. Я вѣдь, какъ тебѣ извѣстно, потерялъ жену; я долженъ, какъ всѣ люди, подумать о новомъ бракѣ. И вотъ Зоя какъ разъ въ томъ же положеніи, что я; она свободна. Зачѣмъ же ты хочешь помѣшать тому, что повелѣваютъ законы, и что совѣтуетъ Священное Писаніе?“ Евѣимій сердился: „Никто тебѣ не мѣшаетъ жениться на другой; но не слѣдуетъ жениться на этой, которую обвиняютъ въ томъ, что она виновница столькихъ золъ. Если этотъ бракъ состоится, всѣ повѣрятъ недобрымъ слухамъ, что ходятъ на ея счетъ“. И онъ опять заявлялъ, что если Зоя сдѣлается императрицей, никогда императоръ его больше не увидитъ.

Влюбленный не разсуждаетъ: въ выборѣ между своимъ духовникомъ и любовницей Левъ не могъ колебаться; онъ предложилъ Евѣимію удалиться въ монастырь, а самъ женился на Зоѣ. Но счастье его было не продолжительно, меньше чѣмъ черезъ два года послѣ этого, въ концѣ 896 года, молодая императрица умерла отъ довольно таинственной болѣзни, послѣдовавшей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти ея отца Стиліана Заутца. И тотчасъ, несмотря на горе Льва, придворные ясно увидели, что должно было послѣ этого случиться, и родные Зои, хорошо устроившіеся при ея жизни, прямо объявили: „Императоръ возьметъ себѣ новую жену, а насъ всѣхъ удалитъ“.

IV.

Надо однако сознаться, что Льву не везло. Отъ связи его съ Зоей родилась только одна дочь, царевна Анна; династическія соображенія требовали отъ императора третьяго брака. Но царю трудно было рѣшиться на такой шагъ. Церковные каноны явно порицали подобный союзъ; въ общественномъ мнѣніи онъ являлся недостойнымъ царя; и самъ Левъ, въ одной изъ своихъ новеллъ, въ суровыхъ выраженіяхъ поносилъ людей, доходящихъ до такого невоздержанія. Кромѣ того, императоръ страстно любилъ Зою, онъ горько оплакивалъ ея потерю. Надо видѣть, въ какихъ трогательныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ Евѣимію о „своей бѣдной женѣ, которую ты совсѣмъ не любилъ“. Въ такомъ душевномъ настроеніи онъ легко подпалъ опять подъ вліяніе своего духовника; и хотя онъ не разсчитывалъ, какъ прямо это и высказалъ, „найти въ немъ новаго Стилиана, распоряжающагося и управляющаго всѣмъ“, онъ тѣмъ не менѣе относился къ монаху съ крайнимъ уваженіемъ, зная его грубую и непреклонную прямоту и немного побаиваясь ея. Вотъ всѣ эти причины и заставляли царя довольно долго колебаться, прежде чѣмъ рѣшиться на новый бракъ. Такъ какъ императорскій этикетъ непремѣнно требовалъ, чтобы въ Священномъ Дворцѣ была женщина для предсѣдательствованія на церемоніяхъ, гдѣ присутствовали придворныя дамы, онъ повелѣлъ провозгласить Августой юную царевну Анну, и это одно достаточно показываетъ, на-

сколько ему претила мысль о новомъ бракѣ. Но Анна была невѣстой одного принца каролингскаго дома, юнаго Людовика Провансальскаго; она собиралась покинуть Константинополь и отправиться на свою новую родину. Чтобы замѣнить ее, необходимо требовалась императрица. Кромѣ того, Левъ былъ молодъ; ему было тридцать два, тридцать три года; горе его съ теченіемъ времени притупилось, а съ нимъ и нравственныя сомнѣнія въ такого рода вопросахъ. Въ 899 году рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Онъ женился на очень хорошенькой женщинѣ родомъ изъ Азіи, Евдокии Ваяни; но такъ какъ несчастье преслѣдовало императора, новая царица умерла годъ спустя, родивъ ему сына, но тоже не жизнеспособнаго.

Итакъ, приходилось начинать все сызнова, разъ что опять не стало желаннаго наслѣдника. Но теперь задача эта оказывалась уже необычайно трудной. Третій бракъ императора, хоть и прикрывался довольно благовидными предлогами, и церковь, считая его съ одной стороны „поступкомъ не подобающимъ“, все же не порицала его открыто, тѣмъ не менѣе послужилъ соблазномъ для многихъ благочестивыхъ душъ. Это обнаружилось, когда послѣ смерти Евдокии игумень монастыря св. Лазаря наотрѣзъ отказалъ принять въ свой монастырь смертныя останки царицы и пришлось обратно нести во дворецъ тѣло несчастной; то же чувство неодобренія сказывалось и въ поведеніи Евеимія, когда онъ совѣтовалъ Льву сдѣлать женѣ скромныя похороны, безъ всякаго торжества, замѣчая при этомъ, что не приличествовало нарушать проявленіями

горя и печали веселье и радость великаго праздника Воскресенія (Евдокія умерла въ день Пасхи), тѣмъ болѣе, что всѣ эти официальные шествія, стоны и рыданія, плачь по умершей, приводили все къ одному и тому же, къ той же могилѣ, къ тому же злополучному концу, къ тщетѣ всего. Для людей, разсуждающихъ такимъ образомъ, четвертый бракъ казался настоящей мерзостью. Церковь запрещала его безусловно; гражданскій законъ даже не предвидѣлъ, чтобы можно было дойти до такой неслыханной степени развращенности. Въ глазахъ византійцевъ такой бракъ былъ хуже прелюбодѣянія. Но что было дѣлать! Левъ хотѣлъ непременно имѣть сына.

Между тѣмъ заговоры противъ императора все учащались. Въ самомъ дворцѣ братъ царя, этотъ подозрительный и сомнительный Александръ, интриговалъ противъ своего царственнаго соправителя, котораго всегда отъ всей души ненавидѣлъ, считая себя болѣе законнымъ наследникомъ Василія; и царь едва не сталъ жертвой этихъ козней. Покушеніе, подготовленное противъ него въ церкви св. Мокія, чуть-было не удалось, и только благодаря случайности императоръ не былъ въ тотъ день убитъ ударомъ палки подосланнаго убійцы. Все это тревожило Льва, хорошо сознававшаго, насколько отсутствіе наследника престола способствовало всѣмъ этимъ заговорамъ. Не рѣшаясь тотчасъ вступить въ бракъ, онъ началъ съ того, что завелъ любовницу. Это была нѣкая Зоя Карбонопсина, Зоя „Черноокая“, принадлежавшая, повидимому, къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій Византіи и состоявшая въ родствѣ съ знамени-

тымъ лѣтописцемъ Теофаномъ. Это была женщина умная, честолюбивая, энергичная и ловкая въ одно и то же время; она сумѣла тотчасъ подчинить себѣ въ значительной степени своего любовника, она воспользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы приблизить ко двору свою родню и составить тутъ себѣ партію, а затѣмъ она стала подумывать и о томъ, чтобы женить на себѣ императора.

Съ самаго начала этой связи Левъ также, по видимому, подумывалъ о бракѣ. Даже очень вѣроятно, что онъ съ этой цѣлью возвелъ въ 901 году на патриаршій престолъ родственника Фотія, „мистика“, т.-е. личного секретаря Николая. Будучи пріемнымъ братомъ императора (Василій I былъ его крестнымъ отцомъ), этотъ человекъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ нимъ и оставался его другомъ; поэтому царь полагалъ, что можетъ разсчитывать на его услугу, чтобы побороть препятствія, выставляемыя церковью противъ четвертаго брака, и онъ сталъ заранѣе выпытывать его мнѣніе на счетъ этого дѣла. Однако, Николай былъ однимъ изъ тѣхъ представителей духовенства, какихъ было не мало въ Византіи, „въ одно и то же время придворный и монахъ, сильный въ богословіи и въ искусствѣ вести интригу, умѣвшій при случаѣ закрывать глаза, и при случаѣ же показывать примѣръ большого мужества“ *). Принявъ духовный санъ отчасти противъ своего желанія, онъ питалъ въ своей властной и надменной душѣ чувства и стремленія чисто земного и мірскаго характера. Созна-

*) Rambaud, L'Empire grec au X-e siècle, p. 10.

вая въ себѣ государственнаго дѣятеля, онъ занимался государственными дѣлами охотнѣе, чѣмъ дѣлами церкви. Онъ стремился къ власти и, чтобы осуществить свою мечту, считалъ излишнимъ слишкомъ считаться съ требованіями совѣсти, благодарности или вѣрности: его нѣсколько разъ, и, повидимому, не безъ основанія, обвиняли въ участіи въ заговорѣ противъ его законнаго монарха. Въ своемъ высокомъ духовномъ санѣ онъ видѣлъ, главнымъ образомъ, средство къ властвованію и первую ступень своего будущаго величія. Гордый своимъ саномъ, онъ считалъ себя въ правѣ относиться свысока къ власти императора и не стѣснялся оспаривать повелѣнія, исходившія отъ царя. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ написалъ: „Если императоръ прикажетъ, подъ внушеніемъ діавола, что-нибудь противное закону Божію, ему не должно повиноваться; должно считать не существующимъ нечестивое повелѣніе, исходящее отъ нечестиваго человѣка. Никогда слугитель Божій не будетъ повиноваться такимъ преступнымъ приказаніямъ, и онъ скорѣй долженъ предпочесть утратить жизнь, чѣмъ служить такому господину“. Не менѣе высокомѣрный въ отношеніи къ папѣ, онъ не боялся читать наставленія и первосвященнику римскому, порицать его постановленія и его не своевременное вмѣшательство въ дѣла восточной церкви, и чувствуя, что въ этомъ противодействіи Риму его поддерживаетъ все духовенство, онъ, несмотря на приказаніе императора, отказывался общаться съ римскими легатами, оказывая такимъ образомъ неуваженіе къ власти и папы, и императора.

Непримиримый и дерзкій, когда чувствовалъ, что дуетъ попутный вѣтеръ, Николай, однако, умѣлъ, когда нужно было, быть податливымъ и покладистымъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо, если онъ и обладалъ незауряднымъ умомъ, душа его оставалась довольно неизменной. При этомъ несдержанный и горячій, способный по долгу хранить злобу и непримиримую ненависть, онъ никогда не забывалъ оскорбленія, никогда не прощалъ врагу; и когда наступалъ день отмщенія, онъ выказывалъ въ преслѣдованіи своихъ противниковъ самую беспощадную жестокость. Его безсердечіе и черствость въ отношеніи тѣхъ, кому онъ раньше выказывалъ самую низкую лесть, были тогда непреклонны; безъ всякихъ зазрѣній совѣсти, безъ пощады онъ топталъ своихъ враговъ ногами, готовый при этомъ во всякую минуту, еслибы счастье повернулось и собственная выгода того потребовала, вновь стать ихъ крайне почтительнымъ и самымъ вѣрнымъ слугой.

Такой человѣкъ не долженъ былъ оправдать надежды, какія Левъ возложилъ на него. Когда императоръ открылся Николаю относительно своихъ брачныхъ плановъ, патріархъ, повидимому, отказалъ наотрѣзъ содѣйствовать съ своей стороны нарушенію церковныхъ каноновъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что очень скоро отношенія между патріархомъ и царемъ стали натянутыми; при дворѣ любимцы Льва съ Самоной во главѣ откровенно возстановляли монарха противъ патріарха, и Левъ былъ такъ раздраженъ, что подумалъ было сдѣлать Николая отвѣтственнымъ за покушеніе, какое намѣревались произ-

вести въ церкви св. Мокія, такъ что понадобилось вмѣшательство Евемія, чтобы остановить преслѣдованіе. Но, несмотря на свои подозрѣнія и гнѣвъ, съ одной стороны, императоръ, съ другой, положительно не зналъ, какъ смягчить непреклоннаго патріарха, котораго,—онъ это чувствовалъ,—поддерживало почти все духовенство безъ исключенія, какъ вдругъ, къ большому счастью Льва, одно неожиданное обстоятельство, дало ему перевѣсъ надъ патріархомъ.

Видя, что положеніе его не надежно, Николай, не колеблясь, вступилъ въ заговоръ съ Андроникомъ Дукой, въ 904 году возставшимъ противъ императорской власти. Случилось такъ, что когда бунтовщику пришлось бѣжать къ арабамъ, нѣкоторые изъ его единомышленниковъ, чтобы купить себѣ прощенье, выдали Льву бумаги мятежника: среди этихъ бумагъ нашли собственно-ручное письмо патріарха, доказывавшее его несомнѣнную измѣну. Теперь царь получилъ возможность сломить высокомерное упорство Николая; и дѣйствительно, когда послѣдній узналъ объ этомъ, благодаря нескромности одного служителя, онъ понялъ, что отнынѣ у него оставалось единственное средство спасти свое положеніе и жизнь, это прекратить всякое противодѣйствіе и усиленной угодливостью обезоружить, если возможно, монарха. Тогда, измѣнивъ сразу поведеніе, онъ согласился на все.

Это случилось въ 905 году. Зоя Карбонопсина должна была стать матерью, и императоръ упивался надеждой сдѣлаться отцомъ. Тогда высокомерный патріархъ сталъ каждый день являться во дворецъ. Онъ обѣдалъ съ царемъ и его лю-

бовницей, увѣряя Льва, что ожидаемый ребенокъ будетъ мальчикъ, и приказалъ по этому случаю въ продолженіе семи дней совершать торжественныя молебствія въ св. Софіи; затѣмъ не менѣе торжественно онъ благословлялъ чрево фаворитки и объявлялъ, что имѣющей родиться царь составитъ славу и величіе церкви. Судьба оправдала обѣщанія патріарха и исполнила желанія императора. Въ концѣ 905 года ребенокъ родился: и это былъ мальчикъ. Узаконить этого, столь желаннаго, наслѣдника стало отнынѣ главной заботой царя. Николай охотно на это соглашался; но другіе епископы противились, объявляя, что „рожденіе ребенка не могло сдѣлать законнымъ запрещенный бракъ“, и вслѣдствіе этого они отказывались совершить крещеніе, особенно съ царскими почестями, какъ того хотѣлъ Левъ. Въ концѣ концовъ придумали слѣдующую уловку. Такъ какъ въ сущности, какъ объяснялъ это впослѣдствіи патріархъ, „любить своего ребенка чувство вполне человѣческое“, духовенство обѣщало окрестить сына, если Левъ дастъ слово разстаться съ матерью. Этой цѣною 6 января 906 года и было совершено крещеніе въ храмѣ св. Софіи самимъ патріархомъ; Александръ, братъ царя, и Евѣимій были воспріемниками юнаго Константина Багрянороднаго. Желаніе императора исполнилось.

Но Левъ дорожилъ Зоей. Черезъ три дня послѣ крестинъ, несмотря на обѣщанія, несмотря на клятвы, онъ опять водворилъ во дворцѣ свою любовницу; больше того, онъ рѣшилъ жениться на ней. Николай не счелъ возможнымъ довести свое снисхожденіе до того, чтобы благословить

этотъ скандальный союзъ; но для этого нашелся услужливый священникъ, котораго потомъ лишили сана, и Левъ собственноручно возложилъ корону на голову новой императрицы. Понятно, что волненіе въ столицѣ было большое; церковь, послѣ сдѣланнаго ей вызова, отвѣтила на этотъ бракъ императора-четвероженца формальнымъ запрещеніемъ ему доступа къ святынямъ. Тогда, чтобы добиться необходимаго разрѣшенія для узаконенія своего брака, Левъ прибѣгъ къ очень остроумной выдумкѣ, дѣлающей большую честь его искусной и твердой дипломатіи. Видя непреклонность византійскаго духовенства, онъ надумалъ обратиться къ церкви вселенской и рѣшилъ спросить, какъ думаютъ о четвертомъ бракѣ первосвященникъ римскій и патріархи александрійскій, антиохійскій и іерусалимскій; и честолюбивый Николай, хотя крайне недовольный такимъ постороннимъ вмѣшательствомъ, ронявшимъ обаяніе его всемогущества, долженъ былъ съ этимъ примириться и покориться. Впрочемъ, онъ твердо разсчитывалъ, что совѣщаніе обманетъ надежды императора. Но во всякомъ случаѣ, до выясненія результатовъ своего посольства Левъ оставилъ Зою во дворцѣ, отказываясь разстаться съ ней хотя бы на одинъ день; онъ приказывалъ оказывать ей всѣ почести, какія оказывали царицѣ, и единственная уступка, сдѣланная имъ церкви, было то, что онъ покорно подчинился изданному противъ него запрещенію.

Патріархъ Николай въ разсказѣ, написанномъ имъ позднѣе по поводу этихъ событій, старался, что совершенно понятно, представить свое по-

ведение съ самой выгодной стороны. Если повѣрить ему, онъ на слѣдующій же день по вступленіи императора въ бракъ, стараясь убѣдить его, не жалѣлъ ни совѣтовъ, ни уговоровъ; онъ умолялъ его въ ожиданіи приговора патріарховъ немедленно удалить Зою и отнюдь упорствомъ своимъ не возбуждать раскола въ церкви; на всѣ эти прекрасныя слова Левъ будто бы отвѣчалъ однимъ отказомъ. Въ дѣйствительности патріархъ, повидимому, выказалъ относительно царя гораздо менѣе энергіи и непреклонности; желая, главнымъ образомъ, заслужить прощенье, онъ, повидимому, напротивъ, старался умилоствовать василевса полной готовностью уладить дѣло. Изъ источниковъ менѣе сомнительныхъ, чѣмъ письмо Николая, видно, что патріархъ то искалъ въ писаніяхъ святыхъ отцовъ мѣста, на основаніи которыхъ возможно оправдать четвертый бракъ, то поощрялъ Льва преступить, несмотря на запрещеніе и не дожидаясь рѣшенія патріарховъ, церковный порогъ, прямо объявляя, что онъ самъ выйдетъ къ нему при этомъ на встрѣчу. Надѣялся ли Николай, побуждая императора къ ложному шагу, еще больше возстановить противъ него общественное мнѣніе, и безъ того сильно возбужденное? Хотѣлъ ли скорѣй своей предупредительностью заставить забыть злополучное письмо, доказывавшее его беззаконіе? Относительно такого человѣка оба предположенія возможны. Во всякомъ случаѣ, императоръ не захотѣлъ поддаться внушеніямъ патріарха. „Пока не увижу епископовъ, прибывшихъ изъ Рима, говорилъ онъ, не хочу пользоваться свободой, какую ты мнѣ предоставляешь помимо нихъ“.

Тѣмъ временемъ съ Запада пришли добрыя вѣсти. Посланные императора увѣдомили его, что папа вовсе не порицаетъ четвертаго брака и что легаты собираются отправиться въ путь и везутъ желанное разрѣшеніе. Это вызвало внезапную перемену въ поведеніи патріарха. Покуда брачный вопросъ, оставаясь нерѣшеннымъ, ставилъ императора, до извѣстной степени, въ зависимость отъ патріарха, Николай могъ думать на законномъ основаніи, что царь, нуждаясь въ немъ, будетъ вынужденъ щадить его, и что при подобныхъ обстоятельствахъ ему будетъ легко при помощи добрыхъ услугъ заставить забыть его преступленіе государственной измѣны. Теперь дѣла приняли иной оборотъ. Увѣренный въ оправданіи вселенской церкви, Левъ не имѣлъ никакого основанія считаться съ главой церкви византійской, и онъ уже объявлялъ своимъ приближеннымъ, что какъ только соберется соборъ, первой заботой царя будетъ избавиться отъ враждебнаго ему патріарха, измѣнившаго своему властелину. Николай понялъ, что у него оставался одинъ выходъ—броситься съ головой въ оппозицію. Онъ зналъ вражду, съ давнихъ поръ питаемую восточнымъ духовенствомъ къ Риму, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ сторонниковъ, если будетъ отстаивать независимость Византіи отъ вмѣшательства первосвященника римскаго. Если ему удастся, благодаря такой тактикѣ, нанести ударъ папѣ и императору, какое это будетъ торжество для его честолюбія! Если онъ будетъ разбитъ въ борьбѣ, по крайней мѣрѣ, падеть съ честью и стяжаетъ ореолъ мученика, какъ неутомимый борецъ за нарушенные церковные

каноны. Итакъ, Николай, и безъ того, впрочемъ, крайне оскорбленный въ своей гордости, видя такое вмѣшательство Рима въ дѣла своего патріархата, повелъ себя опять самымъ непреклоннымъ и высокомернымъ образомъ.

Въ это самое время Левъ, разсчитывая на снисхожденіе Рима, счелъ излишнимъ сохранять дольше смиренное положеніе чловѣка, на котораго наложено запрещеніе, что, въ концѣ концовъ, не могло не вредить его императорскому престижу. Въ самый день Рождества 906 года онъ въ сопровожденіи сената и всего двора отправился въ св. Софію, думая, что патріархъ не запретитъ ему войти въ храмъ послѣ того, что столько разъ предлагалъ это ему въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Но на порогѣ входныхъ дверей его встрѣтилъ патріархъ и наотрѣзъ запретилъ ему входъ въ церковь: но при этомъ Николай подалъ царю надежду, что въ ближайшій праздникъ Богоявленія онъ откроетъ ему доступъ къ святынѣ. Левъ счелъ разумнымъ не настаивать и стерпѣть униженіе, которому его подвергли; тогда патріархъ счелъ возможнымъ сдѣлаться еще болѣе дерзкимъ. 6 января 907 года онъ опять остановилъ царя у дверей базилики. „Безъ единодушнаго согласія митрополитовъ, объявилъ онъ, не могу пустить тебя сюда; а если ты разсчитываешь войти силой, тогда уйдемъ мы“. На этотъ разъ Николай зашелъ слишкомъ далеко. „Сдается мнѣ, что твое святѣйшество, воскликнулъ василевсъ, издѣвается надъ нашей царственностью. Ужъ не надѣешься ли ты, что мятежникъ Дука вернется скоро изъ Сиріи? и ужъ не изъ довѣрія ли къ нему ты

такъ презираешь насъ?" При этой неожиданной выходкѣ патріархъ совершенно растерялся и не зналъ, что предпринять; стоя на порогѣ дверей, онъ ничего не отвѣчалъ и, казалось, не смѣлъ ни подвинуться впередъ, ни отступить. Левъ, напротивъ, сохранялъ все свое хладнокровіе и полное достоинство. Такъ какъ придворные всячески побуждали его войти въ базилику, онъ однимъ движеніемъ заставилъ ихъ замолчать и, чувствуя, что такимъ поведеніемъ онъ дѣлаетъ Николая неправымъ, спокойно возвратился къ себѣ во дворецъ.

Но вечеромъ, на парадномъ обѣдѣ, въ присутствіи епископовъ и важныхъ сановниковъ, императоръ, подъ конецъ обѣда, сталъ рѣзко нападать на патріарха. Онъ напомнилъ ему объ его обѣщаніяхъ, объ его льстивыхъ рѣчахъ, объ его прежней угодливости и прямо назвалъ его лжецомъ и клятвопреступникомъ. Затѣмъ, уведя митрополитовъ въ свои отдѣльные покои, онъ со слезами напомнилъ имъ объ несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ его при всѣхъ женитьбахъ, и велѣвъ принести себѣ сына, взялъ его на руки и просилъ всѣхъ благословить его и молиться за него. Эта чувствительная сцена растрогала многихъ епископовъ, лишь изъ страха слѣдовавшихъ непримиримой политикѣ Николая. Близилось также и разъясненіе спора. Римскіе легаты пріѣхали и привезли разрѣшеніе: на Западѣ, гдѣ четвертый бракъ не былъ запрещенъ, желаніе императора показалось вполнѣ естественнымъ. Напрасно Николай отказался вступить въ открытыя сношенія съ иностранцами, надѣясь такимъ образомъ вызвать взрывъ старинной ненависти

византійцевъ къ латинянамъ, „пріѣзжавшимъ къ намъ, какъ онъ выразился, лишь затѣмъ, чтобы объявлять намъ войну“. Часть греческихъ епископовъ, подкупленная деньгами, покинула своего главу; нѣкоторыхъ, изъ наиболѣе упорныхъ, отправили въ ссылку; въ особенности рѣшили выступить противъ патріарха, чтобы освободить духовенство отъ его вліянія.

1 февраля во дворцѣ, въ концѣ одного параднаго придворнаго обѣда, императоръ произнесъ противъ патріарха настоящую обвинительную рѣчь, закончивъ ее тѣмъ, что прямо обвинилъ его заодно съ Дукой въ интригахъ и въ измѣнѣ; послѣ этого онъ велѣлъ схватить Николая и подъ строгимъ надзоромъ отправить его въ одинъ азіатскій монастырь. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого собравшійся соборъ далъ Льву необходимое разрѣшеніе на бракъ и снялъ съ него эпитимію. А такъ какъ патріархъ Николай упорствовалъ въ своемъ несогласіи, императоръ предложилъ ему сложить съ себя санъ. Боясь преслѣдованія, которое грозило ему за государственную измѣну, Николай кончилъ тѣмъ, что уступилъ; и хотя позднѣе онъ и жаловался горько на клеветническіе навѣты, распространяемые противъ него, и отвратительное пристрастіе, съ какимъ легаты принимали на вѣру всю распускаемую про него ложь, тотъ безспорный фактъ, что онъ предпочелъ добровольно отказаться отъ своего сана, чѣмъ дать низложить себя, ясно показываетъ, что совѣсть его была не совсѣмъ чиста. На его мѣсто епископы возвели на патріаршій престолъ благочестиваго и строгаго Евѣимія, который, несмотря на свое нежеланіе,

сдался подъ конецъ на единоподушныя просьбы духовенства, римскихъ легатовъ и императора.

Благодаря состоявшемуся соглашенію, Левъ льстилъ себя надеждой, что дѣло его четвертаго брака уладилось согласно его желаніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ положилъ также начало расколу въ восточной церкви. Духовенство и вѣрныя раздѣлились между Евѡиміемъ и Николаемъ; пришлось изгнать самыхъ важныхъ митрополитовъ, державшихъ упорно сторону низложеннаго патріарха, издать приказы о преслѣдованіи, сажать въ тюрьмы сопротивлявшихся; и эти строгія мѣры усилили всеобщее недовольство противъ Льва, противъ Зои и даже противъ новаго патріарха. Само собой разумѣется, что Евѡимій пошелъ на компромиссъ; освобождая императора отъ церковной опеки, онъ тѣмъ самымъ отнюдь не призналъ въ принципѣ законность четвертаго брака и твердо настаивалъ на низложеніи священника, вѣнчавшаго императора. Тѣмъ не менѣе всякаго рода памфлеты не щадили его, а также и его владыку, и Левъ, съ своей стороны, рассчитывалъ на него, чтобы стереть послѣдніе слѣды незаконности, лежавшіе пятномъ на его бракѣ. Онъ послалъ просить патріарха, чтобы Зоя официально упоминалась на ектеніяхъ въ качествѣ Августы въ храмѣ святой Софіи. Но тутъ уже патріархъ, несмотря на мольбы и угрозы императрицы, несмотря на гнѣвъ царя, одно время подумывавшаго было низложить Евѡимія, остался непоколебимъ. Однако, онъ согласился 9 іюня 911 года торжественно вѣнчать въ святой Софіи юнаго Константина Багрянороднаго, царемъ византійскимъ. Своей

искусной настойчивостью Левъ VI, несмотря ни на что, добился-таки своего.

V.

Дѣлу четверобрачія суждено было долго еще волновать византійскій міръ. И дѣйствительно, когда въ маѣ 912 года умеръ Левъ VI, рѣшенный было вопросъ былъ поднять вновь. Въ продолженіе семи лѣтъ два честолюбивыхъ соперника боролись между собой: Зоя, ярая защитница своего императорскаго сана, своего брака и своего сына, и патріархъ Николай, не менѣе ея жаждавшій возмездія и утоленія своего властолюбія, разсчитывавшій добиться этого торжествомъ отстаиваемыхъ имъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, согласно даннымъ сенатомъ умирающему василевсу обѣщаніямъ, юный Константинъ VII былъ провозглашенъ императоромъ. Но ему въ соправители и опекуны былъ назначенъ дядя его Александръ, и первымъ дѣломъ этого человѣка было прогнать грубымъ образомъ Зою изъ дворца и вновь возвести Николая на патріаршій престоль. Николай возвратился изъ ссылки, алкая мести; еще болѣе высокомерный въ своемъ торжествѣ и болѣе чѣмъ когда-либо заносчивый, онъ съ особымъ неистовствомъ сталъ стремиться къ утоленію своей злобы и увѣренный, что заслужить милость царя Александра, содѣйствуя такимъ образомъ его политикѣ, онъ не щадилъ ничего и никого. Почтенный Евѡимій пострадалъ первымъ. Ему приказано было явиться на собраніе, происходившее въ Магнаврскомъ дворцѣ, и тутъ онъ не только

былъ низложенъ и преданъ анаѳемѣ, но Николай дошелъ до того, что сталъ поносить его самымъ низкимъ образомъ, а слуги патріарха, бросившись на несчастнаго, разорвали его священническія одежды, повалили его на землю вырвали ему бороду, выбили зубы и подъ конецъ такъ избили ногами и кулаками, что онъ потерялъ сознание и чудомъ спасся отъ смерти.

Но этого было мало, чтобы утолить злобу Николая. Онъ разсчитывалъ отмстить всѣмъ, бывшимъ причиной его немилости и изгнанія, Зоѣ, римскому первосвященнику, даже покойному императору. Въ длинномъ посланіи къ папѣ Анастасію онъ изложилъ съ своей точки зрѣнія всю исторію четвертаго брака, критикуя съ оскорбительной строгостью поведеніе василевса, порицая съ презрительной жалостью слабость Сергія III, обманутаго своими легатами, читая наставленіе латинянамъ, высококомѣрно требуя въ особенности исправленія произведенныхъ скандаловъ. Онъ не хотѣлъ видѣть въ четвертомъ бракѣ царя ничего, кромѣ блуда, грязной связи, дозволенной скоту и позорной для человѣка; и если онъ согласился, чтобы простили мертвымъ, зато требовалъ, наоборотъ, самаго суроваго обвиненія виновныхъ, оставшихся въ живыхъ, то-есть Зои и ея сына. Императоръ Александръ дѣйствовалъ въ Римѣ въ томъ же духѣ. Онъ ненавидѣлъ сына своего брата, такъ какъ тотъ преграждалъ ему дорогу къ верховной власти; онъ страстно желалъ, чтобы Константинъ былъ признанъ незаконнорожденнымъ. Говорятъ, онъ даже подумывалъ отдѣлаться отъ этого ребенка, сдѣлать изъ

него евнуха; и только съ большимъ трудомъ удалось отвратить его отъ этого жестокаго намѣренія. Къ счастью для юнаго Константина, Александръ умеръ въ іюнѣ 913 года; но передъ смертью онъ назначилъ патріарха Николая главой совѣта, которому поручено было регентство. Онъ зналъ, что можетъ разсчитывать на этого человѣка для продолженія своей политики и утоленія своей ненависти.

Въ ту минуту, когда началась агонія Александра, Зоя, всегда одинаково энергичная, рѣшилась на смѣлую попытку; она явилась въ священный дворецъ, объявивъ, что хочетъ видѣть сына и говорить съ умирающимъ; она думала такимъ образомъ вновь овладѣть властью. Николай велѣлъ ее грубо прогнать. Послѣ этого, чтобы окончательно отдѣлаться отъ этой возможной соперницы, всесильный регентъ, верховный владыка государства, издалъ указъ, запрещавшій Зоѣ входъ въ императорское жилище и лишавшій ее даже титула царицы; нѣсколько позднѣе онъ принудилъ ее даже уйти въ монастырь, думая, что такимъ образомъ она умретъ для міра. Но Зоя была достойнымъ противникомъ патріарха: и въ монастырѣ, куда ее насильно удалили, она только поджидала случая, чтобы погубить своего соперника. Случай этотъ скоро представился. Суровыя мѣры, къ какимъ прибѣгли регенты, чтобы подавить возстаніе Константина Дуки, возбудили противъ нихъ крайнее недовольство; съ другой стороны, во дворцѣ юный императоръ требовалъ къ себѣ мать. Пришлось согласиться возвратить ее ему: это случилось въ октябрѣ 913 года.

Овладевъ такимъ образомъ положеніемъ, Зоя воспользовалась этимъ, чтобы назначить на важныя должности своихъ людей; она удалила фаворитовъ покойнаго императора Александра, изъ которыхъ онъ составилъ совѣтъ регентства, затѣмъ очень рѣшительно она напала на патріарха. Какъ женщина смѣлая, она сначала собиралась просто убить его; Николаю удалось спастись отъ убійцы, онъ укрылся въ храмъ св. Софіи и въ продолженіе двадцати двухъ дней не рѣшался покинуть это неприкосновенное убѣжище. Зоя побѣдила. Она намѣревалась уже объявить о низложеніи патріарха и предлагала Евѣимію быть его замѣстителемъ. Но послѣдній отказался; Николай, впрочемъ, сохранялъ еще свое могущество; поэтому завязались переговоры. Патріархъ обѣщаль впредь ничѣмъ другимъ не заниматься, какъ только дѣлами церкви, отказаться отъ управленія государствомъ, не показываться больше во дворцѣ безъ приглашенія; онъ обязался поминать Зою въ официальныхъ молитвахъ наряду съ царемъ, ея сыномъ, торжественно провозглашать ее въ качествѣ Августы. Этой цѣной онъ получалъ полную и безусловную амнистію за прошлое и сохраненіе за собой своего духовнаго сана. Въ этой борьбѣ за корону между Зоей и Николаемъ, патріархъ, казалось, былъ окончательно побѣжденъ (февраль 914 года).

Между тѣмъ, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ взять верхъ и по своему усмотрѣнію рѣшить окончательно долгій споръ, вызванный четвертымъ бракомъ Льва VI. Дѣйствительно, Зоя, ставъ регентшей, показала себя неспособной про-

тивиться интригамъ, окружавшимъ ее. Уже давно у императрицы былъ фаворитъ, паракимомень Константинъ, по отношенію къ которому, какъ подозрѣвали еще при жизни Льва, у нея было не только простое благорасположеніе. Этотъ человекъ, дѣлившій съ императрицей опалу, вмѣстѣ съ ней естественнымъ образомъ очутился и у власти и оказывалъ на монархиню всесильное вліяніе. По этому поводу удалось возбудить тревогу въ душѣ юнаго императора; его приближенные внушили ему, будто фаворитъ затѣваетъ его низложить и думаетъ возвести на престолъ своего зятя, стратига Льва Фоку. Былъ составленъ заговоръ. Противъ паракимомена и его родственника стали искать поддержки во флотѣ, и главный адмиралъ Романъ Лекапинъ получилъ отъ василевса писанный приказъ и принялъ на себя порученіе арестовать фаворита. Это былъ ударъ, направленный прямо противъ императрицы. Внѣ себя, она бросилась на терассу Вуколеона, спрашивая у сына и его приближенныхъ, что означаетъ этотъ мятежъ. Ей отвѣчали, что царству ея пришелъ конецъ, что власть переходитъ въ другія руки; и съ слѣдующаго же дня стали думать, какъ бы выгнать ее изъ дворца. Тогда, вся въ слезахъ, она бросилась къ сыну и, кинувшись ему на шею и заявляя о своихъ материнскихъ правахъ, стала умолять, чтобы ей позволили остаться. Юный Константинъ былъ тронутъ: „Оставьте мою мать при мнѣ“, сказалъ онъ. Но, оставаясь во дворцѣ, она во всякомъ случаѣ теряла верховную власть. Это было въ 918 году.

Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, ка-

залось, одинъ только человекъ былъ способенъ къ власти. Это патріархъ Николай, который, и впавъ въ немилость, не утратилъ ни энергіи, ни честолюбія. Къ нему-то, когда разразилась революція, погубившая ея фаворита, обратилась сама Зоя, какъ къ единственной поддержкѣ, какую могла найти; ему же царь поручилъ должность перваго министра. Онъ исполнялъ ее, когда въ мартѣ 919 года Романъ Лекапинъ въ свою очередь поднялъ возстаніе, овладѣлъ дворцомъ и особой царя въ ожиданіи того дня, когда онъ заставитъ сдѣлать себя соправителемъ имперіи; онъ является первымъ въ цѣломъ рядѣ узурпаторовъ, нѣсколько разъ въ теченіе X вѣка правившихъ подъ именемъ законныхъ василевсовъ византійской имперіей.

И при этомъ Романъ Лекапинъ встрѣтились въ послѣдній разъ двое противниковъ, чье честолюбіе и борьба занимали въ теченіе почти двадцати лѣтъ первое мѣсто въ исторіи священнаго дворца. Говорятъ, будто Зоя, все еще красивая, думала, чтобы вновь завладѣть властью, оболъстить этого выскочку и заставить его жениться на себѣ; во всякомъ случаѣ, извѣстно, что она пыталась, послѣ того какъ ея партія была окончательно уничтожена при возстаніи Льва Фоки, отравить узурпатора. Она потерпѣла неудачу и, изгнанная изъ дворца, должна была, на этотъ разъ навсегда, удалиться въ Петрійскій монастырь св. Евфиміи, гдѣ оставалась до конца своей бурной и драматической жизни. Въ это самое время Николай торжествовалъ.

Въ іюнѣ 920 года, столько же для того, чтобы понравиться Роману и удовлетворить своей мести,

сколько чтобы положить конецъ расколу, возникшему изъ-за четверобрачія, патріархъ обнародовалъ знаменитое постановленіе, извѣстное подъ именемъ тома единенія. На торжественномъ праздникѣ греческая церковь въ присутствіи царей Романа и Константина праздновала возстановленіе согласія между сторонниками Николая и сторонниками Евѳимія. Примиреніе это было въ ущербъ императору Льву VI. Правда, въ видѣ исключенія, церковь, признавая совершившійся фактъ, соглашалась извинить, даже узаконить четвертый бракъ императора; но она тѣмъ не менѣе непреклонно хранила принципы церковныхъ каноновъ и въ суровыхъ выраженіяхъ порицала подобные браки. „По общему соглашенію, говорили іерархи въ своемъ постановленіи, мы объявляемъ, что четвертый бракъ вещь безусловно запрещенная. Кто осмѣлится его заключить, будетъ отлученъ отъ церкви, покуда будетъ упорствовать въ своемъ незаконномъ сожителствѣ. Отцы церкви держались такого мнѣнія, мы же, поясняя ихъ мысль, провозглашаемъ, что это дѣйствіе противное всякому христіанскому установленію“. Съ тою же строгостью іерархи поносили и третій бракъ. „Надлежитъ, говорили они, очиститься отъ этой скверны, подобно тому, какъ выметають нечистоты, когда онѣ, вмѣсто того, чтобы быть брошены въ уголь, разбросаны по всему дому“. И, поясняя эти слова, патріархъ Николай писалъ торжественно папѣ, что изъ уваженія къ императорскому величеству оказано было снисхожденіе, но что четвертый бракъ противенъ добрымъ нравамъ и церковной дисциплинѣ.

Юный императоръ Константинъ VII долженъ былъ присутствовать при чтеніи акта, клеймившаго браки, подобные тому, отъ какого онъ родился; каждый годъ онъ долженъ былъ торжественно справлять праздникъ единенія, возбуждавшій въ немъ такія тяжелыя воспоминанія. Для власти императорской въ этомъ было большое униженіе, для церкви—побѣда, какой она по праву могла гордиться, для патріарха Николая, ея владыки, торжество безпримѣрное, наступившее послѣ столькихъ испытаній, борьбы и всякихъ превратностей судьбы. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту видимость, если взглянуть въ глубь вещей, станетъ ясно, что своимъ упорнымъ желаніемъ имѣть сына, рядомъ женитьбъ, къ которымъ онъ прибѣгъ для этой цѣли, ловкой и умѣлой настойчивостью, какую онъ выказалъ въ дѣлѣ четвертаго брака, Левъ VI оказалъ значительную услугу какъ имперіи, такъ и династіи. Только присутствіе законнаго наслѣдника, вокругъ котораго сплотились всѣ его приверженцы, не дало Византіи погибнуть въ хаосѣ революцій, наступившемъ послѣ смерти царя. Только существованіе этого ребенка, представителя македонской династіи, разрушило всѣ честолюбивые планы Константиновъ Дукъ, Львовъ Фокъ и помѣшало Роману Лекапину окончательно упрочить власть за своими наслѣдниками. Если македонскій домъ вмѣсто того, чтобы занимать престолъ въ теченіе нѣсколькихъ недолгихъ лѣтъ, управлялъ Византіей въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, давъ ей славу и рѣдкое благоденствіе, она этимъ, главнымъ образомъ, обязана предусмотрительности Льва VI, тонкой дипломатіи и

спокойному мужеству, съ какими этотъ царь преслѣдовалъ свою цѣль, достигнутую несмотря на всѣ трудности, несмотря на все сопротивленіе церкви.

ГЛАВА IX.

Θеофано.

Среди византійскихъ царицъ Θеофано почти такъ же знаменита, какъ Θеодора. Послѣ того, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ Гюставъ Шлюмберже въ своей прекрасной книгѣ сдѣлалъ попытку оживить передъ нами этотъ яркій и соблазнительный образъ и рассказалъ ея романическую судьбу, эта забытая царица вдругъ сразу вновь выступила на исторической сценѣ и до извѣстной степени стяжала себѣ славу. Такіе знаменитые писатели, какъ Мопассанъ, такіе талантливые литераторы, какъ виконтъ де Вогюе, поддались очарованію этой красавицы, „взволновавшей міръ столько же, сколько Елена, и даже больше“ *), и даже въ вымыслахъ романистовъ, какъ напримѣръ, у Гюгъ Ле Ру, передъ нами проходитъ „эта женщина, красоты необычайной, съ чертами камен, заключавшими въ своей гармоніи силу, волнующую міръ“. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ и намъ дать мѣсто въ нашей портретной галлерей „великой грѣшницѣ, по

*) Vogüé, Regards historiques et littéraires, p. 189.

выраженію Шлюмберже, чары которой имѣли роковое вліяніе и которая послѣдовательно возбудила къ себѣ любовь троихъ императоровъ“. По правдѣ сказать, — въ этомъ приходится тотчасъ сознаться, — ея образъ во многихъ отношеніяхъ останется для насъ темнымъ, и мы заранѣе должны примириться съ тѣмъ, что многое въ этой загадочной и таинственной царицѣ намъ неизвѣстно. Когда молчатъ документы, намъ кажется, что воображеніе, какъ бы изобрѣтательно оно ни было, не имѣетъ никакого права возмѣщать ихъ молчаніе; если допустить такоевольное обращеніе съ источниками, получится романъ, но не исторія. Между тѣмъ Византія не есть вовсе, какъ это утверждаетъ де Вогюе, „волшебная страна, край нетронутый и неизвѣданный“; это страна вполне реальная, и ее можно и должно постараться узнать научнымъ образомъ. Возможно, что при такомъ способѣ изслѣдованія Θеофано покажется менѣе живописной, чѣмъ ее обыкновенно изображаютъ; но зато можно надѣяться, что она предстанетъ передъ нами въ болѣе истинномъ свѣтѣ.

I.

Откуда явилась она, эта знаменитая императрица, когда въ концѣ 956 года вышла замужъ за юнаго Романа, единственнаго сына царя Константина VII, наслѣдника византійскаго престола? Никто этого не знаетъ. Придворные лѣтописцы, стараясь не уронить славы династіи, съ важностью утверждаютъ, что она происходила изъ очень старинной и очень родовитой семьи, и что импе-

раторъ и его жена были несказанно рады найти своему сыну жену изъ такого знатнаго рода. Если же довѣрять историкамъ менѣе пристрастнымъ къ македонской династїи, будущая царица была гораздо болѣе скромнаго происхожденїя. Ея отецъ Кротиръ, родомъ изъ Лаконїи, плебей темнаго происхожденїя, держалъ кабакъ въ одномъ изъ бѣдныхъ кварталовъ города; она сама до замужества называлась Анастасїей, и даже еще проще Анастасо; и только приблизившись къ трону, получила она болѣе звучное имя Θеофано, „что означало, говорятъ ея панегиристи, что она была Богомъ явлена и имъ избрана“.

Съ одной стороны она, во всякомъ случаѣ, заслуживала это имя; красота ея была ослѣпительна, необычайна, божественна, „красотой и изяществомъ, говоритъ одинъ современникъ, она превосходила всѣхъ женщинъ, какія только были тогда“; „красота ея, пишетъ другой лѣтописецъ, была несравненна, являлась истиннымъ чудомъ природы“. Несомнѣнно, этой-то красотой и плѣнила она Романа. Но гдѣ жъ она встрѣтилась съ нимъ? Какъ завладѣла имъ? Неизвѣстно, обязана ли она своей необычайной судьбой одному изъ состязанїй въ красотѣ, устраивавшихся обыкновенно въ Византїи, когда искали жену для царя, причемъ императоръ и его близкіе дѣлали смотръ самымъ красивымъ дѣвушкамъ имперїи? Я вполне допускаю такое предположеніе. Не было ли, наоборотъ, между прекрасной плебейкой и наслѣдникомъ престола раньше любовной интриги, закончившейся бракомъ? Приключенїя Θеодоры показываютъ, что подобныя вещи были возможны, и то, что извѣ-

стно о характерѣ Романа, вовсе не исключаетъ подобнаго предположенія.

Романъ былъ красивый юноша, высокій, широкоплечій, „стройный, какъ кипарисъ“; у него были прекрасные глаза, свѣтлый цвѣтъ лица, привѣтливя манеры; рѣчь его была вкрадчивая и обольстительная. Созданный, чтобы нравиться, онъ любилъ увеселенія, страстный охотникъ, большой любитель всякаго спорта, онъ все время былъ въ движеніи и при своей могучей натурѣ крайне любилъ хорошо поѣсть и еще многія другія удовольствія. Окружая себя плохими людьми и поддаваясь дурнымъ совѣтамъ близкихъ, онъ только и думалъ, что о приключеніяхъ и всякихъ забавныхъ продѣлкахъ, и плохо оплачивалъ за всѣ старанія и заботы, какія были приложены его отцомъ къ его воспитанію.

Старый императоръ Константинъ VII, такой строгій и благочестивый, всячески старался вложить свои добрыя качества въ своего сына. „Онъ его училъ, говорить лѣтописецъ, какъ царь долженъ говорить, ходить, держаться, улыбаться, одѣваться, садиться“, и послѣ такихъ уроковъ онъ важно говорилъ юношѣ: „Если ты будешь придерживаться этихъ правилъ, ты долго будешь править имперіей ромеевъ“. Для обученія своего наслѣдника политикѣ и дипломатіи, Константинъ VII, кромѣ того, написалъ нѣсколько книгъ, показывающихъ большое знаніе дѣла и очень цѣнныхъ для насъ, о Θемахъ и объ Управленіи имперіей. Но Роману было восемнадцать лѣтъ, и онъ нисколько не заботился о томъ, чтобы стать государственнымъ мужемъ.

Какъ бы то ни было, такъ какъ отецъ, въ сущности, обожалъ его, онъ, конечно, не захотѣлъ ему препятствовать и уступилъ его желанію жениться на Θеофано, не вдаваясь ни въ какія соображенія относительно ея рожденія. Вскорѣ послѣ этого брака, въ 958 году, Θеофано родила мужу сына, будущаго Василія II, и этимъ молодая женщина еще болѣе упрочила свое положеніе при дворѣ и увеличила свое вліяніе во дворцѣ. Когда въ октябрѣ 959 года Константинъ VII умеръ, Θеофано, естественно, вступила вмѣстѣ съ Романомъ II на престолъ. Ей было тогда восемнадцать лѣтъ, а юному императору двадцать одинъ.

Что представляла въ нравственномъ отношеніи эта молодая женщина, опредѣлить довольно трудно. Придворный лѣтописецъ, котораго я уже приводилъ, говоритъ о ней съ полнѣйшимъ доброжелательствомъ: „У нея было прекрасное тѣло, прелестное лицо и безусловно честная душа“. Самый послѣдній изъ историковъ Θеофано, наоборотъ, подчеркиваетъ, что она была „глубоко порочна, глубоко развращена“, и что эта соблазнительная чаровница, эта „коронованная сирена“ была существомъ „безстыднымъ и распутнымъ“. Это крайне грубыя слова и крайне нелестные эпитеты, особенно, если взять въ расчетъ, что мы такъ мало знаемъ о ней. Впрочемъ надо замѣтить, что уже въ Византіи среди современниковъ и, еще больше, среди лѣтописцевъ послѣдующихъ вѣковъ о ней сложилась слава, вполне установившаяся, женщины страшной и роковой. Одинъ историкъ рассказываетъ, что для того, чтобы скорѣе достигъ престола, она покушалась, съ согласія сво-

его мужа, отравить императора, своего тестя. Другіе историки передають, что когда этотъ самыйъ мужъ ея умеръ, прошелъ слухъ по всей столицѣ, что это Θеофано подлила ему яду. Если вѣрить другимъ свидѣтельствамъ, она такимъ же способомъ отдѣлалась отъ одного царя изъ семьи Романа Лекапина, казавшагося ей претендентомъ на престоль и возможнымъ соперникомъ, и точно такъ же, говорятъ, отомстила она своему любовнику, Іоанну Цимисхію, когда тотъ покинулъ ее. Армянскіе лѣтописцы доходятъ до того, что утверждаютъ, будто „безбожная императрица“ думала отравить собственныхъ сыновей. Въ сущности, всѣ эти розказы людей, жившихъ вдали отъ двора, а большая часть изъ нихъ на сто или двѣсти лѣтъ позднѣе того времени, когда царствовала Θеофано, имѣють очень мало значенія. Въ иныхъ случаяхъ, эти злыя сплетни опровергаются фактами; въ другихъ, онѣ кажутся слишкомъ неправдоподобными. И не слѣдуетъ при этомъ забывать еще одного: когда Θеофано рѣшила совершить преступленіе,—это во всякомъ случаѣ случилось разъ въ ея жизни,—она прибѣгла не къ яду, а дѣйствовала смѣло, открыто, мечомъ. Само собою разумѣется, что, дѣлая такія замѣчанія, я отнюдь не имѣю намѣренія возстановить честь Θеофано. Ее можно укорять въ столькихъ достовѣрныхъ и доказанныхъ проступкахъ, что представляется бесполезнымъ увеличивать списокъ ея преступленій эпитетами смутными и утвержденіями, которыя невозможно доказать. Намъ она представляется, главнымъ образомъ, честолюбивой, жадно стремящейся къ власти и вліянію, способной для сохраненія престола, на

который она поднялась, на все, даже на преступление; часто она намъ кажется интриганкой иногда необузданной и страстной, всегда беззащитной; наконецъ, когда бывали затронуты ея интересы, ея злоба или капризь, она легко могла поступать обманнымъ и коварнымъ образомъ. Когда она достигла престола, вліяніе ея на Романа II было довольно значительно; она не могла допустить, чтобы кто-нибудь другой дѣлилъ съ ней это вліяніе. Не только были удалены всѣ, близко стоявшіе къ покойному царю, произведены перемѣны всей высшей администраціи, но первой заботой юной императрицы по восшествіи ея на престоль было удалить свою свекровь, царицу Елену, и пятерыхъ золовокъ.

Это были прелестныя царевны, наилучшимъ образомъ воспитанныя обожавшимъ ихъ отцомъ. Въ царствованіе Константина VII онѣ иногда принимали даже участіе въ государственныхъ дѣлахъ; одна изъ нихъ, Агаѳія, любимица стараго императора, часто служила ему секретаремъ, и въ приказахъ, какъ и среди чиновниковъ, хорошо знали силу ея вліянія. Это не могло быть по сердцу Феофано. Поэтому по распоряженію, котораго она добилаь отъ слабавольнаго Романа II, пятерымъ сестрамъ монарха было предложено удалиться въ монастырь. Напрасно мать молила за нихъ; напрасно молодыя дѣвушки, тѣсно обнявшись, просили о пощадѣ и плакали. Ничто не помогло. Одной царицѣ Еленѣ было разрѣшено остаться во дворцѣ, гдѣ она и умерла въ тоскѣ нѣскольکو мѣсяцевъ спустя. Ея дочери должны были покориться непреклонной волѣ, обрѣкшей ихъ на иноческую

жизнь, и изъ утонченной жестокости ихъ даже разлучили одну съ другой. Напрасно царевны еще разъ возмутились. Когда по приказанію патріарха Поліевкта ихъ волосы упали подъ ножницами, когда на нихъ надѣли монашеское одѣяніе, онѣ возмутились, совлекли съ себя власяницы, объявили, что каждый день будутъ ѣсть мясо. Въ концѣ концовъ, Романъ II приказаль дать имъ то же содержаніе и разрѣшить тотъ же образъ жизни, что и въ священномъ дворцѣ. Тѣмъ не менѣе онѣ навѣки умерли для міра, и Θеофано торжествовала.

Изъ того, что она обошлась такъ съ близкими родными, слѣдуетъ ли выводить, что она потомъ отравила своего мужа? „Большинство подозрѣваетъ, говоритъ одинъ современникъ, Левъ Діаконъ, что ему былъ поднесенъ ядъ въ гинекеѣ“. Это страшное обвиненіе ясно доказываетъ, на что считали современники способной Θеофано, и, дѣйствительно, несомнѣнно, что женщина, велѣвшая убить своего второго мужа, чтобы выйти замужъ за третьяго, легко могла бы отравить перваго, чтобы выйти за второго. Несмотря на это, и какъ ни важно свидѣтельство историка, обвиненіе это кажется совершенно нелѣпымъ. Прежде всего историки дали намъ вполне удовлетворительное объясненіе преждевременной смерти молодого императора, рано истощившагося отъ любви къ удовольствіямъ и отъ всякихъ другихъ излишествъ, и тотъ же современникъ, припутывающій къ этому дѣлу ядъ, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что василевсъ умеръ отъ внутреннихъ поврежденій, случившихся послѣ бѣшенной скачки. Но въ особенности непонятно,

какой интерес имѣла Феофано въ гибели мужа. Она была императрица, она была всемогуща; она, кромѣ того, была въ добрыхъ отношеніяхъ съ Романомъ, которому въ теченіе шести съ половиной лѣтъ замужества родила четырехъ дѣтей; за два дня до смерти императора она родила дочь Анну. Зачѣмъ было ей отравлять царя, когда его смерть, оставляя ее одну съ маленькими дѣтьми, подвергала ее, болѣе чѣмъ какія либо другія обстоятельства, риску потерять внезапно столь любимую ею власть? Феофано была слишкомъ умна, чтобы безъ причины подвергаться подобному риску.

Но слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то, что въ выше приведенныхъ фактахъ нѣтъ ничего порочнаго, развратнаго или безстыжаго. Есть много данныхъ предполагать, что молодая женщина вела себя безупречно, пока былъ живъ Романъ II. Послѣ смерти его она вышла замужъ, главнымъ образомъ по соображеніямъ политическимъ, за человѣка лѣтъ на тридцать старше ея; въ этомъ нѣтъ ничего особенно рѣдкаго или необычайнаго, въ жизни монарховъ или простыхъ смертныхъ; и, не настаивая на томъ пунктѣ, что это замужество являлось для Феофано, быть можетъ, единственнымъ средствомъ сохранить престолъ для своихъ сыновей, во всякомъ случаѣ никакъ не слѣдуетъ порицать ее за то, что по ея мнѣнію ради верховной власти стоило принести нѣкоторыя жертвы. Единственный важный упрекъ, какой ей можно сдѣлать, это не то, что она пять лѣтъ спустя измѣнила этому старому мужу ради болѣе молодого любовника, — это явленіе прискорбное, но не удивительное—а то,

что она безъ всякаго колебанія, чтобы имѣть возможность выйти замужъ за любовника, рѣшила избавиться отъ царя, своего мужа, путемъ страшнаго преступленія. Но слѣдуетъ прибавить, что она жестоко искупила свое преступленіе.

II.

Когда 15 марта 963 года Романъ умеръ почти внезапно, Θеофано было двадцать два года. Она осталась одна съ четырьмя дѣтьми, двумя мальчиками и двумя дѣвочками. Немедленно приняла она регентство и стала управлять отъ имени двухъ юныхъ порфирородныхъ: Василія, которому было тогда пять лѣтъ, и двухлѣтняго Константина; но положеніе ея было чрезвычайно трудное для женщины, особенно для женщины честолюбивой. Тутъ же при дворѣ находился всемогущій министръ, паракимомень Іосифъ Вринга, который деспотически управлялъ дѣлами въ царствованіе Романа и который могъ легко подпасть искушенію удалить регентшу, чтобы одному держать власть въ своихъ рукахъ въ теченіе всего долгаго малолѣтства маленькихъ василевсовъ. Съ другой стороны, во главѣ азіатской арміи стоялъ побѣдоносный полководецъ, честолюбіе котораго представляло для нея серьезную опасность, domestikъ схолъ Никифоръ Фока.

Въ описываемое нами время Никифоръ Фока былъ самымъ виднымъ, самымъ популярнымъ человекомъ въ имперіи. Происходя изъ очень знатной аристократической каппадокійской фамиліи, потомокъ цѣлаго ряда знаменитыхъ военачальниковъ, онъ блестящими побѣдами еще

увеличилъ свое обаяніе и свою славу. У арабовъ ему удалось отнять Критъ, утраченный сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; благодаря ему, императорскія знамена вновь появились въ Киликіи за предѣлами Тавра; онъ приступомъ взялъ большой городъ Алеппо и сломилъ гордость эмировъ хамданидскихъ въ Сиріи. Удивительный воинъ, искусный тактикъ, несравненный полководецъ, умѣвшій говорить съ войскомъ и заставлялъ его всюду слѣдовать за собой, куда бы только ни захотѣлъ повести его, онъ былъ кумиромъ солдатъ, съ которыми дѣлилъ всѣ труды и всѣ опасности. „Онъ жилъ только для войска“, справедливо замѣтилъ одинъ изъ его біографовъ. Но не менѣе популяренъ былъ онъ и въ Константинополѣ. Когда по возвращеніи изъ Критскаго похода онъ явился триумфаторомъ на ипподромѣ, городъ былъ пораженъ пышнымъ блескомъ его торжественнаго шествія, „причемъ казалось, что всѣ богатства Востока текутъ въ циркъ громаднымъ неизсякаемымъ потокомъ“. Осыпанный не меньшими почестями, „чѣмъ въ древнія времена римскіе полководцы“, несмѣтно богатый и содержа въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ громадное количество страстно преданныхъ ему вассаловъ, онъ былъ всѣми любимъ, имъ всѣ восхищались; онъ считался единственнымъ начальникомъ, способнымъ защищать имперію противъ сарацинъ, и Романъ II, умирая, отдалъ формальный приказъ, чтобы за нимъ сохранено было главное командованіе арміей.

Если въ глазахъ политическаго дѣятеля такой человекъ могъ казаться довольно опаснымъ, надо сознаться, что въ глазахъ молодой жен-

щины этотъ побѣдоносный полководецъ не представлялъ ничего, что бы дѣлало его сколько-нибудь похожимъ на героя романа. Никифору Фокѣ въ 963 году былъ пятьдесятъ одинъ годъ, и онъ не отличался красотой. Маленькій, довольно толстый, съ могучимъ торсомъ на нѣсколько короткихъ ногахъ, онъ имѣлъ большую голову, лицо съ загорѣлой темной кожей, обрамленное длинными черными волосами; у него былъ прямой носъ, короткая, слегка уже сѣдѣющая борода, а изъ-подъ густыхъ бровей черные глаза смотрѣли задумчиво и хмуро. Лиутпрандъ, епископъ Кремонскій, пріѣхавшій съ посольствомъ къ его двору, сказалъ про него, что онъ былъ рѣдкой дурноты, „съ лицомъ, какъ у негра, до того чернымъ, что, встрѣтившись съ нимъ ночью, можно было испугаться“. При этомъ онъ былъ человѣкъ суровый и грубый, нрава меланхоличнаго и упорно молчаливаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ жену и вслѣдствіе одного несчастнаго случая лишился единственнаго сына, онъ съ страстнымъ увлеченіемъ предался благочестію и мистицизму. Онъ далъ обѣтъ цѣломудрія, не ѣлъ больше мяса, спалъ на жесткомъ полу, какъ аскетъ, натянувъ на себя власяницу дяди своего Малеина, умершаго монахомъ, прославившагося своей святостью; онъ любилъ проводить время съ монахами. Въ духовные руководители себѣ онъ взялъ Аѳанасія, основателя древнѣйшаго монастыря на Аѳонѣ и, будучи не въ состояніи обходиться безъ его совѣтовъ, онъ всюду бралъ его съ собой, даже на войну. Въ обществѣ этого святого человѣка онъ испытывалъ, подобно ему, стремленіе къ

отшельничеству и очень серьезно думалъ уйти изъ міра. Ужъ онъ велѣлъ себѣ строить келью при монастырѣ, сооружавшемся Леанасіемъ на Святой-горѣ (Аеонѣ). Аскетъ и воинъ, рѣзкій, суровый и воздержный, жадный на деньги и бѣгущій всего земного, способный на милосердіе равно какъ и на коварство, Никифоръ Фока, подобно многимъ людямъ его времени, соединялъ въ своей сложной душѣ самыя неожиданныя противорѣчія, и, что особенно замѣчательно, подъ его холодной внѣшностью таилось глубоко-страстное сердце.

Былъ ли онъ честолюбивъ? Это очень трудно рѣшить. Держа въ своихъ рукахъ преданное и побѣдоносное войско, Никифоръ Фока могъ при наступившемъ послѣ смерти Романа II кризисѣ дерзнуть на все, и такое искушеніе было тѣмъ болѣе велико, что интересы собственной безопасности, казалось, побуждали его поднять возстаніе. Полководецъ отлично зналъ, что Вринга его ненавидитъ, и что онъ можетъ всего опасаться отъ всесильнаго министра. Однако, онъ сначала и шагу не сдѣлалъ съ этой цѣлью, какъ честный и благочестивый воинъ, озабоченный прежде всего тѣмъ, чтобы продолжать войну противъ невѣрныхъ. И если онъ и рѣшился, наконецъ, дѣйствовать въ этомъ направленіи, то главная причина, побудившая его къ тому, была Ееофано.

Въ исторіи отношеній между Никифоромъ Фоккой и красавицей императрицей не слѣдуетъ видѣть слишкомъ много романическаго элемента. Несомнѣнно, что, пока былъ живъ Романъ II, между domestикомъ схоль и царицей не было

ничего, ни симпатіи, ни интриги. Но когда мужъ ея умеръ, регентша скоро поняла, что среди безчисленныхъ опасностей, угрожавшихъ ей, этотъ полководецъ представлялъ изъ себя силу, и что она могла этой силой воспользоваться, чтобы нейтрализовать честолюбіе Вринги. Она поняла, что для упроченія за собой престола, ей слѣдовало имѣть Никифора на своей сторонѣ, и, конечно, такая хорошенькая и изящная женщина, какъ она, рѣшила, что задача ужъ не изъ такихъ трудныхъ. Какъ бы то ни было, по настоянію императрицы и несмотря на сопротивленіе перваго министра, Фока былъ вызванъ въ столицу, и, повидимому, безъ большого труда царица заморозила его своей красотой и сдѣлала своимъ сторонникомъ. „Ни для кого не было тайной въ Византіи, говоритъ Шлюмберже, что плѣнительныя чары восхитительной царицы произвели на простую душу суроваго domestica восточныхъ схоль неизгладимое впечатлѣніе“. Можно, дѣйствительно, предполагать, хотя современники мало говорятъ объ этомъ, что, войдя сначала просто въ дѣловыя и служебныя отношенія съ регентшей, Никифоръ скоро открылъ свою любовь и прямо заявилъ, что готовъ на все, лишь бы заслужить ее. Ничто не даетъ права думать, что Θеофано платила ему тѣмъ же: она никогда его не любила; но она чувствовала силу, какой онъ располагалъ, и всю выгоду, какую она могла извлечь изъ нея для своихъ интересовъ и для своего честолюбія. Изъ политическихъ видовъ она поощряла его страсть, точно такъ же, какъ изъ политическихъ видовъ позже вышла за него замужъ.

Необходимо прибавить, что во время этого пребыванія въ Константинополѣ еще другія причины, и не менѣе положительныя, присоединились къ обаянію Θεοφано, чтобы вывести Никифора изъ его колебаній и неувѣренности. Онъ узналъ, что Вринга питаетъ къ нему неумолимую ненависть. Конечно, первый министръ не могъ отказать полководцу въ новомъ и блестящемъ триумфѣ. Но возрастающая популярность Фоки тревожила государственнаго мужа, кромѣ того подозрѣвавшаго, какъ говорили, интригу, начинающуюся между domestикомъ схоль и регентшей. Напрасно съ самой коварной дипломатіей, столь свойственной византійцамъ, старался Никифоръ усыпить опасенія паракимомена; онъ, между прочимъ, заявлялъ всѣмъ, кто только хотѣлъ его слушать, что самая дорогая мечта его уйти въ монастырь. Но Врингу трудно было провести. Онъ рѣшилъ, что самое вѣрное средство отдѣлаться отъ этого соперника было выколоть ему глаза. Къ счастью для Фоки, когда его подъ какимъ-то предлогомъ позвали во дворецъ, у него явилось подозрѣніе, или, быть можетъ, онъ получилъ во-время какое-нибудь дружеское предостереженіе; онъ бросился въ Великій храмъ (св. Софію) и сталъ молить о защитѣ патріарха. Поліевктъ имѣлъ разные недостатки: онъ былъ упрямъ, непримиримъ, ума нѣсколько ограниченнаго и недалънозоркаго, но онъ въ то же время былъ смѣлъ, умѣлъ говорить ясно и опредѣленно и не любилъ перваго министра. Онъ отправился въ священный дворецъ, потребовалъ, чтобы немедленно собрали сенатъ, и высказался съ такою энергичною откровенностью, что Никифору

вновь возвратили командованіе арміей, представивъ ему чрезвычайныя полномочія, несмотря на противодѣйствіе Вринги. Доместикъ схоль не медля покинулъ городъ и отправился въ главный штабъ арміи въ Кесарію. Онъ былъ господиномъ положенія.

Въ этой глухой борьбѣ и въ этихъ интригахъ Θеофано открыто не появлялась. Тѣмъ не менѣе, болѣе чѣмъ вѣроятно, что она помогала своему союзнику своимъ вліяніемъ и всѣми силами поддерживала патріарха Поліевкта въ его вмѣшательствѣ. Точно такъ же, при дальнѣйшихъ событіяхъ, когда въ іюль 963 года обстоятельства принудили Фоку дѣйствовать открыто, когда все болѣе и болѣе грозила ему опасность со стороны ненависти Вринги, такъ что приходилось опасаться за свою жизнь, и онъ, несмотря на нежеланіе, далъ войску провозгласить себя царемъ и въ Кесарійскомъ лагерѣ надѣлъ пурпурныя туфли; когда, наконецъ, въ августъ 963 года онъ явился подъ стѣнами Константинополя, и возмущившійся народъ, прогнавъ Врингу и его друзей, отворилъ узурпатору ворота столицы. Θеофано и тутъ не играла никакой замѣтной роли и, казалось, предоставила совершаться судьбѣ. Но на самомъ дѣлѣ, если Никифоръ Фока сталъ честолюбивымъ, если затѣмъ, несмотря на свои колебанія и упреки совѣсти, онъ рѣшился облечься въ порфиру, любовь, внушенная ему красавицей императрицей, играла тутъ главную роль. И точно такъ же въ трагическіе августовскіе дни 963 года, въ то время какъ возмущившаяся толпа, словно „охваченная безуміемъ“, избивала стражу министра и уничтожала его

дворецъ, въ то время какъ патріархъ Поліевктъ и прежній паракимомень Василій явно направляли движеніе въ пользу претендента, по всей вѣроятности, изъ глубины гинекея Θеофано тайно сносила съ предводителями возстанія. Хотя ея имя не было произнесено нигдѣ, эта женщина, честолюбивая и интриганка, была душой только что совершившихся великихъ событій.

Какъ бы то ни было, 16 августа 963 года утромъ Никифоръ Фока торжественно вступилъ въ Константинополь. Верхомъ, одѣтый въ парадное императорское одѣяніе, онъ вѣхалъ въ Золотыя ворота, встрѣченный всѣмъ городомъ, привѣтствуемый кликами народа, провозглашавшаго его спасителемъ имперіи и христіанства. „Государство требуетъ, чтобы Никифоръ былъ царемъ, кричала на пути его восторженная толпа. Дворецъ ожидаетъ Никифора. Войско требуетъ Никифора. Міръ ждетъ Никифора. Таковы желанья дворца, войска, сѣната, народа. Господь, услышь насъ! Многая лѣта Никифору!“ Средней улицей онъ достигъ форума Константина, гдѣ съ благоговѣніемъ принялъ причастіе въ церкви Богородицы; затѣмъ пѣшкомъ, въ торжественномъ шествіи, въ то время какъ впереди несли святой крестъ, онъ отправился въ св. Софію и, встрѣченный патріархомъ со свѣчами въ рукахъ, пошелъ поклониться святому престолу. Затѣмъ вмѣстѣ съ Поліевктомъ онъ вошелъ на амвонъ и торжественно былъ вѣнчанъ на царство ромейское, въ качествѣ соправителя двухъ юныхъ императоровъ Василія и Константина. Наконецъ онъ вошелъ въ священный дворецъ. Чтобы быть вполне счастливымъ, ему оставалось получить

только обѣщанную его честолюбію награду, самую сладкую, надежда на которую вооружила и подняла его руку и руководила его шагами: ему оставалось только жениться на Θеофано.

Нѣкоторые лѣтописцы увѣряютъ, однако, что императрица была сначала удалена изъ дворца по приказанію новаго владыки. Если этотъ фактъ вѣренъ, тутъ, несомнѣнно, было притворство: уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ соумышленники поладили между собой. Никифоръ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, — былъ страстно влюбленъ въ молодую женщину, и, кромѣ того, интересы государства побуждали его вступить въ бракъ, узаконившій, до извѣстной степени, его узурпаторство. Θеофано, хоть и не испытывала, можетъ быть, какъ это утверждаютъ нѣкоторые писатели, никакого восторга отъ этого новаго брака, хорошо сознавала, съ своей стороны, что это было для нея единственнымъ средствомъ сохранить власть, а для этого она была готова на все. Поэтому обоимъ союзникамъ не трудно было уговорить другъ друга. 20 сентября 963 года въ Новой церкви было торжественно совершено бракосочетаніе.

Никифоръ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ возвращался къ жизни. Онъ забывалъ свое воздержаніе, свои мистическія грезы, свои обѣты, весь охваченный счастьемъ, какое ему доставляло обладаніе Θеофано. Но друзья его, монахи, не забыли прошлаго, какъ онъ. Когда въ своемъ уединеніи на Λеонѣ Λεанасій узналъ объ императорской свадьбѣ, онъ глубоко возмутился и, обманутый въ своихъ надеждахъ, рѣшилъ отправиться въ Константинополь. Принятый импе-

раторомъ, онъ съ обычной своей откровенностью началъ его бранить и рѣзко укорять за нарушение даннаго слова и за соблазнъ имъ учиняемый. Фока постарался успокоить монаха. Онъ объяснилъ ему, что не для своего удовольствія согласился на царство, поклялся, что думаетъ жить съ Феофано. какъ братъ съ сестрой; онъ обѣщаль ему, что, какъ только государственныя дѣла позволятъ, онъ уйдетъ къ монаху въ его монастырь. Къ этимъ прекраснымъ словамъ онъ присоединилъ богатые дары, и Леанасій, нѣсколько умиротворенный, возвратился на Святую Гору.

Въ Константинополѣ удивленіе, вызванное этимъ бракомъ, было не менѣе сильно, и скандалъ еще больше. Патріархъ Поліевктъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ добродѣтельный, суровый, мало снисходительный къ дѣламъ этого міра, отъ котораго совершенно отошелъ, заботясь единственно о предписаніяхъ и интересахъ церкви, которую онъ обязанъ былъ охранять, служа ей со смѣлостью неукротимой, съ упорствомъ неодолимымъ и съ страшной искренностью. Когда онъ сталъ патріархомъ, онъ прежде всего сдѣлалъ строгій выговоръ императору Константину VII, такому благочестивому, такъ почитавшему все касавшееся религіи; на этотъ разъ его строгая и горячая душа обнаружилась еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Не потому, чтобы онъ почувствовалъ какую-нибудь неприязнь къ Никифору, или возымѣлъ намѣреніе противодѣйствовать узурпатору: во время революціи 963 года онъ выказалъ себя крайне преданнымъ Фокѣ, и его поведеніе не мало способствовало паденію Вринги

и успѣху domestика scolъ. Но, по церковнымъ канонамъ, онъ считаль недопустимымъ бракъ вдоваго царя съ царицей-вдовой; и самымъ рѣшительнымъ образомъ, когда въ святой Софіи Никифоръ хотѣлъ, согласно своей привилегіи императора, пройти въ алтарь и приобщиться тамъ св. таинъ, патріархъ не далъ ему причастія и, въ видѣ эпителии за его второй бракъ, не разрѣшилъ ему причащаться въ теченіе цѣлаго года. Какъ ни разгнѣвался царь, онъ долженъ былъ смириться передъ непреклонной волей патріарха.

Скоро встрѣтилось новое затрудненіе. Поліевкту сообщили, что Никифоръ былъ крестнымъ отцомъ одного изъ дѣтей Θеофано. По церковнымъ правиламъ такого рода духовное родство являлось безусловнымъ препятствіемъ къ браку: тогда ясно и опредѣленно, безъ малѣйшаго снисхожденія, патріархъ предоставилъ царю на выборъ или разводъ съ Θеофано, или отлученіе отъ церкви. Для такого благочестиваго человѣка, какъ Фока, подобная угроза являлась чрезвычайно важной. Однако, плоть побѣдила: Никифоръ отказался разстаться съ Θеофано, не задумавшись передъ тѣмъ, что это могло вызвать страшный конфликтъ между государствомъ и церковью. Въ концѣ концовъ, однако, состоялось соглашеніе. Явился одинъ священникъ и подъ присягой показалъ, что воспріемникомъ царевича былъ Варда, отецъ императора, а не самъ Никифоръ. Поліевктъ ясно видѣлъ обманъ; но его всѣ покинули, даже духовенство; онъ смирился передъ необходимостью и сдѣлалъ видъ, что вѣритъ тому, что ему рассказали. Въ своей бѣдѣ

онъ не требоваль даже, чтобы царь исполниль эпитимію, наложенную на него за второй бракъ. Но царь тѣмъ не менѣ былъ глубоко уязвленъ такимъ посягательствомъ на его престижъ, а также на его любовь. Никогда не могъ онъ простить Поліевкту его неумѣстнаго вмѣшательства, равно и Θеофано навсегда затаила меньшую злобу противъ патріарха. Къ концѣ концовъ, отъ этого происшествія остался для императора и его жены очень непріятный слухъ; еще черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Ліутпрандъ, записавшій всѣ ходившіе по Константинополю слухи, прямо увѣряль, что бракъ Никифора былъ кровосмѣшеніемъ.

III.

. Такой неравный бракъ, заключенный при такихъ скверныхъ предзнаменованіяхъ, сильно рисковаль плохо кончиться, что и не замедлило случиться. И тутъ опять намъ очень мало извѣстны подробности интимной семейной жизни императорской четы въ теченіе десяти лѣтъ; и роль Θеофано, всегда скрытной и ловкой, открыто не проявлялась и о ея закулисной дѣятельности можно только догадываться. Приходится примириться съ тѣмъ, что мы можемъ уловить лишь общія очертанія событій и заключительной трагической катастрофы.

Страстно влюбленный въ Θеофано, опьяненный ея ослѣпительной красотой, Никифоръ дѣлаль для нея, по краткому и осторожному выраженію историка Льва Діакона, „болѣе, чѣмъ приличествовало“. Этотъ бережливый, суровый и строгій

человѣкъ осыпалъ красавицу царицу великолѣпными подарками, чудесными одѣянiями, рѣдкостными драгоцѣнностями; онъ окружалъ ее самой утонченной и ослѣпительной роскошью; дарилъ ей цѣлое состоянiе, въ видѣ прелестныхъ имѣнiй и изящныхъ виллъ. „Не было ничего, говоритъ Шлюмберже, достаточно дорогого, достаточно прекраснаго, чего бы онъ не преподнесъ своей возлюбленной царицѣ“; а самое главное, что онъ не могъ обходиться безъ нея. Когда въ 964 году онъ отправился въ армiю, онъ взялъ Феофано съ собой въ лагерь, и, быть можетъ, въ первый разъ за всю свою долгую военную карьеру онъ вдругъ прекратилъ начатый походъ, чтобы скорѣе возвратиться къ ней.

Но въ сущности, этотъ старый воинъ вовсе не былъ придворнымъ человѣкомъ. Послѣ того, что онъ на короткiй срокъ отдался страсти, война, его другая страсть, опять быстро овладѣла имъ, и онъ сталъ каждый годъ снова отправляться на границы своихъ владѣнiй, чтобы сражаться тамъ съ арабами, болгарами, русскими; и въ послѣдствiи онъ пересталъ брать съ собой Феофано. Кромѣ того, онъ хотѣлъ по совѣсти исполнять обязанности императора; а черезъ это, мало-помалу, нѣкогда столь любимый военачальникъ становился все менѣе и менѣе популярнымъ. Народъ, угнетаемый налогами, ропталъ; духовенство, привилегiи котораго Никифоръ сокращалъ, монахи, огромныя земельныя богатства которыхъ онъ собирался уменьшить, не скрывали своего недовольства; патрiархъ стоялъ въ явной оппозици къ императору. Въ столицѣ начались возмущенiя. Чернь разъ принялась поносить Ники-

фора, бросать въ него камнями; и несмотря на удивительное хладнокровіе, выказанное имъ при этомъ, еще немного, и онъ поплатился бы тутъ жизнью, еслибы приближенные во время не увлекли его. Наконецъ, его снова охватили приступы мистической религіозности, не дававшей ему прежде покоя, онъ становился печальнымъ, не хотѣлъ болѣе спать на своемъ императорскомъ ложѣ, а ложился на полъ, на шкуру пантеры, куда клали пурпуровую подушку, и опять онъ носилъ власяницу дяди своего Малеина. На душѣ у него было смутно, тревожно; онъ боялся за свою жизнь и превратилъ въ крѣпость Вуколеонскій дворецъ. Несомнѣнно, онъ продолжалъ обожать Θеофано и оставался, болѣе чѣмъ это позволяло благоразуміе и осторожность, подъ ея сладкимъ и тайнымъ вліяніемъ. Но между суровымъ воиномъ и изящной царицей контрастъ былъ слишкомъ великъ. Онъ надоѣдалъ ей, и она скучала. Отсюда должны были произойти важныя послѣдствія.

У Никифора былъ племянникъ Іоаннъ Цимисхій, человекъ сорока пяти лѣтъ, маленькаго роста, но хорошо сложенный и чрезвычайно изящный. Цвѣтъ лица у него былъ бѣлый, глаза голубые, бѣлокурые-золотистые волосы, ореоломъ обрамлявшіе лицо, рыжая борода, тонкій прелестный носъ и смѣлый взглядъ, ничего не страшившійся и ни передъ кѣмъ не опускавшійся. При этомъ сильный, ловкій, живой, щедрый, блестящій, кромѣ того, нѣсколько склонный къ кутежамъ, онъ былъ безконечно обольстителенъ. Среди скуки, въ какой проходили дни Θеофано, онъ естественно не могъ ей не понравиться. И

вотъ тутъ-то страсть довела ее до преступленія. Цимисхій былъ честолюбивъ; кромѣ того, онъ въ это время былъ крайне раздраженъ вслѣдствіе только что постигшей его немилости; изъ-за одного случая на войнѣ онъ былъ отставленъ императоромъ отъ должности domestика схолъ Востока, и ему было поставлено на видъ, что онъ долженъ удалиться въ свои помѣстья; тогда онъ только о томъ и сталъ думать, какъ бы отмстить за незаслуженное по его мнѣнію оскорбленіе, Θеофано, съ своей стороны, болѣе чѣмъ тяготилась Никифоромъ; прежнее согласіе супруговъ замѣнилось озлобленіемъ, подозрительностью; при этомъ императрица дошла до того, что дѣлала видъ, будто опасается со стороны мужа возможности покушенія на жизнь своихъ сыновей. А самое главное, она больше не могла выносить разлуки съ своимъ любовникомъ; дѣйствительно, Цимисхій былъ, повидимому, большой и несомнѣнно единственной настоящей любовью ея жизни. При подобныхъ условіяхъ она незамѣтно дошла до мысли объ ужасномъ преступленіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Никифоръ вернулся изъ Сиріи, съ начала 969 года его тревожили мрачныя предчувствія. Онъ чувствовалъ, что вокругъ него ковались тайныя козни. Смерть его отца, стараго кесаря Варды Фоки, еще усилила его тоску. Однако, онъ все продолжалъ любить Θеофано. Коварнымъ образомъ императрица воспользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы вернуть ко двору Цимисхія. Она поставила императору на видъ, какъ обидно лишаться услугъ такого человѣка, и крайне искусно, чтобы разсѣять

всякія подозрѣнія, какія могла бы возбудить въ Никифорѣ слишкомъ явная симпатія къ Цимисхію, она увѣряла, что желала бы женить его на одной изъ своихъ родственницъ. Какъ всегда, царь уступилъ желаніямъ своей жены. Она только того и хотѣла. Цимисхій появился вновь въ Константинополѣ; благодаря ловко устроенному соучастію приближенныхъ, любовники видѣлись въ самомъ дворцѣ, въ то время какъ Никифоръ ровно ничего не подозрѣвалъ, и совѣщались, какъ приготовить заговоръ. Имѣлось въ виду убить царя. Среди недовольныхъ военачальниковъ Цимисхій легко нашелъ себѣ соучастниковъ; между заговорщиками, Цимисхіемъ и императрицей происходили частыя совѣщанія; въ концѣ концовъ, при содѣйствіи гинекея, вооруженные люди были впущены во дворецъ и спрятаны въ покояхъ Августы.

Это было въ первыхъ числахъ декабря, рассказываетъ Левъ Діаконъ, оставившій намъ потрясающее описаніе этой драмы. Убійство было назначено съ десятаго на одиннадцатое, въ ночь. Наканунѣ этого дня нѣсколько заговорщиковъ, переодѣтыхъ женщинами, проникли съ помощью Ееофано въ священный дворецъ. На этотъ разъ императоръ получилъ таинственное предостереженіе, и Никифоръ велѣлъ одному изъ своихъ офицеровъ обыскать всю женскую половину дворца; но оттого ли, что плохо искали, оттого ли, что не хотѣли ничего найти, не обнаружили ничего и никого; тѣмъ временемъ наступила ночь; ждали только Цимисхія, чтобы нанести ударъ. Тогда на заговорщиковъ напалъ страхъ; вдругъ императоръ запрется у себя въ комнатѣ, и при-

дется ломать дверь; вдругъ онъ проснется отъ шума, и тогда пропало все дѣло? Тутъ Θεοφано съ ужасающимъ хладнокровіемъ взялась устранить это препятствіе. Позднимъ вечеромъ она пошла къ Никифору въ его покой и стала дружески съ нимъ разговаривать; затѣмъ, подъ предлогомъ повидать еще нѣкоторыхъ молодыхъ болгарокъ, бывшихъ въ гостяхъ во дворцѣ, она вышла, говоря, что скоро вернется, и прося мужа оставить дверь къ нему отпертой: она сама запретъ ее, когда вернется. Никифоръ согласился и, оставшись одинъ, онъ немного помолился, а затѣмъ уснулъ.

Было приблизительно одиннадцать часовъ вечера, шель снѣгъ, и на Босфорѣ бушевала буря. Въ маленькой лодкѣ Іоаннъ Цимисхій подплылъ къ пустынному берегу, тянувшемуся подъ стѣнами императорскаго дворца Вуколеона. Въ корзину, къ которой прикрѣплена была веревка, его подняли въ окно гинекея, и заговорщики, предводительствуемые своимъ начальникомъ, проникли въ комнату монарха. Тутъ произошло минутное замѣшательство: кровать была пуста. Но одинъ евнухъ гинекея, знавшій привычки Никифора, указалъ заговорщикамъ царя, лежавшаго въ углу комнаты и спавшаго на шкурѣ пантеры. Съ бѣшенствомъ кинулись на него. Разбуженный шумомъ, Фока приподнялся, но одинъ изъ заговорщиковъ въ тотъ же мигъ страшнымъ ударомъ меча разсѣкъ ему голову отъ макушки до бровей. Обливаясь кровью, несчастный кричалъ: „Богородица, спаси меня!“ Не слушая этихъ воплей, убійцы поволокли его къ ногамъ Цимисхія, и тотъ сталъ осыпать его бранью, однимъ гру-

бымъ движеніемъ вырвалъ ему бороду; и по примѣру начальника всѣ набросились на несчастнаго, уже хрипѣвшаго и полумертваго. Наконецъ, однимъ ударомъ ноги Цимисхій повалилъ его и, обнаживъ мечъ, нанесъ ему страшный ударъ по головѣ; еще одинъ, послѣдній ударъ, нанесенный другимъ убійцей, прикончилъ несчастнаго. Императоръ упалъ мертвымъ, весь залитый кровью.

На шумъ борьбы прибѣжала, наконецъ, дворцовая стража, но было уже поздно. Ей въ окно показали освѣщенную факелами отрѣзанную и окровавленную голову царя. Это трагическое зрѣлище сразу положило конецъ всякимъ попыткамъ къ сопротивленію. Народъ сдѣлалъ, какъ императрица: онъ предался Цимисхію и привѣтствовалъ его, какъ императора.

IV.

Ееофано, все это подготовившая, словно за руку ведшая убійцъ, вполнѣ разсчитывала воспользоваться убійствомъ. Но исторія бываетъ иногда поучительна, и царица скоро испытала это на себѣ.

Еще разъ патріархъ Поліевктъ проявилъ свою неукротимую энергію. Онъ былъ въ открытой ссорѣ съ покойнымъ царемъ; однако, когда Цимисхій явился у дверей святой Софіи, чтобы въ Великомъ храмѣ возложить на свою голову императорскую корону, непреклонный въ своемъ рѣшеніи патріархъ отказался впустить его, какъ обагренаго кровью своего родственника и господина, и заявилъ ему, что онъ никогда не войдетъ подъ священные своды, покуда убійцы не будутъ

наказаны и Θεοφано изгнана изъ дворца. Между трономъ и любовницей Цимисхій не колебался ни минуты. Безстыднымъ образомъ онъ сталъ отрицать свое участіе въ преступленіи и для лучшаго своего оправданія, согласно приказанію Поліевкта, выдалъ своихъ соучастниковъ и пожертвовалъ Θεοφано. Она мечтала выйти замужъ за челоѵѳка, котораго любила, раздѣлить съ нимъ столь дорогую ей власть: но самъ любовникъ ея рѣшилъ ея паденіе; онъ отправилъ ея въ ссылку на Принцезы острова, въ одинъ изъ монастырей острова Проти.

Но съ такой энергіей, какая была у нея и съ сознаниемъ своей красоты—Θεοφано было тогда не больше двадцати девяти лѣтъ,—она не хотѣла мириться съ своимъ несчастьемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она бѣжала изъ своей тюрьмы и бросилась искать убѣжища въ св. Софії. Разсчитывала ли она на привязанность къ ней своего любовника? надѣялась ли она на то, что разъ первыя затрудненія будутъ устранены благодарный Цимисхій вновь возьметъ ее къ себѣ? льстила ли она себя надеждой покорить его вновь однимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ глазъ? Возможно; но всемогущій министръ, руководившій дѣлами при новомъ царѣ, паракимоень Василій, помѣшалъ смѣлой попыткѣ соблазнительной царицы. Безъ уваженія къ святости мѣста, онъ схватилъ ее въ Великой церкви и рѣшилъ, что она будетъ отправлена въ Арменію, въ болѣе далекую ссылку. Она добилаь только того, что передъ отъѣздомъ увидала еще, въ послѣдній разъ, челоѵѳка, для котораго пожертвовала всѣмъ и который ее покинулъ. Это послѣднее свиданіе,—параки-

момень изъ предосторожности присутствовали на немъ въ качествѣ третьяго лица,—было, по видимому, крайне бурно. Феофано осыпала Цимисхія жестокой бранью, затѣмъ, въ припадкѣ бѣшенства, она бросилась съ кулаками на министра. Ее пришлось силой увести изъ зала, гдѣ происходила аудіенція. Жизнь ея была кончена.

Что случилось съ ней въ ея печальномъ изгнаніи? что выстрадала она въ отдаленномъ монастырѣ, гдѣ влачила свое существованіе далеко отъ великолѣпія и блеска двора, далеко отъ изящной роскоши священнаго дворца, нося въ сердцѣ всю горечь обманутыхъ надеждъ, все сожалѣнье о своей утраченной власти? Неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, если она была виновна, то жестоко искупила свое преступленіе. Она томилась въ этомъ уединеніи шесть лѣтъ, до дня смерти Цимисхія. Когда это случилось, въ 976 году, ее призвали вновь въ Константинополь къ ея сыновьямъ, получившимъ теперь дѣйствительно верховную власть.

Но потому ли, что гордость ея была разбита и честолюбіе умерло, потому ли,—и это вѣроятнѣе,—что паракимомень Василій, остававшійся всемогущимъ, поставилъ это условіемъ ея возвращенія, она, по видимому, не играла больше никакой роли въ государствѣ. Она умерла незамѣтно во дворцѣ, неизвѣстно даже когда, и, такимъ образомъ, до самаго конца судьба этой честолюбивой, соблазнительной и развращенной царицы остается до извѣстной степени загадочной и таинственной.

ГЛАВА X.

Порфирородная Зоя.

I.

Въ ноябрѣ 1028 года, Константинъ VIII, императоръ византійскій, чувствуя себя очень больнымъ и будучи къ тому же почти семидесяти лѣтъ отъ роду, рѣшилъ, что пора подумать о наслѣдникѣ.

Можетъ показаться удивительнымъ, что, будучи послѣднимъ представителемъ мужского пола Македонской династїи, Константинъ VIII не покончилъ раньше съ такимъ важнымъ и нужнымъ дѣломъ. Но Константинъ VIII всю свою жизнь никогда ни о чемъ не думалъ.

Будучи съ дѣтства соправителемъ своего брата Василія II, онъ пятьдесятъ лѣтъ прожилъ въ тѣни этого энергичнаго и могучаго монарха, ничуть не беспокоясь о государственныхъ дѣлахъ, пользуясь только выгодами и удовольствїями власти. Затѣмъ, когда по смерти Василія онъ сталъ единственнымъ владыкой имперїи, онъ не могъ рѣшиться отказаться отъ старыхъ и милыхъ привычекъ и попрежнему продолжалъ жить въ свое удовольствїе, предоставивъ всему идти своимъ

чередомъ. Очень расточительный, онъ растратилъ всѣ сбереженія, съ такимъ терпѣньемъ скопленныя его благоразумнымъ братомъ. Любя крайне удовольствія и хорошій столъ,—никто не могъ съ нимъ сравниться въ умѣньи заказать обѣдъ, и онъ не брезговаль при случаѣ придумать какой-нибудь соусъ по собственному вкусу,—онъ съ такимъ увлеченіемъ предался этому дѣлу, что пріобрѣлъ отъ подобнаго образа жизни такую подагру, что почти не могъ ходить. Помимо всего этого, онъ обожаль ипподромъ, страстно увлекался цирковыми состязаніями и безумно любилъ бой животныхъ и другія зрѣлища. Наконецъ, онъ любилъ игру и, взявъ кости въ руки, забываль все на свѣтѣ: и пословъ, ожидавшихъ пріема, и дѣла, требовавшія рѣшенія; забываль даже главное свое удовольствіе—ѣду, и часто проводилъ за игрой цѣлыя ночи. Послѣ этого становится понятнымъ, что среди столькихъ поглощающихъ удовольствій онъ забылъ и про то, что былъ послѣднимъ представителемъ своего рода, и оставляль послѣ себя лишь трехъ незамужнихъ дочерей.

Ихъ звали Евдокіей, Зоей и Θεодорой. О старшей, Евдокіи, сохранилось мало свѣдѣній въ исторіи. Это была особа съ простыми вкусами, средняго ума, красоты также средней: какая-то болѣзнь, перенесенная въ дѣтствѣ, навсегда испортила ея лицо. Поэтому она очень рано ушла въ монастырь, и никогда больше о ней не вспоминали. Ея двѣ сестры были въ другомъ родѣ и несравненно интереснѣе; а между тѣмъ обѣ, по странной случайности, медленно увядали непримѣтными обитательницами гинекея. Ни ихъ

дядя Василій, хотъ очень ихъ любившій, но, по-видимому, нѣсколько презиравшій женщинъ,—онъ самъ оставался холостымъ,—ни отецъ ихъ, Константинъ, не позаботились о томъ, чтобы устроить ихъ. И вотъ въ 1028 году это были уже не молодыя дѣвушки: Зоѣ было пятьдесятъ лѣтъ, Феодоръ немногимъ меньше.

Этимъ то двумъ, нѣсколько перерзрѣлымъ, царевнамъ долженъ былъ достаться послѣ Константина VIII византійскій престолъ. Но хотя, со времени воцаренія Македонской династіи, принципъ законнаго престолонаслѣдія настолько утвердился въ Византіи, что никто не увидѣлъ бы препятствія къ переходу императорской власти къ женской линіи, тѣмъ не менѣе царь рѣшилъ, что въ такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ мужчина никакъ не будетъ лишнимъ во дворцѣ, и съ большою поспѣшностью сталъ искать для дочери своей Зои,—онъ больше ее любилъ, и ему казалось, что она болѣе способна къ власти,—мужа, который могъ бы при монархинѣ исполнять роль царя-супруга. Онъ вспомнилъ объ одномъ благородномъ армянинѣ, по имени Константинѣ Далассинѣ, и послалъ за нимъ. Но Константинъ былъ у себя въ имѣнни, далеко отъ столицы, а время не терпѣло. Тогда, измѣнивъ свое рѣшеніе, императоръ обратился къ префекту города Роману Аргиру. Это былъ чело-вѣкъ знатнаго происхожденія и представительной наружности, хотя ему уже исполнилось полныхъ шестьдесятъ лѣтъ; къ несчастію, онъ былъ женатъ, любилъ свою жену, а жена его обожала. Константинъ VIII не остановился передъ этимъ затрудненіемъ. Когда онъ чего-нибудь хотѣлъ,

онъ принималъ быстрыя мѣры и прибѣгалъ къ доводамъ, не допускавшимъ возраженій: онъ далъ Роману на выборъ разводъ или ослѣпленіе; и, чтобы сломить скорѣе сопротивленіе префекта и въ особенности его жены, онъ, представившись страшно разгнѣваннымъ, отдалъ приказаніе немедленно арестовать его. При этомъ извѣстїи жена Романа, глубоко потрясенная, поняла, что ей ничего другого не остается какъ только исчезнуть, если она желаетъ спасти своего мужа; она поспѣшила удалиться въ монастырь, а Романъ женился на Зоѣ. Три дня спустя, Константинъ VIII умеръ со спокойной душой, а его двѣ дочери и зять вступили во владѣніе имперіей.

Въ теченіе почти четверти вѣка порфирородная Зоя наполняла императорскій дворецъ своими скандальными похождениями, и ея исторія несомнѣнно одна изъ самыхъ пикантныхъ, какія только сохранились въ византійскихъ лѣтописяхъ, и одна изъ наиболѣе намъ извѣстныхъ. Въ то время, какъ относительно большинства монархинь, чередовавшихся въ священномъ дворцѣ, мы освѣдомлены настолько плохо, что съ большимъ трудомъ можемъ сдѣлать съ нихъ слабый набросокъ, Зоя, наоборотъ, является передъ нами въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Дѣйствительно, на ея долю выпало счастье,—разумѣю: для насъ,—имѣть своимъ историкомъ одного изъ самыхъ умныхъ и самыхъ замѣчательныхъ византійцевъ: то былъ Михаилъ Пселль, хроника или, лучше сказать, мемуары котораго напечатаны впервые лѣтъ тридцать тому назадъ.

Приближенный императрицы, посвященный въ качества придворнаго и министра во всѣ ин-

триги двора, любитель всяких зрѣлицъ, жадный до всякихъ сплетенъ, нескромный и большой болтунъ, Пселлъ разоблачилъ съ удивительной любезностью, а иногда и съ необычайной вольностью выражений все, что онъ видѣлъ или слышалъ вокругъ себя. Не было тайны, въ какую бѣ онъ не проникъ, не было интимной подробности, которую онъ не сумѣлъ бы узнать какимъ-нибудь путемъ; и такъ какъ онъ былъ чрезвычайно уменъ, отличался юморомъ и ядовитостью, рассказъ его о придворной жизни одна изъ самыхъ пикантныхъ и занимательныхъ исторій.

Правда, не надо принимать буквально все, что онъ рассказываетъ: ему случается иногда значительно искажать факты, когда политика, въ которой онъ игралъ большую роль, слишкомъ непосредственно примѣшивается къ исторіи; но помимо этого, онъ всегда очень правдивъ и такъ какъ его природное умѣнье все подмѣчать, всегда улавливавшее во всемъ мельчайшую подробность, заставляло его съ дѣтства очень широко раскрывать на все глаза, то онъ въ общемъ является очень хорошо освѣдомленнымъ. Кромѣ того, это такая рѣдкая удача среди столькихъ сухихъ и скучныхъ лѣтописцевъ найти, наконецъ, талантливаго человѣка, умѣющаго и видѣть и писать, мастера труднаго искусства писать портреты и оживлять образы, несравненнаго рассказчика пикантныхъ анекдотовъ. Безъ большого преувеличенія можно сказать о Пселлѣ, что онъ напоминаетъ Вольтера; и дѣйствительно, подобно Вольтеру, онъ касался всего, онъ писалъ обо всемъ. Послѣ него осталось, кромѣ его исторіи, сотни небольшихъ сочиненій о самыхъ различныхъ пред-

метахъ, рѣчи и поэтическія произведенія, письма и памфлеты, философскіе трактаты и сочиненія по физикѣ, по астрономіи, физиологіи и даже по демонологіи. И всюду, подобно Вольтеру, онъ вносилъ ѣдкую колкость, дьявольское остроуміе и универсальную любознательность. По смѣлости мысли и оригинальности идей Пселль былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени; по своей любви къ классической древности и къ философіи Платона онъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ является предтечей Ренессанса.

И несомнѣнно характеръ его былъ гораздо ниже ума. Со своей посредственной душой, со своей любовью къ интригамъ, со своей льстивой угодливостью, быстрой и скандальной переменной мнѣній, низкими отреченьями, со своимъ легкомысленнымъ и въ то же время болѣзненнымъ тщеславіемъ, Пселль является совершеннымъ представителемъ того придворнаго міра растлѣнной Византіи, гдѣ онъ жилъ. Но зато онъ такъ хорошо познакомилъ насъ съ этимъ обществомъ, что съ этой стороны онъ совершенно неоцѣнимъ. И въ этомъ повѣствованіи придется безпрестанно возвращаться къ его книгѣ и къ ней же придется намъ также отсылать иногда читателя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его анекдоты, всегда остроумные и забавные, становятся положительно неудобными для передачи ихъ на французскомъ языкѣ.

II.

Въ то время, какъ вмѣстѣ съ своимъ супругомъ Романомъ Зоя вступила на византійскій

престоль, она, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, была, говорятъ, еще вполне очаровательна. Пселль, хорошо ее знавшій, даетъ крайне интересный ея портретъ. Повидимому, она походила на своего дядю Василя; у нея были большіе глаза, отгѣненные густыми рѣсницами, носъ съ маленькой горбинкой, великолѣпные бѣлокурые волосы. Цвѣтъ лица и все тѣло были бѣлизны ослѣпительной; вся она была полна несравненной граціи и гармоніи. „Кто не зналъ ея лѣтъ, говоритъ Пселль, подумалъ бы, что передъ нимъ совсѣмъ молоденькая дѣвушка“. Средняго роста, но стройная и хорошо сложенная, она выдѣлялась изяществомъ фигуры. И хотя позднѣе она нѣсколько располнѣла, лицо ея до конца оставалось необычайно молодымъ. Въ семьдесятъ два года, когда дрожащія руки и сгорбленная спина выдавали ея старость, „лицо ея, заявляетъ Пселль, сіяло совершенной свѣжестью и красотой“. Наконецъ, въ ней была величавость, дѣйствительно царственная осанка. Однако, она не подчинялась чрезмерно требованіямъ церемоніала. Очень заботясь о своей красотѣ, она отдавала предпочтеніе простымъ туалетамъ передъ тяжелыми златоткаными платьями, которыя надѣвались по требованію этикета, или передъ тяжелой діадемой и драгоценными украшеніями; „въ легкое платье облекала она, по выраженію ея біографа, свое прекрасное тѣло“. Но за тѣмъ она обожала ароматы и косметики; она выписывала ихъ изъ Индіи и Эіопіи, и ея покои, гдѣ круглый годъ горѣли жаровни для приготовленія всякихъ притираній и ароматовъ, фабриковавшихся ея служанками, ходили на лабораторію.

И тутъ-то она охотнѣе всего проводила время; она не очень любила свѣжій воздухъ, прогулки по садамъ, все, отъ чего тускнеть дѣланый блескъ цвѣта лица, все, что вредитъ красотѣ, уже вынужденной всячески оберегать себя.

Средняго ума и полная невѣжда, Зоя въ нравственномъ отношеніи была женщина темперамента живого, вспыльчиваго, раздражительнаго. Однимъ движеніемъ руки, беззаботнымъ и легкомысленнымъ, она одинаково могла подписать какъ смертный приговоръ, такъ и подарить жизнь, быстро принимала рѣшенія и такъ же быстро мѣняла мнѣніе, не выказывая ни большой логики, ни устойчивости, и такъ же легкомысленно относилась къ государственнымъ дѣламъ, какъ къ увеселеніямъ гинекея. Несмотря на свой внушительный видъ, это была въ концѣ-концовъ монархиня довольно неспособная, немного взбалмошная, крайне тщеславная, пустая, капризная, непостоянная, очень падкая на лесть. Complimentъ приводилъ ее въ восторгъ. Она съ восхищеніемъ слушала, когда ей говорили о древности ея рода, о славѣ ея дяди Василія, еще съ большимъ восхищеніемъ, когда говорили о ней самой. И среди придворныхъ стало забавой увѣрять ее, что ее нельзя видѣть, не бывъ тотчасъ же какъ бы пораженнымъ молніей. Тратя безмѣрно на себя, будучи бессмысленно щедрой относительно другихъ, она выказывала безумную расточительность; но при случаѣ умѣла быть неумолимой и жестокой. Наконецъ, какъ истая византійка, она была благочестива, но тѣмъ внѣшнимъ благочестіемъ, довольствующимся возженіемъ свѣчей передъ иконами и воскурива-

ніемъ еиміама передъ алтаремъ. Но въ особенности она была крайне лѣнива. Государственныя дѣла казались ей скучными; женскія рукодѣлья интересовали ее еще менѣе. Она не любила ни вышивать, ни сидѣть за ткацкимъ станкомъ и проводила цѣлые часы въ блаженномъ ничего не дѣланіи.

Понятно что ея дядя Василій, такой дѣятельный и неутомимый, хоть и любилъ ее, въ то же время не могъ не относиться къ ней съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Эта золотоволосая женщина, изнѣженная и глуповатая, имѣла еще къ тому же довольно опасную наслѣдственность. Внучка Романа II, умершаго въ молодости отъ послѣдствій невоздержной жизни, и знаменитой и распутной Теофано, дочь такого любителя кутежей, какъ Константинъ VIII, ей было отъ кого унаслѣдовать крайне влюбчивый темпераментъ, который вскорѣ проявился. Очень гордая своей красотой, увѣренная, что она неотразима, взбѣшенная тѣмъ, что пришлось потерять въ гинекеѣ лучшіе годы молодости, полная неудовлетвореннаго пыла и поддаваясь соблазну неизвѣстнаго, она, имѣя полныхъ пятьдесятъ лѣтъ, должна была скоро заставить и дворъ, и весь городъ говорить о своихъ похожденияхъ, которымъ предавалась съ такимъ пыломъ и такъ необузданно, что современники иногда сомнѣвались, владѣла ли она вполнѣ разсудкомъ.

Женившись на этой опьяняющей и ищущей новыхъ ощущеній женщинѣ, Романъ Аргиръ находилъ, что онъ обязанъ передъ самимъ собой, передъ Зоей, передъ покойнымъ императоромъ, своимъ тестемъ, и передъ государственнымъ бла-

гомъ подарить имперіи наслѣдника престола и какъ можно скорѣе. Тутъ приходится отослать читателя къ книгѣ Пселла, чтобы онъ могъ видѣть, какими средствами, магическими и фізіологическими поочередно, помощью какихъ мазей, втираній и амулетовъ Романъ и Зоя старались осуществить свое желаніе. Но, прибѣгая къ подобнымъ средствамъ, императоръ скоро убѣдился, что ему шестьдесятъ лѣтъ, а это много, императрицѣ же пятьдесятъ, а это слишкомъ много; и тогда, бросивъ и государственную пользу, и свою жену, онъ довольствовался тѣмъ, чтобы хорошо править имперіей.

Но совсѣмъ не таковъ былъ расчетъ Зои. Сильно оскорбленная, прежде всего, въ своей гордости, что могли ею такъ пренебречь, она была недовольна еще и по другимъ причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго ни съ самолюбіемъ, ни съ интересами государства; кромѣ того, словно къ довершенію бѣдъ, Романъ не только покинулъ ее, но и вздумалъ наложить узду на ея безумную расточительность. Взбѣшенная и чувствуя сильнѣе, чѣмъ когда либо, притягательную силу любовныхъ похожденій, Зоя стала искать утѣшенія и безъ труда нашла его. Она отличила своей милостью Константина, исполнявшаго при дворцѣ обязанности церемоніймейстера, а послѣ него другого Константина, изъ знатнаго рода Мономаховъ, попавшаго во дворецъ въ качествѣ родственника императора. Оба понравились ей сначала своимъ привлекательнымъ видомъ, изяществомъ, молодостью; но они не долго были въ милости. Скоро выборъ Зои остановился на другомъ любовникѣ. Среди приближенныхъ Ро-

мана III былъ одинъ евнухъ, по имени Іоаннъ, человѣкъ умный, порочный и состоявшій въ большой милости у царя. У этого Іоанна былъ братъ, по имени Михаилъ, юноша замѣчательной красоты, съ живымъ взглядомъ, свѣтлымъ цвѣтомъ лица, изящно сложенный, словомъ, такого неотразимаго и опьяняющаго очарованія, что его согласно превозносили всѣ современные ему поэты. Іоаннъ представилъ его ко двору: онъ понравился императору и былъ взятъ имъ на службу; еще больше понравился онъ императрицѣ, сразу воспылавшей къ нему страстью. И такъ какъ, по словамъ Пселла, „она была не способна справляться съ своими желаніями“, она не успокоилась, покуда красавецъ Михаилъ не сталъ платить ей взаимностью.

Тогда во дворцѣ началась дѣйствительно забавная комедія, рассказанная Пселломъ не безъ нѣкотораго ехидства. Раньше Зоя откровенно ненавидѣла евнуха Іоанна; теперь же, чтобы имѣть случай говорить о томъ, кого любила, она ласково на него поглядывала, призывала къ себѣ и поручала ему передать брату, что каждый разъ, когда тотъ вздумаетъ пожаловать, онъ всегда встрѣтитъ у царицы радушный пріемъ. Молодой человѣкъ, ничего не понимавшій въ этомъ внезапномъ и необычайномъ благорасположеніи, приходилъ ухаживать за Зоей съ довольно смущеннымъ видомъ, мялся и краснѣлъ. Но царица ободряла его; она ласково ему улыбалась, она для него переставала хмурить свои грозныя брови, она, наконецъ, до того доходила, что дѣлала намеки на испытываемыя ею чувства. Михаилъ, наученный, впрочемъ, братомъ, наконецъ, понялъ.

Онъ сталъ смѣлѣе; отъ нѣжныхъ взглядовъ перешелъ къ поцѣлуямъ; скоро онъ осмѣлился еще больше, „быть можетъ, не столько очарованный, говоритъ дерзкій Пселль, прелестями этой нѣсколько зрѣлой дамы, сколько польщенный честью стать героемъ похождения императрицы“. Зоя, очень сильно влюбленная, дѣлала тѣмъ временемъ одну неосторожность за другою. Видѣли, какъ она при всѣхъ цѣловала своего любовника, садилась съ нимъ на одну кушетку. Ей, конечно, нравилось наряжать своего фаворита, какъ идола, и она задаривала его драгоценностями, великолѣпными одѣянiями и всякими дорогими подарками. Она сдѣлала лучше: однажды ей пришло въ голову усадить его на самый тронъ императора съ вѣнцомъ на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ и, прижимаясь къ нему, она осыпала его самыми нѣжными словами: „Мой кумиръ, мой цвѣтокъ красоты, радость очей моихъ, отрада души моей“. Одинъ изъ приближенныхъ, случайно вошедшій въ залъ, былъ такъ пораженъ этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, что чуть въ обморокъ не упалъ; но Зоя, не смущаясь, приказала ему пасть ницъ передъ Михаиломъ: „Отнынѣ онъ императоръ, заявила она, и придетъ день, когда онъ дѣйствительно станетъ имъ“.

Весь городъ зналъ о связи Михаила съ Зоей. Одинъ только Романъ, какъ всегда, ничего не замѣчалъ. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ и его сестра Пульхерiя, ненавидѣвшiе императрицу, сочли долгомъ просвѣтить его на этотъ счетъ. Но императоръ не хотѣлъ ничему вѣрить: и такъ какъ это былъ царь довольно добродушный, онъ удовольствовался тѣмъ, что велѣлъ по-

звать къ себѣ Михаила и спросилъ у него, вѣрно ли то, что ему передаютъ.

Тотъ сталъ клясться, что онъ невинная жертва гнусной клеветы; и василевсъ, повѣривъ, сталъ относиться къ нему еще лучше прежняго. Чтобы выказать свое довѣріе, онъ дошелъ до того, что открылъ ему доступъ во внутренніе царскіе покои; вечеромъ, лежа уже въ постели рядомъ съ Зоей, онъ призывалъ молодого человека, и тотъ, стоя въ проходѣ между кроватью и стѣной, долженъ былъ тереть ему ноги. „Возможно ли допустить, говорить одинъ, довольно щепетильный, лѣтописецъ, что когда онъ это производилъ, ему не случилось касаться и ногъ царицы“? Романъ ничуть о томъ не безпокоился; этотъ императоръ не былъ ревнивъ.

Была, кромѣ того, еще одна вещь, которая могла окончательно разсѣять его сомнѣнія, если таковыя у него имѣлись: прекрасный Михаилъ страдалъ страшной болѣзнью, съ нимъ случались припадки падучей. „Поистинѣ, говорилъ императоръ, такой человекъ не можетъ любить и не можетъ быть любимымъ“. Однако, въ концѣ концовъ Романъ не могъ больше сомнѣваться въ своемъ несчастіи; но такъ какъ онъ былъ философъ, то предпочелъ упорно ничего не замѣчать. Онъ зналъ Зою, онъ зналъ, что если у нея отнять Михаила, это значило рисковать, что она пустится въ новыя еще худшія похождения; и полагая, что для царскаго достоинства единственная и продолжительная связь лучше, чѣмъ рядъ громкихъ скандаловъ, онъ систематически закрывалъ глаза передъ лицомъ самой очевидности. „И связь императрицы, говоритъ Пселль,

была открыто признана и, казалось, получила законное право“.

Между тѣмъ Романъ замѣтно мѣнялся. Онъ пересталъ ѣсть, онъ плохо спалъ; характеръ его портился. Онъ становился рѣзкимъ, раздражительнымъ, неприятнымъ; онъ больше не смѣялся, никому не довѣрялъ, сердился изъ-за пустяковъ; но главное, онъ медленно угасалъ. Онъ упорно продолжалъ добросовѣстно исполнять обязанности императора; но въ своихъ парадныхъ костюмахъ онъ былъ похожъ на мертвеца, истощенный, желтый, съ короткимъ обрывающимся дыханьемъ; волосы у него выпадали цѣлыми прядями.

Повидимому Михаилъ и Зоя подсыпали медленнаго яда несчастному монарху, желая все-таки избавиться отъ его докучливаго присутствія, хоть онъ и мало стѣснялъ ихъ.

Но дѣла все еще шли не такъ скоро, какъ хотѣлось влюбленной императрицѣ. Поэтому, когда утромъ въ великій четвергъ императоръ пошелъ принять ванну, въ ту самую минуту, когда онъ по своему обыкновенію нырнулъ въ воду, нѣсколько служителей, заранѣе подкупленные, продержали ее въ такомъ положеніи нѣсколько дольше, чѣмъ это бы слѣдовало; его вытащили изъ воды безъ чувствъ, почти задохнувшись, отнесли и положили къ нему на постель; онъ едва дышалъ и не могъ больше говорить; однако, придя въ себя, старался еще знаками выразить свою волю. Но, видя, что его не понимаютъ, онъ, опечаленный, закрылъ глаза и, издавъ нѣсколько предсмертныхъ хриповъ, скончался. Зоя и при этихъ обстоятельствахъ не старалась скрыть свои чувства. Прибѣжавъ при пер-

вомъ извѣстїи о случившемся въ комнату императора, чтобы самой убѣдиться, въ какомъ положенїи находится ея мужъ, она не сочла нужнымъ присутствовать при его послѣднемъ часѣ. У нея были болѣе важныя заботы.

III.

Зоя думала только объ одномъ: упрочить престоль за Михаиломъ. Напрасно придворные, старые слуги ея отца Константина, убѣждали ее подумать немного, отдать свою руку лишь наиболѣе достойному, особенно не становиться въ слишкомъ большую зависимость отъ своего новаго супруга. Она думала только о своемъ любовникѣ. Евнухъ Іоаннъ, тонкій политикъ, со своей стороны, уговаривалъ ее рѣшиться скорѣе: „Мы всѣ погибнемъ, если время будетъ упущено, говорилъ онъ ей“. Тогда, рѣшивъ не ждать долѣе, въ самую ночь съ четверга на пятницу Зоя велитъ позвать Михаила во дворецъ; она говоритъ ему, чтобы онъ надѣлъ императорское одѣяніе, возлагаетъ ему на голову корону, сажаетъ его на тронъ, сама садится рядомъ и приказываетъ всѣмъ присутствующимъ признать его законнымъ императоромъ. Патріархъ, вызванный ночью, немедленно является. Онъ думалъ увидѣть Романа, но вмѣсто него нашелъ въ большомъ хрисотриклинѣ (золотой палатѣ) Михаила и Зою въ полномъ парадѣ, и императрица попросила его тутъ же благословить ея бракъ съ новымъ царемъ. Патріархъ колебался; чтобы убѣдить его, ему сдѣлали цѣнный подарокъ, пятьдесятъ фунтовъ золота, и обѣщали такую же

сумму для его духовенства: передъ этимъ доводомъ онъ смирился и послушался. На слѣдующее утро былъ, въ свою очередь, созванъ сенатъ, чтобы принести поздравленія новому властелину и отдать послѣдній долгъ властелину дней минувшихъ. И въ то время, какъ уносили съ непокрытымъ, по обыкновенію, лицомъ Романа III, незнаемаго и уже тронутаго тлѣніемъ, — Пселль, видѣвшій, какъ проходило это шествіе, далъ въ своемъ описаніи потрясающую по реализму картину этого зрѣлища, — въ священномъ дворцѣ высшіе сановники съ почтеніемъ склонялись передъ Михаиломъ и лобызали руку счастливому выскочкѣ. Зоѣ не потребовалось и двадцати четырехъ часовъ, чтобы овдовѣть и снова выйти замужъ.

Душою новаго правительства сдѣлался евнухъ Іоаннъ, братъ императора. Это былъ человѣкъ живого ума и быстрый на рѣшенія, съ высокомернымъ и жесткимъ выраженіемъ глазъ, замѣчательный администраторъ и первостепенный финансистъ. Удивительно свѣдущій въ государственныхъ дѣлахъ, превосходно освѣдомленный обо всемъ, что происходило въ столицѣ и имперіи, онъ среди шума и суеты празднествъ и пировъ преслѣдовалъ свои цѣли, свои честолюбивые замыслы. Въ самомъ разгарѣ пиршества онъ внимательно наблюдалъ за своими гостями, обладая рѣдкой способностью, даже будучи пьянымъ, помнить совершенно точно все, о чемъ говорили вокругъ него охмѣлѣвшіе люди. Благодаря этому, онъ возбуждалъ во всѣхъ спасительный страхъ, и его боялись, быть можетъ, еще больше, когда онъ бывалъ пьянъ, чѣмъ въ.

трезвомъ видѣ. Безусловно преданный своему брату, котораго онъ обожалъ, честолюбивый ради него, онъ отдалъ ему свой умъ, свое умѣнье, свое глубокое знаніе людей. Это онъ бросилъ нѣкогда Михаила въ объятія Зои; теперь, когда черезъ нее онъ сдѣлалъ его императоромъ, онъ рѣшилъ, что благодарность вещь излишняя по отношенію къ монархинѣ. Первое время послѣ своего восшествія на престолъ царь былъ очень любезенъ съ Зоей, исполнялъ всѣ ея желанія, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы понравиться ей. Подъ вліяніемъ брата онъ скоро измѣнилъ свое поведеніе: „Не могу за это, говоритъ Пселль, ни порицать его, ни хвалить. Конечно, я отнюдь не одобряю, чтобы были неблагодарны въ отношеніи къ своей благодѣтельницѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу укорять его за то, что онъ боялся подвергнуться съ ней той же участи, какую она уготовала своему первому мужу“. Михайлъ слишкомъ хорошо зналъ Зою, чтобы не подпасть искушенію избавиться отъ грозившей ему отъ нея опасности.

Онъ началъ съ того, что отправилъ въ ссылку фаворитовъ, отличенныхъ ею раньше. Затѣмъ, по совѣтамъ своего брата, онъ рѣшительно захватилъ власть въ свои руки и приказалъ императрицѣ вновь запереться въ гинекеѣ и впредь воздерживаться отъ появленій въ официальныхъ выходахъ. Въ то же время онъ лишилъ ее ея евнуховъ и самыхъ преданныхъ ей женщинъ, а на ихъ мѣсто приставилъ къ ней, чтобы наблюдать за ней, другихъ женщинъ, изъ своей собственной родни. Одному офицеру, преданному Михаилу, поручили нести при царицѣ почетную службу, и скоро

она была стѣснена до такой степени, что не могла больше никого принимать, если заранѣе не было извѣстно, кто таковъ посѣтитель и о чемъ онъ желаетъ бесѣдовать съ царицей. Ей запретили даже выходить изъ ея покоевъ, гулять, отправляться въ ванную безъ особаго разрѣшенія императора. Зоя была внѣ себя отъ такого обращенія, но у нея не было никакихъ средствъ къ сопротивленію. Тогда, скрѣпя сердце, она рѣшила выказать передъ бѣдой полную кротость, олицетворенное смиреніе; безъ жалобъ переносила она всѣ оскорбленія и униженія, какимъ ее подвергали, не укоряя Михаила ни въ чемъ, не обвиняя никого, привѣтливая даже съ приставленными къ ней тюремщиками. Но тѣмъ не менѣе, послѣ всего, что она сдѣлала для своего прежняго любовника, ударъ, ее постигшій, былъ столь же жестокъ, сколь неожиданъ.

Но еще тяжеле было ей то, что этотъ самый Михаилъ, такъ сильно ею прежде любимый, теперь отвращался отъ нея съ ужасомъ и даже не хотѣлъ больше ее видѣть. Помимо того, что онъ испытывалъ извѣстную неловкость, отплативъ такой неблагодарностью за всѣ ея благодѣянія, онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе больнымъ; припадки падучей становились чаще и сильнѣй, и онъ постоянно боялся, чтобы припадокъ не случился въ присутствіи Зои. Затѣмъ, такъ какъ онъ не былъ плохимъ человекомъ, онъ испытывалъ угрызения совѣсти и старался искупить свои грѣхи. Онъ жилъ исключительно въ обществѣ монаховъ, окружалъ себя во дворцѣ оборванцами-аскетами, подобранными имъ на улицѣ, и смиренно, принося имъ покаяніе,

ложился спать у ихъ ногъ на голой доскѣ, положивъ подъ голову камень. Онъ строилъ больницы, церкви; особенно почиталъ онъ Димитрія, великаго солунскаго святого; исключительно благоговѣлъ передъ Козьмой и Даміаномъ, святыми цѣлителями, пользовавшимися въ Византіи славой, что они излѣчиваютъ отъ самыхъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Но ничто не облегчало его страданій, не успокаивало его сомнѣній и тревогъ. Тогда его духовные наставники, которымъ онъ исповѣдался въ своихъ безумствахъ и преступленіяхъ, повѣли ему порвать всякія плотскія сношенія съ женой. И онъ благоговѣйно исполнялъ ихъ повелѣнія.

Въ концѣ концовъ, Зоя, лишенная всего, что любила, возмутилась. Она знала, что была популярна въ столицѣ, какъ женщина и законная наслѣдница имперіи, а также благодаря щедротамъ, которыя она расточала въ такомъ обиліи. И такъ, она возмутилась противъ образа жизни, который ей навязывали; вскорѣ она осмѣлилась на болѣе рѣшительный шагъ: она, говорятъ, сдѣлала попытку отравить перваго министра, рассчитывая, что разъ Михаилъ,—она все еще его любила,—будетъ освобожденъ отъ рокового вліянія, онъ, вновь покорный, возвратится къ ней. Попытка ея не удалась, и единственный результатъ, какого она достигла, было ухудшеніе ея тяжкаго положенія. И такъ шло вплоть до самой смерти императора. Все болѣе и болѣе больной, еще больше ослабѣвъ отъ вспышки энергіи, поднявшей его на короткое время на ноги, для подавленія возстанія болгаръ, Михаилъ чувствовалъ, что умираетъ. Терзаемый угрызениями совѣсти, желая,

по крайней мѣрѣ, окончить въ благочестіи свою жизнь, онъ въ декабрѣ 1041 года велѣлъ перенести себя въ одинъ изъ основанныхъ имъ монастырей и, согласно обычаю многихъ византійцевъ, принялъ схиму, чтобы умереть въ святости. Когда это извѣстіе дошло до императорскаго гинекея, Зоя, обезумѣвъ отъ горя, захотѣла еще въ послѣдній разъ увидать мужа и любовника, котораго не могла забыть, и, пренебрегая этикетомъ, не заботясь о внѣшней благопристойности, она бросилась пѣшкомъ въ монастырь, чтобы сказать ему послѣднее прости. Но Михаилъ, желая умереть въ мирѣ, холодно отказался принять женщину, которая его обожала и погубила. Вскорѣ затѣмъ онъ скончался.

IV.

Давнымъ давно, предвидя этотъ случай, евнухъ Іоаннъ принялъ надлежащія мѣры. Смерть Михаила IV, въ силу самихъ обстоятельствъ, дѣлая Зою полной и свободной распорядительницей верховной власти, должна была въ силу тѣхъ же обстоятельствъ убить всѣ надежды, какія этотъ великій честолюбецъ лелѣялъ относительно своей родни. Поэтому онъ внушилъ брату еще при жизни назначить своимъ соправителемъ одного изъ ихъ племянниковъ, также носившаго имя Михаила, и воспользоваться популярностью Зои, чтобы дать этому самозванцу законную инвестиру и такимъ образомъ пробить ему дорогу къ власти. Поэтому старой императрицѣ предложили усыновить этого молодого человѣка; и, странное дѣло, несмотря на всѣ оскорбленія, какимъ ее

подвергали, Зоя была крайне счастлива исполнить желаніе, выраженное ея мужемъ. Торжественно, въ церкви Влахернской Божіей Матери, въ присутствіи собравшагося народа, она объявила передъ святымъ алтаремъ, что принимаетъ какъ сына племянника своего мужа, послѣ чего новый царевичъ получилъ титулъ кесаря и сталъ наслѣдникомъ престола.

Какъ всѣ члены его семьи, Михаилъ V былъ крайне скромнаго происхожденія. Отецъ его былъ конопатчикомъ въ порту: вотъ почему народъ въ столицѣ, всегда склонный къ насмѣшкѣ, далъ молодому кесарю прозвище Михаила Калафата, или конопатчика. Самъ онъ былъ человѣкъ очень неважный, злой, неблагодарный, скрытный, полный глухой ненависти ко всѣмъ своимъ благодѣтелямъ. Дядя его, императоръ Михаилъ, хорошо его знавшій, не очень любилъ его, и хотя приблизилъ къ престолу, но держалъ въ сторонѣ отъ дѣлъ и придворной жизни. Дядя его, евнухъ Іоаннъ, хотя племянникъ дѣлалъ видъ, что питаетъ къ нему большое почтеніе, тоже не довѣрялъ ему. Онъ дѣйствительно вполне оправдалъ всѣ опасенія.

Передача власти произошла, во всякомъ случаѣ, безъ затрудненій, когда умеръ Михаилъ IV. Старая Зоя со своей слабой душой, которую такъ „легко было покорить“, по словамъ Пселла, готова была на все, что отъ нея требовали. Евнухъ Іоаннъ, ея прежній врагъ и преслѣдователь, долженъ былъ только показать, что имѣетъ къ ней большое почтеніе; онъ бросился къ ея ногамъ, заявляя, что ничто въ государствѣ не могло быть сдѣлано помимо нея; онъ клялся ей, что ея

пріемный сынъ, если вступитъ на престоль, будетъ только называться императоромъ, а вся полнота власти останется за ней. Околдованная льстивыми рѣчами этой искусно разыгранной комедіи, восхищенная тѣмъ, что такъ неожиданно видитъ вновь почетъ и можетъ вновь имѣть вліяніе, Зоя согласилась на все, чего отъ нея хотѣли, и Михаилъ V былъ провозглашенъ императоромъ.

Новый царь плохо отблагодарилъ всѣхъ тѣхъ, кто способствовалъ его возвышенію. Онъ началъ съ того, что отдѣлался отъ своего дяди Іоанна, назначивъ на его мѣсто первымъ министромъ съ титуломъ новилиссима другого своего дядю, Константина. Затѣмъ онъ рѣшилъ, что Зоя его стѣсняетъ. И онъ такъ же, какъ нѣкогда Михаилъ IV, сначала выказывалъ своей пріемной матери большое почтеніе: „Это моя императрица, монархиня, повторялъ онъ, говоря о ней. Я всецѣло принадлежу ей“! Но скоро онъ ее отстранилъ, урѣзывая сумму необходимыхъ на ея расходы денегъ, отказывая ей въ почестяхъ, приличествовавшихъ ея сану, удаляя ее въ гинекей, гдѣ держалъ подъ строгимъ надзоромъ, отнимая у нея преданныхъ ей женщинъ, открыто издѣваясь надъ ней. Окружавшіе его приближенные прямо говорили, что онъ умно сдѣлалъ бы, еслибы лишилъ старую царицу престола, разъ что не хочетъ испытать на себѣ судьбу своихъ предшественниковъ. Михаилъ V рѣшилъ, что онъ достаточно силенъ, чтобы попытать такое дѣло. Онъ думалъ, что пользуется популярностью въ столицѣ: развѣ во время праздника Пасхи народъ не встрѣчалъ его на улицахъ съ такимъ неопишемымъ восторгомъ, что по всему его пути подъ

ноги его лошади постилали дорогіе ковры? Вѣря въ свою счастливую судьбу, гордый тѣмъ, что осмѣливался предпринять, презирая всѣ совѣты, онъ 18 апрѣля 1042 года рѣшилъ изгнать свою благодѣтельница.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Зою арестовали въ ея покояхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она хотѣла отравить императора, и, несмотря на ея крики и сопротивленіе, поспѣшно посадили съ одной служанкой на судно, отправлявшееся на сосѣдній островъ Принкипо. Тамъ, согласно приказанію царя, она была заключена въ монастырь, облечена въ монашеское одѣяніе, и длинные ея волосы, теперь сѣдые, пали подъ ножницами и были доставлены Михаилу V, чтобы показать ему, что воля его исполнена. Избавившись такимъ образомъ отъ императрицы и считая ее навсегда умершей для міра, царь созвалъ сенатъ и торжественно возвѣстилъ о паденіи царицы. Но онъ забылъ въ своихъ расчетахъ о традиціонной привязанности народа къ македонской династіи. Какъ только по городу прошла вѣсть о покушеніи, обнаружилось большое волненіе; всюду только и видны были огорченныя лица, раздраженныя фізіономіи, слышались тревожныя рѣчи, сходились на шумныя сборища, съ трудомъ разгоняемыя стражей; женщины въ особенности выказывали крайнее волненіе и наполняли улицы своими криками. И когда на форумѣ Константина показался префектъ города, чтобы прочесть толпѣ императорскій указъ, возвѣщавшій о происшедшемъ событіи, не успѣлъ онъ еще кончить чтеніе, какъ чей-то голосъ вдругъ крикнулъ: „Не хотимъ, чтобы нашимъ

императоромъ былъ Калафатъ! Хотимъ законную наслѣдницу, мать нашу Зою!“ Этимъ словамъ отвѣчалъ крикъ несмѣтныхъ голосовъ: „Смерть Калафату!“ Революція разразилась.

Народъ спѣшно вооружался всѣмъ, что только попадало подъ руки, и громадная толпа неудержимымъ потокомъ стала затоплять улицы города. Разбивались тюрьмы, грабили, поджигали дома. Скоро осадили и дворецъ. По совѣту дяди своего Константина, храбро явившагося съ своими людьми на помощь царю и организовавшаго сопротивленіе, Михаилъ V рѣшился сдѣлать уступку бунтовщикамъ. Поспѣшно отправлены были люди въ монастырь, гдѣ жила Зоя, и ее привезли оттуда въ священный дворецъ, крайне встревоженную отъ неизвѣстности, что ее ожидаетъ. Все съ той же поспѣшностью и не давъ ей даже времени снять съ себя монашеское одѣяніе, ее отвели въ императорскую ложу ипподрома, и Михаилъ V вмѣстѣ съ ней вышелъ къ возмущившемуся народу. Но при видѣ своей монархини, лишенной царскаго одѣянія, раздраженіе толпы, которую думали успокоить, еще возросло. Напрасно императоръ пытался обратиться къ народу съ рѣчью, бунтовщики отвѣчали ему бранью и бросаньемъ камней; и несчастный, возвратившись съ царицей во дворецъ, думалъ уже искать спасенія жизни въ бѣгствѣ, когда дядя его Константинъ снова возвратилъ ему бодрость и убѣдилъ его не сдаваться.

Въ это время въ святой Софіи одно неожиданное событіе дало новыя силы мятежникамъ.

У Зои, какъ извѣстно, была сестра Θεодора.

Ставъ ея соправительницей послѣ смерти Константина VIII, эта царица сейчасъ же показалась неудобной ненавидѣвшей ея старшей сестрѣ, хотя по церемоніалу она занимала мѣсто ниже Зои. Содержавшаяся сначала въ самомъ дворцѣ подѣ тайнымъ надзоромъ, она затѣмъ была обвинена въ заговорѣ противъ существующаго строя, и подѣ этимъ предлогомъ ея удалили отъ двора и сослали въ Петрійскій монастырь; затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, ссылаясь на то, что иначе невозможно, по словамъ одного лѣтописца, положить конецъ „интригамъ и скандаламъ“, Зоя самолично отправилась въ монастырь и въ своемъ присутствіи велѣла обрѣзать волосы Θεодорѣ; жизнь этой царицы казалась конченной. Она сама, впрочемъ, легко мирилась съ своею судьбой, довольная знаками внѣшняго отличія и почета, сохраненными за ней вслѣдствіе благорасположенія къ ней императора Романа, ея зятя; и мало-по-малу отшельница Θεодора была забыта. Михаилъ IV обращался съ ней, какъ и съ Зоей, довольно плохо. Михаилъ V пошелъ дальше; онъ, казалось, и не подозрѣвалъ даже, что, помимо Зои, существовала еще законная наслѣдница Константина VIII, и затруднился бы отвѣтомъ, если бы его спросили, жива Θεодора или нѣтъ?

Революція 1042 года внезапно выдвинула на первый планъ эту забытую монахиню. Когда Михаилъ V свергнулъ свою благодѣтельница, мятежники, ища какого-нибудь законнаго представителя власти, чтобы противопоставить его узурпатору, вспомнили о Θεодорѣ. Она, впрочемъ, имѣла друзей среди прежнихъ служителей сво-

его отца, а также въ самомъ сенатѣ. Эти государственные дѣятели поняли, что податливая и непостоянная Зоя способна, чуть только вновь утвердится на тронѣ, вернуть всѣ свои милости человѣку, обобравшему ее, и чтобы извлечь всѣ выгоды изъ революціи, важно дать въ соправительницы старой и слабой царицѣ болѣе энергичную монархиню. Вотъ почему бросились въ Петрійскій монастырь и предложили престоль отшельницѣ, а такъ какъ она отказывалась и сопротивлялась, толпа увлекла ее почти силой. Ей набросили на плечи царскую одежду, посадили на лошадь и среди обнаженныхъ мечей, при шумѣ и привѣтственныхъ кликахъ, она проѣхала черезъ городъ прямо къ св. Софіи. Патриархъ, очень преданный македонскому дому, ожидалъ ее тамъ для провозглашенія царицей. Мятежники нашли себѣ императрицу.

Это произошло въ понедѣльникъ вечеромъ. Первой заботой новаго правительства, учрежденнаго въ Великомъ храмѣ, было провозгласить низверженіе Михаила V и назначить новаго градоначальника, чтобы обезпечить себѣ столицу. Но покуда держался дворецъ, дѣло отнюдь не могло считаться выиграннымъ. Во вторникъ дрались цѣлый день подъ стѣнами императорской резиденціи, и во время кровопролитныхъ приступовъ пало болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Однако, вечеромъ подъ натискомъ осаждающихъ ворота подались, и въ то время, какъ толпа предавалась разграбленію покоевъ, императоръ съ дядей своимъ новилиссимомъ и нѣсколькими приближенными успѣлъ добратъся до судна и моремъ переправиться въ Студійскій монастырь.

Оба побѣжденные, царь и министръ, облачились тамъ въ одежду иноковъ, надѣясь тѣмъ спасти свою жизнь.

Побѣдоносный народъ торжествовалъ. „Иные, говоритъ Пселль въ интересномъ мѣстѣ своего повѣствованія, приносили дары Богу; другіе привѣтствовали императрицу; простой народъ, собираясь толпами на площадяхъ, пѣлъ хоромъ стихи, подходившіе къ случаю, и танцевалъ“. Зоя, освобожденная Михаиломъ V передъ его бѣгствомъ и тотчасъ вновь овладѣвшая властью во дворцѣ, была счастлива не менѣе другихъ и вслѣдствіе этого крайне склонна къ прощенью. Но въ св. Софіи партія Феодоры была менѣе склонна къ снисхожденію, и толпа, уже заставившая Зою признать сестру соправительницей, властно требовала теперь казни виновныхъ. Напрасно Зоя пыталась убѣдить сенатъ въ важномъ значеніи милосердія; напрасно съ дворцоваго балкона держала она рѣчь народу и благодарила его. Когда она заговорила о низверженномъ императорѣ и спросила, какъ надлежало поступить съ нимъ, отвѣтомъ ей былъ единодушный крикъ: „Смерть злодѣю, нечестивцу! На коль его! Распни его! Ослѣпи его!“

Въ то время, какъ Зоя колебалась, Феодора, увѣренная въ своей популярности, дѣйствовала. По ея приказанію префектъ города подъ дикіе крики народа извлекъ изъ Студійскаго святилища низверженнаго императора и новилиссима, и на улицѣ, на глазахъ людей, набросившихся „какъ дикіе звѣри“ на своихъ жертвъ, онъ велѣлъ выколоть имъ глаза. Послѣ этого ихъ сослали. Революція окончилась.

Въ эту критическую минуту Θεодора дѣйстви-тельно спасла положеніе, благодаря своему вмѣшательству, своей энергіи и рѣшимости, и она же, по выраженію Пселла, „низвергнула тираннію“. Поэтому Зоѣ пришлось раздѣлить съ сестрой плоды побѣды. Несомнѣнно, она всякаго другого предпочла бы этой ненавистой соправительницѣ, она скорѣй согласилась бы, говорить прямо Пселль, видѣть рядомъ съ собой на тронѣ конюха, чѣмъ дѣлиться имъ съ Θεодорой; вотъ почему она съ такимъ же рвеніемъ спасала Михаила V, съ какимъ партія ея соперницы старалась его погубить. Но у Зои не было выбора. Сенатъ, народъ были за ея сестру. Она уступила. Она помирилась съ Θεодорой, заключила ее въ объятія, предложила ей половину власти и съ большой торжественностью послала за ней въ св. Софію, чтобы водворить ее въ священномъ дворцѣ. Θεодора, попрежнему скромная, согласилась принять власть съ однимъ условіемъ, чтобы первое мѣсто оставалось за старшей сестрой, и тогда призошла странная вещь, какой никогда еще не видала Византія: гинекей сталъ офиціальнымъ государственнымъ центромъ, имперіей правили двѣ старыя женщины. И что еще страннѣе: эти двѣ старыя женщины сумѣли заставить себя слушаться.

Между тѣмъ рѣдко двѣ близкія родственницы были, какъ нравственно, такъ и физически, до такой степени мало похожи другъ на друга, какъ эти двѣ сестры. Насколько Зоя была красива, хорошо сложена, изящна, настолько Θεодора, хотя на нѣсколько лѣтъ моложе нея, обижена была въ этомъ отношеніи природой: она была дурна собой,

и на слишкомъ длинномъ тѣлѣ слишкомъ маленькая голова поражала отсутствіемъ симметріи. Насколько Зоя была жива, вспыльчива, легкомысленна, настолько Θεодора положительна, спокойна, медлительна, когда надлежало принять какое-нибудь рѣшеніе. Зоя бросала деньги направо и налево, нерасчетливая, расточительная, безумно щедрая. Θεодора умѣла считать: очень экономная,—быть можетъ, потому, что раньше чѣмъ царствовать никогда не имѣла въ рукахъ много денегъ,—она любила складывать свое богатство въ объемистые ларцы; она мало тратила на себя, ничуть не любя роскоши, и еще меньше на другихъ, не будучи совсѣмъ склонной дарить. Насколько, наконецъ, Зоя была пылкою и страстной, настолько Θεодора была цѣломудренна, благопристойна, безупречна: она всегда рѣшительно отказывалась выйти замужъ. Въ концѣ концовъ довольно добродушная, любезная, привѣтливая, сдержанная, непримѣтная, скромная, она, казалось, была создана на вторыя роли и охотно съ этимъ мирилась. Однако, у нея было одно качество: она хорошо говорила и любила говорить и могла также, при случаѣ, какъ мы видѣли, проявить нѣкоторую энергію. Въ общемъ, какъ и Зоя, это была женщина посредственная, безъ твердой воли, и мало послѣдовательная. Но, несмотря на присущую обѣимъ посредственность, эти двѣ сестры были слишкомъ различны, чтобы очень любить другъ друга и жить долго въ согласіи.

Пселль нарисовалъ очень интересную картину, которую представлялъ въ то время дворъ. Ежедневно, согласно этикету, обѣ императрицы въ парадномъ одѣяніи приходили и садились ря-

домъ на царскій тронъ; подлѣ нихъ занимали свои мѣста ихъ совѣтники; а кругомъ, образуя двойной кругъ, выстраивались стражники, меченосцы, варяги, вооруженные тяжелыми обоюдоострыми сѣкирами, всѣ съ опущенными, изъ уваженія къ полу монархинь, глазами. И сбѣ царицы судили, принимали посланниковъ, рѣшали государственныя дѣла, и порой слышался ихъ тихій голосъ, когда онѣ отдавали приказанія, или отвѣчали на вопросы, иногда рискуя даже высказать свою личную волю. И гражданскіе и военные чины одинаково повиновались этимъ мягкимъ и ловкимъ женскимъ рукамъ.

Но такъ какъ, въ сущности, обѣ были довольно неспособны, такой порядокъ не могъ продолжаться долго. Роскошь двора—всѣ, точно при внезапной перемѣнѣ декораціи, теперь соперничали другъ съ другомъ въ великолѣпіи,—и безумная расточительность Зои скоро истощили казну. Разъ не хватало денегъ, вѣрноподданническія чувства становились слабѣе, и все больше и больше, все настоятельнѣй стала чувствоваться потребность въ твердой мужской рукѣ; кромѣ того, такое совмѣстное пребываніе двухъ враждующихъ между собой сестеръ, продолжаясь долго, становилось затруднительнымъ, и дворъ между ними двумя раздѣлился на двѣ враждебныя партіи. Чтобы покончить съ такимъ положеніемъ, Зоя рѣшила, что оставалось только одно: выйти въ третій разъ замужъ. Ей было тогда шестьдесятъ четыре года.

V.

Принявъ такое рѣшеніе,—и надо сказать, какъ ни странно это можетъ показаться, что всѣ приближенные ее въ этомъ поддерживали,—старая императрица принялась искать себѣ мужа. Прежде всего она подумала о Константинѣ Далассинѣ, котораго Константинъ VIII хотѣлъ нѣкогда дать ей въ мужья. Но этотъ важный вельможа, большой честолюбецъ, не разъ даже заподозрѣнный въ томъ, что замышлялъ государственный переворотъ, не высказывалъ ни достаточно покладистости, ни должнаго почтенія, приличествующихъ царю-супругу. Онъ откровенно высказался, поставилъ свои условія, сообщилъ планы большихъ реформъ, твердя и мужественныя рѣшенія. Не такого императора желали во дворцѣ, и этого неудобнаго человѣка отправили въ его провинцію. Тогда Зоя вспомнила о своемъ прежнемъ фаворитѣ, церемоніймейстерѣ Константинѣ, вслѣдствіе ревности Михаила IV удаленномъ изъ Константинополя. По характеру послѣдній вполнѣ годился; къ несчастью, какъ нѣкогда Романъ Аргиръ, онъ былъ женатъ, и жена его не была такъ покладиста, какъ жена Романа; она предпочла скорѣе отравить мужа, чѣмъ уступить его другой.

Наконецъ, послѣ многихъ бесплодныхъ попытокъ, царица вспомнила объ одномъ изъ своихъ прежнихъ друзей, Константинѣ Мономахѣ. Свойственникъ Романа III, онъ лѣтъ двѣнадцать-тринадцать передъ тѣмъ игралъ большую роль при дворѣ и своимъ изяществомъ, красотой, краснорѣчіемъ и умѣньемъ забавлялъ монархиню такъ

понравился Зоѣ, что о немъ и о ней очень много говорили, и первой заботой Михаила IV, когда онъ взошелъ на престолъ, было отправить въ ссылку этого заподозрѣннаго имъ приближеннаго. Но Зоя его не забыла; она воспользовалась революціей 1042 года, сняла съ него опалу и назначила на мѣсто губернатора Эллады; теперь она надумала повысить его еще больше; и такъ какъ ея выборъ былъ очень пріятенъ всѣмъ ее окружавшимъ, — весь дворъ, дѣйствительно, былъ крайне заинтересованъ этимъ брачнымъ вопросомъ, — она рѣшила остановиться на немъ.

Одному изъ камергеровъ Августы было поручено отвезти новому фавориту императорское облаченіе, символъ и залогъ его высокой доли, и немедленно привезти его въ Константинополь. 11 іюня 1042 года онъ торжественно вступилъ въ столицу при восторженныхъ кликахъ толпы; затѣмъ во дворцѣ было совершено съ большою пышностью бракосочетаніе; и хотя патріархъ не счелъ возможнымъ самолично благословить этотъ третій бракъ, не одобряемый греческой церковью, (Зоя, какъ извѣстно, была дважды вдовой, и Константинъ былъ тоже два раза женатъ), византійскіе патріархи были вообще слишкомъ придворныхъ нравовъ и слишкомъ тонкими политиками, чтобы долго противиться власти. „Уступая обстоятельствамъ, лукаво замѣчаетъ Пселль, или, вѣрнѣе, волѣ Божьей“, онъ послѣ церемоніи ласково облобызалъ новыхъ супруговъ. „Быль ли это вполнѣ каноническій поступокъ; иронически прибавляетъ писатель, или чистая лесть? Я этого не знаю“. Какъ бы то ни было, Византія имѣла императора.

Физически новый монархъ вполне оправдывалъ выборъ императрицы. Это былъ очень красивый человѣкъ. „Онъ былъ хорошъ, какъ Ахиллъ, говоритъ Пселлъ, природа въ лицѣ его явила образецъ совершенства“. Лицо его было прелестно; онъ обладалъ свѣтлой кожей, тонкими чертами, восхитительной улыбкой, все лицо свѣтилось гармонической прелестью. Удивительно пропорціональный, онъ имѣлъ хорошо сложенную, изящную фигуру, тонкія красивыя руки. Однако, страннымъ образомъ, подъ этой нѣсколько изнѣженной наружностью скрывалась большая крѣпость тѣла. Обученный всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, прекрасный наѣздникъ, превосходный скороходъ, крѣпкій борецъ, Константинъ таилъ въ себѣ большіе запасы силы. Тѣ, кому онъ, шутки ради, жалъ руку, чувствовали это потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и не было такого твердаго предмета, котораго онъ не могъ бы сломать однимъ усиліемъ своихъ нѣжныхъ выхоленныхъ рукъ.

Это былъ тонкій оболъститель и, кромѣ того, человѣкъ прелестный. Голосъ онъ имѣлъ нѣжный и хорошо говорилъ. Отъ природы привѣтливаго нрава, онъ всегда былъ веселъ, улыбался, вѣчно расположенный забавляться самъ и забавлять другихъ. Но, самое главное, это былъ добрый малый, отнюдь не высокомерный, отнюдь не тщеславный, безъ фанфаронства, не злопамятный, всегда готовый дѣлать всѣмъ удовольствіе. У него были еще и другія качества. Хотя довольно вспыльчивый, такъ что при малѣйшемъ волненіи кровь бросалась ему въ лицо, онъ добился того, что вполне могъ владѣть собой; и

держа себя всегда въ рукахъ, онъ былъ справедливъ, человѣченъ, привѣтливъ, прощая даже тѣхъ, кто вступалъ противъ него въ заговоръ. „Я никогда не видалъ, говоритъ Пселль, болѣе симпатичнаго человѣка“. Онъ былъ щедръ до расточительности и любилъ говорить, напоминая тѣмъ Тита, что когда ему не удавалось проявить щедрости или человѣчности, то онъ считалъ такой день пропащимъ въ своей жизни. Дѣйствительно, его снисходительность граничила иногда со слабостью; чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ друзьямъ, ему случалось раздавать необдуманно самыя высокія государственныя должности. Щедрость его часто доходила до расточительности, такъ онъ любилъ видѣть вокругъ себя людей счастливыхъ и довольныхъ лица. Онъ не умѣлъ ни въ чемъ отказывать ни женѣ, ни любовницамъ, всегда готовый дарить, всегда готовый забавляться; и еще онъ часто повторялъ, что обязанность всякаго вѣрнопоподаннаго участвовать въ придворныхъ увеселеніяхъ.

Не будучи ученымъ, Константинъ былъ человѣкъ умный; умъ у него былъ живой, и онъ любилъ общество литераторовъ. Онъ приблизилъ къ себѣ такихъ ученыхъ, какъ Константинъ Лихудъ, Ксифилинъ, Іоаннъ Мавроподъ, Пселль; по ихъ совѣту онъ вновь открылъ Константинопольскій университетъ и учредилъ тамъ школу правовѣдѣнія, чтобы обезпечить себѣ хорошихъ чиновниковъ.

Онъ сдѣлалъ больше; вмѣсто того, чтобы раздавать должности соотвѣтственно знатности рода, онъ давалъ ихъ по заслугамъ; и для осуществ-

вленія этой реформы онъ самъ ввѣрилъ управленіе ученымъ людямъ, своимъ друзьямъ. Лихудъ былъ сдѣланъ первымъ министромъ, Пселль оберкамергеромъ и государственнымъ секретаремъ, Ксифилинъ хранителемъ печати, Мавроподъ тайнымъ совѣтникомъ. Благодаря всему этому, Константинъ сдѣлался очень популярень. Наконецъ, онъ отличался мужествомъ. Быть можетъ, эта добродѣтель происходила у него, въ сущности, отъ нѣскольکو фаталистическаго равнодушія—какое онъ часто любилъ выказывать—заставлявшаго его даже ночью не имѣть стражи у дверей своихъ покоевъ. Но откуда бы это мужество ни происходило, оно было подлиннымъ и проявилось во многихъ случаяхъ. И если взять въ соображеніе, что въ общемъ византійская имперія одержала въ царствованіе Константина Мономаха не одну побѣду и пользовалась большою частью времени миромъ, сохранивъ весь свой былой престижъ, быть можетъ, придется сдѣлать выводъ, что этотъ царь въ сущности вовсе не былъ такимъ плохимъ монархомъ, какъ утверждали позднѣе его хулители.

Къ несчастію, важные недостатки портили эти неоспоримыя достоинства: Мономахъ любилъ удовольствія, женщинъ, легкой и роскошной образъ жизни. Достигнувъ престола случайно, вслѣдствіе удачи, онъ, главнымъ образомъ, видѣлъ въ верховной власти средство для удовлетворенія своихъ прихотей. „Спасшись отъ страшной бури, живописно выражается Пселль, онъ причалилъ къ счастливымъ берегамъ и къ тихой пристани царства и не думалъ о томъ, что можетъ быть вновь выброшенъ въ открытое море“.

Поэтому онъ мало заботился о государственныхъ дѣлахъ, предоставляя эту заботу своимъ министрамъ. Тронъ былъ для него, по словамъ Пселла, лишь „отдыхомъ отъ трудовъ и утоленіемъ его желаній“. Или, какъ выразился одинъ современный историкъ, „послѣ правленія женщинъ наступило правленіе волокиты и кутилы“ *).

Будучи крайне влюбчиваго темперамента, Константинъ всегда любилъ приключенія, и нѣкоторыя изъ нихъ еще до восшествія его на престолъ надѣлали довольно много шуму. Женившись два раза и дважды овдовѣвъ, онъ утѣшился тѣмъ, что влюбился въ одну молодую дѣвушку, племянницу своей второй жены, принадлежавшую къ знатному роду Склировъ. Ее звали Склиреной, она обладала красотой и умомъ; Пселлъ, знавшій ее, изображаетъ ее крайне соблазнительной: „Не то чтобы красота ея была безупречна, говоритъ онъ; но она нравилась своимъ разговоромъ, гдѣ совершенно отсутствовало всякое злословіе, всякое издѣвательство. Такъ сильна была нѣжность и ласковость ея души, что она могла бы тронуть самое черствое сердце. У нея былъ несравненный голосъ, мелодичная, почти ораторская дикція; было въ ея рѣчи особое, свойственное ей очарованіе, и когда она говорила, въ каждомъ ея словѣ звучала невыразимая прелесть. Она любила, прибавляетъ ученый мужъ, спрашивать меня объ эллинскихъ мифахъ и въ разговорахъ своихъ касалась вещей, какія узнавала отъ людей науки. Она

*) Rambaud, Michel Psellos (Rev. hist., T. III, 1877).

обладала, какъ ни одна женщина въ мірѣ, талантомъ умѣть слушать“ *).

Всѣмъ другимъ она нравилась такъ же, какъ Пселлу. Въ первый разъ, что она появилась въ императорской процессіи, одинъ придворный, умный и образованный, привѣтствовалъ ее, обратившись къ ней съ тонкимъ высоколестнымъ комплиментомъ, приводя первыя слова прекраснаго мѣста Гомера, гдѣ троянскіе старцы, сидя на городскихъ стѣнахъ, говорятъ при видѣ проходящей Елены, сіяющей красотой: „Нѣтъ, не заслуживаетъ порицанія, что троянцы и греки претерпѣваютъ столько бѣдствій ради такой прекрасной женщины“. Намекъ былъ очень тонкій и очень лестный; всѣ сразу его уловили и одобрили. И не служитъ ли это доказательствомъ утонченности культуры византійскаго общества XI вѣка, нѣкоторыми чертами представляющагося намъ такимъ варварскимъ и являющагося въ этомъ разсказѣ пресполненнымъ великими традиціями классической Греціи, способнымъ къ самому тонкому пониманію, обладающимъ литературнымъ вкусомъ и возвышенными идеями?

Въ началѣ своей связи съ Склиреной Константинъ Мономахъ охотно бы женился на ней. Но греческая церковь, какъ извѣстно, была крайне строга относительно третьяго брака, особенно когда хотѣвшіе заключить его были простыми смертными; Константинъ не осмѣлился пренебречь ея запретами. Онъ продолжалъ жить съ своей

*) Заимствую это мѣсто изъ выше упомянутой статьи Рамбо.

любовницей, и это была главная и большая страсть его жизни. Любовники не могли обходиться другъ безъ друга; даже само несчастье не разлучило ихъ. Когда Мономахъ былъ изгнанъ, Склирена послѣдовала за нимъ на Лесбось, предоставивъ въ его распоряженіе все свое состояніе, утѣшая его въ бѣдѣ, ободряя его упавшій духъ, баюкая его надеждой на будущее возмездіе, увѣряя его, что наступитъ день, когда онъ будетъ императоромъ, и что въ этотъ день они навѣки соединятся въ законномъ бракѣ. Вмѣстѣ съ нимъ, не выказывая ни сожалѣній, ни слабости, эта изящная молодая женщина провела семь лѣтъ на далекомъ островѣ, и, понятно, когда счастливый случай возвелъ Константина на престоль, онъ не могъ забыть ту, которая его такъ любила.

Въ объятіяхъ Зои онъ думалъ все-таки о Склиренѣ. Кончилось тѣмъ, что, несмотря на извѣстную всѣмъ ревность императрицы, несмотря на благоразумные совѣты друзей и сестры своей Евпрепії, онъ добился того, что любовница его получила разрѣшеніе возвратиться въ Константинополь. Съ самаго вечера своего брака онъ говорилъ о ней съ Зоей, очень ловко и сдержанно, конечно, какъ объ особѣ, заслуживающей снисхожденія ради ея семьи; скоро онъ добился того, что жена написала Склиренѣ, приглашая ее явиться во дворець и завѣряя ее въ своей милости. Молодая женщина сильно подозрѣвала, что царица очень ее не долюбливаетъ, и только наполовину вѣрила этому неискреннему посланію, но она обожала Константина и вернулась. Тотчасъ императоръ повелѣлъ выстроить своей фа-

вориткѣ великолѣпный дворецъ; ежедневно, подъ предлогомъ наблюденія за работами, онъ отправлялся къ Склиренѣ и проводилъ съ ней долгіе часы. Свита императора, получавшая во время этихъ посѣщеній всевозможныя обильныя угощенія, поощряла, какъ только могла, эти свиданія, и придворные, чуть замѣчали во время официальныхъ церемоній по скучающему виду монарха, что онъ хочетъ отправиться къ своей любовницѣ, одинъ передъ другимъ начинали изощряться въ изысканіи средствъ, чтобы дать ему возможность вырваться и поспѣшить къ своей возлюбленной.

Скоро эта связь стала извѣстна всѣмъ. Императоръ устроилъ Склиренѣ дворъ и далъ ей охранную стражу; онъ осыпалъ ее удивительными подарками: такъ однажды онъ послалъ ей огромную бронзовую чашу, покрытую прелестной рѣзью и наполненную драгоценностями; и каждый день были новые подарки, для которыхъ опустошались сбереженія казны. Въ концѣ концовъ онъ сталъ обращаться со Склиреной, какъ съ признанной и законной женой. Ей отвели собственные покои во дворцѣ, куда Константинъ свободно отправлялся во всякое время, и она получила титулъ с е в а с т ы, поставившій ее на первое мѣсто тотчасъ послѣ обѣихъ старыхъ императрицъ.

Въ противность общему ожиданію, Зоя отнеслась къ этому событію очень спокойно. „Она была въ томъ возрастѣ, говоритъ довольно нескромно Пселль, когда перестаютъ быть чувствительными къ подобнаго рода страданіямъ“. Она старѣла и старѣя очень измѣнялась. Она

не любила больше нарядовъ, она не была больше ревнива; подъ конецъ жизни она становилась набожной. Цѣлыми часами простаивала она теперь передъ святыми иконами, обнимая ихъ, разговаривая съ ними, называя ихъ самыми нѣжными именами; а то, вся въ слезахъ, она падала ницъ передъ образами въ припадкѣ мистическаго экстаза, принося Богу остатки любви, такъ щедро расточавшейся ею раньше другимъ.

Поэтому она безъ труда пошла на самые странные компромиссы. Она возвратила Константину его свободу, разрѣшила ему прекратить всякія близкія сношенія съ ней, и съ этой цѣлью супругами былъ подписанъ офиціальнй актъ, названный „дружескимъ контрактомъ“, и должнымъ образомъ скрѣпленный сенатомъ. Склирена получила чинъ при дворѣ; она стала появляться въ офиціальныхъ процессіяхъ; ее начали называть царицей. Зоя смотрѣла на все это съ восхищеніемъ и улыбкой; она ласково цѣловала свою соперницу, и между этими двумя женщинами Константинъ Мономахъ чувствовалъ себя счастливымъ. Придумали даже для удобства сожителства прелестное устройство. Императорскіе покои были раздѣлены на три части. Императоръ оставилъ себѣ центръ; Зоя и Склирена заняли одна покои направо, другая покои налево. И по безмолвному соглашенію, Зоя впредь никогда не входила къ царю, если Склирена находилась съ нимъ, а лишь тогда, когда знала, что онъ одинъ. И эта комбинація казалась всѣмъ верхомъ изобрѣтательности.

Однако, жители столицы не очень-то одобряли это странное сожителство. Одинъ разъ, когда

Константинъ ѣхалъ въ церковь св. Апостоловъ, въ ту самую минуту, когда императоръ выходилъ изъ дворца, кто-то крикнулъ изъ толпы: „Не хотимъ Склирену императрицей! Не хотимъ, чтобы изъ за нея умирали наши матушки, Зоя и Теодора!“ Вся толпа подхватила этотъ крикъ, произошло смятеніе, и еслибы не вмѣшались старыя царицы, появившіяся въ это время на балконѣ императорской резиденціи и успокоившія чернь, Мономахъ могъ бы поплатиться на этотъ разъ своей головой.

До послѣдняго дня ея жизни Константинъ оставался вѣренъ Склиренѣ. Когда она умерла отъ неожиданной и случайной болѣзни, онъ былъ безутѣшенъ. Жалуясь, какъ ребенокъ, онъ выставлялъ передъ всѣми на показъ свое горе; онъ устроилъ возлюбленной пышныя похороны, соорудилъ ей великолѣпную гробницу. Затѣмъ, такъ какъ онъ былъ мужчина, онъ сталъ искать другихъ любовницъ. Въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ мимолетныхъ увлеченій, онъ влюбился въ одну маленькую Аланскую царевну, жившую въ качествѣ заложницы при византійскомъ дворѣ. Она, повидимому, не была очень хорошенькой, но, по мнѣнію Пселла, у нея двѣ вещи были удивительныя: бѣлизна кожи и несравненные глаза. Съ того дня, какъ императоръ увидѣлъ эту юную дикарку, онъ забылъ для нея всѣ остальные побѣды; и страсть его приняла такіе размѣры, что, когда Зоя умерла, онъ серьезно думалъ объявить сначала о своей связи, а затѣмъ вступить съ ней въ законный бракъ.

Однако, онъ не рѣшился дойти до этого, боясь грома и молніи со стороны церкви, а также изъ

страха упрековъ своей строгой свояченицы Теодоры. Но во всякомъ случаѣ онъ пожаловалъ своей фавориткѣ титулъ севасты, тотъ самый, что даровалъ нѣкогда Склиренѣ, онъ окружилъ ее всѣмъ блескомъ и пышностью императорскаго сана; онъ осыпалъ ее золотомъ и драгоценностями. И вотъ маленькая черкешенка, сверкая золотомъ на головѣ и груди, съ золотыми змѣйками на рукахъ, съ крупнѣйшимъ жемчугомъ въ ушахъ, съ золотымъ поясомъ и драгоценными камнями вокругъ тонкой талии, стала появляться на всѣхъ дворцовыхъ празднествахъ, какъ настоящая красавица гарема. Для нея, а также для ея родителей, ежегодно пріѣзжавшихъ изъ далекой Аланіи, чтобы навѣстить дочь, императоръ до чиста опустошилъ казну; и всѣмъ онъ представлялъ ее, какъ свою жену и законную императрицу. Однако, эта фаворитка должна была въ послѣднее время его жизни причинить большое огорченіе монарху, безумно влюбленному въ ея чудные глаза.

VI.

.Итакъ, около половины XI вѣка, въ правленіе Константина Мономаха и Зои, дворець и дворъ византійскій представляли дѣйствительно любопытное и довольно странное зрѣлище.

При томъ образѣ жизни, какой любилъ вести императоръ, здоровье его быстро разстроилось. Это уже не былъ больше прежній Мономахъ, такой изящный и въ то-же время такой крѣпкій. Теперь онъ постоянно страдалъ желудкомъ, а главное, подагрой. Припадки ея были такъ силь-

ны, что его изуродованныя и искривленныя руки не могли больше держать никакого предмета; больныя распухшія ноги отказывались его носить. Иногда, во время приѣма, онъ не въ состояніи былъ встать; ему приходилось тогда принимать въ постели; но и въ лежачемъ положеніи боль становилась очень скоро невыносимой, и служители безпрестанно должны были его переворачивать съ мѣста на мѣсто. Часто ему было больно даже говорить. Но въ особенности жалокъ былъ его видъ, когда ему приходилось появляться на официальныхъ церемоніяхъ. Его поднимали на лошадь, и онъ пускался въ путь, съ двухъ сторонъ поддерживаемый, чтобы не упасть, двумя сильными служителями; вдоль всего его пути тщательно убирали камни, чтобы избавить его отъ внезапныхъ и слишкомъ сильныхъ толчковъ; и царь ѣхалъ такимъ образомъ, съ искаженнымъ лицомъ, коротко дыша, выронивъ узду, такъ какъ не могъ ее держать. Къ чести Константина надо прибавить, что онъ переносилъ свою болѣзнь очень бодро, съ постоянной улыбкой, всегда въ веселомъ настроеніи. Онъ говорилъ шутя, что Богъ навѣрно наслалъ на него эту болѣзнь, чтобы наложить узду на его слишкомъ пылкія страсти, и смѣялся, размышляя о своихъ страданіяхъ. Впрочемъ, чуть ему становилось лучше, онъ не считалъ нужнымъ лишать себя ни любовницы, ни другихъ удовольствій.

Подлѣ монарха жили обѣ старыя порфирородныя царицы, ставшія съ годами немного маніачками. Зоя проводила все время въ изготовленіи ароматовъ, зиму и лѣто запираясь въ жарко натоп-

ленныхъ комнатахъ и отрываясь отъ своего любимаго занятія только для того, чтобы воскуривать еиміамъ передъ дорогими ей образами и вопрошать ихъ о будущемъ; Θεодора считала и пересчитывала деньги, накопленныя въ ларцахъ, почти равнодушная ко всему остальному, совсѣмъ засохнувъ въ своей чистотѣ и святости. Вокругъ нихъ занимали свои мѣста главныя наложницы—Склирена, маленькая царица Аланская и другія, придворныя, фавориты, люди часто довольно низкаго происхожденія, которыми увлекался императоръ и поручалъ имъ тогда высшія должности въ государствѣ. И весь этотъ міръ забавлялся во всю и изо всѣхъ силъ старался забавлять императора.

Константинъ, дѣйствительно, любилъ посмѣяться. Когда хотѣли говорить съ нимъ о чемъ-нибудь серьезномъ, лучшее, единственное средство привлечь его вниманіе было отпустить сначала какую-нибудь шутку. Строгія, важныя лица его пугали, шутъ могъ сразу завоевать его милости. По правдѣ сказать, его больше всего забавляли грубые фарсы, тяжеловѣсныя шутки, всякое балагурство, сколько-нибудь выходящее изъ ряда вонъ. Музыка, пѣніе, танцы ему надоѣдали; онъ любилъ увеселенія другого рода, часто довольно сомнительнаго свойства. Пселль приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ шутокъ, и надо сознаться, что если онѣ казались смѣшными въ XI вѣкѣ, то намъ онѣ представляются довольно плоскими. Такъ, однимъ изъ большихъ удовольствій императора было слушать, какъ кто-нибудь заикается, напрасно силясь произнести ясно слово, и рассказываютъ, что одинъ при-

дворный имѣль очень большой успѣхъ во дворцѣ, прикидываясь страдающимъ полной афоніей, переходившей постепенно въ нечленораздѣльные звуки и жалкое заиканье. Этимъ милымъ талантомъ онъ привелъ Константина въ такой восторгъ, что сдѣлался первымъ фаворитомъ царя и съ тѣхъ поръ получилъ право свободно, во всякое время, входить къ императору, какъ близкій человѣкъ, жать ему руки, цѣловаться съ нимъ и обниматься, усаживаться со смѣхомъ къ нему на кровать; иногда даже онъ среди ночи шель къ нему и будилъ его, чтобы рассказать какую-нибудь болѣе или менѣе смѣшную исторію, а также выпросить у него по этому случаю какую-нибудь милость или подарокъ.

Имѣя всюду свободный доступъ, шутъ забирался даже въ гинекей, и увеселялъ тамъ всѣхъ придворныхъ своими рассказами и продѣлками. Онъ выдумывалъ даже исторіи про цѣломудренную Θεодору, увѣряя, будто у нея были дѣти, сообщая множество нескромныхъ подробностей объ этомъ и въ заключеніе наглядно представлялъ воображаемые роды царицы, подражая стонамъ родильницы, крикамъ новорожденнаго, вкладывая въ уста старой и корректной монархини всевозможныя смѣшныя и рискованныя выраженія. И всѣ покатывались со смѣху, не исключая самой Θεодоры, и шутъ скоро сталъ общимъ любимцемъ гинекея. Только серьезные люди нѣсколько страдали отъ этого, но, будучи настоящими придворными, они поступали какъ всѣ. „Мы были вынуждены смѣяться, говорить съ нѣкоторой горечью Пселль, тогда какъ скорѣе слѣдовало бы плакать“.

Увѣренный во всеобщемъ благоволеніи, этотъ странный фаворитъ сдѣлалъ еще лучше. Онъ по уши влюбился въ юную царевну Аланскую, и будучи забавнымъ, повидимому, пользовался довольно большимъ успѣхомъ у маленькой варварки. Опьяненный успѣхомъ и, кромѣ того, вполне серьезно влюбленный въ эту красавицу, онъ вдругъ вознамѣрился въ припадкѣ ревности убить императора, своего соперника, и занять самому его мѣсто. Разъ вечеромъ его нашли съ кинжаломъ въ рукѣ у дверей спальни Мономаха. Его тотчасъ арестовали и на слѣдующій день его судилъ верховный судъ подъ предсѣдательствомъ царя. Но въ этомъ-то и заключается весь интересъ этого происшествія. Когда Константинъ увидалъ своего дорогого друга закованнымъ въ цѣпи, онъ поддался своей снисходительной слабости и до того растрогался при этомъ зрѣлищѣ, что слезы выступили у него на глазахъ. „Да развяжите же этого человѣка, воскликнулъ онъ, душа моя скорбитъ, видя его въ такомъ положеніи“. Затѣмъ онъ тихо попросилъ виновнаго откровенно сознаться, что могло его навести на мысль о такомъ преступленіи.

Тотъ объяснилъ это неодолимымъ желаніемъ облечься въ императорскія одѣянія и сѣсть на тронъ василевсовъ. При этомъ заявленіи Константинъ покатился со смѣху и тотчасъ приказалъ удовлетворить капризъ этого человѣка. Затѣмъ, обратившись къ своему фавориту: „Я сейчасъ надѣну тебѣ на голову корону, сказалъ онъ ему, я облачу тебя въ порфиру. Только прошу тебя, пусть у тебя будетъ опять твое всегдашнее лицо, будь, какъ всегда, веселъ и привѣтливъ“.

При этихъ словахъ никто изъ присутствующихъ, ни сами судьи не могли дольше оставаться серьезными, и большое празднество скрѣпило примиреніе императора и его друга.

Ободренный такой снисходительностью, шутъ продолжалъ, конечно, ухаживать за любовницей царя. Въ присутствіи всего двора, на глазахъ своего владыки онъ улыбался ей и обмѣнивался съ ней тайными знаками. Но Константинъ только смѣялся надъ этими продѣлками. „Посмотри на него, бѣднягу, говорилъ онъ Пселлу. Онъ все еще ее любитъ, и его прошлыя несчастья не послужили ему урокомъ“. Вотъ „бѣдняга,“ пригодный для комедіи Мольера.

Въ то время, какъ этотъ легкомысленный монархъ терялъ время на подобный вздоръ,—это выраженіе принадлежитъ Пселлу,—въ то время какъ онъ растрчивалъ государственную казну на пустыя затѣи, на дорогія постройки, на дѣтскія и разорительныя фантазіи, забывая объ интересахъ войска, урѣзывая жалованье и уменьшая его наличный составъ, готовились событія первостепенной важности. Уже поднимались на горизонтѣ двѣ бури, которыя должны были обрушиться на имперію: норманы съ Запада, турки съ Востока. Внутри страны недовольство военной партіи, утомленной слабостью гражданской власти, раздраженной немилостью, постигшей самыхъ знаменитыхъ военачальниковъ, проявлялось въ грозныхъ заговорахъ. И наконецъ, пользуясь нерадѣніемъ Мономаха, честолюбивый патріархъ Михаилъ Кируларій подготовлялъ разрывъ между Византіей и Римомъ.

VII,

Въ 1050 году порфирородная Зоя, достигнувъ тогда семидесяти двухъ лѣтъ, окончила свое долгое и мятежное существованіе. Константинъ Мономахъ, супругъ ея, уже въ теченіе восьми лѣтъ, какъ мы это видѣли, довольно мало занимавшійся ею, теперь, когда она умерла, счелъ своимъ долгомъ достойнымъ образомъ оплакать ее. Онъ сдѣлалъ еще лучше: онъ вздумалъ возвести ее въ чинъ святыхъ и сталъ всячески стараться открыть разныя чудеса, якобы творившіяся на ея могилѣ, желая доказать, что душа ея достигла блаженства. Это была слишкомъ большая честь для такой чувственной и страстной женщины, какъ Зоя, не разъ производившей скандалъ и при дворѣ и во всей столицѣ печальной исторіей своихъ браковъ и своихъ любовныхъ похожденій. А потому Мономахъ не слишкомъ настаивалъ на попыткѣ причтенія ея къ лику святыхъ; онъ, какъ извѣстно, скоро утѣшился и смерть Зои представлялась ему главнымъ образомъ удобнымъ случаемъ открыто объявить о своей послѣдней любовницѣ. Впрочемъ, онъ самъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, 11 января 1055 г. въ Манганскомъ монастырѣ св. Георгія, основанномъ имъ, куда онъ удалился подъ конецъ своей жизни.

Тогда въ послѣдній разъ выступила на сцену сестра Зои, Θεодора. Со времени третьяго брака Зои Θεодора жила при дворѣ, считаясь соправительницей, но въ сущности играя очень незамѣтную роль. Во всякомъ случаѣ, послѣ смерти императрицы ея вліяніе нѣсколько возросло, и

зять ея Мономахъ, повидимому, опасался какихъ-нибудь выходокъ со стороны старой дамы. Однако, съ этимъ послѣднимъ потомкомъ Македонскаго дома, казалось, такъ мало считались, что Мономахъ, ни мало не заботясь о томъ, что она имѣла несомнѣнно права на верховную власть, думалъ назначить другого наслѣдника престола. Тогда еще разъ проснулась въ Θεодорѣ горячая кровь и гордая энергія великихъ императоровъ, ея предковъ. Въ то время какъ Константинъ Мономахъ находился въ агоніи, она рѣшительно завладѣла священнымъ дворцомъ, сильная сознаниемъ знатности своего происхожденія и тѣхъ правъ, какими въ глазахъ народа она обладала въ силу страданій, понесенныхъ ею за время ея долгой жизни. Войско приняло ея сторону; сенатъ послѣдовалъ его примѣру. Имѣя полныхъ семьдесятъ лѣтъ, старая царица твердою рукою захватила власть.

Наученная примѣромъ сестры и хорошо зная, какъ мало слѣдовало разсчитывать на благодарность людей, призываемыхъ царицей къ раздѣленію съ нею власти, Θεодора, къ общему удивленію, отказалась выйти замужъ. Она рѣшила править одна, и такъ какъ имѣла достаточно ума, чтобы руководствоваться совѣтами хорошаго министра, то, повидимому, правила успѣшно. Ея бодрая старость возбуждала также всеобщее восхищеніе. Не позволяя себѣ горбиться, всегда прямая и бодрая, она была способна серьезно работать съ своими совѣтниками и произносить длинныя, такъ нравившіяся ей, рѣчи; и она охотно давала себя убѣдить друзьямъ своимъ, монахамъ,

что ей суждено было перейти за обычные предѣлы человѣческой жизни.

Однако, въ концѣ концовъ, всѣмъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ имперіи, надоѣло это женское правленіе, длившееся уже больше двадцати пяти лѣтъ. Патріархъ Кирулларій, ставшій послѣ раздѣленія церковей своего рода папой восточной церкви, открыто заявлялъ, что нежелательно, чтобы женщина правила римской имперіей. Военная партія, недовольная тѣмъ мѣстомъ, какое занимала въ государствѣ бюрократія, выведенная изъ себя обиднымъ недовѣріемъ, выказываемымъ дворомъ въ отношеніи военачальниковъ, волновалась. И большая часть достойныхъ гражданъ, подобно Пселлу льстившихся быть истинными патріотами, вспоминая славные дни Василія II, строго судила царицъ, которыя своей безумной щедростью, пустымъ тщеславіемъ, нелѣпыми капризами, посредственностью ума, уготовили гибель имперіи и дали проникнуть въ ея здоровый и крѣпкій организмъ смертельнымъ зародышамъ, обусловившимъ ея паденіе. Всѣ требовали мужа и воина. Θεодора имѣла счастье умереть во время, чтобы не видѣть грозившаго разразиться кризиса. Она умерла 31 августа 1056 г.

Съ нею прекращался македонскій домъ, имѣвшій родоначальникомъ, два вѣка назадъ, того самаго Василія, о приключеніяхъ и честолюбивыхъ замыслахъ котораго мы говорили. Въ концѣ IX вѣка, благодаря беззащитной энергіи этого искуснаго человѣка, было отвращено грозившее имперіи паденіе и упрочено два вѣка славы и процвѣтанія Византіи. Въ половинѣ XI вѣка смерть послѣдней представительницы его рода вновь ввергла

имперію въ анархію. Но въ XI вѣкѣ, какъ и въ IX, эта анархія не должна была быть продолжительна; и на этотъ разъ еще нашелся чело-вѣкъ, который, положивъ начало династіи Комниновъ, далъ византійскому государству новый вѣкъ процвѣтанія. Такъ въ каждый рѣшительный моментъ Византія всегда находила своихъ спасителей; за каждымъ видимымъ ея паденіемъ слѣдовало неожиданное возрожденіе, или, по словамъ одного лѣтописца, „имперія, эта старая женщина, внезапно является, подобно молодой дѣвушкѣ, украшенной золотомъ и драгоценными камнями“. Такіе счастливые повороты судьбы могутъ, быть можетъ, удивлять тѣхъ, кто въ исторіи Византіи видитъ только развращенную жизнь двора и смутныя волненія столицы; поэтому слѣдуетъ замѣтить, что какъ бы ни былъ ярокъ и живописенъ разсказъ о совершавшихся тамъ событіяхъ, Константинополь и священный дворецъ не составляютъ еще всей имперіи.

Помимо интригъ и придворныхъ заговоровъ, помимо военныхъ мятежей и гражданскихъ раздоровъ, помимо скандальныхъ капризовъ развращенныхъ императоровъ и распутныхъ царицъ, помимо всего этого гнилого мира кутилъ, честолюбцевъ и придворныхъ, среди средняго сословія большихъ городовъ, среди феодальной и военной аристократіи, населявшей провинцію, среди суровыхъ крестьянъ Македоніи и Анатоліи таился запасъ энергіи и силы, долго остававшійся неистощимымъ. Этимъ среднимъ классамъ и обязана византійская имперія своимъ спасеніемъ, являвшимся къ ней внезапно, когда случалось ей переживать всевозможныя превратности судьбы;

благодаря имъ, ихъ мужественнымъ добродѣтелямъ, византійская имперія могла просуществовать въ продолженіе столькихъ вѣковъ; и къ нимъ, наконецъ, надо обратить наши взоры, если мы хотимъ дѣйствительно познакомиться съ византійскимъ обществомъ, еще совершенно неизслѣдованнымъ. Правда, благодаря тому, что погибло много рукописей, сохранилось слишкомъ мало документовъ, позволяющихъ возстановить этотъ бытъ; но они все же существуютъ, и изъ нихъ-то мы почерпнули свѣдѣнія для послѣднихъ главъ этой книги.

ГЛАВА XI.

Византійская семья средняго класса въ XI вѣкѣ.

Та, чей портретъ я собираюсь теперь нарисовать, въ двухъ отношеніяхъ, очень существенныхъ, отличается отъ византійскихъ женщинъ, которыми занимаются обыкновенно; она принадлежала къ среднему сословію и была честной женщиной. И если, благодаря этому, она, быть можетъ, менѣе живописна, жизнь ея менѣе интересна, чѣмъ жизнь Теофано, Зои и имъ подобныхъ, зато она болѣе, чѣмъ эти нѣсколько исключительныя важныя дамы, даетъ намъ вѣрное и точное понятіе о своемъ времени. Ее звали Θεодотой, и она была матерью того самаго Михаила Пселла, о выдающихся качествахъ котораго я говорилъ раньше; *) ее мы знаемъ вполне хорошо, благодаря одному интересному маленькому сочиненію, надгробному панегирику, написанному въ честь ея обожавшимъ ее сыномъ **) И само собой разумѣется,

*) См. десятую главу.

**) Онъ напечатанъ въ 1876 Саеой въ томѣ V Bibliotheca graeca Medii Aevi.

что она не играла никакой роли въ событіяхъ своего времени; ничто не могло быть проще, спокойнѣй, скромнѣй, и въ извѣстномъ отношеніи банальнѣй ея существованія; но именно поэтому она и представляетъ въ нашихъ глазахъ особый интересъ. Благодаря ей, мы проникаемъ немного въ домашнюю и семейную жизнь этого исчезнувшаго общества, и ея портретъ можно считать цѣннымъ, и до извѣстной степени типичнымъ. Она является какъ бы представительницей многихъ тысячъ византійскихъ женщинъ, ея современницъ, подобно ей не занимавшихъ видныхъ мѣстъ въ исторіи, но жившихъ, подобно ей, благочестивой, достойной, смиренной жизнью, какъ приличествуетъ порядочной женщинѣ; и такимъ образомъ, ея частный примѣръ удивительно наглядно показываетъ намъ, каковы были занятія, заботы и радости византійской семьи средняго класса въ XI вѣкѣ.

I.

Ееодота родилась въ Константинополѣ въ послѣдніе годы X вѣка, и родителями ея были люди простые, скромные и добродѣтельные. Она была старшей въ семьѣ, и въ дружной, тѣсно сплоченной средѣ, гдѣ прошло ея дѣтство, ее, повидимому, очень любили и высоко цѣнили. Съ раннихъ лѣтъ отличалась она красотой и выросши оставалась прелестной дѣвушкой; и хотя средства не позволяли ей носить великолѣпные туалеты, и она не имѣла сама къ тому влеченія, граціей своей фигуры, красотой волосъ, блестящимъ цвѣтомъ лица, яснымъ взоромъ прекрас-

ныхъ глазъ она восхищала всѣхъ, видѣвшихъ ее. „Она была, говоритъ Пселль въ выше упомянутомъ произведеніи, подобна розѣ, не нуждающейся ни въ какихъ прикрасахъ“.

Въ нравственномъ отношеніи она обладала здравымъ смысломъ, рѣшимостью, яснымъ, твердымъ умомъ, проявлявшимся въ самой ея манерѣ говорить, спокойной и положительной; какъ всѣ молодыя дѣвушки ея сословія, она получила домашнее образованіе, и, по обычаю того времени, оно было очень недостаточно. Ее научили домашнимъ работамъ—прясть, ткать, вышивать; вмѣстѣ съ этимъ обучили ее грамотѣ, и она сама работала, чтобы пополнить недостатки своего образованія. И, можетъ быть, въ умственномъ отношеніи эта умная женщина хотѣла бы большаго; она сожалѣла иногда, что не родилась мужчиной и что не могла посѣщать школь и принимать участіе въ ученыхъ разговорахъ. Наконецъ, она была благочестива, охотно ходила въ церковь, съ раннихъ поръ питая въ своей чистой юной душѣ горячую склонность къ благочестію и мистицизму. И несмотря на побѣды, одерживаемыя ея красотой, она повидимому не имѣла склонности къ замужеству и туго поддавалась уговорамъ, которыхъ ея родители не жалѣли на этотъ счетъ. Въ концѣ концовъ ея отецъ, напрасно потративъ все свое краснорѣчіе, разсердился и пригрозилъ Θεодотѣ проклясть ее, если она не избретъ себѣ мужа. Она уступила и среди вѣчно окружавшихъ ее жениховъ дала свое согласіе тому, кому суждено было стать отцомъ Пселла. Это былъ человѣкъ довольно хорошаго происхожденія, хваставшійся

тѣмъ, что среди его предковъ были патриціи и консулы; но этотъ знатный человѣкъ былъ порядочно разорень. Къ счастью для его семьи въ Византіи не было тогда аристократическихъ предразсудковъ западно-европейскаго общества; этотъ патрицій не стыдился жить трудомъ и старался торговлей добыть средства для прокормленія своей семьи. Физически это былъ красивый молодой человѣкъ, хорошо сложенный, высокій и статный, „какъ прекрасный кипарисъ, пышно распустившійся; изъ-подъ его красиво-очерченныхъ бровей смотрѣли свѣтлые смѣющіеся глаза, а по всему лицу было разлито привѣтливое, милое выраженіе“. Въ нравственномъ отношеніи это былъ человѣкъ честный и простой, характера ровнаго и кроткаго; никто никогда не видѣлъ его сердитымъ, никогда онъ не забывался до того, чтобы ударить человѣка. Онъ былъ дѣятельный и работающій; любилъ до всего доходить самъ. Правда, онъ не былъ „очень находчивъ на слова“; тѣмъ не менѣе, когда нужно было, онъ говорилъ, и рѣчь его была не лишена пріятности. Словомъ, это была чистая душа, славный малый, нѣсколько посредственный: „Только взглянуть на него, говорить Пселль, прежде нежели онъ заговоритъ, такъ ужъ было ясно для людей, считающихъ себя фізіономистами, что этотъ человѣкъ нашего времени таилъ въ себѣ какъ бы искру античной простоты“. Объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ никогда много не говорили. „Онъ шель своимъ жизненнымъ путемъ, красиво выражается Пселль, легко, ни разу не сдѣлавъ невѣрнаго шага, всегда одинаково ровной походкой, подобно елею, что течетъ безъ шума“.

Жена его была женщина иного рода. Она обладала всѣми яркими качествами, какихъ не хватало ея мужу. Онъ былъ немного робокъ, немного апатиченъ; она рѣшительна и обладала инициативой за двоихъ. Это она, дѣйствительно, представляла мужское начало въ домѣ. „Провидѣніе, говоритъ Пселль, даровало въ ней моему отцу не только помощницу и сотрудницу, но главу, руководителя, принимавшаго рѣшенія во всѣхъ важныхъ дѣлахъ“. Но такъ какъ при этомъ Θεодота была женщина тонкая, она никогда не давала чувствовать своему слабому мужу силу своего вліянія на него. Передъ этимъ человѣкомъ, который не могъ никому внушить ни малѣйшаго страха, она выказывала глубокое почтеніе; она говорила съ нимъ, какъ низшая съ высшимъ, совѣщаясь съ нимъ обо всемъ и какъ будто во всемъ ему покоряясь, „не столько, пишетъ Пселль съ нѣкоторой едва замѣтной непочтительностью, снисходя къ его характеру, сколько изъ уваженія къ старымъ семейнымъ традиціямъ“.

Во всякомъ случаѣ она сдѣлала его вполне счастливымъ. Веселаго нрава, всегда улыбающаяся, привѣтливая и кроткая, это была удивительная семьянинка, мудро управлявшая домомъ, доставляя ему благоденствіе, руководя прислугой, заботясь объ обыденныхъ нуждахъ и занимаясь мелкими работами, наполнявшими существованіе въ гинекееѣ. Но она обладала и болѣе высокими качествами. Обстоятельная, спокойная, разсудительная, выказывавшая даже критическій умъ, она умѣла говорить въ мѣру и молчать, когда то было нужно. А главное

она умѣла вести себя и обладала сильной волей, „гораздо болѣе твердая, чѣмъ ея мужъ — такъ говоритъ Пселль,—она дѣйствительно обладала мужской душой“. И вмѣстѣ съ тѣмъ она оставалась женственной. Она была сдержанна, скромна, цѣломудренно нѣжна и мудра, прелестна и добра со всѣми окружающими ея. Старымъ своимъ родителямъ она выказывала тысячи самыхъ милыхъ заботъ, ухаживая за ними, когда они были больны, утѣшая ихъ, наблюдая за ними. Для дѣтей своихъ, какъ сейчасъ увидимъ, она была несравненной матерью. Хотя она была хороша собой, она совсѣмъ не любила свѣтской жизни. Роскошный столъ, богатство мебелировки, великолѣпіе туалетовъ и яркихъ цвѣтныхъ нарядовъ,—ко всему этому она выказывала полнѣйшее равнодушіе. Живя только для своихъ, она почти ничѣмъ другимъ не интересовалась, равнодушно относилась къ шумной жизни столицы и двора, не любя мѣстныхъ сплетенъ, не зная ничего даже о мятежахъ и возстаніяхъ, нарушавшихъ спокойствіе столицы. „Ни одна изъ современныхъ ей женщинъ, говоритъ ея сынъ, не могла сравниться съ нею“. Женщина порядливая, разсудительная, нѣсколько методичная и непреклонная, она всѣмъ, кто только ее видѣлъ, равно и своимъ домашнимъ, внушала полное уваженіе. Она держала себя съ большимъ достоинствомъ, и въ семьѣ ее любили называть „живымъ закономъ“.

Она не была бы цѣльной личностью, если-бы не была милосердна и благочестива. Она любила кормить за своимъ столомъ бѣдныхъ, но не для того, чтобы похвалиться своей щедростью или

унизить тѣхъ, кому она подавала. Она знала, какъ надо раздавать милостыню. Она сама принимала своихъ жалкихъ гостей, мыла имъ ноги, сама желала служить имъ за столомъ, какъ будто они были важные господа; она сама приносила имъ кушанья и поила ихъ. Читая постоянно Священное Писаніе, предаваясь по утрамъ и по вечерамъ горячимъ молитвамъ, она возносилась душой къ Богу въ минуты благочестиваго экстаза. Ее всегда влекло къ монастырской жизни, къ отшельникамъ, покрытымъ лохмотьями, къ суровому образу жизни пустынниковъ; она хотѣла бы „жить въ полной непорочности для Бога всяческой непорочности“. Но тутъ мужъ ея былъ непреклоненъ. „Разстаться съ женой, заявлялъ онъ, для меня хуже, чѣмъ оторваться отъ самого Бога“. Вынужденная остаться въ міру, Θεодота утѣшалась тѣмъ, что посѣщала монаховъ и монахинь, спала, какъ они, на жесткомъ ложѣ и предавалась всякаго рода умерщвленію плоти. И возможно, что такое, нѣсколько восторженное, благочестіе, въ концѣ концовъ, стало бы сопровождаться нежелательными излишествами, не найди Θεодота, при своемъ умѣ и разсудительности, всепоглощающаго дѣла въ любви къ своимъ дѣтямъ и въ ихъ воспитаніи.

II.

Θеодота родила прежде всего дочь. Вторымъ ребенкомъ была опять дѣвочка. Послѣдняя, надо сознаться, была встрѣчена домашними довольно равнодушно: всѣ ждали и хотѣли мальчика. Наконецъ, онъ явился въ 1018 году: это былъ Пселлъ,

страстно желанный, выпрошенный у Бога такими горячими молитвами. Новорожденный, получивший при крещеніи имя Константина, вступилъ въ жизнь при кликахъ радости и при звукахъ торжественныхъ пѣснопѣній. На этомъ юномъ существѣ сосредоточились всѣ надежды его родныхъ, и въ особенности его матери, которая пожелала кормить его сама и рассчитывала на блестящую будущность обожаемаго сына. Θεодота вложила въ дѣло воспитанія своихъ дѣтей все свое стараніе. „Она отнюдь, говоритъ Пселль, не воспользовалась материнствомъ, чтобы отказаться, подобно большинству другихъ женщинъ, отъ дѣятельной жизни и предаться праздности. Скорѣй укрѣпленная материнствомъ, чѣмъ ослабленная, она еще прочнѣй устроила свою жизнь и еще болѣе укрѣпила свою мысль“. Она поровну дѣлила свои заботы между дочерьми и сыномъ, то нѣжная съ ними, то строгая; и дѣти ея, видѣвшія въ ней образецъ всѣхъ добродѣтелей, выказывали ей безграничное почтеніе и восхищеніе. Однако, въ глубинѣ души Θεодота питала нѣкоторое тайное предпочтеніе къ сыну, на которомъ сосредоточила столько блестящихъ и самыхъ лестныхъ надеждъ. Но она всячески остерегалась выказывать ему особую нѣжность: эта женщина, нѣсколько суровая, сочла бы за слабость слишкомъ проявлять свою привязанность. Она обожала сына, но и виду не показывала, боясь, что, если она будетъ съ нимъ слишкомъ уступчива и слишкомъ нѣжна, онъ станетъ менѣ покоренъ и менѣ послушенъ. И только вечеромъ, когда думала, что ребенокъ спитъ, она тихонько брала его на руки, покрывала по-

цѣлуями и шептала ему: „Мое дитя желанное, какъ я люблю тебя, а между тѣмъ не могу цѣловать тебя чаще“. Надо ли прибавлять, что въ такіе вечера маленькій Пселль спалъ однимъ только глазомъ? Вѣдь онъ самъ сохранилъ для насъ эту милую картинку изъ своей дѣтской жизни.

Съ тою же твердой разумностью руководила Θεодота и воспитаніемъ своего обожаемаго сына. Она никому не хотѣла предоставить заботу образованія его ума и сердца, и прилагала все стараніе, чтобы съ первыхъ лѣтъ жизни онъ росъ ребенкомъ честнымъ, благочестивымъ и благоразумнымъ. Поэтому она не допускала, чтобы вечеромъ для усыпленія ему рассказывали бабьи сказки, чтобы начиняли голову глупыми исторіями о чудовищахъ и демонахъ. Наоборотъ, она ему рассказывала что-нибудь поучительное и благочестивое, исторію Исаака, вѣдомаго отцомъ на закланіе и во всемъ послушнаго отцовской волѣ; исторію Іакова, получившаго благословеніе отца за послушаніе своей матери, а также исторію младенца Христа, покорнаго всѣмъ велѣніямъ своихъ родителей; и изо всѣхъ этихъ рассказовъ она извлекала мораль, подходившую къ возрасту ребенка. Но еще больше занималась она воспитаніемъ его ума.

Юный Пселль былъ мальчикомъ благоразумнымъ, прилежнымъ, необыкновенно умнымъ. Совсѣмъ маленькимъ еще, онъ понималъ и запоминалъ все, что говорилось вокругъ него, и уже тогда обожалъ работу и ученіе, предпочитая ученіе какимъ бы то ни было играмъ и забавамъ, свойственнымъ его возрасту. Мать,

сама всегда любившая умственные занятія, не преминула воспользоваться этими счастливыми наклонностями. Съ пятилѣтняго возраста она отдала мальчика въ школу, и онъ тотчасъ имѣлъ тамъ блестящіе успѣхи. Но когда онъ окончилъ младшіе классы,—ему тогда было восемь лѣтъ,—возникъ болѣе важный вопросъ: слѣдовало ли ему давать возможность продолжать ученье? Родные и друзья, собравшись, такъ сказать, на семейномъ совѣтѣ, были того мнѣнія, что его слѣдуетъ обучить какому-нибудь ремеслу и доставить ему такимъ образомъ,—ибо наукой не прокормишься,—болѣе легкое и вѣрное средство зарабатывать себѣ хлѣбъ. Θεодота безусловно воспротивилась этимъ мудрымъ совѣтамъ, отзывавшимся слишкомъ низменнымъ благоразуміемъ, и приведенные ею доводы, какими она сумѣла убѣдить своихъ близкихъ, чрезвычайно характерны для исторіи того времени.

Ни одинъ народъ не вѣрилъ такъ, какъ византійцы, въ значеніе сновъ, предвѣщающихъ будущее. Даже такой умникъ, какъ Пселль, не вѣрившій въ астрологію и совершенно не допускавшій „что судьбой нашей руководить теченіе свѣтилъ“, Пселль, безпощадно издѣвавшійся надъ людьми, воображающими, что они могутъ предсказывать будущее, и считавшій пустымъ вздоромъ всѣ формулы и пріемы магіи, Пселль вѣрилъ снамъ и ихъ силѣ откровенія. Тѣмъ болѣе его современники не сомнѣвались въ пророческомъ значеніи сновъ. Поэтому они и видѣли, что сбывается столько сновъ. Когда матери Василия Македонянина приснилось, что изъ груди ея выросло золотое дерево, осынившее своей листвою цѣлый міръ,

когда настоятель монастыря св. Діомида видѣлъ во снѣ будто челоуѣкъ, спавшій у дверей его церкви,—будущій императоръ, развѣ исторія не оправдала ихъ сновъ, возведя на престоль основателя Македонской династіи? И когда другіе выскочки достигали высшей власти, развѣ раньше вѣщіе сны не открывали имъ ихъ будущей судьбы? Существовала спеціальная литература, отъ которой сохранилось до нашихъ дней нѣсколько любопытныхъ образцовъ, истолковывавшая сны и оракуловъ. Поэтому легко понять, что мать Пселла, какъ добрая византійка, сумѣла и въ этомъ также найти вѣрныя ручательства блестящей будущности, уготованной ея сыну.

Она разсказала на семейномъ совѣтѣ свои сновидѣнія. Видѣла она, будто обсуждали при ней, что сдѣлать съ мальчикомъ, и, поколебленная совѣтомъ близкихъ, она уже готова была уступить имъ, какъ вдругъ предсталъ передъ ней святой мужъ, похожій на Іоанна Златоуста, прославленнаго своимъ краснорѣчіемъ; и сказалъ ей святой мужъ такія слова: „Женщина, не смущайся и смѣло посвяти сына твоего наукѣ. Я буду слѣдить за нимъ, какъ наставникъ, и преисполню его знаніемъ, какъ учитель“. Другой разъ видѣла она, что входитъ въ церковь Святыхъ Апостоловъ, сопутствуемая съ большимъ почетомъ, какъ важная особа, толпой людей, совершенно ей неизвѣстныхъ. Когда она подошла къ иконостасу, то увидѣла, что идетъ къ ней навстрѣчу прекрасная дама и приказываетъ ей подождать ее минуту. Θεодота послушалась, и дама, вернувшись, сказала двумъ сопровождавшимъ ее людямъ: „Преисполните знаніемъ сына этой женщины,

ибо вы видите, какъ она любить меня“. Посмотрѣвъ тогда на двухъ людей, которымъ говорила дама, Θεодота сразу узнала апостоловъ Петра и Павла, а въ самой говорившей съ ней— Богородицу, всемогущую и Пресвятую Дѣву, столь чтимую всѣми византійцами. Таковы были сны матери Пселла. Передъ подобными доводами всѣ родные, суевѣрные, какъ всѣ люди того времени, склонились и перестали настаивать на своемъ. Было рѣшено, что мальчикъ долженъ продолжать ученіе.

Оно ему далось удивительнымъ образомъ: по крайней мѣрѣ онъ самъ намъ такъ говорить. Онъ научился орѳографіи, зналъ наизусть всю Иліаду и скоро былъ способенъ объяснять ея стихосложеніе и тропы, чувствовать красоту метафоръ и гармонію поэзіи. Его посвятили также въ риторику и въ музыку. Ему тогда было десять или одиннадцать лѣтъ. Зорко слѣдила мать за успѣхами этого преждевременно развитого ребенка; когда онъ приходилъ изъ школы, она сама служила ему репетиторомъ. „О мать моя, пишетъ Пселлъ, ты была не только моей мудрой совѣтницей, ты была также моей сотрудницей и моей вдохновительницей. Ты спрашивала меня про то, что я дѣлалъ въ школѣ, чему учили меня мои учителя, что узналъ я отъ своихъ товарищей. Затѣмъ ты заставляла меня повторять уроки и, казалось, ничего не могло тебѣ быть интереснѣе, пріятнѣе слушать, какъ урокъ орѳографіи или поэзіи, правила согласованія словъ или ихъ построения. Вижу тебя, какъ сейчасъ, со слезами умиленія на глазахъ, когда ты бодрствовала со мной до поздней ночи, падая отъ сна, и хотъ ложи-

лась, а все слушала меня, и внушала мнѣ больше бодрости и твердости, чѣмъ Минерва Діомиду“ *).

Прелестная сценка; порой она становится прямо трогательной. Мать Пселла, какъ извѣстно, получила довольно скудное образованіе, и часто ребенокъ наталкивался на трудности и не могъ чего-нибудь понять, а Θεодота напрасно напрягалась, заставляя его повторять трудное мѣсто и все-таки не могла вывести его изъ затрудненія. „Тогда, продолжаетъ Пселль, поднявъ руки къ небу, бія себя все сильнѣе въ грудь, ты молила горячо Бога вдохновеніемъ свыше разрѣшить трудность, смущавшую меня“. И писатель съ основаніемъ могъ сказать объ этой удивительной женщинѣ, что она была не только его мать по плоти, но также воистину его духовная мать, придавшая его уму блескъ и красоту литературности. „Я тебѣ обязанъ вдвойнѣ, пишетъ онъ дальше, ты не только дала мнѣ жизнь, но ты просвѣтила меня свѣтомъ науки; ты не хотѣла въ этомъ дѣлѣ положиться на учителей, ты хотѣла сама бросить въ мою душу ея сѣмена“. И это вовсе не преувеличенія, допущенныя въ надгробномъ словѣ.

Анна Комнина, ученая дочь императора Алексѣя, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи о матери Пселла и также выставляетъ ее нѣжно преданной обожаемому ею сыну, проводящей долгіе часы въ церкви, павъ ницъ передъ иконой, плача и молясь за него.

*) Привожу это мѣсто изъ перевода, сдѣланнаго А. Рамбо въ интересной статьѣ о Михаилѣ Пселлѣ. (*Revue historique*, 1877).

Тѣсная связь спланивала также между собой и всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Между Пселломъ и его старшей сестрой, — младшая, кажется, умерла, — существовала горячая и глубокая дружба. Это была прелестная дѣвушка. Съ своими чудесными золотистыми волосами и свѣтлымъ цвѣтомъ лица она была такая же хорошенькая, какъ ея мать, на которую она походила, въ то время какъ братъ физически былъ скорѣе въ отца. Какъ и мать, она обожала юнаго Пселла; вполне согласная съ нимъ по своему образу мыслей, она тоже тщательно старалась привить ему мудрость; онъ же, онъ былъ во всемъ послушенъ и крайне ее почиталъ. И подъ надзоромъ этой взрослой бдительной сестры и преданной матери тихо росъ поразительный ребенокъ.

Объ этой, столь любимой имъ, сестрѣ Пселлъ рассказываетъ намъ одинъ милый анекдотъ, хорошо показывающій, каковы были обычаи и общій духъ въ этомъ почтенномъ и благочестивомъ домѣ. Совсѣмъ близко отъ того мѣста, гдѣ жили родители Пселла, жила также одна очень красивая женщина и ея разрисованное лицо вполне ясно говорило о ея сомнительномъ поведеніи; дѣйствительно, у нея было множество любовниковъ. Сестра Пселла читала ей наставленія и старалась вернуть ее на путь истины. Но та упорствовала и на всѣ даваемые ей добрые совѣты отвѣчала слѣдующимъ прямодушнымъ возраженіемъ: „Конечно, это все такъ; но если я перестану быть куртизанкой, чѣмъ же я буду жить?“ Милосердная сестра Пселла обѣщала ей, что не допустить ее никогда до нужды, и онѣ сговорились, что одна не будетъ впредь

даже глядѣть на мужчинъ, а другая станетъ дѣлать съ раскаявшейся свой кровь, одежду и пищу. И сестра Пселла крайне радовалась, что исторгла у нечистаго христіанскую душу. Въ домѣ же ее даже немного порицали за такое странное спасеніе, затѣянное ею; но на всѣ дѣлаемая ей замѣчанія она только улыбалась и предоставляла всѣмъ говорить, что угодно. И дѣйствительно, въ продолженіе нѣкотораго времени юная сосѣдка вела себя вполнѣ хорошо: скромно опускала глаза, имѣла самый невинный видъ, ходила въ церковь, прикрывала лицо вуалью, и, если какой-нибудь мужчина смотрѣлъ на нее, страшно краснѣла. Никакихъ нарядовъ она больше не носила, никакихъ украшеній, ни красивыхъ яркоцвѣтныхъ башмаковъ: обращеніе ея на путь истины, казалось, было полное.

Къ несчастью, это продолжалось не долго. Тѣмъ временемъ сестра Пселла вышла замужъ; не зная о новомъ паденіи покаявшейся, которую она одно время потеряла изъ виду, она продолжала интересоваться ею. Одно довольно трагическое происшествіе открыло ей, какъ неудачно она покровительствовала. Молодая женщина готовилась стать матерью, и роды были трудные. Вмѣстѣ съ другими родственницами помогала ей и ея хорошенькая подруга, и больная, казалось, только и глядѣла, что на нее, только для нея находила ласковыя слова. Наконецъ, одна изъ присутствовавшихъ, немного этимъ раздосадованная и ревнуя, воскликнула: „Не удивительно, что роды идутъ неудачно; беременная женщина не имѣетъ права ухаживать за родильницей, таково правило гинекея“. Удивленная сестра

Пселла спросила, къ кому относится этотъ намекъ: ей объяснили—въ слишкомъ грубыхъ выраженіяхъ, чтобы ихъ можно было привести,—какъ неосмотрительно расточала она свою дружбу. Обманутая въ своихъ мечтаніяхъ и глубоко удрученная, она стала гнать прочь съ глазъ своихъ недостойную подругу; и тотчасъ благополучнѣйшимъ образомъ разрѣшилась отъ бремени.

Несмотря на такія маленькія невзгоды, эти люди, въ сущности, были счастливы. Дѣти выросли; дочь была пристроена; сынъ, которому въ это время исполнилось шестнадцать лѣтъ, получилъ должность; и хотя ему до извѣстной степени было жалко оставлять ученье, онъ радовался при мысли, что увидитъ свѣтъ и людей. „Тутъ, пишетъ этотъ столичный житель, я въ первый разъ вышелъ изъ города и увидалъ городскую стѣну; въ первый разъ увидалъ я деревню“. Большое несчастье должно было внезапно положить конецъ этому благополучію.

III.

Это было въ 1034 году. Вдругъ сестра Пселла совершенно неожиданно заболѣла и черезъ нѣсколько дней умерла, какъ подкошенный цвѣтокъ, и такъ хороша была даже и въ самой смерти, что на пути похороннаго шествія всѣ останавливались, чтобы еще полюбоваться въ послѣдній разъ на красоту умершей, покоившейся въ ореолѣ своихъ золотистыхъ прекрасныхъ волосъ. Пселла тогда не было въ Константинополѣ. Родители, знавшіе глубокую привязанность его къ сестрѣ, боясь, чтобы внезапное извѣстіе

о постигшемъ ихъ несчастіи не привело еще къ новой катастрофѣ, рѣшили вызвать къ себѣ сына подъ какимъ-нибудь предлогомъ, потихоньку приготовить его къ горю и постараться утѣшить. Поэтому ему написали, чтобы онъ возвратился въ Византію для продолженія прерваннаго ученія; какъ всегда, ему сообщали въ этомъ письмѣ добрыя вѣсти о сестрѣ. Случайность уничтожила всѣ эти внушенныя любовью предосторожности. Но тутъ надо предоставить слово самому Пселлу, столько въ этомъ мѣстѣ, безспорно одномъ изъ самыхъ прекрасныхъ въ надгробномъ словѣ, видно настоящаго потрясенія души, истинной скорби, такъ пріятно видѣть тутъ въ писателѣ человѣка, столько, наконецъ, находишь тутъ интересныхъ свѣдѣній о византійскихъ нравахъ, несмотря на христіанство, всецѣло хранившихъ еще завѣты классическаго и языческаго міра.

„Я только что вошелъ, говоритъ Пселлъ, въ городскія ворота, я былъ въ городѣ и очутился подлѣ кладбища, гдѣ покоился прахъ моей сестры. Это былъ какъ разъ седьмой день послѣ ея похоронъ и многіе наши родственники собрались тутъ, чтобы оплакать умершую и принести моей матери свои соболѣзнованія. Я увидалъ одного изъ нихъ, добродушнаго и безхитростаго человѣка, ничего не знавшаго о святомъ обманѣ, къ которому прибѣгли мои родители, выписавъ меня. Я спросилъ его объ отцѣ и матери, о кое-какихъ другихъ родныхъ. Онъ безъ всякихъ обиняковъ и подходовъ прямо отвѣчалъ мнѣ: „Твой отецъ плачетъ и молится на могилѣ своей дочери; мать твоя подлѣ него, безутѣшная въ

своемъ горѣ, какъ это тебѣ хорошо извѣстно“. Онъ сказалъ это, и я не знаю, что тогда почувствовалъ. Какъ громомъ пораженный, не въ силахъ ни двинуться, ни произнести ни слова, свалился я съ лошади. Суматоха, поднявшаяся около меня, привлекла вниманіе моихъ родителей; они разразились новыми рыданіями, стоны возобновились еще громче и жалобнѣй прежняго, и теперь уже на мой счетъ, подобно тлѣвшимъ угольямъ, вспыхнувшимъ съ новою силой отъ порыва налетѣвшаго вѣтра. Они взглянули на меня, растерянные, и въ первый разъ мать моя осмѣлилась откинуть съ лица своего покрывало, не думая о томъ, что ее видятъ посторонніе мужчины. Надо мной наклонились, всѣ старались до меня коснуться, думая соболѣзнующими стопами возвратить меня къ жизни. Меня подняли, полумертваго, понесли и положили подлѣ могилы моей сестры“.

Изъ этого описанія видно, какъ въ христіанской Византіи XI вѣка живы были старые обычаи эллинскаго древняго міра. Родственники, собирающіеся на седьмой день послѣ похоронъ, чтобы плакать на могилѣ дорогой умершей,—это та самая сцена, что такъ часто изображалась на прекрасныхъ древнихъ погребальныхъ вазахъ, и нерѣдко можно встрѣтить на бѣлыхъ урнахъ аѳинскихъ некрополей тотъ самый эпизодъ, что описалъ намъ Пселлъ: юноша, возвращающійся изъ чужихъ странъ, внезапно узнаетъ о постигшемъ его семью, во время его отсутствія, несчастіи, при видѣ близкихъ, столпившихся вокругъ могилы. Не къ воротамъ Константинополя, подъ сѣнь церквей, построенныхъ по близости:

отъ городской стѣны, переносить насъ разсказъ византійскаго писателя, а скорѣе на прелестное и печальное кладбище аѳинское, къ высокимъ, покрытымъ скульптурой, плитамъ, украшаемымъ приходящими сюда родственниками и друзьями покойныхъ лентами и гирляндами цвѣтовъ. И вотъ еще не менѣе античная вещь: это надгробный плачь, какой Пселль, придя въ себя импровизируетъ передъ собравшимися родственниками на могилѣ своей умершей сестры.

„Когда я раскрылъ глаза и увидаль могилу моей сестры, я понялъ громадность своего несчастья, и придя въ себя, я излилъ на ея прахъ, какъ погребальное возліяніе, потоки слезъ:

„О мой нѣжный другъ! воскликнулъ я,—ибо я не обращался къ ней только, какъ къ сестрѣ, я называлъ ее самыми нѣжными, самыми ласковыми именами,—о чудесная красота, душа несравненная, добродѣтель, не имѣющая себѣ равной, статуя прекрасная, одаренная душой, жало убѣдительности, сирена рѣчей, грація непобѣдимая! О ты, которая все для меня и больше самой моей души! какъ могла ты уйти и покинуть твоего брата? Какъ могла ты оторваться отъ того, съ кѣмъ вмѣстѣ выросла? какъ могла ты примириться съ такой жестокой разлукой? Но скажи мнѣ: каково мѣсто твоего пребыванія? въ какихъ обителяхъ отдыхаешь ты? среди какихъ луговъ? какія прелѣсти, какіе сады услаждаютъ твой взоры? Какому блаженству предпочла ты видѣть меня? Какіе цвѣты прельстили тебя? какія розы? какіе журчащіе ручьи? Какіе соловьи чаруютъ тебя своею сладкой пѣснью? Какія цикады своимъ тихимъ звономъ? Отъ кра-

соты твоей осталось ли что-нибудь или смерть стерла все? потухъ ли блескъ твоихъ очей? исчезъ ли цвѣтъ твоихъ губъ, или могила хранить твою красоту, какъ сокровище?“

Родственники, окружавшіе импровизатора, плакали, и остальная толпа проливали слезы, слушая этотъ надгробный плачь. Конечно, тутъ есть риторика. Послѣ смерти отца и матери Пселль выражаетъ свое горе почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, съ тѣмъ же исканіемъ эффектовъ; но печаль его отъ этого не менѣе искренна и сколько интересныхъ чертъ для исторіи идей можно отыскать въ этомъ мѣстѣ надгробнаго слова. Не христіанскій рай вызываетъ тутъ Пселль въ нашемъ представленіи; эти цвѣтушіе и гніиые сады, гдѣ блуждаютъ души умершихъ, слушая пѣніе птицъ и шопоть ручьевъ, это все тѣ же Елисейскія поля.

Но вотъ, на ряду съ языческими воспоминаніями, появляется и христіанская Византія. Когда, наконецъ, съ большимъ трудомъ, родители отрываютъ сына отъ могилы, умоляя его имѣть состраданіе къ ихъ собственному горю, Пселль вдругъ взглядываетъ на мать и печаль его возрастаетъ. Θεодота одѣта въ черный плащъ, въ темное платье монахини; волосы ея обрѣзаны. У постели умирающей дочери, въ ту самую минуту, какъ молодая женщина испустила духъ, тихо склонивъ голову на грудь матери, Θεодота, вся въ слезахъ, закрывъ глаза умершей, рѣшила посвятить себя Богу. Подлѣ нея мужъ, сраженный горемъ, стоналъ и плакалъ, будучи не въ силахъ поборотъ свою слабость. Она же, наоборотъ, овладѣла уже собой и заклинала мужа искать

вмѣстѣ съ ней утѣшенія въ монастырѣ, убѣждала его согласиться на ея желаніе; которое она питала уже давно. По близости отъ того мѣста, гдѣ похоронили ея дочь, былъ женскій монастырь; она удалилась въ него, чтобы быть ближе къ своей дорогой покойницѣ и къ Богу. Она отреклась отъ міра и земныхъ привязанностей, и по ея примѣру мужъ ея также ушелъ въ монастырь. Такія отреченія отъ жизни были не рѣдки въ Византіи. Въ этомъ обществѣ съ глубоко вкоренившимся въ него мистицизмомъ монастырь являлся обычнымъ убѣжищемъ для несчастныхъ и тѣхъ, кого постигла большая немилость. Впрочемъ, чтобы жить въ монастырѣ, не требовалось непременно постриженія или произнесенія вѣчныхъ обѣтовъ. Между монастыремъ и міромъ не было безусловнаго раздѣленія, непроходимой пропасти. Вступившему туда съ отчаянія, или отъ какого-нибудь оскорбленія, изъ него можно было выйти безъ особаго труда; и даже скрывшись гдѣ-нибудь въ глухой обители, не теряли всякой связи съ внѣшнимъ міромъ. Находясь въ своемъ уединеніи, Θεодота отнюдь не покидала остававшагося у нея сына, такъ сильно ею любимаго.

IV.

Какова была въ монастырѣ жизнь этой женщины, всегда склонной къ благочестію и ставшей еще болѣе экзальтированной отъ постигшаго ее тяжкаго горя, угадать не трудно. Какъ у всѣхъ аскетовъ, первой ея заботой было умерщвленіе плоти, „порабощеніе звѣря“, по выра-

женію Пселла, обузданіе въ себѣ всякой неумѣстной фантазіи, всякаго не подобающаго разсужденія, всякой суетной мысли о мірской славѣ, всякаго, наконецъ, земного чувства, чтобы жить всецѣло въ Богѣ, подобно чистому духу. Она спала на голомъ полу, постилась, пила одну воду; всегда скрытая подъ покрываломъ, она проводила долгіе часы въ молитвѣ, надѣясь найти въ этихъ мистическихъ изліяніяхъ средство полнѣе соединиться съ божествомъ. Пселлъ описываетъ намъ ее въ такія минуты, какъ бы увлеченной экстазомъ, застывшей, не двигающей ни руками, ни ногами, ни головой, похожей на неподвижныя иконы, покрывавшія стѣны церкви, и связь ея съ землей проявлялась лишь въ блескѣ горѣвшихъ жизнью глазъ. Однако, была одна вещь, привязывавшая ее къ міру,—это забота ея о сынѣ. Неподалеку отъ монастырей, гдѣ нашли пріютъ его родители, юный Пселлъ продолжалъ свое ученіе, и мы видимъ, что онъ часто навѣщаль родителей, велъ съ ними длинные философскіе и религіозные разговоры, безпрестанно обращался къ нимъ, особенно къ Θεодотѣ, за совѣтами и утѣшеніями. И затворничество было настолько не строго, что не разъ молодой человѣкъ приходилъ въ женскій монастырь къ матери, обѣдалъ тамъ и оставался ночевать.

И тѣсная и упорная связь членовъ этой семьи между собой, несмотря на разлученіе, проявлялась особенно во всѣхъ случаяхъ торжественныхъ или горестныхъ. Однажды отецъ Пселла внезапно заболѣлъ, и сынъ, повидимому, понявшій за послѣднее время, сколько милой простоты было въ этомъ добромъ человѣкѣ, весь

въ слезахъ прибѣжалъ къ нему, но Θεодота также была уже у постели умирающаго. Она утѣшала его въ послѣднія минуты, выслушивала его послѣднія наставленія и съ искренней скорбью оплакивала потерю мужа. И вотъ съ какими трогательными послѣдними завѣтами обратился умирающій къ своему сыну: „Я отправляюсь, дитя мое, въ дальній путь. Владѣй собой, не плачь слишкомъ много и утѣшай хорошенько мать“. Подлѣ постели умершаго сынъ и мать бросаются другъ другу въ объятія, и Θεодота, при всемъ своемъ благочестіи, при всемъ своемъ отреченіи отъ всего земного, мѣняется въ лицѣ и плачетъ и не безъ труда, наконецъ, овладѣваетъ собой. Конечно, она вспоминаетъ тутъ ученіе церкви; она убѣждаетъ себя, она говоритъ себѣ, что теперь въ первый разъ мужъ ея, избавившись отъ земныхъ путей, дѣйствительно свободенъ; она объясняетъ сыну, что проливаемая имъ слезы показываютъ только, что онъ не бѣжалъ еще изъ своей земной тюрьмы, не нашелъ еще пристани, что блуждаетъ еще по бурному житейскому морю. Но это уже второе движеніе и, по правдѣ сказать, намъ не непріятно видѣть, что неподвижная икона въ первую минуту растрогалась и указала нѣжность, какъ обыкновенная женщина. Благочестіе ея, какъ ни было оно велико, не вытравило у нея всякаго другого чувства.

Однако, послѣ этого новаго испытанія эта страстная душа еще съ большимъ жаромъ предалась благочестію. Въ своемъ желаніи отрѣшиться отъ всякихъ излишествъ, она лишала себя даже необходимаго, и тѣло ея при такомъ режимѣ становилось слабымъ, прозрачнымъ, поч-

ти воздушнымъ. Напрасно близкіе ея укоряли ее за такой крайній аскетизмъ; напрасно старый отецъ ея дѣлалъ ей упреки и настаивалъ на томъ, чтобы она измѣнила образъ жизни. Если она и давала уговорить себя послѣ цѣлаго ряда нѣжныхъ убѣжденій, если соглашалась, скрѣпя сердце, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ близкимъ, заказать иногда болѣе обильный обѣдъ, то когда приходило время сѣсть за столъ, она одумывалась и, сознавая бездну грѣха, который собиралась совершить, она спѣшила отыскать на улицѣ нищую и отдать ей приготовленный обѣдъ; и радуясь, что избавилась отъ искушенія, она называла свою случайную гостью своей благодѣтельницей и избавительницей. Но при такомъ режимѣ она съ каждымъ днемъ все слабѣла и слабѣла; теперь она не могла пойти въ церковь и выстоять тамъ службу безъ поддержки двухъ служанокъ. Благодаря всему этому, Θεодота стяжала славу большой святости.

Однако, она все еще не постриглась, считая себя изъ скромности недостойной такой чести; а между тѣмъ, чувствуя, что умираетъ, она страстно жаждала этого высшаго блага. И на этотъ разъ, по странной случайности, опять сновидѣніе заставило ее принять рѣшеніе. Одна изъ ея подругъ въ монастырѣ видѣла сонъ. Приснилось ей, будто она въ ипподромѣ, въ императорской ложѣ, и вотъ видитъ тамъ вокругъ таинственнаго золотого трона, такого ослѣпительнаго, что едва можно было на него глядѣть, другіе троны, тоже изъ золота или слоновой кости, поставленные полукругомъ; между ними, нѣсколько въ сторонѣ, направо былъ поставленъ тронъ, сдѣланный изъ

особаго и неизвѣстнаго матеріала, въ одно и то же время темнаго и блестящаго. И когда она спросила, кому предназначался этотъ тронъ, чей-то голосъ отвѣчалъ ей, что это тронъ Θεодоты. „Императоръ,—разумѣйте Царь Небесный,—приказалъ его приготовить, ибо она должна скоро придти и возсѣсть на него“. Это было предзнаменованіемъ скорой смерти и предвозвѣстіемъ будущей святости. Θεодота рѣшилась постричься.

Это была торжественная, потрясающая церемонія. Монастырскую церковь украсили, какъ въ день праздника; монахини наполняли храмъ; священникъ находился въ алтарѣ, Пселль также присутствовалъ въ первыхъ рядахъ толпы; ко всеобщему удивленію, постриженная, бывшая въ послѣднее время такой слабой и истощенной, что думали—ее придется нести на носилкахъ, въ этотъ великій день, послѣднимъ напряженіемъ воли, вдругъ встала на ноги. „Сіяя сверхъестественной красотой, „подобно невѣстѣ, идущей на встрѣчу жениху“, она появилась одна, никто ее не поддерживалъ, твердымъ шагомъ приблизилась къ алтарю и, ни на мигъ не поддавшись слабости, выстояла всю длинную службу постриженія. Она приняла изъ рукъ священника золотое кольцо, сандалии, крестъ; затѣмъ приобщилась Святыхъ Тайнъ.

Пселль, глубоко потрясенный, упалъ къ ногамъ святой женщины. Тогда, обратившись къ нему, мать сказала тихимъ голосомъ: „Да приѣмлешь и ты, сынъ мой, когда-нибудь всѣ эти блага“. Въ то же время лицо ея измѣнилось, въ глазахъ загорѣлся сверхъестественный огонь. Это былъ конецъ. Тутъ она захотѣла отдохнуть минуту и

сѣла на низкую скамью. Затѣмъ вдругъ, точно увидавъ направо отъ себя нѣчто сокрытое отъ глазъ другихъ людей, она порывисто привстала и упала безъ чувствъ. Когда она пришла въ себя, она, въ послѣдній разъ, позвала любимаго сына, настоятельно призывала его, и затѣмъ тихо умерла, вѣрная до конца двумъ чувствамъ, наполнявшимъ всю ея жизнь и правившимъ ею: любви материнской и любви къ Богу.

Какова была скорбь Пселла, явившагося слишкомъ поздно, чтобы принять послѣдній поцѣлуй матери, объ этомъ легко можно догадаться, и онъ намъ самъ говоритъ о томъ: „я упалъ на землю, какъ мертвый, пишетъ онъ, ничего не понимая, что творилось вокругъ меня, покуда присутствующіе, окропивъ мнѣ лицо холодной водой и давъ понюхать ароматовъ, не привели меня въ чувство“. Я пропускаю надгробный плачъ, который онъ со всегдашнимъ своимъ искусствомъ импровизировалъ передъ гробомъ умершей. Лучше остановиться на похоронахъ, устроенныхъ Константинополемъ Θεодотъ. Весь городъ принялъ въ нихъ участіе, каждый желалъ въ послѣдній разъ прикоснуться къ тѣлу, къ рукамъ, къ лицу этой благочестивой женщины. Присутствующіе изорвали послѣднее платье, какое она носила, чтобы сохранить отъ него кусочки, какъ реликвіи, и старый отецъ Θεодоты, стоя у постели, гдѣ покоилось ея тѣло, могъ по праву сказать рыдавшей женѣ своей: „Вѣрь мнѣ, жена, ты дала жизнь святой и мученицѣ“.

V.

Однако, главный интересъ, представляемый Θεодотой, заключался не въ этой святой кончинѣ и не въ благочестивой жизни ея послѣднихъ лѣтъ. Она главнымъ образомъ интересна своей огромной любовью къ сыну. Всю свою жизнь Пселль былъ убѣжденъ, что руководительница его юности и съ высоты небесъ продолжала нѣжно хранить его и не одинъ разъ философъ укорялъ себя, что до извѣстной степени обманулъ надежды святой женщины, слѣдуя другому направленію, чѣмъ она желала бы. Есть, несомнѣнно, нѣчто парадоксальное въ томъ, что этотъ человекъ, чья жизнь протекала „какъ елей, что течетъ неслышно“, что добрый семьянинъ „не скорый на отвѣты“ имѣлъ сына, самаго подвижного, самаго дѣятельнаго, самаго большого интригана среди всѣхъ придворныхъ и самаго словоохотливаго изъ ораторовъ, и что эта благочестивая мать, умершая въ святости, дала жизнь человеку съ умомъ самымъ свободомыслящимъ, самымъ открытымъ, самымъ научнымъ среди всѣхъ его современниковъ. Пселль хорошо чувствовалъ этотъ контрастъ и до какой степени была велика разница между нимъ и его родителями. Но любовь къ наукѣ у него была сильнѣе всего. „Я долженъ былъ бы, говоритъ онъ, думать только объ одномъ Богѣ. Но мой характеръ, непреоборимая жажда всякаго знанія, влѣкли меня къ наукѣ“. Какого рода было это знаніе, какъ обширно и глубоко, онъ это намъ самъ любезно объяснилъ: онъ рассказалъ намъ, какъ въ двадцать пять лѣтъ онъ зналъ все, что можно знать,

риторику и философію, геометрію и музыку, право и астрономію, медицину, физику, даже оккультныя знанія, и какъ отъ неоплатониковъ и отъ „удивительнаго Прокла“ онъ мало-по-малу возвысился до „чистаго свѣта Платона“. Въ сущности, несмотря на нѣкоторыя сомнѣнія, которыя порой у него являлись, этотъ свободный и великій умъ отнюдь не жалѣлъ о своихъ знаніяхъ, равно и его мать, въ конечномъ итогѣ, должна была, взирая на него съ высоты небесъ, быть имъ довольной. Благодаря тому, что онъ былъ выдающимся ученымъ, Пселлъ попалъ ко двору и дошелъ до поста перваго министра: и такимъ образомъ, хотя нѣсколько иначе, онъ осуществилъ великіе честолюбивые замыслы своей матери и тѣ прекрасныя мечты, какимъ предавалась она въ былыя времена, склоняясь съ любовью надъ его колыбелью.

ГЛАВА XII.

Анна Далассина.

Аристократическая византійская семья въ XI вѣкѣ.

Среди феодальной и военной знати Византіи однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ родовъ около половины XI вѣка былъ родъ Комниновъ. Помимо обширныхъ владѣній въ Азіи и другихъ несмѣтныхъ богатствъ родъ этотъ прославился еще благодаря своимъ заслугамъ передъ государствомъ: глава его, Исаакъ, былъ тогда однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ полководцевъ имперіи. Поэтому, когда въ 1057 году старшіе военные чины, въ негодованіи противъ неумѣлаго правленія гражданской власти, рѣшились поднять мятежь, они съ общаго согласія провозгласили Комнина царемъ византійскимъ. Такъ Исаакъ положилъ начало будущему величію своего рода.

Однако, едва прошло два года съ его восшествія на престолъ, какъ новый царь, разочарованный, сознавая свое безсиліе творить добро, о которомъ мечталъ, къ тому же еще больной, рѣшился отречься отъ престола. Одно время онъ думалъ передать власть брату своему Іоанну, уже возведенному имъ на высокую должность куропалата и domestика; но послѣдній, страшась

тяжелой отвѣтственности, отказался наотрѣзь. Напрасно жена его Анна Далассина пыталась внушить ему бодрость; напрасно представляла ему, какимъ опасностямъ онъ въ будущемъ подвергаетъ своихъ, которые неизбѣжно будутъ казаться подозрительными всякому правительству, какъ возможные претенденты на престолъ; напрасно, мѣшая укоры со слезами, она въ горькихъ выраженіяхъ осмѣивала такое философское безкорыстіе и такую опасную умѣренность. Она не могла добиться ничего. Вслѣдствіе отказа Іоанна, престолъ достался предсѣдателю сената Константину Дукѣ. Но Анна Далассина всю жизнь не могла забыть этихъ трагическихъ переговоровъ, происходившихъ въ ноябрѣ 1059 года. Никогда она не могла утѣшиться, что миновала ее императорская корона, которую ея мужъ, произнеси онъ только одно слово, могъ бы возложить ей на голову; никогда не простила она Дукѣ, что онъ вмѣсто нея взошелъ на престолъ. Отнынѣ она поставила себѣ единую цѣль жизни: вновь найти утраченную возможность, отплатить судьбѣ, вновь завоевать для своихъ верховную власть, которой она думала завладѣть; и такъ какъ Анна Далассина была столько же ловка и настойчива, сколь честолюбива, она достигла своего. Государственный переворотъ 1081 года, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ упрочившій престолъ за династіей Комниновъ, былъ слѣдствіемъ хотя и не прямымъ, но вѣрнымъ и логическимъ, ея упорной энергіи, ея страстной заботы о славѣ своего дома, ея материнской преданности, глубокой и неизсякаемой, какую она выказывала своимъ дѣтямъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ.

I.

Если оставить въ сторонѣ разницу общественнаго положенія, аристократка Анна Далассина очень напоминаетъ женщину средняго класса, какой была мать Пселла. Такъ же, какъ послѣдняя, она была набожна, милосердна, добродѣтельна; подобно ей, она любила общество монаховъ и священниковъ и мечтала окончить свои дни гдѣ-нибудь въ монастырѣ; подобно ей, проводила часть ночи за чтеніемъ благочестивыхъ книгъ, то произнося молитвы, то читая псалмы, а въ обществѣ видѣли ее всегда со строгимъ и важнымъ лицомъ, внушавшимъ легкомысленнымъ людямъ почтеніе, смѣшанное со страхомъ. Подобно ей, она соединяла съ горячей любовью къ Богу страстную любовь къ своимъ дѣтямъ. Позднѣе, въ одномъ официальномъ актѣ сынъ ея, императоръ Алексѣй, отдаетъ ей должное, и это свидѣтельство стоитъ привести. „Ничто не сравнится, пишетъ царь, съ нѣжной матерью, любящей своихъ дѣтей. Нѣтъ въ мірѣ болѣе твердой опоры, появляется ли на горизонтѣ опасность, грозитъ ли какая-нибудь бѣда. Если она даетъ совѣтъ, совѣтъ ея всегда добрый; когда она молится за кого-нибудь, ея всемогущая молитва доставляетъ неодолимую защиту. Таковой мнѣ являлась всегда, съ самаго ранняго дѣтства, моя мать и высокочтимая госпожа, бывшая во всѣхъ обстоятельствахъ моей руководительницей и наставницей. Мы были одной душой въ двухъ тѣлахъ и милостью Божіей этотъ прекрасный и тѣсный союзъ длится и по сей день“.

Несомнѣнно, что Анна Далассина имѣла на

своихъ сыновей глубокое и рѣшительное вліяніе. Какъ и въ семействѣ Пселла, такъ и во дворцѣ Комниновъ она была мужчиной въ домѣ; и когда въ 1067 году, по смерти мужа, она осталась вдовой съ восемью дѣтьми, пятью сыновьями и тремя дочерьми, роль ея, и безъ того значительная, еще увеличилась. Это она воспитала, главнымъ образомъ, всѣхъ своихъ, сдѣлала изъ нихъ замѣчательныхъ людей, способныхъ исполнять то высокое назначеніе, о какомъ она для нихъ мечтала, и къ которому она ихъ вела. Впрочемъ, она охотно слушала тѣхъ, кто обѣщаль ей власть для ея дѣтей, и въ особенности не жалѣла ничего, чтобы пророчества эти осуществились. „Это ея молитвами, пишетъ сынъ ея Алексѣй, непрестанно возносимыми къ престолу Божьему, достигли мы вершины верховной власти“. И справедливо поэтому исторія наименовала ее „матерью Комниновъ“.

Единственная разница между этими двумя одинаково страстными матерями, матерью Пселла и матерью Комниновъ, состоитъ въ томъ, что Анна Далассина, благодаря своему рожденію, богатству и обаянію своего имени, могла воспользоваться для своихъ честолюбивыхъ цѣлей такими средствами, какихъ не имѣла скромная по рожденію своему Θεодота. Происходя изъ знатной семьи, дочь отца, занимавшаго высшія должности въ еемѣ Италіи, принадлежа по матери къ знаменитому дому Далассиновъ, слава котораго не давала покою многимъ императорамъ, выйдя замужъ за одного изъ Комниновъ, имѣя связи съ самымъ цвѣтомъ византійской аристократіи, она всегда жила въ высшемъ свѣтѣ и при дворѣ,

гдѣ научилась искусству интриги, практиковавшемуся ею съ необычайнымъ умѣньемъ; съ удивительной ловкостью обходя всѣ трудности, она съ несравненнымъ мастерствомъ выпутывалась изъ самыхъ опасныхъ положеній.

Къ этому драгоцѣнному искусству, хотя нѣсколько низменному, Анна присоединяла, кромѣ того, очень выдающіяся качества ума. Сынъ ея Алексѣй, ея внучка Анна Комнина, никогда не говорятъ о ней иначе какъ съ безусловнымъ восхищеніемъ. Она обладала перворазряднымъ умомъ, „умомъ могучимъ, поистинѣ царственнымъ и достойнымъ престола“. Съ ранняго дѣтства выказывала она дѣятельную и сильную волю, большой здравый смыслъ; въ ея ясномъ и уравновѣшенномъ мозгу постоянно бродила какая-нибудь дѣятельная мысль. „Это было удивительно, пишетъ Анна Комнина, видѣть въ этомъ тѣлѣ молодой женщины разумъ старца, а стоило только посмотрѣть на нее, чтобы увидать всѣ ея серьезныя качества и достоинства“. Въ ней была душа государственнаго мужа. Она обладала удивительной дѣловой опытностью, глубокимъ знаніемъ политики; она была бы способна править цѣлымъ міромъ. Наконецъ, она обладала замѣчательными природными способностями: ея рѣчь была свободна, сжата, она всегда находила вѣрное слово и легко доходила до краснорѣчія. „Безъ ея ума и безъ ея разсудительности, сказалъ объ ней ея сынъ, имперія погибла бы“. И Анна Комнина превозноситъ ее выше всѣхъ современныхъ ей государственныхъ людей. „Она была, пишетъ ея внучка, украшеніемъ и честью своего пола, славою челоуѣчества“. Обладая при этомъ муже-

ствомъ и гордой смѣлостью, безусловно преданная своимъ сыновьямъ, необыкновенно ловкая, она была, однимъ словомъ, женщина выдающаяся своими высокими качествами, оправдывавшая непопулярность своего честолюбія. Высокомерная и интриганка въ одно и то же время, осторожная и податливая, когда это было нужно, предприимчивая и смѣлая, когда это требовалось, и всегда безконечно умная, она несомнѣнно была основательницей величія своей семьи, и видя ее такой, легко понять необычайное вліяніе, какое она сохраняла до самой смерти на своихъ благодарныхъ сыновей

II.

Въ 1067 году, когда послѣ смерти мужа Анна Далассина стала главой семьи, трое изъ ея сыновей были уже взрослыми. Старшій, Мануиль, служилъ въ императорскомъ войскѣ; Исаакъ и Алексѣй были молодые люди, отъ девятнадцати до двадцати лѣтъ; только Адрианъ и Никифоръ были еще дѣтьми. Изъ трехъ дочерей двѣ были пристроены, замужемъ за знатными людьми: одна вышла за Михаила Таронита, другая за Никифора Мелиссина. Закончить образованіе младшихъ, поднять на должную высоту остальныхъ и упрочить ихъ судьбу, такова была двойная цѣль, отнынѣ поставленная себѣ матерью.

Обстоятельства очень благопріятствовали ей. Въ это время византійскій престолъ опять былъ въ рукахъ женщины, Евдокіи, вдовы Константина Дуки, регентши, правившей отъ имени своего малолѣтняго сына Михаила VII. Это была царица

умная образованная, даже причастная литературѣ; хотя ей неправильно приписывали сочиненіе поэмы „Віоларій“ или „Поле фіалокъ“, несомнѣнно, что она любила писать и была авторомъ нѣсколькихъ стихотвореній—о волосахъ Аріоны, о занятіяхъ, приличествующихъ царицѣ,—и трактата о монастырской жизни, достаточно свидѣтельствующихъ объ ея литературныхъ вкусахъ и стремленіяхъ. Но еще болѣе того это была женщина энергичная, честолюбивая, жадная до власти: „я твердо намѣрена, говорила она, умереть на престолѣ“. Поэтому мужъ ея, цѣнившій ея качества, умирая, упрочилъ за ней особымъ актомъ верховную власть, обязавъ ее при этомъ, изъ странной предосторожности влюбленнаго и ревниваго мужа, письменнымъ условіемъ никогда не выходить вновь замужъ. Евдокія согласилась и подписанное ею условіе было торжественно отдано на храненіе патріарху Іоанну Ксифиліну.

Къ сожалѣнію, тяжелое положеніе, какое переживала тогда имперія, крайне затрудняло для женщины исполненіе послѣдней воли, завѣщанной василевсомъ Константиномъ X; потребность въ мужской рукѣ заставляла себя сильно чувствовать; и, кромѣ того, хотя Евдокіи было подъ сорокъ лѣтъ, она обладала темпераментомъ, плохо мирившимся со вдовствомъ. Какъ разъ въ это время она страстно влюбилась въ красиваго Романа Діогена, полководца, пытавшагося послѣ смерти императора поднять военный бунтъ; побѣжденный и привезенный плѣннымъ въ Константинополь, онъ ожидалъ надъ собой суда, какъ вдругъ, къ великому удивленію придворныхъ, императрица помиловала его; и скоро у

нея не стало другой мысли, какъ только выйти за него замужъ. Одна вещь, впрочемъ, смущала ее: злополучный документъ, врученный патріарху. Крайне ловко регентша провела святого отца; она сдѣлала видъ, что воспылала горячей любовью къ брату Ксифилина; и послѣдній, въ качествѣ добраго родственника, чтобы не стать помѣхой счастью, готовому улыбнуться его семьѣ, согласился возвратить Евдокіи бумагу, содержащую ея обѣщаніе. Овладевъ своимъ обязательствомъ, царица сняла маску и вышла замужъ за Романа Діогена.

„Человѣкъ, замѣчаетъ Пселль, рассказывая объ этомъ событіи, животное измѣнчивое, особенно, когда находитъ для своихъ измѣнъ блавидные предлоги“. Но остальные далеко не такъ спокойно отнеслись къ этому. Кесарь Іоаннъ Дука, братъ покойнаго императора, увидавшій что его отстранили отъ дѣлъ, патріархъ Ксифилинъ, взбѣшенный, что его провели, не скрывали своего недовольства; и самъ Пселль, бывшій любимымъ министромъ Константина X и наставникомъ юнаго Михаила VII, въ концѣ концовъ, почувствовалъ нѣкоторую неприязнь къ начинавшейся такимъ образомъ новой политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, восшествіе на престолъ Романа означало торжество военнаго сословія, и гражданскіе чины, взволнованные, возмущенные, становились въ открытую оппозицію къ царю, грозившему лишить ихъ вліянія.

Послѣднее обстоятельство и приблизило Комниновъ ко двору. Помимо того, что Евдокія состояла съ ними въ нѣкоторомъ родствѣ, они по своему имени, по воспоминаніямъ объ импера-

торъ Исаакъ, ихъ дядѣ, считались самыми знаменитыми представителями и самыми твердыми приверженцами идеи военной реорганизаціи и энергичныхъ мѣръ, какія олицетворяло возвышеніе Романа; кромѣ того, Анна Комнина была слишкомъ довольна паденіемъ своихъ враговъ Дукъ, чтобы не поддержать новое правительство или отказывать ему въ сочувствіи. Поэтому вся семья нашла во дворцѣ милость и почетъ. Анна Далассина выдала свою младшую дочь за Константина Діогена, близкаго родственника царя, для сына своего Мануила она добилась высшаго назначенія. Онъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ восточной арміи, протопроедромъ, затѣмъ куропалатомъ и во главѣ войска прославился блестящими подвигами. Благодаря ему, имя Комниновъ вновь становилось популярнымъ въ войскѣ, и надежда улыбнулась Аннѣ Далассинѣ, какъ вдругъ юный полководецъ серьезно заболѣлъ въ Виѳиніи.

Получивъ это извѣстіе, испуганная мать тотчасъ отправилась къ сыну; послѣднимъ усиліемъ воли Мануиль, почти умирающій, всталъ, чтобы встрѣтить ее; онъ бросился къ ней въ объятія, съ трудомъ произнесъ нѣсколько словъ; затѣмъ вновь упалъ на постель и, высказавъ желаніе, чтобы его похоронили въ той самой могилѣ, гдѣ впоследствии упокоится его возлюбленная мать, онъ лишился силъ и умеръ. Ничто лучше этого разказа не показываетъ всей глубины почтенія и нѣжной привязанности, какія сумѣла эта женщина внушить своимъ дѣтямъ; ничто также не показываетъ лучше рѣдкой энергіи ея души, чѣмъ то, что затѣмъ послѣдовало. Смерть Мануила

была не только жестокимъ испытаніемъ, она являлась гибелью всѣхъ надеждъ, возложенныхъ ею на эту юную, такъ славно начавшуюся жизнь. Несмотря на значительность своей утраты и своего отчаянія, Анна Далассина, однако, вновь овладѣла собой, хотя поразилъ ее тяжкій ударъ. Одинъ Комнинъ погибъ; другой долженъ былъ продолжать традиціи и упрочить судьбы рода. Она рѣшила немедленно отправить въ армію своего третьяго сына, юнаго Алексѣя. Но императоръ выказалъ себя болѣе жалостливымъ, чѣмъ мать. Когда Комнинъ явился къ нему просить разрѣшенія уѣхать, онъ отвѣчалъ: „Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, чтобы въ такой скорби мать твоя оставалась одна, и я не хочу, чтобы къ горю потери одного сына присоединилась печаль разлуки съ другимъ“. И онъ отправилъ молодого человѣка обратно къ Аннѣ Далассинѣ.

Революція 1071 года однимъ ударомъ уничтожила дѣло, съ такимъ терпѣніемъ подготовлявшееся Анной. Извѣстно, какъ послѣ пораженія Романа IV, разбитаго турками при Манцикертѣ и взятаго въ плѣнъ султаномъ, разразилась при дворѣ вся ненависть, съ давнихъ поръ накопившаяся противъ злополучнаго монарха, и какъ партія Дуки, объявивъ его низложеннымъ, не усумнилась, по освобожденіи царя изъ плѣна, начать съ нимъ войну, какъ съ чужеземнымъ врагомъ. Съ обычной ей смѣлостью Анна Далассина осталась упорно вѣрна этому низложенному императору; ее не замедлили обвинить въ тайной перепискѣ съ нимъ, ее потребовали на судъ; осужденіе ея казалось рѣшеннымъ заранѣе. И вотъ

на судѣ эта женщина, всегда высокоомѣрная и твердая, вдругъ выхватила изъ-подъ одежды распятіе и, потрясая имъ передъ лицомъ растерявшихся судей, воскликнула: „Вотъ мой судья, а также и вашъ, думайте о Немъ, когда будете произносить вашъ приговоръ, и смотрите, чтобы онъ былъ достоинъ верховнаго судьи, который видитъ скрытое въ глубинѣ души человѣческой“. При этой неожиданной выходкѣ судьи совершенно растерялись. Нѣкоторые стали уже склоняться къ оправданію; однако, большинство устранилось гнѣва новаго владыки. Выпутались изъ этого положенія, прибѣгнувъ къ подлости, очень удачно сопоставленной друзьями Комниновъ съ „судомъ Каіафы“. Анна Далассина была присуждена къ изгнанію и отправлена съ сыновьями на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ.

III.

Немилость, постигшая Комниновъ, была, однако, непродолжительна. Ихъ главный противникъ, кесарь Іоаннъ Дука, ставшій регентомъ вмѣсто Романа и Евдокіи, не замедлилъ поссориться со своимъ племянникомъ Михаиломъ VII и долженъ былъ оставить дворъ и удалиться въ свои азійскія владѣнія. Комнины, несмотря на ихъ паденіе, были слишкомъ сильны и слишкомъ знатны, чтобы новые министры не чувствовали, насколько было важно при подобныхъ обстоятельствахъ заручиться ихъ поддержкой. Ихъ вернули изъ ссылки. Вскорѣ, чтобы еще больше быть увѣренными въ ихъ содѣйствіи, женили Исаака, главу семьи, на родственницѣ императрицы Ма-

рии Аланской, и вскорѣ затѣмъ сдѣлали его главнокомандующимъ восточной арміи, должность, порученная нѣкогда брату его Мануилу. Уѣзжая, Исаакъ взялъ съ собою въ лагерь младшаго своего брата Алексѣя. Съ этихъ поръ счастье стало все больше и больше улыбаться этой семьѣ.

Алексѣю Комнину, будущему императору, было тогда двадцать три или двадцать четыре года; Исаакъ былъ немногимъ старше. Оба были удивительные воины, страстно любившіе военное дѣло и до того безстрашные, что храбрость старшаго доходила иногда до безумной смѣлости. Онъ кидался тогда на врага, поражая его „какъ ударъ молніи“, и не разъ, изъ-за неосторожности, попадалъ въ руки невѣрныхъ. Алексѣй, хотя и не менѣе смѣлый, былъ болѣе спокойнаго, уравновѣшеннаго характера. Въ физическомъ отношеніи онъ былъ средняго роста, но крѣпкаго сложенія и очень силенъ; съ своимъ загорѣлымъ цвѣтомъ лица, черными волосами, темными блестящими глазами онъ имѣлъ красивую, вполнѣ привлекательную внѣшность. Обученный всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, онъ былъ страстный охотникъ, изящный, неутомимый наѣздникъ, страстно любившій военныя приключенія. Но съ этой физической дѣятельностью онъ соединялъ, въ нравственномъ отношеніи, рѣдкое самообладаніе и удивительную ловкость вести интригу. Умный, образованный, умѣющій говорить, онъ таилъ въ душѣ своей твердую, упорную волю; однако, такъ какъ онъ отъ природы былъ нрава кроткаго, онъ предпочиталъ достигать цѣли скорѣй ловкостью, чѣмъ насиліемъ. Подобно сво-

имъ братьямъ, нѣжно привязанный къ матери, онъ былъ втайнѣ предметомъ особой любви Анны Далассины; она считала, что онъ болѣе другихъ способенъ осуществить ея честолюбивые замыслы; вотъ почему съ очень раннихъ лѣтъ она готовила его къ военной карьерѣ и затѣмъ приставила, въ качествѣ адъютанта, къ старшему его брату Исааку. Во всемъ этомъ Анна Далассина судила вѣрно. Въ самый короткий срокъ братья Комнины блестящею храбростью и другими военными подвигами покрыли свое имя необыкновенной славой.

Около 1072 и 1073 годовъ положеніе имперіи было чрезвычайно затруднительно. Со стороны азіатской границы угрожали турки; эта опасность осложнялась еще мятежомъ, поднятымъ однимъ начальникомъ наемныхъ войскъ, норманомъ Русселемъ изъ Байеля. Вынужденные выдерживать борьбу противъ невѣрныхъ съ силами, очень уменьшенными этимъ мятежомъ, оба брата, однако, творили чудеса. Если вѣрить семейной хроникѣ, прославляющей, конечно, нѣсколько пристрастно ихъ храбрость и тѣсную дружбу,—они были дружны, говоритъ Анна Комнина, какъ Орестъ и Пиладъ,—подвиги ихъ были достойны подвиговъ паладиновъ. Однажды въ одной битвѣ подъ Исаакомъ убили лошадь, и онъ попалъ въ руки турокъ. Алексѣй съ большимъ трудомъ старался спасти войско и прикрыть отступление, какъ вдругъ воины, охваченные паникой, обратились въ бѣгство, оставивъ юнаго полководца почти совсѣмъ одного. Окруженный со всѣхъ сторонъ мусульманами, Алексѣй вынужденъ былъ бѣжать и только чудомъ спасся отъ

преслѣдованія; наконецъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ какой-то глухой деревушкѣ, ему удалось съ нѣсколькими изъ своихъ людей добраться до Анкиры. Думая объ одномъ только, какъ бы освободить поскорѣе любимаго брата, онъ поспѣшилъ въ Константинополь, чтобы собрать тамъ необходимый выкупъ; по своемъ возвращеніи, онъ имѣлъ неожиданную радость найти Исаака уже свободнымъ; каппадокійская знать рѣшилась въ благородномъ порывѣ сложиться и выкупить наслѣдника такого славнаго рода. Тогда братья уже вмѣстѣ поѣхали обратно въ столицу; но опять въ окрестностяхъ Никомидіи на нихъ напали турки и окружили ихъ. Они мечомъ пробили себѣ дорогу, выказавъ въ этомъ сраженіи чудеса храбрости, въ концѣ концовъ выпутались изъ бѣды и, несмотря на бѣшеную погоню, не потерявъ ни одного человѣка, достигли безопаснаго мѣста. Когда послѣ этой эпической скачки они возвратились въ Константинополь, народъ въ восторгѣ устроилъ имъ торжественную встрѣчу, и толпа, растроганная и очарованная, взирала, любуясь, на того, кого съ любовью называла „прекраснымъ золотымъ юношей“.

Такая блестящая слава должна была неминуемо возбудить тревогу въ высшихъ сферахъ; рѣшили употребить всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ этихъ слишкомъ популярныхъ молодыхъ людей. Исаакъ, въ качествѣ правителя Антіохіи, былъ отправленъ на окраины далекой Сиріи; Алексѣй, возведенный въ чинъ стратопедарха, получилъ порученіе сразиться съ Русселемъ изъ Байеля и покорить его Византіи. Но на это трудное дѣло

ему отпустили мало воиновъ и не дали никакихъ денегъ. Несмотря на нежеланіе матери, боявшейся, что заранѣе обреченное на неудачу предпріятіе скомпрометируетъ его славу, Алексѣй все же принялъ предложенное ему начальствованіе. И такъ искусна была его тактика, такъ тонка его дипломатія, что дѣло, долженствовавшее, повидимому, его погубить, послужило только къ еще большему его возвеличенію. Онъ началъ съ того, что преградилъ доступъ провіанта мятежнику, затѣмъ сумѣлъ возбудить въ его лагерь измѣну, такъ что измѣнникъ выдалъ ему Руссея, и торжественно привезъ въ Константинополь этого, столь опаснаго, противника. Императоръ Михаилъ VII принялъ юнаго героя чрезвычайно милостиво: „привѣтствую того, сказалъ онъ ему, кто, послѣ Бога, наша правая рука“. Въ это время, въ 1074 году, Алексѣй былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ людей Византіи.

Между тѣмъ противъ царя поднималось всеобщее недовольство. Безстыдная алчность перваго министра истощала казну и причиняла голодовку въ странѣ; войско, не получавшее жалованья, возмущалось. Честолюбцы пользовались неурядицей, царившей благодаря слабому правительству Михаила; въ Европѣ Никифоръ Врѣнній провозгласилъ себя императоромъ; въ Азіи Никифоръ Вотаніатъ облекся въ порфиру, поддержанный феодальной знатью и даже частью сената. Между правительствомъ и претендентами-соперниками Алексѣй Комнинъ лавировалъ крайне искусно и, не становясь ни на чью сторону, тѣмъ вѣрнѣе упрочивалъ собственное положеніе; и скоро онъ сталъ казаться такимъ необхо-

димымъ человѣкомъ, что всѣ партіи добивались союза съ нимъ и старались имъ завладѣть. Онъ воспользовался очень искусно обстоятельствами, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ.

Незадолго передъ тѣмъ Алексѣй потерялъ жену. Взамѣнъ ея ему предлагали двѣ одинаково блестящія и полезныя партіи. Императоръ предлагалъ ему руку своей сестры Зои, кесарь Іоаннъ Дука желалъ выдать за него свою внучку Ирину. Имѣя выборъ между этими двумя браками, Комнинъ легко сообразилъ всѣ выгоды второго, который, соединяя интересы двухъ самыхъ знаменитыхъ въ Византіи аристократическихъ родовъ, обезпечивалъ въ будущемъ неогцѣнимую поддержку его честолюбивымъ планамъ. Онъ рѣшился выбрать Дукъ. Но это рѣшеніе натолкнулось со всѣхъ сторонъ на крайнія препятствія. Императоръ, оскорбленный тѣмъ что отвергли союзъ съ нимъ, выказывалъ къ нему явную враждебность; но что было еще удивительнѣе, сама Анна Далассина противилась теперь желанію сына; давнишняя и упорная ненависть къ Дукамъ затемняла на этотъ разъ всегдашнюю ясность ея сужденія и заставляла ее пренебречь явной выгодой ея дома. Вотъ тутъ-то и проявились политическое чутье и дальновидная стойкость Алексѣя. Все время завѣряя, что онъ никогда не пойдетъ противъ воли матери, онъ тѣмъ не менѣе ни въ чемъ не поддавался ея увѣщаніямъ; дѣйствуя необычайно терпѣливо и тонко, онъ задумалъ заставить ее отказаться отъ своихъ предубѣжденій и съ помощью ловкой дипломатіи своей будущей свекрови онъ, въ концѣ-концовъ, одолѣлъ всѣ

затрудненія. Анна Далассина, скрѣпя сердце, дала согласіе; добились также и соизволенія царя, и въ концѣ 1077 года свадьба была отпразднована. Анна Далассина, какъ это видно будетъ дальше, затаила противъ своей невѣстки упорную злобу, тѣмъ болѣе сильную, что ей пришлось въ этихъ обстоятельствахъ въ первый разъ въ жизни подчинить свою волю волѣ сына.

Надо, однако, замѣтить, что въ этой распрѣ правда была на сторонѣ Алексѣя, а не его матери: дальнѣйшія событія достаточно это показали. Союзъ съ Дуками представлялъ въ его игрѣ большой козырь; онъ позволилъ ему между всѣми имѣющимися на лицо партіями оказать свою поддержку тамъ, гдѣ это ему было выгодно, и стать дѣйствительнымъ хозяиномъ положенія. Сначала онъ оставался вѣренъ существовавшему правительству: въ началѣ 1078 года онъ разбилъ въ Македоніи Никифора Врѣннія. Но когда, нѣсколько позднѣе, Вотаніатъ свергнулъ съ престола Михаила VII, Комнинъ счелъ болѣе выгоднымъ примкнуть къ новому правительству. Такое драгоцѣнное сообщничество получило свою заслуженную награду: Алексѣй былъ возведенъ въ должность великаго доместика схоль, получилъ титулъ новилиссима и сталъ дѣйствительно главнымъ защитникомъ и лучшей опорой царя. Онъ вторично разбилъ Никифора Врѣннія; затѣмъ уничтожилъ другого мятежника, Василака, и обоихъ ихъ доставилъ плѣнными къ стопамъ императора. Эти успѣхи были увѣнчаны новымъ почетомъ: его сдѣлали проедромъ. Но въ особенности способствовали они увеличенію его популярности. Благодаря

своимъ блестящимъ побѣдамъ, онъ сдѣлался кумиромъ войска, привѣтствовавшего его при всякомъ случаѣ и не желавшаго иного начальника, кромѣ него. Своей женитьбой онъ привлекъ на свою сторону большую часть феодальной аристократіи, такъ какъ олицетворялъ собою ихъ требованія, и, сверхъ всего, онъ пріобрѣлъ поддержку патріарха, слѣпо преданнаго Дукамъ. Наконецъ, своей привлекательной внѣшностью, окружавшимъ его ореоломъ славы, онъ нравился толпѣ. Алексѣй Комнинъ былъ въ правѣ питать всякія надежды.

IV.

Въ это самое время императоръ Никифоръ Вотаніатъ становился все болѣе непопулярнымъ. Его министры, какъ нѣкогда министры Михаила VII, расхищали съ большимъ трудомъ собранныя деньги, и такъ какъ казна находилась въ крайне бѣдственномъ положеніи, лихоимство императорской бюрократіи еще увеличивало недовольство. Войско, все болѣе и болѣе недовольное слабостью правительства, управлявшаго государствомъ, раздражалось, что его держать въ пренебреженіи, мало ему платять, постоянно приносятъ въ жертву интересамъ гражданской администраціи. Азіатскіе полки роптали; въ столицахъ варяги, самая, повидимому, вѣрная и надежная часть стражи, возмущались, и эти бунты съ трудомъ подавлялись. Вотаніатъ вдобавокъ былъ старъ, лишенъ энергіи, немножко смѣшонъ. Со всѣхъ сторонъ требовали новую династію, и возмущеніе Никифора Мелиссина,

провозгласившаго себя царемъ въ Азіи, было явнымъ знакомъ грознаго и близкаго кризиса.

Понятно, что гражданская партія была крайне встревожена такимъ положеніемъ дѣлъ, и, стояшіе во главѣ ея министры сильно озабочены популярностью Комниновъ, явно предназначенныхъ стать во главѣ военной и феодальной партіи. Они уже успѣли выказать Алексѣю свое недовѣріе, запретивъ ему послѣ его побѣды надъ Вріенніемъ триумфаторомъ вступить въ столицу. Теперь они старались подорвать къ нему довѣріе императора, выставляя на видъ, что азіатскій мятежникъ былъ зятемъ Комниновъ; напоминали, что Алексѣй, — это было крайне благоразумно со стороны послѣдняго, — только что отказался отъ командованія войскомъ, посланнымъ противъ его родственника, старались представить его единомышленникомъ узурпатора, и тѣмъ окончательно погубить его. Но Алексѣй, какъ извѣстно, могъ всякаго заткнуть за поясъ въ тонкой игрѣ интригъ; на козни своихъ враговъ онъ отвѣчалъ другими кознями, и однимъ вѣрнымъ ходомъ нашель средство обезпечить себѣ всемогущую поддержку въ томъ самомъ дворцѣ, гдѣ замышляли его гибель.

Когда Михаилъ VII былъ еще императоромъ, онъ женился на царевнѣ Маріи Аланской. Это была очень красивая женщина, высокая, изящная, съ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ прелестными свѣтлыми глазами, несравненной граціи и очарованія. „Ни Апелесь, ни Фидій, — говоритъ Анна Комнина, — не создали ничего, что могло бы сравниться съ ней по красотѣ“. „Это была“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, „живая

статуя, и нельзя было достаточно налюбоваться на нее тому, кто любить красоту, или, вѣрнѣе, это былъ Амуръ, воплотившійся и сошедшій на землю“. Эта красавица, какъ легко можно догадаться, возбудила кругомъ себя сильныя страсти. Самъ Никифоръ Вотаніатъ, когда вступилъ на престоль, не былъ равнодушенъ къ ея чарамъ; и уже не очень молодой и два раза вдовый, онъ задумалъ на ней жениться. Было тутъ одно не малое затрудненіе: мужъ молодой женщины, лишенный престола Михаилъ VII, еще былъ живъ; но его заставили уйти въ монастырь, для міра онъ могъ считаться умершимъ, а бракъ его расторгнутымъ. Но одно время Никифоръ все же колебался, и такъ какъ прежде всего онъ заботился о томъ, чтобы узаконить свое узурпаторство черезъ союзъ съ императорскимъ домомъ, то рѣшилъ взять себѣ въ жены вдову Константина X и Романа Діогена Евдокію, которая охотно согласилась бы раздѣлить съ нимъ власть. Это былъ бы бракъ разумный, вполне подходящий и по возрасту жениха и невѣсты; но Марія была болѣе хороша и обольстительна: Вотаніатъ не устоялъ противъ соблазна. Несмотря на то, что церковь не желала благословить такой вдвойнѣ незаконный бракъ, царь рѣшился на третій бракъ и женился на женѣ своего предшественника.

Марія Аланская безъ всякаго увлеченія согласилась исполнить желаніе Никифора, единственно только, чтобы спасти интересы своего малолѣтняго сына Константина, имѣвшаго тогда четыре года отроду; но она не могла любить стараго мужа, навязаннаго ей. Алексѣй Комнинъ,

какъ извѣстно, былъ, наоборотъ, крайне привлеченъ; повидимому, императрица очень скоро возымѣла къ нему самое нѣжное чувство, и по столицѣ не замедлилъ пройти слухъ, что она съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Фактъ представляется довольно правдоподобнымъ; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что царица взяла рѣшительно сторону Комниновъ и выказала имъ полное благоволеніе. А черезъ замужество своей кузины съ главой семьи, Исаакомъ, она приходилась имъ также нѣсколько сродни; благодаря этому браку Исаакъ, бывшій тогда въ Константинополь, имѣлъ свободный доступъ къ царицѣ. Онъ этимъ пользовался, чтобы выдвигать своего брата, чтобы снискивать ему милости гинекея, гдѣ всѣ дѣйствовали за него; и сама Анна Далассина, изъ ненависти къ своей невѣсткѣ Иринѣ Дукѣ, смотрѣла сквозь пальцы на связь Алексѣя и употребляла всю свою власть, чтобы помогать сыновьямъ въ ихъ проискахъ. Всѣ эти интриги привели къ довольно непредвидѣнному результату: Марія Аланская усыновила Алексѣя Комнина. Черезъ это онъ вступалъ въ императорскую семью и, офиціально признанный своимъ человѣкомъ во дворцѣ, онъ очутился еще въ болѣе удобномъ положеніи, чтобы слѣдить за всѣмъ, что замышлялось тамъ противъ него.

Обманутый министрами, императоръ принялъ очень важное рѣшеніе: онъ назначилъ своимъ преемникомъ племянника своего Синадина. Когда Марія Аланская узнала о такомъ выборѣ, такомъ грубомъ пренебреженіи правами ея сына на престоль, злоба ея не знала предѣловъ; тотчасъ извѣщенные ею Комнины, хорошо подученные

своей матерью, еще больше разжигали ея негодованіе. Совѣтники императора пошли тогда на рѣшительный поступокъ; чтобы покончить со всѣмъ этимъ, они рѣшили ослѣпить обоихъ братьевъ. Но Алексѣй и Исаакъ уже давно кое что подозрѣвали, такъ что въ видахъ предосторожности, говорятъ, никогда не появлялись вмѣстѣ во дворецъ. Предувѣдомленные императрицей, они пошли на проломъ и поставили все на карту.

Въ ночь на 14 февраля 1081 года Исаакъ и Алексѣй въ сопровожденіи главныхъ своихъ приверженцевъ бѣжали изъ столицы и, захвативъ заблаговременно лошадей изъ императорской конюшни, достигли безъ погони лагеря еракійскихъ войскъ. Ихъ отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ и бѣгство произошло съ такою быстротой, что имъ пришлось оставить всѣхъ женщинъ, своихъ родственницъ. Вотъ тутъ то и проявила Анна Далассина всю свою обычную энергію. Съ свойственной ей рѣшимостью она на разсвѣтѣ поспѣшила укрыться въ неприкосновенномъ убѣжищѣ св. Софіи, взявъ съ собою своихъ дочерей, невѣстокъ, внуковъ; и когда Никифоръ Вотаніатъ сталъ требовать, чтобы она возвратилась въ священный дворецъ, она наотрѣзъ отказалась и, уцѣпившись за иконостасъ, объявила, что только отрубивъ ей руки можно оторвать ее отъ него. При видѣ такого упорства, императоръ не осмѣлился прибѣгнуть къ силѣ; онъ вступилъ въ переговоры и въ концѣ концовъ обѣщаль, что бы ни случилось, пощадить жизнь родственницъ бунтовщиковъ. Удовольствовались тѣмъ, что изъ предосторожности заперли ихъ въ Петрійскій

монастырь, куда не замедлила явиться и невестка кесаря Іоанна Дуки, свекровь Алексѣя Комнина. И въ страхѣ всѣ эти женщины ожидали окончанія событій.

Имъ не пришлось долго ждать. Заговорщики, которымъ кесарь Іоаннъ Дука оказалъ поддержку своимъ именемъ и своимъ богатствомъ, готовились явиться имъ на выручку. Въ лагерь подъ Схизой они немедленно провозгласили императоромъ Алексѣя Комнина, въ пользу котораго старшій братъ его Исаакъ великодушно отказался отъ своихъ правъ; затѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ они двинулись къ столицѣ. Въ это время слабый Вотаніатъ рѣшился положиться на волю судьбы; онъ колебался, не принималъ никакихъ мѣръ; онъ заранѣе примирился со своей долей. Одинъ изъ начальниковъ наемнаго войска измѣнилъ и открылъ бунтовщикамъ городскія ворота. Однако ничто еще не было рѣшено. Пришлось сражаться на улицахъ, и Константинополь познакомился со всѣми ужасами взятія приступомъ. Возможно даже, что при такой беспорядочной борьбѣ, еслибы только Вотаніатъ сдѣлалъ попытку къ настоящему сопротивленію, онъ могъ бы еще побѣдить; онъ этого не захотѣлъ, или не осмѣлился. Измѣна флота, перешедшаго на сторону Комниновъ, окончательно сразила его. Чтобы прекратить бесполезное кровопролитіе, царь, по настоянію патріарха, рѣшился отречься отъ престола: Онъ ушелъ въ монастырь и при этомъ ничего другого не нашелъ сказать, какъ только слѣдующія слова: „Одно мнѣ обидно, что не буду ѣсть мяса. Все остальное для меня безразлично“.

V.

Анна Далассина могла считать себя счастливой: ея сынъ сталъ императоромъ. И такъ какъ она подготовила ему путь къ трону, то вліяніе ея перевѣшивало всѣ остальные при водвореніи новой династіи.

У Алексѣя Комнина былъ въ высшей степени развитъ семейный духъ. Первой его заботой, какъ только онъ достигъ власти, было осыпать почестями всѣхъ своихъ близкихъ; для своихъ братьевъ, для своихъ зятьевъ онъ создалъ новые почетные титулы, очень громкіе, и роздалъ имъ высшія должности въ государствѣ. Для матери своей онъ сдѣлалъ еще больше. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ питалъ къ ней глубокое уваженіе и у него вошло въ привычку во всѣхъ случаяхъ руководствоваться ея мнѣніями: ставъ царемъ, онъ захотѣлъ также, чтобы она принимала участіе во всѣхъ его совѣщаніяхъ. Онъ далъ ей титулъ императрицы, посвятилъ ее во всѣ дѣла, обо всемъ съ ней совѣщался. Чтобы удовлетворить эту благочестивую женщину, онъ наложилъ на себя, какъ искупленіе за разграбленіе столицы, сорокадневную эпитимію, которую понесли вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его приближенные. Чтобы сдѣлать ей удовольствіе, онъ чуть было не принялъ гораздо болѣе важнаго рѣшенія: ему пришла мысль развестись съ женой. Несмотря на низверженіе Никифора Вотаніата, императрица Марія оставалась въ священномъ дворцѣ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Константиномъ; и такое милостивое отношеніе возбуждало въ Константинополѣ большіе толки. Оно, повидимому, подтвер-

ждало уже давно ходившіе слухи о близкихъ отношеніяхъ Алексѣя и прекрасной царевны; но, въ особенности, странно противорѣчило его манерѣ обращаться съ собственной законной женой. Въ то время какъ новый монархъ вмѣстѣ съ матерью и всей ея родней поселился въ верхнемъ Вуколеонскомъ дворцѣ, Иринѣ съ ея матерью, сестрами и дѣдомъ было отведено помѣщеніе въ нижнемъ дворцѣ, какъ будто между Комнинами и Дуками хотѣли провести различіе и подготовить будущій разрывъ. При дворѣ и въ столицѣ на всѣ лады толковали объ этомъ раздѣленіи, и многихъ это тревожило. Всѣмъ было извѣстно, что Анна Далассина ненавидѣла Дукъ, и что въ глубинѣ души она никогда не мирилась съ женитьбой своего сына на Иринѣ. И такъ какъ видѣли ея всемогущее вліяніе на Алексѣя, такъ какъ императоръ отнюдь не скрывалъ своего охлажденія къ женѣ, то скоро распространился слухъ, что въ ближайшемъ будущемъ императоръ думаетъ развестись, и что Анна Далассина этому всячески содѣйствуетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императрица-мать интриговала у патріарха Козьмы, стараясь возстановить его противъ своей невѣстки, и несомнѣнно также, что, видя его непоколебимую вѣрность партіи Дукъ, она подумывала о томъ, чтобы свергнуть его, а на его мѣсто поставить болѣе любезнаго и болѣе уступчиваго патріарха. Слѣдующее обстоятельство окончательно смутило всѣхъ. Алексѣй короновался одинъ, не присоединивъ къ этой церемоніи Ирину. Все это казалось знаменательнымъ, и Дуки были очень озабочены.

Въ дѣйствительности, Алексѣй Комнинъ былъ

въ крайне затруднительномъ положеніи между тремя окружавшими его женщинами. Марія Аланская безконечно ему нравилась; онъ никогда очень не любилъ Ирину, на которой женился, главнымъ образомъ, изъ-за политическихъ цѣлей; и его личныя чувства вполне согласовались съ совѣтами властной матери, которую онъ съ давнихъ поръ привыкъ слушаться. Но, съ другой стороны, была серьезная опасность возбудить къ себѣ вражду Дукъ: у нихъ были многочисленныя приверженцы и послѣдніе открыто заявляли, что въ происшедшемъ государственномъ переворотѣ они работали гораздо больше для Ирины, чѣмъ для Алексѣя. Патріархъ Козьма выражался не менѣе сильно: „Не сойду съ патріаршаго престола, говорилъ онъ, раньше чѣмъ собственноручно не короную Ирину“. И въ этотъ разъ Алексѣй показалъ превосходство своего политическаго генія: онъ подавилъ свои тайныя симпатіи, заставилъ увлекшуюся своими страстями мать внять голосу разсудка; и передъ лицомъ этой твердой воли, этого здраваго практическаго ума склонились въ концѣ концовъ всѣ и уступили. Дукамъ дали удовлетвореніе, обезпечивавшее съ ними союзъ; черезъ семь дней послѣ мужа Ирина была вѣнчана на царство.

Для Маріи Аланской это былъ конецъ всѣмъ ея надеждамъ: она удалилась въ Манганскій дворецъ, послѣ того какъ формальнымъ актомъ заставила признать права на престолъ за сыномъ своимъ Константиномъ. Для Анны Далассины это также было разочарованіемъ и неудачей. Сынъ утѣшилъ ее тѣмъ, что вмѣсто мести даровалъ ей полную власть. Для нея же онъ подвергъ

не милости осмѣлившагося противиться ей патриарха; онъ съ каждымъ днемъ увеличивалъ ея долю участія въ правительственныхъ дѣлахъ. Когда въ августѣ мѣсяцѣ 1081 года ему пришлось покинуть Константинополь, чтобы отправиться сражаться въ Иллиріи съ норманами Роберта Гвискара, онъ торжественнымъ хрисовуломъ (документъ, скрѣпленный золотой печатью) предоставилъ матери абсолютную власть на время своего отсутствія.

Анна Комнина сохранила намъ текстъ этого драгоценнаго документа; не можетъ быть болѣе блестящаго доказательства той благодарности какую Алексѣй питалъ къ своей матери, и глубокаго вліянія, какое она имѣла на него. Упомянувъ въ выраженіяхъ, выше приведенныхъ мной, о всемъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ ей, царь поручаетъ заботамъ „своей святой, глубоко почитаемой матери“ все управленіе имперіей: судъ, финансы, управленіе провинціями, назначеніе на всякія должности, на всякіе посты, все подчинено ея контролю и подлежить ея рѣшенію. „Все, что ни прикажетъ она, говоритъ императоръ, письменно или на словахъ, должно быть приведено въ исполненіе“. Она получила свою печать, дошедшую до насъ, съ такой надписью: „Боже, защити Анну Далассину, мать императора“. И таково было ея могущество, что, по словамъ Анны Комнины, „императоръ, казалось, передалъ ей бразды правленія и въ нѣкоторомъ родѣ слѣдовалъ за императорской колесницей, везшей ее, довольствуясь однимъ титуломъ царя“. И царица почтительно удивляется, что можно было предоставить столько мѣста въ государ-

ствѣ и столько вліянія гинекею: „Она приказывала, пишетъ Анна, и сынъ ея повиновался, какъ рабъ. У него была видимость могущества, но обладала властью она“.

- Это была для Анны Далассины прекрасная отплата за перенесенное въ 1059 году жестокое испытаніе. Тогда она льстила себя надеждой стать императрицей: мечта ея осуществилась. Около двадцати лѣтъ по волѣ своего сына она оставалась его соправительницей, и надо отдать ей справедливость, что правила она имперіей хорошо. Она вновь завела въ правительствѣ порядокъ, распоряжаясь и со вниманіемъ слѣдя за подробностями мельчайшихъ дѣлъ. Она подняла нравственность въ священномъ дворцѣ, гдѣ раньше царилла полная распущенность, и завела въ немъ приличный и суровый тонъ монастыря. Отнынѣ въ помѣщеніи императора были распредѣлены по строгой программѣ часы для ѣды, богослуженія, и всѣ должны были подчиняться предписаннымъ ею правиламъ. Она сама показывала примѣръ. Анна Комнина рассказала намъ, какъ были распредѣлены всѣ часы дня у ея бабушки. Часть ночи проходила въ чтеніи молитвъ; затѣмъ утро было посвящено аудіенціямъ и подписыванію бумагъ; послѣ полудня она шла въ часовню святой Феклы, присутствовала при богослуженіи; а затѣмъ до вечера опять занималась общественными дѣлами.

Во всемъ этомъ ею руководила одна забота. Безусловно преданная сыну, она думала только какъ бы упрочить благоденствіе и славу его царствованія; но такъ какъ съ годами она становилась все болѣе высокомерной и упрямой,

то въ концѣ концовъ ея опека давала себя чувствовать довольно тяжело, и это, повидимому, не разъ раздражало Алексѣя. Кромѣ того, у нея была слишкомъ тяжелая рука, и поэтому она довольно скоро должна была сдѣлаться очень непопулярной. Но старая царица была достаточно умна и поняла по этимъ признакамъ, что вліянію ея скоро наступить конецъ. Она не стала ждать, чтобы ее грубо лишили власти: приблизительно въ 1100 году она добровольно удалась въ Пантеноптскій монастырь. И тутъ она тихо умерла въ 1105 году, оставшись въ памяти знавшихъ ее людей женщиной выдающейся, а въ памяти своихъ сыновей прекрасной матерью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	V
Глава I. Жизнь византійской императрицы	1
„ II. Аѳинаида	26
„ III. Θεодора	54
„ IV. Императрица Ирина	83
„ V. Византійская женщина средняго круга въ VIII вѣкѣ	121
„ VI. Θεодора, возстановительница иконо- почитанія	145
„ VII. Романическія приключенія Василія Маке- донянина	171
„ VIII. Четыре брака императора Льва Мудраго . .	199
„ IX. Θεοφана	238
„ X. Порфирородная Зоя	267
„ XI. Византійская семья средняго класса въ XI вѣкѣ	319
„ XII. Анна Далассина	347

СТРАНЫ
ВЪКА-И
НАРОДЫ

Ш. ДИЛЬ

ВИЗАНТІЙСКІЕ
ПОРТРЕТЫ

А. Мусорова

МОСКВА
К-во М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

Ш. Диль

ВИЗАНТІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Переводъ М. Безобразовой

подъ редакціей и съ предисловіемъ

П. ~~Безобразова~~

МОСКВА

Издание М. и С. Сабашниковыхъ

1914

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

Въ первомъ томѣ я старался представить, въ цѣломъ рядѣ портретовъ, византійское общество до крестовыхъ походовъ. Въ этомъ томѣ я хотѣлъ бы тѣмъ же способомъ изобразить то же общество времени крестовыхъ походовъ и послѣдующаго періода. Въ этотъ періодъ, длившійся съ конца XI вѣка до половины XV, возникаетъ, какъ увидимъ, историческая и психологическая задача большой важности, а именно, узнать, въ какой мѣрѣ, при часто возобновлявшихся тогда сношеніяхъ между греками и латинянами, вліяніе Запада проникло въ души византійцевъ и преобразовало ихъ, какой обмѣнъ мыслей и нравовъ произошелъ между двумя цивилизаціями, бывшими такъ долго чуждыми и въ основѣ своей враждебными одна другой. Для выясненія этой задачи, мнѣ кажется, невозможно нигдѣ найти лучшей почвы для изученія и изслѣдованія, чѣмъ тонкая и податливая женская душа, при всей своей сложности такъ быстро запечатлѣвающая и отражающая

въ себѣ всѣ стремленія среды, гдѣ проходить ея жизнь. Вотъ почему „византійскіе портреты“, которые я пытаюсь дать въ этой книгѣ, будутъ опять, главнымъ образомъ, портретами женскими.

И снова въ этой портретной галлерей будутъ попадаться самые разнообразныя типы: честныя женщины и другія, менѣе честныя, умы замѣчательныя и души посредственныя, женщины, снѣдаемыя честолюбіемъ и горящія благочестіемъ и святостью. Анна Комнина, Ирина Дука—и на ряду съ ними хорошенькія женщины, попавшія въ сѣти византійскаго донъ Жуана, какимъ былъ Андроникъ Комнинъ, и еще многія другія, царицы и простыя смертныя, покажутъ намъ съ различныхъ сторонъ, что представляло изъ себя въ XII вѣкѣ при дворѣ и въ городѣ, во дворцѣ и въ монастырѣ, въ мірѣ литераторовъ и государственныхъ мужей это общество, гдѣ процвѣтали интриги, козни, мятежи и всякія любовныя похождения,—византійское общество, современное крестовымъ походамъ. Но въ особенности будетъ обращено вниманіе на изученіе лицъ, позволяющихъ намъ провидѣть, какое дѣйствіе производили сношенія грековъ съ латинянами на византійскихъ царевенъ, покидавшихъ порой, — правда рѣдко,—столицу Босфора, чтобы взойти на тронъ Западной имперіи, и на западныхъ принцессъ — болѣе многочисленныхъ, — являвшихся изъ Германіи, Франціи, Италіи, чтобы занять престолъ цезарей, и на царевенъ сирійскихъ, происходившихъ отъ знатныхъ французскихъ се-

мой, переселившихся на Востокъ, не разъ прогремѣвшихъ на всю византійскую имперію своими необычайными похождениями. Мы найдемъ тутъ цѣлый рядъ романическихъ существованій, — не безынтересныхъ для исторіи, — печальныхъ или трагическихъ, довольно хорошо символизирующихъ и объясняющихъ основное и вѣчное недоразумѣніе, несмотря на всѣ усилія къ сближенію и взаимному пониманію, всегда раздѣлявшее два враждебные и соперничавшіе другъ съ другомъ міра. И въ концѣ концовъ, можетъ быть, не безынтересно будетъ пополнить достовѣрныя свѣдѣнія, даваемая намъ исторіей, свѣдѣніями, почерпнутыми изъ романическаго вымысла. Изъ этого мы также увидимъ, какое мѣсто въ рыцарскомъ обществѣ того времени было отведено женщинѣ, и въ какой мѣрѣ это общество сложилось по образцу придворныхъ нравовъ Запада. Ожививъ такимъ образомъ исчезнувшіе лики эпохи Комниновъ и Палеологовъ, я надѣюсь сдѣлать полезный вкладъ въ исторію византійской цивилизаціи, ибо это прольетъ нѣкоторый свѣтъ на эволюцію восточнаго міра, поскольку онъ подвергся измѣненіямъ отъ сношеній съ латинянами.

ГЛАВА I

Византія и Западъ въ эпоху кресто- выхъ походовъ.

I.

Когда въ послѣдніе годы XI вѣка первый крестовый походъ привелъ византійскій Востокъ къ непосредственнымъ и прямымъ сношеніямъ съ латинскимъ Западомъ, великъ былъ контрастъ и глубоко различіе между двумя цивилизаціями или, вѣрнѣе, между двумя встрѣтившимися лицомъ къ лицу мірами.

Въ то время какъ недисциплинированныя полчища крестоносцевъ-завоевателей, подобно стремительному потоку, наводняли греческую имперію, Константинополь все еще былъ однимъ изъ самыхъ восхитительныхъ городовъ вселенной. Его рынокъ, настоящій центръ цивилизованнаго міра, былъ мѣстомъ склада, сбыта и обмѣна товаровъ и произведеній всѣхъ частей свѣта. Изъ рукъ его ремесленниковъ выходило все, что только средніе вѣка знали по части роскоши, самой дорогой и утонченной. По улицамъ его сновала пестрая и шумная толпа въ пышныхъ и живописныхъ нарядахъ, такихъ великолѣпныхъ,

что, по выраженію одного современника, „всѣ они казались царскими дѣтьми“. На его площадяхъ, окруженныхъ дворцами и портиками, возвышались образцовыя произведенія античнаго искусства. Въ церквахъ съ колоссальными куполами отъ мозаикъ падали золотые лучи на въ изобиліи покрывавшіе все мраморъ и порфиръ. Въ большихъ дворцахъ, Вуколеонскомъ и Влахернскомъ, такихъ обширныхъ, что они казались городами въ городѣ, длинными вереницами тянулись покои, роскоши неслыханной. Путешественники, посѣщавшіе Константинополь въ теченіе XII вѣка, крестоносцы пилигримы, записывавшіе своимъ наивнымъ языкомъ получаемыя ими впечатлѣнія,—Веніаминъ Тудельскій, равно какъ и Эдризиди, Вилльардуинъ, а также Робертъ Клариди, не могутъ, описывая этотъ несравненный городъ, удержать своего восторга. Трубадуры Запада, до которыхъ дошелъ слухъ о всѣхъ этихъ великолѣпіяхъ, говорятъ о Константинополѣ, какъ о волшебной странѣ, грезящейся въ золотомъ снѣ. Другіе писатели охотно перечисляютъ драгоценныя реликвіи, наполняющія византійскія церкви. Но всѣ были одинаково поражены однимъ: необычайнымъ, несмѣтнымъ богатствомъ этого города, по словамъ Вилльардуина, „передъ всѣми другими городами первенствующаго“.

Это еще не все. Въ Европѣ XI вѣка Византія была, дѣйствительно, царицей изящества и красоты. Въ то время какъ суровые рыцари Запада имѣли одну заботу, одно развлеченіе—войну и охоту, византійская жизнь отличалась изысканно утонченной роскошью; тутъ господствовали изящество манеръ, изысканность въ самыхъ тонкихъ

удовольствіяхъ, вкусъ къ литературѣ и искусствамъ. И, быть можетъ, гораздо болѣе чѣмъ матеріальнымъ благоденствіемъ этой великолѣпной столицы бароны-крестоносцы были поражены пышнымъ великолѣпіемъ церемоніала, окружавшимъ особу императора, всей этой сложностью этикета, образовывавшаго пропасть между горделивымъ властелиномъ Византіи и остальнымъ человѣчествомъ, наконецъ, этими театральными апоэеозами, на которыхъ василевсъ появлялся какъ представитель божества.

Среди этого изящнаго общества, при этомъ дворѣ съ его церемоніями и строгимъ чинопочитаніемъ, западные крестоносцы производили впечатлѣніе людей неотесанныхъ, довольно плохо воспитанныхъ, непріятныхъ, стѣснительныхъ, непрощенныхъ гостей. вмѣстѣ съ тѣмъ, полные глубокаго презрѣнья къ этимъ грекамъ схизматикамъ, неспособные въ своемъ грубомъ самодовольствѣ понять хоть что-нибудь во всей этой утонченности, во всѣхъ этихъ отгѣнкахъ учтивости, чувствуя себя уязвленными въ своемъ самолюбіи, какъ бы отъ недостатка вниманія, наконецъ, и главнымъ образомъ, возбужденные необычайнымъ выставленіемъ на показъ столькихъ богатствъ, латиняне не сдѣлали ничего, чтобы смягчить свою рѣзкость, и стали вести себя, по словамъ одного изъ своихъ вождей, самого Петра Пустынника, „какъ воры и разбойники“. Надо читать писателей того времени, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе тревоги и недоумѣнія произвело на грековъ неожиданное появленіе этихъ вооруженныхъ полчищъ, внезапно нахлынувшихъ на византійскую территорію. „Появленіе франковъ,

пишетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ, поразило насъ до такой степени, что мы не могли въ себя притти“. И передъ лицомъ этихъ полчищъ, „болѣе многочисленныхъ, говоритъ Анна Комнина, чѣмъ звѣзды на небѣ и песокъ на днѣ морскомъ“, передъ лицомъ этихъ честолюбивыхъ властителей, „грезившихъ византійской имперіей“, становится понятнымъ, что дочь Алексѣя Комнина изображаетъ передъ нами императора, своего отца, „погруженнымъ въ море заботъ“.

Такимъ образомъ, при первомъ же столкновеніи греки и латиняне отнеслись другъ къ другу съ недоувѣріемъ и коренное соперничество, раздѣлявшее эти двѣ цивилизаціи, сказалось во взаимной подозрительности, въ постоянныхъ затрудненіяхъ, непрестанныхъ столкновеніяхъ, во взаимныхъ обвиненіяхъ, въ насильничествѣ и измѣнѣ. Императоръ былъ встревоженъ,—и не безъ основанія,—появленіемъ крестоносцевъ, которыхъ онъ не призывалъ. Совершенно не понимая великаго порыва энтузіазма, съ какимъ Западъ, откликнувшись на призывъ Урбана II, ринулся на освобожденіе Гроба Господня, онъ видѣлъ въ крестовомъ походѣ исключительно политическое предпріятіе. Онъ главнымъ образомъ былъ знакомъ съ латинянами по честолюбивымъ планамъ, которые нѣкогда строилъ Робертъ Гвискаръ противъ греческой имперіи; и когда Алексѣй увидѣлъ среди вождей крестоносцевъ сына своего стараго противника, Боэмунда, онъ не могъ побороть въ себѣ страха натиска на Константинополь и страшился всѣхъ вождедѣній, которыя подозрѣвалъ или угадывалъ. Крестоносцы, съ своей стороны, не сдѣлали ни-

чего, чтобы уменьшить тревогу императора. Многие изъ знатныхъ бароновъ очень скоро забыли религіозную сторону своего предпріятія и думали только о своихъ земныхъ интересахъ. Среди лицъ, окружавшихъ Готфрида Бульонскаго, явилась даже одно время мысль взять Константинополь приступомъ. И во всякомъ случаѣ начальники крестоносцевъ выказали себя относительно Алексѣя крайне недоброжелательными, требовательными, высокомерными и дерзкими.

Два характерныхъ анекдота, рассказанныхъ Анной Комниной, служатъ довольно любопытными показателями настроеній обѣихъ сторонъ.

Когда Бозмундъ Тарентскій прибылъ въ Константинополь, онъ нашель во дворцѣ, приготовленномъ по распоряженію императора для его пріема, накрытый и роскошно убранный столъ. Но осторожный норманъ слишкомъ хорошо помнилъ, что онъ нѣкогда былъ врагомъ царя, чтобы не сохранять въ глубинѣ души нѣкотораго недоверія. Поэтому онъ не хотѣлъ даже прикоснуться къ поданнымъ блюдамъ, а велѣлъ приготовить себѣ обѣдъ собственнымъ поварамъ по обычаю своей страны. Но такъ какъ, хоть и опасаясь за себя, онъ, съ другой стороны, былъ не прочь убѣдиться въ истинныхъ намѣреніяхъ императора, онъ прибѣгнулъ къ одному остроумному опыту. Онъ роздалъ своимъ спутникамъ очень щедрыя порціи мяса, присланнаго ему Алексѣемъ, а на слѣдующій день съ большой заботливостью освѣдомлялся у своихъ друзей объ ихъ здоровьѣ. Они отвѣчали ему, что чувствовали себя очень хорошо и не испытали ни малѣйшей непріятности. Тогда Бозмундъ произ-

несъ съ ясной простотой: „А, ну тѣмъ лучше. Дѣло въ томъ, что я помнилъ о нашей прежней враждѣ и потому немного опасался, чтобы онъ, съ цѣлью уморить меня, не подложилъ въ кушанья яду“.

Какъ видно, греческое гостепріимство не внушало крестоносцамъ безграничнаго довѣрія. Надо сознаться, съ другой стороны, что латиняне были гости чрезвычайно неудобные. Надо знать, въ какомъ тонѣ византійскіе лѣтописцы говорятъ объ „этихъ французскихъ баронахъ, по природѣ своей безстыжихъ и дерзкихъ, по природѣ своей жадныхъ на деньги и неспособныхъ противостоять никакой своей причудѣ, и кромѣ всего этого, болтливыхъ какъ ни одинъ человекъ въ мірѣ“, и какъ съ утра эти нескромные посѣтители заполняли дворецъ, ни мало не заботясь объ этикетѣ, надоѣдали императору нескончаемыми рѣчами, безъ всякаго предувѣдомленія входя къ нему со своей свитой, фамиллярно заводя съ нимъ бесѣды и даже не давая ему времени позавтракать, а вечеромъ сопровождая его до самыхъ дверей его спальни, чтобы попросить у него денегъ, милости, совѣта, а то такъ просто, чтобы поболтать еще немного. Придворные были возмущены такимъ неуваженіемъ къ этикету. Но благодущный царь Алексѣй, притомъ знавшій раздражительный нравъ своихъ гостей, смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ ихъ выходки, думая прежде всего о томъ, чтобы избѣжать столкновенія. Поэтому порой можно было наблюдать довольно странныя сцены. Одинъ разъ, во время торжественной аудіенціи въ присутствіи всего собравшагося двора, какой-то баронъ-латинянинъ по-

шелъ и нахально усѣлся на самый тронъ василевса. И когда графъ Балдуинъ дернулъ его за рукавъ, чтобы заставить встать, замѣтивъ ему при этомъ, что въ Византіи не въ обычаѣ садиться въ присутствіи императора, и что надлежитъ подчиняться обычаямъ чужой страны, когда въ ней находишься, баронъ, искоса поглядывая на Алексѣя, сталъ бормотать сквозь зубы: „что это еще за неучъ,—сидитъ, когда столько великихъ полководцевъ стоятъ“. Алексѣй, „давно знакомый съ надменной душой латинянь“, сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ; однако, онъ велѣлъ перевести себѣ отвѣтъ рыцаря, и когда аудіенція была окончена, онъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, кто онъ и откуда. „Я чистокровный французъ, отвѣчалъ тотъ, и благороднаго происхожденія, и вотъ еще, что мнѣ извѣстно: есть въ моей странѣ перекрестокъ, гдѣ стоитъ старая часовня; кто хочетъ сразиться съ противникомъ на поединкѣ, тотъ отправляется туда, призываетъ помощь Божію и ожидаетъ смѣльчака, готоваго съ нимъ помѣриться. Я часто туда отправлялся, но никогда тамъ никого не находилъ“. Можно себѣ представить, сколько императоръ долженъ былъ выказывать терпѣнья, благорасположенья и ловкости, чтобы ладить съ такими сварливыми людьми; и если, въ концѣ концовъ, ему удалось заключить съ ними договоръ, не трудно догадаться, что при такихъ условіяхъ договоръ этотъ не могъ быть, ни въ какомъ случаѣ, ни очень искреннимъ, ни очень прочнымъ.

Впослѣдствіи латиняне сильно жаловались на неблагодарность, коварство, на измѣну греческаго

императора и его подданныхъ, возлагая на одного Алексѣя всю отвѣтственность за послѣдующія неудачи крестоваго похода. На самомъ дѣлѣ это чистѣйшая легенда, тщательно поддерживаемая всѣми врагами византійской монархіи, и отголосокъ которой, передаваясь изъ вѣка въ вѣкъ, объясняетъ всѣ несправедливые и упорные предрассудки, и въ наши дни еще безсознательно существующіе относительно Византіи. На самомъ же дѣлѣ, вступивъ въ соглашеніе съ крестоносцами, Алексѣй вѣрно держалъ свое слово, и если произошелъ разрывъ, то причину надо искать, главнымъ образомъ, въ недобросовѣстности латинскихъ рыцарей. Но слѣдуетъ также вполне признать, что между этими людьми, столь различнаго склада ума, разрывъ являлся почти неизбѣжнымъ. Алексѣй дѣйствовалъ въ качествѣ василевса, прежде всего заботясь объ интересахъ монархіи; въ крестоносцахъ, которыхъ онъ и не думалъ призывать, онъ исключительно видѣлъ только наемниковъ, будучи готовъ воспользоваться ихъ услугами и хорошо за нихъ заплатить, но въ свою очередь рассчитывалъ обязать ихъ клятвой въ вѣрности и обѣщаньемъ возвратить имперіи всѣ земли, бывшія нѣкогда византійскими, какія имъ только удастся вновь завоевать. Съ своей стороны, латинскіе рыцари, какъ будто вполне подчиняясь императорскимъ требованіямъ, ибо чувствовали, что поддержка грековъ была имъ необходима, думали объ удовлетвореніи собственнаго честолюбія, относились нетерпимо ко всякой власти, желали пріобрѣсти въ Азіи независимыя княжества. Когда, согласно такимъ взглядамъ и въ противность

принятымъ на себя обязательствамъ, они, какъ власть имущіе, отдали Антиохію Боэмунду, императоръ съ полнымъ правомъ могъ счесть себя обманутымъ и оскорбленнымъ. Разрывъ сталъ неизбежнымъ. Надо еще замѣтить, что, хотя Алексѣй и началъ войну съ Боэмундомъ, онъ до конца оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ другими крестоносцами. И въ этомъ, какъ раньше въ его стараніи избѣжать грозившаго подъ стѣнами Константинополя столкновенія, несомнѣнно есть нѣкоторая заслуга съ его стороны.

Можно бы предположить, что учащаясь сношенія между Западомъ и Востокомъ станутъ лучше. Случилось противное. Въ теченіе всего XIII вѣка, когда, благодаря второму и третьему крестовому походу, Византія вновь столкнулась съ латинянами, опять появились слѣды того же соперничества, еще болѣе остраго и все увеличивающагося съ каждой новой встрѣчей. Все то же недовѣріе, все тѣ же обвиненія, все то же коренное непониманіе положенія съ обѣихъ сторонъ. Со стороны недисциплинированныхъ воиновъ крестоносцевъ все тѣ же грабежи, тѣ же насилія, тѣ же высокомѣрныя требованія; со стороны грековъ все тѣ же мѣры, часто довольно безчестныя, употребленіе которыхъ открыто признаютъ и рекомендуютъ византійскіе лѣтописцы, чтобы отдѣлаться отъ неудобныхъ посѣтителей и отбить у нихъ охоту новыхъ посѣщеній. Между императоромъ и латинскими рыцарями тѣ же затрудненія по части этикета; и все больше и больше въ головахъ латинянъ выясняется мысль, что для того, чтобы покончить съ этими мало надежными союзниками, съ этой греческой имперіей,

скорѣе вредной, чѣмъ полезной для крестоваго похода, существуетъ одно только средство, это—прибѣгнуть къ силѣ. Въ лагерѣ Луи VII какъ и въ лагерѣ Барбароссы серьезно подумывали о взятіи Константинополя; около половины XII вѣка былъ выработанъ планъ крестоваго похода уже не противъ невѣрныхъ, а противъ византійцевъ. И когда, наконецъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда несчастій, постигшихъ священные походы, на всемъ Западѣ мало-по-малу упрочилось настроеніе, враждебное греческой имперіи, когда къ старой назрѣвшей злобѣ прибавилось представленіе, становившееся все болѣе и болѣе яснымъ, о богатствѣ, а также и слабости Византіи, латиняне не могли больше противиться искушенію. Бароны четвертаго крестоваго похода, отправившись на освобожденіе Гроба Господня, кончили тѣмъ, что взяли Константинополь и разрушили престоль василевсовъ при молчаливомъ согласіи папы и при одобреніи всего христіанскаго міра.

Учрежденіе латинской имперіи на развалинахъ монархіи Константина слишкомъ жестоко затрагивало патріотизмъ византійцевъ, чтобы такое грубое разрѣшеніе вопроса могло успокоить старую злобу и утишить антагонизмъ двухъ міровъ. Паденіе этого слабаго, ненадежнаго государства, просуществовавшаго около полувѣка, образовало еще болѣе глубокую пропасть между Византіей и ея завоевателями. Съ тѣхъ поръ свѣтскіе западные князья, будь то Гогенштауфены, какъ Манфредъ, или французы, какъ Карлъ Анжуйскій, постоянно стремились къ осуществленію одной честолюбивой цѣли—возстановленію силой и какой бы то ни было цѣной разрушенной

латинской имперіи. Духовные вожди христіанства, папы, также только о томъ и думали, чтобы, воспользовавшись затрудненіями и бѣдствіемъ царей, побудить ихъ къ союзу съ Римомъ и подчиненію греческой церкви папству. И византійцы, противники соединенія церквей, отнюдь не ошибались, говоря, что, какъ подъ видомъ открытой враждебности, такъ и подъ безкорыстной видимостью, Западъ, въ сущности, преслѣдовалъ одну только цѣль: уничтоженіе города, племени, имени грековъ. Если, въ концѣ концовъ, несмотря на кратковременную помощь со стороны византійцевъ, несмотря на незначительныя и запоздалыя услуги латинянь, западное христіанство допустило въ XV вѣкѣ паденіе Константинополя и предало его власти турокъ, главную причину этого надо искать въ давнишней антипатіи, въ коренномъ несоотвѣтствіи, дѣлавшемъ невозможнымъ всякое соглашеніе между греческимъ Востокомъ и латинскимъ Западомъ. Если христіанскій міръ допустилъ паденіе Византіи, то потому, что ненавидѣлъ въ ней непримиримаго врага, коварнаго схизматика, укоряя ее вдвойнѣ за то, что изъ-за нея не удались крестовые походы, и за то, что она всегда отказывалась искренно вступить въ лоно католичества.

И такъ, съ того самаго дня, когда въ концѣ XI вѣка крестовые походы впервые сблизили латинянь съ греками, возникла задача, вплоть до XV вѣка занимавшая преобладающее мѣсто среди всѣхъ другихъ европейскихъ дѣлъ и ставшая дѣйствительно Восточнымъ вопросомъ въ средніе вѣка. Установленіе *modus vivendi* между Западомъ и Востокомъ стало

отнынѣ и на протяженіи трехъ съ половиной вѣковъ жизненнымъ вопросомъ для византійской имперіи, а для христіанской Европы одной изъ самыхъ большихъ трудностей. Несмотря на различныя рѣшенія, къ какимъ прибѣгали для преодоленія ее, изъ всѣхъ этихъ усилій не получилось ничего дѣйствительнаго ни въ смыслѣ политическомъ, ни въ смыслѣ религіозномъ. Но отъ этого продолжительнаго соприкосновенія двухъ цивилизацій, отъ этихъ отношеній, часто плохихъ, но постоянныхъ и близкихъ, для Византіи произошли важныя соціальныя послѣдствія. Византійское общество, до тѣхъ поръ такое недоступное латинскому вліянію, благодаря имъ въ теченіе этого періода преобразовалось кореннымъ образомъ. Какъ совершилось въ Византіи это проникновеніе западныхъ идей и нравовъ? Какъ и въ какой мѣрѣ также этотъ греческій міръ, съ виду такой неподатливый, измѣнился подъ вліяніемъ этихъ сношеній? Именно это и хотимъ мы теперь вкратцѣ объяснить.

II.

Извѣстно, что почти всякій крестовый походъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ основаніе какого-нибудь латинскаго государства на Востокѣ. Въ Сиріи, вновь завоеванной въ концѣ XI вѣка, точно по волшебству расцвѣтаетъ цѣлый рядъ феодальныхъ государствъ, королевство Іерусалимское, княжество Антіохійское, графство Едесское и Триполійское, не говоря уже о болѣе мелкихъ баронствахъ. Въ концѣ XII вѣка крестоносцы третьяго крестоваго похода захватили

мимоходомъ Кипръ и лусиньяны основали тамъ королевство, бывшее въ теченіе двухъ вѣковъ самымъ богатымъ и благоденствующимъ изъ всѣхъ государствъ латинскаго Востока. Четвертый крестовый походъ далъ еще болѣе важные результаты: крестоносцы возвели въ Византіи на тронъ кесарей латинскаго императора, покрыли феодальными княжествами Грецію и острова Архипелага. Въ то время какъ графъ Фландрскій облакался въ порфиру василевсовъ, а маркизь Монферратскій провозглашенъ былъ королемъ Θεссалоникійскимъ, бургундцы становились герцогами аѳинскими, шампанцы—князьями Морейскими, венеціанцы великими герцогами Лемносскими, маркизами Церигоскими, герцогами Наксосскими и Паросскими; генуэзцы князьями Хіосскими и сеньорами Метелинскими; Родось былъ столицей Іоаннитскихъ рыцарей, а Критъ венеціанской колоніей. И во всѣхъ этихъ латинскихъ учрежденіяхъ, возникшихъ на земляхъ Сиріи или Эллады, новые пришельцы принесли съ собою законы, обычаи и нравы Запада. Это была какъ бы часть феодальной Европы, перенесенная подъ небо Востока. Даже теперь, въ горахъ Сиріи, а равно и въ горахъ Аркадіи или Арголиды, на склонахъ Тайгета, а также на склонахъ Ливана, и еще дальше, вплоть до самой пустыни, затерявшись за предѣлами Мертваго моря, путникъ съ удивленіемъ находитъ удивительныя феодальныя крѣпости, своими массивными башнями и зубчатыми стѣнами вѣнчающія гребни холмовъ. На Кипрѣ попадаются почти нетронутыя временемъ зданія, скрытыя въ глубинѣ пустынныхъ долинъ, величавыя крѣпости, одинокіе монастыри,

чудесные готическіе соборы, говорящіе о великолѣпнѣи французскаго искусства XIII и XIV вѣка. И Родось со своими могучими укрѣпленіями, старыми башнями, старинными домами на улицѣ Рыцарей представляетъ рѣдкое, почти единственное зрѣлище французскаго города XV вѣка, сохранившагося со всѣми своими зданіями. Дѣйствительно, какъ выразился одинъ папа, благодаря крестовому походу на Востокъ расцвѣла „новая Франція“. И если, какъ это всегда случается при встрѣчѣ двухъ не равныхъ по своему качеству цивилизацій, менѣе развитая—тогда это была цивилизація западная—сильно подпадаетъ вліянію высшихъ цивилизацій, арабской, сирійской, византійской, съ какими она пришла въ соприкосновеніе, тѣмъ не менѣе, воспринимая многое, она многое и даетъ. Востокъ взялъ кое-что у феодальнаго французскаго міра, расцвѣтшаго на Кипрѣ, въ Сиріи, въ Моревѣ; и если, столкнувшись лицомъ къ лицу съ тѣмъ новымъ, что содержалъ въ себѣ исламъ и Византія, и съ ихъ обаяніемъ, латиняне научились разсуждать о многихъ вещахъ, едва знакомыхъ имъ раньше, то и восточное общество также преобразилось отъ этихъ непрерывныхъ сношеній.

Прибавьте къ этому, что рядомъ съ честолюбивыми баронами, ставшими на Востокъ императорами, королями или князьями, рядомъ съ младшими членами аристократическихъ семей, пришедшими въ эти новыя страны искать счастья, благодаря крестовымъ походамъ на Востокъ явились еще и другіе латиняне. Большіе торговые города Италіи, Венеція, Генуя, Пиза скоро поняли важное значеніе богатаго рынка, откры-

вавшагося для ихъ предпріятій. Немедленно послѣ перваго же крестоваго похода во всѣхъ портахъ Сиріи появились ихъ торговыя конторы, и большое колонизаціонное и коммерческое движеніе явилось скоро со своими болѣе матеріалистическими заботами на смѣну религіозному энтузіазму первыхъ крестовыхъ походовъ. Скоро все восточное побережье Средиземнаго моря, всѣ большіе города византійской имперіи покрылись венеціанскими или генуэзскими учрежденіями. Чтобы управлять этимъ новымъ міромъ и эксплуатировать его, образовались могущественныя общества, ассоціаціи, политическія и торговыя въ одно и то же время, каковой станеть впоследствии Индійская компанія. Венеція монополизировала торговлю Архипелага, Генуя торговлю Чернаго моря, и оба города оспаривали другъ у друга Константинополь, гдѣ каждая изъ соперничающихъ республикъ имѣла свой кварталъ, свои привилегіи, свою особую организацію, признанную и освященную золотыми грамотами византійскихъ императоровъ. И также благодаря этому, благодаря непрестанному столкновенію двухъ расъ на рынкахъ, въ банкахъ, въ мѣняльныхъ конторахъ, въ лавкахъ торговцевъ, кое что изъ латинскаго Запада естественнымъ образомъ проникло въ міръ византійскій.

Это еще не все. Къ этому чудесному и богатому Востоку, гдѣ нажилось столько латинянъ, къ этой несравненной Византіи, представлявшей людскому воображенію сверкающей золотомъ, непрерывнымъ потокомъ стремились всѣ западные искатели приключеній. Скандинавы и англосаксы, итальянскіе норманы и французы Франціи

были счастливы поступить на службу въ отряды императорской гвардіи, въ ряды этихъ знаменитыхъ варяговъ, любимымъ оружіемъ которыхъ была тяжелая обоюдоострая сѣкира. Всѣ свободные кондотьеры спѣшили продать свою шпагу царю, платившему очень щедро. И кажется романическимъ вымысломъ исторія этой великой Каталанской компаніи, пережившей свою героическую и кровавую одиссею въ первые годы XIV вѣка, при чемъ мѣстомъ дѣйствія послужила вся имперія, отъ береговъ Геллеспонта до береговъ Аттики. Андроникъ Палеологъ принялъ къ себѣ на службу противъ турокъ шесть тысячъ наемниковъ каталановъ и басковъ. Во главѣ ихъ былъ рыцарь ордена храмовниковъ Рожеръ-де-Флоръ, котораго императоръ сдѣлалъ великимъ княземъ и женилъ на одной изъ царевенъ императорскаго дома. Но что это были за неудобные помощники, несмотря на увеличенное жалованье и другія привилегіи, какими ихъ осыпали, несмотря на титулъ Кесаря, въ концѣ концовъ дарованный ихъ вождю. Надо читать живописный рассказъ Романа Мунтанэ, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и исторіографовъ этой экспедиціи, чтобы видѣть, какими завоевателями вели себя каталанскія банды въ византійской имперіи, вымогая деньги у царя и блокируя столицу, образуя своего рода военную республику, при чемъ „войско франковъ править царствомъ Македонскимъ“, а вождь ихъ именовался „милостію Божіею герцогомъ Романскимъ, государемъ Анатолійскимъ и другихъ острововъ имперіи“. Отъ побережій Меандра до береговъ Пропонтиды, отъ Галлиполи до Солуня и Аѳона, отъ Тесса-

ліи до Атики они шли въ теченіе семи лѣтъ, опустошая все на своемъ пути, разоряя и сокрушая, и въ концѣ концовъ завершили свои походы основаніемъ герцогства каталанскаго въ городѣ Перикла. Странная исторія, ясно показывающая, какое обаяніе производилъ Востокъ на западныя души, и какъ благодаря пріобрѣтаннымъ тамъ необычайнымъ богатствамъ непрестанно возбуждалась алчность безчисленныхъ искателей приключеній.

Наконецъ, на ряду съ лицами свѣтскими и церковь черезъ свое духовенство вліяла на византійскій міръ. Въ новой латинской имперіи, возникшей послѣ четвертаго крестоваго похода, Иннокентій III могъ назначить патріарха и западныхъ епископовъ, учредить латинскіе монастыри, и одно время, несмотря на отвращеніе и враждебность грековъ, льстилъ себя надеждой подчинить Риму восточную церковь. И даже, когда эта попытка не удалась, въ теченіе двухъ столѣтій Римъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ Константинополемъ. При этомъ непрестанномъ обмѣнѣ посольствами и мыслями, становилось невозможнымъ, чтобы хоть что-нибудь не проникло съ Запада въ Византію.

III.

Вмѣстѣ со всѣми этими людьми, такими различными по своимъ качествамъ, важными феодальными баронами, венеціанскими и генуэзскими купцами, папскими посредниками, всемірными искателями приключеній, идеи и нравы

латинянь, дѣйствительно, проникали на греческій Востокъ и незамѣтно видоизмѣняли его.

Несомнѣнно, какъ мы уже замѣтили, при этомъ столкновеніи двухъ цивилизацій франки многое позаимствовали у новаго міра, куда ихъ закинула судьба, и тотъ отпечатокъ, какой наложила Византія на латинскія княжества Востока, служитъ немаловажнымъ доказательствомъ силы асси-миляціи, которую греческая имперія сохраняла еще въ XII вѣкѣ. Но было и обратное дѣйствіе Запада на Востокъ, сказавшееся въ политикѣ, а равно и религіи, и еще больше въ обществен-ной организаціи, вплоть до литературы.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 800 году Карль Великій возстановилъ западную римскую имперію, и даже раньше, Византія все больше переставала быть европейской державой и становилась исключи-тельно восточнымъ государствомъ. Въ XII вѣкѣ она вновь заняла выдающееся мѣсто при рѣше-ніи всѣхъ важныхъ дѣлъ европейскаго и христіан-скаго міра. Какъ нѣкогда Юстиніанъ, такъ теперь Мануиль Комнинъ мечталъ о возстановленіи всемірной имперіи. Его честолюбивая и дѣятель-ная политика, переходя тѣсныя предѣлы Бал-канскаго полуострова, простиралась до Венгріи, вплоть до восточнаго побережья Адриатики, вы-ражала претензію на обладаніе Италіей, оспари-вая у самого Фридриха Барбароссы его импера-торскій титулъ. Его дипломаты работали въ Ге-нуѣ, въ Пизѣ, въ Анконѣ и Венеціи; его эмис-сары интриговали въ Германіи и въ Италиі; его послы вели одинаково переговоры какъ при французскомъ, такъ и при папскомъ дворѣ. И если его широкіе замыслы, въ концѣ концовъ, не

привели ни къ чему, тѣмъ не менѣе надо признать, что въ теченіе всего XII вѣка Константинополь оставался однимъ изъ главныхъ центровъ общей европейской политики.

Вопросъ о соединеніи церквей, постоянная мечта и желанье папъ, съ своей стороны затягивалъ Византію въ дѣла Запада въ теченіе XIII и XIV вѣка. Какъ ни слаба была тогда греческая имперія, тѣмъ не менѣе союзомъ съ ней не приходилось пренебрегать. Противники Рима, какъ на примѣръ Фридрихъ II, домогались его для противодѣйствія римскому первосвященнику; въ свою очередь, папы прибѣгали къ нему въ цѣляхъ обузданія честолюбія королей неаполитанскихъ. Предметъ вождельній латинскихъ князей, а также корыстныхъ посяганій папъ, Византія временъ Палеологовъ и Комниновъ, непрестанно, и не безъ тревоги, обращала свой взоръ на Западъ.

Но вліяніе латинянъ на греческій міръ сказалось въ особенности въ явленіяхъ соціальныхъ. При дворахъ Запада, въ Германіи, Италіи, Франціи, василевсы искали себѣ женъ, достойныхъ подругъ своему величеству. Мануиль Комнинъ женился на нѣмкѣ, графинѣ Вертѣ Зульцбахской, свояченицѣ короля Конрада III, и по смерти этой принцессы онъ и вторую жену беретъ среди тѣхъ же латинянъ; выбравъ, было, сначала Мелисенду Триполійскую, онъ въ концѣ концовъ остановился на Маріи Антіохійской, самой прославленной красавицѣ во всей франкской Сиріи. Сынъ Мануила, Алексѣй II, женился на сестрѣ Филиппа Августа, Агнессѣ Французской. Позднѣе Іоаннъ Ватаци женится на Констанціи

Гогенштауфенской, Андроникъ II на Юландѣ Монферратской, Андроникъ III сначала на Агнессѣ Брауншвейгской, затѣмъ на Аннѣ Савойской; Юаннъ VIII первымъ бракомъ женатъ былъ на одной итальянской принцессѣ. Точно также франкскіе государи Сиріи и Эллады охотно женились на царевнахъ императорскаго дома Комниновъ или Палеологовъ. Слѣдую примѣру столь важныхъ особъ, болѣе мелкіе владѣльцы, рыцари и люди средняго сословія, поступаютъ такъ же, и на всемъ латинскомъ Востокѣ образуется раса метисовъ, полу-грековъ, полу-латинянъ, называемыхъ гасмулями и образующихъ какъ бы звено между двумя цивилизаціями.

Надо ли упоминать о путешествіяхъ латинянъ въ Византію или о поѣздкахъ византійскихъ царей на Западъ? Въ концѣ XIV вѣка Юаннъ V посѣщаетъ Италію и Францію, а его сынъ Мануиль II, нѣсколько позднѣе, отправляется въ Венецію, Парижъ и Лондонъ; въ XV вѣкѣ Юаннъ VIII проводитъ нѣкоторое время въ Венеціи и Флоренціи. Но въ особенности отъ этихъ постоянныхъ сношеній преобразовался византійскій дворъ, появились другіе нравы, иныя увеселенія, иныя празднества, завелось болѣе рыцарское обращеніе, сдѣлавшее грековъ соперниками западныхъ воиновъ. Обратите вниманіе, чтобы ограничиться однимъ примѣромъ, что представляетъ изъ себя такой императоръ, какъ Мануиль Комнинъ. Онъ такъ же безумно храбръ, такъ же смѣлъ и отваженъ, какъ латинскіе бароны; подобно имъ, онъ любитъ всякій спортъ, охоту, турниры, охотно вступаетъ въ бой на копьяхъ съ лучшими франкскими рыцарями. Какъ истый паладинъ,

онъ хочетъ заслужить любовь своей дамы искуснымъ ударомъ меча, и одинъ греческій лѣтописецъ рассказываетъ, что жена его съ радостью заявляла, что хотя она и родилась въ странѣ, гдѣ достаточно знали, что такое храбрость, тѣмъ не менѣе она никогда не встрѣчала болѣе совершеннаго рыцаря, чѣмъ ея мужъ. Когда въ 1159 году Мануиль прибылъ въ Антиохію, онъ восхитилъ всѣхъ латинскихъ бароновъ своей величавой внѣшностью, своей геркулесовской силой, своей ловкостью на поединкахъ и великолѣпіемъ своего вооруженія. На турнирахъ, продолжавшихся восемь дней на берегахъ Оронта, византійская знать состязалась съ франкской въ мужествѣ и изящной воинственности. Самъ императоръ на великолѣпномъ конѣ, сплошь покрытомъ золотой попоной, появился на аренѣ и среди сверканья копій, хлопающихъ знаменъ, уносимыхъ мчащимися конями, „на этихъ игрищахъ, гдѣ, какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ, было столько разнообразнаго изящества, что, казалось, Венера вступила въ союзъ съ Марсомъ и Беллономъ съ граціями“, царь однимъ ударомъ сразилъ двухъ изъ наилучшихъ латинскихъ рыцарей. Бѣга ипподрома, нѣкогда такъ страстно любимые въ Константинополѣ, были теперь замѣнены турнирами, а при снаряженіи византійскихъ войскъ стали входить въ употребленіе военныя одѣянія Запада. Сохранились описанія борьбы на копьяхъ, производившейся передъ глазами прекрасныхъ придворныхъ дамъ, и этими описаніями мы обязаны самому императору Мануилу. И среди латинскихъ совѣтниковъ, которыми онъ любилъ себя окружать, стоя во главѣ солдатъ, набранныхъ

на Западѣ, при дворѣ своемъ устраивая постоянно празднества и увеселенія во вкусѣ латинянъ, Мануиль Комнинъ дѣйствительно казался монархомъ земли франковъ. Латинскіе лѣтописцы Сиріи, не находящіе для него достаточно восторженныхъ похвалъ, несомнѣнно признали его за своего, и это представляетъ красивую, вполне рыцарскую черту, ясно показывающую какъ многому научился этотъ византійскій царь, благодаря сношеніямъ съ западнымъ міромъ. Во время этого же путешествія въ Сирію, однажды на охотѣ лошадь короля Балдуина Іерусалимскаго понесла, и всадникъ, выбитый изъ сѣдла, вывихнулъ себѣ руку. Тогда Мануиль, — тутъ для вѣрной оцѣнки этого факта слѣдуетъ вспомнить всю строгость этикета относительно всякаго шага императора Богу подобнаго, — императоръ слѣзъ съ лошади, сталъ передъ латинскимъ королемъ на колѣни, и, такъ какъ у него были нѣкоторыя свѣдѣнія по хирургіи, самъ наложилъ первую перевязку; и покуда король былъ боленъ, императоръ ежедневно собственноручно перевязывалъ ему рану, къ крайнему удивленію придворныхъ, которые не могли въ себя притти, видя такое нарушеніе церемоніала.

Можно было бы привести много другихъ западныхъ обычаевъ, точно также вошедшихъ въ привычки и даже въ судебные нравы Византіи. Въ этой странѣ, гдѣ въ теченіе столькихъ вѣковъ судъ совершался лишь на основаніи писанныхъ законовъ и свидѣтельскихъ показаній, въ XIII вѣкѣ судебный поединокъ, какъ и у латинянъ, является доказательствомъ или опроверженіемъ обвиненія, а испытаніе огнемъ пред-

лагается подсудимымъ для оправданія себя въ публичномъ или частномъ преступленіи. Теперь ревнивый мужъ, желая уличить жену въ прелюбодѣяніи, прибѣгаетъ къ суду Божьему, а не къ своду законовъ Юстиніана; тѣмъ же испытаніемъ огня предлагаютъ Михаилу Палеологу, побѣжденному на поединкѣ своимъ обвинителемъ, очиститься отъ обвиненія въ государственной измѣнѣ. Точно такъ же къ Божьему суду прибѣгаютъ начальники стоящихъ другъ передъ другомъ войскъ, когда обращаются одинъ къ другому съ вызовомъ и предлагаютъ рѣшить споръ на бранномъ полѣ одинъ на одинъ. Если, наконецъ, хотятъ еще по другимъ примѣрамъ судить о глубинѣ вліянія этихъ рыцарскихъ нравовъ, можно найти разительныя тому доказательства въ произведеніяхъ народной литературы.

У византійцевъ XIII и XIV вѣка, повидимому, былъ крайне развитъ вкусъ къ романамъ, гдѣ описывались всякія приключенія. И вотъ нѣкоторыя изъ подобныхъ произведеній несомнѣнно вдохновлены сюжетами, очень хорошо извѣстными въ литературѣ Запада; и даже тѣ изъ нихъ, которые чисто восточнаго происхожденія, вслѣдствіе сношеній съ франками, приняли вполне латинскую окраску. Позднѣе, при изученіи нѣкоторыхъ изъ этихъ любопытныхъ произведеній, какъ на примѣръ, Белтрандра и Хрисанцы, Ливистра и Родамны, будутъ видны несомнѣнные слѣды этого вліянія. Это исторіи о странствующихъ рыцаряхъ и прекрасныхъ принцессахъ, рассказывающія о безчисленныхъ турнирахъ и удачныхъ ударахъ меча; какъ у трубадуровъ или миннезингеровъ, почтеніе къ феодалу является въ

нихъ необходимымъ общественнымъ звеномъ, „турниръ любви“ — первой обязанностью паладина. Нигдѣ лучше не видно смѣшенія модъ, нравовъ, обычаевъ, происшедшаго тогда на Востокѣ и придавшаго этому смѣшанному обществу столько живописнаго и страннаго. Но вотъ что еще замѣчательнѣе. Подъ вліяніемъ Запада въ этой Византіи, всецѣло пропитанной античными традиціями, герои самой Иліады преобразуются въ паладиновъ. Какъ въ нашихъ *chansons de geste* Ахиллъ превращается въ прекраснаго рыцаря, скитающагося по свѣту съ своими двѣнадцатью товарищами въ поискахъ за приключеніями, въ побѣдителя на турнирахъ, въ любовника прекрасныхъ принцессъ, въ христіанскаго паладина, который умираетъ въ Троянской церкви, измѣнически умерщвленный Парисомъ.

IV.

Значить ли это, однако, что, благодаря несомнѣнному смѣшенію обѣихъ цивилизацій и отношеніямъ порожденнымъ крестовыми походами, уничтожилось или хотя бы ослабилось коренное и глубокое недоразумѣніе, о которомъ было говорено выше? Никоимъ образомъ.

Прежде всего, лишь въ избранное общество могли проникнуть нравы Запада. Народныя массы оставались въ данномъ случаѣ совершенно невоспріимчивы, а равно и греческая церковь. Въ то время какъ политики, дипломаты, важныя особы, изъ расчетовъ или по симпатіи, сближались съ латинянами, въ народѣ, болѣе ихъ страдавшемъ отъ этого насильственнаго вторженія

чужеземцевъ и отъ беззастѣнчивой эксплуатаціи итальянскихъ торговцевъ, въ духовенствѣ, испуганномъ и скандализованномъ возможностью сближенія съ Римомъ, чувствовалось, наоборотъ все возростающее недовольство. Политическія опасенія, соперничество въ торговлѣ, затрудненія религіозныя, все согласовалось для обостренія вѣкового несогласія, чтобы сдѣлать еще болѣе неосмысленной и фанатичной закоренѣлую злобу. Это становится очевиднымъ, если принять во вниманіе внезапныя вспышки ненависти, взрывы яростной страсти, вслѣдствіе которыхъ византійская чернь не разъ набрасывалась на ненавистныхъ латинянъ, въ особенности, если вспомнить трагическій день 2 мая 1182 года, когда итальянскій кварталъ въ Константинополѣ былъ преданъ огню и разграбленію возмущенной толпой, когда духовные и свѣтскіе, женщины и дѣти, старики и даже больные, находившіеся въ больницахъ, были безпощадно преданы смерти разъяренной толпой, радостно мстившей въ одинъ день за столько лѣтъ глухо клокотавшей злобы, темной зависти и непримиримой ненависти.

Въ религіозныхъ дѣлахъ чувства проявлялись не менѣе рѣзко. Когда духовные пастыри, въ 1439 году по приказанію Іоанна VIII заключившіе на флорентійскомъ соборѣ союзъ съ Римомъ, возвратились въ Константинополь, народъ встрѣтилъ ихъ оскорбленіями и гиканьемъ. Ихъ открыто обвиняли въ томъ, что они дали себя свратить и за небольшое количество золота продали церковь и родину. И когда царь, вѣрный своимъ обѣщаніямъ, хотѣлъ привести въ исполненіе заключенный договоръ, возмущенная чернь изгнала

патріарха, бывшаго другомъ Риму, и мятежь грозно забушевалъ подъ сводами святой Софіи. И передъ лицомъ угрожавшихъ турокъ ненависть къ Западу сильнѣе всего разжигала души византійцевъ; но, какъ ни была яростна и страстна эта ненависть, ее никакъ нельзя назвать слѣпой. Въ то самое время, какъ близился послѣдній часъ Византіи, западные государи не столько думали объ ея защитѣ, какъ объ ея покореніи.

Въ соціальномъ отношеніи, наконецъ, среди многихъ грековъ встрѣчаешь съ тѣмъ же непониманіемъ обычаевъ, занесенныхъ съ Запада. Быть можетъ, въ этомъ выступаетъ всего яснѣе разница въ умственномъ строѣ этихъ двухъ расъ. Идетъ ли дѣло о рыцарскомъ вызовѣ, съ какимъ военачальникъ обращается къ своему противнику, здравый смыслъ византійца отвѣчаетъ, что „идіотъ тотъ кузнецъ, который беретъ рукой раскаленное желѣзо, когда можетъ взять его щипцами, и точно также слѣдуетъ поднять на смѣхъ полководца, который, имѣя хорошую и многочисленную армію, сталъ бы подвергать опасности собственную особу“. На предложеніе, сдѣланное Михаилу Палеологу, прибѣгнуть къ испытанію огнемъ, онъ иронически отвѣчаетъ „Вы хотите, чтобы я сдѣлалъ чудо! Ну, такъ знайте, что я не имѣю власти творить чудеса. Когда до красна раскаленное желѣзо падаетъ на руку живого человѣка, я не вижу возможности, чтобы оно ея не сожгло, развѣ что этотъ человѣкъ изваянь изъ мрамора Фидія или Праксителя, или вылить изъ бронзы“. И Акрополитъ, записавшій эти слова, прибавляетъ: „Вотъ что онъ сказалъ, и, клянусь Θεמידой, онъ былъ

безусловно правъ“. А вотъ продолженіе исторіи, чрезвычайно характерное. Митрополитъ Филадельфійскій, которому Палеологъ шутя предлагаетъ подвергнуться вмѣсто него этому испытанію, подь тѣмъ предлогомъ, что такой служитель Бога одинъ только и могъ бы еще имѣть нѣкоторое вѣроятіе выдти счастливо изъ такого положенія, замѣчаетъ на это: „Такого обычая, мой милый, у насъ, у римлянъ, въ сводѣ законовъ не имѣется, нѣтъ его и въ церковномъ преданіи, онъ не установленъ ни гражданскимъ закономъ, ни святыми и божественными законами. Это варварскій обычай“. И еще больше подчеркивая различіе двухъ расъ, Михаилъ въ свою очередь прибавляетъ: „Еслибы я родился среди варваровъ, еслибы я былъ воспитанъ согласно варварскимъ обычаямъ и усвоилъ ихъ законы, я могъ бы согласиться на оправданіе согласно варварскому обычаю. Но я римлянинъ, рожденный отъ римлянъ, долженъ быть судимъ по римскимъ законамъ и писанному судопроизводству“.

Трудно найти анекдотъ, болѣе характерный. Онъ показываетъ въ одно и то же время полный скептицизмъ, съ какимъ здравый смыслъ грековъ относился къ наивнымъ и грубымъ судебнымъ приемамъ, придуманнымъ Западомъ, и непомѣрную гордость византійцевъ, чувствовавшихъ за собою многовѣковую культурную традицію, то, что они не были, выражаясь однимъ словомъ, „варварами“. Вотъ рѣшающее слово, объясняющее все. Между „римлянами, сыновьями римлянъ“ и латинянами—„варварами“ не могло быть согласія; законы, годные для грубости однихъ, не могутъ быть годными для утонченной

культуры другихъ; грубый эмпиризмъ ихъ правосудія не можетъ идти параллельно съ законодательной системой, мудро выработанной константинопольскими юристами. Греки могутъ, по необходимости, сближаться съ людьми Запада; они отлично сумѣютъ, при желаніи, усвоить тотъ или иной изъ ихъ обычаевъ. Несмотря на преходящіе союзы, несмотря на временныя заимствованія, основное презрѣніе сохраняетъ свою силу при ясномъ сознаніи разительнаго превосходства „римлянина“ передъ „варваромъ“. По нѣкоторымъ, чисто внѣшнимъ, чертамъ могло показаться, что Византія преобразовалась вслѣдствіе столкновенія съ латинянами. Въ сущности, она пребывала неизмѣнной въ своей традиціонной гордынѣ, совершенно не понимая и не желая понимать новый духъ, вѣявшій съ Запада.

ГЛАВА II.

Анна Комнина.

I.

Въ декабрь 1083 года императрица Ирина Дука, жена Алексѣя Комнина, готовилась къ родамъ въ покояхъ священнаго дворца, называвшихся „порфировой комнатою“, гдѣ по старинному обычаю должны были являться на свѣтъ императорскія дѣти, называвшіяся по этому „порфирородными“. Время родовъ близилось, но царь, задержанный войной съ норманами, не былъ тогда въ Константинополѣ. Тогда у молодой женщины явилась красивая мысль: чувствуя первые приступы болей, она осѣнила себѣ животъ крестнымъ знаменіемъ и проговорила: „Подожди еще, дитя мое, пока не вернется твой отецъ“. Мать Ирины, особа разсудительная и мудрая, услыжавъ эти слова, крайне разсердилась: „А если твой мужъ не вернется раньше, какъ черезъ мѣсяць? Развѣ ты можешь это знать? И какъ же ты до тѣхъ поръ будешь бороться съ муками?“ Однако, событіе оправдало молодую женщину. Черезъ три дня Алексѣй возвратился въ свою столицу, какъ разъ во

время, чтобы принять въ свои объятія родившуюся у него дочь. Такъ появилась на свѣтъ, отмѣченная чудеснымъ предзнаменованіемъ при самомъ рожденіи, Анна Комнина, одна изъ самыхъ знаменитыхъ, самыхъ замѣчательныхъ византійскихъ царевенъ.

Рожденіе этого ребенка, появившагося чудеснымъ образомъ, было встрѣчено съ необычайной радостью. Помимо того, что имперія получила наслѣдницу, событіе это блестящимъ образомъ закрѣпляло бракъ, заключенный между Алексѣемъ и Ириной шесть лѣтъ назадъ, исключительно изъ видовъ политическихъ, а никакъ не по любви, и черезъ это упрочивалось при дворѣ до тѣхъ поръ очень ненадежное вліяніе молодой монархини. Поэтому родные Ирины, „обезумѣвъ отъ радости“, громко выражали свое довольство; въ официальныхъ церемоніяхъ, какими было въ обычаѣ праздновать рожденіе императорскихъ дѣтей, а также и въ подаркахъ, сдѣланныхъ по этому случаю войску и сенату, была проявлена необычайная роскошь, свидѣтельствовавшая о всеобщей радости. На голову маленькой царевны, когда она еще была въ колыбели, уже надѣли императорскую корону; имя ея произносилось въ ритуальныхъ возгласахъ, какими въ Византіи привѣтствовали монарховъ; въ то же время ее обручили съ Константиномъ Дукой, сыномъ лишеннаго престола императора Михаила VII, за которымъ Алексѣй Комнинъ, похищая у него власть, долженъ былъ, изъ уваженія къ законности, обязаться сохранять принадлежащія ему права. Такимъ образомъ, съ самаго ранняго дѣтства Анна Комнина, рожден-

ная въ порфирѣ, могла мечтать, что настанетъ день, когда она императрицей взойдетъ на великолѣпный тронъ кесарей.

Ребенокъ воспитывался матерью своею Ириной и будущей своею свекровью, царицей Маріей Аланской, и на всю жизнь дѣвочка сохранила память объ этихъ первыхъ радостныхъ годахъ, представлявшихся ей впослѣдствіи самыми счастливыми за все время ея существованія. Она обожала мать, и та, въ свою очередь, выказывала старшей дочери особое предпочтеніе; она восхищалась хорошенькой женщиной съ изящной фигурой, бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ лица и прелестными голубыми глазами, какой была императрица Марія, и много лѣтъ спустя съ глубокимъ волненіемъ вспоминали, какую привязанность выражала ей эта прелестная царица, достойная рѣзца Фидія или кисти Апеллеса, бывшая такой удивительной красоты, что кто видѣлъ ее приходилъ въ совершенный восторгъ. „Никогда, пишетъ Анна Комнина, не видѣли въ человѣческомъ тѣлѣ болѣе совершенной гармоніи. Это была живая статуя, предметъ восторга для всякаго человѣка, надѣленнаго чувствомъ красоты, или, вѣрнѣе, это былъ воплощенный Амуръ, сошедшій на землю“. Не меньше любила дѣвочка и своего будущаго мужа, юнаго Константина. Это былъ прелестный мальчикъ, на девять лѣтъ старше нея, бѣлокурый и розовый, съ удивительными глазами, „сверкавшими изъ-подъ бровей, какъ драгоценные камни въ золотой оправѣ“. „Красота его, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Анна Комнина, казалось, была небесной, а не земной“. И дѣйствительно, онъ умеръ преж-

девременно, едва достигнувъ двадцати лѣтъ, раньше чѣмъ былъ заключенъ бракъ, на который его маленькая невѣста возлагала столько честолюбивыхъ надеждъ. Всю свою жизнь Анна Комнина сохраняла нѣжную память объ этомъ юношѣ, котораго императоръ Алексѣй любилъ, какъ собственнаго сына, бывшаго для нея самой предметомъ обожанія и первой дѣтской страсти; и много лѣтъ спустя, думая объ этомъ Константинѣ Дукѣ, „чудѣ природы, шедеврѣ, созданномъ рукою Бога, казавшемся отпрыскомъ золотого вѣка, прославляемаго греками“, старая царевна съ трудомъ сдерживала свое волненіе, и слезы выступали у нея на глаза.

Вотъ среди такихъ-то нѣжныхъ заботъ, любимая и лелѣемая, росла маленькая Анна Комнина, и чтобы понять ее не бесполезно познакомиться съ тѣмъ, что представляло изъ себя въ концѣ XI вѣка воспитаніе византійской царевны.

Рѣдко любовь къ литературѣ, и въ особенности къ литературѣ античной, была такъ распространена, какъ въ Византіи время Комниновъ. Именно тогда знаменитый своей необычайной ученостью Цець комментируетъ поэмы Гезіода и Гомера, Іоаннъ Италъ, къ великому соблазну православной церкви, принимается опять послѣ Пселла за изученіе Платона, а лучшіе писатели эпохи, всецѣло проникнутые древними образцами, наперерывъ стараются въ своихъ произведеніяхъ подражать наиболѣе знаменитымъ греческимъ писателямъ, и самый языкъ, утончаясь, своимъ нѣскольکو дѣланымъ пуризмомъ старается воспроизводить строгую прелесть аттической рѣчи. При такомъ возрожденіи клас-

сической культуры царевна императорскаго дома, особенно если она была, какъ Анна Комнина, исключительно умна, не могла больше довольствоваться скуднымъ образованіемъ, дававшимся раньше византійскимъ женщинамъ. У нея были лучшіе учителя, и она воспользовалась ихъ уроками. Она училась всему, чему только можно было учиться въ ея время, риторикѣ и философіи, исторіи и литературѣ, географіи и миѳологіи, медицинѣ и естественнымъ наукамъ. Она читала великихъ поэтовъ древности, Гомера и лириковъ, трагиковъ и Аристофана, такихъ историковъ, какъ Фукидидъ и Поливій, такихъ ораторовъ, какъ Исократъ и Демосеенъ; она читала трактаты Аристотеля и діалоги Платона, и знакомство съ этими знаменитыми писателями научило ее искусству хорошо говорить и „утонченнѣйшему эллинизму“. Она была способна легко цитировать Орфея и Тимоѳея, Сафо и Пиндара, Порфирія и Прокла, стоиковъ и академиковъ. Quadrivium (четыре науки) не составлялъ для нея тайны: она знала геометрію, математику, музыку и астрологію. Великіе боги языческаго міра и прекрасныя легенды Эллады были близки ея душѣ; естественно, что она приводитъ въ своихъ произведеніяхъ Геракла и Аѳину, Кадма и Ниобею. Она знала также исторію Византіи и географію, и до извѣстной степени интересовалась античными памятниками: болѣе того, она умѣла при случаѣ разсуждать о военныхъ дѣлахъ и обсуждать съ врачами лучшіе способы лѣченія. Наконецъ, эта византійка, какъ кажется, — довольно еще рѣдкое явленіе на Востокѣ того времени, — знала даже по латыни.

Это не была только образованная женщина, это была женщина ученая. Всѣ современники одинаково восхваляютъ ея изящный аттической слогъ, силу и способность ея ума разбираться въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ, превосходство ея природнаго генія и прилежаніе, съ какимъ она старалась развить его дары, любовь, какую она всегда выказывала къ книгамъ и ученымъ разговорамъ, наконецъ, универсальность ея познаній. И достаточно также бросить взглядъ на Алексіаду, ея произведеніе, чтобы найти въ ней блестящее доказательство ея высокихъ качествъ. Несмотря на то, что тутъ можно подмѣтить искусственность въ слогъ, изысканный и дѣланый пуризмъ въ языкѣ, несмотря на то, что тутъ встрѣчаются мѣстами педантизмъ и притязательность, все же тутъ чувствуется женщина выдающаяся, дѣйствительно талантливый писатель, какимъ неоспоримо была Анна Комнина. Все это уже было видно и въ ребенкѣ. Какъ всякая византійка, она была очень свѣдуца въ религіозныхъ вопросахъ, а также въ пониманіи священныхъ книгъ. Однако, по складу своего ума, она чувствовала болѣе влеченія къ вопросамъ науки, чѣмъ къ вопросамъ религіи. Она высоко цѣнила литературу, исторію, увѣренная, что, благодаря имъ однимъ, самыя знаменитыя имена могутъ быть спасены отъ забвенія. Съ другой стороны, ея строгій умъ пренебрегалъ сверхъестественнымъ, пустыми изысканіями астрологовъ, ложными предсказаніями гадателей. Она хотѣла отвѣдать отъ ихъ воображаемаго знанія, какъ отвѣдывала ото всего, но главнымъ образомъ для того, чтобы убѣдиться хорошенько въ его

вздорности и тщетѣ. И, несмотря на благочестіе, она имѣла мало склонности къ богословскимъ спорамъ, находя бесполезнымъ вдаваться въ излишнія тонкости. Больше всего привлекала ее исторія своей серьезной и суровой стороною и величіемъ обязанностей, возлагаемыхъ ею на историка.

Таково было умственное воспитаніе, полученное Анной Комниной. О нравственномъ ея воспитаніи заботились не менѣе тщательно. Подъ вліяніемъ строгой Анны Далассины, матери императора, духъ при византійскомъ дворѣ крайне измѣнился за послѣдніе годы. Эта царица, съ ея строгимъ нравомъ и суровыми привычками, рѣшительно положила конецъ интригамъ гинекея, скандальнымъ любовнымъ похождениямъ, во времена порфирородной Зои и Константина Мономаха царившимъ въ священномъ дворцѣ и развращавшимъ его. Твердой рукой завела она вездѣ порядокъ, и подъ ея строгимъ надзоромъ императорская резиденція приняла видъ монастыря. Стало слышно пѣніе священныхъ пѣсень, жизнь была правильно и методически распредѣлена. Конечно, царь Алексѣй, не любившій своей жены, не стѣснялся разрѣшать себѣ небольшія вольности; но онъ тщательно соблюдалъ приличія и устыдился бы поселить во дворцѣ признанную любовницу, и общій духъ его двора соотвѣтствовалъ безупречной пристойности. Въ такой средѣ и подъ вліяніемъ бабушки, которую она крайне высоко цѣнила, Анна Комнина естественно стала въ совершенствѣ воспитанной молодой дѣвушкой, серьезной, цѣломудренной, соблюдавшей всѣ приличія, съ безукоризненной выправкой, съ безупречной рѣчью.

Однако, мы составили бы себѣ объ этой царевнѣ далеко не вѣрное представленіе, еслибы видѣли въ ней только умную, образованную, хорошо воспитанную женщину. Она слишкомъ хорошо сознавала, чѣмъ она была, какъ по рожденью, такъ и по умственному превосходству, чтобы не быть крайне честолюбивой. И ей было также отъ кого унаслѣдовать честолюбіе. Ея бабушка Анна Далассина, силой своей упорной энергіи возведшая свою семью на престоль, императоръ Алексѣй, отецъ ея, такой ловкій, такой хитрый, такой настойчивый, ея мать Ирина съ своей мужественной душой, интриганка и смѣлая женщина въ одно и то же время, все это были люди крайне честолюбивые; и Анна слишкомъ глубоко ихъ всѣхъ почитала, чтобы не слѣдовать слѣпо ихъ урокамъ. Кромѣ того, очень гордая тѣмъ, что родилась въ порфирѣ, очень гордая тѣмъ, что была старшей между дѣтьми Алексѣя и Ирины, очень гордая императорскимъ титуломъ, какимъ ее пожаловали еще въ колыбели, она не знала ничего выше своего исключительнаго достоинства „порфирородной“. Она непомѣрно гордилась своимъ происхожденіемъ, своимъ родомъ и своей страной. Въ ея глазахъ Византія была всегда владычицей міра, всѣ остальные народы ея смиренными и покорными вассалами, а тронъ византійскій самымъ прекраснымъ трономъ вселенной. Надо видѣть съ какимъ пренебреженіемъ эта византійская царица говоритъ о крестоносцахъ, объ этихъ варварахъ, извиняясь, что ей приходится заносить въ исторію ихъ грубыя имена, равно оскорбленная и въ своемъ писательскомъ самолюбіи сознаниемъ, что ритмъ ея фразы на-

рушенъ этими чужеземными словами, и въ своей императорской гордости, что должна терять время, занимаясь людьми ей противными и скучными. Анна Комнина была царица до мозга костей и придворная среда, въ которой протекала ея жизнь, могла только усилить это ея природное свойство. И въ ея душѣ, своевольной, властной и честолюбивой, сознание своего высокаго достоинства и положенія должно было вызвать страшныя извращенія.

А между тѣмъ это не была душа черствая. У этой ученой и честолюбивой женщины можно подмѣтить нѣкоторую чувствительность, даже нѣкоторую сантиментальность, которая порой забавна или трогательна. Я разумѣю тутъ не только ея очень сильную привязанность къ роднымъ. Она сама упоминаетъ въ довольно забавномъ тонѣ по поводу чуда, какимъ было отмѣчено ея рожденье, что она съ пеленокъ была послушнымъ, покорнымъ ребенкомъ. Въ другомъ мѣстѣ она заявляетъ, что для столь любимыхъ ею родителей она не задумавшись подверглась самымъ большимъ неприятностямъ, самымъ серьезнымъ опасностямъ, „рискуя ради нихъ своимъ положеніемъ, своимъ состояніемъ, самою жизнью“, и что ея исключительная привязанность къ своему отцу стала для нея источникомъ многихъ несчастій. Все это семейныя чувства, безконечно почтенныя, но которыя, какъ мы это увидимъ, Анна Комнина не сочла полезнымъ распространить на всѣхъ своихъ близкихъ. Но въ этомъ сердцѣ находили мѣсто еще другого рода привязанности; подобно Арсиноѣ Мольера, эта же-манница, эта скромница, эта педантка, питала

любовь къ реальностямъ. Она сама намъ рассказываетъ, какъ въ 1106 году,—она тогда уже была нѣсколько лѣтъ замужемъ,—однажды стояла она со своими сестрами у окна во дворцѣ, когда проходило шествіе, ведущее на казнь одного заговорщика, Михаила Анему. При видѣ этого красиваго воина, такого обольстительнаго и такого несчастнаго, она почувствовала себя до того растроганной, что не хотѣла отстать отъ императора, своего отца, пока не добилась у него помилованія осужденнаго; и съ такой страстностью предалась она этой безумной затѣѣ, что осмѣлилась, она, всегда такъ строго относившаяся къ этикету и ко всякимъ приличіямъ, потревожить Алексѣя, когда тотъ молился у святаго алтаря. Десять лѣтъ передъ тѣмъ, еще молоденькой дѣвушкой—ей было тогда четырнадцать лѣтъ,—она испытала другое волненіе того же рода, но болѣе глубокое. Это случилось, когда въ 1097 году прибылъ моремъ въ Византію одинъ изъ вождей перваго крестоваго похода, блестящій Бозмундъ, князь Тарентскій. Надо прочесть въ Алексіадѣ съ какой восторженностью описываетъ Анна Комнина этого рыжаго гиганта съ тонкой таліей, съ широкими плечами, съ бѣлой кожей, съ блестящими голубыми глазами, съ громкимъ и жуткимъ смѣхомъ, этого героя, страшнаго и обольстительнаго въ одно и то же время, такого совершеннаго физически, что казался созданнымъ по „канону“ Поликлета, и въ моральномъ отношеніи такого ловкаго, такого податливаго, такого краснорѣчиваго. „Не было во всей римской имперіи челоуѣка, пишетъ она, ни грека, ни варвара, равнаго ему. Онъ, каза-

лось, носилъ въ себѣ мужество и нѣжность, и одному императору, отцу моему, уступалъ онъ въ краснорѣчіи и другихъ дарованіяхъ, какими осыпала его природа“. Такъ говорила о западномъ варварѣ эта византійская принцесса, спустя сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ Бозмундъ въ первый разъ во всемъ своемъ блескѣ предсталъ передъ нею; во всей Алексіадѣ, за исключеніемъ царя Алексѣя, нѣтъ другого человѣка, котораго она описывала бы въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ.

Но слѣдуетъ тотчасъ прибавить, что если Анна Комнина засматривалась на красивыхъ мужчинъ и любила ихъ, это не выходило за границы благопристойности, какъ полагается цѣломудренной и честной женщинѣ, каковой она была. Несомнѣнно, однако, что въ глубинѣ ея души таился запасъ нѣжности, только и ждавшій случая, чтобы проявиться. Она всю жизнь оплакивала жениха своего дѣтства, преждевременно умершаго Константина, смерть котораго, къ слову сказать, и какъ это сейчасъ будетъ показано, нанесла такой жестокой ударъ честолюбивымъ замысламъ Анны Комнины. Позднѣе, когда въ 1097 году ее выдали замужъ за такого важнаго человѣка, какимъ былъ Никифоръ Вріенній, она съ своей нѣжной и чувствительной душой быстро сумѣла обратить этотъ чисто политическій бракъ въ бракъ по любви. Надо, впрочемъ, признать, что это былъ какъ разъ подходящій для нея мужъ. Подобно ей, Вріенній былъ образованъ; подобно ей, любилъ литературу; „онъ прочелъ всѣ книги, былъ свѣдуць во всѣхъ наукахъ“; наконецъ, подобно ей, онъ любилъ писать и пи-

саль хорошо. Кромѣ того, онъ былъ царственно красивъ и изященъ, „съ почти божественной осанкой“, великолѣпный воинъ, искусный дипломатъ, краснорѣчивый ораторъ. Анна Комнина обожала „своего Кесаря“ и никогда не могла утѣшиться въ его утратѣ. Когда въ 1136 году Врѣнній возвратился въ Константинополь очень серьезно больнымъ, она ухаживала за нимъ съ удивительной преданностью; когда вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, она благоговѣнно и заботливо, точно приняла завѣщанное имъ наслѣдство, продолжала его трудъ—писаніе исторіи,—котораго онъ, ослабѣвъ отъ болѣзни, не могъ докончить; и такъ какъ она съ годами стала чувствительной и плаксивой, то всякій разъ какъ ей подъ перо попадалось имя этого обожаемаго и утраченнаго мужа, она проливала обильныя слезы. Смерть Врѣннія, если вѣрить ей, была великимъ несчастіемъ ея жизни, вѣчно открытой раной, постепенно приведшей ее къ могилѣ. На самомъ дѣлѣ, вѣрно то, что, пока мужъ ея былъ живъ, честолюбивая царица пускала въ ходъ все, чтобы заставлятъ его добиваться, а съ нимъ вмѣстѣ добиваться и самой, наивысшихъ почестей, и, потерявъ его, она потеряла послѣднюю остававшуюся для нея возможность взять свое отъ судьбы. Но если, съ одной стороны, острота ея сожалѣній происходила отъ горечи разочарованій, съ другой стороны, слезы ея были искренни. Эта царица, очевидно, взростила въ душѣ своей маленькій цвѣтокъ сантиментальной нѣжности. Она сохранила его въ цѣлости и среди засушающей политики. И это не безразличная черта ея нравственнаго облика, что такая ученая и често-

любивая женщина, какъ она, была также женщиной честной и сильно любила своего мужа.

Если мы попробуемъ собрать разрозненные подробности, извѣстныя намъ о ней, и вообразить ее такой, какой она была на самомъ дѣлѣ, эта византійская царица представится намъ въ слѣдующемъ видѣ. Физически она походила на своего отца Алексѣя и, навѣрно, какъ онъ, была средняго роста, сильная брюнетка, съ прекрасными живыми глазами, сверкавшими геройствомъ. Нравственно она была чрезвычайно умна и гордилась своимъ умственнымъ превосходствомъ; она была замѣчательно образована, любила книги, ученыхъ, питала склонность ко всему, относившемуся къ умственной сторонѣ жизни, и когда попробовала писать, то выказала при этомъ несомнѣнный талантъ. Но преобладающее значеніе въ ея судьбѣ имѣла ея честолюбивая, своевольная душа, ея душа „пурпурородной“, высокомерная, гордая своимъ происхожденіемъ и жаждавшая верховной власти. У нея была, какъ она сама выразилась, „алмазная душа“, способная противостоятъ всякимъ неудачамъ, не дававшая себя сломить, въ то же время не способная отказаться отъ разъ составленнаго плана, отъ разъ взлелѣянной мечты. Съ ранняго дѣтства привыкшая дѣйствовать, она отнюдь не была воспитана, какъ пустая барышня, въ роскоши и праздности,—энергичная, настойчивая, смѣлая, она никогда не отступала передъ препятствіемъ, когда хотѣла достигъ намѣченной цѣли, и порой ей случалось забывать среди дѣлъ внушенія нѣжнаго сердца, нѣжность котораго она такъ любить выставлять.

Помимо всего этого, она была женщина честная, любящая и хорошая жена; но въ особенности, рожденная въ порфирѣ, императрица съ колыбели, она была во всемъ и всегда царицей. Честолюбіе заполняло половину ея жизни; въ остальномъ утѣшительницей ея была литература, хотя далеко не вполнѣ, ибо разочарованія и озлобленность сдѣлали ее глубоко несчастной. Но именно то, что Анна Комнина, жившая въ этой столь сложной Византіи, была въ одно и то же время женщиной-политикомъ и женщиной-писательницей, и придаетъ ея облику столько оригинальности и интереса.

II.

„Мнѣ не было и восьми лѣтъ, пишетъ Анна Комнина, когда начались мои несчастія“. Это происходило въ 1091 году, и вотъ что съ ней случилось. Будучи старшей дочерью императора Алексѣя и невѣстой Константина Дуки, предполагаемаго наслѣдника престола, Анна Комнина не сомнѣвалась, что вступить на престолъ, когда въ 1088 году императрица Ирина родила своему мужу сына. Радость Алексѣя, что, наконецъ, имѣется мужской потомокъ его рода, была чрезвычайна, и понятно, что съ этого дня порядокъ престолонаслѣдія былъ измѣненъ. Царь, раньше столь внимательный къ матери Константина Дуки, желавшій ей во всемъ нравиться, охладѣлъ къ ней; правда, вѣрный своимъ обѣщаніямъ, онъ не хотѣлъ ничего мѣнять въ задуманномъ бракѣ между царскими дѣтьми; но онъ счелъ должнымъ отдалить маленькую Анну Комнину отъ ея буду-

щей свекрови, и эта разлука была первымъ и большимъ горемъ для ребенка. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ произошло болѣе важное событіе. Сынъ Алексѣя Іоаннъ, трехъ лѣтъ отъ роду, былъ торжественно сдѣланъ соправителемъ имперіи. Это являлось крушеніемъ всѣхъ надеждъ, какія могла питать его старшая сестра. У Анны Комнины оставался женихъ, но этотъ женихъ терялъ свои права на престолъ, и ему отвели подчиненное мѣсто. Точно также, когда послѣ смерти юнаго Константина, въ 1094. году царевна была выдана въ 1097 г. за Никифора Врѣеннія, зять царя, несмотря на дарованный ему титулъ кесаря, занялъ мѣсто ниже наслѣдника престола, а вмѣстѣ съ нимъ и его жена.

Такимъ образомъ рожденіе брата было для Анны Комниной большимъ несчастьемъ въ жизни. Такъ какъ она мечтала взойти съ Константиномъ Дукой на престолъ, то она бережно сохраняла память о немъ. Такъ какъ онъ неожиданно разрушилъ ея честолюбивые планы, то воспылала она неистовой ненавистью „къ маленькому чернявому мальчику съ широкимъ лбомъ и костлявыми щеками“, какимъ былъ этотъ ненавистный братъ. Она надѣялась черезъ Никифора Врѣеннія и вмѣстѣ съ нимъ вновь завоевать тронъ, и потому она такъ любила его; наконецъ, такъ какъ она думала, что, какъ старшая въ родѣ имѣетъ право на царство, она въ продолженіе всей жизни Алексѣя интриговала, изощрялась, употребляла все свое вліяніе на своего мужа Никифора, чтобы вновь овладѣть властью, считая, что была лишена ея незаконно. Это составляло постоянный предметъ ея честолюбія, смыслъ

всѣхъ ея поступковъ; и эта единая и неотступная мечта наполняла все ея существованіе,—объясняя его,—вплоть до того дня, когда, окончательно проигравъ свое дѣло, она поняла, что жизнь ея не удалась.

Въ этой борьбѣ за корону между Анной и ея братомъ принимала участіе вся императорская семья. Андроникъ, одинъ изъ сыновей царя, былъ за сестру; другой, Исаакъ,—за брата; что касается матери ея, Ирины, она страннымъ образомъ ненавидѣла своего сына Іоанна. Она считала его легкомысленнымъ, испорченнымъ нравственно, съ неуравновѣшеннымъ умомъ; но въ этомъ, однако, она была къ нему несправедлива. Напротивъ, передъ высокимъ умомъ дочери она преклонялась, совѣтуясь съ ней при всякихъ обстоятельствахъ и принимая ея совѣты, какъ рѣшенія оракула. Кромѣ того,—рѣдкое явленіе,—она обожала своего зятя. Она находила его краснорѣчивымъ, образованнымъ, одареннымъ всѣми качествами государственнаго мужа и монарха. И чтобы отстранить законнаго наслѣдника, обѣ женщины рѣшительно составили союзъ; и такъ какъ Ирина имѣла теперь большое вліяніе на состарѣвшагося и уже больного императора, онѣ могли надѣяться, что планъ ихъ удался. Скоро, благодаря ихъ интригамъ, Вріенній сдѣлался всесильнымъ во дворцѣ, и ходили всюду слухи, что все зависѣло только отъ него. Смѣтливые придворные старались ему понравиться; по случаю обрученія его старшаго сына Алексѣя съ дочерью князя Абазгіи, официальные ораторы въ торжественныхъ рѣчахъ восхваляли качества этого юноши, казалось, предназначеннаго къ

власти, а также славу его родителей. Угодливо отмѣчали разительное сходство царевича съ царемъ, его дѣдомъ, чье имя онъ носилъ; восхищались воспитаніемъ, полученнымъ имъ вмѣстѣ съ братомъ его Іоанномъ Дукой, подъ руководствомъ ихъ выдающейся матери, дарованной имъ самимъ небомъ. Словомъ, все, казалось, шло хорошо, и Анна Комнина ждала, что вотъ-вотъ желанія ея исполнятся. Между тѣмъ императоръ никакъ не могъ окончательно рѣшиться, и дѣло оставалось все въ томъ же видѣ, когда въ 1118 году Алексѣй опасно заболѣлъ. Тогда-то, во время этой агоніи, и разыгралась жестокая драма.

Если прочесть въ Алексіадѣ описаніе этихъ августовскихъ дней 1118 года, когда умиралъ императоръ, не найдешь въ этихъ прекрасныхъ страницахъ, запечатлѣнныхъ искренней тревогой, почти никакого слѣда безудержныхъ домоганій и яростныхъ страстей, боровшихся у изголовья умирающаго. Видишь тутъ безсильныхъ врачей, въ честномъ волненіи толпящихся у постели больного, и подобно врачамъ Мольера только и говорящихъ, что о слабительныхъ да о кровопусканіи. Видишь разстроенныхъ женщинъ, плачущихъ и стнящихъ, напрасно старающихся облегчить послѣднія минуты умирающаго. Дочери императора и его жена окружаютъ постель, Марія старается влить немного воды въ распухшее горло больного, и когда онъ теряетъ силы, приводитъ его въ себя, давая ему нюхать розовую эссенцію. Ирина рыдаетъ, потерявъ всякую энергію, поддерживавшую ее въ началѣ кризиса; въ страхъ, въ отчаяніи, она обращается съ вопро-

сами къ врачамъ, къ дочери своей Аннѣ и, судя по ея виду, кажется,—едва ли переживетъ она своего мужа. Анна, вся отдавшись своему горю, „презирая, какъ она сама это пѣшетъ, философію и краснорѣчіе“, держитъ руку отца и съ тоской слѣдитъ за ослабѣвающимъ пульсомъ. И вотъ наступаетъ рѣшительная минута. Чтобы скрыть отъ Ирины послѣднія спазмы агоніи, Марія тихонько становится между нею и императоромъ; и вдругъ Анна чувствуетъ, что пульсъ пересталъ биться—сначала она точно нѣмѣетъ, опустивъ голову къ землѣ, затѣмъ, закрывъ лицо обѣими руками, раздражается рыданіями. Тогда Ирина, понявъ, испускаетъ крикъ отчаянія; она бросаетъ съ себя на землю императорскій головной уборъ и, схвативъ ножъ, обрѣзываетъ себѣ волосы почти до корней; она отбрасываетъ далеко отъ себя пурпуровыя туфли и надѣваетъ черныя башмаки, беретъ изъ гардероба недавно овдовѣвшей своей дочери Евдокии траурныя одѣянія, черную вуаль, и покрываетъ ею голову. Описывая этотъ трагическій день, Анна Комнина спрашиваетъ, много лѣтъ спустя, не была ли она игрушкой страшной грезы и зачѣмъ она не умерла тогда вмѣстѣ съ обожаемымъ отцомъ, и зачѣмъ не убила себя въ тотъ самый день, когда погасъ „свѣточъ міра, Алексѣй Великій“, въ тотъ день, когда, какъ она говоритъ, „зашло ея солнце“.

Во всемъ этомъ прекрасномъ разсказѣ нѣтъ ни единого слова, которое позволило бы хоть заподозрить интриги и честолюбивыя козни, волновавшія умы въ комнатѣ больного. Ирина въ своемъ отчаяніи не заботится больше ни о коронѣ, ни о власти; находящаяся тутъ же Анна

готова пренебречь всей славой міра сего. Ни слова о вождѣлѣнномъ наслѣдствѣ, ни о тѣхъ крайнихъ усиліяхъ, къ какимъ прибѣгли, пытаюсь нарушить установленный порядокъ. Едва можно найти слабый намекъ на нѣкоторую поспѣшность, съ какой Іоаннъ Комнинъ, наслѣдникъ престола, покинулъ постель умирающаго, чтобы пойти завладѣть Большимъ дворцомъ; едва, и то вскользь, упоминается о смятеніи, царившемъ въ столицѣ. И это все. Надо читать другихъ лѣтописцевъ той эпохи, чтобы видѣть все, что скрывалось подъ этими женскими жалобами и какъ Ирина приступала къ умирающему императору, чтобы убѣдить его лишиться наслѣдства сына въ пользу Вріеннія, и ярость императрицы, когда Іоаннъ Комнинъ, сорвавъ съ руки умирающаго—или, что правдоподобнѣй, получивъ отъ него—императорскій перстень, поспѣшилъ въ св. Софію провозгласить себя императоромъ и овладѣлъ Большимъ дворцомъ. Тогда всѣхъ этихъ честолюбивыхъ женщинъ охватываетъ порывъ бѣшеной ярости. Ирина убѣждаетъ Вріеннія также провозгласить себя императоромъ и выступить противъ зятя съ оружіемъ въ рукахъ. Затѣмъ она бросается къ умирающему мужу, кричитъ ему, что сынъ у него, еще живого, похитилъ престолъ; она умоляетъ его признать, наконецъ, за Вріенніемъ права на корону. Но Алексѣй, не отвѣчая, слабымъ движеніемъ поднимаетъ руки къ небу и улыбается. Тогда Ирина, внѣ себя, раздражается укорами: „Всю свою жизнь, кричитъ она ему прямо въ лицо, ты только и дѣлалъ, что хитрилъ и прибѣгалъ къ словамъ, чтобы скрывать свою мысль; тотъ же ты и на смертномъ одрѣ“. Въ это время

Іоаннъ Комнинъ съ своей стороны спрашивалъ себя, какъ ему поступить съ матерью, съ сестрами, съ Вріенніемъ, со стороны котораго онъ опасался попытки государственнаго переворота. И когда, наконецъ, къ вечеру Алексѣй умеръ, среди всѣхъ этихъ взволнованныхъ честолюбцевъ ни одинъ не нашелъ времени заняться умершимъ. Трупъ его остался почти брошеннымъ, и на слѣдующій день раннимъ утромъ его поспѣшили похоронить, не соблюдая при его похоронахъ обычной въ подобныхъ случаяхъ торжественности.

Интриги Анны не привели ни къ чему: императоромъ сталъ ея братъ. Для гордой царевны это былъ страшный и неожиданный ударъ. Уже столько лѣтъ жила она въ чаяніи овладѣть имперіей, считая престоль необходимымъ для нея и законнымъ своимъ добромъ, и ставя себя настолько выше этого ненавистнаго младшаго брата. Теперь всѣ ея мечты рухнули. Дерзость Іоанна Комнина, нерѣшительность Вріеннія разомъ опрокинули все зданіе козней, такъ умѣло возведенное Анной и Ириной. Дочь Алексѣя не могла утѣшиться, и обманутое честолюбіе, заглушивъ въ ней всѣ другія чувства, зажгло въ ея душѣ ярость Медеи. И года не прошло, какъ она путемъ заговора сдѣлала попытку вновь захватить власть: ни много, ни мало дѣло шло о томъ, чтобы убить императора Іоанна, ея брата. Но въ послѣднюю минуту на Вріеннія, обладавшаго характеромъ нѣсколько слабымъ, и при томъ не очень честолюбиваго, нашла нерѣшительность: повидимому онъ нѣсколько усумнился въ законности притязаній своей жены, и вполне опредѣленно заявлялъ, что зять его имѣлъ всѣ права

на престоль. Его сомнѣніе, его слабость парализовали рвеніе другихъ заговорщиковъ; тѣмъ временемъ заговоръ былъ открытъ. Впрочемъ императоръ рѣшилъ щегольнуть милосердіемъ: онъ не захотѣлъ ничьей казни и ограничился конфискаціей имущества заговорщиковъ. Но спустя немного времени, по совѣту великаго domestика Аксуха, онъ даже возвратилъ сестрѣ своей Аннѣ все ея состояніе: верхъ униженія для этой гордой царевны, которой братъ напоминать такимъ образомъ, съ нѣскольکو презрительнымъ великодушіемъ, о семейныхъ узахъ любви, въ минуту безумія совершенно забытыхъ ею.

Какую бѣшеную ярость почувствовала Анна Комнина отъ этого послѣдняго удара, хорошо показываетъ анекдотъ, рассказанный лѣтописцемъ Никитой. Когда она увидѣла, что все предпріятіе гибнетъ вслѣдствіе колебаній Вріеннія, она, такая цѣломудренная и благовоспитанная, разразилась противъ него площадною бранью. Проклиная слабость Кесаря, она заявила, что природа очень плохо распорядилась, вложивъ въ тѣло женщины такую мужественную душу, какую она чувствовала въ себѣ, а въ тѣло мужчины робкую и нерѣшительную душу Вріеннія. Мнѣ приходится изъ приличія перефразировать слова, употребленныя ею, которыя въ ихъ подлинномъ значеніи много энергичнѣе и грубѣе. Но по истинѣ Анна Комнина должна была чувствовать себя дѣйствительно жестоко разочарованной, чтобы позволить себѣ при всей своей воспитанности и просвѣщенности унизиться до такихъ грубо-непристойныхъ словъ.

III.

Аннѣ Комнинѣ только-только исполнилось тридцать шесть лѣтъ, но жизнь ея была кончена. Она на двадцать девять лѣтъ пережила крушеніе своихъ великихъ честолюбивыхъ замысловъ, посвятивъ себя всю, какъ она гдѣ-то объ этомъ говорить, „книгамъ и Богу“. И этотъ долгій конецъ существованія былъ для нея смертельно печалень. Бѣда за бѣдой сыпались на нее и удручали ее. Вслѣдъ за Алексѣемъ, отцомъ ея, смерть котораго,—она это хорошо понимала,—являлась для нея концомъ всего, одинъ за другимъ умерли ея мать Ирина, „слава Востока и Запада“, любимый ея братъ Андроникъ и въ 1136 году, наконецъ, мужъ ея Никифоръ Врѣнній; и съ каждой этой смертью относительно понижалось и мѣсто, какое она занимала въ жизни.

Послѣ неудачи ея послѣдняго заговора она жила въ уединеніи, вдали отъ двора, какъ бы въ нѣкоторой немилости, часто отправляясь въ основанный ея матерью монастырь Богородицы Милостивой. Старые приближенные отца, раньше всячески старавшіеся льстить ей, теперь сторонились отъ нея изъ страха навлечь на себя недовольство новаго владыки; печально подсчитывала она, сколько неблагодарныхъ людей встрѣчается на ея пути. Въ то же время она видѣла, какъ укрѣпляется на тронѣ ненавистный ей братъ. И все это ожесточало ея душу. Однако, покуда былъ живъ ея мужъ, къ которому императоръ продолжалъ сохранять довѣріе, поручивъ ему отвѣтственную должность въ государствѣ, съ Анной Комниной еще до извѣстной степени

считались; но послѣ смерти Врѣеннія, и въ особенноти въ царствованіе ея племянника Мануила, пѣсня ея была окончательно спѣта, и это заставляло ее страшно страдать. Она становилась все печальнѣе и угрюмѣе, все больше увѣряла себя, что была жертвой несправедливой судьбы. На каждой страницѣ своей книги она говоритъ о несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ ее всю жизнь, чуть не съ перваго дня, когда она родилась въ порфирѣ. Напрасно брала она на себя, и старалась казаться бодрой и царственно стойкой при каждомъ новомъ ударѣ судьбы, повторяя вмѣстѣ съ поэтомъ: „Снеси, сердце, и это, ты уже выдержало худшія испытанія“. Въ сущности она не могла примириться. Когда старая царица вспоминала блестящее начало своей жизни, свои мечты объ императорской коронѣ, сіяющіе годы своей юности; когда она вызывала въ памяти всѣ эти призраки, бывшихъ спутниковъ ея счастливой жизни: юнаго Константина Дуку, своего жениха, прелестную императрицу Марію и несравненнаго Алексѣя, отца своего, и мать свою Ирину, и своего мужа и еще столько другихъ; когда она всей этой минувшей славѣ противопоставляла свое теперешнее одиночество, неблагодарныхъ, оставлявшихъ ее въ забвеніи старыхъ друзей, теперь пренебрегавшихъ ею, близкихъ родныхъ, обращавшихся съ нею дурно и старавшихся сдѣлать ее для всѣхъ ненавистной, тогда она не могла удержать слезъ.* Этой уязвленной, озлобленной душѣ, казалось, было пріятно беречь свои раны. „Отъ самой колыбели, пишетъ она, клянусь въ томъ Богомъ и Его Пречистой Матерью, меня удручали непрестанныя бѣды и на-

пасти. Не буду говорить о тѣлесныхъ немощахъ; предоставляю это служителямъ гинекея. Но чтобы перечислить всѣ бѣды, какія сыпались на меня, начиная съ восьмилѣтняго моего возраста, всѣхъ враговъ, явившихся у меня вслѣдствіе злобы людской, потребовалось бы умѣнье Искрата, краснорѣчіе Пиндара, сила Полемона, муза Гомера, лира Сафо. Нѣтъ несчастья, большого или малаго, какое не обрушилось бы на меня. Всегда, какъ теперь, такъ и тогда, порывъ бури разилъ меня; и въ самую минуту, что я пишу эту книгу, море несчастій подавляетъ меня и валъ поднимается за валомъ“. Затѣмъ слѣдуютъ горькіе и прозрачные намеки на „сильныхъ міра сего“, забивающихъ ее „въ ея уголкѣ“, не позволяющихъ даже самымъ маленькимъ людямъ навѣщать ее. „Вотъ тридцать лѣтъ, клянусь въ томъ блаженной памятью покойныхъ императоровъ, что я не видала и не принимала у себя никого изъ приближенныхъ моего отца; многіе умерли, многіе удалились изъ страха, вслѣдствіе перемѣнъ въ политикѣ“. Въ другомъ мѣстѣ она заявляетъ, что ея несчастья могли бы тронуть не только всякое чувствующее существо, но даже и неодушевленные вещи; и, рисуясь своими страданьями, выставляя себя, какъ великую жертву, она удивляется, что такое скопленіе несчастій не превратило ее самое въ какой-нибудь безчувственный предметъ, какъ знаменитыхъ страдальцевъ языческой мифологіи; и, взывая къ трагическому образу древней Ніобеи, она предполагаетъ, что подобно ей, и даже больше, она заслуживаетъ быть превращенной въ бездушную скалу.

Надо сознаться, что эти жалобы нѣсколько преувеличены и что, какъ онѣ ни искренни, а въ концѣ концовъ надоѣдаютъ. При томъ можно съ полнымъ основаніемъ думать, что въ разсказѣ о своихъ несчестьяхъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь касается ея особы, Анна Комнина, сознательно или безсознательно, нѣсколько преувеличивала вещи и представила событія въ болѣе трагическомъ видѣ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Возможно, что въ самые послѣдніе свои годы эта старая царица, представительница прошлыхъ, уже исчезнувшихъ временъ, у которой съ губъ не сходило имя Великаго Алексѣя, ея отца, могла казаться скучной и утомительной своему молодому племяннику, императору Мануилу, и окружавшимъ его блестящимъ придворнымъ. Но, быть можетъ, отъ нея одной зависѣло жить въ добромъ согласіи съ ея братомъ, императоромъ Іоанномъ. Этотъ кроткій и милостивый царь, какъ было сказано, не сохранилъ никакой злобы къ мужу своей сестры за то, что тотъ былъ орудіемъ честолюбивыхъ плановъ Анны Комнины; такъ же милостиво обращался онъ и съ сыновьями своей сестры, и на другой же день послѣ затѣянныхъ ею противъ него козней онъ съ необычайнымъ блескомъ отпраздновалъ въ императорскомъ дворцѣ свадьбу этихъ двухъ молодыхъ людей. Извѣстно также, какъ онъ простилъ Аннѣ Комнинѣ ея заговоръ на его жизнь, рассчитывая, что такое рыцарское великодушіе пробудитъ раскаяніе въ этой смущенной душѣ, и оживитъ въ ней нѣкоторую привязанность. Во всякомъ случаѣ, даже и въ ея уединеніи, жизнь царицы не была такъ одинока, какъ

она это любить говорить: къ ней обращались за покровительствомъ, что заставляетъ думать, что она сохраняла нѣкоторое вліяніе. И наконецъ, какъ бы ни были печальны и жалки послѣдніе годы Анны Комнины, не надо забывать, что, въ сущности, она за это должна была больше пенять на себя, нежели на судьбу. Разумѣется, для нея было чрезвычайно тяжело до шестидесяти пяти лѣтъ таить злобу на свою неудачу; для этой честолюбивой женщины должно было быть страшнымъ страданьемъ видѣть торжество своихъ противниковъ и въ теченіе тридцати лѣтъ сознавать, что всякая роль для нея была кончена. Но она сама была тому причиной.

Занятія литературой, столь любимыя ею въ юности, стали ея высшимъ утѣшеніемъ въ ея уединеніи. Вокругъ нея образовался дворъ ученыхъ, грамматиковъ, монаховъ и она изливала въ прекрасной книгѣ, Алексіадѣ, всю свою тоску, всѣ свои сожалѣнія, всю свою злобу, всѣ свои воспоминанія.

По тому что мы знаемъ объ авторѣ, мы легко можемъ отгадать, чѣмъ было это произведеніе. Несомнѣнно Анна Комнина часто претендуетъ тутъ на полное безпристрастіе историка; въ одномъ мѣстѣ она заявляетъ, что „кто беретъ писать исторію, долженъ освободиться отъ страсти и ненависти, умѣть хвалить враговъ, когда того требуетъ ихъ поведеніе, и порицать самыхъ близкихъ родныхъ, когда это становится необходимо вслѣдствіе ихъ ошибокъ“. Не менѣе выставляетъ она свою заботу о правдѣ. „Читая меня, быть можетъ, скажутъ, пишетъ она, что рѣчь моя мѣнялась отъ вліянія моихъ естественныхъ

чувствъ и привязанностей. Но я клянусь опасностями, какимъ подвергался императоръ, мой отецъ, ради счастья римлянъ, подвигами, какіе онъ совершилъ, всѣмъ что онъ перенесъ для народа Христова, я пишу эту книгу никакъ не для того, чтобы льстить моему отцу. Каждый разъ, какъ найду его не правымъ, я рѣшительно заглушу въ себѣ голосъ крови, чтобы слѣдовать только голосу правды. Я люблю отца, но еще больше я люблю правду“. Она также сообщаетъ намъ подробныя свѣдѣнія о различныхъ источникахъ, откуда она черпала матеріалы для своей исторіи; она справлялась съ воспоминаніями старыхъ товарищей по оружію ея отца, рылась въ безхитростныхъ, но правдивыхъ запискахъ, гдѣ, ни капли ни заботясь ни объ искусствѣ ни о реторикѣ, они рассказали свои подвиги и подвиги императора; къ этому она прибавила все, что видѣла сама, все, что слышала отъ отца, отъ матери, отъ дядей, все, что ей сообщали великіе полководцы Алексѣя, сотрудники и свидѣтели славы его царствованія; и она не разъ указываетъ на то, какъ согласны всѣ эти свидѣтельства, а также на ихъ очевидную искренность. „Теперь, когда со смертію Алексѣя исчезъ всякій поводъ къ лести и неправдѣ, и у людей одна забота—угождать новому властелину, а льстить умершему имъ и въ голову не приходитъ, они представляютъ событія въ томъ видѣ, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ“. И это вѣроятно, что Анна Комнина была искренно озабочена тѣмъ, чтобы собрать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Кромѣ устныхъ рассказовъ, она справлялась съ императорскими архивами и

списала тамъ документы первостепенной важности; она внесла въ свою книгу подлинный текстъ нѣкоторыхъ дипломатическихъ актовъ, нѣсколько документовъ изъ частной переписки; и забота ея о подлинности текстовъ простиралась такъ далеко, что для исторіи Роберта Гвискара она пользовалась латинскимъ источникомъ, нынѣ утраченнымъ.

Однако, несмотря на все это, Алексіада Анны Комнины возбуждаетъ въ читателѣ подозрѣніе и недоувѣріе. Это мнимое сочиненіе по исторіи попросту панегирикъ и памфлетъ въ одно и то же время. И это легко понять. Когда по смерти Вріеннія царица поставила себѣ задачей продолжать исторію, начатую ея мужемъ, и рассказать потомству царствованіе Алексѣя, она естественно подпала искушенію изобразить въ самыхъ яркихъ краскахъ эпоху, когда она была счастлива, когда она надѣялась, когда будущее улыбалось ей. Превознося великій образъ Алексѣя, ей, съ другой стороны, пріятно было нѣсколько умалить при неизбѣжномъ сопоставленіи, преемниковъ перваго изъ Комниновъ. И не безъ нѣкотораго тайнаго довольства отмѣчала она признаки скорого и неизбѣжнаго паденія, какіе, какъ ей казалось, она видѣла. „Въ наши дни, пишетъ въ одномъ мѣстѣ эта писательница, презираютъ, какъ вещь, незаслуживающую серьезнаго вниманія, историковъ и поэтовъ и тѣ уроки, какіе можно изъ нихъ извлечь. Кости и другія развлеченія того же рода, вотъ главная забота“. Не такъ дѣло обстояло раньше при дворѣ Алексѣя, благочестиваго и знаменитаго императора, котораго дочь его не задумываясь провоз-

глашаетъ выше Константина и причисляетъ къ святымъ апостоламъ Христовымъ. Одна преувеличенность этихъ похвалъ достаточно показываетъ тенденцію этой книги, названной самой Анной Комниной многозначительно *Алексіадой*, т. е. эпической поэмой въ честь легендарнаго героя.

Надо ли еще напоминать, что Анна Комнина была настоящей царицей, настоящей византийской, неспособной поэтому понять многія событія своего времени и безпристрастно судить о многихъ людяхъ? Мы выше замѣтили какіе предразсудки, какую предвзятую враждебность питала она—и должна была питать—къ крестоносцамъ. *Бозмундъ* составляетъ исключеніе. Надо ли прибавлять, что она была женщиной, и вслѣдствіе этого имѣла нѣкоторую склонность къ блеску, къ внѣшней пышности, скрывавшихъ отъ нея порой истинную суть вещей, что она была женщиной страстной, способной испытать крайнюю злобу и ненависть, и, наконецъ, женщиной ученой, заботившейся о красотѣ слога, объ изяществѣ фразы? Все это, уменьшая несомнѣнно достоинство, въ историческомъ, собственно, смыслѣ, произведенія *Анны Комнины*, отнюдь не уменьшаетъ его интереса. Какъ психологія личности, *Алексіада* остается документомъ первой важности; и съ болѣе общей точки зрѣнія это книга безусловно замѣчательная. Наконецъ, — черта не лишенная величія, — эта женщина, политикъ и писательница въ одно и то же время, полагала свое высшее честолюбіе въ желаніи продолжить свою жизнь и послѣ смерти въ томъ, что она считала лучшимъ въ себѣ самой, въ своей душѣ, въ своей мысли.

Анна Комнина умерла въ 1148 году въ возрастѣ шестидесяти пяти лѣтъ. Одинъ изъ хорошо знавшихъ ее современниковъ восхвалялъ ея большіе живые глаза, въ которыхъ свѣтилась дѣятельная мысль, глубину ея философскихъ познаній, поистинѣ царственное превосходство ея ума и заключаетъ остроумнымъ замѣчаніемъ, говоря, что, если-бы ея знала античная Греція, она присоединила бы „четвертую грацію къ граціямъ, десятую музу къ музамъ“. Это была, во всякомъ случаѣ, женщина замѣчательная, одинъ изъ самыхъ удивительныхъ женскихъ умовъ, когда-либо бывшихъ въ Византіи, женщина, стоявшая выше большинства мужчинъ своего времени. И что бы ни думать о ея характерѣ, до извѣстной степени печальнымъ представляется существованіе этой женщины, имѣвшей право быть честолюбивой и такъ безпощадно сгубившей свою жизнь.

ГЛАВА III.

Императрица Ирина Дука.

Въ концѣ 1077 года Алексѣй Комнинъ, будущій императоръ, тогда еще только знатный человекъ съ громаднымъ честолюбіемъ, увидалъ, что для достиженія престола, котораго онъ домогался, всего полезнѣе выгодный бракъ. Среди знатныхъ аристократическихъ родовъ не было тогда въ Византіи болѣе знаменитаго, какъ родъ Дукъ. Генеалогіи выводили его происхожденіе отъ временъ Константина Великаго и утверждали, что предокъ этого рода, бывшій въ родствѣ съ первымъ христіанскимъ императоромъ, получилъ отъ него званіе и титулъ дуки Константинопольскаго и отсюда происхожденіе фамиліи, какую носили его потомки. Что бы ни думать объ этой этимологіи и объ этихъ притязаніяхъ, несомнѣнно, что въ концѣ XI вѣка родъ Дукъ по богатству, могуществу, по значенію, какимъ пользовался среди всѣхъ окружавшихъ, былъ однимъ изъ самыхъ славныхъ въ монархіи; изъ него вышло нѣсколько византійскихъ императоровъ и занимавшій въ то время престолъ Михаилъ VII былъ однимъ изъ его членовъ. По этой именно причинѣ Комнины и Дуки такъ не любили другъ

друга, ибо первый царь изъ фамиліи Комниновъ имѣлъ преемникомъ одного изъ Дукъ, и одинаковое право на престоль и одинаковое честолюбіе возбудили въ этихъ соперничающихъ родахъ лютую ненависть другъ къ другу. Поэтому для всѣхъ здравомыслящихъ людей, искренно заботившихся объ общественномъ спокойствіи, казалось, что будетъ вполне выгодно соединить бракомъ представителей обѣихъ враждующихъ семей и соединить такимъ образомъ на будущее время ихъ притязанія и ихъ интересы. Съ другой стороны, тонкій политикъ, Алексѣй Комнинъ, сразу понялъ, какую могучую поддержку въ будущемъ представляетъ такой бракъ для его честолюбивыхъ плановъ. Поэтому, несмотря на сопротивление матери, онъ въ концѣ 1077 года женился на юной Иринѣ Дукѣ, дочери Андроника Дуки, протовестарія, протопроедра, великаго доместика схолъ Востока, и внучкѣ кесаря Іоанна Дуки. И поэтому также, когда въ 1081 году Алексѣй лишилъ престола Никифора Вотаниата, всѣ подумали, что военная и аристократическая революція, возведшая на престоль новаго императора, по знаменитому выраженію, „только для того нарушила законность, чтобы вновь вступить въ законныя права“. Комнинъ по рожденію, черезъ женитьбу вступившій въ союзъ съ Дуками, Алексѣй, даже съ оружіемъ въ рукахъ добиваясь императорской короны, въ сущности лишь возстановлялъ естественныя права, представителемъ которыхъ онъ былъ; по слову одного писателя того времени, возставая противъ свего монарха, „онъ не только не заслуживалъ ни малѣйшаго порицанія, но совершалъ поступокъ,

достойный похвалъ всѣхъ разсуждающихъ людей“.

Изъ брака, заключеннаго имъ главнымъ образомъ съ политическою цѣлью, Алексѣй извлекъ всю выгоду, на какую только могъ разсчитывать: онъ былъ императоромъ. Повидимому, онъ отнюдь не считалъ нужнымъ долго выказывать благодарность царевнѣ, которую совсѣмъ не любилъ. Крайне влюбленный, если вѣрить лѣтописи, въ жену своего предшественника, красавицу императрицу Марію Аланскую, поддерживаемый матерью, питавшей къ Дукамъ лютую ненависть, Комнинъ, какъ кажется, на слѣдующій же день послѣ своей побѣды сталъ подумывать о томъ, чтобы отдѣлаться отъ своей жены путемъ развода. Для того, чтобы въ привѣтствіяхъ императору имя Ирины упоминалось вмѣстѣ съ его именемъ, потребовалось, чтобы адмиралъ Георгій Палеологъ заявилъ съ грубой опредѣленностью: „Не для васъ, Комниновъ, я работалъ, а для Ирины“, и чтобы онъ приказалъ своимъ матросамъ провозглашать въ привѣтствіяхъ имя молодой царицы. Для того, чтобы Алексѣй рѣшился торжественно короновать Ирину въ императрицы, — хотя, однако, черезъ семь дней послѣ того, что былъ коронованъ самъ, — потребовалось все непреоборимое упорство патріарха, преданнаго дому Дукъ. По этимъ подробностямъ легко догадаться, чѣмъ была при подобныхъ условіяхъ эта императорская семья, какія тяжелыя, натянутыя отношенія существовали между этими враждующими супругами, представителями двухъ соперничавшихъ родовъ, соединенныхъ узами брака, при чемъ оба сознавали, что

символизируютъ два противныя другъ другу честолюбія.

Какимъ образомъ эта глухая непріязнь между Алексѣемъ и его женой мало-по-малу перешла въ болѣе дружескія отношенія; какимъ образомъ молодая императрица, находившаяся сначала въ небреженіи, незамѣтно дошла до того, что приобрѣла на мужа рѣшающее вліяніе: вотъ психологическая загадка въ исторіи, которую, быть можетъ, не безъинтересно разрѣшить. А если къ этому прибавить, что жизнь Ирины Дуки, съ другой стороны, доставляетъ случай представить, чѣмъ была религіозная и монастырская жизнь въ этой далекой отъ насъ Византіи XII вѣка, быть можетъ, покажется интереснымъ воссоздать образъ этой женщины, съ виду мало замѣтной и скромной, но являющейся затѣмъ искусной интриганкой съ громаднымъ честолюбіемъ, покуда не пришлось ей искать въ монастырѣ, какъ дочь ея, Анна Комнина, искала въ литературѣ, утѣшенія въ обманутыхъ надеждахъ.

I.

Когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1081 года Ирина стала императрицей византійской, ей не было пятнадцати лѣтъ. Повидимому, она не отличалась красотой. Анна Комнина, питавшая къ матери горячую преданность, несмотря на желаніе описать ее въ самыхъ лестныхъ краскахъ, не смогла изобразить намъ ее, какъ совершенную красоту. Она была высока ростомъ, хорошо сложена, и каждое движеніе полно несравненной гармоніи; у нея были прекрасныя, точно изъ

слоновой кости точеная руки, которыхъ она любила показывать, и прелестныя зеленые глаза, цвѣта морской воды. Но слишкомъ красныя щеки бросались въ глаза даже издали. „Ея лицо свѣтилось блескомъ луны, говоритъ Анна Комнина, но не было круглымъ, подобно лицамъ ассиріекъ, ни удлинненнымъ, какъ у женщинъ скиескихъ; оно не вполнѣ приближалось къ совершенному овалу“. Другой ея панегиристъ объявляетъ, что красота ея была скорѣй внутренняя. Если, съ другой стороны, принять въ соображеніе, что Ирина не любила наряжаться, что она, по словамъ одного современника, предпочитала „сіяніе добродѣтелей блеску красивыхъ, обшитыхъ золотомъ одеждъ“, что она не прибѣгала ни къ какой искусственной помощи для усиленія своихъ прелестей, „какъ это дѣлаютъ обычно изнѣженныя женщины, оскорбляя тѣмъ Божественнаго Создателя“, и что, наконецъ, „искусство косметикъ, дорогое Клеопатрѣ“, казалось ей вещью пустой и бесполезной, тогда станетъ понятнымъ, что Алексѣй Комнинъ, при свойственномъ ему непостоянствѣ, не видѣлъ особенныхъ причинъ оставаться вѣрнымъ своей женѣ, и что, несмотря на семерыхъ дѣтей, которыхъ онъ имѣлъ отъ нея, трехъ мальчиковъ и четырехъ дѣвочекъ, онъ выказывалъ ей нѣкоторое равнодушіе, находя утѣшеніе въ многочисленныхъ приключеніяхъ, повидимому, возбуждавшихъ ревность молодой императрицы.

Какъ мало любила Ирина наряды, такъ же мало любила она и свѣтъ. Ей претило показываться публично на пышныхъ императорскихъ церемоніяхъ, и когда ее къ тому обязывало ея положеніе, она крайне смущалась и краснѣла

отъ робости. Она не любила говорить, и на придворныхъ празднествахъ оставалась молчаливой, съ сжатыми губами, холодная и таинственная, какъ мраморная статуя (сравненіе Анны Комнины). Въ конечномъ выводѣ она представляется намъ женщиной сдержанной, скромной, нѣсколько робкой, нѣсколько скрытной, долго жившей въ подавленномъ состояніи между равнодушнымъ мужемъ и враждебной ей, властной свекровью.

Наконецъ, Ирина не находила никакого удовольствія окружать себя многочисленной прислугой; у нея были простые вкусы; великолѣпные экипажи, парады, торжества, все это ей глубоко претило. Она предпочитала оставаться въ своихъ частныхъ покояхъ, нѣсколько замкнутая въ себѣ самой, и проводила дни за чтеніемъ и въ размышленіяхъ. Ея панегиристы сравниваютъ ее то съ Аѳиной „сошедшей съ неба, великолѣпной и неприступной“, то съ совершенной женщиной, о которой говоритъ Соломонъ; они прибавляютъ, что она всячески развивала въ себѣ мудрость, которую Платонъ называетъ единственной красотой души“. Дѣйствительно, ея интимная жизнь проходила въ двухъ главныхъ занятіяхъ, въ чтеніи Священнаго Писанія и въ дѣлахъ милосердія Творенія отцовъ церкви особенно плѣняли ее; не рѣдко случалось, что она приходила къ столу, держа еще въ рукахъ благочестивую книгу, такъ страстно увлекшую ее; и когда ея дочь Анна Комнина, болѣе склонная къ наукамъ, чѣмъ къ богословію, спрашивала ее съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ могла она находить такой большой интересъ въ подобномъ чтеніи, какое

удовольствіе углубляться въ эти отвлеченныя, тонкія теоріи, „отъ которыхъ, говорила она, голова идетъ кругомъ“, Ирина съ улыбкой ей отвѣчала: „И я иногда, какъ ты, боюсь этихъ книгъ, а между тѣмъ не могу отъ нихъ оторваться. Впрочемъ, погоди немного: когда достаточно узнаешь другія книги, почувствуешь прелесть этихъ“. Однако, обладая большимъ умомъ и замѣчательнымъ образованіемъ, императрица не ограничивалась чтеніемъ священныхъ книгъ, она любила также и свѣтскія, покровительствовала писателямъ. Но особенно отличалась она благочестіемъ и неутомимой благотворительностью. Очень милостивая, въ особенности къ любимымъ ею монахамъ, она всегда готова была протянуть руку для подачи помощи, эту „руку, подательницу щедротъ“, какъ говоритъ одинъ изъ ея панегиристовъ. Она щедро подавала всѣмъ: нищимъ, бѣднякамъ, всякимъ оборванцамъ, которыхъ встрѣчала на дорогѣ. И съ ними, съ этими униженными, эта женщина, обыкновенно сдержанная и какъ будто всѣхъ чуждавшаяся, становилась легко доступной; съ ними исчезала ея застѣнчивость, языкъ развязывался; порой, въ подобныхъ случаяхъ она даже любила иногда читать наставленія и проповѣди. Любила говорить о нравственномъ возрожденіи черезъ работу, совѣтовала своимъ слушателямъ ни подъ какимъ видомъ не предаваться лѣни, „не ходить отъ двери къ двери, прося милостыню“; такъ, будучи очень доброй, увеличивала она цѣну своихъ щедротъ, благодаря способу, какимъ ихъ раздавала.

Въ этомъ, отчасти полудобровольномъ, уединеніи, въ которомъ она замкнулась, Ирина Дука

провела двадцать лѣтъ жизни, и можно себѣ представить, что она страдала иногда отъ нѣсколько безцвѣтнаго существованія, устроеннаго ей: ибо она любила пренебрегавшаго ею мужа, а съ другой стороны, чувствовала въ себѣ достаточно высокія качества, за которыя она должна была бы пользоваться болѣе высокимъ положеніемъ. Дочь ея сказала объ ней, что она имѣла мужественную душу, была смѣла, умна, хладнокровна, обладала дѣловымъ умомъ. Другой современникъ восхваляетъ ея разсудительность, ея чувство справедливости, добрые совѣты, какіе она умѣла подавать, свойственную ей тонкую находчивость и въ особенности ея храбрость, „каковой она превосходила всѣхъ мужчинъ, единственное, въ чемъ она какъ бы отрекалась отъ своего пола и чувствовала больше склонности къ мужскимъ добродѣтелямъ“. Наконецъ, надо прибавить, что она очень гордилась своимъ происхожденіемъ, своимъ прославленнымъ родомъ, принадлежавшими ей правами: тогда станетъ вполне понятнымъ, что Ирина при первомъ же представившемся случаѣ внезапно обнаружила себя женщиной политикомъ и крайне честолюбивой.

Между тѣмъ положеніе при дворѣ молодой императрицы незамѣтно упрочивалось. Уже тѣмъ, что она родила императору наслѣдниковъ престола, роль ея стала значительнѣе; позднѣе замужество ея дочерей также до нѣкоторой степени усилило ея значеніе, благодаря вліянію, по крайней мѣрѣ, на одного изъ ея зятьевъ. Затѣмъ удаленіе Анны Далассины, освободивъ царя отъ опеки, въ какой такъ долго держала его

властная мать, открыло доступъ для другихъ внушеній. Наконецъ, понемногу Алексѣй съ годами самъ по себѣ возвращался къ Иринѣ. Теперь страсти его поулеглись, любовь къ приключеніямъ почти умерла. Кромѣ того, онъ часто страдалъ отъ подагры, и во время этихъ жестокихъ припадковъ одна царица умѣла ухаживать за нимъ какъ слѣдовало, и искусными растираніями успокаивала немного его боли. Вотъ тутъ то и пробилъ для Ирины ея часъ, котораго она такъ терпѣливо ждала.

Скоро Алексѣй не могъ больше безъ нея обходиться. У него вошло въ привычку всюду брать ее съ собой, въ путешествіяхъ, даже въ военныхъ походахъ, и потому что онъ дорожилъ нѣжными заботами, какія она ему расточала, такъ и ради добрыхъ совѣтовъ, какія она умѣла ему давать; быть можетъ, отчасти, и потому, что онъ побаивался ея склонности къ интригамъ и считалъ разумнымъ не оставлять ее, разъ что онъ самъ былъ далеко, подъ внушеніями честолюбія, не скрываемаго ею больше. Дѣйствительно, любя очень искренно Алексѣя и сознавая свое вліяніе, Ирина мѣтила теперь выше. Она думала о томъ, что настало для нея время раздѣлить дѣйствительную власть, начать править имперіей сообразно собственнымъ взглядамъ; она думала въ особенности о будущемъ, чтобы распорядиться престолонаслѣдіемъ по своему усмотрѣнію, предполагая передать его въ ущербъ своему сыну Іоанну, законному наслѣднику, любимой дочери Аннѣ Комнинѣ и ея мужу, Никифору Врѣннѣю, такъ какъ крайне цѣнила его умъ, краснорѣчіе, высокую культурность и писа-

тельское дарованіе. Возможно, что по этому поводу въ императорской семьѣ происходили иногда бурныя сцены, и Ирина любила жаловаться, что вынуждена теперь слишкомъ часто и всюду сопровождать своего мужа. Но Алексѣй не хотѣлъ ничего слышать, и такъ какъ, кромѣ того, бдительная заботливость, какой окружала его императрица, защищала царя лучше всякихъ предосторожностей отъ постоянно замышлявшихся противъ него замысловъ, онъ ни за что на свѣтѣ не соглашался разставаться съ „этой всегда бодрствующей хранительницей, съ этимъ окомъ, отъ котораго не могла укрыться ни одна интрига“.

Напрасно политическіе враги Ирины осмѣивали супружескую привязанность, питаемую теперь императоромъ къ своей женѣ. У себя въ палаткѣ, даже на самомъ своемъ столѣ Алексѣй находилъ оскорбительныя пасквили, гдѣ ему совѣтовали отправить въ гинекей монархиню, присутствіе которой въ лагерьъ являлось обременительнымъ. Ничто не помогало. День ото дня вліяніе Ирины на царя становилось все сильнѣе. Дѣло въ томъ, что „она умѣла, по замѣчанію Анны Комнины, быстро разбирать, что когда нужно было при данныхъ обстоятельствахъ, и еще быстрѣе раскрывать интриги враговъ. И такимъ образомъ, прибавляетъ царевна-писательница, моя мать была для царя, отца моего, незакрытое око въ ночи, несравненный стражъ въ теченіе дня, лучшее спасительное лѣкарство отъ опасностей, какія порождаются яствами“. Впрочемъ, въ этой роли Ирина сохраняла тонкую осторожную сдержанность своихъ юныхъ лѣтъ: чувствовали ея присутствіе, но никогда не видали и не слышали

ея. Повозка, запряженная двумя мулами и съ развѣвающимся надъ нею императорскимъ флагомъ, одна свидѣтельствовала объ ея присутствіи въ войскѣ; „ея божественное тѣло“ оставалось невидимымъ, и еще больше чѣмъ въ священномъ дворцѣ любила она дѣйствовать тайно.

Однако, когда нужно было, она отнюдь не боялась „появляться на глаза мужчинамъ“; она умѣла, при сложныхъ обстоятельствахъ, выказать и смѣлость, и хладнокровіе, и рѣшительность. Однажды, когда императорское войско стояло лагеремъ въ Малой Азіи, раннимъ утромъ получено было извѣстіе, что турки близко. Алексѣй еще спалъ: тогда Ирина, чтобы не смутить его сна, приказала развѣдчику молчать и вставъ стала дѣлать видъ, несмотря на безпокойство, что занимается обычными дѣлами. Скоро новый гонецъ извѣщаетъ, что варвары приближаются: несмотря на охватившій ее страхъ, императрица беретъ себя въ руки и спокойно остается подлѣ императора. Не думая объ опасности, монархи садятся за столъ, какъ вдругъ входитъ человекъ, весь покрытый кровью, и падаетъ къ ногамъ Алексѣя, какъ живой свидѣтель неминуемой опасности и близкаго присутствія врага. Но и тутъ Ирина остается невозмутимой, „какъ сильная жена, о которой говоритъ Писаніе“; если она и боится, то только за императора. Когда, наконецъ, съ большимъ трудомъ, ее удастся убѣдить подумать о собственной безопасности и уйти съ мѣста, гдѣ грозитъ произойти сраженіе, она удаляется съ неохотой, „все оборачивается и смотритъ на мужа“. Изъ этого видно, что не безъ основанія Алексѣй называлъ ее теперь „своей

душой, своей несравненной повѣренной, своей утѣшительницей во всѣхъ бѣдахъ“. И вотъ такимъ-то образомъ она мало-по-малу становилась всемогущей.

Выше мы видѣли, какъ честолюбивая царица попыталась извлечь выгоду изъ своего вліянія, и какія козни велись у постели умирающаго Алексѣя. Извѣстно также, съ какой заботливостью Ирина до конца ухаживала за больнымъ, какъ, чтобы вымолить у Бога его выздоровленіе, она умножала милостыню и молитвы, какія выказала мужество и твердость въ эти грустные дни, „борясь, какъ олимпійскій атлетъ съ удручавшимъ ее страданіемъ“, какое упорство она также выказала, чтобы достигнуть цѣли, и каковы, наконецъ, были ея отчаяніе и злоба, когда она увидала, что безнадежно проиграно начатое ею дѣло. Однако, Ирина лучше, чѣмъ дочь ея Анна Комнина, умѣла смиряться передъ неизбѣжнымъ. Она не приняла никакого участія въ заговорѣ, составленномъ послѣдней противъ ея брата Іоанна, и говорила по этому поводу не безъ нѣкоторой ироніи: „Когда тронъ пусть, надо стараться сдѣлать императора. Но разъ что монархъ имѣется, не надо его свергать“. Точно также Ирина, и въ этомъ болѣе счастливая, чѣмъ ея дочь, послѣ своего далеко не блестящаго начала пользовалась въ теченіе полныхъ десяти лѣтъ всѣми радостями верховной власти. И когда, по смерти Алексѣя, она удалилась въ монастырь, когда, по выраженію одного современника, „подобно золоткрылому орлу, улетѣла она въ небесныя сферы“, она, въ сущности, могла сказать себѣ, что не сгубила своей жизни.

II.

Когда Ирина имѣла на Алексѣя Комнина все- сильное вліяніе, она вступила съ нимъ въ сообщество для одного благочестиваго дѣла. Въ западной части Константинополя, въ Девтеронскомъ кварталѣ, недалеко отъ мѣста, гдѣ теперь стоитъ Семибашенный замокъ, супруги задумали построить два смежныхъ монастыря, одинъ мужской въ честь Спаса Человѣколюбиваго, другой женскій во имя Богородицы Благодатной. Многія причины побудили императрицу построить эту святую обитель. Прежде всего она хотѣла высказать тѣмъ свою благодарность Пречистой, всю жизнь, какъ говорили, осыпавшей ее своими милостями и оказывавшей ей свое покровительство, давшей ей родиться „отъ благочестиваго и по природѣ склоннаго къ добродѣтелямъ рода“, обезпечившей ей благодѣянія превосходнаго воспитанія, возведшей ее затѣмъ на тронъ, на эту вершину человѣческаго благополучія, простершей, наконецъ, свою божественную руку надъ всѣми, кого любила Ирина, на ея мужа, на ея дѣтей, на ея внуковъ, даруя царю въ его войнахъ съ варварами большія и блестящія побѣды, членамъ монаршей семьи чудесныя исцѣленія въ ихъ болѣзняхъ, имперіи—непрестанную свою поддержку и небывалое благоденствіе. Кромѣ того, Ирина, какъ всѣ византійцы, приписывала особую силу молитвамъ, возносившимся къ Богу устами монаховъ, и, слѣдовательно, ожидала отъ построенія монастыря всякихъ благъ для правленія монархіей, а также для умиротворенія христіанъ.

Но къ этимъ причинамъ порядка духовнаго присоединялись соображенія порядка болѣе житейскаго. Одна изъ дочерей императрицы, Евдокія, была довольно несчастна въ замужествѣ. Ея мужъ, не имѣя никакого уваженія къ происхожденію молодой женщины изъ императорскаго дома, обращался съ ней крайне пренебрежительно; не менѣе дерзко велъ онъ себя и въ отношеніи царицы, своей тещи; и вотъ, когда Евдокія, въ концѣ концовъ, совсѣмъ заболѣла, нашли нужнымъ нарушить этотъ столь плохо удавшійся бракъ. Мужа услали изъ дворца, жена приняла постриженіе. И вотъ новый монастырь былъ предназначенъ именно для того, чтобы царственная отшельница нашла въ немъ пріютъ, достойный ея сана. Наконецъ, въ этой Византіи, съ ея постоянными революціями, никто, какъ извѣстно, не могъ быть никогда увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Царицы изъ семьи Ирины могли въ одинъ прекрасный день оказаться вынужденными искать въ монастырѣ убѣжища отъ житейскихъ бурь; сама Ирина должна была думать о томъ, что станетъ съ ней въ случаѣ императоръ умереть раньше ея. Поэтому, рядомъ съ монастыремъ она выстроила для женщинъ изъ императорской семьи болѣе удобныя и роскошныя постройки. Это было то, что называли „домомъ господъ“ или „царскимъ помѣщеніемъ“. Воздвигнутыя внѣ монастырской ограды и внѣ зависимости отъ монастыря, эти строенія, однако, имѣли съ монастыремъ удобное сообщеніе и носили тотъ же характеръ святости. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Алексѣй въ монастырѣ Спаса приготовлялъ могилу для своихъ смертныхъ останковъ,

Ирина подлѣ монастыря Богородицы готовила пріютъ для своихъ старыхъ дней.

И сюда удалилась она по смерти своего мужа. Въ это время помѣщеніе, приготовленное себѣ императрицей, было значительно расширено. Это былъ настоящій дворецъ, съ обширными дворами, портиками, нѣсколькими банями, даже съ отдѣльной церковью во имя св. Димитрія. Въ сопровожденіи многочисленной свиты служителей и женщинъ Ирина явилась, чтобы устроиться тутъ. Здѣсь же призрѣла она свою любимую дочь Анну Комнину, занявшую покой, выходявшіе окнами въ садъ Спасскаго монастыря, и дочь Анны, овдовѣвшую совсѣмъ молодой и носившую одинаковое съ бабушкой имя Ирины Дуки. Тутъ, среди своихъ дѣтей, и жила старая императрица вплоть до самой смерти, послѣдовавшей приблизительно въ 1123 году, жила по сосѣдству съ монахами, которыхъ всегда любила, и въ благочестивой атмосферѣ, окружавшей ее еще въ юности. Однако, она не вполне умерла для міра. Она охотно принимала посѣтителей, содержала при себѣ маленькій дворъ, гдѣ были писатели, воспѣвавшіе ея славу или утѣшавшіе ее въ скорбяхъ и напастяхъ. Она продолжала интересоваться духовной стороною жизни, и въ особенности поощряла своего зятя Никифора Вріеннія, писательскій талантъ котораго она всегда цѣнила, писать исторію великаго Алексѣя Комнина, оплакиваемого ею мужа. Это произведеніе, какъ извѣстно, дошло до насъ: въ предисловіи Вріенній восхваляетъ „премудрый духъ“, возложившій на него эту трудную задачу, „геркулесовскую силу“, заставившую его, несмотря на его скром-

ность, взять ее на себя. Какъ кажется, Иринѣ очень нравилась роль вдохновительницы, благодаря которой она удовлетворяла своему желанію превозносить одновременно славу Дукъ и Комниновъ. Впрочемъ, современники любили величать ее, даже въ глаза, „сиреной Кесаря“, и можно съ увѣренностью думать, что комплиментъ этотъ не былъ ей неприятенъ.

III.

Въ Національной библіотекѣ хранится пурпуровыми чернилами собственноручно подписанный Ириной, „императрицей римлянъ, вѣрной во Христъ Богъ нашемъ“, уставъ (типикъ), изданный царицей для ея монастыря. Она тутъ пространно перечисляетъ зданія, построенныя ею, и доходы, какими она надѣлила обитель. Подробно объясняетъ многочисленныя обязанности, предписываемыя ею монахинямъ, правила, какимъ имъ надлежитъ слѣдовать, строгую дисциплину, какой онѣ будутъ подвергнуты. Наконецъ, она опредѣляетъ ясно и точно, и въ чрезвычайно властномъ тонѣ, все, что касается управленія монастырскими имѣніями и охраны независимости монастыря. Этотъ документъ, составляющій не менѣе шестидесяти печатныхъ страницъ, крайне любопытенъ, потому что знакомитъ насъ съ психологіей Ирины Дуки и даетъ представленіе о монастырской жизни ея времени.

Что тутъ поражаетъ прежде всего, это странное смѣшеніе нравоучительной фразеологіи и практическаго духа, мистической экзальтаціи и административной точности, властной, мелочной

и сухой. Это тотъ же контрастъ, какой мы видѣли уже въ душѣ императрицы, страстно благочестивой и любившей читать мораль, обладавшей при этомъ такой ясной бодростью въ устройствѣ своей жизни и въ преслѣдованіи своихъ честолюбивыхъ цѣлей.

Первая забота основательницы монастыря—насадить въ немъ самую строгую нравственность. Въ началѣ XII вѣка внутренняя жизнь въ византійскихъ монастыряхъ, дѣйствительно, сильно нуждалась въ преобразованіи, и не безъ основанія опасалась Ирина, „чтобы змій, древній искушитель, не нашель въ благочестивомъ домѣ какую-нибудь новую Еву и не сталъ бы нашептывать ей свои убійственные софизмы и не увлекъ бы ее въ адскія сѣти“. Горячо поэтому молить она Богородицу охранить инокинь отъ искушеній, „даровать этимъ женскимъ душамъ мужскую силу добродѣтелей“. Но при этомъ она разумно принимаетъ всѣ полезныя мѣры предосторожности для предотвращенія опасности. Монастырь будетъ крѣпко огражденъ отъ всего, извнѣ приходящаго. Ни одинъ мужчина не будетъ въ него допущенъ, никакой посторонній глазъ не долженъ проникать въ благочестивую таинственную жизнь внутри монастыря. Императрица строго запрещаетъ строить подлѣ святой обители террасы, откуда нескромные взоры могли бы проникать въ монастырскіе дворы; она запрещаетъ, чтобы вслѣдъ за знатными дамами, имѣющими разрѣшеніе посѣщать монастырь, хотъ одинъ мужчина, будь то евнухъ, переступалъ за спасительную ограду. Для большей увѣренности даже пѣвчіе изгнаны изъ этой образцовой оби-

тели; самое большее, и то по необходимости, въ ней будутъ терпѣть двухъ священниковъ, и то съ условіемъ, чтобы они были евнухами; равно и исповѣдникъ, и экономъ общины должны принадлежать къ этой спокойной категоріи людей.

Вышесказанное относится къ внутренней жизни. Не менѣе строго опредѣлила Ирина отношенія, какія монахини могли имѣть съ міромъ внѣшнимъ. На этотъ счетъ церковныя правила были крайне суровы. „Монахъ, сказано у отцовъ, не долженъ имѣть семью на землѣ“. Однако, на практикѣ нѣкоторыя уступки „слабости чело-вѣческой“ были необходимы. Поэтому, одинъ или два раза въ годъ мать, сестра и другія родственницы монахини получали разрѣшеніе приходить въ монастырь и раздѣлять трапезу съ сестрами; а если та, кого навѣщали родныя, была больна, посѣтительницамъ позволялось цѣлыхъ два дня провести въ монастырѣ. Что касается мужчинъ, отца, брата и т. д., они могли видѣть свою родственницу только у воротъ монастыря и то лишь въ присутствіи пожилой и почтенной сестры, и всегда на самое короткое время. Если монахиня была больна, она могла, чтобы пови-даться съ своими близкими, просить отнести себя на носилкахъ къ воротамъ; но ни подъ какимъ предлогомъ не могъ мужчина переступить ограду. Точно также, если у какой-нибудь монахини заболѣвалъ серьезно въ городѣ близкій родной, она могла его навѣстить, но въ сопровожденіи двухъ почтенныхъ и пожилыхъ сестеръ, и ни подъ какимъ видомъ не должна была проводить ночь внѣ монастыря. Впрочемъ, для избѣжанія всякихъ поползновеній къ отлучкѣ изъ монастыря или

неправильному возвращенію, у воротъ сторожила привратница, женщина пожилая и испытанная въ добродѣтели; и еще для большей вѣрности она каждый вечеръ приходила къ игуменьѣ и вручала ей ключи. Впрочемъ, ничто въ обители не дѣлалось безъ разрѣшенія послѣдней; но это вовсе не значитъ, что она сама не была подчинена общей дисциплинѣ. Когда ей приходилось заниматься монастырскими дѣлами, когда она должна была принимать управляющихъ и арендаторовъ монастырскихъ имѣній, она отправлялась къ внутреннимъ воротамъ монастыря въ сопровожденіи двухъ или трехъ пожилыхъ монахинь, остававшихся свидѣтельницами при разговорѣ. Вообще внутрь монастыря старались пускать какъ можно меньше постороннихъ людей. Разрѣшались, однако, посѣщенія женщинамъ, потому что это могло способствовать распространенію славы о святости обители; въ данномъ случаѣ основательница полагалась на мудрость игуменьи, прибавляя, однако, что эти посѣтительницы должны были всегда быть образцовой нравственности, и пребываніе ихъ не должно было затягиваться болѣе двухъ дней. Даже царевны императорскаго дома, даже та изъ нихъ, которая была покровительницей монастыря, не могла входить туда во всякое время, и обыкновенно оставалась тамъ только на короткій срокъ.

Община, учрежденная Ириной, не должна была, по замыслу основательницы, быть многочисленной, такъ какъ при многочисленности монахинь рисковали не имѣть возможности точно примѣнять правила. Она насчитывала всего двадцать четыре монахини и десять служительницъ,

цать четыре монахини и десять служительницъ, и ни въ какомъ случаѣ число инокинь не должно было превышать сорока. Во главѣ общины была поставлена игуменья. Способъ, къ какому прибѣгали при ея поставленіи довольно любопытенъ. Монахини выбирали три имени, и окончательный выборъ между ними дѣлался слѣдующимъ образомъ. Три имени писались на трехъ одинаковыхъ листкахъ бумаги въ такой формулѣ: „Владыка, Господь нашъ Іисусъ Христосъ сердцеѣдецъ, молитвами пречистой Владычицы нашей Богородицы Благодатной, открой намъ, грѣшницамъ, почитаешь ли Ты достойной быть игуменьей нашей сестру такую-то“. Листки, тщательно запечатанные, клались на алтарь въ субботу вечеромъ; община проводила ночь въ молитвѣ, а на слѣдующій день послѣ службы священникъ бралъ съ алтаря одинъ изъ листковъ, и судъ Божій указывалъ такимъ образомъ ту, которой надлежало управлять монастыремъ. Разъ поставленная, она пользовалась безусловной властью въ дѣлахъ матеріальныхъ, а равно и духовныхъ, и права ея простирались такъ далеко, что она могла, если находила это нужнымъ, исключить монахиню изъ монастыря безъ всякихъ объясненій. Сама она не обязана была давать отчетъ никому, и ее лишали чина только, если она серьезно провинилась при исполненіи какой либо изъ своихъ обязанностей. Въ такомъ случаѣ царственная покровительница монастыря, руководившая въ качествѣ таковой и выборами, вмѣшивалась въ дѣло и отставляла игуменью. Но такіе случаи бывали крайне рѣдко.

Чтобы помогать игуменьѣ въ ея управленіи

имѣлся цѣлый штатъ помощницъ, назначавшихся игуменьей по ея усмотрѣнію. То были сосудохранительница, завѣдывавшая казной и архивами, и экклісархисса, смотрѣвшая за церковью, за возжиганіемъ свѣчей и за хорошимъ исполненіемъ пѣвчими священныхъ пѣснопѣній. Одна сестра назначалась для пріема провизіи, другая для храненія вина; казначея хранила продукты изъ монастырскихъ имѣній; трапезарія смотрѣла за порядкомъ въ трапезной, эпистимонархисса наблюдала за соблюденіемъ дисциплины въ общинѣ и роль ея, главнымъ образомъ, заключалась въ томъ, чтобы воспрепятствовать пустымъ разговорамъ и наказывать за проявленія лѣности, „каковыя суть начало всякаго зла“. Двѣ ергодотріи раздавали работу; двѣ дохіаріи завѣдывали одеждой и наличными деньгами общины; наконецъ, сестра привратница была приставлена сторожить у дверей. У всѣхъ должностныхъ лицъ были свои обязанности, и основательница монастыря тщательно опредѣлила каждой ея работу. И во всемъ видна также большая забота о самой точной, подробной отчетности: состояніе имущества въ минуту принятія на себя обязанностей, поступленія и расходъ—все должно было подлежать самой точной отчетности. Наконецъ, Ирина совѣтуетъ всѣмъ самую строгую экономію, и любопытно отмѣтитъ, до какой степени она была заботливой и хорошей хозяйкой. При покупкѣ матерій для общины она совѣтуетъ выбирать время, когда ихъ много на рынкѣ и онѣ не дороги. И когда въ праздники вставляютъ въ свѣтильники новыя свѣчи, надо раньше горѣвшія тщательно спрятать, чтобы дать имъ потомъ догорѣть въ будніе дни.

Во всѣхъ этихъ административныхъ подробностяхъ не видно и слѣда какой-либо заботы объ идеалѣ; но это отсутствіе мистической экзальтаціи, какимъ отмѣчена всякая строка документа, и составляетъ его характерную особенность. Ирина обладала, главнымъ образомъ, практическимъ умомъ, прежде всего заботилась о томъ, чтобы создать хорошо управляемый и хорошо организованный домъ—остальное для нея было менѣе важно. На это указываетъ ея желаніе успокоить сомнѣнія монахинь, которымъ могли бы показаться низменными предписываемыя ею занятія и которыя могли испугаться мысли, что, предаваясь имъ постоянно и пренебрегая черезъ то церковными службами, онѣ повредятъ дѣлу своего вѣчнаго спасенія. „Молитва, говоритъ она имъ, хорошая вещь, прекрасная вещь, ибо она даетъ намъ говорить съ Богомъ и поднимаетъ насъ отъ земли къ Нему. Но милосердіе гораздо выше и гораздо лучше“. Работать же для матеріальнаго блага общины есть дѣло милосердія. „Мы боимся, говорите вы, когда приходится пренебрегать церковными службами. Не бойтесь. Искренняя исповѣдь дастъ вамъ всегда отпущеніе этого грѣха, съ однимъ условіемъ, чтобы причиной вашего нерадѣнія не была лѣность. Вотъ чего надо страшиться. Если вы согрѣшили не отъ лѣни, будьте счастливы посвятить себя довѣреннымъ вамъ обязанностямъ“.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что установленіе церковныхъ службъ занимаетъ довольно мало мѣста въ распоряженіяхъ основательницы монастыря. Частности порядка матеріальнаго занимали ее гораздо больше. Чтобы поддержать

строй иноческой жизни, составляющій и долженствующій всегда составлять правило монастыря, спальня и трапезная будутъ общими для всѣхъ монахинь; ручныя работы будутъ исполняться сообща подъ надзоромъ игуменьи въ то время, какъ одна изъ сестеръ будетъ читать что-нибудь божественное, „какое чтение отгоняетъ мысли пустыя, бесполезныя и преступныя“. Для обезпеченія строгой дисциплины все принято во вниманіе. Ирина опредѣляетъ число поклоновъ, какіе надо дѣлать въ церкви, порядокъ, въ какомъ должны слѣдовать одна за другой священныя пѣсни по знаку эккліасіархиссы. Она приказываетъ, чтобы въ трапезной, куда община входитъ съ пѣніемъ псалмовъ, никто не открывалъ рта, развѣ только, чтобы отвѣтить на вопросъ игуменьи, и чтобы у всѣхъ уши были открыты и внимали благочестивому чтенію, „радующему и питающему души“. Трапезарія должна наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого предписанія. Если какая-нибудь монахиня неспокойна или болтаетъ, она строго ей выговариваетъ; въ случаѣ повторенія виновная изгоняется изъ трапезной. Запрещается что-либо просить у сосѣдки, даже воды; запрещается претендовать на какое бы то ни было старшинство, „въ заботахъ пустого тщеславія“. И такая непреклонная дисциплина повсюду. Никакихъ частныхъ разговоровъ, никакого празднаго шатанья, никакого соперничества или ссоръ, также и никакой слишкомъ тѣсной дружбы или тайныхъ свиданій. Ирина все предусмотрѣла, все распредѣлила, все запретила.

Даже порядокъ ѣды былъ заботливо ею опре-

дѣлень. Впрочемъ, кушанья были далеко не обильны. По вторникамъ, четвергамъ, субботамъ и воскресеньямъ монахини получали два рыбныхъ блюда и сыръ; по понедѣльникамъ полагались сухіе овощи, вареные съ масломъ, и ракушки; по средамъ и пятницамъ давали сухіе овощи, отваренные въ водѣ, и немного свѣжихъ. Мясо за монастырскимъ столомъ не подавалось никогда. Зато вино полагалось въ изобиліи; оно служить для поддержанія силъ сестеръ, истощенныхъ бдѣніями во время великаго поста, а въ жаркую лѣтнюю пору освѣжаетъ изнемогшее тѣло, и потому въ монастырскомъ погребѣ имѣется даже старое вино. Кромѣ того, допускается, чтобы благочестивые „христоролюбивые“ люди присылали какія-нибудь лакомства; для улучшенія обычной монастырской пищи. Правила во время трехъ постовъ, конечно, болѣе строги и не менѣе тщательно выработаны. Одно предписаніе особенно часто повторяется: строго запрещается что-нибудь ѣсть внѣ часовъ трапезы. „Это ѣда запрещенная, пишетъ Ирина, нѣкогда подвергшая насъ смерти и лишившая насъ рая, и это діаволь, отецъ зла, ввелъ ее въ міръ“.

Все же тутъ сдѣланы нѣкоторыя уступки человѣческой слабости. Императрица отнюдь не хочетъ, чтобы ея монахини изводили себя крайне истощающими бдѣніями. Она предписываетъ особый режимъ для больныхъ и имъ полагается особая келья и болѣе обильный столъ. Тѣмъ не менѣе, имъ совѣтуютъ не пользоваться состояніемъ своего здоровья, чтобы выразить нескромныя требованія и просить необыкновенныхъ вещей, „кушаній, о которыхъ онѣ, быть можетъ,

даже никогда и не слышали, и, тѣмъ болѣе, никогда не видали и не ѣдали“.

Я не останавливаюсь на всѣхъ подробностяхъ, опредѣленныхъ при церемоніалѣ большихъ праздниковъ, съ обозначеніемъ числа свѣчей, лампадъ, канделябръ, долженствовавшихъ увеличить блескъ торжества. Между этими праздниками одинъ, въ особенности, справляется съ исключительной пышностью—это Успеніе Богородицы. Я предпочитаю отмѣтить еще нѣкоторыя, болѣе характерныя черты, дѣлающія честь практическому уму основательницы монастыря. При немъ полагается быть врачу, несмотря на страхъ, какой внушаетъ императрицѣ всякое присутствіе мужчины; съ другой стороны, монастырь имѣетъ учрежденія, въ изобиліи снабжающія его водой, и по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ монахини должны мыться въ банѣ. Въ этихъ заботахъ о гигиенѣ, довольно рѣдко встрѣчающихся въ монастыряхъ средневѣковья, видишь опять, какъ и во всемъ остальномъ, никакъ не мистическій, а практическій духъ, руководившій при основаніи этого монастыря.

Однако, такое количество обязанностей, такія суровыя правила могли, въ концѣ концовъ, показаться для многихъ тяжелыми. Поэтому царица считала нужнымъ увѣщевать монахинь нести свое бремя не отчаяваясь и не раздражаясь, а скорѣе радуясь при мысли, что, благодаря мудрой предусмотрительности основательницы, онѣ были совершенно освобождены отъ всякой матеріальной заботы.

IV.

Въ то время какъ императрица упорядочивала нравственную жизнь своихъ монахинь, она заботилась также и объ упроченіи своего дѣла въ будущемъ.

Византійскіе монастыри подвергались въ началѣ XII вѣка довольно неприятнымъ случайностямъ. Не рѣдко бывало, что въ награду за политическія или военныя услуги свѣтская власть отдавала ихъ въ пользованіе какому-нибудь знатному лицу, во вредъ матеріальному благосостоянію и нравственному благополучію этихъ благочестивыхъ обителей. Дѣйствительно, владѣлецъ устраивался въ монастырѣ, „какъ у себя въ домѣ“, проживалъ на себя всѣ доходы, пренебрегалъ священными вещами и въ короткій срокъ разорялъ монастырь и уничтожалъ монастырскую дисциплину; вмѣстѣ съ нимъ проникала въ эти святыя обители свѣтская жизнь; тамъ принимали гостей, пѣли свѣтскія пѣсни, и въ особенности въ женскихъ монастыряхъ присутствіе свѣтской владѣлицы, постоянно препиравшейся съ игуменьей, постоянно озабоченной также мірскими дѣлами, служила вѣчной причиной деморализаціи.

Ирина знала эти опасности, такъ какъ ея мужъ Алексѣй, болѣе чѣмъ кто-либо другой, дѣлалъ подобнаго рода дары, и она твердо рѣшила оградить отъ этого основанный ею монастырь. Она рассчитывала, согласно первоначальному назначенію, сохранить за монастыремъ его имущество, какимъ она его надѣлила, и уберечь его независимость противъ всякой попытки захвата. Поэтому она наложила безусловный за-

претъ отдавать, мѣнять или продавать что-либо изъ имущества, принадлежавшаго монастырю; самое бѣльшее, если въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ разрѣшалось отчуждать кое-что изъ движимости, чтобы достать денегъ въ случаѣ надобности, но при этомъ предписывались тысячи предосторожностей, чтобы избѣжать всякаго злоупотребленія или неправильности. Точно также предписывала императрица тщательный надзоръ за всѣмъ, что касалось управленія монастырскими имѣніями. Обязанность эта была возложена на эконома, и роль его состояла въ томъ, чтобы объѣзжать различныя помѣстья, просматривать счета низшихъ агентовъ и арендаторовъ, смотрѣть за правильнымъ поступленіемъ доходовъ натурой и деньгами и обо всемъ дѣлать докладъ игуменьѣ. Она управляла въ послѣдней инстанціи всѣми дѣлами, какъ свѣтскими, такъ и духовными. Она назначала и отставляла служащихъ по управленію имѣніями, лично принимала ихъ для выслушиванія доклада о дѣлахъ, вмѣстѣ съ экономомъ просматривала и подписывала ихъ отчеты. Монастырь былъ дѣйствительно богатъ, дѣлались даже сбереженія, откладываявшіяся въ резервъ. Но, понятно, новыя пожертвованія принимались очень милостиво и всячески поощрялись, приходили ли онѣ отъ монахинь, которыя, принимая постриженіе, приносили монастырю, по доброй волѣ, извѣстную сумму денегъ, въ видѣ дара, или были щедротами благочестивыхъ мірянъ. Ирина заранѣе предвидѣла эти грядущія подаянія и указывала ихъ употребленіе. Эти деньги не слѣдовало растрачивать на пустяки, какъ на примѣръ на улуч-

шеніе обычной пищи въ монастырѣ. Онѣ должны были, главнымъ образомъ, идти на увеличеніе количества пищи и денегъ, раздаваемыхъ ежедневно бѣднымъ у монастырскихъ воротъ. На этотъ счетъ, какъ и во всемъ остальномъ, Ирина ничего не хотѣла оставить непредусмотрѣннымъ. Въ простые дни она предписывала раздавать нищимъ хлѣбъ и остатки отъ стола; въ праздники и особенно въ дни, когда праздновали память какого-нибудь важнаго покровителя монастыря, подаванія были обильнѣе, и къ хлѣбу прибавляли вино и деньги.

Ирина приняла и другія мѣры, чтобы обезпечить независимость своего учрежденія. Самымъ категорическимъ образомъ она запрещала, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отдавать ея монастырь въ пользованіе частному лицу, присоединять къ другому монастырю или какому-нибудь благотворительному учрежденію, подчинять его какой бы то ни было власти духовной или свѣтской; онѣ долженъ былъ на вѣчныя времена оставаться независимымъ. „Если бы въ какое бы то ни было время, пишетъ его основательница, и какимъ бы то ни было образомъ, кто-нибудь вздумалъ поработить этотъ основываемый нами монастырь и подчинить его чужой власти, будь то императоръ, патріархъ или сама игуменья, да будетъ онѣ проклятъ“. Многіе монастыри, какъ мы видѣли, измѣняли въ то время своему первоначальному назначенію. Чтобы избѣжать этой опасности, императрица особо отмѣчаетъ, что одна только игуменья уполномочена имѣть власть надъ общиной; и чтобы еще прочнѣе обезпечить автономію благочестивой оби-

тели, монастырь ставится подъ особое покровительство царевны изъ императорскаго дома.

Первоначально этотъ протекторатъ былъ довѣренъ царевнѣ Евдокии, дочери Ирины, принявшей монашество. Но она преждевременно умерла въ 1120 году. Тогда Ирина взяла на себя исполненіе обязанности покровительницы, долженствовавшей послѣ ея смерти послѣдовательно переходить сначала къ ея любимой дочери Аннѣ, затѣмъ ко второй дочери Маріи и къ внучкѣ Иринѣ Дукѣ, а впослѣдствіи передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе по нисходящей женской линіи отъ Анны Комнины. Но обезпечивая монастырю высшее покровительство, императрица имѣла въ виду также оградить его и отъ возможнаго захвата со стороны покровительницы. Поэтому полномочія послѣдней были тщательно опредѣлены. Ей не позволялось ни въ какомъ случаѣ вмѣшиваться во внутреннее правленіе монастыря, и въ уставѣ были тщательно обозначены границы ея правъ. Царевна-покровительница блюдетъ за избраніемъ настоятельницы, ей предоставлено право ее смѣнять, на ней лежитъ обязанность прекращать ссоры, могущія нарушить миръ общины, но въ особенности обязана она защищать отъ свѣтской власти прерогативы и привилегіи монастыря. Чтобы отнять у нея всякій соблазнъ присваиванія того, что ея совсѣмъ не касается, Ирина запрещаетъ ей по собственному желанію и во всякое время входить въ монастырь. Изъ этого правила императрица дѣлаетъ исключеніе лишь для „своихъ возлюбленныхъ дочерей, порфирородныхъ Анны и Маріи, и для своей возлюбленной внучки Ирины

Дуки". Вышепоименованные особы могут являться въ монастырь, когда имъ заблагоразсудится, даже чтобы трапезовать съ монахинями: однако ихъ могутъ сопровождать только двѣ или три дамы ихъ свиты. Точно также, въ видѣ исключенія, сыновья и зятя Ирины могутъ въ особыхъ случаяхъ быть допущены въ монастырь. Но тогда они будутъ оставаться во время службы на паперти; когда монахини удалятся изъ церкви, они могутъ войти внутрь ея, и даже въ присутствіи двухъ или трехъ пожилыхъ сестеръ говорить съ настоятельницей и поклониться изображенію Пречистой Дѣвы. Послѣдній пунктъ даетъ намъ очень любопытныя свѣдѣнія о самой императрицѣ и ея чувствахъ къ своей семьѣ.

V.

Основывая свой монастырь, Ирина Дука, по видимому, имѣла, главнымъ образомъ, въ виду предполагаемыя услуги, какія онъ бы могъ оказать ея семьѣ, и это послѣднее придаетъ ему нѣсколько особый характеръ. Императрица предвидѣла тотъ случай, когда вслѣдствіе призванія къ монашеству или революціи въ монастырь захочетъ укрыться какая-нибудь царица изъ императорскаго дома, и, имѣя ее въ виду, она сдѣлала нѣкоторыя распоряженія. Въ случаѣ, если послѣ „болѣе блестящей жизни“, какую она вела въ мірѣ, жизнь общая съ другими монахинями покажется ей слишкомъ суровой и тяжелой, она изложитъ свой случай исповѣднику общины, и въ ея жизнь будутъ введены смягченія, сообразно съ ея положеніемъ. Вмѣсто

общей спальни членамъ царской семьи будетъ дано отдѣльное помѣщеніе, болѣе просторное и болѣе удобное; вмѣсто общаго стола онѣ будутъ ѣсть у себя, и столъ ихъ будетъ лучше; онѣ могутъ также имѣть двухъ горничныхъ для своихъ услугъ. Кромѣ того, имъ разрѣшается, когда онѣ захотятъ, принимать у себя родныхъ мужского пола, подѣ однимъ только условіемъ, что эти свиданія будутъ происходить въ проходѣ, ведущемъ къ большимъ воротамъ; онѣ могутъ, когда захотятъ, отправляться въ городъ съ условіемъ, чтобы ихъ сопровождала пожилая сестра; имъ даже можетъ быть разрѣшено провести два-три дня внѣ монастыря и, если у нихъ заболѣетъ опасно родственникъ, ухаживать за нимъ до послѣдней его минуты. Тѣ же смягченія допускаются и для благородныхъ дамъ, которыя пожелали бы удалиться въ монастырь; у нихъ также можетъ быть свое отдѣльное помѣщеніе и горничная. Однако, если онѣ будутъ злоупотреблять этими льготами, и тѣмъ вызывать какой-нибудь соблазнъ, если помимо всего онѣ будутъ принимать у себя монахинь или нарушать монастырскую тишину своей болтовней, эти благородныя жилицы будутъ безжалостно изгнаны.

Любопытно видѣть, какъ особыя побужденія, желаніе приспособить монастырскую жизнь ко вкусамъ людей, быть можетъ, къ этой жизни не склонныхъ, заставили основательницу монастыря смягчить суровыя правила и превратили монастырь въ учрежденіе довольно своеобразнаго характера. Все та же заботливость о своей императорской семьѣ проглядываетъ на каждой страницѣ этого документа, и нѣкоторыя мѣста

проливаютъ интересный свѣтъ на привязанность Ирины къ своимъ близкимъ.

Прежде всего, царица думаетъ много о себѣ самой: она завѣщаетъ на вѣчныя времена молиться о ней и праздновать ежегодно годовщину того дня, когда она уйдетъ изъ этой жизни. Не меньшую заботливость выказываетъ она и относительно императора Алексѣя, своего мужа, бывшаго ея сообщникомъ въ этомъ благочестивомъ предпріятіи. Она отъ души желаетъ ему жить долгіе годы, одерживать надъ врагами блестящія побѣды; она поддерживаетъ съ нимъ такія тѣсныя дружескія отношенія, что хочетъ, чтобы онъ принималъ участіе въ дѣлахъ правленія и покровительства надъ монастыремъ. „Человѣку необычайному, пишетъ она, разумѣя его, подобаешь оказывать и необычайныя почести“. Другое мѣсто еще любопытнѣе для оцѣнки сердечныхъ чувствъ Ирины и іерархіи ея привязанностей.

Въ греческой церкви былъ обычай въ дни годовщины смерти основателей монастыря служить въ ихъ память заупокойную обѣдню. Въ церкви, блестяще освѣщенной, шло особое служеніе и читали особыя молитвы объ умершихъ, затѣмъ устраивали общинѣ болѣе обильную трапезу, а у воротъ монастырскихъ раздавали бѣднымъ милостыню. Ирина тщательно указала всѣхъ своихъ, по которымъ надлежало справлять поминки. Она не только позаботилась о своихъ уже умершихъ родныхъ, объ отцѣ и матери, о тестѣ и свекрови, но она опредѣлила также, что надо будетъ въ извѣстный день совершать въ память ея самой и въ память тѣхъ ея близкихъ, которые,

какъ и она, были еще живы, послѣ того, что пробьетъ ихъ послѣдній часъ. На каждый случай у нея особое распоряженіе, особое распределеніе почестей и количество тратъ, смотря по чину и положенію лицъ, и это различіе въ примѣненіи почестей и поучительно и любопытно.

Для нея самой и Алексѣя она хочетъ, чтобы все дѣлалось наилучшимъ образомъ. Бѣднымъ будутъ раздавать хлѣба, спеченные изъ десяти модіевъ пшеницы, иначе четыреста фунтовъ, съ придачей восьми мѣръ вина и двѣнадцати номизмъ или червонцевъ. Для своихъ дочерей и сыновей Ирина уменьшаетъ сумму расхода на половину; для послѣдней своей дочери, Θεодоры, — почти на три четверти. Дѣло въ томъ, что Θεодора довольно нелѣпо вышла замужъ; она вступила въ бракъ съ Константиномъ Ангеломъ, красивымъ юношей, но довольно низменнаго происхожденія, лишь благодаря красотѣ устроившимъ свою судьбу, и, конечно, императрица была недовольна дочерью за такой неравный бракъ. Изъ зятьевъ Ирины Никифоръ Вріенній, мужъ Анны Комнины, и мужъ Маріи Комнины удостоены одинаково съ ея сыновьями; но мужъ Θεодоры, равно и она сама, будутъ имѣть почести только второго разряда; для него и двухъ невѣстокъ, женъ севастократора Андроника и кесаря Исаака, Ирина сокращаетъ траты на три четверти, сравнительно съ тѣмъ, что она назначила себѣ и Алексѣю. Мужъ Евдокіи, само собою разумѣется, совсѣмъ не упоминается въ списокѣ. Между внуками царицы въ перечнѣ стоитъ только имя Ирины Дуки, дочери Анны Комнины, бывшей, очевидно, любимицей своей бабушки. Точно такъ

же и вездѣ въ другихъ мѣстахъ ясно видно предпочтеніе, какое царица отдавала своей старшей дочери Аннѣ и ея близкимъ. Ей она завѣщаетъ построенный для себя рядомъ съ монастыремъ дворецъ, а послѣ смерти Анны онъ переходитъ къ ея дочери Иринѣ. Анна же и Ирина назначаются преемницами императрицы въ протекторатѣ надъ монастыремъ. Въ то время, какъ умиралъ Алексѣй, планъ царицы упрочить престолъ за своей любимой дочерью рухнулъ. Она хотѣла, по крайней мѣрѣ, утѣшить ее въ этой немилости, показавъ ей въ другомъ свое благоволеніе и особое расположеніе.

Такимъ образомъ, даже въ этомъ ея уединеніи проявлялась своевольная душа Ирины Дуки. Еще другія черты свидѣтельствуя о властности ея природы. Во всемъ, что касалось основанія ея монастыря, она сохранила за собой полную власть. Она сама назначила игуменью и сестру-эконома, она оставила за собой, на все время своей жизни, надзоръ за монастыремъ и право распоряжаться тамъ полновластно. Въ качествѣ основательницы и въ возмѣщеніе потраченныхъ ею денегъ она разсчитываетъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, распоряжаться въ монастырѣ всѣмъ по своей волѣ и пользуется своей прерогативой. Она запрещаетъ, даже съ цѣлью улучшенія, мѣнять что-либо въ сооруженныхъ ею постройкахъ; она запрещаетъ отдавать въ наймы или продавать дворецъ, служащій резиденціей царицамъ императорскаго дома; она запрещаетъ что-либо мѣнять въ установленныхъ ею правилахъ; ежемѣсячно, чтобы довести его до всеобщаго свѣдѣнія, будетъ читаться уставъ, и каждый дол-

женъ соблюдать его „наравнѣ съ законами божественными“.

Въ концѣ своего устава Ирина обращается къ монахинямъ съ длиннымъ наставленіемъ, убѣждая ихъ соблюдать правила, жить въ благочестіи, послушаніи, согласіи, отрекаясь отъ богатствъ, постоянно стремясь къ добру. „Не для распущенности или роскоши, говоритъ она, оставили вы жизнь въ мірѣ, но чтобы путемъ борьбы, напрягая всѣ силы, приобрѣсти блага, обѣщанныя Евангеліемъ“. Послѣ такихъ словъ она, довольно смиренно по виду, проситъ сестеръ не забывать ее въ своихъ молитвахъ, чтобы помочь ей, въ награду за богоугодное основаніе ею монастыря, снискать себѣ милость Божію и стяжать царствіе небесное. Но даже и въ этой просьбѣ обнаруживается своевольная душа Ирины. „Хотя мы и не будемъ больше присутствовать во плоти, пишетъ она, знайте, что мы будемъ тутъ въ духѣ“.

Итакъ, вплоть до послѣдняго своего дня, она является намъ такою, какой была всю свою жизнь, какъ на тронѣ, такъ и въ своемъ уединеніи: благочестивой, щедрой, любительницей монаховъ и вѣрящей въ особую силу ихъ молитвъ, но царицей до мозга костей, властной и высокомерной, требующей подчиненія какъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. И тутъ начинаешь лучше понимать, какимъ образомъ молодая женщина, съ виду непримѣтная и робкая, на которой женился Алексѣй Комнинъ, кончила тѣмъ, что получила, оставаясь сама собой, на жизненной сценѣ то вліяніе, какого заслуживали ея личныя качества, и о которомъ мечтала ея честолюбивая душа. Въ то же время она пред-

ставляет намъ интересный типъ византійской царицы XII вѣка, женщины политика и женщины писательницы въ одно и то же время, немного суровой, немного важной, но безупречной нравственной выдержки и строгой граціи, не лишенной красоты.

ГЛАВА IV.

Романическія похождения Андроника Комнина.

Около половины XII вѣка византійскій дворъ, такой строгій и суровый во времена первыхъ Комниновъ, принялъ иной видъ. Императоръ Мануиль былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи или двадцати восьми, любившій роскошь, удовольствія, празднества съ тѣмъ бóльшимъ пыломъ и страстью, что всѣ эти развлеченія выпадали на его долю только въ промежуткахъ между военными походами и другими воинственными предпріятіями, въ которыхъ онъ въ качествѣ паладина любилъ показать свою удаль. Оттого въ его Влахернскомъ дворцѣ съ большими залами, сплошь украшенными золотой мозаикой, въ его виллахъ Пропонтиды, гдѣ онъ любилъ проводить лѣто, только и дѣлали, что устраивали роскошные пиры, концерты инструментальной и вокальной музыки, празднества и турниры. Вокругъ царя увивалась цѣлая плеяда молодыхъ женщинъ, веселыхъ, хорошенькихъ и кокетливыхъ, обнаруживавшихъ въ полномъ блескѣ свою грацію и придававшихъ двору несравненную привлекательность. Несомнѣнно, что бабка Мануила,

старая Анна Далассина, приложившая нѣкогда столько старанія, чтобы придать императорскому дворцу приличный видъ и завести въ немъ строгій монастырскій духъ, была бы глубоко скандализована, еслибы увидѣла происшедшія въ немъ перемѣны.

Какъ и родственница ихъ, Анна Комнина, Мануиль и другіе члены его семьи имѣли склонность къ литературѣ и покровительствовали писателямъ. Но они освободились отъ благочестивыхъ идей, воодушевлявшихъ ихъ отцовъ и внушавшихъ нѣкогда рѣшенія какой-нибудь Ирины Дуки. Подъ тщательно сохраняемымъ уваженіемъ къ внѣшнимъ формамъ скрывалось полное равнодушіе. По традиціи императоръ выставлялъ себя всегда ревностнымъ защитникомъ православія; въ сущности, онъ безъ малѣйшихъ укоровъ совѣсти поддерживалъ съ невѣрными самая дружескія отношенія и государственный интересъ, болѣе важный, чѣмъ уваженіе къ церкви, заставлялъ его относиться подозрительно къ слишкомъ богатымъ и могущественнымъ монахамъ, столь любимымъ его бабкой.

Но чѣмъ болѣе распространялось равнодушіе или скептицизмъ по отношенію къ религіи, тѣмъ болѣе развивалось всякое суевѣріе. Астрологія и занятія магіей пользовались всеобщимъ довѣріемъ; къ порчѣ, къ любовнымъ напиткамъ обращалось множество людей. Многія лица, даже изъ самыхъ высшихъ классовъ, были увѣрены, что вопрошая „книгу Соломона“ онѣ въ состояніи будутъ по своему желанію вызывать демоновъ и подчинять ихъ своимъ приказаніямъ. И если нѣкоторые благомыслящіе и сомнѣвались въ дѣй-

ствительности всего этого волшебства, толпа глубоко вѣрила въ чудесное.

Въ этомъ обществѣ безъ нравственнаго руководства интриги и любовь занимали главное мѣсто. Немногія семьи такъ страдали отъ раздоровъ честолюбиваго соперничества, какъ семья Комниновъ. Мануиль всю жизнь не довѣрялъ своимъ кузенамъ и племянникамъ, и все его царствованіе полно страшныхъ немилостей, постигавшихъ его близкихъ. Время, не посвящаемое составленію заговоровъ, проходило въ любовныхъ похожденияхъ, и императоръ первый давалъ тому примѣръ. Въ 1146 году онъ женился на нѣмкѣ, графинѣ Бертѣ Зульцбахской, принявшей при восшествіи на тронъ восточной имперіи византійское имя Ирины; несмотря на свои добродѣтели, несмотря на всѣ усилія поддѣлаться подъ тонъ двора, при которомъ она жила, молодая женщина не могла долго удержать подлѣ себя своего вѣтренаго супруга. Очень скоро Мануиль, обладавшій крайне влюбчивымъ темпераментомъ, сталъ пренебрегать ею и увлекаться другими. Сначала это были простыя увлеченія. Затѣмъ онъ болѣе серьезно влюбился въ свою хорошенькую племянницу Θεодору и скоро объявилъ ее открыто своей фавориткой. Ему нравилось оказывать этой гордой и высокомерной особѣ внѣшній почетъ власти: онъ назначилъ ей стражу, какъ монархинѣ; онъ позволилъ ей носить почти тѣ же одежды, что носила императрица; для нея и для родившагося у нея сына,—что еще усилило вліяніе фаворитки,—щедрость его была неистощима. Повидимому „эта Помпадуръ въ маломъ видѣ“, какъ называли Θεодору, пользо-

валась милостью довольно долго; во всякомъ случаѣ она умѣла за нее постоять. Однажды изъ ревности она убила одну соперницу, оспаривавшую у нея сердце Мануила, и до насъ дошло очень интересное письмо, гдѣ одинъ изъ ея приближенныхъ старался успокоить угрызения совѣсти, какія она испытывала много лѣтъ спустя послѣ этого преступленія по страсти.

Эта связь, однако, не помѣшала Мануилу въ 1159 году, когда онъ потерялъ жену, рѣшить немедленно вступить во второй бракъ. Отъ перваго у него была только дочь, и онъ какъ разъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы упрочить за династіей законнаго наслѣдника имперіи. На этотъ разъ онъ сталъ искать будущую императрицу среди князей франкской Сиріи. Прежде всего онъ подумалъ о Мелисендѣ, графинѣ Триполійской, и послѣ донесенія пословъ, которымъ поручили отправиться разузнать все про молодую женщину, состоялось обрученіе. Уже были сдѣланы большія приготовленія братомъ Мелисенды, желавшимъ отправить сестру въ Константинополь съ пышностью, достойной монархини, когда въ самый моментъ отъѣзда молодая дѣвушка заболѣла странной, таинственной болѣзнью. Ея столь хваленая красота искажалась на глазахъ всѣхъ: императорскіе послы рѣшили тогда порвать договоръ и въ другомъ мѣстѣ искать жену для своего властелина. Въ это время жила въ Антиохіи дочь царицы Констанціи, Марія: это было чудо латинскаго Востока. „Никогда, говорилъ про нее народъ византійскій, никогда въ наше время не было видано такой красоты“. „Она была прекрасна, пишетъ одинъ современный греческій

лѣтописецъ, болѣе чѣмъ прекрасна, прекрасна до такой степени и такой поразительной красотой, что рядомъ съ нею представлялись чистымъ вымысломъ всѣ рассказы объ Афродитѣ съ сладкой улыбкой, съ золотыми волосами, о Юнонѣ, бѣлокурой съ громадными глазами, объ Еленѣ съ такой гибкой шеей, съ такими прелестными ногами, и о всѣхъ прекрасныхъ дамахъ, поставленныхъ древними за красоту на ряду съ богами“. Императоръ рѣшилъ добиться руки этого совершенства и въ концѣ 1161 года онъ вѣнчался съ нею въ св. Софіи. За императорской свадьбой послѣдовали великолѣпныя празднества, пиры во дворцѣ, раздача денегъ народу на перекресткахъ столицы, великолѣпные дары церквамъ, бѣга и турниры: толпа, очарованная прелестью своей новой монархини, привѣтствовала ее восторженными кликами. Подобно многимъ другимъ латинскимъ принцессамъ, вступившимъ на византійскій престоль, судьба Маріи Антиохійской должна была быть трагической. „Чужеземка“, какъ ее позднѣе прозвалъ константинопольскій народъ, должна была черезъ двадцать лѣтъ жестоко искупить радушный пріемъ, какой ей былъ сдѣланъ вначалѣ.

Изъ вышесказаннаго видно, какое важное мѣсто занимали женщины при дворѣ Комниновъ. Даже на своемъ смертномъ одрѣ Мануиль думалъ о нихъ. У него была сильная лихорадка; всѣ окружающіе видѣли, что ему пришелъ конецъ; патріархъ убѣждалъ его подумать о своемъ положеніи и обезпечить судьбу малолѣтняго сына, котораго онъ оставлялъ. А онъ спокойно отвѣчалъ, что не для чего торопиться: онъ знаетъ,

что ему остается еще четырнадцать лѣтъ жизни, и что по словамъ астрологовъ скоро онъ совершенно выздоровѣетъ и вновь примется за свои любовныя похождения.

Но въ этомъ блестящемъ, скептическомъ и развращенномъ обществѣ самой характерной фигурой является безспорно двоюродный братъ Мануила, опасный и оболъстительный Андроникъ Комнинъ.

I.

Андроникъ Комнинъ это настоящій типъ византійца XII вѣка со всѣми его качествами и со всѣми его пороками. Высокій ростомъ (говорять, въ немъ было болѣе шести футовъ), геркулесовской силы и несравненнаго изящества, онъ обладалъ, по выраженію одного современника „красотой, дѣйствительно, казавшейся достойной трона“. Историкъ Никита, хорошо его знавшій, въ одномъ мѣстѣ нѣсколькими легкими и красивыми штрихами обрисовываетъ намъ его, и онъ выступаетъ передъ нами въ этомъ наброскѣ въ своемъ длинномъ фіолетовомъ плащѣ, съ остроконечной сѣрой шляпой на головѣ, поглаживая свою черную завитую бороду обычнымъ для него въ минуты волненія или гнѣва движеніемъ. Крѣпкаго тѣлосложенія, удивительно сильный во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, поддерживающій разсчитаннымъ воздержаніемъ полное равновѣсіе силъ и здоровья, а также могучую грацію формъ, не поддающійся никакой болѣзни, онъ былъ превосходнымъ наѣздникомъ, законодателемъ моды. На войнѣ же онъ совершалъ подвиги, достойные рыцаря. Кинуться одному на враговъ,

взявъ у перваго встрѣчнаго солдата щитъ и копье, отправиться въ самый центръ непріятельскаго стана, чтобы вызвать непріятельскаго вождя, выбить его изъ сѣдла однимъ ударомъ копья и возвратиться здоровымъ и невредимымъ въ ряды византійцевъ, все это было для него простой игрой; какъ говоритъ одинъ современный писатель, „онъ только и думалъ, что о битвѣ“. Хорошій полководецъ, когда только хотѣлъ имъ быть, онъ выказывалъ въ этомъ дѣлѣ большую опытность и находчивость. На войнѣ онъ былъ кумиромъ солдатъ, въ городѣ—образцомъ знатной молодежи.

Въ этомъ тѣлѣ атлета и воина скрывался перворазрядный умъ. „Въ сравненіи съ нимъ, говоритъ одинъ историкъ, другіе люди казались просто животными“. Съ очень обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ онъ соединялъ природное краснорѣчіе, и рѣчь его обладала неотразимой силой убѣдительности. Онъ былъ веселаго нрава, остроуменъ, любилъ высмѣивать, не щадя при этомъ никого и не умѣя сдерживаться, когда подвертывалось острое словцо. Сразу подмѣчая смѣшную сторону, онъ отличался умѣньемъ поднимать на смѣхъ всѣхъ и все; его смѣлой откровенности столько же боялись при дворѣ, сколько прославляли ее. Не теряя самообладанія, онъ ловко выпутывался изъ самыхъ опасныхъ положеній; удивительный актеръ, онъ умѣлъ играть всякія роли, и проливать слезы, когда угодно; поэтому современники любили также называть его „измѣнчивымъ хамелеономъ, многообразнымъ Протеемъ“. Наконецъ, когда онъ этого хотѣлъ, онъ умѣлъ быть очень

обольстительнымъ. Никто не могъ ему противиться: двоюродный братъ его Мануиль, разъ двадцать прощалъ ему самыя непопозволительныя выходки; несмотря на его пороки, современные лѣтописцы относились къ нему снисходительно, и жена его, столько разъ имъ обманутая, обожала его.

Но при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ онъ обладалъ душой неспокойной и тревожной, подъ часъ жестокой, дерзкой и страстной. Ему было отъ кого ее наслѣдовать: отецъ его Исаакъ, не разъ вступавшій въ заговоры противъ своего брата, царя Іоанна, провелъ много лѣтъ своей жизни при дворѣ султана Иконійскаго; его старшій братъ женился на дочери одного мусульманскаго эмира. Подобно имъ, Андроникъ былъ крайне равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ; въ противоположность большей части византійцевъ онъ испытывалъ невыносимую скуку во время богословскихъ споровъ; не боясь ни Бога, ни чорта,—хотя былъ довольно суевѣренъ,—онъ не смущался никакими вопросами, не признавалъ никакихъ принциповъ. Овладѣвало ли имъ какое-нибудь желаніе, приходила ли въ голову какая-нибудь тщеславная мысль или просто капризь,—ничто не могло его удержать, ни соображенія обычной морали, ни чувство долга или благодарности. Составлять заговоръ, измѣнять, нарушать клятву было для него игрой. Зная себѣ цѣну, гордый въ высшей степени своимъ происхожденіемъ, онъ былъ безмѣрно честолюбивъ. Еще совсѣмъ юнымъ онъ уже мечталъ о тронѣ, всю жизнь онъ не могъ отказаться отъ мысли захватить верховную власть. Чтобы свергнуть

Мануила, какъ позднѣе лишить престола юнаго Алексѣя, для этого всѣ средства были ему хороши: мечъ и ядъ, интрига и насиліе, коварство и жестокость.

Что губило его окончательно, это его страсти. „Какъ бѣшенный конь“, бросался онъ во всѣ приключенія съ спокойной дерзостью, съ полнымъ пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію, къ общественнымъ условностямъ. Попадалась ли ему на пути красивая женщина, или просто онъ слышалъ о таковой, онъ не медля въ нее влюблялся и, чтобы овладѣть ею, пускалъ въ ходъ всякія средства. И такъ какъ это былъ чаровникъ, онъ повидимому никогда не встрѣчалъ суроваго отпора. По количеству и яркому разнообразію своихъ любовныхъ интригъ Андроникъ Комнинъ напоминаетъ Донъ Жуана, а оттѣнкомъ развращенности, какимъ окрашено большинство его походовъ, онъ олицетворяетъ типъ „знатнаго сеньора, злого человѣка“. Однако, при случаѣ, этотъ искатель новыхъ ощущеній, измѣнчивый, вѣтрый и лживый, оказывался способнымъ къ постоянству и вѣрности.

Старѣясь, съ годами, онъ сдѣлался ужаснымъ. Касалось ли дѣло сохраненія достигнутой имъ власти, или чувствовалъ онъ потребность пробудить свои страсти, нѣсколько притупленные годами, онъ обнаруживалъ при этомъ жестокость и распущенность; но даже и тутъ, въ самомъ порокѣ и преступленіи онъ сохранялъ мрачное величіе. Геніальный отъ природы, онъ могъ бы стать спасителемъ и обновителемъ истощенной византійской имперіи; для этого у него, быть можетъ, не хватало только нравственнаго чувства.

Къ несчастію онъ пользовался своими высокими качествами лишь для удовлетворенія своихъ пороковъ, своего тщеславія, своихъ страстей. Есть въ душѣ Андроника Комнина нѣчто общее съ душой Цезаря Борджіа.

II.

Въ теченіе тридцати лѣтъ Андроникъ наполнялъ городъ и дворъ шумомъ своихъ скандальныхъ походовъ.

Двоюродный братъ Мануила и приблизительно однихъ съ нимъ лѣтъ (оба родились около 1120 года), Андроникъ былъ воспитанъ съ будущимъ наслѣдникомъ престола. И отъ общности ихъ атлетическихъ вкусовъ и любовныхъ походовъ между молодыми людьми образовалась тѣсная дружба. Мануиль долго чувствовалъ къ Андронику глубокую привязанность; и даже потомъ, когда соперничество въ достиженіи честолюбивыхъ замысловъ и клеветническіе наветы враговъ Андроника окончательно ихъ разлучили, императоръ всегда сохранялъ къ своему двоюродному брату тайную снисходительность.

Во всякомъ случаѣ такой человѣкъ, какъ Андроникъ, не могъ не возбуждать безпокойства во всякомъ императорѣ; и хотя Мануиль удостоивалъ своего кузена большой чести, охотно употреблялъ его въ дѣло во время войны, обращался съ нимъ, какъ съ близкимъ, скоро возникло между ними глухое несогласіе. Андроникъ питалъ къ Мануилу нѣкоторую злобу за то, что тотъ, только что передъ тѣмъ ставъ императоромъ, устремился въ Константинополь, чтобы

вступитъ въ обладаніе престоломъ, и далъ ему попасть въ руки турокъ, ничего не сдѣлавъ для его освобожденія, быть можетъ, счастливый при мысли самъ отдѣлаться при этомъ случаѣ отъ такого безпокойнаго и мятежнаго человѣка, какъ Андроникъ. Хотя послѣ этого Мануиль, повидимому продолжалъ чувствовать къ нему большую привязанность,—до того, что во время одной ссоры въ пьяномъ видѣ рисковалъ собственной жизнью для спасенія жизни Андроника,—послѣдній тѣмъ не менѣе жаловался, что ему не дали въ государствѣ мѣста, какого онъ заслуживалъ, и что императоръ предоставилъ другимъ, главное, своему племяннику Іоанну, ненавистному для Андроника, такія должности, какія онъ, Андроникъ, былъ бы болѣе достоинъ занимать. Съ своей стороны Мануила безпокоили слишкомъ блестящія качества его родственника, его скрытое честолюбіе, его слишкомъ свободныя рѣчи. Одна исторія изъ-за женщины, тщательно использованная врагами Андроника, окончательно поссорила двоюродныхъ братьевъ.

Это случилось около 1151 года. Андронику было приблизительно тридцать лѣтъ; онъ былъ женатъ, жена очень его любила, и онъ имѣлъ отъ нея сына Мануила; все это не мѣшало ему быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ одной изъ своихъ кузинъ, Евдокіей Комниной.

Эта Евдокія была родной сестрой Θεодоры, жившей въ это самое время въ открытой связи съ императоромъ. Такъ какъ Евдокія была вдовой, она еще менѣе, чѣмъ другая женщина, боялась поддаться своему красавцу кузену и не скрывала своихъ отношеній къ нему. Связь эта возбуждала

большой скандалъ при дворѣ, особенно по причинѣ близкаго родства любовниковъ; семья Евдокіи, особенно ея братъ и зять, были этимъ глубоко уязвлены. Но на всѣ замѣчанія Андроникъ отвѣчалъ шутками и, дерзко намекая на связь Мануила съ Θεодорой, со смѣхомъ говорилъ: „Полагается подданнымъ слѣдовать примѣру своего господина, и произведенія, выдѣлываемыя въ одной и той же мастерской (Евдокія и Θεодора были сестры), должны одинаково нравиться“. Въ другой разъ онъ объяснялъ тѣмъ, кто его хотѣлъ навести на путь истины, что его случай былъ гораздо менѣе важенъ, чѣмъ случай императора: „Онъ въ полныхъ ладахъ (Андроникъ выражался грубѣе) съ дочерью своего брата; я же только съ дочерью моего кузена“. Можно себѣ представить, какъ подобныя рѣчи раздражали императора и увеличивали бѣшенство родныхъ Евдокіи. Мануиль, полагая, что для того, чтобы покончить съ этимъ, слѣдовало удалить Андроника отъ двора, отправилъ его въ 1152 году въ Киликію воевать съ армянскимъ царемъ Торосомъ. Но Андроникъ, недовольный этимъ изгнаніемъ, очень небрежно отнесся къ своей службѣ; онъ далъ бѣжать врагу и допустилъ, что его разбили, хоть и велъ себя въ битвѣ очень храбро: въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ вывести войско изъ страны и бѣжать къ предѣламъ Антиохіи. Его призвали опять въ Константинополь; во всякомъ случаѣ, Мануиль, какъ добрый царь, ограничился лишь строгимъ выговоромъ и то безъ постороннихъ свидѣтелей; послѣ этого онъ назначилъ ему, — опять подальше отъ двора, гдѣ тотъ казался стѣснительнымъ, —

важный постъ начальника войскъ на границѣ Венгріи съ титуломъ дуки Бѣлградскаго и Браничевскаго.

Уже во время своего назначенія въ Киликію Андроникъ имѣлъ довольно подозрительныя сношенія съ королемъ Іерусалимскимъ и султаномъ Иконійскимъ. Онъ поспѣшилъ и на новомъ посту завязать такія же интриги съ королемъ венгерскимъ, съ намѣреніемъ, какъ говорили, свергнуть съ престола императора. Но переписка была перехвачена и доставлена въ руки царя. И на этотъ разъ еще Мануиль, все такой же снисходительный, ограничился тѣмъ, что отрѣшилъ измѣнника отъ его герцогства и отправилъ на войну въ Пелагонію, въ Македонію, гдѣ тогда былъ дворъ, чтобы имѣть его при себѣ и слѣдить за его дѣйствіями. Среди приближенныхъ царя Андроникъ встрѣтилъ опять Евдокію, съ которой, впрочемъ, еще по возвращеніи своемъ изъ Киликіи возобновилъ любовную связь. Въ восторгѣ отъ такой удачи и ни мало не заботясь о ковахъ, какіе ему строили родные молодой женщины, онъ возобновилъ съ ней прежнія отношенія, „полагая, какъ говоритъ одинъ современный лѣтописецъ, что любовь Евдокіи была достаточной наградой за всѣ опасности, какимъ онъ могъ подвергнуться“. Въ это время Іоаннъ, братъ Евдокіи, и Іоаннъ Кантакузинъ, ея зять, старались возстановить императора противъ Андроника и даже пытались отдѣлаться отъ послѣдняго убійствомъ.

Однажды Андроникъ пришелъ, по обыкновенію, къ своей любовницѣ въ занимаемую ею палатку. Предувѣдомленные объ этомъ свиданіи родные

Евдокіи приготовили засаду и разставили вооруженныхъ людей по близости отъ палатки, чтобы убить врага, когда онъ будетъ выходить изъ нея. Но Евдокія была особа догадливая; неизвѣстно какимъ образомъ она провѣдала о заговорѣ. „Хотя, говоритъ лѣтописецъ, голова ея въ это время должна была быть занята другимъ“, она замѣтила, что палатку окружили, и предупредила своего любовника. Андроникъ тотчасъ обнажаетъ мечъ и готовится дорого продать свою жизнь. Но Евдокіи пришла въ голову другая мысль: она предложила своему любовнику переодѣться женщиной; затѣмъ совсѣмъ громко, чтобы ее услышали снаружи, она позоветъ одну изъ своихъ прислужницъ, веля принести себѣ огня; и тогда Андроникъ, подъ видомъ горничной, выйдетъ изъ палатки и можетъ спастись, не обративъ на себя вниманія. Но молодой человѣкъ не хотѣлъ ничего слушать. Боясь показаться смѣшнымъ, еслибы его узнали, онъ объявилъ, что предпочитаетъ умереть, чѣмъ опозорить себя такимъ переодѣваньемъ; и вдругъ, однимъ ударомъ меча разсѣкши полотно палатки, онъ огромнымъ прыжкомъ перескочилъ черезъ веревки и небольшую стѣну, къ которой была прислонена палатка, къ крайнему удивленію подкарауливавшихъ его людей, оцѣпенѣвшихъ при этомъ неожиданномъ его появленіи.

Другой лѣтописецъ прибавляетъ, что Андроникъ, недовольный этимъ подвигомъ, пытался два раза, находясь при войскѣ въ Пелагоніи, убить императора, и что Мануилъ спасся только благодаря бдительности своего племянника, протосеваста Іоанна. Но такъ какъ между этимъ

человѣкомъ, приходившимся братомъ Евдокіи, и Андроникомъ существовала лютая ненависть, можно спросить себя, не оклеветалъ ли протосевасть нѣсколько своего противника, съ цѣлью погубить ненавистнаго врага. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, внѣ себя отъ всѣхъ этихъ интригъ, какія велись противъ него, Андроникъ готовился отвѣчать съ обычной для него жестокостью. Однажды, видя, какъ онъ ласкаетъ свою лошадь, императоръ спросилъ у него, почему онъ такъ ухаживаетъ за своимъ конемъ. „Это для того, чтобы бѣжать отсюда, возразилъ тотъ, послѣ того, что я отрублю голову моему злѣйшему врагу“. Такой человѣкъ становился безусловно опаснымъ. Но уже однѣ его козни съ венгерцами и скандальныя похождения съ Евдокіей служили достаточной причиной, чтобы навлечь на него наказаніе. Мануиль далъ себя убѣдить, что было бы разумнымъ заточить Андроника. Вслѣдствіе этого его арестовали, отправили въ Константинополь и тамъ подъ строгимъ надзоромъ, заковавъ ему ноги въ цѣпи, заточили въ одной изъ башенъ дворца.

III.

Онъ томился въ ней девять лѣтъ, отъ 1155 до 1164 года, и въ продолженіе этого срока онъ задалъ много хлопотъ какъ своимъ тюремщикамъ, такъ и императору. Съ того дня какъ онъ очутился въ заключеніи, Андроникъ только и думалъ, какъ бы бѣжать; и такъ какъ онъ былъ столь же изобрѣтателенъ, сколь и смѣлъ, вотъ что онъ придумалъ: онъ замѣтилъ старый, заброшенный

водопроводъ, проходившій подъ башней, гдѣ онъ былъ заключенъ. Сдѣлавъ отверстіе въ полу своей тюрьмы, онъ спустился въ водопроводъ и спрятался въ немъ, постаравшись тщательно скрыть проходъ, какимъ онъ въ него проникъ. Въ часъ обѣда очередная стража увидѣла, что плѣнникъ улетѣлъ. Въ крѣпости поднялась большая тревога. Конечно, всѣ знали, что Андроникъ изобрѣтательнѣе Одиссея, и что отъ него можно ожидать всего. Но по тщательномъ осмотрѣ кельи плѣнника увидали, что все было на своемъ мѣстѣ, нетронуто: двери, крыша, окна за частой желѣзной рѣшеткой; не могли понять, какъ онъ исчезъ. Крайне смущенные и еще болѣе того озабоченные тяжелой отвѣтственностью, какую они чувствовали за собой, тюремщики рѣшили предупредить императрицу; императора тогда не было въ Константинополь, онъ воевалъ въ Киликіи.

Эта новость произвела при дворѣ невѣроятный переполохъ. Спѣшно приказываютъ запретить всѣ городскія ворота, обыскиваютъ стоящіе въ порту на якорѣ корабли, дѣлаютъ обыски по всей столицѣ; во всѣ концы посылаютъ приказанія о доставкѣ бѣглеца; арестуютъ жену Андроника, какъ вѣроятную соучастницу его бѣгства, и бросаютъ въ ту самую тюрьму, гдѣ былъ заключенъ ея мужъ. „Они и не подозрѣвали, что Андроникъ былъ въ ихъ рукахъ“, говоритъ лѣтописецъ. Онъ оставался, притаившись въ своемъ подземельѣ. Вышелъ изъ него, когда наступила ночь, и войдя въ тюрьму, предсталъ передъ испуганной женой, принявшей его сначала за привидѣнье. Онъ ей наглядно доказалъ, что не былъ призракомъ:

такъ какъ и въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ этотъ умѣлый человѣкъ не терялъ никогда своего невозмутимаго хладнокровія, онъ воспользовался такой случайной и неожиданной встрѣчей, чтобы помириться съ женой: отъ этого примиренія девять мѣсяцевъ спустя долженъ былъ родиться ихъ сынъ Іоаннъ. Такъ Андроникъ провелъ недѣлю, днемъ лежа въ своемъ подземельѣ, ночью выходя на верхъ къ женѣ: и то, что онъ предвидѣлъ, не замедлило случиться. Надзоръ, какому подвергали плѣнницу, скоро ослабѣлъ настолько, что Андроникъ подъ самымъ носомъ своихъ тюремщиковъ могъ выйти изъ тюрьмы, бѣжать изъ крѣпости и добраться до Малой Азіи. Онъ уже достигъ береговъ рѣки Сангарія и могъ считать себя спасеннымъ, когда жестокіе холода—это происходило въ декабрѣ 1158 года—заставили его просить пріюта у мѣстныхъ крестьянъ. Его узнали, несмотря на всѣ его отпирательства, привезли въ Константинополь и вновь водворили въ тюрьмѣ, заковавъ изъ предосторожности въ два раза болѣе тяжелыя цѣпи.

На этотъ разъ онъ провелъ въ императорскихъ тюрьмахъ около шести лѣтъ; однако, кончилось тѣмъ, что въ 1164 онъ опять бѣжалъ. Съ теченіемъ времени режимъ, какому онъ былъ подчиненъ, нѣсколько смягчился; ему разрѣшили получать изъ дому вино для стола и подъ предлогомъ нездоровья онъ добился того, что ему дали слугу, и тотъ могъ свободно ходить по крѣпости, удаляясь и возвращаясь во всякое время. Андроникъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ подговорилъ своего служителя украсть у стражи, пока та спала, ключи отъ

башни, гдѣ онъ былъ заключенъ, и служителю удалось сдѣлать изъ воска ихъ слѣпокъ. Этотъ слѣпокъ былъ отнесенъ женѣ Андроника и его сыну, а тѣ велѣли поддѣлать ключи отъ тюремныхъ замковъ; въ то же время въ амфорахъ, въ которыхъ ему приносили вино, плѣннику доставили большой пукъ веревокъ. Однажды вечеромъ, когда уже наступала ночь, въ то время, какъ стража ужинала, вѣрный служитель съ помощью поддѣльныхъ ключей растворилъ двери тюрьмы своего господина. Башня выходила на внутренней дворъ дворца, терассы котораго довольно высоко поднимались надъ Мраморнымъ моремъ; такъ какъ никто по этому двору не ходилъ, онъ весь заросъ высокой травой. Андроникъ сначала притаился въ травѣ, „какъ заяцъ“ и сталъ поджидать удобную минуту, чтобы воспользоваться захваченными имъ съ собой веревками. Со свойственной ему смѣтливостью онъ, выходя изъ тюрьмы, не забылъ тщательно притворить за собою дверь. Поэтому, когда дежурный офицеръ дѣлалъ свой вечерній обходъ, онъ не замѣтилъ ничего необычнаго: разставивъ стражу по ея мѣстамъ, онъ спокойно пошелъ лечь спать. Тогда, въ самую полночь, Андроникъ привязалъ веревку за одинъ изъ наружныхъ стѣнныхъ зубцовъ и безшумно спустился на морской берегъ. Тамъ его ждала лодка, и уже онъ думалъ, что дѣло слажено, какъ вдругъ явилась досадная помѣха: съ того самаго дня какъ два вѣка назадъ Іоаннъ Цимисій убилъ императора Никифора Фоку, по всему взморью передъ Большимъ дворцомъ учредили дозорные посты, имѣвшіе назначеніе препятствовать лодкамъ проходить ночью вдоль

стѣнъ императорскаго жилища. Бѣглець забылъ объ этомъ обстоятельстве; стража замѣтила его, остановила, стала допрашивать, и онъ уже думалъ скорѣе убить себя, чѣмъ возвратиться опять въ тюрьму, какъ вдругъ его осѣнила гениальная мысль. „Я рабъ, бѣжавшій изъ темницы, сказалъ онъ; умоляю васъ, не предавайте меня вновь въ руки моего господина, ибо онъ жестоко расправится со мной за мое бѣгство“. У него на ногахъ были кандалы, онъ, какъ послѣдній варваръ, коверкалъ греческій языкъ; и ему повѣрили тѣмъ болѣе, что хозяинъ лодки, понявъ умысль Андроника, поднялъ крикъ, требуя, чтобы бѣглець былъ отданъ ему, какъ ему принадлежащій. Стража, находя шутку забавной, возвратила, смѣясь, воображаемаго раба его воображаемому господину.

На этотъ разъ Андроникъ былъ спасенъ. Налегши на весла, онъ достигъ своего дома во Влангѣ, расположеннаго недалеко отъ берега; родные ждали его тамъ. Ему поспѣшно распиливаютъ кандалы, бѣглець опять садится въ лодку, правитъ вдоль стѣнъ, оставляетъ за собой Семибашенный замокъ; въ полѣ нашель онъ приготовленныхъ ему лошадей; онъ мчится во весь опоръ и достигаетъ города Анхіала на Черномъ морѣ. Въ этомъ городѣ ему посчастливилось встрѣтить губернатора, которому онъ нѣкогда оказалъ услугу, и тотъ не счелъ возможнымъ оказаться неблагодарнымъ въ отношеніи изгнанника. Онъ далъ ему денегъ, проводниковъ, чтобы тотъ могъ, какъ хотѣлъ этого, бѣжать къ русскому князю Ярославу, княжившему въ Галичѣ на Днѣстрѣ, и вотъ уже Андроникъ достигалъ

границы, уже думалъ, что спасся отъ своихъ преслѣдователей, когда его узнали валахскіе пастухи и выдали людямъ императора.

Всякій другой на мѣстѣ Андроника пришелъ бы въ отчаяніе; одинъ, безъ друзей, безъ сообщниковъ онъ нашель способъ еще разъ бѣжать. Онъ притворился, что его схватили страшныя колики и безпрестанно просилъ стражу позволенія слѣзть съ лошади и на минуту отойти отъ дороги. Когда наступила ночь, онъ участилъ эти остановки и въ то время какъ солдаты терпѣливо ожидали его на дорогѣ, онъ, подъ покровомъ ночи забравшись въ самую чашу, воткнулъ въ землю палку, задрапировалъ ее своимъ плащомъ, надѣлъ на нее свою шляпу, придавъ ей видъ человѣка, присѣвшаго на корточки; послѣ этого онъ скрылся ползкомъ съ невозможной быстротой. Когда стража, находя, что остановка нѣсколько затянулась, подошла поближе посмотрѣть въ чемъ дѣло, плѣнника и слѣдъ простылъ. Ему удалось достигнуть Галича и такъ очаровать князя Ярослава, что тотъ сдѣлалъ его своимъ товарищемъ и постояннымъ совѣтникомъ; въ концѣ концовъ онъ не могъ больше обходиться безъ Андроника и дѣлилъ съ нимъ и кровь и столъ.

Для императора было нѣсколько опасно оставлять у русскихъ, особенно въ то время какъ возгорѣлась вновь война съ Венгріей, такого противника, уже начавшаго интриговать и набирать отряды конницы для набѣга на византійскую землю. Поэтому Мануиль счелъ разумнымъ простить своего двоюроднаго брата. Къ тому же Евдокія была замужемъ; за эти девять

лѣтъ она успѣла забыть своего прежняго любовника; съ этой стороны, слѣдовательно, нечего было опасаться скандала. Императоръ увѣдомилъ изгнанника, что, если онъ вернется, ему гарантируютъ свободу и безопасность. Андроникъ принялъ эту милость, возвратился и даже мужественно сражался при осадѣ Зевгмина. Но у него подчиненіе никогда не могло быть очень продолжительно; въ его строптивой душѣ жило всегда непреодолимое стремленіе къ протесту. Когда Мануиль, все не имѣя сына, рѣшилъ сдѣлать предполагаемымъ наслѣдникомъ престола свою дочь Марію и ея будущаго супруга, Андроникъ наотрѣзъ отказался принести новымъ царямъ присягу въ вѣрности, какую императоръ требовалъ отъ своихъ вельможъ. Онъ возражалъ, что, во-первыхъ, это была присяга бесполезная, такъ какъ императоръ былъ еще въ такомъ возрастѣ, что могъ имѣть ребенка мужского пола, и что затѣмъ для римлянъ было бы постыдно, еслибы ими управлялъ чужеземецъ (женихъ Маріи былъ родомъ изъ Венгріи). Мануиль, снисходительный какъ всегда, сначала позволялъ своему необузданному кузену говорить такія вещи; но такъ какъ слова его находили отликъ среди другихъ вельможъ, онъ опять рѣшилъ удалить его отъ двора и въ 1166 году отправилъ его въ Киликію, давъ ему важное назначеніе.

IV.

Такъ же какъ и въ 1152 году, ему поручено было сломить сопротивленіе Тороса Армянскаго; такъ же какъ и въ 1152 году, онъ небрежно

исполнилъ свою задачу и далъ себя разбить, хотя при этомъ и подвергалъ опасности свою жизнь. Дѣло въ томъ, что голова Андроника была занята не тѣмъ. На Кипрѣ, въ Киликіи много говорили про удивительную красоту царевны Филиппы Антиохійской; только по слухамъ объ ея прелестяхъ Комнинъ на разстояніи влюбился въ нее и рѣшилъ покорить ее. Не бесполезно прибавить, что Филиппа была родной сестрой императрицы Маріи, и къ внезапной страсти Андроника присоединялось желаніе, соблазнивъ молодую дѣвушку, отомстить Мануилу и его ненавистной женѣ.

Онъ поспѣшилъ въ Антиохію и, какъ юноша, принялся прогуливаться подъ окнами царевны въ великолѣпномъ одѣяніи, въ сопровожденіи пышной свиты красивыхъ бѣлокурыхъ пажей съ серебряными луками въ рукахъ. Самъ онъ, все такой же крѣпкій и красавецъ, несмотря на свои сорокъ шесть лѣтъ, былъ одѣтъ съ необыкновеннымъ изяществомъ: обтяжныя панталоны, короткая туника, стянутая у талии, все, что такой артистъ по части туалета, какимъ онъ всегда былъ, считалъ пригоднымъ, чтобы выставить свою горделивую осанку, усилить благоприятное впечатлѣніе своей счастливой наружности. Онъ былъ такъ доволенъ собой, такъ счастливъ заранѣе предвкушаемымъ успѣхомъ, что лицо его сіяло и, казалось, разглаживались даже морщины. Филиппѣ было двадцать или двадцать одинъ годъ; она легко поддалась чарамъ такого блестящаго кавалера и довѣрилась Андронику, обѣщавшему жениться на ней.

Когда эти вѣсти дошли до Константинополя,

Мануиль пришель въ ярость и тотчасъ отправиль въ Киликію новаго губернатора, долженствовавшаго замѣнить Андроника на его административномъ посту, а также, если возможно, и въ сердцѣ Филиппы. Но молодая женщина и слышать ничего не хотѣла. Когда императорскій чиновникъ явился въ Антиохію, она не удостоила даже взглядомъ этого новаго вздыхателя; и когда, наконецъ, согласилась обратить вниманіе на его ухаживаніе, то только для того, чтобы поднять его на смѣхъ, чтобы издѣваться надъ его маленькимъ ростомъ. Она иронически спрашивала его, неужели императоръ считаетъ ее такой глупой, думая, что она промѣняетъ Андроника, героя, происходящаго изъ знаменитой семьи, стяжавшаго уже всемірную славу, и выйдетъ замужъ за какого-то жалкаго бѣдняка безъ имени.

Послѣ этого послу ничего больше не оставалось, какъ только поскорѣе удалиться, что онъ и сдѣлалъ. А Филиппа, все болѣе и болѣе влюбленная, только и свѣту видѣла, что въ Андроникѣ. Онъ первый остылъ; боялся ли онъ мести Мануила, надоѣла ли ему его любовница, но онъ бросилъ ее довольно неблагогороднымъ образомъ и отправился въ Іерусалимъ, прихвативъ съ собой деньги, полученныя за счетъ императора въ Киликіи и на Кипрѣ. Покинутая Филиппа должна была кончить довольно печально. Она черезъ десять лѣтъ послѣ этого вышла замужъ за Гумфруа Торонскаго, конетабля королевства Іерусалимскаго, бывшаго гораздо старше ея и больного, и вскорѣ затѣмъ умерла, едва достигнувъ тридцати лѣтъ, отъ истощенія, очевидно

не утѣшившись послѣ своего печальнаго приключенія съ Андроникомъ Комниномъ.

А онъ тѣмъ временемъ продолжалъ съ тѣмъ же успѣхомъ свои любовныя похождения. Очень хорошо принятый латинянами Іерусалимскаго королевства, съ радостью получившими въ отсутствіе своего царя Амальриха помощь такого доблестнаго рыцаря, онъ не замедлилъ, „какъ змѣя, пригрѣтая на груди своего благодѣтеля“, довольно плохо отблагодарить за оказанное ему гостепріимство. Въ франкскомъ королевствѣ жила византійская царевна Θεодора, кузина и племянница императора Мануила. Въ тринадцать лѣтъ выданная замужъ за короля Іерусалимскаго Балдуина III, она вдовѣла съ 1162 года и жила въ городѣ Акрѣ, представлявшемъ ея вдовью часть. Ей было тогда двадцать два года и она была прелестна: Андроникъ немедленно воспылалъ къ ней, хотя и она, какъ Евдокія и Филиппа, была съ нимъ въ слишкомъ близкомъ родствѣ; Комнинъ, повидимому, находилъ нечистое удовольствіе преступать въ своихъ любовныхъ связяхъ законы гражданскіе и церковные.

Θеодора приняла своего кузена въ Акрѣ и обошлась съ нимъ очень привѣтливо; затѣмъ она отправилась отдать ему визитъ въ Бейрутъ, данный греческому князю королемъ Амальрихомъ въ ленное владѣніе въ награду за его добрыя услуги, и скоро она вполнѣ съ нимъ поладила. Тѣмъ временемъ въ Константинополѣ Мануиль, внѣ себя отъ приключенія Филиппы, кипѣлъ гнѣвомъ на оболъстителя и разсылалъ всѣмъ своимъ чиновникамъ и вассаламъ приказанія, гдѣ бы ни нашли, арестовать и ослѣпить

Андроника, „чтобы наказать его за его мятежи и безнравственное поведеніе относительно его семьи“. На счастье виновнаго одинъ экземпляръ императорскихъ инструкцій попалъ въ руки царицы Θεодоры; она предупредила Андроника о грозившей ему опасности, и любовники рѣшили скорѣй бѣжать вмѣстѣ, чѣмъ разлучиться. Вотъ этимъ-то похищеніемъ Θεодоры и отблагодарилъ Комнинъ за добрый пріемъ, встрѣченный имъ у франковъ, ясно показавъ тѣмъ, по словамъ Вильгельма Тирскаго, какъ правъ Виргилій, сказавшій:

„Боюсь Данайцевъ и тогда, когда они несутъ дары.“

Похищеніе произошло по всѣмъ правиламъ искусства. Андроникъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ; Θεодора представилась, будто хочетъ проводить его приблизительно до Бейрута, чтобы оказать ему почетъ и проститься нѣсколько позднѣе. Но она не вернулась. При поддержкѣ султана Нуреддина бѣглецы достигли Дамаска, затѣмъ Харрана, гдѣ они остановились на нѣкоторое время, чтобы молодая женщина могла тамъ родить, потомъ Багдада, гдѣ были очень хорошо приняты при дворѣ мусульманскихъ монарховъ. Замѣчательная вещь: несмотря на неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ при такой скитальческой жизни, несмотря на сыпавшіяся на него немилости, никогда Андронику, обыкновенно такому непостоянному, не приходило въ голову—покинуть Θεодору. Связь его съ королевой Іерусалимской была дѣйствительно большой страстью его жизни. Скитаясь по мусульманскому Востоку, вѣрные любовники въ теченіе

нѣсколькихъ лѣтъ вели жизнь, полную приключеній, взявъ съ собою законнаго сына Андроника, маленькаго Іоанна, имѣвшаго тогда лѣтъ десять, и двоихъ дѣтей, Алексѣя и Ирину, одинъ за другимъ родившихся у Комнина отъ его любовницы. Однако, несмотря на хорошій пріемъ, ихъ никогда не оставляли подолгу, боясь гнѣва императора. Ихъ выпроводили изъ Мардина; ихъ приняли въ Эрзерумѣ; въ Иверіи они пробыли короткій срокъ; наконецъ, послѣ всякихъ превратностей, они очутились у одного турецкаго эмира Халдейской провинціи на Черномъ морѣ. Салтухъ (это было имя этого эмира) подарилъ Андронику сильно укрѣпленную крѣпость въ провинціи Колонейской у самой византійской границы. Комнинъ устроился тутъ съ своей семьей и сталъ вести жизнь рыцаря-разбойника, опустошая своими набѣгами императорскія владѣнія и продавая туркамъ плѣнниковъ, которыхъ ему удавалось тамъ забрать; при этомъ онъ былъ, что довольно понятно, отлученъ отъ церкви за связь съ кузиной, а также за свое пребываніе у невѣрныхъ, что нимало его не заботило.

Мануиль, обойденный такимъ образомъ, былъ въ бѣшенствѣ. Напрасно прибѣгалъ онъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы захватить Андроника; послѣдній всегда спасался. Дука трапезунтскій, Никифоръ Палеологъ, оказался болѣе счастливымъ: ему удалось, за неимѣніемъ Андроника, захватить въ плѣнъ Θεодору и ея двоихъ дѣтей. Это сломило неукротимую и мятежную душу Андроника. Онъ обожалъ свою любовницу, онъ не могъ жить безъ нея; не менѣе глубоко былъ огорченъ онъ и потерей своихъ дѣтей. И

тогда онъ рѣшилъ просить прощенья. Мануиль, слишкомъ довольныйъ заполучить такого опаснаго противника, поспѣшилъ съ своей всегдашней снисходительностью обѣщать своему кузену полную безопасность, и съ этими гарантіями Андроникъ вновь появился въ Константинополь.

Въ качествѣ искуснаго актера онъ хотѣлъ устроить свое возвращеніе съ повинной по театральному. Онъ обмоталъ себѣ тѣло длинной желѣзной цѣпью, скрывъ ее подъ одеждой, такъ что она висѣла отъ шеи до самыхъ ногъ; и когда во Влахернскомъ дворцѣ его ввели къ Мануилу, онъ передъ всѣмъ собравшимся дворомъ бросился лицомъ на землю, обливаясь горькими слезами и моля о пощадѣ. Мануиль, крайне растроганный такой патетической сценой, также прослезился и уговаривалъ своего кузена встать. Но тотъ упорно оставался простертымъ на полу и, высвободивъ бывшую на немъ цѣпь, объявилъ, что хочетъ, чтобы его, въ наказаніе за преступленія, какъ плѣнника волокли къ подножію императорскаго трона. Пришлось исполнить это его желаніе. Послѣ чего его окружили полнымъ вниманіемъ, „какъ подобало, говорить лѣтописецъ, такому человѣку, возвратившемуся послѣ долгаго отсутствія“. Тѣмъ не менѣе сочли опаснымъ держать въ столицѣ этого новаго блуднаго сына; да и они сами, Андроникъ и Мануиль, чувствовали, что если будутъ жить вмѣстѣ, не замедлитъ возгорѣться вновь ихъ старая вражда. Поэтому Комнина отправили въ почетное изгнаніе въ городъ Эней на берегу Чернаго моря, и онъ сталъ жить тамъ „вдали отъ Юпитера и громовъ его“, пользуясь, впрочемъ,

крайне хорошимъ обращеніемъ съ собой всѣхъ, благодаря щедротамъ Мануила, и отдыхая въ этомъ спокойномъ и свѣтломъ уединеніи отъ своихъ былыхъ походовъ. Можно предполагать, что Феодора послѣдовала за нимъ въ эту резиденцію: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого ихъ связь все еще длилась.

Казалось, Андроникъ отказался отъ всѣхъ своихъ былыхъ честолюбивыхъ замысловъ. Принеся повинную императору, онъ торжественно поклялся въ вѣрности ему и его юному сыну Алексѣю. Уходившійся и успокоившійся, онъ, казалось, забылъ всѣ свои былыя стремленія къ власти, окончательно угомонилъ свою мятежную душу. Ему должно было скоро исполниться шестьдесятъ лѣтъ. Въ своемъ тихомъ и великолѣпномъ уединеніи онъ любилъ рассказывать свои приключенія, сравнивая себя съ царемъ Давидомъ, какъ и онъ, тоже много потерпѣвшимъ отъ зависти, также вынужденнымъ бѣжать отъ своихъ враговъ, прибавляя не безъ ироніи, что онъ видѣлъ многихъ другихъ въ такомъ положеніи, помимо царя пророка. Но и при сѣдинѣ въ волосахъ онъ оставался крѣпокъ тѣломъ, молодъ лицомъ, пылокъ и веселъ душой. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы пробудить это лишь дремавшее честолюбіе и вновь разжечь его властолюбіе.

V.

Смерть Мануила въ 1180 году доставила ему такой поводъ. Вслѣдствіе этого событія власть переходила въ руки ребенка и женщины. Ново-

му монарху, юному Алексѣю, едва исполнилось двѣнадцать лѣтъ; это былъ мальчикъ легкомысленный, проводившій время въ играхъ, въ катанѣ верхомъ, на охотѣ, не имѣвшій, понятно, никакого опыта, а потому не знавшій жизни. Мать его, назначенная регентшей, была Марія Антиохійская, извѣстная своей красотой и граціей; но она также ничего не понимала въ дѣлахъ, а главное, она была слишкомъ соблазнительно красива, чтобы при такомъ развращенномъ дворѣ не подать очень скоро повода къ клеветѣ. Съ перваго дня ея царствованія вокругъ нея стали увиваться люди, прибѣгавшіе къ различнымъ курьезнымъ уловкамъ и старавшіеся на перебой другъ передъ другомъ снискать ея милость, при чемъ открыто ставили свою кандидатуру и соперничали въ изяществѣ, чтобы понравиться ей. Одинокая среди этого чуждаго ей міра, чувствуя себя окруженной интригами и ненавистью, молодая женщина сдѣлала ошибку, остановивъ свой выборъ на одномъ изъ ухаживателей, и еще большую ошибку тѣмъ, что выборъ ея оказался плохъ. Протосевасть Алексѣй, одинъ изъ племянниковъ Мануила, которому она оказала предпочтеніе, былъ красивый молодой человекъ, нѣсколько изнѣженный, блестящій наѣздникъ, спавшій днемъ и кутившій ночью; у него было полное отсутствіе энергіи, такъ что онъ никакъ не могъ быть поддержкой крѣпкой и надежной. Единственнымъ слѣдствіемъ явно оказанной ему милости было то, что многіе недовольные тѣмъ, что ихъ обошли, сочли себя оскорбленными, да явился поводъ ко всякимъ нехорошимъ слухамъ. Не замедлили приписать протосевасту намѣреніе

похитить тронъ и жениться на императрицѣ, а Маріи тайное соучастіе въ планахъ ея фаворита.

Еще другая причина окончательно скомпрометировала новое правительство. „Въ царствованіе Богомъ любимаго Мануила, какъ пишетъ Вильгельмъ Тирскій, латинскій народъ нашель у него должную оцѣнку своей вѣрности и доблести. Императоръ пренебрегалъ своими маленькими греками, какъ народомъ дряблымъ и изнѣженнымъ, и, будучи самъ великодушенъ и необычайно храбръ, онъ самыя свои важныя дѣла довѣрялъ только латинянамъ, справедливо разсчитывая на ихъ преданность и мощь. Такъ какъ онъ очень хорошо съ ними обращался и не переставалъ расточать имъ доказательства своей необычайной щедрости, благородные и простолюдины охотно шли со всѣхъ концовъ земли къ тому, кто выказывалъ себя ихъ главнымъ благодѣтелемъ. Дворъ, администрація, дипломатія, стража, все было полно западныхъ людей. Съ другой стороны, торговыя колоніи Венеціи, Генуи, Пизы образовали въ столицѣ цѣлый кварталъ латинянъ. Марія Антиохійская, по природной склонности, протосевасть, по соображеніямъ политическимъ, подумали, что хорошо сдѣлають, если, по примѣру Мануила, будутъ съ этой стороны искать поддержки. Это была большая неосторожность. Безпокойная константинопольская чернь и руководившее ею духовенство уже около вѣка питали къ латинянамъ лютую ненависть, постоянно разжигаемую, говоря по правдѣ, нахальствомъ бароновъ и жадностью западныхъ купцовъ. Естественнымъ образомъ на регентшу перенесли чувства, какія возбуждали выбранные ею союзники: и скоро императрица

Марія, такая нѣкогда любимая и популярная, стала для ненавистной византійской черни лишь „чужеземкой“. Такъ позднѣе во Франціи Марію-Антуанету называли „австрійкой.“

Всеобщее недовольство довольно скоро обнаружилось въ дѣйствіяхъ. Марія, дочь императора Мануила отъ перваго брака, открыто ненавидѣла свою мачеху. Это была женщина смѣлая, энергичная, жестокая; она составила заговоръ. Но онъ былъ открытъ. Тогда вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, кесаремъ Реніэ Монферратскимъ, и главными сообщниками она бросилась въ св. Софію и, полная рѣшимости, обративъ церковь въ крѣпость, собравъ вокругъ себя людей, способныхъ носить оружіе, она приготовилась къ защитѣ и поставила правительству настоящій ультиматумъ. Это было въ маѣ 1182 г. Положеніе становилось болѣе серьезнымъ, отъ того, что народъ бунтовалъ, переходя на сторону заговорщиковъ, и даже духовенство, и самъ патріархъ были открыто за нихъ. Чтобы покончить съ этимъ, пришлось Великую Церковь брать приступомъ; бились подъ самыми портиками священнаго зданія, и патріархъ долженъ былъ вмѣшаться самолично, чтобы разнять сражавшихся. То былъ въ благочестивой столицѣ несомнѣнно большой скандалъ, и святотатственное кощунство въ такомъ чтимомъ храмѣ, допущенное правительствомъ, сдѣлало его еще болѣе непопулярнымъ. Но въ довершеніе всего это былъ скандалъ бесполезный: въ концѣ концовъ, дѣйствительно, регентша и ея министръ должны были согласиться помиловать мятежниковъ и такимъ образомъ дать всѣмъ очевидное доказательство своей слабости. Не доставало только

еще одной ошибки: съ поразительной несообразительностью протосевасть захотѣлъ наказать патріарха за роль, какую тотъ игралъ въ мятежѣ, и сослалъ его въ монастырь. Шумныя манифестаціи въ честь патріарха скоро показали главѣ правительства его ошибку. Весь городъ поднялся на защиту своего духовнаго владыки и торжественно ввелъ патріарха вновь въ св. Софію по улицамъ, благоухающимъ ароматами и оглашаемымъ привѣтственными кликами. Это было новое пораженіе для правительства.

Эти событія служили какъ нельзя лучше интересамъ Андроника. Всѣ искали спасителя, который избавилъ бы отъ ненавистнаго режима, и взоры всѣхъ обращались къ блестящему кузену покойнаго императора. Къ тому же съ давнихъ поръ распространявшіяся всюду пророчества предсказывали ему обладаніе тронѣмъ; всѣ въ Византіи вѣрили этимъ предсказаніямъ, и самъ Комнинъ не могъ не довѣрять имъ. Но особенно видѣли его заслугу въ томъ, что онъ въ противность „чужеземкѣ“ являлся представителемъ національныхъ и династическихъ интересовъ. Слишкомъ долгія сношенія съ латинянами, воспоминаніе молча перенесенныхъ обидъ, озлобленіе уязвленнаго самолюбія, въ особенности недовольство отъ попиранія экономическихъ интересовъ, все это болѣе и болѣе подготовляло страшное пробужденіе византійскаго націонализма. Андроникъ суждено было стать его героемъ. Царица Марія, уже въ первый моментъ мятежа, написала ему, моля о вмѣшательствѣ; съ тѣхъ поръ самые именитые люди имперіи не переставали осыпать его просьбами, утверждая, что стоитъ ему только вы-

сказаться, и всѣ пойдутъ за нимъ. А онъ, подъ давленіемъ послѣднихъ впечатлѣній и извѣстій, чувствовалъ, что вновь охватываетъ его неуголимое честолюбіе. Необыкновенно искусно, чтобы приготовить себѣ пути, онъ дѣлалъ видъ, что крайне озабоченъ судьбой, грозившей юному императору, очень встревоженъ намѣреніями, какія приписывались протосевасту, и въ особенности представлялся возмущеннымъ дурными слухами, ходившими о регентшѣ. Онъ предоставилъ своимъ двумъ сыновьямъ войти въ заговоръ царицы Маріи, чтобы подать недовольнымъ залогъ и надежду; что касается себя самого, онъ ждалъ, когда придетъ его часъ. Онъ пришелъ въ первой половинѣ 1182 года. Дочь его Марія прилетѣла тогда въ Эней, предупреждая его, что настало время вступить какъ слѣдуетъ въ борьбу. Андроникъ рѣшился и отправился въ Константинополь.

Съ обычной своей ловкостью „изворотливый Протей,“ какъ его называетъ одинъ современникъ, сумѣлъ найти своему поведенію самые благовидные предлоги и наилучшимъ образомъ оправдать свое возмущеніе. Завѣряя въ чистотѣ своихъ намѣреній, напоминая даже о данной имъ нѣкогда Мануилу клятвѣ въ вѣрности, онъ заявлялъ, что не имѣетъ другой цѣли, какъ только возвратить свободу юному императору, находившемуся въ неволѣ у отвратительныхъ совѣтниковъ. Передъ лицомъ правительства, неспособнаго и поддерживаемаго иноземцемъ, онъ, кромѣ того, являлся единственнымъ человѣкомъ, принимавшимъ къ сердцу интересы имперіи, единственнымъ „римлянофиломъ“, единственнымъ

также человекомъ по возрасту и знанію дѣлъ способнымъ отвратить монархію отъ скользкаго пути гибели, на какой она вступила. И народъ въ упоеніи привѣтствовалъ его восторженными кликами на всемъ протяженіи его пути. Напрасно губернаторы азіатскихъ еемъ, оставшіеся вѣрными регентшѣ, пробовали остановить его шествіе; напрасно Андроникъ Ангель, посланный противъ него съ войскомъ, пытался вступить съ нимъ въ бой. Не встрѣчая поддержки со стороны своихъ солдатъ, полководецъ этотъ былъ разбитъ и, боясь поплатиться жизнью за свое пораженіе, онъ первый показалъ примѣръ и перешелъ на сторону мятежника, увеличивъ число его сторонниковъ. А тотъ, всегда имѣвшій въ запасѣ словцо, чтобы посмѣяться, шутливо сказалъ, встрѣчая новаго своего сообщника: „Вотъ оно, слово Евангелія; пошлю тебѣ моего ангела; да уготоваетъ тебѣ пути твои.“ Дѣйствительно, Андроникъ Ангель нашель себѣ подражателей. Когда войска раскинулись передъ Константинополемъ на азіатскомъ берегу Босфора, флотъ, долженствовавшій защищать проходъ въ проливы, передался неприятелю, не сдѣлавъ даже попытки сопротивленія, и Андроникъ изъ своего халкидонскаго лагеря направилъ во дворецъ высококомѣрный ультиматумъ, требуя отставки протосеваста, удаленія регентши въ монастырь, передачи власти въ руки юнаго императора. Точно также и въ столицѣ всѣ желали успѣха новому властелину и падали передъ нимъ ницъ. Люди изъ народа и многіе придворные ежедневно устремлялись въ Халкидонъ, чтобы видѣть его; они любовались на его осанку, на его краснорѣчіе и возвращались ли-

кующіе, говоритъ историкъ Никита, „какъ будто поѣтили блаженные острова и пировали за столомъ у бога-солнца.“

Несмотря на то, что на сторонѣ бунтовщиковъ было столько преимуществъ, энергичный министръ сталь бы защищаться. У протосеваста Алексѣя были деньги, вѣрная и сильная поддержка въ лицѣ латинянъ; онъ могъ оказать сопротивленіе. Въмѣсто этого онъ предоставилъ себя на волю судьбы, позволилъ арестовать себя въ собственномъ дворцѣ и выдать Андронику, приказавшему его ослѣпить. Между тѣмъ ничего еще не было рѣшено—и Андроникъ хорошо это чувствовалъ,—пока наемное латинское войско и западныя колоніи оставались въ столицѣ. Чтобы отъ нихъ отдѣлаться, рѣшили воспользоваться старой національной ненавистью. Пустили слухъ, которому легко повѣрили, что иноземцы замыслили напасть на грековъ и подъ этимъ предлогомъ выпустили на нихъ всю константинопольскую чернь. Латинскій кварталъ былъ взятъ приступомъ, разъяренная толпа разграбила, сожгла все. Женщины, дѣти, старики, даже больные въ госпиталяхъ были перерѣзаны. Въ одинъ день національный фанатизмъ византійцевъ утолил свою ненависть, накопившуюся въ теченіе столѣтъ. Немногіе латиняне, избѣгшіе смерти, бѣжали безъ оглядки. Андроникъ могъ теперь безъ опасеній вступить въ столицу. Онъ былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ, его привѣтствовали, какъ спасителя и избавителя имперіи, „какъ свѣточъ, возжегшійся въ ночи, какъ лучезарное свѣтило.“ Только нѣкоторые смѣтливые люди поняли все, что скрывалось подъ завѣреніями пре-

данности, которыя онъ все больше расточалъ по адресу царя Алексѣя: патріархъ Θεодосій былъ изъ ихъ числа. Когда Андроникъ выразилъ при немъ свое смущеніе, что приходится одному блюсти за судьбой маленькаго царевича, что нѣтъ у него при этой тяжелой обязанности ни помощника, ни сотрудника, святой отецъ отвѣтилъ съ извѣстной смѣлостью двусмысленнымъ тономъ, что съ того дня, какъ Андроникъ вступилъ въ Константинополь и принялъ власть въ свои руки, онъ, не колеблясь, счелъ юнаго императора умершимъ.

Патріархъ Θεодосій былъ правъ. Честолюбіе проснулось въ душѣ Андроника: чтобы удовлетворить его, онъ показалъ себя способнымъ на все.

Даже раньше чѣмъ вступить въ столицу, онъ принялъ одну знаменательную мѣру. По его приказанію регентша и ея сынъ были удалены изъ дворца и переведены, почти какъ плѣнники, на императорскую виллу Филопатій. Андроникъ отправился навѣстить ихъ туда, и тутъ также поведеніе его было довольно сомнительное. Дѣйствительно, онъ отнесся съ большимъ почтеніемъ къ юному императору, но едва поклонился регентшѣ и очень громко заявилъ, что его удивляетъ ея присутствіе тутъ. Затѣмъ онъ отправился въ церковь св. Апостоловъ на могилу своего двоюроднаго брата Мануила; какъ хорошій актеръ, онъ пролилъ у саркофага обильныя слезы и своей притворной скорбью растрогалъ всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ этого онъ попросилъ всѣхъ удалиться, чтобы дать ему одному побесѣдовать минуту съ покойнымъ. И злые языки, которымъ показалось очень забавнымъ

такое свиданіе, вложили въ уста Андроника слѣдующія слова: „Теперь я держу тебя, моего гонителя, заставившаго меня блуждать по всему міру; вотъ этотъ тяжелый камень завалилъ тебѣ выходъ, и ты на вѣки въ тюрьмѣ; отъ твоего глубокаго сна тебя пробудитъ лишь звукъ трубы страшнаго суда. А я отомщу тебѣ на твоємъ родѣ, и твои близкіе поплатятся за все сдѣланное мнѣ тобою зло“.

Злые языки ничуть не ошибались: одинъ за другимъ должны были исчезнуть всѣ родные Мануила, жертвы страшнаго честолюбія Андроника. Подлинный властелинъ онъ уже управлялъ имперіей, какъ настоящій монархъ; его политическіе противники, особенно представители знатныхъ аристократическихъ родовъ, были безъ милосердія удалены или попали въ немилость; на всѣ мѣста онъ назначалъ своихъ приверженцевъ. Но чтобы стать дѣйствительно императоромъ, ему нужно было, кромѣ того, упразднить троихъ людей, отдѣлявшихъ его отъ трона, то-есть вдову и дѣтей Мануила. Старшая дочь исчезла первой; она внезапно умерла вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, кесаремъ Реніэ, и никто не сомнѣвался, что ихъ отравили. Чтобы погубить императрицу регентшу, Андроникъ прибѣгъ къ болѣе тонкой хитрости. Какъ извѣстно, онъ ее ненавидѣлъ съ давнихъ поръ; онъ пожелалъ отомстить утонченно. Онъ началъ съ того, что сталъ страшно жаловаться на нее, будто бы она оказывала ему тайное противодѣйствіе, что вредило интересамъ государства, и объявилъ, что, если не устранять отъ дѣлъ эту опасную женщину, онъ самъ оставитъ власть, не желая дѣлится отвѣт-

ственности. Такими заявленіями онъ безъ труда поднялъ чернь, и безъ того сильно возстановленную противъ иноземки, и толпа бросилась къ патріарху съ шумными манифестаціями, требуя, чтобы онъ пустилъ въ ходъ свою власть и удалилъ монархиню изъ дворца. Почва была подготовлена; несмотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ честныхъ людей, несчастную Марію Антиохійскую сдѣлали жертвой самой страшной судебной комедіи. Андроникъ формально обвинилъ ее въ сношеніяхъ съ иностранцами; по этому доносу она была арестована, брошена въ тюрьму, подвергнута оскорбленіямъ и дурному обращенію со стороны своихъ тюремщиковъ. Этого мало: ей велѣли предстать на судъ, вынесшій ей смертный приговоръ. Юный Алексѣй утвердилъ приговоръ, приложивъ къ рѣшенію, осудившему на смерть его мать, свою подпись красными чернилами, „подобными каплѣ крови“. Марію Антиохійскую удушили въ ея темницѣ; ей было не полныхъ тридцать пять лѣтъ. Ненависть Андроника не была утолена этимъ судебнымъ убійствомъ; она преслѣдовала даже портреты, изображавшіе несчастную царицу. Онъ велѣлъ ихъ уничтожить или испортить, боясь, чтобы воспоминаніе объ ея сіяющей красотѣ не пробудило слишкомъ много состраданія къ ея трагической судьбѣ.

„Пропадали деревья императорскаго сада“, какъ говоритъ Никита. Скоро, въ сентябрѣ 1183 года, государственный совѣтъ, члены котораго были предварительно хорошо подучены, вынесъ рѣшеніе, что было бы полезнымъ и подходящимъ дѣломъ официально вручить Андронику:

верховную власть. Когда это рѣшеніе стало извѣстно, въ столицѣ предались безумной радости. Народъ, какъ-бы охваченный бредомъ при мысли о близкомъ возвеличеніи своего favorita, танцевалъ на улицахъ, пѣлъ, билъ въ ладоши. Влахернскій дворецъ былъ окруженъ, и подъ угрозой возстанія, юный императоръ принужденъ былъ уступить. Но тогда произошло нѣчто любопытное и неожиданное. Андроникъ, все это подготовившій, притворился колеблющимся и сталъ отказываться отъ власти. Пришлось силой возвести его на престолъ, почти насильно надѣтъ ему на голову тиару, облачить въ императорское одѣяніе. Въ концѣ концовъ онъ согласился преклониться передъ волей народной, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда его короновали въ св. Софіи, онъ не безъ удовольствія услышалъ, что въ официальныхъ возгласахъ его имя ставится раньше имени Алексѣя. „Тогда, говоритъ лѣтописецъ, онъ впервые предсталъ радостнымъ; его жесткій взглядъ смягчился, и онъ далъ обѣщаніе, что теперь, съ его воцареніемъ наступятъ лучшія времена“. Отстранить своего слабого соправителя было для него дѣломъ минуты. Онъ далъ торжественную клятву, что принимаетъ власть лишь для того, чтобы помогать своему племяннику Алексѣю. Не прошло и мѣсяца, какъ по его наущенію сенатъ рѣшилъ, что во главѣ монархіи долженъ былъ стать лишь одинъ властелинъ, и что, слѣдовательно, надлежало низложить Алексѣя. Спустя нѣсколько дней, въ ноябрѣ 1183 года, юный царевичъ былъ задушенъ въ своихъ покояхъ. Его трупъ бросили къ ногамъ Андроника;

онъ съ бранью оттолкнулъ его ногой: „Твой отецъ былъ клятвопреступникъ, твоя мать погибшее созданье“, и велѣлъ кинуть тѣло въ Босфоръ. Послѣ этого, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, онъ женился на невѣстѣ покойнаго, Аннѣ Французской, дочери Людовика VII, которой не было одиннадцати лѣтъ, и съ соблюденіемъ всѣхъ формъ заставилъ послушное духовенство разрѣшить его отъ присяги, данной имъ нѣкогда Мануилу. Въ возрастѣ шестидесяти трехъ лѣтъ Андроникъ Комнинъ сталъ императоромъ византійскимъ.

VI.

Нужно сознаться, что своими высокими качествами онъ показалъ себя достойнымъ похищеннаго имъ трона. „Еслибы онъ былъ менѣе жестокъ, пишетъ одинъ современникъ, онъ былъ бы не меньшимъ изъ императоровъ дома Комниновъ или, вѣрнѣе, онъ былъ бы равенъ самымъ великимъ изъ нихъ. Онъ очень живо чувствовалъ, какія обязанности возлагало на него высокое положеніе, и нѣтъ того, говорилъ онъ, чего бы не могъ исправить царь, того зла, противъ котораго онъ былъ бы не въ силахъ найти противоядія“. Рѣшительнымъ образомъ задумалъ онъ возстановить въ государствѣ порядокъ. Чиновники угнетали народъ, знатные феодалы всячески его притѣсняли: крѣпкой рукой оградилъ онъ своихъ подданныхъ отъ ихъ притѣснителей. Администрація была преобразована. Губернаторамъ провинцій, умѣло выбраннымъ и хорошо оплачиваемымъ, не было надобности

покупать себѣ должности и вымогать недостающія деньги у народа, ими управляемаго. Надъ сборщиками податей былъ установленъ строгій надзоръ; для всѣхъ былъ обезпеченъ судъ скорый и милостивый, дѣйствительный даже противъ самыхъ могущественныхъ людей. Наконецъ, представители аристократіи, всегдашніе противники императорскаго абсолютизма, подверглись особо суровымъ преслѣдованіямъ. Въ подобныхъ дѣлахъ, дѣйствительно, Андроникъ, любившій высмѣивать самыя серьезныя вещи, шутокъ не допускалъ. Властный, непреклонный, высокомерный, онъ требовалъ слѣпого послушанія. „То, что я говорю, заявилъ онъ однажды своимъ приближеннымъ, я говорю не на вѣтеръ. Если въ положенный срокъ мои приказанія не исполнены, берегитесь моего гнѣва: неумолимый, страшный, онъ падеть на того, кто станетъ дѣйствовать противъ моей воли и не будетъ во всемъ слѣдовать моимъ царскимъ предписаніямъ“. Еще онъ говорилъ: „Императоръ не даромъ носитъ мечъ“; и безъ всякихъ обиняковъ заявлялъ чиновникамъ: „Одно изъ двухъ: или прекратить беззаконія, или разстаться съ жизнью“.

Подъ этой мощной рукой порядокъ возстановился, вновь наступило благоденствіе. Опустѣлыя провинціи вновь заселились, вновь стало процвѣтать земледѣліе. „По слову пророка, пишетъ историкъ Никита, каждый отдыхалъ подъ сѣнью своихъ деревьевъ, и собравъ плоды съ своего виноградника и свежая въ житницы дары земли своей, садился радостный за ужинъ и мирно спалъ, не опасаясь больше угрозъ агентовъ фиска, не мучаясь при мысли о сборщикѣ податей, требо-

вательномъ и алчномъ, зная, что ему надлежитъ лишь отдать кесарю кесарево. И такимъ образомъ множество людей, доведенныхъ вслѣдствіе всеобщей нищеты почти до полной гибели, словно прозвучала для нихъ труба архангела, стряхивали съ себя такъ долго владѣвшее ими оцѣпенѣніе и возрождались къ новой жизни“.

Это еще не все. Въ самый разгаръ XII вѣка этотъ столь жестокій въ другихъ отношеніяхъ монархъ уничтожилъ ненавистное береговое право, право на выбрасываемые на берегъ остатки отъ кораблекрушеній. Этотъ сообразительный царь умѣлъ поощрять общественныя работы и заботился, чтобы его столица была въ изобиліи снабжена необходимой водою. Наконецъ, этотъ умный императоръ покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ. Онъ интересовался писателями, особенно чувствовалъ склонность къ юристамъ и, конечно, изъ среды послѣднихъ избиралъ лучшихъ своихъ чиновниковъ. Онъ, наконецъ, любилъ зданія, великолѣпно разукрасилъ церковь Сорока Мучениковъ, и въ одномъ изъ построенныхъ имъ зданій въ цѣломъ рядѣ чрезвычайно интересныхъ фресокъ были изображены главные эпизоды изъ приключеній его прошлой жизни. И если подумать, что все это было исполнено менѣе чѣмъ въ два года, приходится признать, что Андроникъ былъ способенъ возратить потрясенной имперіи ея могущество и блескъ, имѣй онъ въ своемъ распоряженіи больше времени, а также будь онъ болѣе послѣдователенъ и менѣе пороченъ.

Къ несчастью, вступивъ на престолъ, Андроникъ сохранилъ всѣ страсти, слабости и изъяны,

въ теченіе всей его жизни омрачавшіе блескъ его самыхъ выдающихся качествъ. Силой своего упорства и преступленій онъ осуществилъ свою честолюбивую мечту: онъ овладѣлъ престоломъ. Для достиженія ея онъ не останавливался ни передъ чѣмъ; ни передъ чѣмъ не остановился онъ и для сохраненія ея. И такъ какъ чуть ли не на слѣдующій день по восшествіи своемъ на престоль онъ наткнулся на могучее сопротивленіе аристократической знати, такъ какъ, едва ставъ императоромъ, онъ увидалъ, что партія феодаловъ начала непрестанно составлять противъ него заговоры и возбуждать даже открытое возстаніе въ Вивиніи, страхъ быть сверженнымъ пробудилъ въ немъ лютую жестокость. Подобно Тиверію, бывшему, какъ и онъ, добрымъ императоромъ для провинціи, и съ которымъ у него имѣется сходство, онъ былъ неумолимъ съ людьми знатнаго происхожденія, пытавшимися бороться съ нимъ. Со всякимъ, кто только оказывалъ ему сопротивленіе или вступалъ противъ него въ заговоръ, онъ расправлялся безъ малѣйшаго состраданья, онъ не пощадилъ даже своихъ самыхъ близкихъ родныхъ. Говорятъ, его природная жестокость еще усилилась отъ долгаго пребыванія среди варваровъ: теперь она развернулась во всю.

Въ столицѣ и по всей имперіи была установлена система шпіонства, доносовъ, террора. Самыя знатныя изъ византійскихъ аристократическихъ семей, Комнины, Ангелы, Кантакузины, Контостефаны, были безпощадно осуждены на гибель. И въ придумываніи казней, въ способахъ своего мщенья, Андроникъ выказывалъ неслыханную, утонченную жестокость.

Чтобы подавить возстаніе въ Виѳиніи, онъ залилъ Бруссу и Никею кровью. „Онъ оставилъ, говоритъ одинъ современникъ, виноградники Бруссы отягченными не гроздьями винограда, а трупами повѣшенныхъ, запретивъ ихъ хоронить и желая, чтобы высушенные солнцемъ, качаемые вѣтромъ, они стали подобны пугаламъ, которыя ставятъ въ огородахъ, чтобы пугать птицъ.“ На ипподромѣ запылали костры, и для устрашенія своихъ враговъ Андроникъ измышлялъ еще болѣе страшныя пытки: такъ однажды, чтобы наказать одного несчастнаго, провинившагося лишь тѣмъ, что дурно отозвался объ императорѣ, онъ велѣлъ надѣть его на длинный вертелъ, поджарить на медленномъ огнѣ, а потомъ подать это вновь изобрѣтенное имъ блюдо на столъ собственной женѣ несчастнаго. Ни близкіе, ни сами родные Андроника не были ограждены отъ его мрачной подозрительности: его зять и дочь подпали немилости, возбудивъ въ немъ завистливыя опасенія за свой абсолютизмъ. И въ охватившемъ всѣхъ страхѣ всякій дрожалъ за свою голову: всякое спокойствіе исчезло. И Андроникъ, опьяненный своими преступленіями, заявлялъ теперь, что тотъ день его жизни потерянь, когда онъ не казнилъ, не ослѣпилъ какого-нибудь знатнаго вельможу, или, по крайней мѣрѣ, не нагналъ ужаса на врага своимъ страшнымъ взглядомъ титана. Безжалостный судья, неумолимый противникъ мятежныхъ феодаловъ, въ которыхъ чувствовалъ опасность для имперіи, внѣ себя отъ скрытаго или явнаго сопротивленія, какое встрѣчалъ всюду вокругъ себя, Андроникъ съ легкимъ сердцемъ шелъ своимъ путемъ, утопая въ крови.

Вмѣстѣ съ тщеславіемъ и страшными послѣдствіями, какія оно влечетъ за собой, Андроникъ оставался вѣренъ и другой своей главной страсти—женщинамъ. Хотя ото лба у него шла теперь лысина и виски посѣдѣли, видъ у него все еще былъ молодой; всегда здоровый, съ тѣломъ гибкимъ и крѣпкимъ, онъ сохранялъ свой гордый видъ и героическую осанку. Поэтому онъ отнюдь не унывалъ и охотно проводилъ время въ обществѣ куртизанокъ и флейтщицъ, часто устраивая съ ними загородные кутежи, крайне скандализовавшіе благопристойныхъ людей Константинополя. „Какъ пѣтухъ во главѣ своихъ куръ, или козель, сопровождаемый своими козами, или еще какъ Діонисъ съ своей свитой менадъ и вакханокъ, вель онъ съ собой своихъ любовницъ.“ И въ то время какъ самые довѣренныя его приближенныя съ большимъ трудомъ могли добиться видѣть его, онъ, обыкновенно такой недовѣрчивый, для своихъ прекрасныхъ подругъ, напротивъ, былъ всегда любезенъ, всегда доступенъ, всегда привѣтливъ. Дѣло въ томъ, что, имѣя полныхъ шестьдесятъ три года, онъ любилъ кутежи и любовныя похождения такъ же, какъ любилъ ихъ всю жизнь. Все такой же крѣпкій, онъ похвалялся, что возобновляетъ любовныя подвиги Геркулеса, и надо читать греческій текстъ Никиты, чтобы видѣть, къ какимъ мѣрамъ онъ прибѣгалъ, желая сравняться въ героической удали съ древнимъ полу-богомъ. Онъ содержалъ постоянную любовницу, флейтщицу Марантику, красивую женщину, которой онъ очень гордился; кромѣ этого, онъ разрѣшалъ себѣ и при дворѣ, и въ столицѣ очень почтенное количество прехо-

дящихъ связей. И такъ какъ по характеру своему онъ всегда былъ склоненъ къ язвительности и насмѣшкѣ, ему показалось очень забавнымъ прибить подъ портиками форума рога самыхъ красивыхъ оленей, убитыхъ имъ на охотѣ, „по видимости, говоритъ Никита, какъ бы трофеей своихъ подвиговъ, на самомъ дѣлѣ, чтобы посмѣяться надъ добрыми обитателями своей столицы, намекая на похождения ихъ женъ.“

Такимъ образомъ Андроникъ доводилъ до отчаянія своей жестокостью и скандализировалъ своими пороками. Враги не скупились поносить его какъ только могли. Рѣзникъ, кровожадный песь, истасканный старикъ, бичъ человѣчества, развратникъ, пріапъ, таковы были обычныя прозвища, какими величали его. Андроникъ равнодушно относился къ брани, увѣренный въ себѣ, твердо убѣжденный, что проживетъ до глубокой старости и умретъ спокойно у себя на постели.

VII.

Но въ этомъ онъ ошибался.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1185 года норманскій флотъ, посланный королемъ Вильгельмомъ Сицилійскимъ, чтобы отомстить за избіеніе 1182 года, овладѣлъ Солунью, а сухопутное войско двинулось на Константинополь. Андроникъ, какъ хорошій императоръ, принялъ сначала противъ нападающихъ военныя мѣры, соотвѣтствовавшія положенію; стѣны столицы были приведены въ такой видъ, чтобы выдержать оборону, флотъ возстановленъ и усиленъ; въ то же время искусными рѣчами царь старался успокоить тревогу

жителей, но, какъ нѣкогда въ Киликіи, онъ скоро усталъ отъ этого старанья и, небрежно относясь къ событіямъ, предоставляя имъ идти своимъ чередомъ, довольствовался тѣмъ, что остроумно философствовалъ о совершавшихся событіяхъ. Это явное равнодушіе возбудило въ Константинополѣ сильное негодование; самъ народъ, до тѣхъ поръ слѣпо обожавшій своего любимца, начиналъ подъ впечатлѣніемъ страха охладѣвать къ нему и поднимать голосъ. Стали поговаривать, что побѣды нормановъ, быть можетъ, наказаніе за преступленія Андроника, видимое доказательство, что Богъ покинулъ его, и рѣшили, что смерть тирана была бы лучшимъ средствомъ противъ бѣдствій, испытываемыхъ имперіей.

Справедливо встревоженный такой переменной общественнаго мнѣнія, императоръ усилилъ строгость. Послѣдовали приказы о многочисленныхъ арестахъ; тюрьмы переполнились воображаемыми преступниками; а чтобы обезпечить вѣрность оставленныхъ на свободѣ, ихъ обязали, какъ подозрительныхъ, доставить поручительства друзей. Въ то же время царь усиливалъ мѣры предосторожности относительно собственной безопасности; онъ окружилъ себя стражей, водилъ съ собой страшную собаку, способную бороться со львомъ и свалить коня вмѣстѣ съ всадникомъ, а ночью это страшилище караулило у дверей императорской спальни и при малѣйшемъ шумѣ поднимало страшный лай. Но видя, что все растеть вокругъ него опасность, Андроникъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что растеть въ душѣ его и непреклонная энергія для самозащиты. „Клянусь моею сѣдиной, говорилъ онъ, враги Анд-

роника не будутъ имѣть причины радоваться. Если рокъ судилъ, чтобы Андроникъ сошелъ въ Лидъ, они сойдутъ туда первые, чтобы указать ему путь, Андроникъ прослѣдуетъ лишь послѣ нихъ.“ Вспомнивъ въ этотъ рѣшительный часъ, какую поддержку нашелъ онъ нѣкогда въ византійскомъ націонализмѣ, онъ задумалъ вновь разжечь этотъ все еще не совсѣмъ потухшій огонь. Онъ пустилъ слухъ, что норманы были обязаны своимъ успѣхомъ поведенію измѣнниковъ, передавшихся иноземцамъ, и думалъ, воспользовавшись этимъ предлогомъ, изгнать громадное количество всѣхъ, бывшихъ противъ него, узниковъ, брошенныхъ имъ въ тюрьмы, ихъ родныхъ, даже ихъ друзей, казавшихся ему противниками его политики. Говорятъ, были изготовлены цѣлые списки жертвъ, и потребовалось сильное противодѣйствіе со стороны собственнаго сына Андроника Мануила, чтобы заставить императора отказаться отъ чудовищныхъ казней, о которыхъ онъ мечталъ.

Несмотря ни на что, несмотря на свою самоувѣренность, Андроникъ чувствовалъ, что власть его поколеблена. Со страхомъ вопрошалъ онъ гадателей, наблюдалъ примѣты, тревожился, видя, что точатся слезы изъ иконы апостола Павла, къ которому онъ питалъ особенное почтеніе, считая его своимъ покровителемъ. Затѣмъ вдругъ снова ободрялся; даже сдѣлалъ неосторожность, — такъ вѣрилъ онъ снова въ свою укрѣпившуюся власть, — и оставилъ мятежную столицу, чтобы отправиться съ женой и любовницей на нѣсколько дней на одну изъ своихъ дачъ. Чрезмѣрное усердіе одного изъ его приближенныхъ должно

было во время его отсутствія ускорить наступленіе грозившаго кризиса.

Среди важныхъ особъ, взятыхъ Андроникомъ подъ надзоръ полиціи, самой знаменитой былъ Исаакъ Ангель. Это былъ человѣкъ посредственнаго ума, характера не твердаго, безъ всякой воли, и вслѣдствіе этого, несмотря на то, что онъ принималъ участіе въ возстаніяхъ, царь не казнилъ его и ограничился тѣмъ, что держалъ его плѣнникомъ въ собственномъ дворцѣ. Встревоженный волненіемъ въ столицѣ министръ полиціи Агіохристоритъ счелъ разумнымъ арестовать этого предполагаемаго главу народнаго возстанія. Но страхъ придалъ Исааку смѣлости; ударомъ меча сразивъ одного изъ главныхъ своихъ противниковъ, онъ вскочилъ на лошадь и все еще съ окровавленнымъ мечомъ въ рукахъ помчался къ неприкосновенному убѣжищу, къ храму св. Софіи. При извѣстии о покушеніи возмущенный народъ волнуется, всѣ, боящіеся за свою жизнь, примыкаютъ къ начавшемуся мятежу, и за отсутствіемъ Андроника и благодаря растерянности министровъ, возстаніе быстро распространяется. Вокругъ св. Софіи собирается огромная толпа; всю ночь она караулитъ подлѣ базилики, чтобы помѣшать схватить тамъ бѣглеца. Утромъ предложили сдѣлать Исаака императоромъ.

Извѣщенный тѣмъ временемъ Андроникъ торопился возвратиться въ столицу. Но было слишкомъ поздно: мятежь перешелъ въ революцію. Чернь ломала тюрьмы, освобождала главарей возстанія и подъ ихъ руководствомъ организовывалась и вооружалась. Исаакъ Ангель, совершенно противъ своего желанія, былъ про-

возглашенъ императоромъ, вновь приведенъ въ св. Софію, и патріархъ собственноручно возложилъ на него корону. Послѣ этого толпа стала готовиться взять дворецъ приступомъ. Все такой же смѣлый, все такой же неукротимый, Андроникъ сдѣлалъ попытку сопротивленія. Не колеблясь скомандовалъ онъ стрѣлять въ толпу и первый даетъ залпъ изъ дротиковъ съ верху стѣнъ. Но ни это военное дѣйствіе, ни прекрасныя слова, какими онъ затѣмъ думалъ успокоить угрожающую ему толпу, не имѣли успѣха. Подъ ударами осаждавшихъ ворота дворца подались. Императору не оставалось другого выхода, кромѣ бѣгства.

Поспѣшно снявъ съ себя императорскую одежду, сбросивъ пурпуровыя туфли и снявъ даже крестъ, который много лѣтъ носилъ на шеѣ, какъ залогъ божественной защиты, надѣвъ на голову остроконечную шапочку, какую носили варвары, онъ скрылся изъ дворца и вмѣстѣ съ женой и любовницей, въ то время какъ ликующая чернь грабила дворецъ, послѣшно добрался до маленькой морской пристани у восточнаго конца Босфора. И въ самомъ бѣдствіи сохраняя свое всегдашнее высокомеріе и гордость, онъ потребовалъ и добился, чтобы ему дали судно, на которомъ онъ думалъ бѣжать въ Россію. Но внезапно налетѣвшимъ порывомъ вѣтра,—явленіе такъ часто случающееся на Черномъ морѣ,—онъ былъ вновь прибитъ къ берегу; тутъ онъ наткнулся на развѣдчиковъ, посланныхъ за нимъ въ погоню. Его арестовали, заковали въ цѣпи. „Но и тутъ, говоритъ Никита, онъ былъ все тотъ же тонкій и находчивый

Андроникъ“. Несравненный актеръ, какимъ онъ былъ, сыгралъ тутъ свою послѣднюю роль. „Онъ разлился, рассказываетъ историкъ, трогательной, патетической жалобой, перебирая всѣ струны инструмента, какъ самый искусный музыкантъ. Онъ напоминалъ о знатности своего рода, изъ какой знаменитѣйшей семьи онъ происходилъ, и какъ раньше судьба была къ нему милостива, и какъ его прошлая жизнь, даже когда онъ безъ пристанища скитался по всему міру, заслуживала быть прожитой, и насколько обрушившееся теперь на него несчастье было достойно возбудить состраданіе. И обѣ сопровождавшія его женщины подхватывали жалобу и дѣлали ее еще болѣе жалостной. Онъ давалъ тонъ; онѣ подхватывали и продолжали его пѣсню“. Но это было напрасно. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни краснорѣчіе Андроника не имѣло дѣйствія, искусство его не достигло цѣли. Его привезли въ Константинополь: и тутъ онъ долженъ былъ умереть.

По своему трагическому ужасу смерть Андроника была достойна его жизни. Надо прочесть въ исторіи Никиты описаніе этого послѣдняго акта драмы, одну изъ самыхъ ужасающихъ и потрясающихъ страницъ, какія только встрѣчаются въ лѣтописяхъ Византіи. Прежде всего сверженнаго императора привели къ его счастливому сопернику Исааку Ангелу и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ чернь подвергала его всевозможнымъ оскорбленіямъ; ему выбили зубы, вырвали бороду и волосы, и въ особенности женщины набросились на несчастнаго съ остервененіемъ, чтобы отомстить за жестокости, какія

онъ произвелъ нѣкогда съ ихъ близкими. Послѣ этого ему отрубили правую руку и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ нѣсколько дней оставался безъ всякаго ухода, безъ пищи, даже безъ капли воды. Это было лишь начало его долгой агоніи. Черезъ нѣсколько дней снова принялись за него, выкололи ему одинъ глазъ и съ непокрытой головой, въ одной рваной туникѣ, посадивъ на паршиваго верблюда, погнали по улицамъ столицы по самому солнцепеку. Это плачевное зрѣлище, „которое должно было бы исторгнуть слезы у всякаго человѣка“, не тронуло страшной константинопольской черни. Всѣ грубые и наглые жители, подонки большого города, кожевники, колбасники, базарные торговцы, всегдашніе самыхъ грязныхъ кабаковъ, забывъ какими кликами привѣтствовали они нѣкогда Андроника, какъ своего спасителя, сбѣжались, чтобы содѣйствовать пыткамъ несчастнаго. „Одни били его палкой по головѣ, другіе пачкали ему ноздри навозомъ; третьи выжимали ему на лицо губки, пропитанныя испражненіями, нѣкоторые поносили его мать и отца непристойными словами. Иные кололи его рожнами въ бока; другіе бросали въ него камнями; одна распутная женщина, взявъ въ кухнѣ сосудъ съ кипяткомъ, вылила ему его на лицо“. Наконецъ, съ гиканьемъ и смѣхомъ страшное шествіе достигло ипподрома. Тутъ стащили несчастнаго съ верблюда, привязали за ноги, головой внизъ, къ перекладинѣ между двухъ столбовъ, и ужасное веселье возобновилось. Андроникъ выдерживалъ все стоически, безъ единой жалобы; лишь изрѣдка съ губъ его срывались слова: „Господи, помилуй“, или: „Для чего вы

бъете лежачаго?“ Но обезумѣвшая толпа ничего не слышала. Стали рвать на немъ рубашку и издѣвались надъ оголеннымъ, при чемъ мужчины непристойно касались его. Одинъ изъ зрителей вонзилъ ему мечъ въ горло до самыхъ внутреннихъ. Нѣкоторые латиняне, вспомнивъ объ избіеніи ихъ соотечественниковъ, произведенномъ нѣкогда по его приказанію, забавлялись, пробуя на тѣлѣ умирающаго чей мечъ острѣе, и испытывая, кто нанесетъ наиболѣе мѣткій ударъ. Наконецъ, онъ умеръ, и толпа, увидѣвъ, что въ предсмертной судорогѣ онъ поднесъ ко рту правую руку съ отсѣченной передъ тѣмъ кистью, не преминула иронически замѣтить, что до послѣдняго своего издыханія Андроникъ жаждалъ человѣческой крови.

Въ своей бессмысленной свирѣпости народъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ даже изображеній несчастнаго монарха, и его изуродованный трупъ, брошенный сначала, какъ падаль, подъ сводами цирка, едва удостоился, по прошествіи нѣсколькихъ дней, нищенскихъ похоронъ, и то въ видѣ милости.

Такъ умеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1185 года, въ возрастѣ шестидесяти пяти лѣтъ императоръ Андроникъ Комнинъ, прошумѣвшій на весь XII вѣкъ своими похождениями, своими блестящими качествами, своей порочностью и скандалами. Его жизнь, фантастичнѣе любого романа, одна изъ самыхъ интересныхъ, какія только встрѣчаются въ исторіи Византіи. Своими выходками и своими военными подвигами, своими побѣгами и своими любовными похождениями, своими неудачами и своими удачами этотъ необычайный искатель

приключеній, истинный типъ „сверхчеловѣка“, до сихъ поръ еще плѣняетъ потомство, какъ плѣнялъ своихъ современниковъ. Но его могучій образъ представляетъ еще и другой интересъ, помимо анекдотическаго, онъ необыкновенно характеренъ и типиченъ. Въ жизни этого геніальнаго и порочнаго царя, отвратительнаго тирана и выдающагося государственнаго дѣятеля, который могъ бы спасти имперію и только ускорилъ ея гибель, собраны всѣ главныя черты, всѣ контрасты византійскаго общества съ его страннымъ смѣшеніемъ добра и зла, общества жестокаго, страннаго, упадочнаго, но въ то же время способнаго на величіе, энергію и силу, сумѣвшаго на протяженіи столькихъ вѣковъ, во всѣ смутныя дни своей исторіи найти всегда въ себѣ самомъ необходимый источникъ жизни и дальнѣйшаго не безславнаго существованія.

ГЛАВА V.

Придворный поэтъ въ эпоху Комниновъ.

Около первой половины XII вѣка жилъ въ Константинополѣ одинъ бѣднякъ писатель, по имени Феодоръ Продромъ. Онъ самъ себя называлъ „Птохопродромомъ“, то есть бѣднымъ Продромомъ; и дѣйствительно, трудно было встрѣтить между литераторами другого такого нуждающагося, голоднаго попрошайку. Всю свою жизнь онъ провелъ въ поискахъ богатыхъ покровителей, въ выпрашиваньѣ денегъ у императора, у царевичей и царицъ, знатныхъ вельможъ и сановниковъ; плакался, чтобы ихъ растрогать, на свою бѣдность, на свои несчастія, на свое плохое здоровье, на свою старость, выпрашивая у нихъ денегъ въ видѣ платы за свои хвалебныя слова, эпиталамы, соболѣзнованія, или мѣста, или хоть кровать въ госпиталѣ. Нищій и тщеславный въ одно и то же время, очень гордый своимъ происхожденіемъ, воспитаніемъ, талантомъ, и при всемъ этомъ способный на всякую пошлость, онъ представляетъ любопытный типъ писателя эпохи Комниновъ, гордившихся тѣмъ, что они любили писателей и покровительствовали имъ.

I.

До насъ дошло много рукописей съ именемъ Федора Продрома, значительное количество всякаго рода произведеній, не могущихъ, безъ сомнѣнія, всѣ принадлежать этому автору; и только въ послѣдніе годы болѣе внимательные критики взяли на себя трудъ разобраться въ нихъ и привести въ нѣкоторый порядокъ всю эту кучу текстовъ, изъ которыхъ многіе еще не изданы. Не касаясь сущности вопроса, далеко еще не вполне разрѣшеннаго, я напомнимъ только, что самыя послѣднія работы по этому вопросу, повидимому, доказываютъ, что существовало по крайней мѣрѣ два Продрома: жизнь одного можетъ быть отнесена къ 1096—1152 годамъ; отецъ его былъ человѣкъ образованный, изъ хорошаго семейства, дядя Христоръ достигъ высокаго сана митрополита Кіевскаго въ концѣ XI вѣка, и въ честь его Никита Евгеніанъ сочинилъ надгробное слово, заключающее нѣсколько довольно точныхъ подробностей изъ жизни этого чело- вѣка; многочисленныя поэтическія произведенія другого Продрома содержатся, главнымъ образомъ, въ одной знаменитой рукописи, находящейся въ бібліотекѣ св. Марка въ Венеціи, и повидимому онъ жилъ до 1166 года. Надо сознаться, что во многомъ второй похожъ на перваго, какъ братъ; оба всю жизнь осаждали просьбами великихъ міра сего, жаловались на свои болѣзни и на свою нужду, оба окончили свою жизнь въ богадѣльнѣ, гдѣ, благодаря своей настойчивости, въ концѣ концовъ добились для

себя пріюта. И такъ какъ анонимный поэтъ венеціанской рукописи, судя по заглавію нѣкоторыхъ своихъ стиховъ, дѣйствительно, носилъ имя Продрома, легко было бы соединить, — что и дѣлали долгое время, — этихъ двухъ людей въ одного, тѣмъ болѣе, что у нихъ часто были общіе покровители, и они почти всегда вели одинаковый образъ жизни; но мы знаемъ съ одной стороны, что одинъ изъ нихъ умеръ сравнительно молодымъ, а другой безпрестанно жалуется на невзгоды старости, знаемъ, что второй, авторъ венеціанской рукописи, упоминалъ въ одной поэмѣ, написанной несомнѣнно въ 1153 году, о своемъ „другѣ и предшественникѣ“ Продромѣ, „писателѣ знаменитомъ и прославленномъ, звонкой ласточкѣ, пѣвцѣ столь сладкозвучномъ“, умершемъ въ то время, какъ самъ онъ обращался съ этими стихами къ императору Мануилу. Какъ подѣлать между этими двумя тезками, бывшими, быть можетъ, въ родствѣ, огромный литературный багажъ, сохранившійся вплоть до нашихъ дней подъ ихъ именемъ? Кому изъ двухъ приписать честь авторства любопытныхъ поэмъ на простонародномъ греческомъ языкѣ, — о нихъ мы будемъ говорить позднѣе, — о которыхъ иногда замѣчали, и по моему совершенно несправедливо, что онѣ не принадлежать ни тому, ни другому? Это очень спеціальнѣйшій вопросъ, и тутъ не мѣсто имъ заниматься. Чтобы достигнуть цѣли, намѣченной въ этомъ очеркѣ, а именно, показать, что представлялъ придворный поэтъ въ эпоху Комниновъ, и разобрать его отношенія къ могущественнымъ покровителямъ, будетъ, конечно, законно почерпать свѣдѣнія одинаково изъ

произведеній обоихъ авторовъ, бывшихъ приблизительно современниками, имѣвшихъ почти одинаковую судьбу, принявъ, разумѣется, къ свѣдѣнію, что мы хорошо знакомы съ положеніемъ вопроса, допуская существованіе двухъ различныхъ Продромовъ, и имѣя въ виду изобразить лишь общій типъ, часто встрѣчавшійся въ XII вѣкѣ *).

II.

Несмотря на возрожденіе литературы въ эпоху Комниновъ, литература не кормила въ тѣ времена своихъ работниковъ. Правда, въ иные рѣдкіе дни подъема духа Продромъ, несмотря на свою нищету, поздравлялъ себя съ подобнымъ положеніемъ, находя, что бѣдность является всегда спутницей таланта; онъ радовался, что Провидѣніе не надѣлило его „кучами золота, развращающими философскій умъ“, и заявлялъ, съ полнымъ равнодушіемъ къ благамъ этого міра: „Если не возможно быть одновременно философомъ и богатымъ, я предпочитаю оставаться бѣднымъ, но только съ моими книгами“. Однако, такіе припадки гордаго стоицизма были не продолжительны. Большею частью поэтъ съ глубо-

*) Для рѣшенія тонкихъ вопросовъ, на какіе тутъ указано, можно обратиться къ недавно вышедшей русской книгѣ проф. Пападимитріу, *Федоръ Продромъ* (1906) и къ статьѣ того же автора въ *Византійскомъ Временникѣ*, т. X, 1902 г. Въ томѣ IX того же журнала P. Petit напечаталъ надгробное слово Никиты Евгеніана. См. также книгу C. Neumann Griech. Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im XII Jahrh., 1888.

кой грустью замѣчалъ, что всегда „бѣдность бываетъ спутницей знанія“. Въ такія минуты ему хотѣлось бросить за окно свои книги, покинуть Аристотеля и Платона, Демокрита и Гомера, отказаться отъ риторики и философіи, отъ всѣхъ этихъ тщетныхъ вещей, стоившихъ ему въ молодости столько бесполезнаго труда, и не принесшихъ ему ничего, кромѣ нищеты. „Оставь, писалъ онъ тогда, книги, рѣчи, заботы, снѣдающія тебя. Ступай въ театръ, къ мимамъ, къ фокусникамъ. Вотъ что въ почетѣ у глупыхъ людей, а не наука“. И тутъ, припоминая дни своего дѣтства и блестящее образованіе, какое бесполезно дала ему его семья, онъ обращался къ одному изъ своихъ покровителей съ слѣдующими печально шутливыми стихами: „Когда я былъ маленькимъ, мой старый отецъ говорилъ мнѣ: „Дитя моё, учись наукамъ сколько только можешь. Видишь ты этого вотъ человѣка, дитя мое? Онъ ходилъ пѣшкомъ, а теперь у него прекрасная лошадь, и онъ ѣздитъ на откормленномъ мулѣ. Когда онъ учился, у него не было обуви, а теперь, ты видишь, онъ ходитъ въ башмакахъ съ длинными острыми концами. Когда онъ учился онъ никогда не былъ причесанъ, а теперь это прекрасный кавалеръ, всегда съ красивой, тщательной прической. Когда онъ учился, онъ никогда въ глаза не видалъ и двери въ баню, а теперь онъ оmyвается три раза въ недѣлю. Послѣдуй же совѣтамъ твоего отца и посвяти себя всецѣло изученію наукъ“. И я изучилъ науки съ большимъ трудомъ. Но съ тѣхъ поръ, что я сталъ рабочимъ литературы, я алчу хлѣба и мякиша отъ хлѣба. Я поношу литературу и со слезами

говорю: „Господи! да будутъ прокляты науки и тѣ, кто ихъ изучаетъ! Проклятъ будь тотъ день и часъ, когда меня послали въ школу, чтобы учиться наукамъ и стараться зарабатывать тѣмъ себѣ хлѣбъ“. Еслибы сдѣлали тогда изъ меня золотошвея, одного изъ тѣхъ, что зарабатываютъ себѣ хлѣбъ тѣмъ, что изготовляютъ златотканья одежды, я отперъ бы тогда свой шѳапъ и нашелъ бы тамъ хлѣбъ въ изобиліи, вино, ту-нець и макрель; а теперь, если я его отпру, сколько бы ни искалъ по всѣмъ полкамъ, только и увижу, что бумажные мѣшки, набитые бумагами. Я открываю сундукъ, чтобы поискать тамъ кусокъ хлѣба; нахожу маленькій бумажный мѣшокъ. Открываю сундукъ, ищу кошелекъ, ощупываю его думая, нѣтъ ли тамъ денегъ, но онъ набитъ бумагой. Тогда у меня не хватаетъ больше силъ, я падаю отъ истощенія. И въ припадкѣ голода я въ моемъ бѣдственномъ положеніи предпочитаю изученію литературы и грамматики ремесло золотошвея“. Такъ продолжается долго, все въ томъ же родѣ, и поэтъ поочередно сожалѣетъ, что онъ не сапожникъ, не портной, не красильщикъ, не булочникъ, не торговецъ сывороткой, не носильщикъ, не знаетъ ни одного изъ этихъ ремеслъ, доставляющихъ пропитаніе, и можетъ только слышать, какъ ему съ насмѣшкой говорятъ: „А ты, пріятель, ѣшь свои книги! Кормись, бѣдняга, своей литературой!“ *).

Иногда, и болѣе серьезнымъ образомъ, онъ

*) Я заимствовалъ это мѣсто, равно и нѣкоторыя послѣдующія изъ перевода Miller'a, Poèmes vulgaires de Théodore Prodrome (въ его Mélanges de philologie et d'épigraphie).

думаль — это было около 1140 года — покинуть Византію, гдѣ свѣтскія и духовныя лица одинаково презирали духовную жизнь, а императоръ не оплачивалъ по достоинству поэмы, какими онъ его снабжалъ. Онъ думаль послѣдовать за митрополитомъ Стефаномъ Скилицомъ въ далекой Трапезундѣ, такъ какъ этотъ іерархъ отличалъ бѣдные таланты и имъ покровительствовавь и удостаивалъ поэта своей дружбы. Но затѣмъ, несмотря на все, что ему приходилось переносить, онъ не могъ рѣшиться покинуть столицу, гдѣ все надѣялся, поздно ли, рано ли, получить желанную награду и доходъ, который избавилъ бы его отъ нужды. А покуда онъ изъ-за куска хлѣба исполнялъ всякое дѣло, обивалъ пороги сильныхъ міра сего, гдѣ спѣсивые слуги въ прихожей высокомерно и насмѣшливо оглядываютъ съ головы до ногъ дурно одѣтаго и дурно обутаго просителя; присутствовалъ на церемоніяхъ, свадьбахъ, похоронахъ, пышныхъ торжествахъ, ища матеріала, чтобы написать и повыгоднѣе сбыть какую-нибудь поэму, льстя до изнеможенія, жалкій и въ то же время тоску нагоняющій своими усиліями увеселять и заставлялъ смѣяться. „Обливаясь слезами, говорилъ онъ одному изъ своихъ покровителей, стелая и рыдая пишу я стихи, брызжущіе веселостью и хорошимъ расположеніемъ духа. Если я поступаю такъ, то не для своего удовольствія. Но изъ-за этого бѣдственнаго положенія, изъ-за этой бѣготни, продолжительной и отчаянной, какую мнѣ, увы! приходится производить, чтобы отправляться пѣшкомъ во дворецъ или церковь, хочется мнѣ хоть одинъ разъ сказать вамъ правду, какова она есть“.

Такъ прозябалъ въ Константинополѣ литературный пролетаріатъ, состоявшій изъ людей умныхъ, образованныхъ, даже изысканныхъ, которыхъ жизненныя невзгоды чрезвычайно принизили, не говоря о порочности, которая въ единеніи съ нищетой, иногда совершенно выбивала этихъ людей изъ ихъ колеи, совращала съ должнаго пути. „Я иногда немного сбивался съ прямого пути“, признается одинъ изъ такихъ писателей. „Я расцвѣталъ, читаешь у другого, въ цвѣтущемъ саду священнаго писанія и плелъ вѣнокъ изъ розъ всевозможныхъ знаній. Но ожогъ нужды и жало страданья, опустошающій огонь тысячеголоваго чудовища нетрезвости и похоть, сожигающая плоть, страшилище изъ всѣхъ страшилищъ, исказили постыдно мой обликъ и заставили утратить человѣческое достоинство“. Третій былъ женатъ на женщинѣ сердитой и сварливой, осыпавшей его бранью и насмѣшками, прогонявшей его прочь, когда онъ возвращался домой въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ, и въ этихъ семейныхъ невзгодахъ онъ, главнымъ образомъ, видѣлъ предлогъ, веселый сюжетъ, чтобы забавлять одного изъ своихъ покровителей. Дѣло въ томъ, что всѣ эти бѣдныя прежде всего хотѣли жить, а ко всему остальному относились крайне равнодушно. „Я столько же забочусь объ общественныхъ дѣлахъ, говорить Цець, какъ вороны о царствѣ и орлы о законахъ Платона“. Другой такъ резюмируетъ всю свою политику: „Императоръ долженъ дѣлать добро тѣмъ, кто его о томъ проситъ, утѣшать скорбящихъ, имѣть состраданіе къ несчастнымъ“; и прибавляетъ съ наивнымъ безстыдствомъ: „Для

чего трудиться, разъ что это ничего не приноситъ, дѣлать работу, когда это только работа? Если проситель остается безъ вознагражденія, какая выгода просить? Для чего писать, если писатель остается въ безвѣстности и произведеніе его неизвѣстнымъ для того, для кого его авторъ, въ надеждѣ на прибыль, старался и трудился?“

Федоръ Продромъ думалъ точно такъ же. Какъ для того, чтобы нравиться, имѣть успѣхъ, для того, чтобы жить, онъ брался за всѣ свѣтскія дѣла, такъ точно брался онъ за всякія дѣла и въ литературѣ. Ему приписываютъ романы въ стихахъ и шутовскія произведенія, сатиры и поэмы по астрологіи, религіозныя стихотворенія и философскіе трактаты, письма и надгробныя слова, множество произведеній на разные случаи, особенно на выдающіяся событія при дворѣ и въ столицѣ, на побѣды и свадьбы, на рожденіе и смерть, событія, при которыхъ всегда, помощью всевозможныхъ искусныхъ изворотовъ, появляется протянутая рука. Онъ не писалъ только для себя: его перо и остроуміе были къ услугамъ всякаго платящаго. Вѣчно въ поискахъ благопріятнаго случая этотъ поэтъ, въ сущности, былъ лишь придворнымъ слугою, и всѣ, въ подобномъ ему положеніи, были такіе же, заслуживая скорѣе жалость, чѣмъ порицаніе, вполне счастливые, если послѣ всякихъ просьбъ, препонъ и несчастій находили, наконецъ, подъ старость спокойное убѣжище въ какомъ-нибудь богоугодномъ заведеніи. Федоръ Продромъ добился такого убѣжища около 1144 года въ пріютѣ св. Павла для стариковъ; анонимный же поэтъ венеціанской

рукописи около 1156 года поселился въ Манганскомъ монастырѣ св. Георгія послѣ жизни, полной приключеній, заслуживающей быть разсказанной, ибо она не лишена интереса для исторіи византійскаго общества эпохи Комниновъ.

III.

Среди византійскихъ царицъ первой половины XII вѣка нѣтъ ни одной, въ честь которой Феодоръ Продромъ или соименный съ нимъ писатель венеціанской рукописи не слагали бы поэмъ.

Первый въ прозѣ и стихахъ оплакивалъ для Ирины Дуки, вдовы Великаго Алексѣя Комнина, смерть ея сына Андроника. Для Анны Комнины онъ воспѣлъ въ торжественномъ стихотвореніи, по случаю бракосочетанія, свадьбу ея двухъ сыновей. Онъ воспѣвалъ Ирину Венгерскую, бывшую женой Іоанна Комнина, и Ирину Германскую, первую жену Мануила. Тезка его восхвалялъ всѣхъ прекрасныхъ особъ, стоявшихъ близко къ императорскому дому, племянницъ, кузинъ царя. Но среди этихъ знаменитыхъ покровительницъ имя и семья одной въ особенности часто появляются въ венеціанской рукописи, и, повидимому, второй Продромъ былъ ея главнымъ поэтомъ: это севастократорисса Ирина, свояченица императора Мануила.

Она была женой севастократора Андроника, второго сына царя Іоанна Комнина и, какъ большинство знатныхъ дамъ того времени, это была женщина чрезвычайно образованная, любившая литературу. Она поддерживала отношенія съ нѣкоторыми изъ наиболѣе знаменитыхъ писателей

своего времени. Это по ея просьбѣ и для нея написалъ Константинъ Манасси свою лѣтопись въ стихахъ, и въ прологѣ къ этому произведенію авторъ воспѣлъ, какъ полагалось, эту царицу, „большую любительницу литературы“, всегда стремящуюся къ расширенію своихъ познаній, страстно любящую книги, горячую поклонницу краснорѣчія, посвящавшую наукѣ лучшее время своей жизни. Онъ восхвалялъ также ея щедрость, ея обильные подарки, которые, подобно росѣ, приносили непрестанно возстановляющій силы отдыхъ для писателей, работавшихъ на нее; къ этому слѣдуетъ прибавить, такъ какъ это составляло рѣдкое явленіе въ тѣ времена, что онъ восхвалялъ свою покровительницу съ большой сдержанностью и скромностью, самъ стараясь подчеркнуть такой свой пріемъ: „Я смолкаю, пишеть онъ, изъ страха, чтобы кто-нибудь не нашель мои слова слишкомъ льстивыми“,—явный намекъ на преувеличенную и низкопробную лесть какого-нибудь Федора Продрома и ему подобныхъ, въ чемъ въ то же время обнаруживается нѣсколько презрительное отношеніе къ придворнымъ поэтамъ людей ихъ времени.

Образованная и щедрая Ирина жила среди тѣснаго кружка писателей. Какъ она обратилась къ Манасси, прося его быть ея учителемъ исторіи, такъ же обратилась она и къ Іоанну Цецу, чтобы тотъ составилъ для нея толкованіе Теогоніи Гезіода и поэмъ Гомера; и имѣя ее же въ виду, ученый грамматикъ, какъ нѣкогда для императрицы Ирины, принялся писать теперь, какъ онъ говорилъ, новую „женскую книгу“, и въ предисловіи къ ней упоминалъ о благодѣя-

ніяхъ, какими осыпала Ирина его, неимущаго, и высказывалъ свою радость работать для нея. Впрочемъ и онъ также, подобно другимъ писателямъ, былъ всегда готовъ усиленно домогаться, и въ прозѣ, и въ стихахъ, всякихъ милостей и даровъ отъ своей покровительницы, и порой жаловался, что секретари княгини не выказывали довольно рвенія въ исполненіи ея щедрыхъ намѣреній, и что отсутствіе съ ихъ стороны добраго желанія лишало его плодовъ работы. Кромѣ того Ирина вела очень интересную переписку съ однимъ монахомъ Іаковомъ, бывшимъ, повидимому, однимъ изъ близкихъ къ ней людей; и въ этихъ письмахъ, на ряду съ исторіей несчастій, какимъ она подвергалась, встрѣчаются указанія на ея литературные вкусы, на „ея аттическій языкъ“ и на ея любовь къ стихамъ Гомера, „—твой милый Гомеръ“ какъ выражается корреспондентъ княгини. Возможно, наконецъ, что Ѳеодоръ Продромъ работалъ для нея, хотя мнѣ кажется все же сомнительнымъ, чтобы можно было, дѣйствительно, приписать ему всѣ поэмы, посвященныя севастократориссѣ и сохранившіяся подъ его именемъ. Но во всякомъ случаѣ она въ теченіе многихъ лѣтъ имѣла на своей службѣ поэта венеціанской рукописи, и многочисленныя произведенія, посвященныя имъ ей и ея близкимъ, освѣщаютъ съ интересной стороны одновременно какъ жизнь этой замѣчательной женщины, такъ и жизнь писателя, бывшаго ея придворнымъ, а также ея вѣрнымъ слугой.

Повидимому, поэтъ еще съ раннихъ лѣтъ сталъ посѣщать севастократора Андроника. „Я принадлежалъ вамъ, говоритъ онъ гдѣ то своей

покровительницѣ, отъ самой колыбели“. Не разъ дѣлалъ онъ принца повѣреннымъ своихъ несчастій, описывая ему жалкое существованіе такихъ бѣдныхъ людей, какъ онъ, „получившихъ единственное наслѣдство—бѣдность, имѣющихъ большія траты и малые доходы“; и онъ пытался, въ шуточномъ разсказѣ описывая ему свои бѣды, растрогать его своей бѣдностью и добиться увеличенія пенсіи, которую выдавалъ ему Андроникъ. Въ то же время онъ сочинялъ небольшія стихотворенія для его жены, которая та прилагала къ дѣлаемымъ ею церкви благочестивымъ дарамъ; онъ посвятилъ ей астрологическую поэму и съ этой минуты сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Поэтому, когда въ 1143 году, во время похода въ Киликію, Андроникъ умеръ отъ лихорадки въ Атталіи, оставивъ жену свою вдовой съ пятью дѣтьми, севастократорисса никому другому какъ нашему поэту поручила написать длинное надгробное слово, гдѣ Ирина якобы выражала свое огорченіе и гдѣ, несмотря на напыщенное многословіе, слышится порой голосъ искренней скорби. Съ этого времени онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ оставался вѣрнымъ и горячо преданнымъ своей покровительницѣ.

Венеціанская рукопись заключаетъ въ себѣ около пятидесяти поэмъ, относящихся къ севастократориссѣ и къ ея близкимъ, и составляетъ въ общемъ до 7000 стиховъ. То это маленькія изреченія, предназначенныя, какъ приложеніе, къ вышитымъ золотомъ и бисеромъ воздухамъ, дорогимъ покровамъ на священные сосуды, которые благочестивая Ирина жертвовала на церкви; и нерѣдко

случалось, что эти краткія стихотворенія были вышиты на самыхъ тканяхъ жертвуемыхъ Ириной предметовъ. То это были стихи, сочиненные по случаю какихъ-нибудь большихъ семейныхъ торжествъ, поэмы, довольно пространныя и которыя читались съ большою торжественностью. По поводу всякаго событія въ жизни Ирины нашъ писатель былъ всегда готовъ сочинить подходящее къ данному случаю произведеніе; по случаю дня ея рожденія и по случаю ея выздоровленія, по случаю брака ея сына Іоанна, протосеваста и протовестіарія, по случаю брака ея дочери Θεодоры съ герцогомъ Австрійскимъ, по случаю брака ея внучки Ирины; такъ же точно воспѣвалъ онъ подвиги ея сыновей, добродѣтели ея дочерей, заслуги ея зятьевъ, и всѣмъ онъ преподносилъ лестныя стихотворенія; равно и по случаю вдовства ея дочери Евдокіи, по поводу отъѣзда или возвращенія ея дочери Θεодоры, по случаю отъѣзда въ армію ея сына Алексѣя онъ отправлялъ севастократориссѣ посланія въ стихахъ съ выраженіемъ соболѣзнованія или поздравленіемъ. Впрочемъ, онъ крайне ею восхищался и отнюдь не скрывалъ этого отъ нея. Когда онъ говорилъ съ ней, самыя лестныя слова сами собой такъ и ложились ему подъ перо. Ирина была для него „мудрая, гармоничная, воплощенная мысль Аѳины“; онъ восхвалялъ „ея душу, полную благорасположенія, ея душу, милосердную, какъ у Христа“; онъ напоминалъ, какъ она любила одновременно добро и литературу. И повидимому это не были пустыя завѣренія въ преданности. Поэтъ не разъ становился выразителемъ печалей и сѣтованій севастократориссы и

дѣлалъ это иногда съ не лишенной извѣстнаго достоинства смѣлостью.

Послѣ потери мужа Ирина увидала, что положеніе ея при дворѣ вдругъ разомъ измѣнилось. Одно время, когда смерть унесла Алексѣя, старшаго сына императора Іоанна Комнина, она могла съ полнымъ основаніемъ льстить себя надеждой, что вмѣстѣ съ своимъ мужемъ взойдетъ на престолъ, и друзья ея, повидимому, съ радостью заранѣе привѣтствовали ее, какъ будущую императрицу. Преждевременная смерть Андроника убила эти надежды, и съ самаго начала новаго царствованія севастократорисса, повидимому, впала въ немилость у своего зятя Мануила. Въ первый разъ въ 1144 году, вслѣдствіе клеветническаго навѣта, она была заточена въ Большомъ дворцѣ, а затѣмъ сослана на Принцевы острова; имущество ея было конфисковано, дѣти ея удалены отъ нея, и она даже жалуется, что подверглась дурному обращенію со стороны тюремщиковъ, которымъ было поручено стеречь ее. Однако, ей удалось оправдаться, и ее вновь водворили къ роднымъ. Ея всегдашній поэтъ въ трогательныхъ выраженіяхъ воспѣлъ ея возвращеніе въ родной домъ и полное признаніе ея невинности. Тѣмъ не менѣе, основательно или нѣтъ, но Ирина казалась опасной. Въ 1148 году она была вторично обвинена, на этотъ разъ въ заговорѣ на жизнь императора, и безъ слѣдствія, безъ суда ее сначала удалили изъ столицы, а затѣмъ заключили во Влахернскомъ дворцѣ; въ то же время ее лишили всѣхъ привилегій и даже одеждъ, принадлежавшихъ ея императорскому званію, такъ что она могла съ печалью сказать:

„Въ этомъ дворцѣ, гдѣ я когда-то знала благоденствіе, гдѣ красовалась, подобно цвѣтку, теперь я томлюсь узницей, и когда вспоминаю о былыхъ почестяхъ, о минувшихъ радостяхъ и удовольствіяхъ, скорбь моя увеличивается, и тяжесть несчастья усугубляется“. Она оставалась тутъ болѣе десяти мѣсяцевъ, послѣ чего ее, больную, перевезли въ монастырь Вседержителя. Только спустя довольно много времени, около 1151 года, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ, благодаря ходатайству ея сына и зятя передъ императоромъ, она получила, наконецъ, помилованіе. Все же ей пришлось покинуть Константинополь и послѣдовать въ Болгарію за сыномъ своимъ Іоанномъ, назначеннымъ губернаторомъ этой провинціи.

Въ продолженіе этихъ мучительныхъ лѣтъ нашъ поэтъ сдѣлался отголоскомъ ея жалобъ, истолкователемъ ея печалей, историкомъ ея несчастій. Въ цѣломъ рядѣ произведеній, гдѣ большей частью слово принадлежитъ какъ бы ей самой, онъ заставляетъ ее безконечно рассказывать горестныя событія ея жизни; какъ послѣ смерти своего обожаемаго мужа она потеряла всякую надежду, всякая радость у нея исчезла,—явный намекъ на надежду взойти на престоль, взлелѣянную раньше и утраченную; какъ трижды императоръ со всей суровостью обрушивался на нее, и какъ „подобно воску на огнѣ“, она таяла отъ его гнѣвнаго дыханія; какъ, находясь на днѣ пропасти, куда ее ввергли, заживо погребенная, она только одного ждетъ и желаетъ—это смерти. „Я испытала, говоритъ она въ одномъ мѣстѣ, различныя и невыносимыя муки. Доносчики взводили на меня всякія клеветы;

языкъ ихъ, какъ мечъ, ранилъ меня, поносилъ, разилъ. Я была удаляема, изгоняема; я доходила до самыхъ дверей Лида“. И въ другомъ мѣстѣ: „Я извѣдала всевозможныя страданія, испытала всевозможную тиранію. Я была въ тюрьмѣ, была въ изгнаніи; я подвергалась оскорбленіямъ, меня лишили дѣтей, я видѣла презрѣніе къ себѣ со стороны моихъ близкихъ, подвергалась обвиненіямъ со стороны моихъ служителей, видѣла всякія бѣды, всякія униженія; я видѣла радость моихъ враговъ. Но, несмотря на все это, я живу“. Непрестанно новыя несчастія присоединялись къ прежней напасти. Бракъ по политическому расчету лишилъ ее дочери ея Θεодоры, предавъ ее тому, кого поэтъ называетъ „звѣремъ Запада“. „И я оплакивала мою дочь, говоритъ Ирина, какъ если-бы она была мертвая“. По приказанію императора у нея отняли сына Алексѣя, самага младшаго изъ ея дѣтей, чтобы отправить его въ армію. Дочь ея Марія была далеко отъ нея, дочь Евдокія вдовѣла и должна была скоро скомпрометировать себя съ красавцемъ Андроникомъ Комнинымъ. И она оставалась одна, больная, жалкая, „новая Гекуба, лишенная своихъ дѣтей“.

Несомнѣнно въ этихъ жалобахъ есть нѣкоторая доля преувеличенія. Ея сыновья и зять Іоаннъ Кантакузинъ были на очень хорошемъ счету у императора Мануила; дочери ея Маріи было разрѣшено навѣщать ее въ ея убѣжищѣ, — монастырѣ Вседержителя; дочь ея Θεодора пріѣзжала изъ Германіи, чтобы видѣться съ нею. Однако, сама она, повидимому, несомнѣнно подвергалась довольно суровому обращенію. Въ прошеніи, поданномъ ея поэтомъ отъ ея имени

императору Мануилу въ моментъ ея заточенія во Влахернахъ, она въ крайне яркихъ выраженіяхъ и приводя точныя подробности, жалуется на униженія и всевозможныя наказанія, какимъ ее подвергали. Дѣло идетъ о тюремщикахъ мужского пола, которымъ, противно обычаю, была поручена Ирина во время ея перваго изгнанія; тутъ упоминается даже о побояхъ, какимъ она была подвергнута. Въ особенности говорится тутъ о совершенно незаконномъ обращеніи, какое позволили себѣ съ севастократориссой; и относительно этого пункта, несмотря на мольбы, которыми полно это посланіе, Ирина не можетъ удержаться отъ протеста, выраженнаго не безъ извѣстной смѣлости и гордости: „Я не отказываюсь, чтобы меня судили, говоритъ она, я не бѣгу отъ суда; я не боюсь ни обвинителя, ни доносчика. Пусть онъ явится, я вызываю его, пусть предстанетъ на судъ, пусть говоритъ и пусть предъявитъ доказательства моего преступленія“. Въмѣсто этого, она была осуждена безъ слѣдствія, безъ суда, безъ очной ставки съ своимъ обвинителемъ. „Зачѣмъ, пишетъ она императору, обвиняешь ты человѣческое существо по одному подозрѣнію? зачѣмъ по простому доносу наказуешь того, кто не могъ защитить себя? Почему не разыскиваешь того, кто обвиняетъ меня? Не довольствуйся словами, но требуй доказательствъ“. Что касается ея, она требуетъ, чтобы съ ней обращались согласно закону, и готова нести наказаніе, если будетъ справедливо осуждена. Но она хочетъ суда праведнаго, безпристрастнаго. „Въ отношеніи другихъ людей, настойчиво говоритъ она дальше,

ты не полагаешься на слова, ты требуешь подтвержденія фактами. Но относительно меня ты предалъ забвенію всѣ усвоенные обычаи: ты наказуешь меня, не судивъ раньше, ты обвиняешь меня по одному простому слову; и въ моемъ дѣлѣ двѣ вещи одинаково прискорбны: судъ и наказаніе, которые оба противорѣчатъ закону“.

Требовалась извѣстнаго рода смѣлость для бѣднаго литератора, писавшаго отъ имени севастократориссы, чтобы рѣшиться высказать императору такую жестокую правду. Впрочемъ, къ чести нашего поэта надо сказать, что онъ во всемъ этомъ дѣлѣ доказалъ большую смѣлость и преданность своей впавшей въ немилость покровительницѣ. Онъ старается утѣшать ее, ищетъ для нея поддержки. Онъ пишетъ ея зятю Іоанну Кантакузину, ея сыну Іоанну Комнину, чтобы заинтересовать ихъ въ судьбѣ Ирины, напоминая одному, что „для матери слѣдуетъ безъ колебанія пожертвовать даже своею жизнью“, другому, — что вся Византія возмущена несправедливой опалой Ирины. Онъ поддерживаетъ ее въ ея заточеніи; и когда, наконецъ, пришло помилованіе, онъ безъ колебаній, хоть и съ сожалѣніями, покинулъ столицу, чтобы послѣдовать за своей благодѣтельницей въ Болгарію. „Разлука, говорилъ онъ, дѣлая красивое сравненіе, это разрываніе души“. Онъ не могъ перенести этой мысли и послѣдовалъ въ изгнаніе за той, которой, какъ онъ о томъ съ гордостью упоминалъ, служилъ „вѣрой и правдой“ уже цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ.

Въ этой вѣрности была доля заслуги. Правда,

что, подобно другому писателю, Гликъ, также впавшему въ немилость вслѣдствіе опалы, постигшей Ѳедора Стипіота, онъ тѣмъ сильнѣе привязывался къ своей покровительницѣ, чѣмъ больше Ирина, подпадая опалѣ, навлекала и на него немилость императора, и что, несмотря на многочисленныя поэмы, сложенныя имъ въ честь Мануила, онъ не надѣялся получить отъ него никакой милости. Наоборотъ, въ видѣ возмѣщенія, онъ разсчитывалъ на щедроты севастократориссы и ея сына, полагая, что онѣ были имъ вполне заслужены. И это онъ прямо высказывалъ безъ всякихъ прикрасъ: „У меня остается одна надежда — на вашу христіанскую и милосердную душу. Умоляю васъ, не обманите этой единственной остающейся у меня надежды; не заставьте меня ожидать напрасно“. Само собой разумѣется, онъ, быть можетъ, надѣялся также и на то, что въ этой Византіи съ ея постоянными революціями, благодаря какому-нибудь повороту судьбы, благодѣтельница его возвратится ко двору, и, дѣйствительно, она позднѣе возвратилась въ Константинополь. Тѣмъ не менѣе преданность нашего поэта дѣлаетъ ему нѣкоторую честь и показываетъ, что онъ стоилъ лучшаго — по крайней мѣрѣ въ извѣстныя времена — чѣмъ это можно подуматъ по общему тону его произведенія.

Во всякомъ случаѣ надо прибавить, что ему довольно скоро надоѣло его пребываніе въ Болгаріи. Несмотря на его привязанность къ Иринѣ, ему не доставало Константинополя. Онъ сожалѣлъ, по слову поэта, „о миломъ дымѣ отечества“, онъ скучалъ въ сырой и печальной странѣ, куда его

закинула судьба. Кромѣ того, онъ чувствовалъ себя старымъ, больнымъ; ему нужно было жить въ такомъ мѣстѣ „гдѣ можно найти лѣкарства и больницы“; ему вспоминалось также, что еще много лѣтъ назадъ Ирина и ея сынъ обѣщали ему пріютъ въ монастырѣ св. Георгія Манганскаго. Не безъ колебанія, онъ сталъ просить объ отпускѣ, напоминая о своихъ многократныхъ и добросовѣстныхъ заслугахъ, моля объ одной только милости,—чтобы его отправили въ Византію, гдѣ бы онъ могъ продолжать во дворцѣ все еще принадлежавшемъ Иринѣ оставаться членомъ ея дома. „Я бы отнюдь не хотѣлъ, говорилъ онъ, мѣнять условія положенія или удалиться; я не хочу разлуки, изгнанія“. Но онъ нуждался въ отдыхѣ, а Ирина нуждалась въ служителяхъ молодыхъ и сильныхъ. Поэтому онъ просилъ о почетной отставкѣ. „Я отнюдь не прошу о роскоши; я прошу только, чтобы было чѣмъ жить“.

Желаніе его было исполнено. Въ 1152 году онъ возвратился въ Византію и тутъ, такъ какъ надо было существовать и пріемъ его въ Манганскій монастырь зависѣлъ отъ императора, нашъ поэтъ обратился къ Мануилу. Монархъ долго оставался глухъ ко всѣмъ просьбамъ бѣднаго литератора, и послѣдній горько жаловался, что императоръ даже и взглянуть не хочетъ на его стихи. Однако, въ концѣ концовъ, и, быть можетъ, благодаря тому, что Ирина снова вошла въ милость, онъ добился послѣ многихъ и упорныхъ просьбъ и не разъ обманутыхъ надеждъ, что ему назначили пенсію, о которой онъ мечталъ. Въ 1156 г. онъ вступилъ въ Манганскій мо-

настырь и сталь тамъ жить, продолжая писать стихи въ честь своихъ могущественныхъ покровителей и сохраняя, повидимому, глубокую привязанность къ севастократориссѣ. Онъ писалъ ей, чтобы извѣщать о своемъ здоровьѣ, объ операціяхъ, какимъ долженъ былъ подвергнуться; и само собою разумѣется, что онъ сильно надѣялся получить такимъ образомъ какое-нибудь новое доказательство ея обычной щедрости. Онъ умеръ въ своемъ монастырѣ вѣроятно нѣсколько позднѣе 1166 года—самая послѣдняя его поэма помѣчена этимъ годамъ, — и что бы мы ни думали объ этомъ человѣкѣ, во всякомъ случаѣ жизнь его представляетъ дѣйствительный интересъ сколько по тому, что изображаетъ намъ положеніе въ Византіи литераторовъ, столько и потому, что знакомитъ насъ съ этой печальной Ириной, писательницей изъ императорскаго дома и покровительницей литераторовъ, которую одинъ изъ обласканныхъ ею картинно называлъ „сиреной краснорѣчія“.

IV.

Отнюдь не одной только превратностью своей судьбы интересуютъ насъ эти придворные поэты: гораздо интереснѣе они по своему таланту.

Въ своихъ сатирическихъ діалогахъ, въ своихъ памфлетахъ, въ своихъ эпиграммахъ Федоръ Продромъ, когда онъ не имѣетъ намѣренія льстить, остроуменъ, мѣтокъ до такой степени, что порой напоминаетъ Лукіана. У него есть стиль, несмотря на манерность, въ какую слишкомъ часто любитъ облекаться его мысль; у

него есть грація, несмотря на длинноты, портящія почти всѣ его произведенія. Наконецъ, у него есть оригинальность, что такъ сильно отличаетъ его отъ напыщенности и официальнаго тона его эпохи. Хотя онъ и вращался среди знати, Федоръ Продромъ на самомъ дѣлѣ не принадлежалъ къ высшему свѣту. Онъ не претендуетъ на придворный лоскъ, и точно также языкъ его не подчиняется сухимъ и размѣреннымъ формамъ, бывшимъ въ употребленіи въ высшемъ обществѣ. Съ свойственной ему народной грубостью и находчивостью онъ высмѣивалъ нѣкоторые недостатки, которыми страдали люди его времени. Въ своемъ діалогѣ, озаглавленномъ Палачъ или медикъ, онъ больно бичуетъ плохихъ врачей и шарлатановъ, которыми былъ полонъ Константинополь; въ Амарантѣ или любви старика онъ въ смѣшномъ видѣ изображаетъ исторію бѣдной дѣвушки, осужденной выйти замужъ за богатаго старика. Въ другой вещи онъ осмѣялъ невѣжды, выдающихъ себя за литераторовъ, глупцовъ, которые изъ желанія прослыть за философовъ иначе не появляются въ обществѣ, какъ съ томомъ Платона въ рукахъ, безмозглыхъ людей, которые, отпуская себѣ бороду, думаютъ тѣмъ самымъ приобрѣсти видъ глубоко ученыхъ мужей. Точно также высмѣивалъ онъ нѣсколько Perezrѣлыхъ мужчинъ, берушихъ себѣ въ жены слишкомъ молодыхъ женщинъ, состарѣвшихся куртизанокъ, при чемъ охотно отправляетъ ихъ къ Церберу, въ то же время сомнѣваясь, захочетъ ли собака ада вцѣпиться зубами въ ихъ жесткую кожу; и во всемъ этомъ видна острая и забавная наблюдательность

надъ дѣйствительностью, что придаетъ его поэмамъ безспорный интересъ, въ смыслѣ знакомства съ исторіей общества, въ особенности общества литераторовъ его эпохи.

Но Продромъ не забавлялся только описаніемъ нравовъ своего времени или недостатковъ своихъ собратій по перу. Ему мы обязаны также произведеніями, сочиненными въ болѣе народномъ духѣ, поэмами, написанными народнымъ греческимъ языкомъ, гдѣ еще болѣе вольное остроуміе, болѣе простой языкъ и болѣе грубый тонъ показываютъ, какъ близокъ народу этотъ ѣдкій писатель, насмѣшникъ и балагуръ. Тутъ можно найти выхваченныя прямо изъ повседневной жизни Константинополя, изъ быта мелкихъ ремесленниковъ, маленькія картинки, написанныя съ удивительной правдой и искренностью, которыя даютъ полное удовлетвореніе и очень поучительны. Вотъ, на примѣръ, исторія счастливаго сапожника.

„Есть у меня сосѣдъ сапожникъ, нѣчто въ родѣ псевдобашмачника: это любитель лакомыхъ кусочковъ, весельчакъ и кутила. Чуть забрезжитъ заря: „Сынъ мой, говоритъ онъ, надо вскипятить воды. Вотъ тебѣ, мое дитя, деньги, чтобы купить рубцовъ, а вотъ еще, чтобы взять валашскаго сыру. Дай мнѣ позавтракать, прежде чѣмъ я примусь за подметку подошвъ“. Когда онъ вдосталь упишетъ рубцовъ и сыру, ему надо налить четыре большихъ стакана вина: онъ пьетъ и икаетъ, затѣмъ ему еще подливаютъ. Но когда наступаетъ время обѣда, онъ бросаетъ колодку, рѣзакъ, шило и говоритъ своей женѣ: „Хозяйка, накрывай на столъ. Первымъ блюдомъ ставь

вареное мясо, вторымъ рыбный соусъ, третьимъ мясной, да смотри, чтобы онъ не кипѣлъ“. Когда подадутъ на столъ, онъ вымоетъ руки и садится. А у меня проклятіе, чуть только обернусь и увижу, какъ онъ сидитъ передъ всей этой ѣдой, слюнки начинаютъ течь, такъ и бѣгутъ, ручьями, изо рта. Онъ же сидитъ себѣ и уписываетъ все, что ему настряпали. Я шагаю назадъ и впередъ и считаю стопы въ моихъ стихахъ, а онъ потягиваетъ, да потягиваетъ изъ большого стакана. Я ищу ямбы и спондеи, выжимаю изъ себя пиррихи и другіе размѣры. Но на что мнѣ всѣ эти размѣры, когда у меня отъ голоду подводитъ животъ? Что за великолѣпный мастеръ этотъ сапожникъ! Онъ прочелъ молитву передъ обѣдомъ и принялся жевать“.

А вотъ далѣе еще мелкіе ремесленники разносчики, оглашающіе своими криками византійскія улицы: продавецъ сыворотки съ своей тыквенной бутылкой на спинѣ идетъ и кричитъ во весь голосъ: „Вотъ сыворотка, покупательницы, вотъ сыворотка“, и торговецъ тканей или мельницъ для перцу развозитъ свой товаръ по улицамъ и кричитъ: „Дамы и работницы, добрыя хозяйки, пожалуйста, пожалуйста, вотъ матеріи для обивки, вотъ мельницы, чтобы хорошо молотъ вашъ перецъ“. Вотъ бродячій портной, и его зазываютъ: „Сюда, мастеръ, ступай сюда къ намъ! почини мнѣ платье и получи что слѣдуетъ“, или вотъ носильщикъ, что трудится, не покладая рукъ, цѣлый день, а вечеромъ получаетъ свой ужинъ, и маленькій стаканчикъ вина до краевъ, и добрую порцію рагу“. Вотъ діалоги у булочницы: „Госпожа, госпожа булочница, я не мужъ вамъ,

ну, а все же дайте мнѣ погрызть немного этого чудеснаго бѣлаго хлѣба“. Словомъ, тутъ весь будничный Константинополь, гдѣ кипитъ жизнь со всѣми мелкими заботами и нуждами, такъ непохожая на жизнь двора. И въ этомъ двойной интересъ произведеній Продрома и подобныхъ ему писателей, что на ряду съ ихъ произведеніями, написанными на разные случаи и столь поучительными для ознакомленія съ исторіей политики и жизни высшаго свѣта въ эпоху Комниновъ, ихъ народныя поэмы открываютъ намъ иное, не менѣе любопытное, зрѣлище; проливая свѣтъ на общество, о которомъ безъ нихъ мы не имѣли бы никакого представленія.

Это еще не все. Съ раннихъ поръ въ византійской имперіи на ряду съ греческимъ языкомъ, на которомъ писали, созданъ языкъ простой, разговорный, чрезвычайно богатый по количеству и выразительности формъ и оборотовъ. Писатели-пуристы эпохи Комниновъ, хваставшіеся тѣмъ, что вновь слѣдуютъ въ своихъ произведеніяхъ правиламъ аттической рѣчи, само собою разумѣется, не могли не презирать народный греческій языкъ, не отличавшійся изяществомъ. Со стороны Феодора Продрома является большой заслугой, что онъ ввелъ простонародный языкъ въ литературу и даже важныхъ людей, своихъ покровителей, заставилъ принять его и признать. Правда, большею частью онъ пользовался классическимъ греческимъ языкомъ, которымъ при этомъ великолѣпно владѣлъ. Но иногда, ради забавы, чтобы придать своимъ повѣстямъ изъ простонароднаго быта болѣе реализма и болѣе юмора своимъ комическимъ

разскажамъ онъ, не задумываясь, переходилъ на народный языкъ и въ этой области онъ является творцомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что когда Феодору Продрому случалось гордиться своей ученостью, своимъ образованіемъ и писательскими талантами, когда онъ тщеславился ими, въ сущности онъ имѣлъ на то право. И эта его наивная гордость довольно хорошо обрисовываетъ въ немъ обликъ писателя, дополняя его. Гдѣ-то въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ довольно забавно противопоставляетъ великимъ проповѣдникамъ, „новымъ Моисеямъ и новымъ Ааронамъ, громящимъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, вѣщающимъ съ трубнымъ гласомъ вмѣстѣ съ Павломъ и у которыхъ съ устъ не сходятъ изреченія Священнаго писанія“, бѣдныхъ литераторовъ, этихъ „рабовъ матеріи, вынужденныхъ жертвовать главнымъ въ жизни, чтобы поддѣлаться подъ пустые свѣтскіе нравы и обычаи, отдающихъ философіи то время, какое могутъ урвать у этихъ обязанностей“. Чувствуется, что онъ гордится тѣмъ, что принадлежитъ къ послѣднимъ, и что въ отношеніи своихъ обязанностей, въ ихъ цѣломъ, онъ хорошо знаетъ себѣ цѣну, какъ писателя, какъ таланта. И дѣйствительно, его современники, повидимому, высоко ставили его, какъ писателя. Раньше мы видѣли, въ какихъ лестныхъ выраженіяхъ говорить о немъ его собратья по перу, поэтъ венеціанской рукописи. Въ другомъ мѣстѣ его называютъ „философомъ“, „прославленнымъ среди мудрыхъ“. Какія бы бѣдствія существованія ни испыталъ онъ, судьба даровала его самолюбію писателя нѣкоторыя воз-

мѣщенія, довольно хорошія и вполнѣ имъ заслуженныя.

V.

Никакихъ другихъ утѣшеній, если вѣрить ему, жизнь ему не принесла. Ко всѣмъ несчастіямъ, уже извѣстнымъ намъ, къ бѣдности, къ болѣзнямъ, къ разочарованіямъ, прибавлялось еще одно: онъ былъ женатъ и женатъ плохо. Женился онъ на дѣвушкѣ изъ хорошаго дома и имѣлъ отъ нея четырехъ дѣтей. Но это была женщина нрава сварливаго и тяжелаго, къ тому же озлобленная бѣдностью и тѣмъ, что вышла за человѣка, ниже ея стоявшаго. Поэтому въ домѣ происходили постоянныя сцены; и такъ какъ молодая дама была проворна на руку, вмѣстѣ съ попреками сыпались также и пощечины. Продромъ, очень боявшійся жены, утѣшался тѣмъ, что убѣгалъ изъ дому и спасался въ кабачкахъ. Но возвращенія домой бывали тяжелы, и поэтъ чувствовалъ себя порой при этомъ довольно плохо. Правда, что за то его семейныя несогласія послужили ему матеріаломъ для шуточной поэмы, предназначенной для забавы императора. Эта пьеса дошла до насъ; она писана простымъ языкомъ, это безусловно единственное въ своемъ родѣ произведеніе во всей греческой литературѣ. Правда, очень вѣроятно, что по поводу сюжета, доставившаго матеріалъ для столькихъ сценъ въ комедіи, поэтъ далъ полную волю своему остроумію, и было бы, поэтому, неосновательно принимать буквально всѣ подробности очевидно преувеличеннаго разсказа. Тѣмъ не менѣе пьеса

сохраняетъ весь свой интересъ тѣмъ, что показываетъ намъ семейную жизнь мелкой буржуазіи въ Византіи XII вѣка.

„Государь, такъ начинается поэтъ, какъ будто впадая въ шуточный тонъ, я подавленъ страшнымъ несчастіемъ, сраженъ ужаснымъ горемъ. У меня пренепріятная болѣзнь, я испытываю боли, но какія! Услыхавъ слово болѣзнь, не подумайте уже чего-нибудь такого. Не думайте, что у меня по срединѣ лба выросли рога, что я страдаю болѣзнию сердца, воспаленіемъ или перитонитомъ. Нѣтъ, зло, какое я претерпѣваю, это сварливая и бранчливая жена“. Непрестанно осыпаетъ она бѣднягу бранью и насмѣшками. „Сударь, вы неряшливы. Что такое, сударь! Что вы говорите? Что вы тамъ заработали, сударь? Сударь, что вы купили? Какое платье, какой костюмъ мнѣ заказали? Какую нижнюю юбку мнѣ подарили? Никогда не видала я пасхальнаго подарка. Вотъ двѣнадцать лѣтъ, что я терплю съ вами всякія лишенія и нищету, и никогда не носила я шелковаго платья, никогда не было у меня кольца на пальцѣ, ни единого браслета, какимъ могла бы украситься. Ни разу не вошла я въ ванну, чтобы не выйти оттуда опечаленной. Ни одного дня не поѣла я досыта, изъ страху что придется потомъ голодать въ теченіе двухъ дней“.

Съ свойственнымъ женщинамъ противорѣчіемъ эта дама позднѣе упрекаетъ своего мужа даже за подарки, какіе онъ ей дѣлалъ: „Вы знаете тотъ козакъ, что мнѣ подарили,—можете его взять обратно. Берите назадъ мой шелковый плащъ, мой высокій головной уборъ, мое желтое платье

съ крупными разводами. Подарите ихъ кому-нибудь, продайте ихъ, отдайте, кому пожелаете“. Затѣмъ слѣдуютъ упреки относительно состоянія дома. „Вы живете въ моемъ домѣ и ни капли о немъ не заботитесь. Мраморъ растрескался, потолокъ обваливается, черепица разбита, крыша загнила, стѣны покосились, садъ заглохъ. Не осталось ни одного украшенія, ни штукатурки, ни раскраски, ни мраморной выставки. Всѣ двери расшатаны, рѣшетки обломаны, заборы валяются въ саду. Вы не исправили ни одной двери, не замѣнили ни одной доски, даже въ зимнюю пору. Не переложили черепицы, не подняли стѣны, не позвали каменщика, чтобы починить ее. Вы не купили ни одного гвоздя, чтобы вбить его въ дверь“. Въ этомъ разоренномъ жилищѣ всю службу несетъ женщина: она смотритъ за дѣтьми, ткеть одежды, управляетъ дѣлами, бѣгаетъ, хлопочетъ до изнеможенія, въ то время какъ мужъ бездѣльничаетъ, шатаясь по кабакамъ и вкусно ѣстъ. Наконецъ, въ довершеніе, она раздражается жалобами на свой неравный бракъ. „Да посмотри же на меня немного, мой милый, слышишь? Я пользовалась почетомъ, а ты простой носильщикъ; я была благородной, а ты бѣдный горожанинъ. Ты спалъ на циновкѣ, а я на кровати. У меня было богатое приданое, а у тебя одна ножная ванна. У меня было золото и серебро, а у тебя тазы, квашня да большой котелъ. Ну, такъ вотъ что: если тебѣ хотѣлось обмануть, соблазнить дѣвушку и жениться на ней, ты долженъ былъ выбирать себѣ равную, какую-нибудь дочь кабатчика, какую-нибудь безприданницу, хромоую и покрытую веснушками, или какую-

нибудь замарашку изъ предмѣстья. Но для чего было увиваться за мной, за бѣдной сиротой, за чѣмъ преслѣдовать меня приставаніями и соблазнительными рѣчами?“

Тщетно подъ градомъ всѣхъ этихъ упрековъ склоняетъ мужъ голову и старается успокоить свою разгнѣванную половину. Госпожа плачетъ, рветъ на себѣ волосы, царапаетъ лицо, госпожа вконецъ взбѣшена; затѣмъ, вдругъ, надувшись, хватаетъ въ охапку дѣтей, прялку, бѣжитъ къ себѣ въ комнату и тамъ запирается.

Такія сцены повторяются безпрестанно, и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ до героически-комическихъ размѣровъ. Одинъ разъ возвратился Продромъ домой: онъ голоденъ. „Я былъ на тощакъ, говоритъ онъ, я не выпилъ моего любимого напитка (я не желаю скрывать своихъ провинностей, это одинъ изъ моихъ грѣховъ, которому я часто поддаю), я былъ въ скверномъ расположеніи духа, я грубо заговорилъ съ женой, и она стала выливать на меня потокъ обычныхъ своихъ упрековъ. „Я тебѣ не раба и не прислуга, закричала она. Какъ смѣешь ты поднимать на меня руку? Какъ тебѣ не стыдно“. И посыпалось и посыпалось, такъ что сначала поэту хотѣлось отвѣчать на всю эту брань пощечинами; но онъ знаетъ свою жену, и благоразумно самъ себѣ говоритъ: „Ради спасенія собственной души, Продромъ, сядь и храни молчаніе. Храбро снеси все, что она тебѣ скажетъ. Ибо, если ты ее ударишь, если станешь бить и сдѣлаешь ей больно, она кинется на тебя, и такъ какъ ты малъ, старъ и безсиленъ, она бросится на тебя, отшвырнетъ тебя однимъ взмахомъ, и если нач-

нетъ бить, можетъ легко убить на мѣстѣ“. Однако, въ концѣ концовъ, онъ поддается злобѣ, и вооружается палкой отъ метлы; но тутъ госпожа убѣгаетъ и запирается. „Въ полномъ негодованіи я хватаю палку отъ метлы и бѣшено колочу ея въ дверь. Увидавъ въ ней дырку, ввожу туда палку отъ метлы. Но жена моя на скакиваетъ, хватается палку, тянетъ къ себѣ, а я—къ себѣ. Затѣмъ, видя, что сила на моей сторонѣ и замѣтивъ, что я перетягиваю ее къ себѣ, она выпускаетъ палку отъ метлы, приоткрываетъ дверь и я растягиваюсь во всю длину“. Тогда она опять принимается издѣваться надъ нимъ и послѣ новаго потока бранныхъ словъ идетъ къ себѣ и опять запирается. А между тѣмъ бѣднякъ все остается голоднымъ; но ключи отъ шкапа у госпожи. Тогда онъ смиряется и рѣшаетъ лечь спать, вспомнивъ, конечно, поговорку, что „кто спитъ, тотъ обѣдаетъ“, и вотъ, во время сна, слышитъ онъ соблазнительный запахъ рагу, такъ и щекочетъ ему обоняніе. Однимъ прыжкомъ вскакиваетъ онъ съ постели и видитъ: столъ накрытъ и вся семья собирается обѣдать. А его никто не зоветъ. Тогда ему приходитъ въ голову странная мысль. Онъ переодѣвается и въ костюмѣ славянина, надѣвъ на голову яркочерную шерстяную ермолку, взявъ въ руки длинную палку, принимается кричать подъ окнами: „Подайте милостыню, добрая госпожа, пожалѣйте безпріютнаго“. Дѣти, не узнавъ отца, хотятъ палками и камнями прогнать нищаго. Но жена, смекнувъ въ чемъ дѣло, говоритъ имъ: „Оставьте его: это бѣдный, нищій, странникъ“. Его приглашаютъ къ столу, наливаютъ ему супу, рѣжутъ

свѣжепросольной свинины, и вся эта ѣда, такъ долго имъ жданная, увеселяетъ его сердце.

А вотъ и заключеніе поэмы. „Таковы бѣдствія, о великій монархъ, претерпѣнныя мною отъ злой и строптивой жены. А потому, государь, если ты не явишь мнѣ своего милосердія, если не осыпешь дарами и щедротами эту ненасытную женщину, я боюсь, я страшусь, я дрожу, что погибну преждевременно, и такимъ образомъ ты потеряешь твоего Продрома, наилучшаго изъ твоихъ слугъ“.

Несомнѣнно въ этой поэмѣ есть доля умышленной утрировки, шутливаго преувеличенія, чѣмъ авторъ думаетъ позабавить своего августѣйшаго покровителя, и мы не думаемъ, чтобы тутъ слѣдовало искать точное описаніе семейной жизни Федора Продрома. Но это произведеніе интересно въ другомъ отношеніи. На ряду съ придворной пышностью, съ торжественной, строгой, церемоніально-напыщенной жизнью императорскаго дворца, на ряду съ существованіемъ, какое вели люди высшаго свѣта, оно даетъ намъ взглянуть однимъ глазомъ въ жизнь народа, почувать сколько было живописнаго, красочнаго и привольнаго въ этомъ византійскомъ обществѣ, которое мы неосновательно воображаемъ строго подчиненнымъ этикету, преклоняющимся передъ обычаями и свѣтской выправкой. И въ этомъ существованіи придворнаго поэта эпохи Комниновъ ярко выступаетъ любопытный контрастъ между величественной севастократориссой, умной, изящной, ученой, писательницей, и крикливой кумушкой съ рѣзкими манерами, съ грубымъ, вульгарнымъ говоромъ, поглощенной своимъ хо-

зайствомъ и управленіемъ домою, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ, столь близкой къ выдающимся женщинамъ средняго сословія VIII и XI вѣка, уже изображеннымъ нами раньше *), отъ которыхъ произошло могучее племя, долго составлявшее силу византійской имперіи.

*) Византійскіе портреты, т. I, гл. V и XI.

ГЛАВА VI.

Западныя принцессы при дворѣ Комниновъ.

Въ одной изъ книгъ, написанныхъ Константиномъ Багрянороднымъ съ воспитательной цѣлью для своего сына, гдѣ онъ выставляетъ, въ видѣ аксіомъ, руководящія правила византійской политики X вѣка, императоръ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Каждый народъ имѣетъ свои обычаи и свои законы; онъ долженъ, по этому, крѣпко держаться того, что ему свойственно по природѣ, и лишь въ себѣ самомъ искать средства создать тѣ узы, на которыхъ основана соціальная жизнь. Какъ всякое животное соединяется лишь съ однородными себѣ, такъ и всякая нація должна принять за правило вступать въ брачные союзы никакъ не съ людьми другой расы и другого языка, но съ лицами одного языка и происхожденія. Ибо одно это породитъ между заинтересованными доброе согласіе и сердечныя отношенія“.

Въ силу этого правила, гдѣ больше всего сказывалось высокомерное презрѣніе, съ какимъ византійцы относились ко всему остальному мі-

ру, императорскій дворъ съ пренебреженіемъ отвергалъ всѣ брачныя предложенія, шедшія отъ иноземныхъ дворовъ. Въ глазахъ государственныхъ людей Константинополя это было вещью „неприличной, посягавшей на величіе римской имперіи“—мысль о бракѣ царевны императорскаго дома съ какимъ-нибудь изъ этихъ принцевъ, „невѣрныхъ и безвѣстныхъ“, жившихъ скромно гдѣ-нибудь на далекомъ Сѣверѣ или Западѣ; и когда получалось „такое нелѣпое предложеніе“, его торопились отклонить. Какъ царскія драгоценности, принесенныя Константину ангеломъ, не могли ни подъ какимъ видомъ перейти въ руки варваровъ, какъ греческій огонь, открытый ангеломъ первому христіанскому императору, не долженъ былъ ни подъ какимъ предлогомъ быть переданъ иноземцамъ, такъ точно, по „непреложному постановленію“ самого царя Константина, было опредѣлено, что порфирородныя царевны не могли, не роняя своего достоинства, соединяться съ представителями иной національности, и для императора являлось почти позорнымъ жениться на женщинѣ, не принадлежавшей по рожденію къ византійскому міру.

Однако, не одинъ разъ, начиная съ X вѣка, политика отступала отъ правилъ, формулированныхъ такимъ образомъ, и многія дѣвушки изъ императорскаго дома должны были, смирившись, выйти замужъ за того или другого изъ монарховъ-варваровъ. Византійскій дворъ старался дать наилучшее объясненіе этимъ неравнымъ бракамъ и всякими тонкими ухищреніями оправдать такое униженіе его гордости. Но, несмотря на все старанье, какое прилагали, чтобы соблюсти пра-

вила, и хотъ заявляли всегда и не безъ высоко-мѣрія, что „неслыханная вещь, чтобы порфирородная, дочь порфирородныхъ, могла выйти за варвара“, требованія времени и политическая необходимость все больше и больше заставляли измѣнять установленныя традиціи. Во второй половинѣ X вѣка одна царица императорскаго дома вышла замужъ за нѣмецкаго императора, другая за русскаго царя; и мало по малу уменьшался ужасъ, какой сначала внушали подобныя браки. Позднѣе, въ эпоху Комниновъ не одна византійская царица вступила на тотъ или другой изъ престоловъ Запада; и наоборотъ, въ ту же эпоху Комниновъ и Палеологовъ много латинскихъ принцессъ раздѣлили порфиру съ византійскимъ императоромъ.

Какъ освоились эти изгнанницы съ новой средой, гдѣ по волѣ судьбы имъ пришлось жить? что сохранили онѣ на своей новой родинѣ изъ идей и нравовъ родного края. Принесли ли византійки съ собой на Западъ хотъ что-нибудь изъ той высшей цивилизаціи, въ какой были воспитаны? Эллинизировались ли западницы отъ соприкосновенія съ міромъ болѣе образованнымъ, болѣе изящнымъ, куда занесла ихъ судьба? Всѣ эти вопросы возникаютъ въ умѣ того, кто собирается изучать жизнь этихъ царицъ, и рѣшеніе ихъ, переходя тѣсныя границы частныхъ изысканій, быть можетъ, представляетъ нѣкоторый интересъ для исторіи Византіи и исторіи цивилизаціи вообще. Дѣйствительно, тутъ можно видѣть, до какой степени два враждебныхъ и противоположныхъ міра, соприкасаясь другъ съ другомъ, оказались способны къ взаимному пони-

манію; изъ этого можно будетъ узнать, какую выгоду извлекъ каждый изъ нихъ отъ этого прикосновенія, и которая изъ двухъ цивилизацій, не одинаковыхъ по своей цѣнности, въ концѣ концовъ, имѣла наиболѣе могучее и наиболѣе прочное вліяніе.

Перечень византійскихъ царевенъ, вслѣдствіе брака занявшихъ какой-либо изъ престоловъ Запада, сдѣлать не долго. Это—если не считать менѣе извѣстныхъ особъ—Феофано, въ концѣ X вѣка вышедшая замужъ за императора Оттона II и перенесшая съ собой на Западъ утонченность и изящество византійскаго двора. Это Феодора, одна изъ племянницъ царя Мануила Комнина, вышедшая въ 1148 году за герцога Генриха Австрійскаго, брата германскаго императора Конрада III. Это, наконецъ, Ирина Ангель, въ концѣ XII вѣка ставшая женой германскаго императора, Филиппа Швабскаго, младшаго сына Фридриха Барбаруссы, и сумѣвшая въ этомъ чисто политическомъ бракѣ найти бракъ по любви. По правдѣ сказать, къ этимъ бракамъ между византійками и латинянами никогда не относились очень хорошо при Константинопольскомъ дворѣ. Казалось, будто царевны, переселенныя такимъ образомъ въ далекія царства, были жертвы, принесенныя, по выраженію Федора Продрома, „западному звѣрю“; и родители этихъ несчастныхъ, въ отчаяніи отъ такихъ браковъ, „оплакивали своихъ живыхъ дочерей такъ, какъ еслибы онѣ были мертвыми“. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ предчувствій, принесенныя въ жертву требованіямъ политики молодыя женщины были очень рѣдко счастливы и рано

умирали, будучи не въ силахъ до самой смерти забыть страну, гдѣ родились. Конечно, Теофано привязалась къ нѣмецкой имперіи, которой управляла вмѣсто своего сына, Оттона III, а Ирина Ангелъ беззавѣтно отдалась любимому мужу. Тѣмъ не менѣе взоры обѣихъ были всегда обращены къ Константинополю. У Византіи взяла Теофано ту высшую цивилизацію, которую она принесла Германіи, и тѣ идеи, въ которыхъ она воспитала своего сына. Ирина всю жизнь мечтала возвести своего мужа на тронъ Константина. Такимъ образомъ, эти византійки, вышедшія замужъ на Западѣ, были, въ сущности, царевнами въ изгнаніи и очень мало усвоили изъ образа жизни того новаго міра, куда переселились.

Равнымъ образомъ и этотъ новый міръ не былъ съ ними очень привѣтливъ, а часто и прямо имъ враждебенъ. Если Ирина и стала до известной степени популярной вслѣдствіе своихъ несчастій, Теофано всегда оставалась безвѣстной. Люди ея времени клеветали на нее за ея честную жизнь, порицали чрезмѣрную привязанность, какую она выказывала своимъ соотечественникамъ, укоряли ее за пагубное вліяніе, какое она имѣла на своего мужа. Но въ особенности видѣли они въ византійкѣ главную соврагительницу Германіи съ пути добродѣтели. „Ея пышные наряды, пишетъ одинъ современникъ, служили плохимъ примѣромъ нѣмецкимъ женщинамъ“. Другой лѣтописецъ строго критикуетъ ея легкомысліе. Наконецъ, одна любопытная легенда, создавшаяся на ея счетъ, достаточно хорошо показываетъ, какое воспоминаніе оставила она по себѣ на Западѣ. Эта легенда гласитъ,

будто императрица послѣ своей смерти явилась одной монахинѣ, въ жалкомъ рубищѣ, съ просьбой помочь ей своими молитвами. „Я очень виню себя въ томъ, говорила она, что завела въ Германіи излишнюю грѣховную роскошь нарядовъ, столь свойственную грекамъ, но употребленіе которой не знали до тѣхъ поръ нѣмецкія женщины. Не только она сама рядилась въ эти одѣянія, находя въ томъ больше удовольствія, чѣмъ это прилично человѣческой природѣ, но еще вводила въ соблазнъ и другихъ женщинъ, внушая имъ желаніе подобной же роскоши. Поэтому она заслужила вѣчное проклятіе. Тѣмъ не менѣе она надѣялась, что благодаря своему благочестію, какое всегда проявляла, она можетъ молитвами благочестивыхъ душъ, быть извлеченной изъ ада“.

Анекдотъ этотъ многозначителенъ. Онъ показываетъ глубокую антипатію, какую питалъ Западъ X вѣка къ этому изящному и утонченному Востоку. И отнюдь не слѣдуетъ думать, что эти чувства были исключительно присущи Германіи. Когда, черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Теофано, венеціанскій дожъ Доменико Сельво женился на византійской царевнѣ, современники точно такъ же возмущались образомъ жизни „столь изнѣженнымъ и изысканнымъ“, какой вела эта иноземка. Развѣ ей не требовалось для ея омовеній, вмѣсто простой воды, роса, которую служители каждое утро ходили собирать для нея? Развѣ не обливалась она вся ароматами, и не была всегда одѣта въ великолѣпныя шелковыя ткани, и не берегла тщательно рукъ, нося всегда перчатки? И что еще важнѣе, вмѣсто того, чтобы ѣсть руками, какъ

всѣ, развѣ она не доводила своей утонченности до того, что приказывала своимъ евнухамъ разрѣзать себѣ кушанья, а потомъ ѣла ихъ золотой вилкой? Такія скандальныя нововведенія заслуживали небесной кары. Вслѣдствіе злоупотребленій ароматами и маслами тѣло догарессы стало заживо разлагаться и запахъ, который шель отъ нея, былъ такъ отвратителенъ, что всѣ отъ нея сторонились, и она умерла, одинокая, въ самомъ плачевномъ состояніи.

Такъ, въ силу страннаго противорѣчія народы Запада, восхищаясь Византіей, ея богатствами, ея великолѣпіемъ, ея обаятельной цивилизаціей, въ то же время инстинктивно чувствовали недо-вѣріе къ ея развращающей и порочной утонченности. Латинскіе принцы домогались на перебой чести вступить въ бракъ съ невѣстой изъ императорскаго дома: народъ, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, страшился этихъ восточныхъ красивыхъ чаровницъ, казавшихся ему созданными исключительно для того, чтобы измѣнять качества суровости и силы, какими онъ гордился. Византія на весь Западъ клала печать своего искусства, своей промышленности, своей роскоши. Тѣмъ не менѣе латиняне никогда не любили этихъ грековъ, слишкомъ изобрѣтательныхъ, слишкомъ изворотливыхъ, слишкомъ тонкихъ; признавая ихъ превосходство, они въ то же время опасались его. Императрица Теофано первая испытала это на опытѣ; въ послѣдующіе вѣка много другихъ случаевъ не менѣе очевидно доказали упорную антипатію двухъ противоположныхъ другъ другу и соперничающихъ другъ съ другомъ міровъ. По мѣрѣ того, какъ благодаря крестовымъ

походамъ соприкосновенія между ними стали чаще, несогласія между греками и латинянами только возрастали. Никогда не дошли они до того, чтобы вполнѣ понимать другъ друга, и еще менѣе, чтобы дружески переносить другъ друга; и на долю Византіи, которой цивилизація была обязана такими крупными успѣхами, выпала странная судьба видѣть одно недовѣріе и неблагодарность со стороны именно тѣхъ кому она наиболѣе всего оказала пользы. Исторія западныхъ принцессъ еще болѣе нагляднымъ образомъ показываетъ намъ эту вѣчную и печальную антиномію.

I.

Берта Зульцбахская, византійская
императрица.

Съ тѣхъ поръ, какъ первый крестовый походъ привелъ къ болѣе близкому столкновению Востокъ и Западъ, Византія стала великой европейской державой; слѣдовавшіе одинъ за другимъ походы, предпринимавшіеся для освобожденія Гроба Господня, основаніе франкскихъ государствъ Сиріи, умноживъ сношенія грековъ съ латинянами, пробудили въ послѣднихъ честолюбіе, разожгли въ нихъ алчность, возбудили злобу и мстительность, создавъ въ то же время новые интересы; первыхъ такое положеніе дѣлъ заставило прежде всего понять необходимость отказаться отъ презрительнаго высокомерія, какое они выказывали раньше въ отношеніи „варва-

ровъ“, и считаться съ этими новыми народами, нарождавшимися къ жизни. Конечно, это сближеніе не породило никакой дѣйствительной симпатіи; однако, своего рода любопытство, смутное сознаніе взаимной нужды влекло другъ къ другу эти два міра, долго другъ друга не знавшіе. Въ XII вѣкѣ великая восточная имперія, съ каждымъ днемъ все больше и больше выходя изъ своей отчужденности, принимаетъ участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ европейской политики: въ царствованіе Мануила Комнина, въ особенности, Константинополь сталъ дѣйствительно однимъ изъ центровъ этой политики.

Въ первой половинѣ XII вѣка страшная опасность угрожала монархіи василевсовъ. Могущественное государство, основанное норманами въ южной Италіи и Сициліи, простирало свои честолюбивые виды за предѣлы Адриатики: подобно Роберту Гвискару и Боэмунду, и Рожеръ II мечталъ увеличить свои владѣнія насчетъ Константинопольской имперіи. Чтобы бороться съ такимъ сильнымъ противникомъ, византійцамъ нуженъ былъ союзникъ; они стали искать его среди германскихъ народовъ, имѣвшихъ постоянно честолюбивые замыслы насчетъ Италіи, а потому болѣе другихъ способныхъ нейтрализовать усилія предприимчиваго сицилійскаго монарха. Въ 1135 году, а также два года спустя, въ 1137 году въ Германію были отправлены греческія посольства, чтобы приготовить почву для соглашенія; новая миссія была отправлена въ 1140 году къ королю Конраду III съ болѣе опредѣленными предложеніями. Чтобы окончательно скрѣпить предполагавшееся соглашеніе, византійскій дворъ пред-

лагаль соединить бракомъ эти двѣ династіи, прося, чтобы въ Константинополь была отправлена „молодая дѣвушка царской крови“, которая вышла бы тамъ замужъ за севастократора Мануила, четвертаго сына императора Іоанна Комнина.

Конрадъ III, германскій, былъ крайне гордаго нрава. Разсчитывая на императорскій титулъ, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на равнаго царю и претендовалъ на равныя съ нимъ почести. Болѣе того, считаясь съ тѣмъ, что греческая имперія вела свое происхожденіе отъ Рима, онъ полагаль, что византійская монархія должна питать такое же почтеніе къ священно-римской германской имперіи, какъ дочь къ матери; наконецъ, крайне гордясь своимъ могуществомъ, онъ очень хвастался подчиненіемъ, какое ему выказываль весь Западъ. Такія идеи слишкомъ задѣвали за живое тщеславіе грековъ, чтобы сдѣлалось возможнымъ совершенно легко заключить союзъ. По счастью оказалось, что Конрадъ также чувствовалъ потребность въ поддержкѣ противъ все возрастающихъ честолюбивыхъ замысловъ Рожера II. Поэтому онъ откликнулся на сдѣланныя ему предложенія и указаль византійскимъ посламъ, какъ на возможную жену для царевича Мануила, на одну изъ сестеръ своей жены, на графиню Берту Зульцбахскую. Послѣ довольно долгихъ переговоровъ, наконецъ, пришли къ соглашенію: въ концѣ 1142 года византійское посольство отправилось въ Германію за молодой невѣстой.

Въ Константинополѣ ей была устроена самая блестящая встрѣча. Одинъ писатель того времени, Федоръ Продромъ или какой-нибудь другой офи-

ціальный стихотворецъ изъ тѣхъ, что толпились при дворѣ Комниновъ, описалъ въ поэмѣ, сочиненной на этотъ случай, пышность приѣма оказаннаго вновь прибывшей. Онъ описалъ великолѣпную свиту, сопровождавшую нѣмецкую графиню, празднично разодѣтую толпу, стоявшую по пути ея шествія, великолѣпно разукрашенные улицы, органы, игравшіе на ея пути, ароматы и куренія, благоухавшіе повсюду, словомъ всю утонченность роскошнаго церемоніала, столь любимаго византійцами при подобныхъ случаяхъ. Даже сами царевны императорскаго дома побезпокоили себя и вышли на встрѣчу „этому западному цвѣтку, какъ выразился поэтъ, который императоръ собирался посадить въ своемъ саду“. И это, повидимому, дало поводъ къ довольно любопытному происшествію. Среди молодыхъ женщинъ, собравшихся, чтобы привѣтствовать нѣмецкую принцессу, находилась жена предполагаемаго наслѣдника престола Алексѣя, старшаго сына царя; на ней было въ этотъ день темносинее платье, скромно украшенное слегка пурпуромъ и золотомъ. Пораженная этимъ цвѣтомъ, выдававшимся темнымъ пятномъ среди другихъ болѣе яркихъ туалетовъ, иностранная принцесса спросила, кто была это „монахиня“, говорившая такимъ властнымъ тономъ. Византійское суевѣріе не преминуло увидать въ этихъ словахъ дурное предзнаменованіе; и дѣйствительно, послѣдовавшая вскорѣ послѣ этого преждевременная смерть царевича Алексѣя оправдала это знаменитое предсказаніе.

Въ 1143 году, разъ за разомъ, въ нѣсколько недѣль смерть неожиданно унесла двухъ стар-

шихъ братьевъ Мануила, Алексѣя и Андроника. Мануиль сдѣлался такимъ образомъ наслѣдникомъ престола, который отецъ его, умирая, завѣщалъ ему, вмѣсто его старшаго брата Исаака. Для византійскаго царя, владыки одного изъ самыхъ великолѣпныхъ троновъ того времени, женитьба на простой нѣмецкой графинѣ являлась болѣе чѣмъ посредственной партіей. Кромѣ того, въ Константинополѣ, повидимому, было нѣсколько шокированы презрительнымъ обращеніемъ, какое выказалъ Конрадъ III. Въ упомянутой выше поэмѣ Продромъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ отвѣчаетъ на германскія претензіи; онъ совершенно ясно объявляетъ „славному королю“ Конраду, что, несмотря на всю его славу, великая для него честь породниться съ домомъ Комниновъ; новый Римъ, по его мнѣнію, былъ безусловно значительнѣе древняго: „Если послѣдній, писалъ онъ, поставляетъ невѣсту, первый даритъ женихомъ; а такъ какъ мы всѣ знаемъ, что мужчина превосходитъ женщину, то очевидно, что то же соотвѣтствіе должно быть приложено и къ отношеніямъ между этими двумя имперіями“. Итакъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, а также и по нѣкоторымъ другимъ, императоръ Мануиль отнюдь не торопился съ совершеніемъ уже порѣшеннаго брака; около четырехъ лѣтъ приблизительно заставилъ онъ прождать брачнаго благословенія молодую женщину, которая была ему предназначена.

Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это самое время византійская политика склонялась на сторону Сициліи; возникалъ проэктъ брака между одной греческой царевной и сыномъ Рожера II,

и одновременно съ этимъ отношенія съ Германіей становились натянутыми. Однако, въ концѣ концовъ, Мануиль склонился опять на сторону союза съ Германіей: въ 1145 году къ Конраду III было отправлено посольство, чтобы объявить ему о намѣреніи императора отпраздновать въ скоромъ времени бракъ, рѣшенный еще въ 1142 году. Но нѣмецкому королю дали почувствовать великую честь, какую ему оказывали, и греческій посоль выказалъ даже такую нестерпимую надменность, что нѣмецкій монархъ долженъ былъ его выгнать и потребовать публичнаго извиненія. Задѣтый за живое обращеніемъ, какое позволили себѣ съ нимъ, Конрадъ съ своей стороны не остался въ долгу по части дерзостей. Въ письмѣ, написанномъ имъ тогда въ Константинополь, онъ себѣ самому присвоилъ титулъ императора римлянъ и пренебрежительно адресовалъ свое посланіе своему дорогому брату Мануилу Комнину, знаменитому и славному королю греческому“.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ и та и другая сторона желала мира, все кончилось къ общему благополучію. Въ Константинополь прибыло нѣмецкое посольство, и находившійся во главѣ его епископъ Вюрцбургскій устроилъ все къ всеобщему удовольствію. Въ январѣ 1146 года Берта Зульцбахская вышла, наконецъ, замужъ за императора Мануила Комнина и приняла, вступивъ на престоль, византійское имя Ирины, вѣроятно, какъ символъ мира, установленнаго между ея первоначальной и новой родиной.

Быть можетъ, не безъинтересно узнать, каковы могли быть первыя впечатлѣнія иностранки, внезапно очутившейся въ совершенно новомъ мірѣ, въ самый моментъ ея прибытія въ Константинополь. Чтобы дать себѣ въ этомъ отчетъ, мы можемъ воспользоваться нѣсколькими описаніями, довольно любопытными, гдѣ говорится о византійской столицѣ, какою она была около половины XII вѣка. Одно изъ нихъ особенно заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ принадлежитъ перу западнаго писателя Eudes de Deuil, посѣтившаго Византію въ 1147 году и прибывшаго туда какъ разъ на слѣдующій день послѣ бракосочетанія Ирины съ Мануиломъ.

Обаяніе Царьграда было велико на Западѣ. Повидимому, дѣйствительность не обманывала большихъ ожиданій. Прелестью климата, плодородіемъ почвы, несмѣтными богатствами Константинополь представлялся латинянамъ городомъ несравненнымъ. „Это, говоритъ Eudes de Deuil, гордость Греціи: слава его велика, но въ дѣйствительности онъ еще превосходитъ свою славу“. Лѣтописецъ не нахвалится пышностью его дворцовъ, великолѣпіемъ его церквей, множествомъ драгоцѣнныхъ реликвій, собранныхъ въ нихъ; не менѣе пораженъ онъ живописнымъ видомъ стѣнъ, у подножія которыхъ раскинуты большіе сады, уходящіе въ даль до самыхъ полей, а также искусными сооруженіями, обеспечивающими столицѣ постоянное и обильное пользованіе прѣсной водой. Но на ряду съ общественными зданіями Eudes de Deuil,—благодаря этому

его описаніе представляетъ большой интересъ, — сумѣль разсмотрѣть самый городъ, и онъ предсталъ передъ нимъ поразительно грязнымъ, зловоннымъ и мрачнымъ. Это восточный городъ съ узкими улицами, со сводами надъ ними. На верху этихъ надстроекъ поднимаются, какъ бы уходя въ самое небо, великолѣпныя жилища богатыхъ людей; но внизу, куда солнце не проникаетъ никогда, живетъ бѣднота, жалкая, падкая вслѣдствіе своей нищеты на всякіе соблазны. Безопасности тутъ нѣтъ никакой, убійства, кражи происходятъ каждый день. „Въ Константинополѣ, говоритъ историкъ, почти столько же воровъ, сколько бѣдныхъ“. Полиція безсильна и не можетъ ничего подѣлать; никто не заботится ни о законѣ, ни о томъ, чтобы заставить уважать его; всякій виновный избѣгаетъ послѣдствій своего преступленія. Въ глазахъ западнаго путешественника Византія XII вѣка представляется городомъ необъятнымъ, перенаселеннымъ, кишачимъ чрезмѣрно густымъ населеніемъ, и томительнымъ, волнующимъ городомъ крайностей во всемъ, какъ въ своихъ богатствахъ, такъ и въ своихъ порокахъ.

Въ этихъ словахъ, какъ можно бы подумать, нѣтъ никакого злорѣчія латинянина, недовольнаго греками. Одно свидѣтельство того же времени, но происхожденія уже византійскаго, изображаетъ намъ въ томъ же видѣ императорскій Царьградъ. На самыхъ многолюдныхъ улицахъ стоятъ лужи, цѣлыя болота жидкой грязи, отъ дождей превращающіяся въ топи. Въ этомъ „Тартарѣ“, въ этомъ „адскомъ озерѣ“ вязнуть люди и животныя, а иногда и тонуть. Путеше-

ственники, проѣхавшіе горы и рѣки, гибнуть въ центрѣ города, достигнувъ пристани. Чтобы выручить ихъ изъ бѣды, надо прибѣгать къ настоящимъ спасительнымъ мѣрамъ, разгружать вычужныхъ животныхъ, входя по поясъ въ грязь, вытаскивать животныхъ веревками изъ болотъ съ большими усиліями. И это еще сравнительно ничто. Ночью къ дорожнымъ опасностямъ прибавляются новыя бѣды. По неосвѣщеннымъ улицамъ всюду шныряютъ воры и бродячія собаки, которыя тогда, какъ и теперь, кишѣли въ Константинополѣ; случится что недоброе, неоткуда ждать помощи, такъ какъ мирные жители въ ночную пору запираются въ своихъ жилищахъ; никто не откликнется на крикъ жертвы, и ей остается только дать себя грабить.

Несомнѣнно, никакой императрицѣ не приходилось никогда видѣть „подобныя зрѣлища, недостойныя царя“. Если она знала что-нибудь въ Константинополѣ, такъ это императорскія резиденціи, въ особенности Влахернскій дворецъ, ставшій въ XII вѣкѣ обычнымъ мѣстопробываніемъ царей. Онъ былъ построенъ на краю Золотого Рога, и его тройной фасадъ высился надъ моремъ, полемъ и городомъ. Онъ былъ великолѣпенъ снаружи, еще великолѣпнѣе внутри. По стѣнамъ огромныхъ залъ, окруженныхъ колоннадами, сверкала по золотому фону мозаика, исполненная „съ удивительнымъ искусствомъ“, и представлявшая въ яркихъ краскахъ подвиги императора Мануила, его войны съ варварами, все, что онъ совершилъ на благо имперіи. Полъ, выложенный мраморной мозаикой, былъ не менѣе великолѣпенъ. „Я не знаю, пишетъ одинъ со-

временникъ, что въ немъ представляетъ больше цѣнности или что красивѣе, мастерство или искусство или стоимость матеріала“. Тутъ всюду была та же роскошь, которую императоры изъ дома Комниновъ любили непрестанно увеличивать, благодаря чему Влахернскій дворецъ представлялъ одно изъ чудесъ Константинополя. Иностранцы, допущенные до осмотра этого дворца, оставили намъ восторженные описанія его. „Красота его снаружи, пишетъ Eudes de Deuil, едва ли можетъ съ чѣмъ сравниться, а внутри она значительно превосходитъ все, что я въ силахъ передать словами. Всюду тутъ только и видишь, что золото и живопись самыхъ разнообразныхъ тоновъ; дворъ вымощенъ мраморомъ съ удивительнымъ искусствомъ.“

Веніаминъ Тудельскій, посѣтившій Константинополь нѣсколькими годами позднѣе, выражаетъ то же восхищеніе. „Кромѣ дворца, говоритъ онъ, оставленнаго предками императора Мануила, онъ велѣлъ построить на берегу моря другой, называющійся Влахернскимъ, и его колонны, а также стѣны, покрыты золотомъ и серебромъ, и на нихъ онъ велѣлъ изобразить какъ свои войны, такъ и войны своихъ предковъ. Въ этомъ дворцѣ онъ воздвигъ себѣ золотой тронъ, усыпанный драгоцѣнными камнями и украшенный золотой короной, подвѣшенной на цѣпяхъ, также изъ золота. Эта корона кругомъ усыпана жемчужинами и алмазами, цѣну которыхъ никто не можетъ опредѣлить, и которые до того сильно сверкаютъ, что ночью замѣняютъ почти всякое другое освѣщеніе. Тутъ имѣется также безконечное множество другихъ вещей, и еслибы ихъ описать, это

показалось бы невѣроятнымъ. Въ этотъ дворець приносятъ ежегодную дань, какъ золотомъ, такъ и одеждами изъ пурпура и багряницы, которыми переполнены дворцовыя башни; такъ что великолѣпиемъ своихъ богатствъ и красотой постройки этотъ дворець превосходитъ всѣ другіе дворцы въ мірѣ“.

Что знали еще императрицы, это восхитительныя резиденціи, куда цари отправлялись въ лѣтнюю пору, чтобы найти тамъ пріятную прохладу. У самого подножія Влахернскаго дворца, внѣ городской стѣны, былъ раскинутъ прекрасный паркъ Филопатійскій, обширное пространство, окруженное стѣнами, гдѣ проточныя воды поддерживали постоянно пріятную свѣжесть, гдѣ въ большихъ рощахъ водились дикіе звѣри, что позволяло устраивать охоты; императоры построили себѣ тутъ прелестное лѣтнее жилище, и это помѣщеніе, взятое въ его цѣломъ, представляло, по выраженію Eudes de Deuil, „уладу грековъ“. Далѣе, по берегамъ Пропонтиды, были разбросаны великолѣпныя виллы, гдѣ императоры возстановили восточную роскошь „Сузь и Экбатаны“, и гдѣ Мануиль любилъ отдыхать отъ трудовъ войны, предаваясь удовольствіямъ изысканнаго стола и музыки.

Съ чѣмъ еще были знакомы императрицы въ Константинополѣ это съ ипподромомъ и его празднествами, еще въ XII вѣкѣ бывшими однимъ изъ любимыхъ удовольствій византійскаго народа. Тутъ устраивались, какъ во времена Юстиніана, конскіе бѣга и гимнастическія упражненія, чередовавшіяся со всякаго рода интермедіями, какъ то: выпусканіемъ зайцевъ, которыхъ пре-

слѣдовали охотничьи собаки, продѣлками канатныхъ плясунновъ и акробатовъ, боемъ дикихъ животныхъ, медвѣдей, леопардовъ и львовъ. Тутъ же, по свидѣтельству Веніамина Тудельскаго, давались „ежегодно большія представленія въ день рожденія Іисуса изъ Назарета. Тутъ показывали въ присутствіи императора и императрицы различныя фигуры людей со всего міра въ ихъ различныхъ одѣяніяхъ. Не думаю, прибавляетъ путешественникъ, чтобы были гдѣ на землѣ такія великолѣпныя игры“. Ихъ очень любили въ Константинополѣ, и дворъ находилъ въ нихъ не менѣе удовольствія, чѣмъ простой народъ, „жадный до новыхъ зрѣлищъ“.

Съ чѣмъ еще, наконецъ, были знакомы императрицы, это—столичныя церкви, великолѣпіе богослуженія, происходившаго въ св. Софіи, „зданіи удивительномъ и божественномъ, по выраженію историка Никиты Акомината, воздвигнутомъ чудесно руками Самого Бога, какъ Его первое и послѣднее произведеніе, церкви безподобной, земномъ образѣ собора небеснаго“. И несомнѣнно, подобно большинству посѣтителей, нѣмецкая принцесса была очарована красотой пѣнія за литургіей въ греческой церкви, гармоничнымъ смѣшеніемъ голосовъ, гдѣ высокое сопрано сливалось съ болѣе густымъ звукомъ, а также соразмѣрностью движеній и колѣнопреклоненій. И несомнѣнно также, что, подобно большинству иностранцевъ, ее плѣнило великолѣпіе роскошныхъ обѣдовъ, дававшихся въ императорскомъ дворцѣ, этого превосходнаго и такъ хорошо сервированнаго стола, при чемъ ѣда чередовалась со всякаго рода зрѣлищами, „такъ что,

по выраженію одного современника, тутъ одинаково были очарованы уши, уста и глаза“. И несомнѣнно, ей также понравились, наконецъ, и роскошныя одѣянія, пышность и блескъ церемоній, все это утонченное великолѣпіе, дѣлавшее изъ византійскаго двора единственное чудо роскоши и изящества.

Однако одна вещь смущала тѣхъ, кто въ первый разъ посѣщаль Константинополь. То была дряблость византійской черни, этого „коснаго народа“, привыкшаго жить императорскими щедротами; и латиняне не чувствовали большой симпатіи къ этой націи „съ характеромъ скрытымъ и хитрымъ, отличавшейся изувѣрствомъ“. Къ счастью, въ награду за недостатки своихъ подданныхъ новая императрица нашла въ Константинополѣ многочисленныхъ соотечественниковъ. Въ XII вѣкѣ въ Византіи была цѣлая нѣмецкая колонія: нѣмецкіе купцы завели тамъ торговлю, нѣмецкіе солдаты служили въ императорскомъ войскѣ; число этихъ колонистовъ было настолько велико, что императоръ Конрадъ выговорилъ имъ позволеніе имѣть свою особую церковь. И, наконецъ, многіе обычаи, заведенные въ Константинополѣ въ болѣе или менѣе недавнее время, также могли напоминать вновь прибывшей ея далекую родину. Въ эпоху Комниновъ греческая церковь праздновала въ своихъ храмахъ нѣкоторые праздники, страннымъ образомъ напоминавшіе праздники шутовъ или осла, которыми тѣшился тогда Западъ.

* * *

Впрочемъ, надо сознаться, что императоръ Мануиль Комнинъ выказывалъ, по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ женитьбы, большое желаніе угождать молодой женщинѣ, ставшей его женой. Этотъ византійскій царь, какъ извѣстно, чувствовалъ большую склонность къ латинянамъ; онъ любилъ ихъ рыцарскіе нравы, ихъ умѣнье владѣть мечомъ, неразумную, но прекрасную смѣлость; онъ находилъ удовольствіе въ турнирахъ и охотно выходилъ самъ на арену. Поэтому онъ охотно принималъ западныхъ людей и очень цѣнилъ ихъ услуги, такъ что греческіе патріоты иногда бывали возмущены милостью, какой пользовались эти иностранцы полу-варвары, умѣвшіе „лучше плевать, чѣмъ говорить“ и „лишенные всякаго образованія, повторявшіе слова греческаго языка такъ же грубо, какъ скалы и камни повторяютъ эхомъ пѣсни, что пастухи наигрываютъ на флейтахъ“. Отъ общенія съ людьми Запада Мануиль научился всѣмъ тонкостямъ придворнаго обращенія, требуемымъ отъ истиннаго рыцаря. Онъ зналъ, на примѣръ, что отъ только что женившагося латинянина долгъ чести требовалъ отличиться какимъ-нибудь большимъ подвигомъ; и, въ подражаніе этимъ образцовымъ обычаямъ Запада, онъ старался искусными и отличными ударами меча заслужить любовь своей дамы. И, повидимому, это ему въ самомъ дѣлѣ удалось: Ирина восхищалась молодечествомъ своего мужа и открыто заявляла, что и въ Германіи, гдѣ, однако, знали толкъ по части храбрости, никогда не встрѣчала она лучшаго рыцаря.

Въ то время, какъ Мануиль для того, чтобы понравиться своей женѣ, усваивалъ обычаи и нравы Запада, жена, въ свою очередь, чтобы понравиться мужу, старалась образовать себя и ознакомиться съ красотой греческой литературы, стремясь играть роль принцессы покровительницы литературы, роль, столь любимую большинствомъ женщинъ изъ дома Комниновъ. Такимъ образомъ она рѣшила изучить и понять Гомера и съ этой цѣлью обратилась къ одному изъ самыхъ знаменитыхъ грамматиковъ того времени. Это для нея Цець написалъ свои Аллегоріи на Иліаду, гдѣ объяснялъ своей царственной ученицѣ содержаніе поэмы и исторію главныхъ дѣйствующихъ лицъ, играющихъ въ ней роль, не считая ученыхъ замѣтокъ на біографію поэта: а въ посвященіи, какое онъ написалъ, преподнося императрицѣ свой трудъ, онъ, восхваляя ее, величалъ „дамой, очень увлеченной Гомеромъ“. Это происходило въ 1147 году. Незадолго передъ тѣмъ Цець точно такъ же посвятилъ Иринѣ первое изданіе своихъ Хиліадъ, и нѣмецкая принцесса, окруженная всѣми этими грамматиками и риториками, стала настоящей византійкой.

Однако, несмотря на такое взаимное доброе желаніе, въ царской семьѣ не замедлила обнаружиться рознь. Виноваты въ томъ, повидимому, были обѣ заинтересованныя стороны. Съ одной стороны, Иринѣ довольно скоро надоѣла ея роль меценатки. Она поссорилась съ Цецомъ изъ-за жалкаго денежнаго вопроса. Грамматикъ самъ рассказываетъ, что ему обѣщали платить по двѣнадцати золотыхъ за каждую тетрадь его ученыхъ диссертаций. Чтобы показать свое рве-

ніе, онъ взялъ бумагу самага большаго формата и написалъ свои страницы болѣе убористымъ почеркомъ, такъ что, какъ онъ говорилъ, одна такая его тетрадь навѣрное равнялась десяти. Онъ рассчитывалъ, что его вознаградятъ соразмѣрно: ничуть не бывало. Завѣдующій дѣлами императрицы думалъ платить Цецу за его работу согласно предварительно опредѣленному тарифу, и такъ какъ несчастный литераторъ жаловался на такой пріемъ, ему въ концѣ концовъ отказали на отрѣзъ во всякомъ вознагражденіи. Взбѣшенный, онъ обратился къ самой императрицѣ, требуя справедливости. Ирина, ничего не понимавшая въ этихъ византійскихъ тонкостяхъ, не дала никакого удовлетворенія несчастному грамматикѣ. Послѣдній отомстилъ, рассказавъ всю эту исторію: кромѣ того, онъ уничтожилъ первое изданіе своихъ *Хиліады*, уставъ работать даромъ, остановился въ своихъ ученыхъ комментаріяхъ *Иліады* на XV пѣснѣ и сталъ искать новую покровительницу. Литературный опытъ, предпринятый императрицей, довольно плохо удался.

Само по себѣ это не имѣло важности. Но и въ другихъ отношеніяхъ Ирина плохо примѣнялась къ обычаямъ своей новой родины. Повидимому, императрица была довольно красивой наружности. Епископъ Василій Ахридскій, произнесшій ей надгробное слово, говоритъ, что „сложеніемъ своего тѣла, соразмѣрностью своихъ членовъ, красотой и свѣжестью своихъ красокъ она доставляла пріятное ощущеніе даже безчувственнымъ предметамъ“. Помимо этого, она была надѣлена всевозможными добродѣтелями, „благоуханіе которыхъ, говоритъ ея панегиристъ,

улаждало Бога и людей“. Безукоризненно честная, кроткая, благочестивая, чрезвычайно милосердная, всегда готовая помочь и утѣшить несчастнаго и „простираетъ міру свои благодѣтельныя руки“; она обладала высокими нравственными качествами. Но она была лишена всякаго изящества. „Она меньше заботилась, говорить Никита, о красотѣ своего тѣла, нежели о совершенствованіи своей души“. Она не любила одѣваться, никогда не бѣлила и не румянила лица, не подрисовывала глазъ и выказывала нѣкотораго рода презрѣніе къ „безумнымъ женщинамъ“, какъ она выражалась, которыя предпочитаютъ искусство природѣ. „Она хотѣла, говорить лѣтописецъ, блистать только блескомъ своихъ добродѣтелей“. Къ этому она присоединяла извѣстнаго рода нѣмецкую деревянность, какъ выражался Никита, и нравъ нѣсколько строгій и высокомерный. Все это отнюдь не являлось подходящимъ средствомъ, чтобы удержать такого страстнаго молодого человѣка, какимъ былъ тогда Мануиль, жадный до удовольствій, свѣтскихъ собраній, легкихъ увлеченій, охотникъ до всевозможныхъ увеселеній, свойственныхъ его возрасту, и до всѣхъ приключеній, какія только рисовались его воображенію.

Кромѣ всего вышесказаннаго, у Ирины не было дѣтей. Въ 1147 году, когда императоръ низложилъ патріарха Козьму, послѣдній, въ порывѣ бѣшенства, въ присутствіи всего синода проклялъ утробу императрицы и объявилъ, что никогда отъ нея не родится ребенокъ мужского пола. И вотъ факты, казалось, оправдывали это печальное предсказаніе. Въ теченіе пяти лѣтъ, несмотря на

всѣ молитвы, о какихъ она просила самыхъ знаменитыхъ монаховъ, несмотря на всѣ благочестивые дары, какими она осыпала церковь, надѣясь такимъ образомъ избавиться отъ своего безплодія, Ирина не дала имперіи наследника престола; и когда, наконецъ, въ 1152 году у нея родился ребенокъ, это была дѣвочка, Марія. Позднѣе у нея былъ еще ребенокъ, но опять дѣвочка, скоро, впрочемъ, умершая четырехъ лѣтъ отъ роду. Все это очень огорчало Мануила; и будучи твердо убѣжденъ, что тутъ сказывалось проклятіе патріарха, онъ отчасти гнѣвался на жену, что она какъ бы способствовала полному оправданію духовнаго владыки.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Мануиль, въ свою очередь, довольно скоро охладѣлъ къ Иринѣ. Конечно, онъ сохранилъ за ней самымъ любезнымъ образомъ внѣшнія почести власти, ея собственный дворъ, стражу, весь блескъ высшаго могущества. Но онъ совершенно отдалился отъ нея. Послѣ многочисленныхъ приключеній онъ кончилъ тѣмъ, что открыто завелъ себѣ любовницу. То была его племянница Θεодора, и онъ тѣмъ сильнѣе привязался къ ней, что, болѣе счастливая, чѣмъ Ирина, она родила ему сына. Поэтому съ этихъ поръ у него ни въ чемъ не было для нея отказа; подобно законной женѣ, у нея былъ свой дворъ, своя стража, и она получила, за исключеніемъ короны, всѣ прерогативы высшей власти. Для нея императоръ пошелъ на самыя безумныя траты; „моря богатствъ, какъ говоритъ Никита, были излиты къ ея ногамъ“. Гордая, надменная, она принимала почести и деньги: и, по примѣру господина, придворные

увивались вокругъ нея, до нѣкоторой степени забывая и покидая ради фаворитки, законную императрицу.

Впрочемъ, послѣдняя, повидимому, отнюдь не пыталась нарушить свое уединеніе. Ирина устроила себѣ жизнь отдѣльно, отдавшись вся благотворительности, помогая вдовамъ, защищая сиротъ, выдавая замужъ и снабжая приданымъ бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, посѣщая и обогащая монастыри. Она любила дѣлать одолженія и ея панегиристъ удачно выразился про нее, „что она принимала, какъ милость, просьбы, съ какими къ ней обращались, и, казалось, просила, чтобы ее о чемъ либо просили“. Обращенная передъ вступленіемъ своимъ въ бракъ въ греческое православіе и будучи очень благочестивой, она охотно жила въ обществѣ служителей церкви, выказывая къ нимъ безконечное уваженіе. Тѣмъ не менѣе, она при этомъ восточномъ дворѣ оставалась вполнѣ западной женщиной и настоящей нѣмкой. Въ произнесенномъ въ честь ея надгробномъ словѣ Василій Ахридскій не могъ удержаться, чтобы не напомнить, что она была „иностранка, рожденная подъ другими небесами, не знавшая обычаевъ нашей цивилизаціи, дочь народа гордаго и надменнаго, не умѣющаго гнуть шею“, и счелъ себя обязаннымъ восхвалять Германію, этотъ народъ, „могучій и властный“, который среди другихъ народовъ Запада „больше всѣхъ любитъ повелѣвать другими, но не допускаетъ, чтобы повелѣвали имъ“. Выражаясь такъ, іерархъ показалъ, что проникъ до самага дна души монархини.

Дѣйствительно, она никогда не забыла своего

родного края. Она была въ восторгѣ, когда въ 1147 году, благодаря второму крестовому походу, въ Константинополь прибылъ императоръ Конрадъ, ея зять, и латинское войско. Въ то время, какъ греки съ ужасомъ видѣли страшную тучу, готовую накрыть имперію и поднимавшуюся съ Запада, въ то время, какъ константинопольскіе зѣваки дивились тому, что въ рядахъ крестоносцевъ находились женщины, одѣтыя и вооруженныя, какъ рыцари, подобно новымъ амазонкамъ ѣздившія верхомъ по мужски, Ирина, наоборотъ, старалась устроить своимъ соотечественникамъ наилучшій приѣмъ. Когда соперничавшая гордость императора греческаго и императора германскаго грозила столкновениемъ, Ирина приложила всѣ усилія, чтобы сгладить затрудненія, возникшія между монархами. И хотя претензіи Конрада, которыя невозможно было согласовать съ требованіями византійскаго этикета, не допускали въ это время личной встрѣчи монарховъ, во всякомъ случаѣ, благодаря вліянію императрицы, удалось упрочить между ними возможныя отношенія. Мануиль и Конрадъ старались перешеголять другъ друга въ любезности; императоръ отправилъ въ латинскій лагерь большое количество съѣстныхъ припасовъ и цѣнные подарки, на что Конрадъ, въ свою очередь, отвѣчалъ дорогими приношеніями.

Когда нѣсколько позднѣе подъ Константинополемъ появилось французское войско, Ирина точно также вступила въ самыя дружескія отношенія съ Елеонорой, женой Людовика VII. Но въ особенности послѣ бѣдствій, испытанныхъ крестоносцами въ Малой Азіи, проявилось все

доброе расположеніе императрицы къ своимъ соотечественникамъ. Конрадъ III, потерпѣвшій пораженіе при Меандрѣ, собралъ остатки своего войска въ Ефесѣ и тутъ заболѣлъ. Ирина вмѣстѣ съ Мануиломъ пріѣхала навѣстить побѣжденнаго, привезла его въ Константинополь на императорскомъ дромонѣ, и царь, имѣвшій серьезныя познанія въ медицинѣ и хирургіи, пожелалъ самъ ухаживать за нимъ и лѣчить его. Когда, наконецъ, исполнивъ свой обѣтъ—отправиться на освобожденіе Гроба Господня—Конрадъ III возвращался черезъ Византію, онъ опять встрѣтилъ тамъ тотъ же радушный пріемъ. Византійскій дворъ явно склонялся къ союзу съ Германией, что могло служить необходимымъ противовѣсомъ явной враждебности нормановъ Сициліи и французовъ Франціи. Стали замышлять о бракахъ между двумя семьями. Генрихъ Австрійскій, сводный братъ императора Германскаго, женился на племянницѣ Мануила, и придворные поэты торжественно воспѣвали этотъ бракъ. Вскорѣ затѣмъ былъ поднятъ вопросъ о женитьбѣ сына Конрада на другой племянницѣ императора. Въ этой политикѣ не возможно не признать вліянія императрицы, чему также служить свидѣтельствомъ одно любопытное письмо Конрада III. Онъ полагался на Ирину въ выборѣ невѣсты своему сыну изъ членовъ императорской семьи, „той, которая покажется тебѣ, такъ какъ ты ихъ воспитала, болѣе достойной по характеру и по красотѣ“. Впрочемъ, этотъ бракъ не состоялся, но между двумя государствами продолжался самый тѣсный союзъ. Когда въ 1150 году Рожеръ II и Людовикъ VII задумали образовать противъ

Византіи лигу всего Запада, этотъ планъ рухнулъ вслѣдствіе формальнаго противодѣйствія императора Германскаго. Оставаясь доброй нѣмкой, Ирина, тѣмъ не менѣе, оказала довольно важную услугу принявшей ее странѣ.

Смерть Конрада III въ 1152 году ослабила добрыя отношенія между двумя дворами. Но императрица навсегда сохранила нѣжный интересъ къ дѣламъ Германіи. Съ нескрываемой симпатіей слѣдила она издали за своимъ племянникомъ, юнымъ сыномъ Конрада; она посылала ему подарки, заботилась, чтобы онъ былъ посвященъ въ рыцари. Повидимому, съ другой стороны она, какъ кажется, съ теченіемъ времени вновь сошлась съ Мануиломъ и оказала ему полезное содѣйствіе въ управленіи государственными дѣлами. Василій Ахридскій говоритъ о „согласіи чувствъ“, о „сродствѣ душъ“, существовавшемъ между супругами. Въ этомъ есть, конечно, нѣкоторое преувеличеніе, свойственное характеру надгробнаго слова. Но изъ другихъ свидѣтельствъ видно также, что Ирина не разъ съ успѣхомъ обращалась къ императору, чтобы получить освобожденіе узниковъ или помилованіе осужденныхъ на смерть, и что она охотно бралась передавать царю прошенія. Въ 1158 году она оказала ему болѣе значительную услугу, раскрывъ составленный противъ него заговоръ, и тѣмъ спасла ему жизнь; а если правда, что „архисатрапы персовъ“, какъ говоритъ ея панегиристъ, испытавшіе ея благодѣянія, хотѣли почитать ея могилу великолѣпными приношеніями, изъ этого можно заключить, что она имѣла нѣкоторое вліяніе и на внѣшнія дѣла монархіи.

Во всякомъ случаѣ, она обладала трезвымъ умомъ, здравымъ смысломъ, хладнокровіемъ, очень яснымъ чутьемъ того, что слѣдовало дѣлать; она должна была быть великолѣпной совѣтчицей. Поэтому станетъ понятно, что когда она умерла въ 1160 году, довольно неожиданно, отъ злокачественной лихорадки, Мануиль очень живо почувствовалъ ея утрату. Тѣмъ не менѣе можно допустить, что Василій Ахридскій описалъ въ нѣсколько слишкомъ драматическихъ выраженіяхъ скорбь императора, оглашавшаго дворецъ своими стопами, бывшаго не въ силахъ сдержаться, и что Никита преувеличиваетъ, когда пишетъ, что царь былъ въ отчаяніи, точно у него оторвали одинъ изъ его собственныхъ членовъ, и что онъ провелъ время, определенное для траура „подавленнымъ, полумертвымъ“. Во всякомъ случаѣ онъ устроилъ своей женѣ, которую, повидимому, всѣ сожалѣли, великолѣпныя похороны. Она была похоронена въ церкви при монастырѣ Вседержителя, основанной Іоанномъ Комниномъ, въ качествѣ усыпальницы этой династіи, и гдѣ самъ Мануиль приготовилъ себѣ могилу. Въ честь покойной императрицы онъ заказалъ еще прекрасное надгробное слово, дошедшее до насъ, въ которомъ Василій Ахридскій, архіепископъ Солунскій, превознесъ должнымъ образомъ, выказавъ при этомъ нѣкоторую личную растроганность, качества и добродѣтели, украшавшія Ирину. Послѣ этого императоръ довольно скоро утѣшился. Озабоченный, говоритъ Никита, тѣмъ, чтобы имѣть сына, который продолжилъ бы его родъ, а также, вѣроятно, все еще чувствительный къ женскому

соблазну, онъ въ 1161 году объявилъ о своемъ намѣреніи вступить во второй бракъ. Изъ всѣхъ предложенныхъ ему партій, изъ всѣхъ дочерей принцевъ и царей, домогавшихся союза съ нимъ, онъ выбралъ самую красивую, Марію Антиохійскую, и женился на ней въ 1161 году. Ирина-нѣмка была очень скоро забыта.

Раньше мы видѣли, какова была судьба этой другой латинской императрицы, съ какимъ восторгомъ Константинопольскій народъ привѣтствовалъ обольстительную принцессу во время празднествъ, устроенныхъ въ честь ея бракосочетанія, и съ какою ненавистью позднѣе онъ преслѣдовалъ иностранку. Было также сказано о трагическомъ концѣ прелестной монархини, и какъ Византія оказалась въ отношеніи ея еще болѣе жестокой, чѣмъ была въ отношеніи Ирины. Какъ греческія царевны, изгнанныя на Западъ, не могли никогда привыкнуть къ своей новой родинѣ, такъ и латинянки, вышедшія замужъ при дворѣ Комниновъ, оставались навсегда иностранками для народа, надъ которымъ онѣ царствовали. Ирина, несмотря на всѣ усилія стать византійкой, осталась навсегда нѣмкой; Марія Антиохійская, хотя родилась въ Сиріи, осталась навсегда латинянкой. Только одна изъ всѣхъ этихъ западныхъ принцессъ XII вѣка больше поддавалась вліянію воспринявшей ее страны и почти совершенно эллинизировалась. И это прибавляетъ новый интересъ къ исторіи Агнесы Французской, дочери Людовика XII и сестры Филиппа Августа, существованіе которой имѣло связь съ нѣкоторыми изъ наиболѣе трагическихъ событій ея времени.

II.

Агнеса французская, императрица
византійская.

Всю свою жизнь, какъ извѣстно, императоръ Мануиль Комнинъ очень любилъ латинянъ. Живое воспоминаніе этой явной симпатіи лѣтописецъ Робертъ Кларійскій нашель въ Константинополѣ еще двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти монарха. Онъ рассказываетъ своимъ наивнымъ языкомъ, какъ, несмотря на всѣ упреки грековъ, царь всегда хорошо принималъ и хорошо обращался съ людьми Запада. „Наказываю вамъ, говорилъ онъ своимъ придворнымъ, чтобы никто изъ васъ не осмѣливался и не дерзалъ когда-либо жаловаться на мою щедрость, ни на то, что я люблю французовъ. Ибо я люблю ихъ и довѣряю имъ больше, чѣмъ вамъ, и дамъ имъ больше, чѣмъ давалъ до сихъ поръ“.

Эта природная симпатія усиливалась серьезными политическими соображеніями. Мануиль слишкомъ хорошо чувствовалъ непреодолимую силу молодыхъ народовъ Запада; онъ зналъ ихъ гордость, неукротимость, готовность всегда начать войну; онъ зналъ также давнишнюю затаившуюся злобу, какую они питали противъ Византіи. Онъ постоянно боялся, чтобы они не составили коалиціи противъ имперіи, и „чтобы съ общаго согласія“, какъ онъ говорилъ, „они не затопили монархіи, подобно тому какъ внезапно вздувшійся потокъ опустошаетъ поля земледѣльцевъ“. Поэтому онъ

старался всякими способами помѣшать этому грозному союзу, поддерживая несогласія между европейскими государствами, усиливая противодействие Италіи Барбаруссъ, привлекая къ себѣ широкими привилегіями купцовъ Венеціи, Генуи, Пизы, Анконы, непрестанно стараясь заручиться союзомъ одной изъ большихъ западныхъ державъ. Такъ въ началѣ своего царствованія онъ старался опереться на союзъ съ Германіей. Позднѣе, подъ конецъ своей жизни онъ склонялся къ союзу съ Франціей. Онъ былъ тогда въ открытой борьбѣ съ императоромъ Фридрихомъ Барбароссой и вездѣ ухитрялся найти поддержку противъ него. Поддержка короля Людовика XII казалась ему особенно выгодной, и онъ тщательно искалъ средствъ, чтобы сблизиться съ этимъ монархомъ. Къ тому же эта мысль висѣла въ воздухѣ. Начиная съ 1171 или 1172 года папа Александръ III, съ которымъ Мануилъ былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, сталъ думать о пользѣ франко-византійскаго союза и совѣтовалъ Людовику VII соединить при помощи брака домъ Франціи съ домомъ Комниновъ. Такимъ образомъ греческій императоръ нашелъ почву вполне подготовленной, когда рѣшился сдѣлать болѣе формальныя предложенія.

Въ 1178 году Филиппъ Эльзасскій, графъ Фландрскій, возвращаясь изъ Палестины, остановился въ Константинополѣ. Царь, согласно обычаю, принялъ его съ большимъ торжествомъ и во время разговоровъ, которые завелъ съ латинскимъ принцемъ, открылъ ему свои намѣренія. „Императоръ спросилъ у него, рассказываетъ Эрнульская лѣтопись, нѣтъ ли у короля

Людовика французскаго дочери, которую можно выдать замужъ, и графъ отвѣчалъ, что есть у него такая, только еще мала, молода. На что императоръ Мануиль сказалъ, что у него только одинъ сынъ, малый ребенокъ, и что если король согласенъ прислать ему свою дочь для его сына, то, какъ только она пріѣдетъ, онъ его на ней женить и повѣнчаетъ его на царство и ее также: онъ будетъ императоромъ, а она императрицей. Такъ говорилъ и просилъ императоръ графа, чтобы взялся онъ быть его посломъ къ королю и что лучшаго человѣка, чѣмъ онъ, ему не найти и не послать. И что отправить онъ съ нимъ самыхъ отважныхъ изъ своихъ людей, чтобы привезти дѣвицу, если захочетъ король имъ ее довѣрить. Графъ отвѣчалъ, что охотно выполнить онъ порученіе и думается ему, что будетъ исполнена просьба его. Тогда императоръ велѣлъ приготовить своимъ посламъ и довѣрилъ имъ золота и серебра достаточно на ихъ траты, и отправилъ ихъ во Францію съ графомъ. И когда они пріѣхали во Францію, графъ пошелъ къ королю и передалъ порученіе отъ императора. И былъ король доволенъ и радостенъ, видѣлъ, что не можетъ выдать ее лучше. Велѣлъ снарядить ее какъ можно пышнѣе и какъ можно богаче (какъ прилично дочери такого важнаго человѣка, какъ короля французскаго) и поручилъ ее посламъ, а они повезли ее въ Константинополь къ императору“.

Эта дочь, „маленькая и молодая“, называлась Агнесой французской. Она была второй дочерью Людовика VII отъ его третьей жены, Алисы Шампанской, слѣдовательно, младшей сестрой

Филиппа Августа. Въ то время какъ весной 1179 года она покинула Парижъ, чтобы съѣхать на генуэзскіе корабли, которые должны были везти ее въ Константинополь, ей едва исполнилось восемь лѣтъ. Очувившись въ такомъ нѣжномъ возрастѣ въ новой странѣ, очень скоро забытая въ далекой Романи своими близкими, которые, повидимому, совершенно перестали интересоваться ею, она должна была больше, чѣмъ другія, свыкнуться съ обычаями своей новой родины. Во всякомъ случаѣ она должна была вести тамъ чрезвычайно любопытное, полное драматизма существованіе; свидѣтельница значительныхъ событій, она иногда даже должна была принимать въ нихъ серьезное участіе: и этотъ потускнѣвшій образъ заслуживаетъ интереса историка *).

* * *

Въ 1179 году, въ то время какъ маленькая Агнеса прибыла въ императорскій городъ, царствованіе Мануила Комнина приближалось къ концу. Однако, несмотря на печали послѣднихъ лѣтъ, императоръ все еще сохранялъ вѣру въ самого себя, а дворъ свое изящество и свой обычный блескъ. Среди празднествъ 2 марта 1180 года была совершена помолвка дочери Людовика VII съ наслѣдникомъ престола Кеса-

*) Ср. L. du Sommerard, Deux princesses d'Orient au XII-e siècle, Paris, 1907. Въ этой книгѣ читатель найдетъ интересную біографію Агнесы французской, мѣстами черезъ чуръ романическую для историческаго произведенія, но любопытную, хотя авторъ и пренебрегъ нѣкоторыми текстами, важными для психологіи его героини.

рей. Такъ какъ юному Алексѣю было всего одиннадцать лѣтъ, свадьба была отложена на болѣе поздній срокъ; но съ этихъ самыхъ поръ съ маленькой невѣстой обращались, какъ съ будущей императрицей и, согласно обычаю, вмѣсто французскаго имени Агнесы ей дали болѣе византийское имя Анны.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого въ сентябрѣ 1180 года смерть Мануила взвалила на плечи этихъ двухъ дѣтей всѣ тяготы и всю отвѣтственность верховной власти. Между тѣмъ обстоятельства были чрезвычайно трудныя, будущее сулило всякія опасности. Императоръ передъ смертью не сдѣлалъ никакихъ распоряженій: дѣла очень скоро приняли наихудшій оборотъ. Малолѣтній царь, „нуждавшійся еще въ наставникѣ и нянькѣ“ и бывшій вслѣдствіе полной заброшенности воспитанія легкомысленнымъ и малоспособнымъ; регентша Марія Антиохійская, окруженная плохими совѣтниками, возбуждавшая къ себѣ недружелюбное отношеніе, слишкомъ любимая нѣкоторыми и ненавидимая почти всѣми остальными; фаворитъ, человекъ посредственный и нахальный, подозрѣваемый соперниками въ стремленіи захватить престолъ,—таковы были люди, стоявшіе во главѣ правленія. Этого было достаточно, чтобы разнуздались недремавшія вождедѣнія честолюбцевъ, вождедѣнія Маріи, дочери императора Мануила, женщины отъ природы страстной и несдержанной, въ душѣ которой ненависть къ мачехѣ и чисто мужская энергія пробуждали самые смѣлые замыслы; вождедѣнія Алексѣя, незаконнаго сына Мануила, полагавшаго, что имѣетъ нѣкоторыя права на

престолъ, въ особенности вождельнія страшнаго Андроника Комнина, приключенія котораго, какъ извѣстно, внесли столько смуты въ предшествовавшее царствованіе. Противъ этихъ опасностей, угрожавшихъ со всѣхъ сторонъ, власть не имѣла ни поддержки, ни силы; сами члены императорской семьи, самые знатные государственные люди, недовольные, встревоженные, думали и заботились только о личныхъ дѣлахъ. „Не заботились больше о дѣлахъ общественныхъ; въ совѣтахъ имперіи была пустота“. Извѣстно, каковъ былъ результатъ такого плачевнаго состоянія, и тѣ кровавыя драмы, которыя разразились, одна за другой, въ столицѣ и во дворцѣ. Марія Комнина, поднявшая мятежъ противъ брата и выдержавшая настоящую осаду въ св. Софіи; Андроникъ, возставшій въ свою очередь, скоро овладѣвшій Константинополемъ и ставшій соправителемъ юнаго царя при восторженномъ одобреніи народа; низверженный фаворитъ, заключенный въ тюрьму, ослѣпленный; затѣмъ, по выраженію Никиты, „императорскій садъ, весь вырубленный“, Марія Комнина и мужъ ея отравленные, регентша Марія Антиохійская, осужденная за измѣну и преданная лютой казни; наконецъ, юный Алексѣй, низверженный, задушенный, и Андроникъ Комнинъ, овладѣвающій престоломъ: таковы событія, отмѣтившія эти три трагическіе года, испуганной свидѣтельницей которыхъ должна была стать Агнеса французская.

Въ то время какъ умеръ юный императоръ, оставивъ маленькую императрицу совершенно одну, покинутую въ чужомъ городѣ, ей было двѣнадцать лѣтъ. Она осталась беззащитной,

преданной въ руки новаго властелина, въ жертву всѣхъ его затѣй. Чтобы упрочить за собой похищенную имъ власть, Андроникъ не нашель ничего лучшаго, какъ жениться на невѣстѣ своего предшественника, и, несмотря на неравенство возраста (царю было больше шестидесяти лѣтъ), бракъ состоялся въ 1182 году и былъ отпразднованъ въ св. Софїи. Это произвело скандалъ даже въ Византіи, привыкшей ко всякимъ преступленіямъ. „Этотъ старикъ на закатѣ своихъ дней, пишетъ Никита, не устыдился соединиться съ молодой и хорошенькой женой своего племянника; этотъ разбитый, покрытый морщинами человѣкъ, обладалъ молодой дѣвушкой съ пальцами, подобными лепесткамъ розъ, отъ которой вѣяло благоуханіемъ любви“. Общественное мнѣніе Европы было не менѣе возмущено этимъ событіемъ. Одна только семья Агнесы, казалось, не была тѣмъ взволнована; ни изъ чего не видно, чтобы Филиппъ-Августъ былъ сколько-нибудь озабоченъ судьбой своей сестры.

Что еще любопытнѣй, это то, что сама принцесса, повидимому, легко примѣнилась къ своему новому положенію. Надо сказать, въ объясненіе этой странности, что ея бракъ со старымъ монархомъ былъ прежде всего союзомъ политическимъ, и что Андроникъ, весь поглощенный своими безчисленными любовницами, ни коимъ образомъ не навязывался своей молодой женѣ. Она, главнымъ образомъ, получила то внѣшнее удовлетвореніе, что пользовалась почестями верховной власти, удовольствіемъ присутствовать на церемоніяхъ, быть изображенной на памятникахъ въ парадномъ императорскомъ одѣяніи, рядомъ

со своимъ мужемъ. Кромѣ того, вѣроятно, что и она, подобно столькимъ другимъ, поддавалась очарованію этого великаго соблазнителя, какимъ былъ Андроникъ. Мы уже видѣли, какъ во время послѣдней трагедіи, гдѣ царь нашелъ себѣ смерть, она оставалась подлѣ него, рядомъ съ его любовницей, и какъ обѣ женщины, арестованныя съ царемъ во время его бѣгства, сдѣлали послѣднія усилія, чтобы избавить его отъ грозившей ему участи. Это было въ 1185 году. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, что она была замужемъ за Андроникомъ, молодая женщина много видѣла странныхъ зрѣлищъ при этомъ дворѣ, гдѣ флейтщицы и куртизанки пользовались бѣльшимъ вліяніемъ на своего властелина, нежели государственные люди, въ этихъ виллахъ Босфора, гдѣ Андроникъ любилъ, вмѣстѣ со своими любовницами, наслаждаться среди сельской тишины прелестями жизни, полной нѣги и сладострастія. Повидимому, Агнеса французская не была этимъ чрезмѣрно скандализована: быть можетъ, она была послѣдней побѣдой, одержанной Андроникомъ Комнинымъ, столь умнымъ и краснорѣчивымъ, столь ловкимъ и изворотливымъ, столь оболъстительнымъ, что уста его, по выраженію Никиты, Гермесъ натеръ „волшебной травкой, оболъщающей сердца“.

Неизвѣстно, что случилось съ молодой женщиной въ дни смутъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Андроника. Но можно съ полнымъ вѣроятіемъ предположить, что какъ только порядокъ возстановился, Агнеса, вдова двухъ императоровъ, была въ правленіе Исаака Ангела возстановлена во всѣхъ правахъ, какія Византія предоставляла

своимъ монархинямъ. Далѣе будетъ видно, что она сохранила пользованіе своей вдовьей частью, и можно думать, что она жила въ одномъ изъ этихъ императорскихъ дворцовъ, куда охотно удалялись свергнутыя съ престола царицы. И тутъ то началось ея новое приключеніе.

Федоръ Врана принадлежалъ къ одному изъ самыхъ знатныхъ аристократическихъ византійскихъ родовъ. Его отецъ Алексѣй, слывшій за лучшаго полководца своего времени, былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ служителей Андроника Комнина; мать его была племянница императора Мануила, любившаго называть ее „наипрекраснѣйшей изъ всѣхъ женщинъ“ и заявлять также, что она была „украшеніемъ семьи“. Будучи такимъ образомъ родственниками низложенной династіи, эти Врана не могли имѣть ни малѣйшей симпатіи къ правительству Исаака Ангела. Въ 1186 году Алексѣй возсталъ противъ императора и умеръ съ оружіемъ въ рукахъ подъ стѣнами Константинополя; вполне естественно, что Федоръ, хотя и служилъ въ войскѣ императора, могъ чувствовать только ненависть къ убійцѣ своего отца. Эта ли причина сблизила его съ Агнесой, являвшейся до нѣкоторой степени наслѣдницей правъ Комниновъ? Неизвѣстно. Но дѣло въ томъ, что въ 1190 году въ Константинополѣ стали поговаривать о близости между Враной и молодой женщиной, которой тогда было девятнадцать лѣтъ. Нѣсколько позднѣе, въ 1194 году, западный лѣтописецъ Aubry de Trois-Fontaines рассказываетъ слѣдующее: „Федоръ Врана содержалъ императрицу, сестру короля французскаго, и хотя она получала свою вдовью

часть, какъ императрица, онъ держалъ ее какъ свою жену; но онъ не вѣнчался съ ней торжественно законнымъ бракомъ, такъ какъ по обычаю страны такой бракъ лишилъ бы ее причитающейся вдовьей части“. Во всякомъ случаѣ связь была открыто объявлена и вскорѣ всѣми принята, тѣмъ болѣе, что Ѳедоръ Врана, сильно способствовавшій въ 1195 году низложенію Исаака Ангела, пользовался блестящимъ положеніемъ при дворѣ новаго императора Алексѣя.

Благодаря этому, своего рода морганатическому браку, скрѣпленному еще рожденіемъ дочери, Агнеса стала болѣе византійкой, чѣмъ когда-либо. Какъ это будетъ сейчасъ показано, она совершенно забыла языкъ своей родной земли; у нея не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія о семьѣ, никогда о ней не заботившейся. Нѣтъ доказательствъ, что въ 1196 году она видѣлась со своей сестрой Маргаритой, вдовой короля Венгерскаго, когда та предприняла путешествіе въ Святую Землю; и когда неожиданно въ 1203 году прибыли бароны четвертаго крестоваго похода, и она очутилась лицомъ къ лицу съ своими соотечественниками, можно по всѣмъ имѣющимся даннымъ заключить, что она была имъ вполнѣ чужой.

* * *

Извѣстно, какъ Ирина Ангель, царица византійская, взошедшая вслѣдствіе своего брака на германскій престолъ, уговорила мужа своего Филиппа Швабскаго принять сторону юнаго Алексѣя, ея брата, лишенаго власти узурпато-

ромъ, и какъ германскій императоръ заинтересовалъ въ дѣлахъ своего юнаго зятя венеціанцевъ и крестоносцевъ, въ это время съѣхавшихся въ Венеціи. Несомнѣнно, что еще и другія причины заставили направить въ сторону Константинополя экспедицію, предназначавшуюся для освобожденія Святой Земли. Экономическіе интересы венеціанской республики, приманка, какою служило великолѣпіе византійской столицы, возбуждая воображеніе западныхъ людей, перспектива грабежей и побѣдъ, рисовавшаяся всѣмъ этимъ искателямъ приключеній при мысли о такомъ походѣ, старая злоба, покоившаяся въ сердцахъ у латинянъ,—все это были причины, заставившія рѣшиться даже и бароновъ этого крестоваго похода. Наконецъ, еще одно соображеніе состояло во множествѣ реликвій, какими обладалъ Константинополь. Извѣстно, какое важное мѣсто занимали въ общественной и частной жизни средневѣковья эти драгоцѣнные останки, и какую цѣну имѣли въ особенности тѣ, что происходили съ Востока. Византія какъ разъ была полна этихъ священныхъ сокровищъ, и не безъ нѣкотораго тщеславія ихъ выставляли передъ глазами ослѣпленныхъ зрителей во дворцѣ, въ императорской дворцовой церкви, въ св. Софіи и другихъ церквяхъ. Такимъ образомъ въ глазахъ латинянъ императорскій городъ сталъ обширнымъ музеемъ, въ родѣ огромной священной раки, предназначенной снабжать всѣ святилища Запада; и можно думать, если принять въ соображеніе съ какой заботой относились побѣдители къ ракъ съ мощами и какое отводили ей мѣсто, что эта приманка играла не послѣднюю роль въ

важномъ рѣшеніи, заставившемъ, несмотря на формальное запрещеніе папы, направить свой путь на Константинополь такое количество благочестивыхъ людей, столькихъ служителей церкви, стремившихся къ собиранію, въ видѣ награды за побѣду, этихъ священныхъ сокровищъ.

Здѣсь не мѣсто излагать четвертый крестовый походъ. Будетъ достаточно напомнить о томъ, какъ латиняне, подступивъ къ Константинополю 23 іюня 1203 года, увидѣли себя вынужденными употребить силу, чтобы возстановить на престолѣ юнаго Алексѣя. 17 іюля былъ сдѣланъ приступъ: узурпаторъ, охваченный паникой, поспѣшно бѣжалъ, и возставшій народъ водворилъ на престолѣ Исаака Ангела. Первой заботой императора было поладить съ крестоносцами. Онъ подтвердилъ всѣ обѣщанія, данныя крестоносцамъ его сыномъ; онъ принялъ ихъ, какъ „благодѣтелей и охранителей имперіи“; въ особенности онъ щедрой мѣрой одарилъ ихъ богатствами столицы; и эта первая оккупация города, продолжавшаяся всего нѣсколько дней, только усилила алчность крестоносцевъ.

Вотъ тутъ-то мы и встрѣчаемся съ Агнесой французской въ одной сценѣ, очень характерной, выясняющей эволюцію, происшедшую въ ней. Среди важныхъ бароновъ латинской арміи находилось нѣсколько близкихъ родственниковъ молодой императрицы; графъ Балдуинъ Фландрскій былъ женатъ на ея племянницѣ; графъ Луи Блуасскій былъ сынъ ея сестры. Но, съ другой стороны, Федоръ Врана, ея любовникъ, былъ во главѣ защитниковъ, однимъ изъ послѣднихъ вѣрныхъ приверженцевъ царя Алексѣя Ангела.

Повидимому, Агнеса не колебалась, какой изъ двухъ партій отдать предпочтеніе. По словамъ Роберта Кларійскаго крестоносцы, сохранивъ нѣкоторое воспоминаніе, что какая-то французская принцесса, сестра ихъ короля, была нѣкогда выдана замужъ въ Константинополь, освѣдомились, какъ только претендентъ былъ водворенъ во дворцѣ, жива ли еще эта дама, „называвшаяся, какъ говоритъ лѣтописецъ, императрицей французской“. „И имъ сказали, что да, и что она замужемъ; что одинъ важный человекъ въ городѣ—по имени Верна (Врана) женился на ней; и что она жила во дворцѣ, неподалеку. И отправились туда бароны, чтобы увидѣть ее, и привѣтствовали ее, и много обѣщали ей всяческихъ услугъ. Она же была съ ними очень непривѣтлива и очень разгнѣвана, что они пришли туда и что они того Алексѣя короновали, и не хотѣла говорить съ ними. Но она заставляла говорить за себя латинянина (переводчика), и латинянинъ говорилъ, что она ничего не знаетъ по французски. Однако, что касается графа Луи,—который приходился ей кузеномъ,—она вошла съ нимъ въ сношенія“.

Въ двадцати четырехлѣтній періодъ, во время котораго французскіе родные забыли маленькую принцессу, отправленную въ Византію, и она также совершенно забыла свою родину. Она интересовалась только дѣлами Византіи, старинной враждой, какую Врана питали къ Исааку Ангелу; какъ гречанка, она негодовала на несвоевременное и злосчастное вмѣшательство этихъ иностранцевъ въ дѣла монархіи. Благодаря всему этому, анекдотъ, передаваемый Робертомъ

Кларійскимъ, является чрезвычайно многозначительнымъ; онъ доказываетъ, до какой степени Агнеса французская стала чужой своей родиной.

То, что затѣмъ послѣдовало, не могло отнюдь способствовать примиренію ея съ ея соотечественниками. Извѣстно, какъ видимое доброе согласіе между греками и латинянами не замедлило порваться въ теченіе зимы, проведенной крестоносцами подъ стѣнами Константинополя и какъ, послѣ того что національная революція свергла слабыхъ и недостойныхъ монарховъ, занимавшихъ престолъ, крестоносцы рѣшили завоевать Византию для самихъ себя. Извѣстно, какіе ужасы происходили въ теченіе нѣсколькихъ дней въ городѣ, взятомъ приступомъ. Когда городскія стѣны были взяты (12 апрѣля 1204 года), Агнеса французская со многими другими знатными дамами нашла убѣжище въ укрѣпленномъ дворцѣ Вукелеона. Маркизь Бонифаций Монферратскій подоспѣлъ во время, чтобы охранить царицу и ея спутницъ отъ всякихъ злоключеній. Но можно себѣ представить, каково ей было глядѣть на разграбленіе своей столицы, на грабежь дворца, опустошеніе церквей, оскверненіе и поруганіе св. Софіи, на бѣгство обезумѣвшаго городского населенія, на то, что такой несравненный городъ, какъ Константинополь, былъ преданъ всѣмъ безчинствамъ грубыхъ солдатъ. Изъ наивнаго разсказа Роберта Кларійскаго видно, что принесло латинянамъ ихъ плачевное предпріятіе: „Съ сотворенія міра, говоритъ онъ, не было видано и не было завоевано такого количества добычи, такого благороднаго, такого несмѣтно богатаго, ни во времена Александра, ни во времена Карла

Великаго, ни прежде того, ни послѣ того; и я никакъ не думаю, чтобы въ сорока самыхъ богатыхъ городахъ міра было бы столько сокровищъ, сколько нашли въ центрѣ Константинополя. И греки свидѣтельствовали, что двѣ трети сокровищъ всего міра были въ Константинополь, а треть разсѣяна по міру“. При видѣ всей этой насытившейся алчности, нахальства этихъ разбойниковъ, не имѣвшихъ уваженія ни къ кому и ни къ чему, Агнеса такъ же, какъ и Никита, должна была горько плакать при видѣ гибели царственнаго города и подумать, что и сарацины были бы милостивѣе крестоносцевъ.

* * *

Тѣмъ не менѣе, когда латинская имперія замѣнила монархію царей, когда графъ Балдуинъ Фландрскій, ея родственникъ, взошелъ на престоль Кесарей, въ сердцѣ Агнесы, казалось, вспыхнуло замершее чувство, и пробудилось сознаніе, что она француженка. Эта переменна должна была имѣть довольно любопытныя послѣдствія.

Въ одномъ мѣстѣ Никита говоритъ не безъ горечи и не безъ грусти объ этихъ грекахъ, „заключившихъ съ итальянцами миръ, чтобы получить отъ нихъ извѣстную часть земель, тогда какъ они должны были бы желать оставаться съ ними въ вѣчной враждѣ“. Среди „этихъ раболѣпныхъ душъ, изъ-за тщеславія вооружившихся противъ родины,“ былъ Федоръ Врана, любовникъ Агнесы Французской. Можно предполагать, что онъ присоединился къ новому ре-

жиму подъ вліяніемъ своей любовницы. Послѣдняя, дѣйствительно, нашла, благодаря основанію латинской имперіи, неожиданную для себя выгоду. Aubry de Trois-Fontaines рассказываетъ, что Вранѣ тогда замѣтили „что онъ лишалъ законнаго брака императрицу, сестру французскаго короля,“ и убѣдили его упорядочить положеніе бракомъ. Само собою разумѣется, что Агнеса была за это благодарна и сблизила своего мужа съ тѣми, кому считала себя обязанной благодарностью.

Во всякомъ случаѣ Ѳеодоръ Врана сдѣлался съ этихъ поръ одной изъ самыхъ вѣрныхъ поддержекъ новой имперіи. „Это былъ, говоритъ про него Вилльардуинъ, грекъ, державшійся за нихъ, а ни одинъ грекъ не держался за нихъ, кромѣ него.“ Впрочемъ, эта рѣдкая преданность была доступнымъ образомъ вознаграждена. Врана получилъ отъ императора въ ленное владѣніе Апросъ, и во главѣ нѣсколькихъ латинскихъ союзниковъ онъ служилъ, какъ вѣрный вассалъ, своему новому господину. Затѣмъ, когда въ 1206 году городъ Апросъ былъ взятъ болгарами и уничтоженъ, знатный греческій вельможа имѣлъ случай сыграть еще болѣе важную роль. Онъ былъ очень популяренъ во Фракіи, которою нѣкогда управлялъ по назначенію царя, и въ особенности въ Адрианополѣ, откуда родомъ была его семья. Народонаселеніе той мѣстности, уstraшенное неистовствами болгаръ, предложило подчиниться ему и образовать подъ его властью вассальное княжество латинскаго императора. „Такимъ образомъ, согласно выраженію Вилльардуина, греки и франки могли бы быть въ доб-

ромъ согласіи.“ Генрихъ Фландрскій, правившій за своего брата Балдуина, взятаго въ плѣнь болгарами, искусно воспользовался такимъ выгоднымъ случаемъ. Въ 1206 году онъ по формальному договору передалъ въ ленное владѣніе Вранѣ и „императрицѣ супругѣ его“ Адрианополь и Дидимотику съ ихъ округомъ. Звучный титулъ еще увеличилъ въ глазахъ грековъ престижъ ихъ новаго господина; актъ инвеституры былъ составленъ на имя „благороднаго Кесаря Ѳедора Враны Комнина.“ Отрядъ латинскихъ рыцарей оставался въ Адрианополѣ, чтобы помогать ему защищать свое княжество. И „такъ, говоритъ Вилльардуинъ, былъ заключенъ договоръ, и заключенъ и установленъ миръ между греками и франками.“

Агнеса Французская старалась, сближая побѣжденных и побѣдителей, упрочить, поскольку это отъ нея зависѣло, государство основанное латинянами. Несомнѣнно, что она и въ своемъ княжествѣ продолжала работать надъ дѣломъ примиренія, котораго она была инициаторшей. Дѣйствительно, до послѣднихъ дней своей жизни Ѳедоръ Врана, согласно своимъ обѣщаніямъ, вѣрно служилъ имперіи и императору; въ своемъ княжествѣ, впрочемъ, онъ былъ почти царемъ, и въ этой совершенно греческой средѣ Агнеса продолжала жить византійской царицей.

Мы мало знаемъ объ ея послѣднихъ годахъ. Одна подробность, однако, позволяетъ думать, что сердце ея все больше и больше склонялось къ Франціи. За французскаго барона Наржо Тусійскаго выдала она свою дочь въ 1218 или 1219 году. Точно также позднѣе и внучка ея

должна была выйти за француза Вильгельма Вилльардуина, сына князя Ахейскаго, а внукъ ея Филиппъ Тусійскій любилъ ссылатся на свое французское происхожденіе и на свое родство съ королевскимъ родомъ Франціи. Жуанвиль рассказываетъ, что онъ прибылъ въ 1252 году въ Палестину, посѣтитъ Людовика Святого, „и говорилъ король, что онъ былъ его кузеномъ, ибо вель свой родъ отъ одной изъ сестеръ короля Филиппа, которую самъ императоръ взялъ себѣ въ жены.“ И въ началѣ XIX вѣка еще Марино Санудо говорилъ о „дочери короля французскаго,“ сдѣлавшейся византійской императрицей, а въ послѣдствіи вышедшей замужъ за одного барона греческой имперіи.

Такимъ образомъ, много времени спустя послѣ ея смерти, послѣдовавшей въ 1220 году, Западъ сохранялъ еще память объ Агнесѣ Французской, императрицѣ Востока, судьба которой несомнѣнно была одной изъ самыхъ странныхъ среди судебъ столькихъ западныхъ принцессъ, вышедшихъ замужъ въ Константинополь. Болѣе чѣмъ кого другого обстоятельства оторвали ее отъ родной почвы; болѣе всѣхъ другихъ она стала византійкой по языку и по душѣ. А между тѣмъ, когда спустя четверть вѣка, волею случая, вновь очутилась она лицомъ къ лицу со своими соотечественниками, сердце ея послѣ минуты колебанія обратилось вновь къ родной землѣ. Жена важнаго греческаго вельможи, она не послѣдовала за нимъ и не перешла на сторону патриотовъ, непоколебимо противодѣйствовавшихъ иноземцамъ; она не эмигрировала съ нимъ въ Никею или какой-нибудь другой городъ; напро-

тивъ, она склонила своего мужа примкнуть къ франкамъ, сдѣлала изъ него феодала новой имперіи и предложила ему взять на себя задачу примирить, если возможно, эти двѣ враждующія націи. Дочь Франціи по своему рожденію, умершая въ греческомъ вассальномъ княжествѣ латинскаго императора, основавъ вмѣстѣ съ Феодоромъ Враной семью, которая стала французской, она такимъ образомъ, и несмотря на приключенія и бурно проведенную часть жизни, сумѣла гармонично сочетать свой смертный одръ съ своею колыбелью.

ГЛАВА VII.

Констанція Гогенштауфенъ, никейская императрица.

Въ Валенціи, въ Испаніи, въ маленькой церкви Юанна Больничнаго можно видѣть въ часовнѣ св. Варвары деревянный гробъ, на которомъ начертана по испански слѣдующая надпись: „Здѣсь лежитъ тѣло донны Констанціи, августѣйшей императрицы греческой.“ Что эта за монархиня византійской имперіи, столь мало извѣстная, и по какому странному случаю прибыла она съ далекаго Востока, чтобы жить и умереть подъ небомъ Иберіи. Это исторія печальная и романическая въ одно и то же время, любопытный эпизодъ изъ отношеній, какія поддерживали между собою Востокъ и Западъ *) въ XIII столѣтіи.

*, * *

Около 1238 года въ Европѣ готовились великія событія. Это было время, когда на Во-

*) Шлумбергеръ первый обратилъ вниманіе на эту забытую царицу въ любопытной статьѣ: *Le tombeau d'une impératrice byzantine à Valence* (*Rev des Deux Mondes*, 15 марта 1902). Мы многимъ обязаны этой интересной работѣ.

стокъ Іоаннъ Дука Ватаци, греческій императоръ Никейскій, съ все возрастающимъ успѣхомъ боролся противъ слабой латинской имперіи—Константинопольской; время, когда на Западѣ Фридрихъ II Гогенштауфень еще разъ возобновилъ свою вѣчную войну съ папствомъ. Балдуинъ II, императоръ Константинопольскій, которому тогда папа покровительствовалъ, при чемъ это покровительство являлось для него единственной поддержкой, находился въ силу этого обстоятельства неизбѣжно во враждебныхъ отношеніяхъ съ великимъ императоромъ швабскимъ, и политика Фридриха II естественно должна была стараться дѣйствовать и тутъ, чтобы ослаблять непримиримаго противника, какимъ былъ для него папа. Съ этой цѣлью онъ не задумался, будучи римскимъ католикомъ и латиняниномъ, вступить въ союзъ съ греками-схизматиками противъ государства католическаго и латинскаго.

Это не должно удивлять, если вспомнить, какой свободный и могучій умъ былъ этотъ послѣдній изъ Гогенштауфеновъ. Посвященный еще въ Сициліи съ самаго дѣтства во всѣ великолѣпія цивилизаціи греческой и арабской, ученый и увлекавшійся наукой, какъ гуманистъ Возрожденія, кромѣ того, плѣненный до чрезвычайности нравами мусульманскаго востока, полными страстности и нѣги, этотъ принцъ, съ душой человека свѣтскаго и космополита, рѣшилъ вырвать міръ изъ тисковъ церкви, не только уничтоживъ свѣтскую власть папства, но и уничтоживъ духовное вліяніе Рима. Положить навсегда конецъ бесполезному безумію крестовыхъ походовъ, заключить миръ съ исламомъ, отнять

у папы и передать въ вѣдѣніе императора верховное руководство христіанскимъ міромъ,— таковы были, между прочимъ, мечты, которыя лелѣялъ въ своей геніальной душѣ этотъ разносторонній, почти современный намъ по духу монархъ. Его враги утверждаютъ, что онъ не вѣрилъ въ Бога, отрицалъ безсмертіе души, что на ряду со слѣпой вѣрой онъ провозглашалъ высшія требованія разума, говоря, „что чело-вѣкъ долженъ вѣрить только въ то, что можетъ быть доказано силой вещей и естественнымъ разумомъ.“ Послѣ этого станетъ понятнымъ, что умъ его, освободившись отъ всякихъ устарѣлыхъ предразсудковъ, не видѣлъ ничего предосудительнаго въ общеніи со схизматиками или невѣрными, разъ что ихъ поддержка могла ему быть полезной въ борьбѣ противъ главнаго его врага,—папства.

Отсюда сношенія, какія онъ завелъ съ византійскимъ дворомъ въ Никеѣ. Фридрихъ II обѣщалъ Ватаци очистить Константинополь отъ латинянъ и возвратить его законному владыкѣ; за это греческій императоръ обязывался признать себя вассаломъ императора Запада и возстановить единеніе церквей. Трудно сказать, какая доля искренности заключалась въ этихъ обѣщаніяхъ. Въ предполагавшемся союзѣ греки прежде всего видѣли средство болѣе легкаго отвоеванія Константинополя; Фридрихъ II — средство отнять у папства силу, которую оно старалось привлечь на свою сторону. Какъ бы то ни было, но обѣ стороны пришли къ соглашенію. Съ 1238 года греческое войско по распоряженію царя расположилось въ Италіи къ услугамъ

императора Швабскаго. Скоро сближеніе двухъ императоровъ стало еще тѣснѣй. Въ 1244 году одна изъ дочерей Фридриха II вышла замужъ за греческаго императора никейскаго.

* * *

Въ 1241 году Іоаннъ Дука Ватаци потерялъ свою первую жену Ирину Ласкаръ. Скоро послѣ этого, „уставъ отъ своего одиночества“, какъ говоритъ одинъ современникъ, онъ задумалъ жениться вторично и попросилъ у своего великаго союзника руку его дочери. Она носила имя Констанціи и родилась отъ брака Фридриха II съ Біанкой Ланчіей, той самой, которая была также матерью знаменитаго Манфреда. Императоръ охотно согласился на бракъ, укрѣплявшій его союзъ съ греками; и несмотря на то, что между будущими супругами была громадная разниця въ лѣтахъ,—въ 1244 году Іоанну было пятьдесятъ два года, а Констанція была совсѣмъ молоденькая,—бракъ былъ рѣшенъ.

Событіе это произвело на Западѣ, особенно въ папской партіи, чрезвычайный скандалъ. На Ліонскомъ соборѣ, нѣскольکو позднѣе, Иннокентій IV не колеблясь приводитъ среди другихъ причинъ, оправдывавшихъ, какъ ему казалось, отлученіе Фридриха II, и эту причину, то, „что онъ породнился съ еретиками“. Еще раньше, и по той же причинѣ, папа торжественно отлучилъ императора Ватаци и весь его народъ, „называя нагло еретиками, какъ писалъ объ этомъ Фридрихъ своему союзнику, этихъ крайне православныхъ грековъ, черезъ которыхъ христіанская

вѣра распространилась по всему міру“, величая вѣроотступниками и виновниками скандала народъ, въ теченіе вѣковъ и отъ самаго начала славившійся своимъ благочестіемъ и проповѣдовавшій евангеліе мира латинскому міру, которымъ править римскій первосвященникъ“. Ничто не могло такъ тѣсно сплотить интересы двухъ монарховъ, какъ это общее осужденіе. „Мы отнюдь, писалъ Фридрихъ другому лицу, съ которымъ былъ въ перепискѣ, не защищаемъ только наше право, но и права всѣхъ другихъ народовъ, нашихъ друзей, соединенныхъ искренно въ любви ко Христу, и въ особенности грековъ, нашихъ друзей и союзниковъ, съ которыми папа, по причинѣ нашего къ нимъ расположенія и не смотря на то, что они народъ самый христіанскій, обошелся съ послѣдней дерзостью, называя нечестивымъ этотъ благочестивый народъ, и еретической эту очень православную націю“. Точно также и Ватаци, отправляя императору часть своего войска, поздравлялъ себя съ побѣдами, какія принцъ швабскій одерживалъ надъ ихъ общимъ врагомъ. Залогомъ этого политическаго сближенія была принцесса Констанція. Она должна была стать его жертвой.

* * *

Свадьба царя и дочери Фридриха II была отпразднована въ Бруссѣ. Судя по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ мною изъ одного еще неизданнаго текста, надгробнаго слова императору Ватаци сына его Ѳедора Ласкаря, греческій монархъ отправился съ большою военною свитой изъ сво-

ей столицы Никеи въ городъ, гдѣ его ожидала молодая невѣста. Какъ кажется, старый монархъ былъ даже нѣсколько затрудненъ путешествіемъ и почувствовалъ себя довольно серьезно нездоровымъ. Свадебныя празднества тѣмъ не менѣе были очень торжественны. Греки чувствовали себя чрезвычайно польщенными этимъ союзомъ, „блескъ и слава котораго, пишетъ Федоръ Ласкаръ, и всѣ другія преимущества могутъ не видѣть только дураки и невѣжды“. Придворные поэты прославляли одинъ передъ другимъ такой прекрасный и прибыльный союзъ; наперерывъ передъ молодой монархиней раскрывали все великолѣпіе византійской роскоши. Согласно обычаю, она перемѣнила свое западное имя на болѣе греческое имя Анны и нашла великолѣпный пріемъ въ этомъ городѣ Никеѣ, съ виду бывшемъ уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ похожимъ на большую столицу, и особенно любимомъ греками патриотами, „ибо имя его, говоритъ Федоръ Ласкаръ, заключаетъ въ себѣ предсказаніе побѣды“. Это кажущееся счастье было, однако, не продолжительно; странное происшествіе скоро нарушило гармонію императорской четы.

Такъ какъ новая императрица была почти ребенокъ, отецъ ея далъ ей при отъѣздѣ ея изъ Италіи довольно многочисленную свиту, состоявшую изъ женщинъ ея національности, и среди нихъ, чтобы исполнять при ней „должность гувернантки и наставницы“, чрезвычайно красивую женщину, называемую византійскими лѣтописцами „маркизой“. Маркиза была красавица; особенно удивительны были у нея глаза, и она обладала исключительной граціей. Императоръ

же Ватаци имѣлъ всегда темпераментъ крайне влюбчивый, и его маленькая жена съ Запада, на которой онъ женился, главнымъ образомъ, изъ-за политическихъ соображеній, мало его интересовала. Маркизъ не трудно было заинтересовать его больше; такъ какъ она охотно принялась за это дѣло, такъ какъ, по словамъ одного лѣтописца, „своими любовными напитками и чарами она заколдовала царя“, то и не замедлила стать открыто признанной фавориткой и соперницей своей юной госпожи. Ватаци не могъ ни въ чемъ ей отказать. Ей было разрѣшено носить императорскіе знаки отличія, пурпуровыя туфли; когда она отправлялась куда-либо верхомъ, пона на ея лошади и возжи были пурпуровыя, какъ у царицы; ее сопровождала блестящая свита; по пути ея слѣдованія ей оказывали тѣ же почести, что императрицѣ; и подданные, какъ въ городѣ, такъ и во дворцѣ, выказывали ей тотъ же почетъ, что законной монархинѣ, и даже нѣсколько больше. Царь, совершенно очарованный, уступалъ всѣмъ капризамъ своей любовницы; Анна была открыто поставлена на второе мѣсто.

Обстоятельство это возбудило нѣкоторый скандалъ при Никеискѣмъ дворѣ. Среди приближенныхъ императора однимъ изъ самыхъ выдающихся былъ въ то время знаменитый писатель Никифоръ Влеммидъ. Ватаци назначилъ его на должность воспитателя наследника престола, онъ заслужилъ на этомъ довѣренномъ посту дружбу своего воспитанника и приобрѣлъ благоволеніе монарха. Это былъ человекъ души суровой и непреклонной, очень благочестивый, относившійся

съ большимъ презрѣніемъ ко всему, что не касалось дѣлъ благочестія, и обратившій на себя вниманіе своей сильной непрязнью къ латинянамъ. Кромѣ того, онъ гордился своей откровенностью; и хотя его свободная рѣчь навлекала на него частыя нападки, ему всегда удавалось сохранить за собой довѣріе, какимъ онъ пользовался. Влеммидъ рѣшительно сталъ противъ фаворитки. Въ ней онъ ненавидѣлъ не только иностранку, онъ ненавидѣлъ въ ней также и женщину. Въ прежнія времена, когда ему было двадцать лѣтъ, у него была любовная исторія, плохо кончившаяся; онъ затаилъ въ себѣ послѣ этого непримиримую злобу ко всему женскому полу. И вотъ онъ смѣло открылъ походъ противъ маркизы; началъ съ того, что принялся писать на нее памфлеты. И такъ какъ у этого защитника нравственности рука была далеко не легкая, онъ не скупился на комплименты для своей неприятельницы. „Царица безстыдства, поруганіе міра, скандалъ вселенной, ядъ смертоносный, развратница, менада, куртизанка“, таковы были, между прочимъ, пріятные эпитеты, которыми онъ ее надѣлялъ.

Императору, человѣку осторожному, въ достаточной мѣрѣ надоѣдала эта огласка; порой онъ также испытывалъ нѣкоторыя угрызенія совѣсти по поводу приключенія, въ какое онъ запутался. Но сердце его было плѣнено, и онъ успокаивалъ свои угрызенія, говоря себѣ, что Богъ откроетъ ему, когда настанетъ время, часъ покаянія. Покуда онъ продолжалъ предаваться своей страсти. Что касается маркизы, она становилась все смѣлѣе. Болѣе властная, болѣе

дерзкая, чѣмъ когда-либо, она свысока обращалась со всѣми, кто только приближался къ ней; даже въ отношеніи самой императрицы она держала себя, открыто, какъ ея соперница, считая себя, какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ „истинной царицей и больше, чѣмъ царицей“. Такъ шли дѣла въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ, когда одна драматическая случайность свела маркизу съ ея врагомъ.

Влеммидъ былъ въ 1248 году настоятелемъ въ монастырѣ св. Григорія Чудотворца близъ Ефеса. Фавориткѣ пришла въ голову мысль, въ видѣ вызова, отправиться туда. Въ парадномъ царскомъ облаченіи, въ сопровожденіи блестящей свиты, она нагрязнула въ монастырь, при чемъ ни у кого не хватило смѣлости затворить передъ ней двери, и вошла въ церковь какъ разъ въ ту самую минуту, когда община отправляла тамъ богослуженіе. Влеммидъ однимъ движеніемъ тотчасъ останавливаетъ священника, бывшаго въ алтарѣ, и прерываетъ священное служеніе; затѣмъ, обратившись къ маркизѣ, приказываетъ ей оставить святое мѣсто, которое она вдвойнѣ оскверняетъ, будучи недостойна по своему поведенію участвовать въ общеніи вѣрныхъ, и нанося своимъ присутствіемъ публичное оскорбленіе священнымъ законамъ религіи. При такомъ ужасномъ поношеніи маркиза невольно отступаетъ; затѣмъ раздражается слезами, умоляетъ монаха не изгонять ее изъ святого мѣста; наконецъ, охваченная священнымъ ужасомъ, она соглашается на уступку и выходитъ изъ церкви. Но вооруженные люди, бывшіе въ ея свитѣ, возмущаются униженіемъ, нанесеннымъ ихъ госпожѣ.

Ихъ начальникъ, нѣкій Дримись, заявляетъ, что послѣ такого оскорбленія игумень не достоинъ жить, и, присоединяя къ слову дѣло, хочетъ обнажить мечъ. Но тутъ, о чудо! мечъ остается прикованнымъ къ ножнамъ, и, несмотря на всѣ усилія, офицеру не удается извлечь его. Обезумѣвъ отъ гнѣва, Дримись выкрикиваетъ оскорбленія и шумить. Влеммидъ, невозмутимый, заявляетъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ нарушитъ законъ Христа. Въ концѣ концовъ, невольно пораженные такою смѣлостью, осаждающіе удаляются; но вслѣдъ за тѣмъ императору приносится жалоба на дерзкаго монаха, осмѣлившаго противиться фавориткѣ. Подстрекаемая своими приближенными, маркиза требуетъ мщенія, утверждая, что въ ея лицѣ было оскорблено само императорское величество. Дримись съ своей стороны заявляетъ, что въ дѣло замѣшано колдовство, что только такимъ образомъ онъ не могъ извлечь своего меча изъ ноженъ, и требуетъ наказанія колдуну. И уже Влеммидъ начиналъ испытывать нѣкоторыя опасенія за послѣдствія, какія могъ имѣть его смѣлый поступокъ.

Сохранилось его посланіе, своего рода циркуляръ, обращенный имъ въ это время ко всѣмъ монахамъ имперіи, чтобы до извѣстной степени вывѣдать объ общественномъ мнѣніи относительно этого случая. Въ немъ онъ рассказывалъ о дѣлѣ во всѣхъ подробностяхъ, оправдывалъ свое поведеніе и, въ крайне сильныхъ выраженіяхъ возставая противъ фаворитки, онъ опредѣлялъ, какого поведенія долженъ былъ держаться служитель церкви въ отношеніи такой женщины и при данныхъ обстоятельствахъ. „Тотъ, кто хочетъ

угождать людямъ, писалъ онъ, отнюдь не есть истинный служитель Божій“; и кончалъ свое посланіе такъ: „Вотъ по какимъ побужденіямъ мы, не колеблясь, изгнали нечестивую изъ святаго мѣста, ибо не могли взять на себя дать святое причастіе женщинѣ безстыдной и нечестивой, равно не могли и ронять передъ той, что погрязаетъ въ пороки и нечестіи, драгоценныя и дивныя слова божественной литургіи“.

Однако императоръ Ватаци тѣмъ не менѣе, повидимому, отказался потакать мстительности своей любовницы, несмотря на пылъ своей страсти къ ней. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что со вздохомъ и со слезами на глазахъ сказалъ ей: „Зачѣмъ хочешь ты, чтобы я наказалъ этого праведника? Еслибы я самъ сумѣлъ жить безъ позора и безъ стыда, я сумѣлъ бы и уберечь императорское величество отъ всякаго посягательства на него. Но я самъ далъ поводъ ко всякимъ оскорбленіямъ, которыя сыпятся теперь на мою особу и на мое достоинство. Поэтому я только пожинаю то, что самъ посѣялъ“.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на добровольное милосердіе царя, враги монаха устроили такъ, что онъ, хотъ иначе, а все-таки искупилъ свою смѣлую выходку. „Было, замѣчаетъ Влеммидъ въ оставленной имъ любопытной автобіографіи, много безпокойства и смуты“. Это очень неясно. Но во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что въ 1250 году игумень былъ въ нѣкоторой немилости. Въ это время, къ большому его счастью, на Востокъ прибыли папскіе послы и такъ какъ была большая нужда въ богословской эрудиціи и въ діалектическомъ краснорѣчии ученаго грека,

для участія въ спорахъ при собесѣдованіяхъ въ Нимфеѣ, то этимъ самымъ онъ очень кстати возвратилъ себѣ прежнее вліяніе, что позволило ему главнымъ образомъ избѣгнуть дурныхъ послѣдствій того печальнаго случая, въ какой онъ попалъ, вступивъ въ борьбу съ всесильной фавориткой, „одно имя которой, какъ онъ самъ писалъ, возбуждало ужасъ“.

Что думала о всѣхъ этихъ громкихъ происшествіяхъ императрица Анна, находившаяся въ такомъ явномъ пренебреженіи? Неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ отецъ ея, Фридрихъ II, какъ кажется, ни мало о томъ не заботился, если только эти слухи дошли до него. Сохранилось нѣсколько крайне любопытныхъ писемъ, писанныхъ по гречески въ 1250 году императоромъ и адресованныхъ „его любезнѣйшему зятю“. Онъ выражаетъ въ нихъ Ватаци „свою полную симпатію и искреннюю привязанность“; онъ объявляетъ ему объ одержанныхъ въ Италіи его войскомъ побѣдахъ, „ибо мы знаемъ, пишетъ онъ, что ваше величество радуется вмѣстѣ съ нами всякому нашему благополучію и всякому нашему успѣху“; полный вѣры въ самого себя и въ будущее, онъ прибавляетъ: „Увѣдомляю васъ, что поддерживаемые и руководимые божественнымъ Провидѣніемъ, мы находимся въ добромъ здравіи, въ хорошемъ положеніи, ежедневно бьемъ непріятели, и что касается насъ самихъ, все идетъ согласно нашему желанію“. Затѣмъ онъ поздравляетъ греческаго императора съ успѣхами, которые тотъ въ свою очередь одержалъ надъ латинянами, и въ особенности предостерегаетъ его противъ интригъ папской политики.

Надо видѣть, съ какой силой и рѣзкостью Фридрихъ II возстаетъ „противъ этихъ пастырей Израиля, которые отнюдь не священнослужители церкви Христовой“, и противъ главы ихъ, папы, „отца лжи“, какъ онъ его называетъ. Дѣло въ томъ, что Иннокентій IV какъ разъ отправилъ въ Никею посольство, съ цѣлью порвать союзъ между двумя императорами и возстановить единеніе церквей. Хотя Фридрихъ II поздравлялъ себя нарочно съ якобы „крайней и непоколебимой любовью“, какую Ватаци сохранялъ къ „своему отцу“, онъ въ душѣ нѣсколько тревожился за послѣдствія этого шага. Поэтому онъ спѣшилъ предупредить греческаго монарха, что никакъ не „въ интересахъ вѣры“ было отправлено къ нему это посольство, но единственно съ цѣлью „посѣять раздоръ между отцомъ и сыномъ“. И такъ какъ Ватаци, одно время соблазненный папскими предложеніями, рѣшилъ вступить въ переговоры съ Римомъ и отправилъ въ Италію уполномоченныхъ, Фридрихъ II прибавлялъ: „Наше Величество хочетъ, наконецъ, по отцовски побранить сына за его поведеніе“, ибо сынъ „безъ вѣдома отца“ принялъ такое важное рѣшеніе; и, напоминая, что онъ имѣетъ опытъ относительно дѣлъ Запада, онъ не безъ нѣкоторой ироніи прибавлялъ, что никогда не позволилъ бы себѣ ничего рѣшить относительно дѣлъ Востока, не посовѣтовавшись съ Ватаци, знавшимъ ихъ гораздо лучше его. Послѣ всего этого онъ объявлялъ, что намѣренъ принять уполномоченныхъ царя, прежде чѣмъ они отправятся дальше. Это онъ и сдѣлалъ дѣйствительно. Когда послы прибыли на Западъ, онъ

задержалъ ихъ, до новаго распоряженія, въ южной Италиі.

Въ этихъ чисто политическихъ письмахъ нѣтъ ни одного слова, касающагося императрицы Анны. Единственно только Фридрихъ II слегка касается ея, когда напоминаетъ объ отлученіи, какому подвергъ его папа по поводу брака, однако, „законнаго и каноническаго“, въ которомъ царь соединился „съ нашей, столь любезной намъ дочерью“. Итакъ, несмотря на невѣрности Ватаци, несмотря и на интриги папы, дружескій союзъ между двумя монархами продолжалъ существовать, и, какъ видно, императоръ усиленно упиралъ, съ цѣлью его упрочить, на близкое родство, соединявшее зятя съ свекромъ. Однако, въ дѣйствительности именно начиная съ этого времени связь между ними нѣсколько ослабѣла; можетъ быть потому, что царица Анна не сумѣла достаточно заинтересовать своего мужа. Когда въ декабрѣ 1250 года великій императоръ швабскій умеръ, эта связь должна была быстро распастись окончательно.

Получивъ благодаря этому обстоятельству свободу, греческое посольство прибыло къ Иннокентію IV, и начались переговоры, приведшіе въ 1254 году къ полному соглашенію. По этому договору папа предоставлялъ царю полную свободу дѣйствія относительно латинской Константинопольской имперіи; въ обмѣнъ за это греческій императоръ обѣщалъ реализовать соединеніе церквей. Чтобы возсоздать вновь единство христіанскаго міра, Иннокентій IV отнюдь не задумывался пожертвовать политическимъ учрежденіемъ, созданнымъ четвертымъ крестовымъ по-

ходомъ. Чтобы вновь завоевать столицу имперіи, Ватаци не задумывался пожертвовать независимостью греческой церкви. Со стороны обоихъ договаривающихся это была полная измѣна традиціонной политикѣ, и черезъ это событіе принимало-первостепенное значеніе. Несомнѣнно оно обозначало конецъ греко-нѣмецкаго союза, подготовленнаго и освященнаго бракомъ 1244 года.

Во всякомъ случаѣ, нѣсколько раньше этого, оттого ли, что маркиза исчезла, оттого ли, что, по мѣрѣ того какъ она выросла, юная императрица Анна прибрѣтала нѣкоторое вліяніе на своего мужа, но въ 1253 году при Никейскомъ дворѣ произошелъ любопытный случай. Послѣ смерти Фридриха II однимъ изъ первыхъ дѣлъ Конрада IV, его законнаго сына, было изгнать Ланчіевъ, то есть родныхъ матери Анны и Манфреда. Изгнанники отправились искать пріюта въ Никею, и Іоаннъ Ватаци очень радушно принялъ Гальвано Ланчія, дядю своей жены, и другихъ ея родственниковъ. Онъ даже оказалъ имъ такое явное покровительство, что Конрадъ IV счелъ себя оскорбленнымъ и сталъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ жаловаться на поведеніе царя. Онъ отправилъ по этому поводу на Востокъ спеціального посла, маркиза Бертольда Гогенбургскаго, который своей миссіей и высококомѣрнымъ обращеніемъ оставилъ по себѣ надолго воспоминаніе въ Никеѣ. Такимъ требованіямъ греческій императоръ долженъ былъ уступить. Но можно думать, что недовольство, какое онъ при этомъ испыталъ, окончательно отдалило его отъ Гогенштауфеновъ и бросило въ объятія папы.

Разъ происшедшій разрывъ оказался окончательнымъ. Противно тому, что можно было бы предположить, наслѣдникъ Конрада IV Манфредъ, вступивъ въ 1254 году на престолъ, не сдѣлалъ ничего, чтобы сблизиться съ мужемъ своей сестры; и напротивъ выказалъ себя крайне дурно расположеннымъ къ императору Никейскому. Такъ что, когда въ свою очередь умеръ Іоаннъ Ватаци, 30 октября 1254 года, союзъ, о которомъ мечталъ Фридрихъ II, оставался не больше какъ однимъ воспоминаніемъ.

* * *

Послѣ вышесказаннаго понятно, что, оставшись при такихъ условіяхъ вдовой, Анна охотно возвратилась бы на родину. Ея положеніе при Никейскомъ дворѣ стало дѣйствительно послѣ смерти мужа очень труднымъ. Наслѣдникъ Ватаци, Ѳеодоръ II Ласкаръ, относился крайне враждебно къ латинянамъ вообще, и такъ какъ онъ былъ сыномъ отъ перваго брака, онъ особенно ненавидѣлъ свою мачеху и дурно съ ней обращался. Кромѣ того, такъ какъ политика Манфреда становилась все болѣе и болѣе враждебной грекамъ, новый царь, видѣвшій въ сестрѣ короля Сицилійскаго драгоцѣнный залогъ, считалъ выгоднымъ имѣть ее въ своихъ рукахъ и изъ предосторожности держалъ ее въ полуплѣну. Такимъ образомъ одинокая, нелюбимая въ далекой странѣ она, съ другой стороны, не могла вырваться оттуда. Положеніе оставалось тѣмъ же, когда послѣ смерти Ѳеодора Ласкаря Михаилъ Палеологъ похитилъ тронъ и въ 1261 году вновь

завоевалъ Константинополь. Единственная пере-мѣна въ положеніи Анны состояла въ томъ, что вмѣстѣ со дворомъ она изъ Никеи, все такой же полуплѣнницей возвратилась въ Византію. И тутъ съ дочерью Фридриха II случилось послѣднее происшествіе.

Естественно, что, согласно византійскому этикету, юная монархиня сохраняла положеніе и образъ жизни, какіе приличествовали императрицѣ. Впрочемъ, она крайне скромно пользовалась своими преимуществами. „Она украшала свое существованіе, говоритъ одинъ лѣтописецъ, красотой своихъ добродѣтелей, и чистота ея нравовъ еще больше выдавала сіяющую прелесть ея лица. Но, несмотря на это добровольное уединеніе, она отнюдь не оставалась незамѣтной. Ей было тогда лѣтъ тридцать, и она отличалась красотой. Новый императоръ Михаилъ Палеологъ это увидѣлъ и сильно увлекся молодой покинутой женщиной. Къ тому же, какъ извѣстно, это было въ обычаѣ византійскихъ узурпаторовъ брать себѣ въ жены вдовъ своихъ предшественниковъ, полагая, что такой способъ дѣйствія являлся средствомъ узаконить свою узурпацію. Но на этотъ разъ Михаилъ Палеологъ встрѣтилъ достойнаго противника, когда рѣшился открыть свои чувства. На его признанія Анна отвѣчала съ презрительнымъ высокомѣріемъ, заявляя, что она, вдова императора и дочь Фридриха II, не могла унизиться и стать любовницей челоуѣка, считавшагося раньше ея подданнымъ. Этотъ презрительный отказъ не смутилъ претендента. Когда послѣ новыхъ настояній Палеологъ увидалъ, что всѣ его предложенія отвергнуты, онъ сказалъ

себѣ, что было одно только средство удовлетворить мучившую его страсть, еще усилившуюся отъ пренебрежительныхъ отказовъ царицы. Разъ что она не соглашалась быть его любовницей, онъ предложилъ ей стать его женой.

Но дѣло въ томъ, что Михаилъ былъ женатъ, и жена его Феодора была прелестная женщина, изъ хорошей семьи и безупречной нравственности; кромѣ того, она обожала своего мужа, которому родила троихъ сыновей. Имѣя такую жену, довольно трудно было найти предлогъ для развода и нечего было ждать ея добраго согласія. Находчивый императоръ призвалъ тогда себѣ на помощь политику. Онъ объяснилъ у себя на совѣтѣ великую опасность, грозившую имперіи, приготовленія, дѣлавшіяся латинянами, чтобы вновь взять Константинополь, численное превосходство ихъ войскъ сравнительно съ силами византійцевъ. Уже болгары были готовы вступить въ коалицію; кромѣ того, слѣдовало опасаться, какъ бы король Манфредъ Сицилійскій, желая отомстить за сестру, не присоединился также къ лигѣ. Поэтому въ видахъ государственной пользы важно было сблизиться съ нимъ черезъ посредство брака. Такимъ образомъ его можно было отвлечь отъ противной стороны, и греческій императоръ нашелъ бы большое подкрѣпленіе въ поддержкѣ этого могущественнаго принца, который въ силу обстоятельствъ былъ бы другомъ и союзникомъ мужа своей сестры. И Михаилъ приходилъ къ тому заключенію, что для блага государства онъ долженъ былъ развестись и жениться на Аннѣ.

Извѣстно, что въ это время папа, Венеція и

принцъ Ахейскій заключили союзъ противъ греческой имперіи, что Манфредъ, возвратившійся къ великимъ честолюбивымъ замысламъ Гогенштауфеновъ относительно Востока, открыто выказывалъ враждебность византіяцамъ, и что, слѣдовательно, соображенія политическія могли, такъ же какъ и любовь, внушать Михаилу Палеологу мысль о бракѣ, который сблизилъ бы его съ сыномъ Фридриха II. Впрочемъ, онъ еще съ 1259 года понялъ выгоду этого и напрасно пытался добиться расположенія короля Сициліи. Онъ потерпѣлъ неудачу и на этотъ разъ, но по другимъ причинамъ. Θεодора, законная жена, противопоставила намѣренію императора: отчаянное сопротивление. Она привлекла на свою сторону патріарха; послѣдній, возмущенный, сталъ грозить Мануилу карой церкви, если онъ будетъ упорствовать въ своихъ намѣреніяхъ и „порвалъ его прекрасные предлоги такъ же легко, какъ рвутъ паутину“. Подъ угрозой отлученія, висѣвшей надъ его головой, царь уступилъ; онъ призналъ, что имѣлъ дѣло съ болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ по его мнѣнію полезно было заручиться расположеніемъ Манфреда, онъ воспользовался царицей Анной, но иначе, чѣмъ думалъ раньше. Онъ возвратилъ ей свободу и отправилъ ее къ брату.

Въ 1262 году одинъ византійскій полководецъ, кесарь Алексѣй Стратигопуло, тотъ самый, что отвоевалъ Константинополь у латинянь, попалъ въ руки деспота Эпирскаго, деверя и союзника короля Сицилійскаго, и былъ въ качествѣ побѣднаго трофея отправленъ къ нему на Западъ. Въ 1262 или 1263 году, предложили его освобо-

дить въ обмѣнъ за освобожденіе царицы Анны. Михаилъ поспѣшилъ согласиться, чтобы угодить Манфреду, но, однако, это не привело къ сближенію съ Гогенштауфенами, о которомъ онъ мечталъ.

* * *

Итакъ послѣ почти двадцатилѣтняго отсутствія Анна Констанція возвращалась на свою родину. Тамъ ей пришлось присутствовать при другого рода катастрофахъ. Въ 1266 году Урбанъ IV поднялъ Карла Анжуйскаго противъ Манфреда и вскорѣ пораженіе при Беневентѣ предало императрицу и ея близкихъ въ руки побѣдителя. Но, въ то время, какъ жена и сыновья Манфреда были брошены въ тюрьму, Анну, къ ея счастью, сочли менѣе опасной. Ее оставили на свободѣ, и въ 1269 году она удалилась въ Испанію къ своей племянницѣ Констанціи, бывшей замужемъ за инфантомъ, дономъ Педро Арагонскимъ. Тутъ то, послѣ столькихъ приключеній она нашла наконецъ, миръ. Здѣсь она въ благочестіи окончила свою жизнь, принявъ постриженіе въ монастырѣ св. Варвары въ Валенціи; и чтобы показать этой святой и строгой обители свою благодарность, она по завѣщанію оставила ей въ наслѣдство чудотворный образъ святой покровительницы монастыря и знаменитую реликвию—обломокъ скалы, откуда забила вода, послужившая для крещенія святой Варвары. Какъ кажется, это было единственное, что она вывезла съ Востока послѣ своего долгаго пребыванія тамъ.

Во всякомъ случаѣ, въ то отдаленное время,

когда она вышла замужъ за Ватаци, греческій императоръ назначилъ ей вдовью пенсію; онъ подарилъ ей три города, многочисленныя замки, и доходъ съ этого равнялся тридцати тысячамъ золотыхъ. По завѣщанію она оставила всѣ свои права на эти восточныя владѣнія племяннику своему, дону Жуану II, который позднѣе долженъ былъ этимъ воспользоваться. Что касается ея самой, она умерла въ безвѣстности около 1313 года, восьмидесяти слишкомъ лѣтъ отъ роду.

Есть что-то печальное въ судьбѣ этихъ западныхъ принцессъ, Берты Зульцбахской, Агнесы Французской, Констанціи Гогенштауфенъ, отправившихся въ XII и XIII вѣкахъ царствовать въ византійскую имперію, и эта печаль наложила на ихъ неясныя облики, почти стертые временемъ, печать трогательной прелести. Уѣхавъ по политическимъ соображеніямъ далеко отъ родины, оставаясь почти всегда чуждыми новому міру, куда забросила ихъ судьба, эти принцессы въ изгнаніи доказали печальную невозможность для грековъ и латинянъ того времени понять другъ друга. Участницы величайшихъ историческихъ событій онѣ, большею частью, были ихъ жертвами. Но достаточно, что ихъ существованіе было связано съ существованіемъ Мануиловъ и Андрониковъ Комниновъ, императоровъ Никейскихъ и послѣднихъ Гогенштауфеновъ, чтобы оно продолжало возбуждать интересъ. Онѣ видѣли великія событія, хотя крайне рѣдко руководили ими. пышность и великолѣпіе Византіи XII вѣка, трагедіи дворцовыхъ революцій, четвертый крестовый походъ и основаніе латинской имперіи въ Константинополѣ, восточная политика Фридриха II

проливаютъ особый обаятельный свѣтъ на туманные силуэты этихъ забытыхъ принцессъ. Но въ особенности ихъ исторія показываетъ, какую бездонную пропасть прорыли крестовые походы между Востокомъ и Западомъ. Никогда, быть можетъ, эти два міра не приложили столь частыхъ и искреннихъ усилій узнать другъ друга, понять, сблизиться. Никогда, несмотря на добрую волю, ихъ попытки не приводили къ такой полной неудачѣ.

ГЛАВА VIII.

Западныя принцессы при дворѣ Палеологовъ.

I.

Голанда Монферратская, жена Андроника II.

Среди знатныхъ фамилій Запада, явившихся во второй половинѣ XII вѣка искать счастья въ Византіи, одной изъ самыхъ знаменитыхъ были маркизы Монферратскіе.

Маркизь Вильгельмъ III Старый, правившій въ срединѣ XII вѣка, имѣлъ пять сыновей: Вильгельма Длинный Мечъ, Конрада, Бонифація и Ренье. По своему происхожденію эти молодые люди находились въ родствѣ съ самыми славными домами Европы; ихъ отецъ былъ дядей Филиппа-Августа; мать—сестрой Конрада III германскаго и кузиной Фридриха Барбаруссы. Но имъ было тѣсно въ ихъ маленькомъ пьемонтскомъ помѣстьѣ; Востокъ привлекалъ ихъ тѣмъ, что тамъ можно было нажить хорошее состояніе и имѣть чудесныя приключенія. Четверо изъ пяти-

рыхъ братьевъ дѣйствительно должны были найти тамъ блестящихъ невѣстъ, и совершенно необычайный успѣхъ.

Исторія старшаго, Вильгельма Длинный Мечъ, не входитъ, собственно, въ рамки этихъ очерковъ. Онъ отправился устраивать свою судьбу не въ Византію, а въ Палестину. Тамъ онъ женился на Сивиллѣ, сестрѣ короля Іерусалимскаго, Балдуина IV. Черезъ этотъ бракъ онъ сталъ графомъ Яффскимъ и Аскалонскимъ и вскорѣ затѣмъ умеръ, въ іюнѣ 1179 года, оставивъ беременную жену; родившійся мальчикъ былъ будущій царь Балдуинъ V. Сивилла, впрочемъ, скоро утѣшилась въ потерѣ мужа. Очень торопясь, повидимому, найти себѣ новаго супруга, она начала съ того, что хотѣла выкупить на свои деньги одного изъ знатнѣйшихъ людей въ государствѣ, Балдуина сира де Рамле, попавшаго въ руки Саладина, и вмѣстѣ со свободой предложила ему и свою руку. Затѣмъ она влюбилась въ прекраснаго Гидона Лузиньянскаго и съ такимъ пыломъ, что пришлось, не медля, совершить бракосочетаніе во время самаго поста 1180 года. Нужно прибавить, что Сивилла безумно обожала этого посредственнаго, но очаровательнаго мужа; въ 1186 году, послѣ смерти юнаго царя Балдуина V, она во что бы то ни стало хотѣла возвести его на Іерусалимскій престолъ, на несчастье государства и къ глубокому изумленію своихъ соотечественниковъ. „Разъ что онъ могъ сдѣлаться царемъ, говорилъ шутя о Гидонѣ Лузиньянскомъ его собственный братъ, нѣтъ причины, чтобы онъ не сдѣлался Богомъ“. Мы сейчасъ увидимъ этого неспособнаго ни на что господина лицомъ къ

лицу съ зятемъ его жены, Конрадомъ Монферратскимъ.

Братья Вильгельма Долгій Мечъ пришли искать счастья въ Византію. Въ 1180 году Ренье высадился въ императорскомъ городѣ какъ разъ во время, чтобы жениться на Маріи, дочери Мануила Комнина. Если партія была блестящая для младшаго представителя дома Италиі, невѣста была менѣе соблазнительна. Ей перешло за тридцать, и характеръ у нея былъ далеко не привлекательный: вспыльчивая, властная, завистливая ко всякому превосходству, она скорѣе обладала энергіей мужчины, чѣмъ прелестью женщины; нравъ ея, кромѣ того, сталъ раздражительнымъ вслѣдствіе долгаго дѣвства, и она съ горечью вспоминала о нѣсколькихъ упущенныхъ возможностяхъ выйти замужъ. Поэтому она была въ крайнемъ нетерпѣніи найти мужа въ то время какъ появился Ренье Монферратскій. Ему было семнадцать лѣтъ; наружность онъ имѣлъ очаровательную: красивую и чрезвычайно изящную; волосы у него были бѣлокурые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, и ни одного волоска на подбородкѣ. Такимъ онъ пришелся по вкусу царицѣ, и императоръ не безъ колебаній долженъ былъ согласиться на бракъ. Молодой человекъ былъ сдѣланъ кесаремъ, получилъ во владѣніе царство Θεссалоникійское и подъ вліяніемъ своей мужественной супруги вскорѣ сталъ вполнѣ византійцемъ.

Такъ, послѣ смерти своего тестя онъ съ головой бросился въ интриги, возмутившія съ самаго начала царствованіе юнаго Алексѣя II. Раздѣляя всѣ мстительныя чувства своей жены, онъ вы-

ступилъ противъ своего юнаго зятя, противъ регентши, противъ протосеваста, ея министра. Противъ нихъ онъ вступилъ въ заговоръ со всѣми ихъ противниками, съ сыновьями Андроника Комнина, съ незаконнымъ сыномъ Мануила, еще съ другими; и когда заговоръ былъ открытъ, онъ бѣжалъ съ Маріей Комниной укрыться въ св. Софію, и въ этомъ неприступномъ убѣжищѣ организовалъ съ большой смѣлостью противодѣйствіе правительству. Патріархъ со своимъ духовенствомъ, взбунтовавшаяся чернь, которую легко подкупить какой-нибудь своевременной подачкой, стали на его сторону; и кесарь, обративъ домъ молитвы въ „непристойную крѣпость“, укрѣпился и водворилъ въ базиликѣ итальянскихъ и иберійскихъ солдатъ, которыхъ принялъ на жалованье. Скоро настоящій мятежъ, поднявшійся, подобно тому, какъ это бывало при Юстиніанѣ на ипподромѣ, забушевалъ на улицахъ столицы; дома приверженцевъ правительства были разграблены народомъ; съ гиканьемъ выкрикивались имена регентши и ея совѣтника; и, полные довѣрія, кесарь и его жена, отвергнувъ предложенную имъ амнистію, ставили свои условія, требуя прежде всего освобожденія своихъ соучастниковъ и удаленія перваго министра, и все это въ выраженіяхъ крайне дерзкихъ относительно императрицы. Пришлось рѣшиться дѣйствовать силой, окружить Великій храмъ и осадить его: бились на площади Августея и даже въ притворахъ св. Софіи.

Но что особенно любопытно въ этомъ дѣлѣ, это то, до какой степени кесарь Ренъ сдѣлался византійцемъ и по идеямъ, и по чувствамъ. Въ

очень интересной рѣчи, какую влагаетъ въ его уста Никита, онъ говоритъ, какъ истинный грекъ, пылая всѣми страстями Византіи, какъ утонченный резонеръ, ловко смѣшивая свое дѣло съ дѣломъ Божиимъ и выставляя себя защитникомъ своей церкви и ея сокровищъ. Впрочемъ, хоть онъ и заявлялъ, что принадлежитъ „къ той же расѣ и къ той же вѣрѣ“, что и тѣ, съ кѣмъ онъ сражался, по своей неистовой храбрости этотъ Ренье Монферратскій оставался вполнѣ латиняниномъ и представлялъ изъ себя величественную фигуру, красиво выдѣляясь во главѣ своей гвардіи, вооруженной широкими щитами и длинными мечами, при чемъ воины „походили, говоритъ Никита, на бронзовыя статуи“. Въ концѣ концовъ правительство должно было капитулировать передъ мятежниками, и этой своей слабостью оно подготовило будущее торжество Андроника Комнина. Однако Марія и ея мужъ должны были первыми искупить то преступленіе, что „прибѣгли, какъ говоритъ Никита, къ насилію и возмутили государство“. Оба, какъ извѣстно, погибли въ 1183 году, жертвами адскаго искусства въ отравленіи, какимъ обладалъ Андроникъ Комнинъ.

Въ 1186 году другой сынъ маркиза Монферратскаго, Конрадъ, въ свою очередь прибылъ въ Константинополь. Еще при Мануилѣ онъ прославился, сражаясь отъ имени императора съ полководцами Фридриха Барбаруссы, и своей доблестью, а также своимъ умомъ и вѣрностью онъ заслужилъ уваженіе и любовь царя. Поэтому, задолго до его появленія на Востокѣ имя его уже было тамъ извѣстно, и Исаакъ Ангель, чувствовавшій потребность въ латинскихъ союзни-

кахъ, чтобы упрочить свой престолъ, съ радостью предложилъ ему руку своей сестры Теодоры. Конрадъ, какъ разъ передъ тѣмъ потерявшій жену, легко поддастся соблазну сдѣланныхъ ему блестящихъ предложеній. Онъ явился въ Византію и, вступивъ въ императорскую семью, получилъ титулъ кесаря. Онъ не замедлилъ оправдать сдѣланный въ лицѣ его выборъ, оказавъ своему зятю важную услугу.

Случилось такъ, что въ этомъ самомъ 1186 году Алексѣй Врана возмутился противъ Исаака. Это былъ лучшій полководецъ въ имперіи и самый популярный, онъ не замедлилъ осадить Константинополь съ моря и съ суши. Царь, въ полномъ отчаяніи, терялъ голову; надѣясь только на Бога, онъ собиралъ во дворцѣ толпы монаховъ, прося ихъ молиться, чтобы Господь отстранилъ междоусобную войну и сохранилъ ему престолъ. Конрадъ Монферратскій былъ другого рода человѣкъ: защитѣ молитвы онъ предпочиталъ кольчугу и мечъ и энергично убѣждалъ зятя встряхнуться, уговаривая его прогнать къ чорту „всѣхъ этихъ нищихъ“, собрать войско и драться. „Дай Богъ, рѣзко сказалъ онъ ему однажды, заставъ его за обѣдомъ, чтобы ты съ такимъ же увлеченіемъ готовился къ войнѣ, съ какимъ садишься за столъ, чтобы смаковать подаваемые тебѣ кушанья, и такъ глубоко задумываться потомъ надъ пустыми чашами“. Самъ онъ покуда не терялъ времени: собралъ двѣсти пятьдесятъ латинскихъ рыцарей, на вербовалъ немного пѣхоты въ то время, какъ Исаакъ коснѣлъ въ своей бездѣятельности, и предсталъ передъ всѣми, „какъ истинный посланецъ Божій.“

И благодаря своей отмѣнной доблести онъ выигралъ рѣшительное сраженіе; во главѣ своихъ латинянъ онъ шелъ въ бой, какъ простой солдатъ, безъ шлема и щита; онъ же, при встрѣчѣ, однимъ ударомъ копья повергъ узурпатора на землю. Вмѣстѣ съ блестящей храбростью онъ сохранялъ въ сраженіи юношескую веселость, грубую иронию здороваго рубаки. Когда Врана, сраженный и раненый, умолялъ, чтобы его пощадили, Конрадъ отвѣчалъ ему: „Ну что такъ, не бойтесь ничего. Вы можете только одного опасаться, что вамъ отрубятъ голову“,—и велѣлъ его прикончить. Съ ужасающей утонченностью жестокости носили по улицамъ города, и даже принесли на столъ царю, эту отрубленную голову съ сомкнутыми вѣками и еще открытымъ ртомъ, и придворные ногой перебрасывали ее одинъ другому, какъ мячъ, а потомъ, всю окровавленную, отправили вдовѣ побѣжденнаго. Послѣ этого латиняне Конрада, соединясь съ чернью, отправились грабить дома сторонниковъ Враны. Но дерзость западныхъ людей, хваставшихся, что совсѣмъ одни восторжествовали надъ узурпаторомъ, и ихъ насилія надъ греками не замедлили пробудить къ вчерашнимъ союзникамъ національную ненависть, никогда не умиравшую. Бросились въ латинскій кварталъ, какъ сдѣлали это въ 1182 году при Андроникѣ; но на этотъ разъ иностранцы стали защищаться отъ опьянѣвшей и плохо вооруженной толпы. Бились до глубокой ночи, и только утромъ посланнымъ императора удалось водворить миръ.

Въ Константинополѣ долго сохранялись воспоминанія о подвигахъ Конрада Монферрат-

скаго. Лѣтъ черезъ двадцать Робертъ Кларійскій собралъ ихъ тамъ, правда, нѣсколько прикрашенные и измѣненныя легендой. Если вѣрить западному лѣтописцу, маркизъ былъ плохо награжденъ за услугу, оказанную имъ Исааку; выходитъ такъ, будто бы императоръ ждалъ только удобнаго случая, чтобы отдѣлаться отъ него измѣной. Въ дѣйствительности, кажется, итальянецъ скорѣе остался недоволенъ своей судьбой. Отправляясь на Востокъ, онъ питалъ широкіе честолюбивые замыслы; а получилъ только пустой титулъ кесаря; и очень вѣроятно, что, какъ подлинный латинянинъ, онъ все время отчасти не довѣрялъ грекамъ, среди которыхъ жилъ. Поэтому онъ какъ разъ во время вспомнилъ, что уѣхалъ изъ Италіи съ намѣреніемъ принять участіе въ крестовомъ походѣ, его женитьба въ Византіи представилась ему, какъ простой путевой эпизодъ; и онъ покинулъ Константинополь и сѣлъ на корабль, чтобы плыть въ Палестину. Въ іюлѣ 1187 года онъ прибылъ въ Акру, доставшюся передъ тѣмъ въ руки мусульманъ; тогда онъ отправился въ Тиръ и храбро защищалъ его противъ Саладина, чѣмъ заслужилъ большую славу во всей святой землѣ. Скоро честолюбивый маркизъ выступилъ явнымъ соперникомъ царя Гидона Лузиньянскаго; онъ дерзко отказалъ ему въ позволеніи вступить въ Тиръ и сталъ оспаривать у него престолъ. Когда въ 1190 году царица Сивилла умерла, онъ похитилъ у Гумфреда Торонскаго его жену Изабеллу, сестру Сивиллы и покойнаго короля Балдуина IV, и чтобы имѣть права на тронъ, забывъ о своемъ бракѣ въ Византіи, женился на ней. Ему удалось

даже, благодаря поддержкѣ Филиппа-Августа, заставить признать справедливость своихъ притязаній; въ 1191 года онъ былъ торжественно объявленъ наслѣдникомъ Гидона Лузиньянскаго. Но ему не удалось насладиться счастьемъ; 28 апрѣля 1192 онъ палъ отъ руки убійцы.

Четвертый изъ маркизовъ Монферратскихъ Бонифаций, былъ, какъ извѣстно, главнымъ дѣятелемъ и предводителемъ крестоваго похода 1203 года. Одно время онъ могъ даже надѣяться, что, благодаря этому предпріятію, получивъ византійскій престолъ, болѣе всѣхъ другихъ латинскихъ бароновъ онъ пользовался симпатіей грековъ, которые, видя въ немъ своего будущаго монарха, привѣтствовали его, какъ императора, и кричали ему, встрѣчая его на пути, по разсказу Гунтера Парижскаго: „Да здравствуетъ маркизъ, нашъ благочестивый императоръ“. Избраніе Балдуина Фландрскаго разсѣяло, какъ дымъ, его прекрасную мечту. Во всякомъ случаѣ, въ видѣ возмѣщенія, онъ былъ сдѣланъ королемъ Θεссалоникскимъ и, женившись на вдовѣ Исаака Ангела, императрицѣ Маргаритѣ Венгерской, онъ всегда выказывалъ себя, какъ и его братья, другомъ и защитникомъ грековъ.

Такимъ образомъ, болѣе другихъ латинянъ, эти маркизы Монферратскіе сблизились съ Византіей. Вступивъ въ бракъ съ различными членами изъ рода Комниновъ и Ангеловъ, они прославили свое имя на Востокѣ. Поэтому понятно, что и другіе цари охотно вступали въ союзъ съ этимъ дружественнымъ и родственнымъ домомъ. Такъ поступилъ въ концѣ XIII вѣка и императоръ Андроникъ II Палеологъ.

* *
*

Юланда Монферратская происходила отъ маркиза Бонифація; ей было одиннадцать лѣтъ, когда въ 1284 году она вышла замужъ за Андроника II. Для царя это, какъ видно, была не очень блестящая партія. Но надо принять въ соображеніе, что латиняне этого времени совсѣмъ не видѣли, какъ ихъ отцы, никакой особой чести въ брачномъ союзѣ съ византійскимъ домомъ, что папы довольно плохо смотрѣли на всякій союзъ съ схизматиками, и что, наконецъ, принимая во вниманіе несомнѣнный упадокъ греческой монархіи, такая партія была, въ сущности, гораздо менѣе блестящей, чѣмъ въ былыя времена. Къ этому прибавлялось еще, въ данномъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, другая причина. Андроникъ былъ вдовъ и отъ перваго брака имѣлъ двухъ сыновей; изъ нихъ старшій Михаилъ былъ уже соправителемъ престола. Такимъ образомъ дѣти втораго брака, согласно византійскимъ обычаямъ, должны были оставаться частными лицами. При такихъ условіяхъ большинство великихъ монарховъ Европы вовсе не были бы расположены выдать свою дочь за императора. Константинопольскій дворъ, отдавая себѣ во всемъ этомъ отчетъ, ограничилъ свое честолюбіе и удовольствовался Юландой. Однако, этотъ бракъ, какъ ни былъ онъ скромнень, все же представлялъ серьезное преимущество; молодая женщина имѣла права на латинское царство въ Фессалоникахъ, и такъ какъ при женитьбѣ на ней эти права переходили къ императорскому дому, то это представляло законный титулъ, который

можно было противопоставить притязаніямъ Запада. Въ одинаковыхъ видахъ Андроникъ II, нѣсколько позднѣе, старался женить своего старшаго сына Михаила на Екатеринѣ де Куртнэ, наслѣдницѣ латинскихъ императоровъ Константинополя. Такимъ образомъ Палеологи старались упрочить свою власть, собирая въ своихъ рукахъ различныя права, какія ихъ соперники могли бы у нихъ оспаривать.

Маленькая итальянка, ставшая императрицей и принявшая греческое имя Ирины, была хорошенькая, изящная, тонкая. Андронику тоже едва минуло двадцать три года. Поэтому онъ легко подпалъ очарованію своей юной жены и очень скоро влюбился въ нее безъ памяти. Одного за другимъ она родила ему троихъ сыновей, Іоанна, Ѳедора, Димитрія, и одну дочь, Симону, не считая нѣсколькихъ дѣтей, умершихъ вскорѣ послѣ рожденія; и по мѣрѣ того, какъ они подростали, она начала жестоко страдать, что не могла упрочить за ними высокое положеніе, о которомъ она для нихъ мечтала. Очень гордясь своимъ родомъ, крайне честолюбивая для себя и для своихъ, Ирина не могла допустить, чтобы ея сыновья были принесены въ жертву дѣтямъ отъ перваго брака, которыхъ она ненавидѣла; полная идей Запада, она требовала, чтобы императорское наслѣдіе было подѣлено на равныя доли между всѣми потомками императора; или, по крайней мѣрѣ, какъ возмѣщеніе, требовала, чтобы ея сыновьямъ были отведены обширныя удѣлы; и такъ какъ она была нрава властнаго и несдержаннаго, одинаково жадная до власти и до денегъ, она не знала границъ своимъ проискамъ.

Сознавая страсть, какую она внушала своему мужу, она пользовалась ею, въ надеждѣ склонить Андроника на свою сторону. День и ночь только и было, что жалобы, укоры, требованія, чтобы добиться правъ для своихъ дѣтей на престоль, или чтобы имъ обѣщали долю въ наслѣдствѣ; и такъ какъ императоръ сопротивлялся, молодая женщина пускала въ ходъ всѣ средства: то слезы, заявляя, что если ей откажутъ она не можетъ больше жить, то кокетство, прибѣгая къ политикѣ алькова, внушенной правилами *Do ut des*. Въ концѣ концовъ царю надоѣли эти вѣчныя сцены; его великая любовь уменьшалась, и онъ нѣсколько остылъ къ этой слишкомъ утомительной женщинѣ.

Тогда Ирина пришла въ ярость. Она оставила дворъ, бѣжала въ Θεσσαλονики и оттуда принялась шумѣть и возмущать общественное мнѣніе противъ императора, рассказывая первому встрѣчному, „забывъ страхъ передъ Богомъ и стыдъ передъ людьми“, подробности своей семейной жизни, въ такихъ выраженіяхъ, которыя „заставили бы покраснѣть самую безстыдную куртизанку“. Она рассказывала это монахамъ, приходившимъ навѣстить ее, женщинамъ, окружавшимъ ее, писала объ этомъ письма своему зятю, оскорбляя и издѣваясь вдосталь надъ бѣднымъ Андроникомъ, уже не могшимъ больше ничего. „Ничто такъ легко не возбуждается, говоритъ нравоучительно одинъ современникъ, ничто такъ легко не прибѣгаетъ къ клеветѣ, какъ душа женщины“. Ирина доказывала это въ болѣе чѣмъ достаточной мѣрѣ. Языкомъ своимъ „болѣе звонкимъ, чѣмъ погремушка“ она все.

мутила и спутывала, „и самъ Богъ и цѣлый океанъ были бы не достаточны, пишетъ Пахимеръ, чтобы омыть отъ поношеній и клеветъ того несчастнаго, надъ кѣмъ она упражняла свой языкъ“. Императору, какъ это легко понять, крайне наскучили всѣ эти исторіи; но такъ какъ это былъ человѣкъ нрава кроткаго, онъ всячески старался смягчить гнѣвъ своей супруги. Онъ осыпалъ ее деньгами, онъ предлагалъ ей долю власти въ управленіи, даже чрезмѣрную; и чтобы скрыть скандалъ, старался удовлетворять всѣмъ ея капризамъ. Но она, упершись на своемъ, не хотѣла ничего слышать, требуя настойчиво, чтобы прежде всего была обезпечена судьба ея сыновей. Чувствуя, однако, что въ данномъ случаѣ послѣднее слово за ней не останется, она, съ своей стороны, работала надъ тѣмъ, чтобы помощью хорошихъ браковъ доставить имъ блестящее положеніе. И это явилось въ императорской семьѣ источникомъ затрудненій.

У Андроника былъ министръ Никифоръ Хумнъ, котораго онъ очень любилъ. Онъ задумалъ женить своего сына Іоанна на дочери фаворита, бывшаго, помимо всего, крайне богатымъ. Но тутъ Ирина пришла въ бѣшенство при мысли, что одинъ изъ ея сыновей можетъ жениться на дѣвушкѣ не царской крови. Она мечтала устроить его будущность совсѣмъ иначе; она думала женить его на вдовѣ князя ахейскаго, Изабеллѣ Вилльардуинъ, что представляло ту выгоду, что такимъ образомъ латинская Морея вся цѣликомъ переходила опять въ руки Палеологовъ; она думала образовать для него вмѣстѣ съ Этоліей, Акарнаніей и Эпиромъ независимое государство.

Отсюда великіе споры императорской четы. Царь объявлялъ, что онъ отецъ, и что его власть въ домѣ выше власти матери. Ирина протестовала, настаивала. Однако, въ концѣ концовъ, побѣда оказалась на сторонѣ Андроника. Въ 1304 году онъ женилъ Іоанна согласно своимъ видамъ и назначилъ ему, какъ резиденцію, Тессалоники, въ родѣ вице-королевства. Впрочемъ, молодой человѣкъ этимъ совѣмъ не воспользовался: онъ умеръ четыре года спустя, не оставивъ дѣтей.

Въ отношеніи своего второго сына, Тедора, Ирина выказала не меньше заботъ. Она мечтала женить его на дочери французскаго герцога Аѳинскаго и дать ему средства основать княжество въ Тессалии. Планъ этотъ рухнулъ. Но очень кстати для молодого человѣка представилась другая возможность устроиться. Въ 1305 году умеръ Іоаннъ Монферратскій, братъ императрицы, завѣщавъ свои владѣнія сестрѣ. Ирина передала свои права сыну, и тотъ, благодаря этому, могъ, согласно желанію своей матери, на ряду съ другими занять мѣсто владѣтельнаго князя. Въ своемъ пьемонтскомъ маркизатѣ Тедоръ быстро преобразился. Онъ женился на итальянкѣ, дочери генуэзца Спинолы, и вполнѣ обитальянился. Онъ принялъ вѣру, обычаи, одежду латинянь; онъ обрѣзалъ свою византійскую бороду и ходилъ, какъ люди Запада, съ бритымъ лицомъ. Время отъ времени онъ въ такомъ видѣ появлялся въ Константинополѣ, обыкновенно, когда приходилось платить долги, которые онъ дѣлалъ, пользуясь слабостью родителей. Иногда также, вдругъ вспомнивъ, что онъ сынъ царя, онъ выражалъ нѣкоторыя притязанія на императорское

наслѣдіе. Но онъ до такой степени вполнѣ сталъ чуждъ своей родинѣ, что его восшествіе на престолъ произвело бы на Востокѣ скандалъ, и Андроникъ съ полнымъ основаніемъ смотрѣлъ на такое желаніе, какъ на совершенно неосуществимое.

Наконецъ, Ирина также точно хлопотала о своемъ третьемъ сынѣ, Димитріи, и даже о своемъ зятѣ, сербскомъ кралѣ Стефанѣ Милутинѣ. Около 1298 года былъ по политическимъ соображеніямъ заключенъ бракъ между этимъ монархомъ и юной царевной Симоной. Уже три раза женатый, этотъ славянинъ отправилъ отъ себя одну за другой своихъ первыхъ женъ и ужъ начиналъ тяготиться третьей. Въ это время при византійскомъ дворѣ рѣшили, что было бы не бесполезно привлечь на свою сторону эту особу черезъ бракъ съ гречанкой, и Андроникъ предложилъ ему жениться на своей сестрѣ Евдокіи, оставшейся какъ разъ вдовой послѣ одного „князя Лазовъ“: такъ презрительно называли въ Византіи императоровъ Трапезундскихъ. Сербъ не желалъ ничего лучшаго. Каноники къ тому же доказали ему, что покуда его первая жена была жива его послѣдующіе браки не имѣли никакого значенія, и такъ какъ эта первая какъ разъ очень кстати умерла, онъ оказывался безусловно свободнымъ. Но Евдокія и слышать ничего не хотѣла; какъ кажется, это была безутѣшная вдова, и кромѣ того, она нѣсколько побаивалась непостоянства славянина. Тогда, вмѣсто нея, взяли Симону, которой было тогда шесть лѣтъ; отпраздновали обрученіе, и дѣвочка, согласно обычаю, была отправлена въ Сербію,

чтобы воспитываться тамъ, покуда не наступитъ время брака, въ домѣ своего будущаго мужа. Но этотъ необузданный славянинъ, которому было полныхъ сорокъ лѣтъ, человѣкъ совершенно безнравственный (онъ имѣлъ связь съ одной изъ своихъ свояченицъ, затѣмъ съ ея сестрой), не могъ дождаться должнаго срока и повелъ себя такъ, что его жена навсегда утратила способность сдѣлаться матерью.

Однако Ирина не сохранила за это злобы на своего зятя. Она осыпала его деньгами и подарками и охотно принимала его въ Салоникахъ, гдѣ обыкновенно жила. Такъ какъ ея материнская гордость требовала въ особенности, чтобы дочь ея играла видную роль и имѣла видъ императрицы, она выхлопотала для сербскаго князя въ византійской канцеляріи право носить шапочку, усыпанную драгоценными камнями, почти такую же, какую носилъ императоръ, и каждый годъ посылала ему этотъ знакъ отличія, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе разукрашенный. Затѣмъ слѣдовали для него и для дочери роскошныя одѣянія; для этого иноземнаго князя она опустошала императорскую казну. Въ это время она еще надѣялась, что у Симоны будутъ дѣти, которыя смогутъ когда-нибудь царствовать въ Византіи. Когда ей пришлось отказаться отъ этой надежды, ея вѣчно работавшее воображеніе тотчасъ стало строить новые планы. Такъ какъ у серба не могло быть сыновей, она уговорила его усыновить, чтобы сдѣлать наслѣдникомъ, одного изъ его деверей и послала къ нему сначала Димитрія, снабдивъ его большимъ количествомъ денегъ, что облегчало ему благо-

пріятный пріемъ. Но молодому человѣку не понравилось у славянъ, и онъ возвратился въ Константинополь. Тогда вытребовали Ѳедора, но послѣднему еще болѣе не по себѣ показалось въ Сербіи, чѣмъ его брату, и онъ возвратился въ Италію.

Впрочемъ, и самой Симонѣ совсѣмъ не нравилось въ ея дикомъ царствѣ. Правда, мужъ обожалъ ее, но это было чувство дикаря, бѣшеннаго, ревниваго и подозрительнаго. Когда она пріѣзжала на нѣсколько недѣль въ Константинополь, онъ былъ въ вѣчной тревогѣ, и только что она уѣзжала, какъ ужъ онъ требовалъ, чтобы ее немедленно отправили назадъ. И молодая женщина, знавшая его вспыльчивость, и что въ минуты гнѣва онъ былъ способенъ на все, испытывала при возвращеніи настоящій ужасъ. Одинъ разъ даже ужасъ былъ такъ великъ, что, вмѣсто того, чтобы ѣхать назадъ, она бросилась въ одинъ монастырь, къ крайнему смущенію людей, которымъ было поручено привезти ее назадъ. Пришлось ее убѣждать, чуть не силой снять съ нея монашеское одѣяніе и принудить возвратиться къ своему страшному супругу. Только смерть избавила ее отъ него. Тогда она поспѣшила возвратиться въ Константинополь, гдѣ мы встрѣтимся съ ней несколько позднѣе.

Послѣдній изъ дѣтей Ирины, Димитрій, не былъ отнюдь счастливѣе своихъ братьевъ и сестры. Матери удалось сдѣлать его правителемъ Салоникъ съ титуломъ деспота. Тутъ онъ оказался замѣшаннымъ во всѣ распри, скоро возмутившія императорскую семью. Какъ добрый сынъ, онъ сталъ на сторону своего отца противъ племян-

ника, царевича Андроника. Поэтому побѣда послѣдняго чуть было не обошлась ему крайне дорого. Обвиненный въ оскорбленіи величества, онъ избѣгъ смертной казни только благодаря привязанности къ себѣ своей сестры Симоны, явившейся оправдать его передъ судьями. Съ этихъ поръ онъ исчезъ и не появлялся больше въ исторіи.

* * *

Изъ выше сказаннаго видно, какими интригами честолюбивая и мятежная душа Ирины непрестанно наполняла дворецъ Андроника II. Императоръ, человекъ пріятный, образованный, умѣвшій хорошо говорить, былъ, несмотря на свой представительный видъ, безнадежно слабъ волей и все запустилъ. Поэтому вокругъ него царилъ полный безпорядокъ, который поддерживали и увеличивали еще дѣти отъ перваго брака.

Младшаго звали Константиномъ, и онъ имѣлъ титулъ деспота. Въ первый разъ онъ женился на дочери протовестіарія Георгія Музалона, которую скоро потерялъ. Оставшись вдовцомъ безъ дѣтей, онъ взялъ въ любовницы горничную, отъ которой имѣлъ сына, но онъ очень скоро отдался отъ нея. Въ Салоникахъ, куда его назначили правителемъ, онъ встрѣтился съ прелестной женщиной. Хорошенькая, изящная, образованная, это, по словамъ современниковъ, была „вторая Феано, вторая Ипатія.“ Къ несчастью для деспота, она была замужемъ за Константиномъ Палеологомъ и хотѣла оставаться добродѣтельной. Она оказала сопротивленіе, и это

еще усилило страсть царевича. Чтобы понравиться ей, онъ отдѣлался отъ своего сына, присутствіе котораго наскучило ему, и отправилъ его къ матери. Напрасный трудъ: Евдокія не сдалась. Въ концѣ концовъ, однако, она овдовѣла. Тогда Константинъ женился на ней и съ этихъ поръ только и жилъ, что для нея. Что касается его незаконнаго сына, случилось такъ, что старый Андроникъ привязался къ заброшенному ребенку; онъ взялъ его отъ матери, далъ ему воспитаніе, посвятилъ его въ управленіе общественными дѣлами, и хотя онъ былъ полной посредственностью, не умный, не образованный, безъ военной доблести и, по энергичному выраженію Кантакузина, „ровно ничего не стоилъ“, Андроникъ обожалъ его. Онъ не могъ безъ него обходиться, при всякомъ удобномъ случаѣ призывалъ его на совѣтъ и, казалось, хотѣлъ, чтобы тотъ пріобрѣлъ опытность въ дѣлахъ правленія. И какъ кажется, онъ дѣйствительно думалъ сдѣлать его императоромъ.

Старшій сынъ отъ перваго брака, Михаилъ, съ раннихъ лѣтъ былъ сдѣланъ Андроникомъ II соправителемъ. Отъ его брака съ одной армянской княжной родилось нѣсколько дѣтей, и изъ нихъ старшій назывался въ честь дѣдушки Андроникомъ. Этотъ Андроникъ младшій, какъ его потомъ прозвали, былъ человѣкъ дѣятельный, подвижной, плохо выносившій сидячую жизнь византійскаго двора и любившій только охоту, бѣга, развлеченія. Добрый малый, онъ терпѣть не могъ скучныя осложненія церемоніала; беззаботный и легкомысленный, онъ бредилъ лишь собаками, лошадьми и женщинами. Лучшимъ средствомъ

понравиться ему, это было подарить прекрасную охотничью собаку или какую-нибудь цѣнную птицу. Еще больше онъ любилъ удовольствія, тратя на нихъ безъ счету, и разныя приключенія, при чемъ былъ большой волокита и въ достаточной мѣрѣ беззащитивъ. Несмотря на все это, онъ сначала былъ любимцемъ дѣдушки, предпочитавшаго его всѣмъ своимъ дѣтямъ и внукамъ и бывшаго способнымъ всѣхъ ихъ принести ему въ жертву; результатомъ такой чрезмерной нѣжности явилось то, что изъ этого ребенка, очень плохо воспитаннаго императоромъ, вышелъ такой молодой человекъ, каковымъ мы его знаемъ, поведеніе котораго теперь часто приводило въ нетерпѣніе и тревожило царя. „Если изъ этого молодца, говорилъ онъ о немъ своимъ приближеннымъ, выйдетъ что-нибудь путное, пусть меня побьютъ камнями, а послѣ моей смерти пусть выкопаютъ мое тѣло, чтобы бросить трупъ въ огонь“.

Хоть упреки дѣда и задѣвали за живое Андроника младшаго, онъ все же не исправлялся. Онъ дѣлалъ на имя царя заемныя письма, которыя генуэзскіе банкиры Галаты обязывались принимать; онъ требовалъ денегъ, удѣловъ; въ особенности онъ скандализировалъ столицу приключеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя напоминаютъ худшія выходки какого-нибудь Цезаря Борджіа. У него была любовница; узнавъ, что она его обманываетъ, онъ разставилъ по дорогѣ, по которой долженъ былъ проходить его соперникъ, вооруженныхъ людей. Случайно его собственный братъ Мануиль пошелъ по улицѣ, служившей западной, и былъ убитъ. Отъ этого ужаснаго слу-

чая отецъ Андроника Михаилъ умеръ отъ горя; а дѣдъ былъ до послѣдней степени потрясенъ. Дѣло въ томъ, что разъ была замѣшана женщина, молодой Андроникъ дѣлался способенъ на все. Ни родство, ни религія не помѣшали ему обратить вниманіе на его молоденькую тетку Симону, которая послѣ смерти своего мужа, князя сербскаго, ушла въ монастырь, и стараться ее соблазнить. Ни дружба, ни интересъ не остановили его, когда онъ подпаль чарамъ жены Сиргіаниса, своего сторонника. Справедливость требуетъ только прибавить, что, несмотря на свои недостатки и пороки, онъ былъ уменъ и обладалъ качествами государственнаго человѣка; кромѣ того, онъ былъ честолюбивъ и, благодаря этому, очень популяренъ; такъ что при случаѣ онъ могъ сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ для общественнаго спокойствія и произвести,—какъ онъ и сдѣлалъ,—глубокую смуту въ имперіи.

А покуда, чтобы наказать его, старый императоръ сдѣлалъ соправителемъ послѣ смерти его отца дядю его, деспота Константина; и Андроникъ, къ крайнему своему неудовольствію, былъ сведенъ на положеніе простаго частнаго лица. Когда позднѣе, несмотря на крайнее нежеланіе, царь долженъ былъ, въ силу обстоятельствъ, допустить внука къ участию въ управленіи, онъ безпощадно и всячески унижалъ своего юнаго соправителя. Когда тотъ являлся во дворецъ, старый императоръ едва глядѣлъ на него; мѣсяцами не говорилъ съ нимъ, развѣ только: „Уходи отсюда и впредь оставайся у себя“. Въ совѣтъ онъ одному ему не позволялъ садиться, приглашая състь всѣхъ другихъ сановниковъ. И такимъ образомъ

между дѣдомъ и внукомъ мало по малу оказалась пропасть, вслѣдствіе чего должна была возникнуть междоусобная война, окончившаяся въ 1328 году паденіемъ Андроника II.

Императрица Ирина не увидала этого торжества молодого императора, что было бы для нея чрезвычайно тяжело. Послѣ ссоры съ своимъ мужемъ она жила главнымъ образомъ въ Салоникахъ; и такъ какъ порядочно тамъ скучала, то убивала время тѣмъ, что каждое лѣто переѣзжала съ мѣста на мѣсто. Во время одного изъ такихъ переѣздовъ въ 1317 году въ Драмѣ съ ней случился приступъ лихорадки и черезъ нѣсколько дней послѣ этого она умерла. Тѣло ея было привезено въ Константинополь и похоронено въ церкви монастыря Вседержителя. Впрочемъ, къ концу своей жизни, она, какъ кажется, вновь почувствовала къ своему мужу нѣкоторую долю былой нѣжности, которой было отмѣчено первое время ихъ брака: во всякомъ случаѣ ему оставила она по завѣщанію все свое огромное состояніе. Андроникъ раздѣлилъ его на двѣ доли; одну съ благоговѣйнымъ чувствомъ онъ употребилъ на поправку св. Софіи, а другую, какъ добрый отецъ, онъ предоставилъ дѣтямъ своей жены.

Для этихъ дѣтей, въ сущности, всю свою жизнь работала Иоланда Монферратская, и это-то и придаетъ особый обликъ этой латинской принцессѣ, сдѣлавшейся изъ-за материнской любви женщиной-политикомъ и настоящей византійкой. Можно думать, что эта принцесса, такъ стойко бившаяся за своихъ, такъ боровшаяся, чтобы ихъ устроить и пустившая въ ходъ всѣ средства,

чтобы низвергнуть ихъ своднаго брата Михаила, преграждавшаго имъ путь къ престолу, не менѣе мужественно работала бы для упроченія судьбы своихъ, когда послѣ смерти этого царевича начался послѣдній кризисъ борьбы, при чемъ противниками оказались оба Андроника. И, быть можетъ, при своей энергіи, она спасла бы тронъ стараго императора и осуществила честолюбивую мечту, которую лелѣяла для своихъ дѣтей. Смерть не допустила ея до этого: разъ ея не стало, дѣти ея охладѣли къ вожделѣніямъ, казавшимся имъ или слишкомъ высокими, или слишкомъ пустыми. Но, какъ бы то ни было, Юланда Монферратская въ первый разъ явила собой Византіи западную принцессу, старавшуюся отвоевать себѣ мѣсто въ новомъ мірѣ, куда она попала вслѣдствіе своего замужества. Она хотѣла играть роль, отвоевать себѣ долю высшей власти и отчасти достигла своего. Примѣръ ея не долженъ былъ пройти даромъ.

II.

Анна Савойская, жена Андроника III.

. Въ началѣ 1325 года молодой императоръ Андроникъ, котораго дѣдъ его, несмотря на нежеланіе свое, долженъ былъ короновать въ св. Софіи, искалъ себѣ жену. Ему было тогда двадцать восемь лѣтъ и онъ былъ вдовцомъ. Онъ женился раньше на Иринѣ Брауншвейгской, но за нѣсколько мѣсяцевъ до коронованія она умерла, не оставивъ дѣтей; и въ интересахъ династіи

требовалось, чтобы царевичъ не медля вступилъ въ новый бракъ. Поэтому старались утѣшить Андроника, доказать ему необходимость новаго брака и усиленно искали ему невѣсту. Выборъ византійскаго двора остановился въ концѣ-концовъ на одной изъ дочерей графа Савойскаго Амедѣя V, она была сирота и жила вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Въ Италію отправили посольство, чтобы просить ея руки; и хотя въ это время были сдѣланы тѣ же предложенія со стороны одного западнаго монарха (византійцы говорятъ, что это былъ король французскій), графъ Савойскій предпочелъ императора. Очень польщенный такимъ бракомъ, итальянскій принцъ въ то же время хотѣлъ какъ можно лучше все обставить. Онъ далъ будущей императрицѣ пышную свиту и съ того дня, что она обручилась съ царемъ, несмотря на то, что былъ старше ея и такъ сказать ея властелинъ, сталъ выказывать ей величайшее почтеніе. Греческое тщеславіе было этимъ безконечно польщено: современные писатели съ удовольствіемъ подчеркивали, что „не только варвары, но и итальянцы и другіе владыки государствъ всегда смотрятъ на римскую имперію, какъ на самую великую и славную между всѣми другими державами“.

Въ февралѣ 1326 года молодая невѣста прибыла въ Константинополь, сопровождаемая многочисленной и блестящей свитой женщинъ, рыцарей и оруженосцевъ. „Никогда до сихъ поръ, пишетъ Кантакузинъ, императрицы, прибывавшія въ Романію изъ чужихъ странъ, не являли столько великолѣпія“. Но было ли то дѣйствіе морскаго путешествія или перемѣны климата,

едва пріѣхавъ, молодая женщина заболѣла. Пришлось ждать до октября, чтобы праздновать свадьбу. Свадьба, какъ и полагалось, была великолѣпная. Согласно обычаю, царь надѣлъ на голову молодой императорскую діадему, и согласно же обычаю, молодая перемѣнила имя и, вмѣсто Жанны, стала съ этихъ поръ называться Анной. И подъ этимъ именемъ должна она была играть въ исторіи Византіи значительную роль и довольно печально повліять на судьбы своей новой родины.

* * *

Объ Аннѣ Савойской крайне трудно высказать правильное сужденіе, и даже трудно знать ее. Все, что намъ извѣстно о ней, почти цѣликомъ идетъ отъ людей, бывшихъ ея политическими противниками, отъ людей, одинаково ненавидѣвшихъ въ ней противницу ихъ идей и ихъ честолюбія и иноземку, оставшуюся и на византійскомъ престолѣ страстной латиняжкой.

Дѣйствительно, эта западная принцесса, кажется, менѣе всѣхъ остальныхъ огречилась въ такое время, когда, быть можетъ, это было болѣе нужно, чѣмъ когда-либо. Такъ, между прочимъ, она сохранила при себѣ маленькій, чисто итальянскій, дворъ и удостоила сначала своимъ довѣріемъ одну изъ своихъ соотечественницъ, по имени Изабеллу. Это была, по мнѣнію самихъ грековъ, женщина очень умная, очень образованная, обладавшая всѣми качествами, чтобы имѣть успѣхъ у монарховъ: и дѣйствительно, она оказывала на императрицу очень сильное вліяніе. У

этой Изабеллы были сыновья; и они также сдѣлались фаворитами, не только императрицы, но и самаго императора; особенно нравился послѣднему своей блестящей удалью одинъ изъ нихъ, Арто. Прибыли въ большомъ количествѣ въ царственный городъ и другіе итальянцы, и всегда монархи ихъ хорошо принимали и хорошо съ ними обращались. „Всегда, пишетъ не безъ досады Іоаннъ Кантакузинъ, у молодого императора было извѣстное количество савойцевъ“. Имъ такъ повезло, что отъ общенія съ ними измѣнились даже нравы. Къ обычнымъ придворнымъ удовольствіямъ присоединились развлеченія, дорогія для латинянъ, особенно ломаніе копій и турниры, введенные въ моду этими иноземцами; и эти упражненія такъ пришлись по вкусу, что самые благородные греки захотѣли испробовать на нихъ свои силы, и особенно императоръ приобрѣлъ въ нихъ ловкость, которую можно было сравнить лишь съ ловкостью лучшихъ рыцарей Франціи, Бургундіи и Германіи. Византійскій націонализмъ былъ, понятно, крайне оскорбленъ этими новшествами и еще болѣе тѣмъ мѣстомъ, какое отвели иностраннымъ пришельцамъ, когда, какъ говорили, можно было найти въ самой странѣ столько людей, способныхъ съ пользой исполнять общественныя должности.

Вопросы религіи также давали поводъ къ предубѣжденіямъ противъ Анны. Вступая на престолъ, императрица перешла въ православіе; но искренность этого обращенія подвергалась сильному сомнѣнію. Царицѣ приписывали упорную приверженность къ римскимъ догматамъ, большое почитаніе папы; ее считали способной возвра-

таться въ одинъ прекрасный день въ Римъ и тайкомъ приготовить подчиненіе греческой церкви папству. Наконецъ, она поддерживала добрыя сношенія съ генуэзцами, поселившимися въ Галатѣ. Всего этого было достаточно для вывода, что Анна искренно ненавидѣла грековъ. Его не преминули сдѣлать. И греки, съ своей стороны, отплатили ей за ненависть ненавистью.

Послѣ этихъ оговорокъ, объясняющихъ отчасти встрѣченную ею непріязнь, нужно прибавить, что Анна, повидимому, была женщина довольно ограниченная, не очень умная, мало образованная. Она не была способна ни на какое серьезное размышленіе, ни на какое тщательно продуманное рѣшеніе, ни на какой послѣдовательный поступокъ; она ничего не видѣла, еще менѣе того предвидѣла; при этомъ она была вспыльчива, рѣзка, страстна, чрезвычайно ревнива, характера крайне мстительнаго, суевѣрна, вѣрила въ предсказанія; но въ особенности, съ душой слабой и довѣрчивой, она легко поддадала подъ всякое вліяніе и покорялась всѣмъ, умѣвшимъ ей льстить. Поэтому всю жизнь она была окружена камарильей изъ фаворитовъ и женщинъ; „центръ власти, говоритъ одинъ современникъ, находился тогда въ гинекеѣ“. Не понимая ничего въ дѣлахъ, императрица руководствовалась только своими страстями; къ однимъ людямъ питала она страшную ненависть, къ другимъ необъяснимую слабость. При этомъ крайне непреклонная, разъ что ею овладѣвала злоба, она была способна на самыя ужасныя жестокости, на самыя гнусныя убійства; „въ звѣрствахъ, въ зрѣлищахъ крови, говоритъ Григора, находила

она особую радость, несказанное удовольствіе, вотъ въ этомъ для сердца ея было особое счастье“. Когда она приходила въ бѣшенство, никто не находилъ у нея пощады; самъ духовникъ ея не избѣгалъ тогда послѣдствій ея свирѣпости. Въ такія минуты она сыпала самой низкой бранью, на языкъ былъ запасъ самыхъ страшныхъ угрозъ. Потомъ вдругъ она стихала и, послушная, позволяла слѣпо руководить собою всякому, кто только зналъ, какъ взяться за нее. Но въ глубинѣ души она надолго сохраняла злобу на того, кто хоть разъ не угодилъ ей, злобу, еще усилившуюся отъ чувства своей посредственности и природной зависти, какую она испытывала ко всякому превосходству.

Надо сказать въ оправданіе Анны Савойской, что она чувствовала себя довольно чужой въ этомъ новомъ мірѣ, который плохо понимала и въ которомъ не могла освоиться по недостатку ума. Поэтому она охотно жила въ мірѣ грезъ, создавая иллюзіи насчетъ значенія происходившихъ событій и тѣхъ поступковъ, которые ее заставляли совершать. „Она вела себя такъ, говоритъ одинъ современникъ, какъ будто грозившія несчастья совершались по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ“. Сами враги ея, подчеркивая „ея завистливую и дурную душу“, объявляя, что „она черезъ это стала причиной гибели имперіи“, допускаютъ въ ея пользу нѣкоторыя смягчающія обстоятельства. Григора замѣчаетъ, что она была воспитана въ совершенно иной средѣ, что она была иноземка и что, въ особенности, она была женщина, къ тому-же женщина не очень умная и пристрастная, „неспособная, говоритъ онъ, от-

личать добро отъ зла“, и онъ возлагаетъ главную отвѣтственность за совершившееся на патріарха и многихъ знатныхъ особъ, которые безъ возраженія „покорились, какъ рабы, власти этой обезумѣвшей женщины“.

* * *

Тѣмъ не менѣе, покуда былъ живъ императоръ Андроникъ III, котораго она очень любила, дурной характеръ Анны Савойской имѣлъ мало значенія, ибо она, такъ сказать, совсѣмъ не вмѣшивалась въ дѣла правленія. Но когда въ іюль 1341 года ея мужъ умеръ, все рѣзко измѣнилось. Престоль наследовали двое малолѣтнихъ дѣтей, Іоаннъ, девяти лѣтъ, и Михаилъ, четырехъ; во время малолѣтства, регентство, по формальному приказанію покойнаго царя, должно было принадлежать матери обоихъ юныхъ царевичей. Но въ то время, что Анна Савойская взяла въ свои руки власть, обстоятельства были таковы, что не могли не смущать сильно всякой матери, заботившейся о будущности своихъ сыновей, и не тревожить женщины, которая сама крайне любила верховную власть.

Вокругъ трона роились тысячи честолюбивыхъ замысловъ. Первое мѣсто среди придворныхъ занималъ тогда великій domestikъ Іоаннъ Кантакузинъ. Онъ былъ самымъ близкимъ и дорогимъ другомъ Андроника III. Болѣе чѣмъ кто-либо другой, онъ способствовалъ нѣкогда упроченію короны за молодымъ императоромъ, и былъ вознагражденъ за свои услуги неослабнымъ довѣріемъ своего господина. Въ продолженіе всего

царствованія онъ былъ самымъ преданнымъ его совѣтникомъ, повѣреннымъ всѣхъ его мыслей, „Союзъ нашихъ двухъ душъ, говорилъ онъ позднѣе, былъ таковъ, что превосходилъ дружбу Орестовъ и Пиладовъ“. Анна Савойская увѣряла, что императоръ любилъ своего фаворита больше жены и дѣтей, больше всего на свѣтѣ.

Поэтому онъ еще при жизни предоставилъ ему широкую долю участія въ правленіи. „По наружному виду и одѣянію, говоритъ позднѣе о самомъ себѣ Кантакузинъ, великій доместикъ не имѣлъ ничего похожаго на императора; но въ сущности онъ почти ни въ чемъ не отличался отъ царя“. Какъ монархъ, онъ подписывалъ указы красными чернилами, и его приказанія исполнялись съ тою же точностью, что и приказанія Андроника. Какъ монархъ, онъ управлялъ всѣми государственными дѣлами, и такъ велика была милость, какою онъ пользовался, что въ походахъ онъ жилъ въ палаткѣ царя, а иногда и дѣлилъ съ нимъ постель, привилегія, какой, по этикету, не пользовались даже императорскія дѣти. Андроникъ все имѣлъ общее съ нимъ, столъ, одежду, обувь, и радовался, когда видѣлъ, что онъ поступаетъ, „какъ императоръ“. Ему даже хотѣлось бы открыто объявить объ этой близкой дружбѣ и сдѣлать Кантакузина своимъ соправителемъ. Во всякомъ случаѣ онъ питалъ къ нему безусловное довѣріе. Во время своей болѣзни въ 1329 году онъ назначилъ его, въ случаѣ своей смерти, быть хранителемъ престола и торжественно завѣщалъ ему жену и подданныхъ. Точно также и на смертномъ своемъ одрѣ послѣднія его слова къ императрицѣ были завѣтъ ей дѣй-

ствовать всегда согласно съ Кантакузинымъ. „Конецъ мой близокъ, говорилъ онъ, смотри же, когда меня не будетъ, не поддавайся обману и невѣрнымъ сужденіямъ нѣкоторыхъ людей, что тебѣ слѣдуетъ разстаться съ этимъ человѣкомъ и слѣдовать другимъ совѣтчикамъ. Если это случится, погибнешь ты, и дѣти, и сама имперія“.

Несомнѣнно, что въ этихъ разсказахъ, которыми мы обязаны, главнымъ образомъ, Кантакузину, есть нѣкоторая доля преувеличенія: великому доместику очевидно было слишкомъ выгодно распространяться и преувеличивать доказательства милости, какой его удостаивалъ покойный монархъ. Но во всякомъ случаѣ его высокія качества оправдывали эту милость. Еще старый императоръ Андроникъ II замѣчалъ, что, когда надо было принять какое-нибудь рѣшеніе, Кантакузинъ быстро находилъ вѣрный выходъ, умѣло его представлялъ, энергично приводилъ въ исполненіе; и онъ любилъ говорить: „Если-бы я долженъ былъ умереть безъ наслѣдниковъ, я посовѣтовалъ бы римлянамъ выбрать себѣ въ правители именно этого человѣка“. Очень умный, чрезвычайно ловкій, великій доместикъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ выдающійся. Григора, не любившій его, заявляетъ, что онъ могъ бы быть „очень великимъ императоромъ, способнымъ доставить имперіи неслыханное благоденствіе“. Къ несчастію, у него были крупныя недостатки: необычайное честолюбіе, полное отсутствіе укоровъ совѣсти, и вслѣдствіе этого онъ былъ очень опасенъ. Несмотря на кажущуюся скромность, онъ съ давнихъ поръ прокладывалъ себѣ дорогу. Увѣренный въ своемъ вліяніи на императора,

онъ приложилъ все стараніе, чтобы заслужить расположеніе императрицы и, благодаря своей матери, Теодорѣ Палеологѣ, женщинѣ безусловно замѣчательной, онъ добился того, что получилъ на нее дѣйствительное вліяніе. Въ то же время онъ старался отстранить отъ нея всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы противодѣйствовать его цѣлямъ; что касается его самого, онъ во всемъ и при всякомъ случаѣ выказывалъ императрицѣ большую преданность, думая такимъ образомъ совершенно подчинить ее себѣ. И дѣйствительно Анна объявляла, что любить его такъ же, если не больше, какъ собственнаго брата, и, судя по виду, между женой и фаворитомъ Андроника III царило полное согласіе.

Такимъ образомъ, при наступившей послѣ смерти царя неурядицѣ императрица, поглощенная своимъ горемъ, безъ страха и колебаній довѣрила Кантакузину и своихъ сыновей, и власть. И тутъ великій domestikъ выступилъ, какъ настоящій властелинъ. Въ то время какъ Анна, погруженная въ свою скорбь, оставалась въ монастырѣ, гдѣ умеръ ея мужъ, Кантакузинъ съ императорскими дѣтьми, не медля, занялъ дворецъ и принялъ всѣ мѣры, чтобы предупредить революцію. Онъ велъ переписку съ губернаторами провинціи, съ финансовыми агентами, отправляя ежедневно болѣе пятисотъ писемъ, „и такимъ образомъ онъ поддерживалъ во всей имперіи такой твердый порядокъ, что казалось, будто не произошло никакой перемѣны, и царь продолжалъ жить и управлять имперіей“. Онъ даже строилъ, какъ говорятъ, болѣе широкіе планы. Онъ задумалъ преобразовать армію, привести

въ порядокъ финансы, завести твердую иностранную политику противъ внѣшнихъ враговъ имперіи, возстановить былой блескъ монархіи. Передъ этимъ энергичнымъ захватомъ власти покорно склонялись всѣ головы, и въ сегодняшнемъ регентѣ уже привѣтствовали завтрашняго императора.

Легко понять, что такой человекъ и такое поведеніе очень скоро пробудили въ Аннѣ основательную тревогу, которую, впрочемъ, старательно поддерживали враги великаго доместика, Между ними на первомъ мѣстѣ стоялъ патріархъ Іоаннъ, человекъ честолюбивый, у котораго, по словамъ Григоры, только и было священническаго, что пастырскій посохъ, да одѣяніе. Съ давнихъ поръ онъ рассчитывалъ руководить дѣлами государства, доказывая, что оно должно соединиться съ церковью, такъ какъ государство естественно было подчинено церкви. Скоро мы увидимъ, что онъ присвоилъ себѣ привилегію украсить золотомъ и шелкомъ свою патріаршую тиару, подписывать красными чернилами свои постановленія и письма, что онъ задумалъ даже, подобно императору, носить пурпуровыя туфли: покуда онъ стремился раздѣлить регентство; и такъ какъ онъ умѣлъ льстить императрицѣ, онъ скоро возымѣлъ на нее сильное и плохое вліяніе.

На ряду съ нимъ такую же роль игралъ паракимоень Алексѣй Апокавкъ. Ничтожнаго происхожденія, но ловкій, изворотливый и умѣлый интриганъ, человекъ этотъ очень скоро достигъ высшихъ должностей, во многомъ, благодаря поддержкѣ Кантакузина, котораго въ шутку, называлъ „своимъ врачомъ“, такъ какъ тотъ нѣсколько разъ спасъ его отъ сквернаго положе-

нія; при этомъ онъ крайне разбогатѣлъ. Умѣя очень ловко пользоваться обстоятельствами и крайне честолюбивый, онъ обладалъ умомъ, дѣятельнымъ темпераментомъ, природнымъ краснорѣчіемъ. „Еслибы онъ приложилъ свои высокія качества къ правдѣ и справедливости, говоритъ Григора, онъ сталъ бы славой римской имперіи“. Но опьяненный быстрымъ успѣхомъ, онъ считалъ, что ему все позволено. Послѣдовательно онъ служилъ всѣмъ партіямъ и всѣмъ измѣнилъ; при этомъ всегда извлекалъ изъ всего выгоду для себя. Теперь онъ мечталъ управлять имперіей, располагать короной, быть можетъ, самому вступить на престолъ Кесарей. Честолюбіе его, впрочемъ, не исключало въ немъ осторожности. Подлѣ воротъ столицы, на берегу моря онъ построилъ себѣ крѣпость, хорошо снабженную водой, съѣстными припасами и деньгами. Онъ удалялся туда, когда чувствовалъ, что ему грозитъ опасность и въ этомъ неприступномъ укрѣпленіи никакой врагъ не казался ему страшнымъ. Лъстя Кантакузину, онъ въ то же время ненавидѣлъ его, какъ соперника; поэтому онъ не усумнился вступить противъ него въ союзъ съ патриархомъ.

Было много другихъ людей, относившихся враждебно къ великому domestiку, особенно среди итальянскихъ фаворитовъ императрицы, которые, подстрекаемые Апокавкомъ, возбуждали свою госпожу противъ Кантакузина. Всѣ эти вліянія и старанія безъ труда возымѣли свое дѣйствіе на слабую и непостоянную душу регентши и скоро нарушили доброе согласіе, установившееся между нею и ея совѣтникомъ.

Первое время, вѣрная волѣ Андроника, она, какъ сама это говорила съ всегдашнимъ своимъ преувеличеніемъ, думала, что нашла въ великомъ домestikѣ какъ бы отраженіе своего мужа. „Хоть я и знала навѣрно, заявляла она, что царь умеръ, но когда ты приходилъ ко мнѣ, мнѣ казалось, что это онъ, по своему обыкновенію, входилъ ко мнѣ. Когда ты говорилъ со мною, мнѣ казалось, что я слышу его“. Ее скоро разувѣрили въ ея чувствахъ. Воспользовавшись „ея женской простотой“, Апокавкъ и патріархъ на перебой одинъ передъ другимъ разоблачали передъ ней честолюбіе великаго доместика, указали ей на опасность, которой подвергались власть и даже жизнь какъ ея самой, такъ и ея сыновей. „Завтра, говорили они ей, онъ всѣхъ васъ убьетъ и объявитъ себя императоромъ“. Они дѣйствовали такъ успѣшно, что испуганная Анна прервала начатое ею въ монастырѣ, гдѣ былъ похороненъ ея мужъ, девятидневное моленіе и сочла благоразумнѣе по прошествіи трехъ дней искать болѣе надежный пріютъ во дворцѣ.

Тогда началась вокругъ нея цѣлая глухая работа интригъ, имѣвшая цѣлью убѣдить ее отнять у Кантакузина управленіе дѣлами; ей внушали, что она нисколько въ немъ не нуждается, что при содѣйствіи патріарха она сама сможетъ превосходно править имперіей. Польщенная регентша охотно слушала эти убѣжденія. Въ глубинѣ души Анна, впрочемъ, всегда ненавидѣла великаго доместика, чувствуя его превосходство. Кромѣ того, она крайне завидовала женѣ Кантакузина, Иринѣ Асѣнь, женщинѣ очень замѣчательной, по словамъ одного современника, „пре-

восходившей всѣхъ другихъ силой своей души и счастливой гармоніей своего характера“. Посредственная душа императрицы страдала отъ сравненія, и многіе люди того времени не безъ основанія рѣшили, что тайная зависть и вслѣдствіе этого злорадства, испытываемая Анной, были первой причиной разрыва, долженствовавшего вызвать междоусобную войну и ускорить паденіе монархіи.

Когда были открыты настоящія чувства регентши, противники Кантакузина ободрились. Въ имперскомъ совѣтѣ разыгрались крайне бурныя сцены, и великій доместикъ былъ открыто оскорбленъ. Одинъ изъ чиновниковъ при дворцѣ, не попросивъ слова, дерзко заговорилъ и объявилъ, что послѣдній изъ сановниковъ, если имѣлъ сказать что-нибудь полезное, могъ говорить раньше самыхъ первыхъ. Друзья Кантакузина воскликнули: „Что такое! Вѣдь это значитъ превращать римскую имперію въ демократію, если первый встрѣчный можетъ выражать свои мысли и навязывать ихъ тѣмъ, за которыми имѣется опытъ“. Дѣло чуть было не дошло до схватки. Но что было важнѣе всего, это то, что ни императрица, ни предсѣдательствовавшая патріархъ не вступились, чтобы остановить или выразить порицаніе дерзости, явно направленной противъ великаго доместика. Послѣдній понялъ и подалъ въ отставку.

Но тогда царица и патріархъ, испугавшись послѣдствій такого рѣшенія, постарались успокоить Кантакузина, и противники съ той и съ другой стороны съ самыми торжественными клятвами обѣщали ничего не замышлять другъ противъ друга. Несмотря на это, недоверіе оставалось.

„Я убѣжденъ, говорилъ великій domestikъ, что императрица сказала, что думаетъ. Но что меня тревожитъ, это то, что я знаю ея женскую слабость, и какъ легко, изъ трусливости, даетъ она вертѣть собою, и я очень боюсь, что, когда мнѣ придется отправиться воевать съ варварами, сикофанты, остающіеся при дворѣ, заставятъ ее измѣниться“. Съ другой стороны учащались манифестаціи въ пользу Кантакузина. Когда прошелъ слухъ объ отставкѣ великаго domestика, среди солдатъ стали подниматься голоса въ пользу обожаемаго предводителя, и они являлись въ самый дворецъ, чтобы громкими криками привѣтствовать своего фаворита и осыпать укорами патріарха. По просьбѣ испуганной регентши министръ долженъ былъ самъ собственной особой выйти къ своимъ буйнымъ приверженцамъ и угораривать ихъ. „Какъ только онъ появился, рассказываетъ Григора, смятеніе утихло, буря улеглась, наступило успокоеніе“. Такая популярность въ войскѣ не могла не усилить тревожныхъ сомнѣній Анны Савойской.

Поэтому разрывъ между нею и Кантакузинымъ былъ неизбѣженъ. Апокавкъ, вліяніе котораго росло при дворѣ, умножалъ свои интриги. „Онъ шипѣлъ, говоритъ Кантакузинъ, какъ змѣя, нашептывая императрицѣ злыя навѣты и отвращая ее отъ истиннаго пути“. Всѣ средства были для него хороши: лесть, подкупъ, обманъ. Патріархъ вторилъ ему; день и ночь пребывалъ онъ во дворцѣ, возбуждая царицу противъ великаго domestика, восхваляя преданность и вѣрность Апокавка. Последній умѣстными щедротами привлекалъ на свою сторону приближенныхъ регентши, и та-

кимъ образомъ, говоритъ Григора, онъ „распоряжался императрицей, какъ рабой, а равно и патріархомъ, болѣе напуганнымъ его энергіей, чѣмъ введеннымъ въ обманъ его лестью“. Отсутствіе Кантакузина, воевавшего въ это время во Фракіи, облегчало эти интриги: такъ оба соумышленника, каждый съ своей стороны, работали изо всѣхъ силъ для общаго дѣла. Духовный отецъ, „какъ будто у него въ рукахъ были ключи отъ царствія небеснаго“, обѣщаль мѣсто въ раю тому, кто помощью яда, тайныхъ навѣтовъ или волшебныхъ заклинаній избавитъ имперію отъ Кантакузина. Что касается Апокавка, увѣренный въ успѣхѣ, онъ мечталъ теперь объ еще гораздо болѣе высокой долѣ. Онъ думалъ о томъ, чтобы, похитивъ юнаго императора, увезти его къ себѣ въ крѣпость, женить его на одной изъ своихъ дочерей и заставить императрицу предоставить ему, его друзьямъ и роднымъ самыя высокія должности въ государствѣ и управленіе всей имперіей. И уже давали понять Кантакузину отъ имени царя, что ему слѣдуетъ сложить власть, распустить войско и удалиться въ Дидимотику на условіяхъ полу-плѣннаго.

Уже съ давнихъ поръ мать Кантакузина сильно тревожилась за своего сына. Какъ большинство людей ея времени, эта женщина, очень умная въ другихъ отношеніяхъ, была суевѣрна; она вѣрила предзнаменованіямъ. И какъ разъ она ихъ видѣла и все страшныя. Однажды вечеромъ, когда, согласно обычаю знатныхъ византійскихъ особъ, у нея до поздней ночи былъ пріемъ разныхъ лицъ, желавшихъ говорить съ ней или выказать свое почтеніе, она позднѣе взошла на

высокую башню, возвышавшуюся надъ ея дворцомъ, чтобы посмотрѣть какъ всходила на горизонтъ луна. Она стояла тамъ, погруженная въ свои думы, какъ вдругъ увидала у подножія башни вооруженнаго всадника, мѣрившаго копьемъ высоту зубцовъ башни. Въ испугъ она зоветъ своихъ служителей и приказываетъ имъ пойти узнать, что нужно таинственному всаднику. Но они не нашли никого; были заперты всѣ ворота, въ которыя можно было бы вѣхаться верхомъ во дворъ замка; и пораженная этимъ видѣніемъ, показавшимся ей страшнымъ предзнаменованіемъ, „знатная дама, говоритъ Григора, полная печали, чуть не разразилась рыданіями“.

Она была права: опала ея сына близилась. По приказанію императора Кантакузинъ получилъ письменное увѣдомленіе, что онъ отставленъ отъ всѣхъ своихъ должностей. Въ то же время владѣнія его были конфискованы и раздѣлены между его врагами; и всѣ, кто оскорбляли его, были вознаграждены. Друзья его, подвергшіеся той же участи, видѣли, какъ дома ихъ были преданы разграбленію; мать его была арестована и брошена въ одну изъ дворцовыхъ тюремъ. Ему оставалось одно: противиться силой и объявить себя императоромъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на это, онъ хотѣлъ еще въ послѣдній разъ напомнить регентшѣ волю покойнаго царя и данныя ему ею торжественныя клятвы: ему отвѣчали одной бранью. Тогда онъ рѣшился.

Въ Дидимотикѣ, въ день св. Димитрія (8 октября 1341 года), онъ возложилъ себѣ на голову императорскую корону. Тѣмъ не менѣе, чтобы ясно показать, что онъ отнюдь не былъ бунтовщикомъ,

онъ хотѣлъ, чтобы въ привѣтствіяхъ при упоминаніи его имени и имени его жены первое мѣсто было отведено императрицѣ Аннѣ и ея сыну Іоанну, и во время священной церемоніи онъ также велѣлъ упоминать царя и его мать и даже патріарха Іоанна. Кромѣ того, онъ заявлялъ, что у него не было другой цѣли, какъ защитить и упрочить престолъ юнаго монарха, котораго Андроникъ III довѣрилъ ему, положившись на его преданность; и черезъ три дня послѣ коронаванія онъ снялъ съ себя порфиру, чтобы облечься въ бѣлое, „какъ подобаеть, согласно обычаю, носить трауръ по императору“. Этимъ онъ рассчитывалъ еще подчеркнуть вѣрность, какую онъ хранилъ памяти царя, котораго любилъ „какъ брата“, и въ теченіе десяти лѣтъ вплоть до того дня, когда онъ властелиномъ вступилъ въ Константинополь, онъ продолжалъ носить трауръ. Въ то же время онъ напомнилъ еще разъ регентшѣ о послѣдней волѣ ея мужа, и какому она подвергалась риску, довѣряясь совѣтникамъ, которые, „преслѣдуя лишь одинъ собственный интересъ, думали только, какъ бы поскорѣе нарушить античную конституцію и, однимъ словомъ, привести къ гибели имперію“. Всѣ эти предостереженія, всѣ эти знаки почтенія совершенно не были оцѣнены въ Византіи. На узурпацію Кантакузина патріархъ отвѣтилъ немедленнымъ коронаваніемъ юнаго императора Іоанна. Междоусобная война началась.

* * *

Здѣсь не мѣсто рассказывать о всѣхъ безчисленныхъ превратностяхъ этой борьбы, продолжавшейся болѣе пяти лѣтъ и окончившейся побѣдой Кантакузина. Достаточно будетъ напомнить ея главныя черты и отмѣтить ея важныя послѣдствія; при этомъ сразу будетъ видно, какъ Анна Савойская выказала тутъ всѣ свои недостатки, всѣ свои страсти, всѣ свои слабости.

Чтобы вести войну, нужны были деньги. А между тѣмъ казна была пуста, имперія истощена. Всякими способами регентша старалась достать нужныя средства. Воспользовались церковными имуществами; образа были проданы или отправлены въ плавку; богатства императорскаго дворца, посуда, драгоценныя украшенія — проданы; имущество знатныхъ семей конфисковано, а кто не хотѣлъ этому подчиниться, того арестовывали, заключали въ тюрьму: чтобы овладѣть сопротивлявшимися не уважили даже старинной привилегіи убѣжища, какое представляла св. Софія. Самая тяжелая фискальная тираннія нависла надъ столицей и надъ всей имперіей. Но что было важнѣе, это то, что собранныя такимъ путемъ деньги даже не пошли всѣ сполна на нужды войны. Анна, отличавшаяся жадностью, и ея совѣтники воспользовались обстоятельствами, чтобы обогатиться лично самымъ скандальнымъ образомъ. При общей неурядицѣ имъ было легко присвоить себѣ извѣстныя суммы, покрывъ ихъ счетами фиктивныхъ тратъ; имъ было еще легче присвоить драгоценныя вещи или при случаѣ выкупить по смѣхотворной цѣнѣ лучшія вещи

имперской казны, которыя они пускали въ продажу. Анна Савойская находила въ этомъ двойную выгоду: она заразъ удовлетворяла свою страсть къ деньгамъ и свою неизменную зависть: такимъ образомъ, говорила она, если когда-нибудь Кантакузинъ побѣдитъ, по крайней мѣрѣ не наложитъ онъ своей руки на все это великолѣпіе, возвышающее блескъ власти.

Для поддержанія войны оба противника не посовѣстились нисколько призвать себѣ на помощь иноземцевъ. Чтобы получить помощь сербскаго князя Стефана Душана, Кантакузинъ не задумался предложить ему лучшія крѣпости Македоніи. Чтобы получить поддержку турецкаго султана, никейскаго Орхана, онъ рѣшился выдать замужъ за невѣрнаго свою дочь Θεодору. Анна съ своей стороны дѣлала то же. Она предлагала кралю сербскому, если тотъ выдастъ ей Кантакузина, живымъ или мертвымъ, выдать свою дочь за его сына и уступить ему всю Македонію до Христополя. За деньги покупала она союзъ эмира Андинскаго. И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ турки, переправляясь черезъ Геллеспонтъ, проникали во Фракію какъ въ свою страну и страшно ее опустошали. Безъ различія они грабили друга и недруга, угоняли стада, рабочихъ воловъ, вводили даже жителей и гнали ихъ за собой съ веревкой на шеѣ. Они появлялись такъ даже подъ самыми стѣнами Византіи, гдѣ Анна, совершенно равнодушная къ судьбѣ своихъ подданныхъ, принимала ихъ наилучшимъ образомъ, не заботясь обо всей этой толпѣ плѣнныхъ, жалобные крики которыхъ поднимались до небесъ. Ей не было дѣла до того, что поля оставались не-

воздѣланными и заброшенными, что тысячи римлянъ умерщвлялись или продавались, какъ рабы, если только черезъ это наносился ущербъ Кантакузину. Что за дѣло, если Стефанъ Душанъ опустошалъ Македонію и побѣдоносно доходилъ до Христополя? настолько меньше достанется крѣпостей на долю Кантакузина. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, обѣ стороны не могли ни въ чемъ себя упрекнуть. Если Григора справедливо отмѣчаетъ безчеловѣчность, жестокость Анны Савойской, ненависть, какую она, казалось, питала къ своему народу, къ этому слѣдуетъ прибавить, что она была, какъ онъ самъ говоритъ, иностранка. А какимъ же именемъ назвать тогда поведеніе Кантакузина, поступавшаго точно такъ же, какъ императрица?

Въ то время, какъ происходили подобныя дѣла, Анна Савойская, укрывшись въ своемъ дворцѣ, предоставляла своимъ фаворитамъ управлять собою. Опираясь на патріарха, Апокавкъ сдѣлался настоящимъ властелиномъ имперіи, и регентша, желая избавиться отъ всякихъ заботъ, охотно предоставляла ему управленіе всѣми общественными дѣлами. Фаворитъ пользовался этимъ, чтобы обогащаться: все больше и больше думалъ онъ о томъ, чтобы выдать свою дочь за юнаго императора; и хотя его соперники старались уронить его въ глазахъ императрицы, онъ твердо оберегалъ свое вліяніе во дворцѣ. Тѣмъ не менѣе онъ становился неспокоенъ: онъ чувствовалъ, что его окружаютъ враги; хотя онъ усиливалъ всѣ мѣры предосторожности относительно собственной особы, хотя онъ не выходилъ иначе какъ въ сопровожденіи стражи, и домъ его тщательно

охранялся, хотя, наконецъ, онъ заключилъ въ тюрьму большую часть своихъ политическихъ противниковъ, онъ зналъ, что крайне непопуляренъ, и вѣчно опасался какого-нибудь возстанія. Онъ ошибался лишь на половину. Въ это время онъ собирался строить внутри дворцовыхъ строений обширную тюрьму, чтобы помѣстить туда свои жертвы; одинъ разъ, придя распорядиться насчетъ рабовъ и поторопить рабочихъ, онъ имѣлъ неосторожность войти безъ своей стражи во дворъ, гдѣ гуляли узники. Послѣдніе, знавшіе объ его планахъ на ихъ счетъ, не захотѣли упустить случая. Одинъ изъ нихъ, вооруженный палкою, бросился на него и избилъ до полусмерти; другіе подоспѣли на помощь; вырвавъ у одного рабочаго топоръ, ему разсѣкли голову. Это случилось 11 іюня 1345 года. Перепуганная стража бросилась бѣжать, между тѣмъ какъ узники, чтобы возвѣстить жителямъ столицы о смерти тирана, повѣсили его окровавленный трупъ на зубцы дворцовыхъ стѣнъ, а сами, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, укрылись во дворцѣ.

Анна Савойская жестоко отомстила за своего фаворита. Узнавъ о покушеніи, она велѣла тотчасъ оцѣпить большой дворецъ, затѣмъ разрѣшила вдовѣ Апокавка пустить своихъ людей на приступъ. Толпа, опьянѣвшая отъ золота и вина, бросилась на приступъ; былъ отданъ приказъ убивать всѣхъ, однихъ, какъ совершившихъ убійство, другихъ, какъ соучастниковъ въ немъ. Будучи не въ силахъ серьезно защищаться, узники, видя, что стѣны взяты, бѣжали и спрятались въ сосѣдней церкви; за ними погнались и безъ по-

щады всѣхъ тамъ же умертвили; убивали въ самомъ алтарѣ. Затѣмъ головы и руки убитыхъ носили по улицамъ Константинополя. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней царилъ терроръ. Кто только осмѣливался пожалѣть покойныхъ, высказать простое слово состраданія, хотя бы то былъ другъ или родственникъ убитыхъ, того тотчасъ арестовывали, били плетьюми, „какъ измѣнника и недруга императрицы Анны“. Говорятъ даже, что въ своей злобѣ регентша думала не предавать тѣлъ погребенію и бросить ихъ въ море. Но она побоялась, чтобы народъ не разсвирѣпѣлъ, и отказалась отъ своего намѣренія; однако, она открыто выказала свою радость по поводу произведенныхъ жестокостей и пролитой крови, что являлось какъ бы местию за смерть Апокавка. Послѣ этого она стала искать другого фаворита, который помогъ бы ей противостоятъ Кантакузину.

Къ этому своему противнику она чувствовала упорную ненависть и скорѣе была готова на все, чѣмъ помириться съ нимъ. Когда въ 1346 году патріархъ посовѣтовалъ ей войти въ соглашеніе съ ея соперникомъ, одного этого предложенія было достаточно, чтобы привести ее въ бѣшенство. Съ этихъ поръ она стала смотрѣть на патріарха, какъ на измѣнника, и она только и думала, какъ бы его низложить. Это ей удалось въ 1347 году. По ея приказанію синодъ низложилъ Іоанна, не выслушавъ его; и съ обычнымъ для нея преувеличеніемъ, отмѣчавшимъ всѣ ея поступки, Анна хотѣла отпраздновать большимъ обѣдомъ паденіе челоуѣка, такъ долго бывшаго ея самымъ вѣрнымъ и самымъ близкимъ со-

трудникомъ, такъ что о нихъ говорили, что „это была одна душа въ двухъ тѣлахъ“. Она пригласила на этотъ пиръ всѣхъ тѣхъ, кто помогъ ей удалить патріарха: „раздавались, говоритъ Григора, за этимъ обѣдомъ довольно непристойныя шутки и смѣхъ. Но въ ту же ночь, когда запѣлъ пѣтухъ, все это веселье, прибавляетъ историкъ, обратилось въ скорбь“. Въ этотъ самый мигъ Кантакузинъ вступалъ въ Константинополь.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ видно было, что всякое сопротивленіе становилось невозможнымъ. Новый фаворитъ регентши, итальянецъ Фаччіолати, это понялъ: 3 февраля 1347 года онъ растворилъ передъ Кантакузинымъ одни изъ воротъ столицы. Анна между тѣмъ упорно не хотѣла признать очевидность; укрывшись во Влахернскій дворецъ, она рассчитывала еще бороться; черезъ своихъ посланцевъ она старалась поднять чернь; она просила помощи у генуэзцевъ Галаты; на предложенія Кантакузина, убѣждавшаго ее сдаться добровольно и предлагавшаго ей въ обмѣнъ за это долю участія въ правленіи и сохраненіе всѣхъ почестей, приличныхъ ея сану, она отвѣчала лишь грубой бранью и припадками бѣшеной злобы. Въ концѣ концовъ, однако, видя, что часть дворца взята и готовятся къ приступу, она согласилась начать переговоры. Послѣ совѣщанія съ послѣдними еще остававшимися у нея сторонниками, она, по единодушному рѣшенію, примирилась съ неизбѣжностью мира. Но она отнюдь не думала признать этимъ, что за ней были какія-нибудь провинности, требовавшія прощенія; „ея гордая и жестокая душа, говоритъ Григора, сочла бы такое признаніе недостой-

нымъ для себя униженіемъ“. Она высокомерно требовала торжественныхъ обѣщаній, необычайныхъ обязательствъ; она рассчитывала царствовать одна, не принимая даже Кантакузина себѣ въ помощники. То было совершенное безуміе: Анна должна была считать себя счастливой принять предложенія побѣдителя; она оставалась императрицей и за ней признавалось даже первенство передъ новымъ царемъ.

Кантакузинъ льстилъ себя надеждой добрымъ и изысканнымъ обращеніемъ обезоружить своего врага — императрицу. Онъ оставилъ ей и ея сыну обширные императорскіе покои и удовольствовался самъ частью дворца, порядочно разоренной, прилегавшей къ большому триклинію Алексѣя Комнина. Но, исполнивъ этотъ долгъ учтивости, онъ вслѣдъ за тѣмъ на самомъ дѣлѣ вступилъ въ обладаніе властью. Изъ предосторожности онъ выдалъ свою дочь Елену за юнаго императора Іоанна и вновь торжественно короновался въ церкви Влахернской Божіей Матери. (Происшедшее передъ тѣмъ паденіе купола св. Софіи превратило этотъ великій храмъ въ развалины),

Празднества коронованія были печальныя. „Такова была бѣдность государства, говоритъ одинъ современникъ, что изъ всѣхъ блюдъ и чашъ, подававшихся во время пира, не было ни одного золотого или серебрянаго. Часть посуды была изъ олова, часть изъ глины или раковинъ. Кто сколько-нибудь знакомъ съ византійскими обычаями пойметъ изъ этого, а также изъ другихъ отступленій отъ этикета, какая нищета царила во всемъ. Прибавлю еще, что

императорскія діадемы и одежды на этомъ праздникѣ по большей части были украшены поддѣльнымъ золотомъ и поддѣльными драгоценными камнями. Золото замѣняла позолоченная мѣдь, драгоценные камни—разноцвѣтное стекло. Лишь кое-гдѣ можно было увидеть камни, сверкавшіе неподдѣльнымъ блескомъ; лишь кое-гдѣ своимъ необманнымъ сіяніемъ жемчугъ манилъ опытный глазъ. Таково было разореніе римской имперіи, до такой степени потухъ ея былой блескъ, исчезло ея бывшее благоденствіе, и не безъ чувства стыда повѣствую я объ этомъ“. Казна была также пуста: „Тутъ можно было только найти воздухъ да пыль“. Вотъ до чего своей неосторожностью, своей алчностью, своими безуміями довела императрица Анна византійскую имперію.

* * *

Анна Савойская была побѣждена. Никогда не могла она простить побѣдителю свое пораженіе. И онъ хорошо это чувствовалъ. Поэтому первой его заботой было распустить итальянскій дворъ императрицы, отослать всѣхъ этихъ иностранцевъ, всѣхъ этихъ женщинъ, сдѣлавшихъ гинекей вѣчнымъ очагомъ интригъ. Кромѣ того, онъ постарался освободить юнаго императора отъ пагубнаго вліянія его матери, отправивъ его жить въ Салоники. Это былъ напрасный трудъ. Царица навсегда затаила въ себѣ злобу и обиду. Преисполненная презрѣнья къ Кантакузину и его друзьямъ, полная глухой вражды, она все время оказывала упорное противодѣйствіе новому правительству. Кантакузинъ говоритъ гдѣ-то о дружбѣ,

какую она ему выказывала. Трудно повѣрить, чтобы она была искренна, и что онъ самъ могъ считать ее таковою. Правда, что когда въ 1351 году сынъ ея Іоаннъ, подобно ей втайнѣ ненавидѣвшій новаго императора, задумалъ отправить отъ себя свою жену, чтобы жениться на сестрѣ сербскаго царя Стефана Душана и съ помощью этого иноземца начать войну съ Кантакузинымъ, Анна, по просьбѣ послѣдняго, согласилась принять посредничество, чтобы уничтожить затрудненіе; она отправилась въ Салоники и, какъ говоритъ одинъ современникъ, „порвала всѣ интриги, словно паутину“.

Но это просто потому, что она находила преждевременной выходку своего сына и въ затруднительномъ положеніи Кантакузина увидала предлогъ вырвать у него обѣщаніе возможнаго въ будущемъ отреченія. Но, какъ и сынъ ея, она ждала отмщенія. И получила его въ 1354 году.

При поддержкѣ латинянъ Іоаннъ Палеологъ захватилъ Константинополь и принудилъ своего тестя отречься отъ престола. Выказавъ странное для такого честолюбца смиреніе, Кантакузинъ безъ всякаго сопротивленія удалился въ монастырь, и жена его, мужественная и умная Ирина, могла не безъ ироніи сказать: „Еслибъ я нѣкогда обороняла Дидимотику (гдѣ она прославилась удивительной обороной въ 1342 году), какъ вы обороняли Константинополь, вотъ мы уже двѣнадцать лѣтъ спасали бы наши души“.

Кантакузинъ, несмотря на свои выдающіяся качества, Анна Савойская, благодаря всѣмъ ошибкамъ своего правленія, оба несутъ тяжелую отвѣтственность за упадокъ и окончательную гибель

византійской имперіи. Оба одинаково и тяжко погрѣшили, допустивъ, что изъ-за ихъ соперничества разразилась безконечная междоусобная война, а главное тѣмъ, что призывали злѣйшихъ враговъ имперіи, и, быть можетъ, великій доместикъ, способный предвидѣть послѣдствія своихъ поступковъ, еще болѣе выходитъ тутъ виновнымъ, чѣмъ безтолковая и беззаботная императрица. Никогда до него не было видано, чтобы византійская царица выходила замужъ за мусульманина; никогда до него никто не видалъ, чтобы турки приходили чуть не селиться во Фракіи, и чтобы церковныя сокровищницы употреблялись на удовлетвореніе требованій невѣрныхъ. При немъ все это увидали, и еще болѣе того. Григора рассказываетъ, что въ самомъ императорскомъ дворцѣ турки, съ которыми обращались какъ съ друзьями, позволяли себѣ всякія вольности; во время церковныхъ службъ они танцовали и пѣли къ большому соблазну христіанъ. Они, конечно, хорошо понимали, что они хозяева положенія, и что гражданская война была выгодна для нихъ однихъ. Они судили вѣрно. Черезъ сто лѣтъ послѣ этого Константинополь былъ взятъ, св. Софія разграблена, и полумѣсяцъ на долгіе вѣка замѣнилъ крестъ. Царствованіе Анны Савойской заключало въ себѣ хоть не прямыя, но несомнѣнныя причины, приведшія къ этой окончательной катастрофѣ. И есть полное основаніе жалѣть о томъ, что, въ противность столькимъ западнымъ принцессамъ, царствованіе которыхъ прошло въ Византіи неслышно и незамѣтно, Анна хотѣла и могла играть роль, но сыграла ее плохо, ибо не обладала для того достаточнымъ разумѣніемъ.

ГЛАВА IX.

Браки послѣднихъ Палеологовъ.

Въ часовнѣ дворца Рикарди во Флоренціи, которую Беноццо Гоццолли расписалъ въ 1457 году для Петра Медичи, въ цѣломъ рядѣ прелестныхъ фресокъ изображено шестіе царей-волхвовъ по полямъ флорентійскимъ. Свѣжестью красокъ, изяществомъ компановки, яркостью изображенія жизни высшаго сословія XV вѣка, которую онѣ воскрешаютъ передъ нами, это произведеніе одно изъ самыхъ чарующихъ, какія оставило намъ раннее возрожденіе. Въ немъ есть еще другая прелесть: большинство лицъ, изображенныхъ художникомъ въ его живописи, — портреты членовъ семьи Медичи, а также знаменитыхъ гостей, которыхъ съ почтительнымъ любопытствомъ Флоренція принимала за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по случаю собора 1439 года. На одной стѣнѣ изображенъ патріархъ константинопольскій Іосифъ, сидящій на мулѣ и окруженный монахами; на другой—императоръ греческій Іоаннъ VIII Палеологъ, верхомъ на бѣломъ конѣ въ великолѣпной сбруѣ, необыкновенно изящный въ своемъ длинномъ зеленомъ одѣяніи, съ большими золотыми вышивками, въ шапочкѣ съ приподнятыми

полями, накрытой золотой короной. Еще извѣстны другіе памятники, знаменитая медаль Пизанелло, барельефы, вылѣпленные Филарете на воротахъ св. Петра, наконецъ, прекрасный бронзовый бюстъ, недавно открытый, на которомъ тотъ же Филарете съ необычайной силой жизненности изобразилъ нѣсколько экзотическія черты византійскаго царя, и все это говоритъ намъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое произвело въ Италіи посѣщеніе Іоанна Палеолога, о воспоминаніи, какое оставило по себѣ великолѣпіе его блестящей и живописной свиты. Но не этимъ однимъ ограничились сношенія греческаго монарха съ Западомъ, есть другія, нагляднѣйшимъ образомъ иллюстрирующія отношенія, существовавшія между греками и латинянами въ эпоху послѣднихъ Палеологовъ, наканунѣ окончательной катастрофы, въ которой должна была погибнуть византійская имперія.

I.

Іоаннъ VIII былъ старшимъ сыномъ того самого Мануила II, который несомнѣнно можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ среди послѣднихъ монарховъ, царствовавшихъ въ Византіи. Въ 1415 году отецъ женилъ его на дочери великаго князя Московскаго, одиннадцатилѣтней дѣвочкѣ, названной, по пріѣздѣ ея въ Константинополь, Анной. Но въ 1418 году юная княжна погибла во время чумы, опустошившей столицу, отъ которой умеръ также и сынъ султана Баязета, любопытная исторія котораго рассказана лѣтописцемъ Дукою. Отправленный въ

Византію въ качествѣ заложника, онъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Іоанномъ и такъ пристрастился къ эллинской литературѣ и цивилизаціи, что во что бы то ни стало хотѣлъ обратиться въ православіе. Опасаясь осложнений, царь Мануиль не соглашался исполнить просьбу молодого человѣка; но когда мусульманинъ заболѣлъ и, чувствуя, что конецъ его близокъ, сталъ вновь настаивать на крещеніи, прибавляя, что царь своимъ отказомъ явится причиной его вѣчнаго проклятія, императоръ не рѣшился долѣе противиться желанію невѣрнаго. Онъ хотѣлъ самъ быть его крестнымъ отцомъ, и когда на другой день по совершеніи таинства неофитъ умеръ, онъ велѣлъ съ честью похоронить его въ церкви св. Іоанна въ Студійскомъ монастырѣ.

Смерть Анны, русской княжны, налагала обязанность найти новую жену наслѣднику престола. Византійскій дворъ обратилъ свои взоры на Софію Монферратскую, происходившую отъ того Ѳедора Палеолога, сына Андроника II, который въ началѣ XIV вѣка получилъ въ наслѣдство это итальянское княжество. Она прибыла въ Константинополь въ ноябрѣ 1420 года, а 19 января 1421 бракосочетаніе было съ большимъ торжествомъ отпраздновано въ св. Софіи. Празднества коронованія, сопровождавшія бракосочетаніе, были не менѣе великолѣпны: „это былъ, дѣйствительно,—говоритъ Франдзи,—изъ праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ“.

Бракъ, заключенный при такихъ блестящихъ условіяхъ, не былъ счастливымъ. Новая императрица обладала всѣми качествами души, но, къ

несчастьемъ, она была невыносимо дурна собой. И не то чтобы она была лишена всякой прелести: у нея было хорошее сложеніе, прекрасныя руки, удивительныя плечи, изящная, гибкая шея, рыжіе вьющіеся волосы, золотымъ ореоломъ обрамлявшіе ея лицо и доходившіе до земли; кисти рукъ были тонкія, удивительно пропорціональныя, талія красива; но она была нѣсколько слишкомъ велика ростомъ, а, главное, лицо, лобъ, носъ, ротъ, глаза, брови были уродливы. Такъ что, какъ говоритъ Дука, она совершенно оправдывала народную пословицу: „Спереди она похожа на постъ, а сзади на Пасху“.

Никогда Іоаннь и слышать не хотѣлъ объ этой непривлекательной подругѣ, данной ему вслѣдствіе чисто политическихъ соображеній. Съ перваго шага онъ почувствовалъ къ ней ужасъ и ненависть и далъ ей это сразу понять. Немедленно принялъ онъ рѣшеніе жить съ ней въ отдѣльныхъ комнатахъ; онъ отправилъ Софью въ отдаленную часть дворца, гдѣ она жила одиноко съ своимъ маленькимъ итальянскимъ дворомъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ ней на Востокъ; и не почитай юный царевичъ такъ сильно своего отца, императора Мануила, онъ не колеблясь отправилъ бы свою жену въ Италію. По крайней мѣрѣ онъ безъ всякихъ стѣсненій утѣшался съ другими: „Царь Іоаннь,—говоритъ Франдзи,—не чувствовалъ къ Софьѣ ни любви, ни расположенія, и въ семьѣ царилъ раздоръ. Императоръ любилъ другихъ женщинъ, такъ какъ природа отказала монархинѣ во всякой красотѣ“.

Гораздо хуже стало, когда въ 1425 году умеръ императоръ Мануиль. Съ этихъ поръ существо-

ваніе молодой женщины сдѣлалось невыносимо, такъ что она прибѣгла къ рѣшительному шагу. „Царица, — рассказываетъ Дука, видя, что императоръ упорствуетъ въ своихъ чувствахъ относительно нея, рѣшилась бѣжать изъ Константинополя. Вступивъ по этому поводу въ сношенія съ галатскими генуэзцами и открывъ имъ свое желаніе уѣхать, она въ одинъ прекрасный день вышла изъ города и, подъ предлогомъ разсѣяться, отправилась въ одинъ изъ великолѣпныхъ окрестныхъ садовъ съ женщинами, говорившими на ея языкѣ, и нѣсколькими оруженосцами, привезенными ею съ собой изъ своей страны. Подъ вечеръ, снарядивъ корабль, старшины Галаты взошли на него и, приблизившись къ берегу, съ большимъ почетомъ приняли на корабль императрицу и переправили ее на другой берегъ; и все населеніе Галаты вышло ей на встрѣчу и почтительно ее привѣтствовало, какъ свою госпожу и монархиню. Такъ какъ уже былъ вечеръ, жители столицы ничего не заподозрили, и только утромъ во дворцѣ узнали печальную новость“. При другихъ обстоятельствахъ генуэзскіе торговцы несомнѣнно дорого поплатились бы за такое дерзкое вмѣшательство; въ первую минуту населеніе столицы, придя въ ярость, хотѣло не болѣе не менѣе, какъ нагрнуть на нихъ и уничтожить ихъ учрежденія. Но императоръ Іоаннь былъ слишкомъ доволенъ, что избавился такимъ способомъ отъ жены. Онъ утишилъ гнѣвъ народа и далъ Софѣ безпрепятственно сѣсть на генуэзскій корабль, плывшій въ Италію. Отъ своего пребыванія на Востокѣ она сохранила только императорскій вѣнецъ, украшающій голову ца-

риць. „Этого мнѣ достаточно,—говорила она съ грустной ироніей, — въ доказательство того, что я была и остаюсь императрицей римской. Что касается до богатствъ, которыя я тамъ оставила, мнѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла“. Возвратившись въ свою родную страну, она постриглась въ монахини и, всецѣло предавшись Богу, окончила въ монастырѣ свои печальныя дни.

Іоаннъ VIII, избавившись отъ Софьи, немедленно принялся за поиски третьей жены. Онъ нашелъ ее въ семействѣ трапезунтскихъ Комниновъ. Начиная съ XIII вѣка, какъ извѣстно, существовала далеко за Чернымъ моремъ греческая имперія, и хотя ужъ начался ея упадокъ, тѣмъ не менѣе въ XV вѣкѣ она еще пользовалась нѣкоторой славой и благоденствіемъ. Былъ явный политическій расчетъ соединить черезъ бракъ эти два государства, остатки эллинизма, такъ долго разъединенныя между собой жестокимъ соперничествомъ. Надо еще прибавить, что трапезунтскія царевны славились своей красотой по всему Востоку, а для Іоанна VIII, послѣ его несчастнаго итальянскаго опыта, это являлось не малымъ соображеніемъ. Такимъ образомъ Виссаріону было поручено войти въ переговоры относительно брака между Палеологомъ и одной изъ дочерей дома Комниновъ. Это ему удалось. Въ августѣ мѣсяцѣ 1427 года Марія, дочь императора Алексѣя IV, прибыла въ Константинополь; въ сентябрѣ мѣсяцѣ была отпразднована свадьба и молодая женщина коронована, какъ императрица, патриархомъ Іосифомъ.

На этотъ разъ во всякомъ случаѣ Іоаннъ VIII не могъ пожаловаться. Новобрачная, говорить

Дука, „была столь же замѣчательна по своей красотѣ, какъ и по своимъ добродѣтелямъ“. То же самое подтверждаетъ еще полнѣе французскій путешественникъ Бертрандонъ де ля Брокьеръ, посѣтившій въ 1432 году византійскую столицу и набросавшій намъ въ своей замѣткѣ привлекательный портретъ прекрасной монархини. Замѣтивъ ее однажды утромъ въ св. Софіи, онъ только и думалъ потомъ, какъ бы увидать ее еще и поближе, „такъ хороша она мнѣ показалась въ церкви“, и, какъ истый зѣвака, онъ терпѣливо ждалъ, „весь день не пилъ и не ѣлъ до самой вечерни“, желая увидѣть, какъ она вновь сѣла на лошадь, чтобы ѣхать назадъ во Влахернскій дворецъ. Онъ былъ вознагражденъ за свое упорство. „При ней были только, — говоритъ онъ, — двое или трое старыхъ государственныхъ мужей и трое такихъ людей, какимъ турки поручаютъ охранять своихъ женщинъ. И когда она вышла изъ дому, принесли скамью, на которую она встала, а потомъ ей подвели прекраснаго коня съ прекраснымъ дорогимъ сѣдломъ. И подойдя къ той скамьѣ, взялъ одинъ изъ старыхъ мужей государственныхъ длинную мантию, которую она носила, и, обойдя съ другой стороны лошади, развернулъ у себя на рукахъ во всю длину мантию такъ искусно, какъ только умѣлъ. Она вложила ногу въ стремя и совсѣмъ какъ мужчина вскочила на лошадь; и онъ тогда накинулъ ей на плечи мантию и на голову ей надѣлъ высокую греческую шапочку съ острымъ концомъ, и на той шапочкѣ, вдоль ея остраго конца было три золотыхъ пера, которыя очень къ ней шли. Она показалась мнѣ такой же прекрасной

или еще болѣе, чѣмъ раньше, и я подошелъ такъ близко, что мнѣ сказали, чтобы я подался назадъ, и мнѣ казалось, что нечего было возразить, развѣ только, что лицо у нея было раскрашено, въ чемъ не было нужды, ибо она была молода и бѣла. И имѣла она въ каждомъ ухѣ по золотой подвѣскѣ, широкой и плоской, гдѣ было по нѣскольку камней, и рубиновъ больше, чѣмъ другихъ. И точно также, когда сѣла на лошадь императрица, то же сдѣлали и двѣ дамы, которыя были съ ней, и тѣ дамы были тоже очень красивы и одѣты въ мантии и шляпы, и потомъ она уѣхала во дворецъ императора, который называется Влахернскимъ“.

Покуда была жива эта прелестная Марія Комнина, императоръ Іоаннъ VIII все время продолжалъ быть страстно влюбленнымъ въ нее и подлѣ красавицы жены скоро забылъ ту некрасивую и неприятную, которая изъ-за политическихъ соображеній была ему на нѣкоторое время навязана. И съ этой стороны сантиментальная исторія византійскаго царя довольно ясно выражаетъ, въ видѣ символа, чувства всего греческаго Востока относительно Запада. Требованія политическаго положенія увлекали Византію въ сторону латинскаго міра; но такой союзъ не могъ быть прочнымъ и всегда грозилъ разрывомъ. Общій интересъ сближалъ на извѣстное время эти два міра, но сердце тутъ было не при чемъ.

* * *

Тѣмъ не менѣе, византійская имперія, находившаяся при послѣднемъ издыханіи, не видѣла другого спасенія отъ надвигающейся съ каждымъ

днемъ все болѣе и болѣе турецкой опасности, какъ только помощь Запада. И въ эту сторону направилъ свою политику еще Мануиль II, отецъ Юанна VIII, и не задумался въ концѣ 1399 года покинуть свою столицу, чтобы отправиться лично просить поддержки у европейскихъ монарховъ. Изъ Венеціи, гдѣ онъ высадился и былъ принять съ торжествомъ, онъ отправился во Францію, гдѣ Карль VI встрѣтилъ его съ необычайной торжественностью. 3 іюня 1400 года императоръ долженъ былъ проѣхать черезъ Шарантонскій мостъ. Двѣ тысячи парижскихъ жителей ожидали его верхомъ, чтобы составить ему свиту; нѣсколько далѣе, канцлеръ, президенты парламента въ сопровожденіи пятисотъ чловѣкъ и три кардинала привѣтствовали его отъ имени короля; наконецъ, самъ Карль VI со всѣмъ своимъ дворомъ при звукахъ музыки и трубъ выѣхалъ на встрѣчу греческому царю и привѣтствовалъ его лобзаніемъ. Императоръ, верхомъ, одѣтый въ дорогія одежды изъ бѣлаго шелка, произвелъ на всѣхъ присутствующихъ самое хорошее впечатлѣніе; благородствомъ своего лица, своей большой сѣдой бородой и сѣдыми волосами, достоинствомъ всей своей особы онъ завоевалъ всеобщую симпатію. Въѣздъ его въ Парижъ былъ очень торжественъ, при громкихъ кликахъ огромной толпы, стоявшей на пути его слѣдованія. Послѣ роскошнаго угощенія во дворцѣ, его отвели въ Лувръ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ и содержался на всемъ готовомъ. Король осыпалъ его подарками, тотчасъ обѣщалъ ему всякую помощь, какую тотъ отъ него хотѣлъ, и Мануиль могъ написать одному изъ своихъ приближенныхъ: „Мно-

гое множество вещей даровалъ намъ славный король; много мы получили также отъ его родныхъ, отъ его придворныхъ сановниковъ, словомъ, отъ всѣхъ“. Затѣмъ царь отправился въ Англію, гдѣ нашель тотъ же пріемъ. Но всѣ эти прекрасныя обѣщанія не имѣли никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Несмотря на двухлѣтнее пребываніе на Западѣ, Мануиль стяжалъ лишь знаки вниманія, довольно безплодные. Брачная политика, къ которой онъ послѣ этого прибѣгъ, не имѣла лучшихъ послѣдствій. У Европы были инныя заботы, чѣмъ спасеніе греческой имперіи.

Несмотря на эти неудачи и разочарованія, Іоаннь VIII сохранялъ традицію своего отца. Онъ даже сдѣлалъ еще новый шагъ. Забывая мудрыя совѣты Мануила II, который, настоятельно совѣтуя ему искать политическаго союза съ западными народами, въ то же время горячо предостерегалъ его противъ опасностей сближенія на почвѣ вѣры, забывая старую и непобѣдимую неприязнь, какую греки питали къ римской церкви, Іоаннь VIII подумалъ, что для снисканія добраго расположенія папы и полученія черезъ него поддержки Европы ничто не можетъ быть дѣйствительнѣе, какъ положить конецъ расколу и возстановить единеніе двухъ церквей, попытка, уже столько разъ напрасно предпринимавшаяся. По приглашенію Евгенія IV, обѣщавшаго взять на себя всѣ расходы по императорскому путешествію, царь въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1437 года съ многочисленной свитой отплылъ въ Италію. Онъ взялъ съ собой своего брата, деспота Димитрія, константинопольскаго патріарха Іосифа, блестящую свиту іереевъ, монаховъ и важныхъ сановниковъ.

8 февраля 1438 года онъ прибылъ въ Венецію. Тутъ онъ встрѣтилъ великолѣпный пріемъ, пышность и блескъ котораго описалъ намъ Франдзи по разсказу, переданному ему собственнымъ братомъ императора.

Когда императорская трірема бросила якорь у мола св. Николая, ей навстрѣчу двинулось такое количество судовъ, говоритъ историкъ, что не стало больше видно моря. Вскорѣ дождь и члены великаго совѣта явились привѣтствовать императора на борту его тріремы и сговориться съ нимъ насчетъ необходимыхъ распоряженій по случаю торжественнаго пріема слѣдующаго дня. Въ этотъ день, приходившійся на воскресенье 9 февраля, дождь въ сопровожденіи блестящей свиты сѣлъ на галеру Букентавръ; эта официальная галера, говоритъ Франдзи, была „вся обтянута пурпуровыми тканями; на кормѣ были золотые львы и золотая обивка; и вся она была украшена живописью, изображавшею различныя прекрасныя исторіи“. За Букентавромъ слѣдовали двѣнадцать квадриремъ, расписанныхъ и украшенныхъ, какъ судно дожа; на нихъ находились члены венеціанскаго патриціата; онѣ всѣ были разцвѣчены золотыми флагами, и на нихъ стоялъ звонъ безчисленныхъ трубъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Наконецъ, плылъ великолѣпный корабль, предназначенный для императора, гребцы были одѣты въ дорогія одежды съ вышитыми золотыми листьями, а на шапочкахъ у нихъ былъ изображенъ вмѣстѣ съ гербомъ Палеологовъ - святой Маркъ; вдоль всего борта развѣвались знамена императорскихъ цвѣтовъ; на заднемъ возвышеніи, сплошь расцвѣчен-

номъ золотыми флагами, стояли четверо вельможъ, одѣтыхъ въ золототканое сукно, въ рыжихъ парикахъ, покрытыхъ золотой пудрой; они составляли свиту представительнаго вида человѣку, сверкавшему золотомъ и державшему въ рукѣ скипетръ, въ то время какъ сановники въ иноземныхъ костюмахъ почтительно отдавали ему честь. Передъ заднимъ возвышеніемъ, на своего рода высокой колоннѣ, стоялъ человѣкъ, вооруженный съ головы до ногъ и сверкавшій, какъ солнце; двое дѣтей, одѣтыхъ ангелами, сидѣли у его ногъ. Наконецъ, на кормѣ видны были два золотыхъ льва, а между ними двуглавый орелъ. И при звукѣ трубъ и привѣтственныхъ кликахъ вся эта флотилія направилась къ императорскому кораблю. Снова дождь взошелъ на корабль, чтобы привѣтствовать царя. Іоаннъ VIII принялъ его сидя, затѣмъ пригласилъ его сѣсть нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ находился тронъ императора; дружески поговоривъ нѣкоторое время между собою, оба монарха вмѣстѣ вступили въ эту великолѣпную и великую Венецію, какъ говоритъ Франдзи, „въ этотъ поистинѣ удивительный городъ, самый замѣчательный изъ всѣхъ городовъ по своему богатству, многообразію, блеску, въ городъ всѣхъ красокъ и оттѣнковъ, достойный похвалъ безконечныхъ, наконецъ, въ городъ мудрѣйшій изъ всѣхъ городовъ, который по праву можетъ быть названъ второй землей обѣтованной“. Все въ немъ возбуждаетъ восторгъ лѣтописца: „удивительная церковь св. Марка, великолѣпный дворецъ дожей, жилища другихъ вельможъ, такія обширныя, такъ чудесно украшенныя золотомъ и пурпуромъ, и наипрекрас-

нѣйшія изъ всѣхъ. Кто не видалъ этихъ чудесъ, прибавляетъ онъ, не можетъ имъ повѣрить; кто видѣлъ, безсиленъ описать красоту города, изящество мужчинъ, сдержанность женщинъ, дружное стеченіе народа, полного ликованія, собравшагося для встрѣчи императора“. По Большому Каналу шествіе достигло моста Ріальто, украшеннаго золотыми знаменами, и при звукахъ трубъ и привѣтственныхъ кликахъ на закатѣ солнца отвели Іоанна VIII во дворецъ маркиза Феррарскаго, гдѣ было приготовлено ему помѣщеніе.

Здѣсь не мѣсто описывать долгіе споры, поднимавшіеся на соборѣ, сперва въ Феррарѣ, затѣмъ во Флоренціи, имѣвшемъ цѣлью возстановить единеніе церквей. Достаточно будетъ напомнить, что, желая поколебать непреклонность византійскаго духовенства, императоръ долженъ былъ употребить всю свою энергію, и силой всевозможныхъ аргументовъ подкрѣпить свой авторитетъ, чтобы тѣмъ склонить къ уступкамъ упорные умы. Наконецъ, 6 іюля 1439 года добились успѣха. Въ церкви Санта Марія дель Фіоре папа самъ совершилъ торжественное богослуженіе и призвалъ благословеніе Божіе на только-что совершившееся дѣло мира; затѣмъ всѣ члены собора прошли передъ римскимъ первосвященникомъ и, принявъ всѣ святое причастіе, дали другъ другу лобзаніе мира.

Единеніе казалось восстановленнымъ, и Іоаннъ VIII, полный довѣрія, сѣлъ на венеціанскій корабль, долженствовавшій отплыть на Востокъ. Но эти иллюзіи длились не долго. „Когда іереи, рассказываетъ Дука, высадились въ Константинополь, граждане города, по обыкновенію, вы-

шли ихъ привѣтствовать и обратились къ нимъ съ вопросами: „Ну, какъ ваши дѣла? что происходило на соборѣ? На нашей ли сторонѣ осталась побѣда?“ И тѣ отвѣчали: „Мы продали нашу вѣру, мы промѣняли благочестіе на нечестіе, мы измѣнили истинному причастію, чтобы стать ази-митами“. Вотъ что говорили, и еще другія болѣе постыдныя слова, тѣ самые, которые подписали постановленіе собора. А когда ихъ спрашивали: „Но для чего же вы подписали?“ „Изъ страха франковъ“, былъ отвѣтъ. И когда ихъ далѣе спрашивали, что же, предавали ихъ франки мученія, сѣкли розгами или бросали въ тюрьмы, они отвѣчали: „Нѣтъ“. „Такъ въ чемъ же дѣло?“ спрашивали опять. „Рука, что вотъ передъ вами, подписала, пусть ее отсѣкутъ, былъ отвѣтъ; языкъ подтвердилъ, пусть его вырвуть“; и не находили больше ничего прибавить. Нѣкоторые іереи, когда пришла минута подписывать, сказали: „Мы не подпишемъ, если вы намъ не дадите достаточной суммы денегъ“. Безчисленны были суммы, потраченныя съ этой цѣлью и врученныя святымъ отцамъ; а потомъ они раскаялись, но денегъ не возвратили и были болѣе виновны, чѣмъ Іуда, который принесъ назадъ тридцать серебрянниковъ“.

Другого рода скорбь ожидала еще императора по его возвращеніи. Когда онъ 1 февраля 1440 года прибылъ въ свою столицу, онъ узналъ о смерти императрицы Маріи. Это было, говорить Дука, большое горе для него, которое, въ соединеніи съ заботами по дѣламъ вѣры, сильно подорвало его здоровье и ускорило его конецъ.

На Принцевыхъ островахъ до сихъ поръ жива

память о прекрасной императрицѣ Комнинѣ. На островѣ Халки Іоаннъ Палеологъ построилъ во имя своего покровителя Іоанна Предтечи большой монастырь и красивую церковь. Царица Марія приняла участіе въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ, построивъ при главномъ зданіи маленькую часовню Богородицы. Только эта часовня и уцѣлѣла отъ пожара, уничтожившаго монастырь въ XVII вѣкѣ; часовня стоитъ еще и теперь, почти не тронутая временемъ, будя собою воспоминаіе объ очаровательной царицѣ, плѣнившей сердце императора.

II.

Несмотря на глубокое несогласіе, несмотря на вѣковую непріязнь, раздѣлявшія латинянъ съ греками, мы видѣли, что въ XV вѣкѣ были сдѣланы серьезныя усилія, чтобы примирить Востокъ съ Западомъ и этимъ соглашеніемъ обезпечить спасеніе пошатнувшейся византійской имперіи. Равно и вслѣдствіе различныхъ событій множество латинскихъ родовъ и династій переселилось на Востокъ. Флорентинцы Аккачіоли правили франкскимъ герцогствомъ Аѳинскимъ; генуэзцы Гаттилузи были князьями Лесбоса, а большая торговая компанія генуэзская владѣла островомъ Хіосомъ; другіе итальянцы, Цаккарія, были властителями въ Морѣѣ; еще другіе, Токко, поселились въ Кефалоніи и на Занте. Венеція имѣла всюду свои владѣнія, и ея патриціанскіе роды основали до двадцати династій на островахъ Архипелага. Общая опасность мусульманскаго завоеванія соединяла всѣ эти княжества и заста-

вляла ихъ чувствовать необходимость союза съ Византіей. Отсюда всѣ эти браки, въ теченіе послѣдняго вѣка существованія греческой имперіи столько разъ соединявшіе, въ цѣляхъ политическихъ, дочерей латинскихъ князей Востока съ членами рода Палеологовъ.

Братъ Мануила II Ѳеодоръ I, деспотъ Морейскій, подалъ тому примѣръ. Въ 1388 году онъ женился на Бартоломмеѣ Аккачіоли, дочери Неріо II, герцога Лѣинскаго, которую одинъ лѣтописецъ называетъ „самой красивой женщиной своего времени“. Сыновья Мануила II, подражая своему дядѣ, также женились на латинскихъ принцессахъ. Іоаннъ VIII, какъ извѣстно, взялъ себѣ въ жены Софію Монферратскую, Ѳома вступилъ въ бракъ съ Катериной Цаккарія; Константинъ, долженствовавшій быть послѣднимъ императоромъ Византіи, женился на Ѳеодорѣ Токко, затѣмъ на Катеринѣ Гаттилузи; наконецъ, Ѳеодоръ, деспотъ Морейскій, подобно старшему своему брату Іоанну, искалъ руки итальянской принцессы. Въ 1421 году, одновременно съ братомъ, онъ отпраздновалъ свою свадьбу съ Клеопой Малатеста.

Изъ всѣхъ этихъ браковъ, имѣвшихъ то счастливое слѣдствіе, что Морея цѣликомъ перешла подъ власть Палеологовъ, и деспоты Мистры сдѣлались накануне окончательной катастрофы выдающимися представителями эллинизма, намъ извѣстенъ съ нѣкоторыми подробностями только одинъ. Благодаря надгробнымъ словамъ, произнесеннымъ въ ея память Гемистомъ Плиеономъ и Виссаріономъ, образъ Клеопы Малатесты, принцессы Морейской, сохранился довольно яркимъ,

и ея исторія показываетъ намъ еще разъ, какія слѣдствія имѣли эти браки между греками и латинянами.

Съ замѣчательной красотой молодая итальянка соединяла высокія нравственныя качества. „Добрая и прекрасная, — говоритъ одинъ изъ ея панегиристовъ, — она вышла замужъ за нашего царя, добраго и прекраснаго“. Въ другомъ мѣстѣ о ней можно прочесть: „Тѣло ея, казалось, было образомъ красоты ея души“; и еще: „Между всѣми другими женщинами она казалась восхитительной статуей“. Необычайно умная, она старалась усвоить обычаи своихъ новыхъ подданныхъ. Она перешла въ православіе и соблюдала благоговѣйно правила греческаго ритуала. Она измѣнила образъ жизни, свои итальянскія привычки нѣги и безпечности, — говоритъ ея панегиристъ, — „чтобы научиться нашимъ строгимъ и скромнымъ нравамъ, такъ что не уступала въ этомъ ни одной изъ нашихъ женщинъ“. Она усиленно старалась выказывать грекамъ самую большую привѣтливость, всегда со всѣми мило-стивая и ласковая. Благодаря всему этому она сдѣлалась очень популярной; когда въ 1433 году она умерла послѣ непродолжительной болѣзни, это было горе для всей Морей. „Во время погребенія, говорится въ надгробномъ словѣ, толпа несла ея тѣло на рукахъ, и нашъ божественный деспотъ стеналъ и плакалъ, погруженный въ глубокую скорбь, и плакали сановники и всѣ ея служители. Ибо она была привязана ко всѣмъ, и не было тутъ ни одного человѣка, который не пролилъ бы слезъ, оплакивая этотъ страшный ударъ судьбы“.

А между тѣмъ, несмотря на столько заманчивыхъ сторонъ и качествъ, семейная жизнь Клеопы Малатесты и Ѳедора Палеолога отнюдь не была счастлива. Деспоть очень скоро почувствовалъ отвращеніе къ своей женѣ, и нелады въ семьѣ дошли до такихъ предѣловъ, что онъ думалъ отречься отъ власти и уйти въ монастырь, чтобы только отдѣлаться отъ ненавистой жены. Его уговорили, разубѣдили, устроили между супругами сближеніе, и произошло примиреніе. Но въ сущности коренная рознь продолжала существовать между ними, какъ при большинствѣ браковъ этого рода, уже описанныхъ нами. Если иногда такіе браки и удавались, если, съ своей стороны, латиняне также прельщались красавицами гречанками и впоследствии о томъ не сожалѣли, такіе примѣры, въ общемъ, были рѣдки. Несмотря на упорныя старанія сблизиться съ Западомъ, послѣдніе Палеологи инстинктивно чувствовали, что ихъ влечетъ въ иное мѣсто. Это доказываетъ послѣ брака Іоанна VIII брачный проэктъ, задуманный наканунѣ самаго взятія Константинополя Константиномъ Драгаси, послѣднимъ императоромъ византійскимъ.

III.

Овдовѣвъ послѣ двухъ браковъ съ латинскими принцессами, при чемъ онъ извлекъ изъ этихъ браковъ всю выгоду, какую могъ ожидать отъ нихъ въ политическомъ отношеніи, императоръ Константинъ XI въ третій разъ искалъ себѣ жену. Онъ поручилъ своему другу Франдзи найти ему

невѣсту, и историкъ подробно разсказалъ намъ о своихъ попыткахъ на этотъ счетъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1449 года посланникъ отправился въ путь. На этотъ разъ онъ получилъ порученіе искать императрицу на Востокѣ, или въ семьѣ князя Иверіи, или въ семьѣ императора Трапезундскаго. Свита, сопровождавшая императорскаго посланца, была блестяща. Франдзи везъ съ собой многихъ знатныхъ людей, солдатъ, монаховъ, не считая врачей, пѣвцовъ, музыкантовъ; кромѣ того, онъ везъ великолѣпные подарки. Очевидно, византійскій дворъ хотѣлъ ослѣпить всѣмъ этимъ великолѣпіемъ монарховъ, съ которыми разсчитывалъ вступить въ переговоры. И дѣйствительно, дѣйствіе, произведенное въ Иверіи, было очень велико. Въ особенности органы возбудили крайнее любопытство. Изъ всѣхъ окрестностей люди сбѣгались въ княжескую резиденцію послушать, какъ на нихъ играли, говоря, что много разъ имъ разсказывали объ этихъ чудесныхъ инструментахъ, но они никогда ихъ не видали. Пріемъ, какой посольство встрѣтило въ Трапезундѣ, былъ не менѣе лестенъ, и Франдзи, которому его властелинъ довѣрилъ выбрать между княжной иверійской и княжной трапезундской, былъ не мало затрудненъ. Тогда ему пришла блестящая мысль. Султанъ Муратъ II умеръ въ 1451 году во время миссіи византійскаго дипломата. Когда вѣсть о томъ дошла до Франдзи, онъ тотчасъ понялъ, какая опасность заключалась для греческой имперіи въ восшествіи на турецкій престоль такого молодого честолюбца, какимъ былъ Магометь II, преемникъ Мурата; противъ угрожающей опасности онъ рѣшилъ найти союзника.

У покойнаго султана осталась вдова, дочь сербскаго деспота. Правда, что ей было уже пятьдесятъ лѣтъ; тѣмъ не менѣе Франдзи подумалъ о томъ, чтобы женить на ней своего властелина, считая такой бракъ гораздо болѣе полезнымъ для имперіи, чѣмъ два другіе, раньше предполагавшіеся. И въ любопытномъ письмѣ, написанномъ имъ царю, онъ обсуждалъ и отвергалъ различныя возраженія, какія можно было, противно его плану, выставить и относительно происхожденія сербской княжны, и относительно степени родства между будущими супругами, и относительно того факта, что она была вдовой турка, и относительно, наконецъ, опасности, какую представляло для нея материнство въ такомъ зрѣломъ возрастѣ. Очень ловко дипломатъ умѣлъ обойти эти препятствія, и надо прибавить, что всѣ нашли его идею превосходной. Императоръ, очень довольный, велѣлъ навести справки при сербскомъ дворѣ; родители султанши поспѣшили дать свое согласіе. Церковь не дѣлала никакихъ затрудненій; „правда, для того, чтобы получить необходимыя разрѣшенія, требовалось только, какъ довольно грубо говорилъ Франдзи, „пожертвовать деньги на бѣдныхъ, на сырыхъ, да на храмы“. Все, видимо, шло какъ нельзя лучше. Но къ несчастью оказалось, что вдова Мурата дала Богу обѣтъ, если Онъ избавитъ ее отъ рукъ невѣрныхъ, окончить дни въ монастырѣ. Она не хотѣла ничего слышать, и пришлось отказаться отъ проэкта, столь плѣнившаго Франдзи и его властелина.

Вернулись опять къ мысли о бракѣ иверійскомъ, представлявшемся посланцу, въ концѣ

концовъ, болѣе выгоднымъ чѣмъ трапезунтскій. Князь иверійскій, дѣйствительно, обѣщаль все устроить наилучшимъ образомъ. Онъ давалъ за дочь, помимо дорогой серебряной и золотой посуды, помимо великолѣпныхъ драгоценныхъ украшеній и роскошнаго гардероба, еще приданое въ 56,000 золотыхъ, кромѣ того, ежегодную пенсію въ 3000 золотыхъ. Сверхъ всего этого онъ увѣрилъ посланнаго, что новая императрица обязывается устроить его дочь, а самому ему подалъ надежду, что когда тотъ пріѣдетъ за невѣстой, то получить прекрасные подарки изъ драгоценныхъ шелковыхъ тканей. Итакъ, Франдзи возвратился въ Константинополь съ посланнымъ изъ Иверіи; онъ представилъ отчетъ императору, и послѣдній, вполне убѣжденный, подписалъ хрисовуль (грамоту, скрѣпленную золотой печатью), то есть далъ согласіе на бракъ. Документъ былъ врученъ посланному князя, и Франдзи получилъ порученіе отправиться весной 1452 года за юной невѣстой.

Бѣдный дипломатъ не былъ въ восторгѣ отъ такого довѣрія: онъ пробылъ въ отсутствіи цѣлыхъ два года, и вотъ ему приказывали немедля вновь отправляться въ путь, ѣхать въ Пелопоннесъ, на Кипръ, въ Иверію. Все это производило большое разстройство въ его семьѣ: его жена, недовольная такими порядками, грозила уйти въ монастырь или развестись, и Франдзи, въ крайней досадѣ, жаловался императору, который успокаивалъ его, обѣщая всякія милости ему, а также и его близкимъ. Обстоятельства, впрочемъ, сложились такъ, что все устроилось само собой. Когда Магометъ II осадилъ Константинополь, не

могло быть больше вопроса ни о какихъ дальнихъ миссіяхъ, и объ иверійскомъ бракѣ забыли въ виду болѣе настоятельныхъ нуждъ. Но объ этой исторіи стоило упомянуть: она ясно показываетъ, въ какую сторону въ роковыя минуты его существованія, какъ народа, склонялись природныя симпатіи византійцевъ. Несмотря на триста слишкомъ лѣтъ постоянныхъ сношеній съ латинянами, греческій Востокъ не могъ придти къ соглашенію съ нимъ. Несмотря на искреннія усилія большинства императоровъ, несмотря на всѣ эти браки, имѣвшіе цѣлью соединеніе двухъ міровъ, согласіе не было достигнуто. Никогда латинскимъ принцессамъ, переселеннымъ въ Константинополь, не удавалось, несмотря на всякія усилія, вполне примѣниться къ нравамъ и духу ихъ новыхъ подданныхъ; всегда византійцы видѣли въ нихъ иностранокъ. Въ продолженіе трехсотъ лѣтъ слишкомъ,—и это не безъинтересное явленіе,—прилагались усилія, чтобы эти двѣ цивилизаціи, такія противоположныя и соперничающія, соединились и поняли другъ друга. Событія показали, что это было невозможно.

ГЛАВА X.

Романъ Дигениса Акрита.

Когда по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ захотятъ описать французское общество нашего времени, быть можетъ, будетъ неблагоразумно безусловно довѣряться свидѣтельствамъ современныхъ романовъ. А между тѣмъ, несмотря на всѣ встрѣчающіяся въ нихъ преувеличенія, условности, неточности, внимательный наблюдатель сумѣетъ безъ труда найти въ нихъ нѣкоторые преобладающіе вкусы и важнѣйшіе вопросы нашего времени. Еще съ большимъ основаніемъ средневѣковые романы, менѣе любопытные, чѣмъ романы нашего времени, въ психологическомъ отношеніи и въ смыслѣ уклоненій отъ нравственныхъ правилъ, представляютъ для насъ драгоценный источникъ ознакомленія съ нравами исчезнувшаго міра. Авторы этихъ романовъ естественно поставили вымышленныхъ ими лицъ въ свойственную имъ самимъ обстановку; они надѣлили ихъ чувствами, идеями, страстями, вкусами, обычными для людей ихъ времени. Занятія ихъ героевъ, ихъ развлеченія, ихъ удовольствія носятъ ту печать изящества или грубости, какая лежала на людяхъ той среды, въ которой жили

писатели, ихъ воспѣвшіе; ихъ души, грубыя и простыя, облечены въ формы, обычныя для того времени. Поэтому для описанія исчезнувшихъ обществъ средневѣковья романы съ приключеніями имѣютъ ту же цѣнность, что исторія, и, можетъ быть, даже большую: мы, дѣйствительно, находимъ въ нихъ множество подробностей, свѣдѣній объ обыденной жизни, о которыхъ исторія, собственно говоря, не удостоила повѣдать намъ или не имѣла къ тому случая.

I.

Среди открытій, сдѣланныхъ за послѣдніе годы, одно изъ самыхъ интересныхъ,—это несомнѣнно то, которое познакомило насъ съ существованіемъ настоящихъ византійскихъ былинъ. Подобно тому какъ на Западѣ сложился цѣлый эпическій циклъ, связанный съ именами Роланда или Сиды, такъ точно и на Востокѣ—теперь это подлинно извѣстно—около XI вѣка сложился свой особый эпическій циклъ, связанный съ именемъ своего національнаго героя. Какъ и на Западѣ, слава этого героя распространилась въ народныхъ пѣсняхъ по всему восточному міру отъ Каппадокіи до Трапезунта, отъ Кипра до самыхъ глубинъ Россіи; особенно упрочена она одной большою эпопеей, древнѣйшая рукопись которой относится къ XIV вѣку, но происхожденіе ея несомнѣнно гораздо древнѣе. Исторія приключеній Василія Дигениса Акрита переноситъ насъ въ самый разгаръ X вѣка, и исторія эта чрезвычайно любопытна и поучительна для ознакомленія съ византійской жизнью того времени.

Въ этой поэмѣ мы не видимъ столичнаго или придворнаго міра. Въ ней говорится объ обществѣ въ азіатскихъ провинціяхъ, смежныхъ съ границей, гдѣ феодальные властители ведутъ отъ имени императора вѣчную борьбу противъ мусульманъ. Это страна акритовъ или охранителей границъ, страна апелатовъ, настоящихъ клефтовъ средневѣковья, страна военныхъ подвиговъ, всякихъ неожиданностей, убійствъ, приключеній военныхъ и любовныхъ. Однако, это страна не вымышленная, какъ не вымышлены лица, выведенныя въ эпопеѣ. Маленькая книжка, тактика X вѣка, сохранившаяся подъ именемъ Никифора Фоки, повѣствуетъ намъ въ яркихъ чертахъ о суровомъ существованіи, какое вели въ этихъ пограничныхъ провинціяхъ, на рубежѣ Тавра или на уступахъ Каппадокіи, подъ вѣчной угрозой нападенія со стороны арабовъ, въ непрестанной заботѣ отплатить невѣрному ударомъ за ударъ, неожиданностью за неожиданность и набѣгомъ за набѣгъ. Въ этой странѣ жизнь была по иному дѣятельна, энергична и груба, чѣмъ среди изнѣженнаго изящнаго общества въ императорскомъ дворцѣ; и будучи преисполнена непрестанной борьбы, она естественнымъ образомъ принимала характеръ героической и рыцарской. Житіе Дигениса Акрита—это жизнь феодальнаго паладина, какую, подобно ему, дѣйствительно вели многіе знатные властители X вѣка; оно живописно изображаетъ нравы и идеи той эпохи.

II.

„Имя героя эпопеи,—очень вѣрно замѣчаетъ Гесселингъ,—уже само указываетъ на его происхожденіе и его миссію, и ничто лучше этого имени не могло познакомить насъ съ мѣстомъ дѣйствія эпопеи“ *). Онъ назывался Дигенисомъ, говорится въ пѣснѣ, „потому что онъ былъ язычникомъ по отцу, изъ племени Агари, и грекомъ по матери, изъ рода Дукъ. Когда его крестили святой водой крещенія въ возрастѣ шести лѣтъ, его назвали Василиемъ. Онъ получилъ прозвище Акрита, ибо былъ охранителемъ границъ. Дѣдъ его былъ Андроникъ изъ рода Синнамосовъ, умершій въ изгнаніи по императорскому приказанію блаженнаго Романа. Бабушка его была стратигисса изъ дома Дукъ, а дяди, знаменитые братья его матери, сражавшіеся за сестру и побѣдившіе эмира, его отца“.

Исторія брака родителей Дигениса образуетъ содержаніе первой пѣсни, составляющей теперь три первые отдѣла поэмы. Здѣсь говорится, какъ эмиръ Мусуръ, похитивъ послѣ боя дочь греческаго стратига, влюбляется въ свою плѣнницу и, чтобы жениться на ней, принимаетъ христіанство; какъ, по словамъ поэта, „прелестная молодая дѣвушка, благодаря своей восхитительной красотѣ, одолѣла прославленное войско сирійское“. Подобныя приключенія случались не рѣдко и никого не удивляли въ этомъ краю, находившемся на рубежѣ міра греческаго и мусульман-

*) Hesseling, *Essai sur la civilisation byzantine*, Paris, 1907, стр. 213.

скаго. Тѣмъ не менѣе эти смѣшанные браки всегда возбуждали нѣкоторую тревогу: „Будеть ли тебѣ равень, — говоритъ дочери мать юной невѣсты, — мужъ твой по красотѣ? Такой ли у него умъ, какъ у благородныхъ римлянъ? Боюсь, дитя мое дорогое, что мало въ немъ любви, что, какъ язычникъ, онъ склоненъ впадать въ гнѣвъ, и ни во что будетъ ставить твою жизнь“. На этотъ разъ, однако, эти опасенія оказались напрасны. Между супругами царило самое полное согласіе, и отъ союза мусульманина съ дочерью Дуки родился чудесный герой, приключенія котораго наполняютъ всю эпопею.

Прежде всего поэма даетъ такой портретъ своего героя: „У него были бѣлокурые вьющіеся волосы, большіе глаза, лицо бѣлое и румяное, очень черныя брови, грудь широкая и бѣлая, какъ хрусталь. Онъ носилъ красную тунуку съ золотыми завязками и тесьмой, выложенной жемчугомъ; на воротѣ, украшенномъ янтаремъ, было нѣсколько крупныхъ жемчужинъ; пуговицы изъ чистаго золота такъ и сверкали; полусапожки были отдѣланы позолотой, а шпоры драгоцѣнными камнями. Онъ ѣздилъ верхомъ на высокой кобылѣ, бѣлой какъ голубица, и въ гриву ея была вплетена бирюза, и еще золотые бубенчики съ драгоцѣнными камнями, издававшими прелестный, чудесный звонъ. Крупъ кобылы былъ покрытъ попоной изъ розоваго и зеленаго шелка, прикрывавшей сѣдло и предохранявшей его отъ пыли; сѣдло и уздечка — вышиты золотомъ и украшены эмалью и жемчугомъ. Искусный наѣздникъ, Акритъ заставлялъ гарцовать свою лошадь. Правой рукой онъ потрясалъ свое зеленое

копье, арабскаго издѣлія, покрытое золотыми буквами. Прелестно было его лицо, обращеніе привѣтливо, фигура изящна и вполнѣ пропорціональна. И среди своихъ наѣздниковъ молодой человекъ сіялъ подобно солнцу“.

Таковъ былъ герой съ виду. Теперь познакомимся съ его первыми подвигами. Еще неисполнилось ему и двѣнадцати лѣтъ, а онъ ужъ только и думалъ, что о приключеніяхъ. На охотѣ, куда онъ отправился съ отцомъ, онъ ударомъ кулака валить медвѣдя, надвое разрываетъ настигнутую имъ дикую серну, однимъ ударомъ меча убиваетъ льва, и товарищи его, полные восхищенія, узнаютъ, по этимъ чудесамъ, героя, посланнаго Богомъ: „Это не простой человекъ, — говорятъ они, — такихъ на землѣ не бываетъ. Богъ послалъ его, чтобы наказать апелатовъ, и онъ станетъ ихъ грозой всю свою жизнь“.

И дѣйствительно, чѣмъ дальше росъ мальчикъ, тѣмъ больше слава знаменитыхъ апелатовъ не давала ему спать; онъ горитъ нетерпѣніемъ познакомиться съ ними, побѣдить ихъ, превзойти ихъ въ подвигахъ. „О, глаза мои, — восклицаетъ онъ со вздохомъ, когда увидите вы этихъ героевъ?“ И онъ самъ въ свою очередь ищетъ возможности сдѣлаться апелатомъ. И смѣло отправляется въ гости къ предводителю разбойниковъ „въ его странное и страшное логовище“. „И онъ нашель, говорится въ пѣснѣ, Филопаппа, лежащимъ на постели; подъ этой постелью и на постели было много шкуръ дикихъ звѣрей; и юный Акритъ, склонившись, почтительно его привѣтствовалъ и пожелалъ добраго дня. И старый Филопаппъ сказалъ ему такъ: „Будь гостемъ

дорогимъ, юноша, если ты не измѣнникъ“. И тогда Василій ему отвѣчалъ: „Я не измѣнникъ, но хочу сейчасъ же стать апелатомъ вмѣстѣ съ тобой среди этого уединенія“. Услыхавъ эти слова старикъ сказалъ ему: „Юноша, если ты желаешь стать апелатомъ, возьми эту палицу и ступай, становись на стражу. Если въ теченіе пятнадцати дней ты сможешь обойтись безъ пищи и не дашь твоимъ глазамъ отяжелѣть и сомкнуться сномъ, и потомъ пойдешь убивать львовъ, и принесешь сюда ихъ шкуры, и потомъ опять пойдешь и станешь на стражу, тогда ты будешь достоинъ стать нашимъ“. Вмѣсто всякаго отвѣта Дигенисъ схватываетъ палицу въ свои могучія руки, укрощаетъ самихъ апелатовъ, обезоруживаетъ ихъ и, вернувшись къ Филоппапу, говоритъ: „Вотъ тебѣ оружіе всѣхъ твоихъ апелатовъ. А если это тебѣ не по вкусу, я и съ тобой такъ же расправляюсь“. Послѣ этого перваго подвига всѣ преклоняются передъ юнымъ героемъ и скоро, благодаря его доблести, громкая слава о немъ распространяется по всей окружающей странѣ.

За похождениями бранными начинаются похождения любовныя.

У стратига Дуки, правителя одной изъ провинцій имперіи, есть дочь Евдокія, чудо красоты. „Красота ея лица, говорится въ поэмѣ, ослѣпляетъ взоры, и никто не можетъ прямо смотрѣть на эту дочь солнца. Лицо ея излучаетъ свѣтъ; взгляды у нея смѣлый, волосы бѣлокуръе, брови черныя; лицо—какъ снѣгъ, чуть-чуть розовѣетъ, какъ цѣнный пурпуръ, что любятъ носить цари“. Много рыцарей уже искали руки молодой жен-

щины. Но отецъ Евдокіи человѣкъ завистливый и страшный. Онъ запираетъ крѣпко-на-крѣпко свою дочь въ гинекеѣ, въ прекрасныхъ покояхъ, сплошь украшенныхъ мозаикой; слѣдуетъ отмѣтить послѣднюю подробность, ибо она указываетъ на сосѣдство мусульманскаго міра и на вліяніе его на византійскіе нравы. Такимъ образомъ всѣ, домогавшіеся руки молодой дѣвушки и пытавшіеся ее похитить, платились жизнью за свою смѣлость; всѣмъ вырывали глаза или отрубали голову по приказанію стратига. Однако, Дигенисъ, въ свою очередь, производитъ попытку. Сцена, гдѣ описана первая встрѣча молодыхъ людей, прелестна. Проходя мимо дома красавицы, Дигенисъ поетъ ей подъ окномъ пѣсню любви, и Евдокія, очарованная, шепчетъ своей кормилицѣ: „Выгляни въ окно, кормилица, посмотри на этого прелестнаго юношу“. И услыхавъ въ отвѣтъ отъ кормилицы такія слова: „Даль бы Богъ, госпожа моя, чтобы отецъ твой, а мой господинъ, захотѣлъ взять его въ зятя, ибо нѣтъ другого такого во всемъ свѣтѣ“ молодая дѣвушка, уже отдавъ свое сердце, — „ибо внѣшняя красота и пѣнье, говоритъ поэтъ, проникаютъ, путемъ глазъ, до глубины души“, — остается у окна и сердце ея уже побѣждено, — смотритъ въ оконную щелку на того, кого полюбила съ перваго взгляда. Но скоро Дигенисъ становится смѣлѣе; обманувъ стражу, онъ находитъ возможность говорить съ Евдокіей. „Наклонись ближе, мой ясный свѣтъ, говоритъ онъ ей, чтобы я могъ видѣть твою красоту, и чтобы любовь твоя проникла въ мое сердце. Ты видишь, я молодъ и не знаю, что такое любовь.

Но если твоя любовь войдетъ мнѣ въ душу, златокудрая дѣвушка, твой отецъ и вся его родня, и всѣ его служители, превратись они въ стрѣлы и сверкающіе мечи, не смогутъ сдѣлать мнѣ никакого зла“.

Увѣренный въ сердцѣ Евдокии, Дигенисъ рѣшается похитить свою красавицу. Ночью идетъ онъ, крадучись, къ ея окну и напѣваетъ, аккомпанируя себѣ на лирѣ: „Мой нѣжный другъ, неужто ты забыла нашу недавнюю любовь? Неужто можешь спокойно и беззаботно спать? Проснись, моя прелестная роза, мой благоуханный цвѣтокъ. Заря встаетъ. Приди, пойдѣмъ съ тобой гулять“. Молодая дѣвушка слышитъ призывъ серенады и подходитъ къ окну; но она не рѣшается еще послѣдовать за Дигенисомъ, и разговоръ, въ который вступаютъ влюбленные, восхитителенъ. Евдокія боится для своего возлюбленнаго послѣдствій опаснаго приключенія; за себя самое она стыдится немножко любви, заставляющей ее забыть дѣвическую скромность; однако, она кончаетъ тѣмъ, что уступаетъ, вѣря клятвамъ рыцаря, обѣщающаго ей вѣчную любовь: „И молодая дѣвушка, говорится въ поэмѣ, наклонилась изъ золотого окна и молодой человѣкъ, стоя на лошади, принялъ ея въ свои объятія. Куропатка улетаеъ, соколъ ее беретъ; и они сладко обнялись, и радуясь, и плача въ одно и то же время. И юноша, загорѣвшись радостью и отвагой, останавливается передъ дворцомъ и громкимъ голосомъ восклицаетъ: „Благослови меня, господинъ мой тесть, и вмѣстѣ со мной твою дочь: и возблагодари Бога, что онъ далъ тебѣ такого зятя“.

Когда замѣтили похищеніе, во дворецѣ, понятно,

поднялся страшный переполохъ. Вмѣстѣ съ своими вооруженными людьми стратигъ и его сыновья бросаются въ погоню за похитителемъ. Но Дигенисъ, настигнутый ими, бьется, какъ левъ, и выбиваетъ изъ сѣдла своихъ противниковъ; затѣмъ, съ изысканной любезностью обратившись къ отцу Евдокіи, говоритъ ему: „Господинъ стратигъ, благослови насъ, дочь твою и меня; прости меня и не кори. Люди твои не знаютъ, что такое драться; я далъ имъ маленькій урокъ, котораго они не забудутъ. Впрочемъ, не огорчайся; у тебя хорошій зять,—ищи, не ищи, лучшаго не найдешь во всемъ свѣтѣ. Я не низкаго происхожденія, я точно также не трусь; и если поручишь мнѣ какое-нибудь дѣло, увидишь что за чело-вѣкъ твой зять“. Стратигъ смягчается и даетъ витязю свою дочь; и такъ какъ онъ не хочетъ, чтобы кто-нибудь могъ сказать, что Дигенисъ похитилъ дѣвушку безъ состоянія,—„а это, по его мнѣнію, безчестье въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей“,—онъ спѣшитъ перечислить все великолѣпное приданое, какое онъ даетъ за невѣстой, и его перечень проливаетъ яркій свѣтъ на роскошь, какая царила въ этихъ знатныхъ феодальныхъ семьяхъ византійскихъ провинцій. „Въ приданое за моей дочерью, сказалъ онъ, ты получишь двадцать кентинаріевъ (т.-е. 20 разъ 100 фунтовъ) старинными золотыми монетами, которыя я собиралъ съ давнихъ поръ и сберегалъ для нея, моей любимицы, исключительно; серебряную утварь, одеждъ на сумму въ пятьсотъ фунтовъ, многочисленныя земли, приносящія огромный доходъ, и семьдесятъ прислужницъ вмѣстѣ съ домомъ ея матери, а онъ, дѣйствительно, хо-

рошь и обширенъ. Точно также я дамъ за ней драгоцѣнности ея матери, великолѣпную корону удивительной работы, изъ чистаго золота и усыпанную драгоцѣнными камнями, и всѣхъ животныхъ скотнаго двора, четыреста фермъ, и еще восемьдесятъ наѣздниковъ, четырнадцать поваровъ, столько же булочниковъ и сто пятьдесятъ другихъ служителей. И еще я окажу тебѣ предпочтеніе передъ другими моими дѣтьми и отпраздную твою свадьбу такъ, что о ней будутъ говорить во всемъ мірѣ“.

Но, несмотря на эти обѣщанія, Дигенисъ — и это очень характерная черта — не довѣряеть искренности стратига и опасается съ его стороны какого-нибудь вѣроломства. „Боюсь, говоритъ онъ, что грозитъ мнѣ бѣда, и чтобы не постигла меня позорно недостойная смерть, такъ какъ я вель себя въ отношеніи тебя какъ врагъ и измѣнникъ“. Поэтому онъ предпочитаетъ увезти Евдокію, чтобы отпраздновать свадьбу у своихъ родителей, и его возвращеніе въ отчій домъ даетъ новый поводъ къ описанію поразительной роскоши. „Когда стража его отца увидала, что ѣдетъ онъ и держитъ на рукахъ юную красавицу, они поспѣшили ему навстрѣчу, чтобы поздравить его съ пріѣздомъ. И когда отецъ его узналъ, что ѣдетъ сынъ, онъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ нимъ пять братьевъ его жены и три тысячи вооруженныхъ людей. Они взяли съ собой двѣнадцать женскихъ сѣделъ; два изъ нихъ были украшены эмалью и жемчугомъ, другія—изъ чистаго золота. И всѣ сѣдла имѣли прекрасныя покрышки, и всѣ лошади были покрыты дорогими попонами и золотомъ. За ними ѣхали трубачи и звонко

бряцали бубны, и громко разсыпались дробью барабаны, и гудѣли органы, и такой стоялъ шумъ, какого никогда никто не слыхалъ. И молодая дѣвушка сѣла на прекраснаго коня съ чудеснымъ сѣдломъ, покрытымъ эмалью, и на голову ей надѣли драгоцѣнную корону. Народъ и старцы образовали вокругъ нихъ огромное и шумное шествіе. И сама земля дрогнула отъ ликованья и расцвѣла радостью. Отъ радости же вздыбились горы, зазвучали сладкой пѣснью скалы, а рѣки замедлили свое теченье“.

Слѣдуетъ описаніе свадебныхъ подарковъ, какіе обѣ семьи преподносятъ жениху и невѣстѣ. Акриту „стратигъ далъ двѣнадцать черныхъ коней, двѣнадцать прекрасныхъ скакуновъ, покрытыхъ великолѣпными попонами изъ пурпуроваго шелка, двѣнадцать дорогихъ муловъ съ сѣдлами и уздечками изъ серебра и эмали, двѣнадцать молодыхъ наѣздниковъ, опоясанныхъ золотыми поясами, и двѣнадцать искусныхъ охотниковъ на леопардовъ, двѣнадцать ястребовъ изъ Абасгіи, двѣнадцать сокольничихъ и столько же соколовъ. Онъ далъ ему двѣ иконы св. Θεодора, покрытыя эмалью, и палатку, обшитую золотомъ, прекрасную и просторную, съ коврами, изображавшими всевозможныхъ животныхъ, шнуры палатки были шелковые, а кольца серебряные. Онъ далъ ему одежды, украшенныя вышивкой рѣдкой работы, двѣнадцать хламидъ изъ бѣлаго и пурпуроваго шелку, два арабскихъ копья, красоты удивительной, знаменитый мечъ Хосроя и, наконецъ, — подарокъ, наполнившій радостью сердце его дочери и самого Акрита, — онъ привелъ имъ также ручнаго льва“. Невѣстѣ семья

Акрита съ своей стороны также сдѣлала великолѣпные подарки, рѣдкія драгоценности, дорогія тонкія ткани, ткани золотыя и шелковыя съ большими рисунками, изображавшими фантастическихъ животныхъ, юныхъ пажей, одѣтыхъ въ дорогіе персидскіе костюмы. „И свадьба, говоритъ поэтъ, длилась цѣлыхъ три мѣсяца, и радость и ликованіе не прекращались“.

Но Дигенисъ не даетъ счастью убаюкать себя. Вмѣстѣ со своей милой и своими молодцами поѣхалъ онъ на границу своей страны, занялъ мѣста, гдѣ начальствовалъ его отецъ, и поспѣшилъ окончательно искоренить иррегулярныя дружины. Онъ производилъ набѣги въ горныхъ проходахъ и пограничныхъ мѣстахъ, почему и получилъ прозваніе Акрита. Многихъ воиновъ онъ ранилъ, многихъ отправилъ въ Аидъ. И тогда римскія земли, заселенныя православными, могли насладиться миромъ, имѣя защитникомъ такого героя, стража и охранителя отъ всякихъ враговъ“.

Скоро слава о его подвигахъ и заслугахъ передъ имперіей достигла до двора. Царь лично отправился навѣстить его въ его далекомъ Евфратскомъ владѣніи; въ благодарность за его доблесть, онъ пожаловалъ его достоинствомъ патрикія и титуломъ маркграфа; онъ возвратилъ ему всѣ земли, нѣкогда конфискованныя у его дѣда, и, восхищенный такой удивительной доблестью, воскликнулъ: „Какое счастье было бы, если бы далъ Богъ, чтобы въ Романіи было четыре такихъ чело-вѣка, какъ онъ!“

Отнынѣ похождения слѣдуютъ за похождениями въ жизни паладина. Настоящей странствующей рыцарь, онъ обходитъ весь міръ, и вездѣ, гдѣ ни

появится, одно его имя вселяетъ страхъ. „Столько смѣлости, восклицаютъ арабы, на которыхъ онъ нападаетъ одинъ на сто, столько мужества избличаютъ Акрита; бѣжимъ, не то мы всѣ погибли“. Подобно Зигфриду, съ которымъ онъ имѣетъ много общаго, онъ сражается съ дракономъ о трехъ головахъ, изрыгающимъ пламя и молніи и при каждомъ движеніи котораго сотрясается земля и словно ударяетъ громъ; разрываетъ на двое львовъ и обращаетъ въ бѣгство апелатовъ, охотно проводя свою жизнь вдали отъ міра, одинъ съ своей возлюбленной женой, въ мѣстѣ, подобномъ эдему, гдѣ подъ сѣнью листвы бѣгутъ говорливыя воды. „И такъ, рассказываетъ Акрить, достигнувъ великолѣпной лужайки, я разбилъ свою палатку и постелилъ постель. Вокругъ палатки посадилъ всевозможные сорта растеній, такъ что земля запестрѣла яркими красками всякихъ цвѣтовъ. Зрѣлище, раскрывавшееся передъ глазами, было прелестно: густолиственные рощи, безчисленныя деревья, вѣтви которыхъ переплетались между собой своей роскошной листвою, благоуханіе плодовъ спорило съ благоуханіемъ цвѣтовъ, лоза обвивалась вокругъ деревьевъ, высоко - высоко поднимался тростникъ. Земля пестрѣла прелестными цвѣтами; прекрасный нарциссъ росъ вмѣстѣ съ фіалками и розами. Свѣжая струя била посерединѣ лужайки, излучаясь по всѣмъ направленіямъ. Подлѣ источника были глубокіе бассейны, и цвѣты и деревья отражались въ водѣ. Лѣса были населены различными породами птицъ, ручными павлинами, попугаями и лебедями; попугаи жили, качаясь на вѣткахъ, а лебеди на водѣ. Павлины

распускали свои хвосты и яркостью перьевъ соперничали съ цвѣтами. Другія птицы только порхали по вѣткамъ, играли и пѣли свои пѣсни, болѣе благозвучныя, чѣмъ пѣсни сирень, иныя горделиво красовались великолѣпіемъ своихъ перьевъ. Всюду царило несказанное ликованіе. Сладкое дуновеніе было напоено запахомъ мускуса, амбры, камфоры и алое. Но сіяющая красота благородной молодой женщины блистала ярче красоты всякихъ цвѣтовъ и красоты павлиновъ“.

Великая страсть Дигениса къ Евдокіи не исключаетъ, однако, нѣкоторыхъ другихъ его увлеченій и похожденій. „Цвѣтущая молодость, наставительно говоритъ поэтъ, есть возрастъ сладострастія, и она непрестанно влечется къ уладамъ любви. Это слава, которую она ставитъ выше всякаго царскаго достоинства, выше блеска всѣхъ богатствъ и выше всякой чести. Вотъ почему молодой человѣкъ легко попадаетъ на скользкій путь, если даже и соединенъ законно брачными узами съ прекраснѣйшей изъ женщинъ. Ибо всѣ бѣгутъ туда, гдѣ свѣтитъ солнце“. Акритъ хорошо это доказалъ.

Однажды, когда онъ ѣхалъ на своемъ конѣ, направляясь къ границѣ Сиріи, онъ встрѣтилъ молодую арабку, которую одинъ благородный грекъ, бывший въ плѣну у невѣрныхъ, соблазнилъ, похитилъ и затѣмъ покинулъ. Дигенисъ ее ободряетъ, утѣшаетъ, быть можетъ, съ нѣсколькими чрезмѣрнымъ стараніемъ. Дѣло въ томъ, что молодая дѣвушка хороша собой, и въ то время, какъ посадивъ ее на крупъ своего коня, онъ хочетъ отвезти ее къ ея любовнику, вдругъ, неза-

мѣтно желаніе закрадывается въ его собственное сердце. „Я не зналъ, какъ мнѣ быть,—говорить онъ,—я былъ весь во власти пожиравшаго меня огня. Любовь все росла во мнѣ и росла, разливаясь по всему моему тѣлу, передавалась всѣмъ моимъ чувствамъ; въ глаза мои она проникала красотой, въ руки мои — осязаніемъ, въ ротъ мой—поцѣлуями, въ уши мои—словами. Наконецъ, происками сатаны и благодаря нерадѣнію моей души, несмотря на все сопротивленіе, оказанное мнѣ молодой дѣвушкой, совершилось наипреступнѣйшее дѣяніе, и путь былъ оскверненъ преступленіемъ. Врагъ, князь тьмы, заклятый противникъ рода человѣческаго, заставилъ меня забыть о Богѣ и о страшномъ днѣ суда“. Само собой разумѣется, что какъ только грѣхъ былъ совершенъ, Акритъ весь предался угрызениямъ совѣсти: тѣмъ не менѣе онъ предпочитаетъ хранить о случившемся полное молчаніе. Онъ спѣшитъ повѣнчать молодую дѣвушку съ ея похитителемъ, „умалчивая о томъ, о чемъ не слѣдовало говорить, изъ страха, чтобы молодой человѣкъ не устроилъ изъ этого скандала“; вернувшись къ своей женѣ, онъ благо-разумно рѣшилъ поскорѣе перемѣнить мѣсто стоянки, чтобы не дошелъ до нея какъ-нибудь слухъ о его измѣнѣ.

Но плоть рыцаря слаба, а сатана всегда на сторожѣ, чтобы соблазнять человѣка. Дигенисъ извѣдалъ это на опытѣ, когда очутился лицомъ къ лицу съ Максимо. Максимо была дѣва воительница, неукротимая амазонка, и ее-то призывали къ себѣ на помощь побѣжденные Дигенисомъ апелаты. „Она ѣздила, говорится въ пѣс-

нѣ, на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ съ пурпуровыми копытами. Она носила крѣпкій превосходный панцырь, а поверхъ него дорогое платье, красоты поразительной, все украшенное жемчугомъ; въ рукахъ у нея было арабское копье искусной работы, голубое и золоченое; за поясомъ мечъ, у сѣдла ятаганъ. Щитъ у нея былъ серебряный, кругомъ вызолоченный, а по срединѣ щита былъ сдѣланъ левъ изъ массивнаго золота и драгоценныхъ камней. Эта женщина происходила отъ тѣхъ доблестныхъ амазонокъ, которыхъ царь Александръ привезъ изъ страны брахмановъ. Она унаслѣдовала неукротимую энергію своего рода и проводила всю свою жизнь въ битвахъ. Когда эта Валькирія является на берегахъ Евфрата и вызываетъ Дигениса на поединокъ, онъ, какъ истинный рыцарь, видимо щадитъ свою прекрасную противницу. Въ первый разъ онъ довольствуется тѣмъ, что только поражаетъ ея коня; во второй, обезоруживъ, наноситъ ей легкую рану; и побѣжденная Максимо, восхищенная красотой и великодушіемъ своего побѣдителя, отдается укротившему ее человѣку, какъ отдается Зигфриду Брунгильда. „Я клялась,—говоритъ воительница,—владыкѣ всего міра, никогда не приближаться къ мужчинамъ и сохранять мое дѣвство до того дня, покуда одинъ изъ нихъ не побѣдитъ меня окончательно и не превзойдетъ меня въ мужествѣ. До настоящаго часу я оставалась вѣрной моей клятвѣ“. Услыхавъ такое заявленіе Дигенисъ сначала сопротивляется; но молодая дѣвушка прекрасна собой, полна нѣги и ласки: „Я не зналъ, что со мной,—разсказываетъ герой,—огонь пробѣгалъ у меня по жиламъ. Я на-

прягалъ всѣ усилія, чтобы противиться грѣху, и мысленно говорилъ самъ себѣ, жестоко себя укоряя: о демонъ, для чего плѣняешься ты всѣмъ чуждымъ тебѣ, когда обладаешь источникомъ свѣтлымъ и скрытымъ“. Но Максимо еще больше разжигала во мнѣ любовь, нашептывая самыя сладкія рѣчи. Она была молода и красива, она была прелестна и дѣвственна; духъ мой поддался ея преступнымъ желаніямъ“. И на этотъ разъ онъ также тщательно скрываетъ это свое приключеніе отъ жены. И когда Евдокія, ревнуя, укоряетъ „своего милаго индюка (это ея любимое ласкательное выраженіе) въ томъ, что онъ порядочно-таки замѣшкался у Максимо, герой искусно ее обманываетъ и усыпляетъ подозрѣнія своей возлюбленной. Если онъ не возвращался такъ долго, такъ это потому, что онъ долженъ былъ оказать помощь своему раненому врагу: „ибо я не хочу,—говоритъ онъ,—чтобы мнѣ могли нанести оскорбленіе, назвавъ убійцей женщинъ“.

Послѣ совершенія этихъ подвиговъ, и когда страна была избавлена отъ враговъ, Акритъ рѣшилъ отдохнуть и насладиться своей славой въ великолѣпномъ дворцѣ, выстроенномъ имъ на берегу Евфрата. „Тамъ въ счастіѣ протекали его дни, какъ въ раю, и всѣ знатные владыки, всѣ сатрапы присылали ему многочисленные подарки; всѣ правители Романіи выказывали ему свою благодарность великолѣпными приношеніями; и самъ императоръ посылалъ каждый день самыя дорогіе дары знаменитому Акриту“. Сами апелаты признавали его власть, и кто имѣлъ печать Акрита, могъ безъ опасеній путешествовать по всему Востоку. Такъ почитаемый всѣми, Диге-

нисъ могъ служить образцомъ князя, примѣромъ храбрыхъ, славой грековъ, умиротворителемъ Романиі"; онъ жилъ въ богатствѣ мирно и счастливо съ женой и матерью, „въ подчиненіи у императоровъ, полный милосердія ко всѣмъ“, и объ одномъ только сожалѣя, что не было у него наслѣдниковъ его имени. И въ это то время постигла его смерть, въ возрастѣ тридцати трехъ лѣтъ, и въ послѣднихъ словахъ, какими онъ, лежа больной на своей постели, обмѣнивается съ женой, полныхъ чуткой нѣжности, есть что-то необычайно трогательное. Василиій напоминаетъ Евдокіи, какъ онъ ее любилъ: „Я бы предпочелъ скорѣе умереть, чѣмъ видѣть тебя опечаленной,—говоритъ онъ ей.—За твою любовь я отдалъ бы міръ и мою жизнь. Но Харонъ увлекаетъ меня, меня, непобѣдимаго; Аидъ вырываетъ меня у твоей любви; возлюбленная моя“. Послѣ этого онъ нѣжно совѣтуетъ ей не предаваться скорби, вступить вскорѣ въ новый бракъ: „Ты никакъ не можешь остаться вдовой, я это знаю; послѣ моей смерти тебѣ надо будетъ взять другого мужа; молодость твоя вынуждаетъ тебя къ этому. Только не смотри ни на богатство, ни на знатность рода; выбери хорошаго рыцаря, мужественнаго и смѣлаго; и съ нимъ, какъ и раньше, ты будешь продолжать царить надъ міромъ, душа моя, моя любовь“. Но Евдокія не хочетъ ничего слышать: если Дигенисъ умретъ, она умретъ вмѣстѣ съ нимъ. И Провидѣніе исполняетъ ея мольбу. „Молодая прославленная чета, говоритъ поэтъ, вмѣстѣ въ одинъ и тотъ же часъ отдала Богу душу, слитая во едино любовью“.

При извѣстіи о смерти героя всѣхъ охватыва-

еть скорбь. Со всего Востока къ смертному одру стекаются знатные владыки, и всѣ восклицають сквозь слезы: „Поколеблись, земля; восплачь, вселенная; солнце, скройся за тучей, спрячь твои лучи; затмись, луна, пусть поблѣднѣетъ твое сіянье; свѣтила сверкающія, погасните всѣ! ибо свѣтило сіяющее, блестящее надъ міромъ, Василій Дигенисъ, цвѣтъ юности, и жена его, слава женщинъ, въ одинъ и тотъ же часъ покинули землю“. И поэма оканчивается описаніемъ похоронъ, гдѣ, согласно обычаю, въ длинномъ надгробномъ словѣ восхваляются добродѣтели, мужество и слава умершаго героя.

III.

Такова эпическая исторія Василія Дигениса Акрита. Но какъ бы ни былъ интересенъ рассказъ о его походеніяхъ, важнѣе отыскать въ этой поэмѣ характерныя черты, въ которыхъ сколько-нибудь проявляются идеи и нравы эпохи. Тутъ открывается передъ нами весь византійскій міръ, съ его полными неожиданностей противорѣчіями, этимъ смѣшеніемъ грубости и утонченности, дикихъ страстей и нѣжной чуткости, съ его патріотизмомъ, его религіей и также съ его роскошью, наконецъ, со всѣмъ, что дѣлаетъ эту исчезнувшую цивилизацію такой оригинальной и такой любопытной.

Прежде всего тутъ поражаетъ глубокое чувство византійской національности, какимъ обладаетъ поэтъ. Въ отношеніи варваровъ, въ отношеніи невѣрныхъ его герой является защитникомъ имперіи и христіанства. За это столько

же, если еще не больше чѣмъ за доблесть, восхваляетъ его царь; и дѣйствительно, въ мысляхъ Дигениса православіе и Романія два неразрывные термина. Упрочить безопасность границъ такъ, чтобы впредь императору не приходилось дѣлать для того никакихъ затратъ, смирить невѣрныхъ и заставить ихъ платить дань Византіи, дать православной и римской странѣ возможность жить, наслаждаясь миромъ и не опасаясь никакихъ нападений,—вотъ великія услуги, какія непобѣдимый Акритъ оказываетъ и хочетъ оказывать монархіи. Благодаря этому, главнымъ образомъ, имя его осталось популярнымъ въ Византіи, и благодаря этому, много лѣтъ спустя, желая достойно восхвалить великаго императора Мануила Комнина, одинъ поэтъ XII вѣка не найдетъ лучшаго для него имени, какъ имя „новаго Акрита“.

Отношенія, какія Дигенисъ поддерживаетъ съ императоромъ, своимъ властителемъ, также должны быть отмѣчены и даютъ понятіе о нравахъ эпохи. Несомнѣнно, что этотъ феодальный властелинъ—вѣрный подданный; покорность царю—одно изъ качествъ, восхваляемыхъ въ немъ по-этомъ, и самъ онъ, какъ истый царедворецъ, заявляетъ гдѣ-то, что „благоволеніе царя — достаточная награда за его услугу“. Когда монархъ приглашаетъ его къ себѣ въ гости, онъ съ крайнимъ почтеніемъ отвѣчаетъ императорскому посланному: „Я — послѣдній рабъ твоего Величества, человѣкъ лишенный всякихъ достоинствъ, и я не знаю, государь, какими подвигами ты восхищаешься въ такомъ смиренномъ и незначительномъ человѣкѣ, какъ я. Если же, тѣмъ не

менѣе, ты желаешь видѣть твоего слугу, возьми съ собой нѣсколькихъ людей и прибудь на берега Евфрата, и тутъ увидишь меня, благочестивѣйшій императоръ, сколько пожелаешь. И не подумай, что я отказываюсь предстать передъ тобой. Но ты окруженъ солдатами, еще мало опытными, и они могли бы сказать, какъ-нибудь, совсѣмъ неподходящее слово“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ чувствуется гордость знатнаго провинціального барона, презирающаго и опасаящагося придворныхъ людей, а также подъ почтительной формой плохо скрытыя феодальныя стремленія. Онѣ еще больше проявляются во время свиданія между императоромъ и его подданнымъ. Они обращаются другъ съ другомъ почти какъ равные, и Дигенисъ говоритъ съ царемъ съ крайне характерной свободой выраженій. Въмѣсто того, чтобы просить милостей, онъ даетъ ему совѣты, какъ управлять царствомъ: „Я думаю,— говоритъ онъ,— что долгъ монарха, ищущаго славы, любить своихъ подданныхъ, имѣть жалость къ несчастнымъ, защищать несправедливо гонимыхъ, не слушать клеветниковъ, не отнимать незаконно чужого добра, уничтожать еретиковъ и защищать православныхъ“. Кромѣ того, онъ предоставляетъ на его милость,—это составляло одинъ изъ главныхъ вопросовъ военнаго и феодальнаго міра X вѣка,— судьбу бѣдныхъ солдатъ и заключаетъ съ суровой откровенностію: „Не могущество даетъ верховенство и власть; тутъ надобенъ даръ Божій и Его всемогущей десницы“. Въ этихъ словахъ можно узнать чело- вѣка, который скажетъ потомъ: „Когда дѣло правое, я не боюсь и самого императора“. И тщетно

императоръ дѣлаетъ его патрикіемъ и маркграфомъ; въ своихъ пограничныхъ владѣніяхъ Дигенисъ, какъ настоящій феодальный баронъ, смотритъ на себя почти какъ на независимаго. Выше было сказано, какъ онъ приглашалъ къ себѣ монарха съ условіемъ, чтобы онъ прибылъ въ его владѣніе лишь въ сопровожденіи небольшой свиты, и какъ дѣйствительно императоръ взялъ съ собой только сто человекъ. Но еще любопытнѣе то, что эта подробность не принадлежитъ къ чистому вымыслу. Въ „Книгѣ о церемоніяхъ“ можно прочесть, что царь, путешествуя по Азіи, когда собирался проникнуть въ пограничныя губерніи, оставлялъ большую часть своего двора позади себя и предоставлялъ акритамъ честь и заботу составить ему авангардъ.

Религія также занимаетъ большое мѣсто въ поэмѣ, и это одинаково характерная черта той эпохи. Здѣсь находишь какъ бы отголоски проповѣдей, съ которыми византійскіе миссіонеры обращались въ то время къ язычникамъ, стараясь обратить ихъ въ православіе, а также воспоминаніе о томъ восхищенномъ удивленіи, какое испытывали новообращенные при видѣ великолѣпія св. Софіи. „Я побывалъ во многихъ странахъ,—объявляетъ эмиръ Мусуръ, отецъ Акрита,—я прошелъ черезъ много городовъ, я видѣлъ и прочелъ много книгъ. Все это только смѣшно, все это одинъ обманъ. Я всѣми силами души люблю христіанскіе обряды, и знаю, что рай въ Романіи, ибо одни христіане обладаютъ истинной вѣрой“. Чуть только этотъ мусульманинъ принялъ крещеніе, какъ ужъ онъ думаетъ о прозелитахъ, онъ убѣждаетъ свою мать отречься отъ ислама,

онъ обучаетъ правиламъ вѣры всю свою семью; онъ знаетъ наизусть и читаетъ отъ начала до конца Никейскій символъ вѣры; онъ разсуждаетъ, какъ богословъ; и такъ велика его вѣра, что подъ конецъ своихъ дней, отказавшись отъ военной славы, онъ всецѣло предается „изученію путей Господнихъ“. Дигенисъ не менѣе ревностный христіанинъ, благочестивый почитатель святыхъ. Въ центрѣ своего дворца онъ строитъ церковь въ честь св. мученика Θεодора; и, уповая на божественное покровительство, онъ укрѣпляется въ надеждѣ побѣдить. Какъ добрый православный, онъ проводитъ ночи въ молитвахъ и чтеніи священныхъ книгъ; какъ добрый византіецъ, онъ боится „дня страшнаго суда“. Онъ непрестанно чувствуетъ подлѣ себя „князя тьмы, заклятаго врага рода человѣческаго“, ищущаго погубить его сатану. И если этотъ страхъ отнюдь не мѣшаетъ ему совершать проступки, если онъ не можетъ избѣжать грѣха, во всякомъ случаѣ онъ сознаетъ свои преступленія и испытываетъ горячее желаніе принести въ нихъ полное покаяніе.

И еще съ другой стороны поэма заслуживаетъ вниманія: она даетъ намъ картины византійскаго богатства и роскоши. Мы уже видѣли отчасти великолѣпіе, какимъ любили окружать себя эти азіатскіе бароны, воспѣваемые въ поэмѣ; описаніе дворца Акрита еще лучше знакомитъ насъ со всѣмъ великолѣпіемъ жилищъ, гдѣ жили эти знатные феодальныя властелины. На берегу Евфрата, среди чудеснаго сада, полнаго цвѣтовъ, деревьевъ и птицъ, возвышается замокъ Дигениса. Онъ построенъ изъ разноцвѣтнаго камня, обра-

зующаго на стѣнахъ прелестныя разнообразныя рисунки: передъ замкомъ павильонъ, увѣнчанный тремя высокими куполами. Внутренность замка еще красивѣе, стѣны выложены инкрустаціями изъ золота и драгоценныхъ камней; колонны также покрыты золотомъ; вокругъ оконъ обвиваются золотыя лозы, и своды всѣ украшены мозаикой. Но настоящее чудо—это большая зала въ формѣ креста, находящаяся въ высокой башнѣ. Полъ вымощенъ драгоценными камнями, и по срединѣ блеститъ одинъ большой круглый камень, „излучающій ночью свѣтъ на весь міръ“. Сводъ усыпанъ жемчугомъ и сверкаетъ золотомъ, двери также выложены золотыми пластинками; наконецъ, на стѣнахъ рядъ мозаикъ изображаетъ подвиги Самсона и исторію Давида и къ этимъ библейскимъ эпизодамъ примѣшана цѣлая серія сценъ изъ свѣтской исторіи. Тутъ можно было видѣть подвиги Ахилла, бѣгство Агамемнона, Пенелопу и ея жениховъ, Улисса у Циклопа и еще Веллерофона, побѣждающаго Химеру, и исторію Александра, начиная съ его побѣды надъ Даріемъ и кончая походомъ на брахмановъ и амазонокъ. Дальше слѣдовали сцены изъ жизни Моисея и Іисуса Навина. Словомъ Акритъ велѣлъ изобразить тутъ „всѣхъ доблестныхъ мужей, существовавшихъ когда-либо, начиная отъ сотворенія міра“.

Это описаніе представляетъ тотъ интересъ, что оно тоже не вымышлено. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ византійскаго искусства IX и X вѣковъ, какъ извѣстно, было именно это смѣшеніе сюжетовъ религіозныхъ и свѣтскихъ. Миѳологія и исторія, иногда даже исторія современная,

доставляли художникамъ той эпохи столько же сюжетовъ, сколько и священныя книги. Въ рукописяхъ того времени можно найти почти всѣ сцены, которыя въ эпосѣ украшаютъ дворецъ Акрита. Точно также и характерныя черты архитектуры и система украшеній соотвѣтствуютъ тому, что намъ извѣстно объ искусствѣ X вѣка.

Но еще болѣе, чѣмъ идеи и нравы, представляются интересными характеры, выведенные передъ нами въ этой поэмѣ.

Несомнѣнно во всѣхъ этихъ похожденияхъ, какъ бранныхъ такъ и любовныхъ, чувствуется неизмѣнная основа дикости и жестокости. Набѣги, грабежи, убійства занимаютъ первое мѣсто; сердца дѣйствующихъ лицъ отличаются кровожадностью и не знаютъ состраданія. Молодыя греческія дѣвушки, взятыя въ плѣнъ арабами, безъ милосердія умерщвляются, такъ какъ отказываются исполнить требованія своихъ побѣдителей. Точно также, въ угоду ревности Евдокии, Дигенисъ убиваетъ Максимо послѣ того, что былъ ея любовникомъ. Постоянно рѣчь идетъ о похищеніи женщинъ, о поединкахъ, о ловкихъ ударахъ меча, и любовь къ золоту является главнымъ двигателемъ поступковъ человѣческихъ. Это дикіе насильническіе нравы еще грубаго общества, гдѣ сила рождаетъ право, гдѣ господиномъ является мечъ, общество солдатъ, для которыхъ жизнь—вѣчная битва.

А между тѣмъ эти грубые воины способны на тонкія чувства, на изящество въ обращеніи. Дигенисъ не только могучій и неодолимый борецъ, онъ пріобщился литературѣ. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, подъ руководствомъ свѣдущаго учи-

теля, онъ изучалъ всякія науки. Онъ умѣеть, подъ аккомпаниментъ лиры, пѣть пѣсни, слова которыхъ самъ импровизируетъ. Онъ наслаждается красотой природы, любитъ образцовыми произведеніями искусства, цѣнитъ прелести роскоши. Этотъ воинъ, гордый своей силой, умѣеть при случаѣ быть рыцаремъ. Онъ счастливъ возможностью сразиться и побѣдить на глазахъ своей дамы; одного слова, крикнутаго ею во время боя, достаточно, чтобы придать ему силъ и смѣлости; всѣ подвиги, совершаемые имъ, онъ творить съ единой цѣлью—заслужить ея любовь. Онъ способенъ и на болѣе тонкія чувства. „Я всегда имѣлъ жалость, говоритъ онъ гдѣ-то, къ людямъ, которые бѣгутъ. Надо побѣждать, но не злоупотреблять своей побѣдой и имѣть состраданіе къ побѣжденному врагу“. Онъ знаетъ, какое почтеніе надо имѣть къ женщинѣ, даже когда она врагъ. Онъ переправляется черезъ Евфратъ, чтобы отправиться навстрѣчу Максимо, „ибо дѣло мужчинъ, поясняетъ онъ, быть предупредительными съ женщинами“. Онъ щадитъ ее во время боя: „ибо, объявляетъ онъ дальше, позорно для мужчины не только убить женщину, но даже биться съ ней“.

Болѣе того, въ сердцахъ этихъ воиновъ, съ виду такихъ грубыхъ и безчувственныхъ, находится мѣсто для нѣжныхъ чувствъ, для тонкихъ эмоцій; нѣжные или трогательные эпизоды изобилуютъ въ поэмѣ, и въ особенности первыя пѣсни заключаютъ прелестныя мѣста.

Вотъ на примѣръ сцена прощанія эмира Мукура съ его молодой женой. „Одинъ вошелъ онъ съ ней въ свою комнату, и у обоихъ изъ глазъ

лились обильныя слезы, какъ дождь. Эхомъ отдавались ихъ стоны. И онъ сказалъ ей: „Дай мнѣ слово, властительница моя, дай мнѣ твое кольцо, чтобы я могъ носить его, благородная сердцемъ женщина, вплоть до моего возвращенія“. И со вздохомъ говорила молодая женщина эмиру: „Остерегайся всячески, дорогой мой властелинъ, нарушить клятву; ибо Богъ накажетъ тебя, если будешь искать другую жену; Богъ — судья праведный и караетъ всегда по справедливости“. „Если я сдѣлаю это, сокровище мое, отвѣчалъ эмиръ, если я забуду любовь, какую мы возымѣли, если я опечалю твое сердце, да разверзнется подо мною земля, да поглотитъ меня Аидъ, и да не возвращусь я больше никогда къ тебѣ, мой цвѣтокъ благоуханный“. И такъ обмѣниваясь ласками, обнимались они до самозабвенія, и проходили часы за часами, и они омочили другъ друга обильными слезами, и съ трудомъ могли другъ отъ друга оторваться, совершенно забывъ о собравшейся толпѣ. Тогда взялъ эмиръ, въ присутствіи всѣхъ, на руки своего сына и оросилъ его слезами: „Содѣлаетъ ли меня Господь достойнымъ, дитя мое любимое, сказалъ онъ, увидеть тебя на конѣ, ѣдущимъ ко мнѣ навстрѣчу? Суждена ли мнѣ радость, сынъ мой, учить тебя метать копье такъ, чтобы возбуждалъ ты во всѣхъ близкихъ твоихъ восхищеніе?“ Въ эпопеѣ Дигениса Акрита было отмѣчено не мало отголосковъ Гомера. Нѣтъ ли и въ этомъ эпизодѣ нѣкотораго сходства съ прощаніемъ Гектора съ Андромахой?

Можно было бы привести еще другія мѣста, полныя глубокой, волнующей трогательности, пре-

лестные стихи, какими мать эмира привѣтствуетъ возвращеніе сына, или нѣжная жалоба, какой мусульманинъ старается разсѣять скуку своего долгаго пути: „Когда переправлюсь я черезъ страшныя горы и грозныя ущелья, возвращаясь въ прекрасную Романію? Когда увижу вновь мою нѣжную куропатку и мой прекрасный цвѣтокъ, моего столь прелестнаго сына? Кто дастъ мнѣ крылья, любимая моя, чтобы летѣть къ тебѣ и въ объятяхъ твоихъ отдохнуть?“ И вотъ, наконецъ, сцена возвращенія: „Когда они были у дома возлюбленной, эмиръ, внѣ себя отъ радости, громко воскликнулъ: „Моя кроткая голубица, приди навстрѣчу твоему соколу, приди утѣшить твоего любимаго послѣ его долгаго отсутствія“. Служанки, услыхавъ эти слова, выглянули въ окно и, увидавъ эмира, сказали молодой женщинѣ: „Радуйся, госпожа наша, радуйся; нашъ господинъ возвратился“. Но она не повѣрила словамъ служанокъ (ибо кто вдругъ видитъ внезапное исполненіе своего желанія думаетъ въ безмѣрной радости своей, что это обманная греза) и отвѣчала: „Не призракъ ли видится вамъ?“ И хотѣла еще другое сказать, но тутъ увидала—входитъ ея возлюбленный; тогда чуть не лишилась она чувствъ и, обвивъ его шею руками, прильнула къ нему безъ словъ съ глазами полными слезъ. Также и эмиръ, казалось, обезумѣлъ отъ радости; онъ прижималъ молодую женщину къ своей груди, и они оставались такъ, обнявшись, долгіе часы. Эмиръ цѣловалъ глаза своей жены и, обнимая ее, съ любовью спрашивалъ: „Какъ ты поживаешь, мое утѣшеніе, моя нѣжная голубка, свѣтъ очей моихъ, моя безцѣн-

ная жемчужина?“ И молодая женщина отвѣчала: „Привѣтъ тебѣ, моя надежда, поддержка моей жизни, отрада моей души. Слава всемогущему Богу, дозволившему намъ свидѣться вновь“. И взявъ на руки сына, эмиръ говорилъ ему съ нѣжностью: „Когда, соколъ мой прекрасный, развернешь ты крылья, когда станешь охотиться за куропаткой, когда будешь укрощать разбойниковъ?“

Всѣ эти души полны исключительнѣ однимъ чувствомъ—любовью; любовью могучей, любовью непобѣдимой, для нея же никакая жертва не кажется слишкомъ большой, ни слишкомъ трудной. „Прекрасно, говоритъ поэтъ, исполнять долгъ любви“, и величайшій укоръ, какой можно сдѣлать рыцарю, это недостатокъ заботы и рвенія въ служеніи своей возлюбленной. Несмотря на тревогу и заботы, какую любовь несетъ съ собою, она является въ этихъ доблестныхъ душахъ главнымъ двигателемъ героизма; покинуть свою семью, своихъ друзей, подвергаться самымъ страшнымъ опасностямъ, вызывать на бой стихіи, дикихъ звѣрей, разбойниковъ, отречься отъ всего, что имѣешь, все это ничто, когда сердце полно любовью и отъ нея ждетъ себѣ награды.

Изъ всего этого мы видимъ, несмотря на нѣкоторыя литературныя заимствованія, происходящія, быть можетъ, по винѣ послѣдней редакціи, насколько эпопея Акрита полна искренности, свѣжести, юности. Дѣйствующіе въ ней люди одарены душой простой, веселой, воспріимчивой ко всякаго рода эмоціямъ, способной одинаково воспламеняться и воинственнымъ пыломъ, и жаждой славы, и восторгомъ любви, и красотой

природы. „Май мѣсяць, говорится въ пѣснѣ, всѣмъ мѣсяцамъ царь. Онъ—лучшее украшеніе земли, око растеній, блескъ цвѣтовъ, гордость и красота чарующихъ луговъ. Онъ внушаетъ чудесную любовь, онъ герольдъ Афродиты. Своими сверкающими цвѣтами, своими розами, фіалками онъ превращаетъ землю въ соперницу небесъ. Тогда то любовь открывается своимъ вѣрнымъ, и кто только другъ нѣги, предается радости“.

Такъ любовь и война—двѣ главныя страсти рыцаря: приключенія, славныя состязанія, женщина и слава наполняютъ его существованіе и придаютъ ему цѣну. И въ этомъ главный интересъ поэмы: она показываетъ намъ Византію живую и героическую, очень отличную отъ Византіи церемоніальной и чопорной, всего болѣе намъ извѣстной. Само собой разумѣется, что послѣдняя существовала, въ особенности въ Константинополѣ, при дворѣ и среди приближенныхъ императоровъ, и она также обладала, несмотря на свои пороки, и высокими качествами. Но не надо, чтобы она заставляла насъ забывать другую Византію, Византію провинціальную, такую полную жизни, энергіи, вольной откровенности, такую простую и благородную въ своей рыцарской доблести. Безъ сомнѣнія нѣкоторыми характерными чертами знатные феодальные владетели азіатскихъ границъ, богатые, могущественные, храбрые, независимые и гордые, оставались вполнѣ и глубоко византійцами. Въ сущности они ближе, чѣмъ это можно думать, подходятъ къ нашимъ западнымъ рыцарямъ и этимъ въ особенности заслуживаютъ наше вниманіе.

Если нѣкоторые западные обычаи могли въ эпоху крестовыхъ походовъ проникнуть довольно свободно въ высшіе классы византійскаго общества, это случилось потому, что они нашли въ этомъ обществѣ съ его придворными и рыцарскими нравами.

ГЛАВА XI.

Два рыцарскихъ византійскихъ романа:

Белтандръ и Хрисанца.

Ливистръ и Родамна.

Романъ Дигениса Акрита познакомиль насъ съ Византїей рыцарской и героической въ эпоху, предшествующую крестовымъ походамъ. Другія произведенія того же рода, послѣ эпохи крестовыхъ походовъ, не менѣе любопытны и не менѣе поучительны для исторіи византійскаго общества. Это тѣ самые романы приключеній, сочиненные въ XIII и XIV вѣкѣ, съ безчисленными странствующими рыцарями и прекрасными дамами, съ трогательными и трагическими эпизодами, перемѣшанными съ чудесными феерїями, съ блестящими образцами удалства, чередующимися съ любовными исторїями. Нигдѣ съ такой очевидностью не видно, какъ при столкновеніи съ западомъ преобразовался греческій Востокъ, какое смѣшеніе идей и обычаевъ произвела встрѣча этихъ двухъ цивилизацій, съ какою быстротою къ византійской почвѣ привились нѣкоторыя франкскіе обычаи, какъ, въ свою очередь, эллинизмъ быстро смягчилъ еще грубые нравы латинянь.

Чтобы изучить это взаимное вліяніе, слѣдуетъ остановиться въ особенности на двухъ такихъ романахъ: на романъ Белтандра и Хрисанцы, относящемся въ первоначальной своей редакціи вѣроятно къ XIII вѣку, и на романъ Ливистра и Родамны, древнѣйшая редакція котораго, безъ сомнѣнія, относится къ XIV вѣку. Достаточно сравнить эти поэмы съ чисто греческими романами, написанными въ XII вѣкѣ Продромами, Евгеніанами, Евстаѳіями Макремволитами, чтобы почувствовать, что въ промежутокъ времени, раздѣляющей ихъ, великія событія внесли коренное измѣненіе въ восточный міръ. Въ этомъ и заключается историческій интересъ двухъ произведеній, предлагаемыхъ здѣсь вниманію читателей. И безъ сомнѣнія надо остерегаться дѣлать слишкомъ широкія обобщенія изъ тѣхъ данныхъ, какія можно изъ нихъ извлечь: тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что они представляютъ безусловно замѣчательные документы для ознакомленія съ византійскимъ обществомъ, какимъ его сдѣлали крестовые походы.

I.

Жилъ однажды въ Византіи, рассказываетъ авторъ романа Белтандръ и Хрисанца, могущественный императоръ, по имени Родофилъ. У него было два сына, Филармъ и будущій герой поэмы Белтандръ. „Послѣдній, говоритъ поэтъ, получилъ отъ небесъ самые завидные дары. Онъ былъ счастливый и ловкій охотникъ. Его красота, его ростъ, его храбрость заслуживали лишь одну похвалу. Бѣлокурые волосы падали

ему до плечъ, глаза были блестящіе, а взглядъ полонъ очарованія, грудь бѣлизной могла сравниться лишь съ мраморомъ". Но отецъ его совсѣмъ не любилъ, такъ что въ концѣ концовъ молодой человѣкъ рѣшилъ уйти, надѣясь въ какой-нибудь чужой странѣ найти болѣе счастливую судьбу. Напрасно братъ старался его удержать, напрасно умолялъ отца выказать Белтандру больше привязанности. Рыцарь отправился въ путь, въ сопровожденіи только троихъ оруженосцевъ, и когда, наконецъ, императоръ рѣшился призвать его, было уже слишкомъ поздно. На просьбы, на угрозы, молодой человѣкъ отвѣчалъ полнымъ отказомъ возвратиться въ родную страну.

Уже тутъ слѣдуетъ отмѣтить одинъ пунктъ: удивленіе, безпокойство, скандалъ, какіе вызвало среди окружающихъ Белтандра его рѣшеніе. Не то чтобы кого-либо удивило его желаніе искать счастья въ чужихъ краяхъ; смущаетъ, пугаетъ то, что онъ идетъ къ язычникамъ. На это упираетъ Филармъ въ своихъ представленіяхъ, уговорившая отца; къ этому сводятся укоры, съ какими посланные императора обращаются къ Белтандру. Никто не можетъ ни понять, ни допустить, чтобы этотъ сынъ царя, свободный отъ рожденія и предназначенный повелѣвать; отправился и сталъ вассаломъ, рабомъ какого-нибудь князя-язычника, чтобъ въ обмѣнъ за богатство и почести, должныя вознаградить его за услуги, онъ подвергался возможности поднять руку противъ своего монарха и противъ своей родины. Это характерныя черты времени. Въ нихъ, вмѣстѣ съ ненавистью къ невѣрнымъ, заключаются какъ бы воспоминанія о нѣкоторыхъ членахъ

семьи Комниновъ, не посовѣстившихся не разъ въ теченіе XII вѣка отправиться къ туркамъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, и не побоявшихся въ отмщенье за неудавшіеся расчеты честолюбія поднять руку на свою отчизну.

Подобно имъ, Белтандръ упорствуетъ въ своемъ нежеланіи возвратиться. „Прошелъ онъ, говорится въ поэмѣ, многія страны, видѣлъ много топархій и замковъ; ни одно мѣсто не понравилось ему настолько, чтобы поселиться въ немъ. Онъ проѣхалъ Анатолію и Турецкую землю, посѣтилъ ихъ города и крѣпости“. Въ горныхъ тѣснинахъ онъ одолѣлъ разбойниковъ, хотѣвшихъ преградить ему путь, и, миновавъ Тавръ, спустился въ Арменію. Въ отношеніи географіи свѣдѣнія необычайно точны и слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ мѣстѣ упоминаніе объ армянскомъ царствѣ Киликійскомъ и о крѣпости Тарсѣ. Но послѣ этихъ вполнѣ точныхъ указаній разсказъ внезапно переходитъ въ область чудеснаго.

Въ окрестностяхъ Тарса рыцарь находитъ рѣку, и на водахъ этой рѣки горитъ огненное свѣтило. Руководимый этимъ огнемъ, онъ поднимается вверхъ по рѣкѣ и по прошествіи десяти дней видитъ великолѣпный замокъ. „Онъ былъ выстроенъ изъ сардоникса съ удивительнымъ искусствомъ. Стѣны его на верху были украшены львиными головами и золотыми драконами различной окраски, все исполнено художникомъ съ необычайнымъ искусствомъ. Изъ ихъ пастей исходило страшное рычанье: они шевелились, точно живые, и, казалось, говорили и отвѣчали другъ другу. Изъ этого-то замка и вытекала огненная рѣка. Тогда Белтандръ подо-

шелъ къ воротамъ крѣпости. Одни изъ нихъ были алмазныя, и по срединѣ онъ увидаль вырѣзанныя буквы, и надпись гласила: „Кого ни разу еще не ранили стрѣлы любви, тотъ не заслуживаетъ видѣть замокъ любви“.

Понятно, что такое запрещенье только усиливаетъ пылъ рыцаря. Рѣшительно переступаетъ онъ черезъ порогъ и, куда ни повернетъ, видитъ новое чудо. Сначала онъ проходитъ за очарованными садами, тѣнистыми, сплошь засаженными цвѣтами; затѣмъ попадаетъ ему диковинный фонтанъ, „фонтанъ любви“, и каменный грифъ стережетъ его прозрачныя студеныя струи; но вдругъ грифъ оживаетъ и взлетаетъ. Наконецъ, онъ приходитъ къ восхитительному дворцу: стѣны его изъ сардоникса, и передъ триклиніумомъ возвышается изящная высокая статуя. Самъ триклиніумъ выстроенъ изъ сафира, и на крышѣ три драгоцѣнныхъ камня бросаютъ далеко кругомъ себя яркій свѣтъ. Внутренность залы вся украшена статуями. Это все фигуры, скованныя цѣпями, плѣненные любовью; и всѣ кажутся живыми. Иныя стонуть и плачутъ; другія, кажется, въ полномъ восхищеніи; и надписи, вырѣзанныя на каждой изъ нихъ, указываютъ, что всѣ онѣ жертвы и служители любви. Между всѣми этими фигурами одна въ особенности поражаетъ Белтандра. Это статуя изъ сафира съ лицомъ, полнымъ печали, на половину склонившаяся къ землѣ. На ней надпись: „Белтандръ, второй сынъ Родофила, императора земли римской, томился любовью къ дочери царя Великой Антіохіи, прекрасной и свѣтлой Хрисанцѣ порфиродной“. Нѣсколько далѣе другое изобра-

женіе привлекаетъ вниманіе рыцаря. Это чело-
вѣкъ, раненый въ сердце стрѣлою любви, и на
пѣдесталѣ можно прочесть: „Дочь царя Вели-
кой Антіохіи Хрисанца была любима Белтанд-
ромъ. Любовь разъединила ихъ на двѣ поло-
вины“.

Полный тревоги о своей судьбѣ, ему такимъ
образомъ предсказанной, рыцарь хочетъ узнать
все подробно и видѣть всѣ „горькія услады этого
замка любви“. Тутъ онъ проникаетъ въ чудесную
комнату, всю изъ алмазовъ и другихъ драго-
цѣнныхъ камней. Вѣнчающіе ее своды, кажется,
совсѣмъ не соприкасаются съ землей, какъ будто
зодчій хотѣлъ „подражать сферамъ небеснымъ“.
Подъ ними, по срединѣ залы, большой бас-
сейнъ съ краями, выложенными драгоцѣнными
камнями, окруженъ механическими животными.
„То были золотыя птицы, и каждая изъ нихъ
пѣла свою обычную пѣсню и испускала свой-
ственный ей крикъ; и всѣ, казалось, были
одарены жизнью“. По срединѣ комнаты, на
эстрадѣ, усыпанной розами и фіалками и золо-
той листвою, поставленъ былъ золотой тронъ,
и у подножія его лежало оружіе. Это тронъ
владыки, тронъ бога любви, и Белтандръ дол-
женъ передъ нимъ предстать. И богъ „съ импе-
раторскимъ вѣнцомъ на головѣ, держа въ рукъ
большой скипетръ и золотую стрѣлу“, вопро-
шаетъ рыцаря, велитъ ему рассказать о своихъ
приключеніяхъ и, наконецъ, даетъ ему слѣдую-
щее деликатное порученіе: „Знай и запомни,
Белтандръ! Завтра у меня тутъ будутъ сорокъ
молодыхъ дѣвушекъ знатнаго происхожденія,
всѣ дочери царей, увѣнчанныя діадемами,

всѣ прелестныя сложеніемъ и лицомъ. Я хочу, чтобы изъ всѣхъ нихъ ты призналъ самую прекрасную, руководясь лишь собственнымъ сужденіемъ. „И тутъ богъ вручилъ рыцарю золотой пруть: „Той, которою найдешь наипрекраснѣйшей изъ всѣхъ, ты дашь этотъ пруть, какъ царицѣ красоты“.

Сцена суда—одна изъ самыхъ любопытныхъ въ поэмѣ. Она невольно и естественно вызываетъ въ памяти знаменитый судъ Париса, а также судъ, производившійся на конкурсахъ красоты, учреждавшихся въ Византіи, когда дѣло шло о томъ, чтобы найти достойную жену императору: но она проведена съ большой силой остроумія и ироніи, напоминающими шутки, какими любили забавляться на западѣ въ средніе вѣка, когда дѣло шло о прекрасномъ полѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ этотъ эпизодъ заслуживаетъ, чтобы на немъ дольше и подробнѣе остановиться.

Когда Белтандръ очутился въ присутствіи сорока молодыхъ дѣвушекъ, одна изъ нихъ отделилась отъ другихъ и, обратясь къ молодому человѣку, сказала ему такъ: „Господинъ, будь снисходителенъ ко мнѣ, не суди обо мнѣ дурно“. Но это онъ отвѣчалъ: „Дѣйствительно, я нахожу, что тебѣ очень далеко до выигрыша, ибо глаза твои нѣсколько красны и какъ бы затуманены.“ У второй онъ находитъ немного слишкомъ толстыя губы, что, къ сожалѣнію, портитъ ее; у третьей цвѣтъ лица слишкомъ темный, у пятой брови некрасиво очерчены. Та держится не прямо, эта немного слишкомъ толста; и каждый разъ судья иронически прибавляетъ, что, не будь

этого, всѣ онѣ заслуживали бы пальму первенства. У седьмой зубы некрасиво разставлены; „Одни слишкомъ выдаются, другіе слишкомъ западали назадъ. Вслѣдствіе этого, повторяю, не вы будете избранницей.“ Въ концѣ концовъ три кандидатки остаются на лицо. Белтандръ долго ихъ разсматриваетъ; онѣ заставляютъ ихъ ходить передъ собой, чтобы можно было дать себѣ отчетъ, какъ говоритъ поэтъ, „о красотѣ ихъ лица, всего сложенія, походки, всѣхъ движеній, всей осанки.“ Долго, внимательно, „въ качествѣ художника,“ какъ сказано въ текстѣ, онѣ ихъ разсматриваетъ. Въ концѣ концовъ одна отвергнута, потому что у нея какой-то пушекъ на рукахъ; другая,—потому что у нея глаза немного подернуты и неясны. Но послѣдняя восхитительна. „Брови черныя и чудесно очерчены, Граціи работали, чтобы создать красоту ея лица; зубы у нея—жемчужины, на щекахъ отсвѣтъ розъ, губы поспорятъ съ лучшими изъ нихъ, и ротъ благоухаетъ; подбородокъ закругленъ, руки нѣжныя и бѣлыя, шея словно точеная; талія гибка, какъ тростникъ, походка граціозная, вся она совершенна; кажется, она олицетвореніе граціи. Грудь ея—садъ любви, походка—само чудо; когда она движется, поводя вокругъ глазами, сердце восхищено, она сводитъ съ ума. Ты самъ, о царь,—прости мнѣ смѣлость рѣчи, —еслибы встрѣтилъ ее, палъ бы къ ея ногамъ.“

Этой несравненной красотѣ Белтандръ вручаетъ золотой пруть, затѣмъ даетъ отчетъ богу любви о порученной ему миссіи. И внезапно, какъ во снѣ, все, что окружаетъ рыцаря,—богъ, юныя красавицы, все тускнѣетъ, исчезаетъ. Остав-

шись одинъ, Белтандръ вновь проходить по всему дворцу, по садамъ; задумчиво перечитываетъ пророческія надписи, возвѣщающія ему его судьбу; и, выйдя изъ чудеснаго Замка Любви, вновь пускаетъ съ своими оруженосцами въ путь.

Черезъ пять дней пути онъ прибылъ въ окрестности Антиохіи и тутъ въ полѣ встрѣчается съ царской охотой. Тотчасъ сходитъ онъ съ лошади и почтительно падаетъ ницъ передъ чужеземнымъ царемъ; послѣдній, очарованный привлекательнымъ видомъ молодого грека, беретъ его къ себѣ на службу. Белтандръ тотчасъ же доказываетъ свое умѣнье: его мѣткая стрѣла сражаетъ орла, унесшаго въ своихъ когтяхъ царскаго охотничьяго сокола. Вслѣдствіе этого рыцарь очень скоро вошелъ въ большую милость при дворѣ и во всякое время сталъ вхожъ къ монарху.

Вотъ однажды, когда онъ невзначай вошелъ къ царю и царицѣ, увидалъ онъ ихъ дочь Хрисанцу и съ удивленіемъ узналъ въ ней молодую женщину, которой въ Замкѣ Любви онъ вручилъ золотой пруть. Она также узнала рыцаря; молодые люди обмѣниваются тайными знаками, и любовь мгновенно овладѣваетъ ихъ сердцами. Но не надо забывать, что дѣло происходитъ при восточномъ дворѣ. Царевна Хрисанца находится подъ самымъ строгимъ надзоромъ и недоступна; и въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, далеко одинъ отъ другого, влюбленные проводятъ время въ напрасномъ томленіи.

Но вотъ однажды вечеромъ, когда молодая дѣвушка спустилась въ садъ при дворцѣ, думая,

что никого нѣтъ, она стала громко выражать свою любовь: „Знай, Белтандръ, что это изъ-за тебя я такъ страдаю, и страданье гложеть мою душу и сердце, и что я бесполезно сгораю. Вотъ два года и два мѣсяца, что таю я въ сердцѣ любовь мою къ тебѣ, и что втайнѣ я—раба твоя. Когда-жъ, наконецъ, можно мнѣ будетъ видѣть тебя, быть съ тобою?“ Случайно рыцарь былъ близко и, услыхавъ этотъ страстный призывъ, бросился на него: и въ первый мигъ охваченные крайнимъ волненіемъ, влюбленные почти теряютъ сознание. Затѣмъ Белтандръ предъявляетъ свои права, и Хрисанца не заставляетъ себя просить. „И при звукѣ ихъ поцѣлуевъ, говорится въ поэмѣ, при видѣ ихъ объятій сами равнодушныя деревья ликують, присоединяясь къ ихъ счастью.“

На бѣду, поутру стража замѣтила Белтандра. Его арестуютъ и заключаютъ въ тюрьму. Но ловкая царевна придумываетъ средство одновременно спасти и честь свою, и своего любовника. Она зоветъ къ себѣ вѣрную служанку свою Федрокацу и даетъ ей наставленіе, какъ дѣйствовать. Федрокаца заявить, что это для нея преступилъ рыцарь запрещенный порогъ и проникъ въ садъ. „Госпожа моя, золотая моя, отвѣчаетъ служанка, ты знаешь, что я воспиталась вмѣстѣ съ тобой, и тебѣ извѣстна моя любовь къ тебѣ. Я—твоя слуга, твоя раба, я за тебя брошусь въ воду.“ И она согласна играть предложенную ей роль; въ то же время и Белтандръ, предувѣдомленный въ тюрьмѣ стараніями Хрисанцы, готовится принять участіе въ комедіи. И все устраивается, какъ нельзя лучше.

Съ притворнымъ негодованіемъ царевна бѣжитъ къ царю, своему отцу; она требуетъ наказанія дерзкаго, осмѣлившагося проникнуть въ ея частный садъ. Созывается судъ, Белтандра приводятъ къ царевнѣ. Но когда его приглашаютъ дать показанія, онъ отвѣчаетъ: „Съ того дня, какъ я поступилъ къ тебѣ на службу. господинъ мой, я полюбилъ Федрокацу.“ При этомъ признаніи царь, монархъ добрый, прощаетъ виновнаго и, несмотря на притворное недовольство дочери, приказываетъ обвѣнчать молодого человѣка съ ея служанкой.

Описаніе нѣкоторыхъ подробностей свадьбы заслуживаетъ вниманія. Начинается съ того, что во дворцѣ устраивается большой пиръ, и на немъ, кромѣ мужчинъ, присутствуетъ Хрисанца со своими придворными дамами; затѣмъ, въ присутствіи нотаріуса подписываютъ контрактъ, гдѣ дается перечень приданаго, какое царевна назначаетъ своей приближенной, а также приданаго, жалуемаго царемъ Белтандру. Затѣмъ празднуютъ свадьбу; патріархъ благословляетъ брачующихся, и царь держитъ надъ головой Белтандра брачный вѣнецъ, въ то время какъ Хрисанца держитъ такой же надъ головой Федрокацы. Наконецъ, всѣ отправляются въ свои покои. Но раньше, чѣмъ разойтись, царевна шепнула своей служанкѣ: „Смотри, берегись, чтобы не похитить тебѣ моего властелина.“ Слѣдовательно, молодые обвѣнчались „фигтивнымъ бракомъ.“ И, благодаря этой уловкѣ, Белтандръ и Хрисанца спокойно продолжаютъ жить въ тайной связи.

Такъ прошло десять мѣсяцевъ. Но молодой человѣкъ не спокоенъ; онъ боится, какъ бы не

раскрылась его тайна; тогда онъ предлагаетъ Хрисанцѣ бѣжать съ нимъ. Темною ночью любовники бѣгутъ; на дворѣ гроза, буря, шумитъ вѣтеръ; они достигаютъ берега рѣки, и надо скорѣй черезъ нее переправиться: уже за бѣглецами послана погоня. Белтандръ бросается въ воду съ Хрисанцой на рукахъ. Но сила потока разъединяетъ ихъ, и рыцарь одинъ достигаетъ противоположнаго берега. Какъ гласила надпись о томъ въ Замкѣ Любви, любовники, повидимому, навѣки оторваны одинъ отъ другого.

Въ отчаяніи, Белтандръ идетъ вдоль берега, но находитъ только трупъ вѣрной Федрокацы.

Съ своей стороны Хрисанца на другомъ берегу находитъ трупъ одного изъ оруженосцевъ и въ первую минуту принимаетъ его за трупъ своего любовника. Обезумѣвъ отъ скорби, она произноситъ надъ нимъ надгробное слово и хочетъ покончить съ собой, какъ вдругъ слышитъ съ того берега голосъ, который зоветъ ее. Влюбленные сходятся, упоенные счастіемъ, несмотря на жалкое положеніе, въ какомъ они очутились. Они достигаютъ моря, гдѣ стоитъ корабль, готовый принять ихъ. На кораблѣ этомъ—греки, и скоро путники узнаютъ другъ друга. Родофиль, императоръ, потерялъ старшаго сына и разослалъ по всему міру своихъ людей разыскать младшаго; они то и были на томъ кораблѣ, и можно себѣ представить ихъ радость, когда Белтандръ назвалъ имъ себя. Корабль поспѣшно возвращается въ Византію, гдѣ императоръ устраиваетъ торжественную встрѣчу своему сыну и Хрисанцѣ. Ихъ вѣнчаютъ съ величайшей пышностью, и, въ видѣ эпилога, Родофиль говоритъ

присутствующимъ: „Вотъ, смотрите, именитые люди моего двора, знатные вельможи моего дворца, я нашель моего пропавшаго сокола: онъ былъ мертвъ и вотъ теперь возвращается изъ нѣдръ Лида.“

II.

Въ этомъ любопытномъ романѣ приключеній думали найти довольно многочисленныя слѣды вліяній Запада. Начало поэмы, казалось, служило тому первымъ доказательствомъ. „Приблизьтесь, говоритъ авторъ, милостивые слушатели, и удѣлите мнѣ минуту вниманія; я расскажу вамъ прелестную исторію, необыкновенное приключеніе. Всякому это доставитъ удовольствіе, и, слушая ее, всякъ забудетъ о своихъ бѣдахъ.“ Разсказавъ затѣмъ вкратцѣ ея содержаніе, поэтъ заключаетъ: „Напрягите ваше вниманіе и слѣдите за моимъ разсказомъ; вы меня не уличите во лжи.“ Это тонъ рѣчи западныхъ трубадуровъ, ихъ манера возбуждать любопытство присутствующихъ, чтобы добиться молчанья въ ту минуту, когда они приступаютъ къ повѣствованію. Это не все. Несмотря на византійскія передѣлки, имена героевъ исторіи, страннымъ образомъ, выдаютъ ихъ латинское происхожденіе; точно также сама поэма какъ бы подчеркиваетъ то, что „на языкѣ римлянъ“ они назывались Родофиломъ или Белландромъ, и это можетъ заставить предположить, что эти названія только переводъ латинскихъ именъ, какъ на примѣръ: Рудольфъ или Бертранъ. Помимо этого, много западныхъ словъ и обычаевъ За-

пада попадаются въ этомъ романѣ. Замѣчательнъ также тотъ фактъ, что царь Антиохіи находитъ удовольствіе въ такомъ западномъ развлеченіи, какъ соколиная охота; это чисто феодальный обычай „предлагать себя въ ленники“, какъ это дѣлаетъ Белтандръ. Можно замѣтить также, что Замокъ Любви какъ будто имѣетъ свой прототипъ въ провансальской поэзіи, и что, наконецъ, обмѣнъ платьями между Хрисанцой и Федракой въ свадебную ночь напоминаетъ подобную же сцену въ романѣ Тристана и Изольды.

Однако, не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія этому сходству, часто поверхностному. Несомнѣнно, авторъ поэмы знаетъ латинскіе обычаи, и все заставляетъ думать, что многіе изъ нихъ были распространены въ греческомъ мірѣ въ то время, когда онъ писалъ. Но подъ этой заимствованной оболочкой общій колоритъ остается чисто византійскимъ, и любопытно посмотрѣть какими характерными чертами этотъ романъ болѣе поздняго времени, чѣмъ крестовые походы, изображаетъ намъ общество той эпохи.

Прежде всего религія занимаетъ въ немъ очень большое мѣсто. Было уже показано, какую ненависть дѣйствующія лица романа питаютъ къ язычникамъ и невѣрнымъ. Другія черты не менѣе характерны. Когда Белтандръ и Хрисанца находятъ трупы своихъ спутниковъ, утонувшихъ по ихъ винѣ, они ужасаются при мысли, какой отвѣтъ они должны будутъ дать за нихъ „судьѣ непогрѣшиму, судьѣ великому и грозному“. Извѣстно, какъ мысль о страшномъ судѣ пугала людей средневѣковья, особенно на Востокѣ. И

теперь еще нѣтъ ни одной греческой церкви, гдѣ бы не была изображена, съ самыми ужа-сающими подробностями. страшная сцена „второго пришествія Спасителя.“

Съ другой стороны, надо отмѣтить въ поэмѣ то важное значеніе, какое отведено въ ней воспоминаніямъ древняго міра. Образъ Эроса съ золотой стрѣлой въ рукѣ, кажется, вдохновленъ какой-нибудь греческой статуей: къ этому слѣдуетъ прибавить, что все окружающее бога, великолѣпіе совершенно въ духѣ традицій византійскаго романа. Въ своей поэмѣ „Измина и Изминій“ Евстаѳій Макремволитъ описалъ такими же чертами бога любви, ѣдущаго на торжественной колесницѣ и окруженнаго царственнымъ великолѣпіемъ. Византія XII и XIII вѣка бережно хранила наслѣдіе аллегорическихъ и мифологическихъ вымысловъ, зародившихся нѣкогда въ Греціи и Александріи.

Еще поражаетъ въ исторіи Белтандра и Хрисанцы мѣсто, отведенное въ ней природѣ. Неодушевленные предметы постоянно вводятся по-этомъ въ настроеніе дѣйствующихъ лицъ; и это, какъ мы видѣли, составляетъ черту, встрѣчающуюся уже въ эпопеѣ Дигениса Акрита. Вотъ, на примѣръ, описаніе первой стоянки Белтандра послѣ того, что онъ покинулъ отчій домъ: „была лунная ночь, ночь восхитительная; среди зеленой лужайки билъ родникъ. Рыцарь разбилъ тутъ палатку и сѣлъ отдохнуть, онъ взялъ свой музыкальный инструментъ и сталъ играть; и голосомъ, полнымъ рыданія, пѣлъ такую жалобу: „Горы, равнины, холмы, ущелья и долины, плачьте вмѣстѣ со мною надъ печальной моей

долей". Точно также, когда появляется Хрисанца, „блестящая, какъ солнце“, вся природа празднуетъ ея появленіе: „заплясали долины, въ радости запрыгали горы“. Мѣстами есть даже нѣкоторая слащавость въ манерѣ съ какой чело-вѣческія эмоціи пробуждаютъ откликъ среди животныхъ. Когда на рѣчномъ берегу Белтандръ разлучился съ Хрисанцой, двѣ горленки принялись всячески ихъ „утѣшать“. Самецъ кружитъ подлѣ рыцаря и „сочувствуетъ его горю, какъ чело-вѣкъ“. Самка не покидаетъ молодой женщины, и когда та теряетъ сознание при видѣ трупа, принятаго ею за трупъ ея любовника, „горленка приноситъ на своихъ крыльяхъ воды и обрызгиваетъ молодую дѣвушку, чтобы привести ее въ чувство“. Тутъ есть нѣкоторое преувеличеніе и жеманность довольно дурного вкуса; но вдохнове-ніе это совершенно византійское и нимало не заимствовано съ Запада.

Точно также въ описаніяхъ торжествъ и различныхъ зданій встрѣчаешь обычную роскошь императорскихъ резиденцій и празднествъ. Не въ однихъ только греческихъ романахъ XII вѣка встрѣчаются грифы, стерегушіе фонтанъ любви, роскошные покои и механическіе звѣри, окружающіе бассейнъ триклиніума. Извѣстно, что одной изъ диковинъ императорскаго дворца въ Византіи былъ золотой плафонъ, на которомъ порхали и пѣли механическія птицы, а передъ тронномъ царя стояли золотые гриффоны и львы, которые помощью искуснаго завода поднимались и рычали. Но что еще замѣчательнѣе, это мѣсто, какое въ нашей поэмѣ занимаетъ этикетъ, идетъ ли дѣло о распредѣленіи порядка празд-

нествъ или іерархическаго порядка высшихъ сановниковъ. Наконецъ, всѣ эти дворцы, описываемые поэтомъ, полны стражи, евнуховъ, какъ было во дворцахъ византійскихъ или восточныхъ. Церемоніаль царить тутъ во всей силѣ и расpredѣляетъ точно должное разстояніе между императоромъ римскимъ, василевсомъ и королемъ Антіохійскимъ, хотя, съ другой стороны, нѣтъ никакой значительной разницы въ придворныхъ обычаяхъ между двумя столицами: Хрисанца, дочь франкскаго принца, зовется „порфирородной“, какъ и въ дѣйствительности назывались царевны императорскаго дома.

Также и нравы чисто византійскіе. Уже было отмѣчено состязаніе красоты, воспоминаніе объ обычаѣ, дорогомъ Константинопольскому двору. Въ другомъ мѣстѣ, и это напоминаетъ эпопею Дигениса Акрита, говорится объ апелатахъ, и Белтандръ изображенъ въ одной сценѣ обнажающимъ „свой апелатскій мечъ“. Другія черты одинаково вызываютъ въ памяти обычаи византійскаго общества. Вотъ описаніе празднествъ, устроенныхъ по поводу возвращенія любовниковъ ко двору Родофила. „Отецъ, увидавъ Белтандра, сына своего, заключилъ его въ объятія, поцѣловаль, и точно также поцѣловаль прекрасную Хрисанцу. И женщины, и придворныя дамы окружали его, привѣтствовали, выражали почетъ, говоря: „Многая лѣта сыну царя и царевнѣ“. И весь народъ, большіе и малые, предавались веселью. Императоръ Родофилъ танцеваль отъ радости и въ счастіѣ своемъ приказаль устроить всякаго рода прекрасныя увеселенія, музыкальныя и другія. Затѣмъ онъ призваль архіепископа

съ его священнослужителями и собственноручно возложилъ на головы Белтандра и Хрисанцы вѣнцы брачный и императорскій. Обвѣнчанный и вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашенный автократомъ при содѣйствіи сената и народа Белтандръ восходитъ на императорскій престоль, а Хрисанца становится императрицей. И, согласно этикету, музыка играла, и устроень былъ пиръ, и всѣ сѣли за столъ". Развѣ это не взято изъ книги церемоній или развѣ это не напоминаетъ празднества, которыя любитъ описывать авторъ поэмы о Дигенисѣ? Въ своемъ внѣшнемъ декорумѣ Византія, описываемая авторомъ XIII вѣка, все еще та же, что и Византія X вѣка.

Точно также надгробное слово Хрисанцы надъ тѣломъ ея любовника переносить насъ въ дѣйствительность X или XI вѣка. „Белтандръ, свѣтъ очей моихъ, душа моя, сердце мое, я нахожу тебя мертвымъ, я вижу тебя бездыханнымъ. Вмѣсто яркихъ покрываль царскаго ложа, вмѣсто одежды, усыпанной драгоцѣнными камнями, въ какія бы ты долженъ былъ быть наряженъ, лежишь ты нагимъ на берегу рѣки. Что не слышно рыданья твоего отца, твоего брата, твоихъ родственниковъ, сановниковъ твоихъ? Не придутъ развѣ твои служители и служительницы стонать надъ тобой и плакать? Гдѣ царь и царица, мой отецъ и моя мать, чтобы плакать вмѣстѣ со мной и раздѣлить мое горе? Гдѣ утѣшенье, какое мнѣ принесли бы мои близкіе? Изъ всѣхъ твоихъ родныхъ одна я тутъ, несчастная, жалкая, убитая судьбой. Что мнѣ дѣлать, несчастной? Что станетъ со мной, съ чужою? Какимъ путемъ мнѣ идти, въ отчаянье вверженной?

Всюду несчастье, вездѣ неизвѣстность... Хочу поразить себя въ сердце, хочу, чтобы похоронили меня вмѣстѣ съ тобой; съ тобой вмѣстѣ умру, вмѣстѣ съ тобой сойду въ Лидь, вмѣсто того, чтобы жить въ страданьи всю остальную жизнь. Горе мнѣ, несчастной! Не знаю, что будетъ со мной! Увы, увy!“ Подобнымъ образомъ Пселлъ плакалъ и скорбѣлъ на могилѣ своей сестры. И въ этомъ въ Византіи не видно никакой перемѣны.

Итакъ, въ этой поэмѣ, изображающей столкновение двухъ цивилизацій, гдѣ латинскій міръ Антиохіи противопоставляется греческому міру Византіи, если не считать нѣкоторыхъ обычаевъ, заимствованныхъ у Запада, какъ напримѣръ, феодалъную зависимость и соколиную охоту, почти не замѣтно никакихъ слѣдовъ иноземнаго вліянія при описаніи общества того времени, которое изображено тутъ. Суть остается чисто византійской и франкскимъ баронамъ, явившимся съ завоевательными цѣлями, греческая цивилизація, повидимому, гораздо больше дала, чѣмъ получила отъ нихъ. Это еще гораздо нагляднѣе показываетъ романъ Ливистра и Родамны. Въ немъ мы увидимъ, какъ еще въ XIII и XIV вѣкѣ Византія обладала до извѣстной степени силой ассимиляціи, благодаря чему она нѣкогда сумѣла приобщить столько народовъ великому эллинскому единству.

III.

Романъ Ливистра и Родамны начинается довольно искусно: „Зеленымъ лугомъ, вдоль бе-

рега рѣки по узкой тропинкѣ ѣхаль разъ молодой человекъ. Лугъ маниль остановиться и разбить на немъ палатку, прозрачноструйная рѣчка утолить въ ней жажду. Лугъ маниль своимъ привольемъ, рѣчка—тихой прелестью; тотъ—своими деревьями, цвѣтами, источниками, эта—чистотой и ясностью своихъ водъ. Но рыцарь, казалось, былъ поглощенъ совсѣмъ инымъ. Это былъ красивый человекъ, латинянинъ родомъ и благороднаго происхожденія, мужественный, осанистый, изящнаго сложенія, съ виду крѣпкій и сильный; онъ былъ высокъ ростомъ и бѣлокуръ, лицо бритое, волосы подстрижены треугольникомъ. Онъ ѣхаль на прекрасномъ конѣ, и на рукѣ у него былъ соколъ; позади него бѣжала собака. Онъ былъ въ блестящемъ вооруженіи, и все время, покуда ѣхаль, на глаза его набѣгали слезы, изъ груди вырывались вздохи“.

Этотъ странствующій рыцарь, по виду и одеждѣ латинянинъ, никто другой, какъ Ливистръ, царь земли Ливандрской. И вотъ на безлюдной тропинкѣ вдругъ показался другой рыцарь. Онъ приближается къ Ливистру, заговариваетъ съ нимъ и кончаетъ тѣмъ, что убѣждаетъ его рассказать ему свои приключенія. Но раньше рыцари произносятъ клятву ненарушимой дружбы; послѣ чего Ливистръ начинаетъ такъ свой рассказъ.

„У себя на родинѣ, мой другъ, я былъ могущественнымъ, богатымъ властелиномъ, меня всѣ боялись, и мужество мое не знало предѣловъ. Радость была моей подругой, беззаботность моей милой, все пріятное и прекрасное само собой шло мнѣ навстрѣчу“. Подобно Парсифалю вагнеровской драмы, этотъ счастливый чело-

вѣкъ былъ нечувствителенъ къ любви, недоступенъ желанью, и только осыпалъ насмѣшками и издѣвательствами тѣхъ, кто подпадалъ этимъ чувствамъ. Но въ противность Парсифалю онъ не долженъ былъ остаться навсегда внѣ власти искушеній. Любовь, любовь всемогущая подстерегала его и ждала. И въ прелестномъ эпизодѣ, нѣсколько напоминающемъ сцену, когда Парсифаль чувствуетъ вдругъ состраданіе къ животнымъ, Ливистру открывается несокрушимая сила любви. Подобно тому, какъ Парсифаль убиваетъ лебедя, молодой человекъ на охотѣ пронзаетъ горленку и видитъ, пораженный, какъ къ ногамъ его падаетъ мертвой подруга убитой имъ птицы. И подобно тому, какъ Гурнеманцъ наставляетъ Парсифаля, старый совѣтникъ Ливистра открываетъ ему тогда „тайны любви и узы желанья, всю сладкую горечь и отраду любви“, и знакомитъ его съ закономъ міровой любви, правящимъ всѣмъ твореньемъ.

Окончательная правда открылась рыцарю въ сновидѣніяхъ. Приснился ему разъ зеленый лугъ, и тѣнистыя деревья, и студеныя воды, и чарующіе глазъ цвѣты; вдругъ нападаетъ на него сонмъ крылатыхъ существъ, обезоруживаетъ и ведетъ во дворецъ Эротократіи. На дверяхъ, какъ въ романѣ Белтандра, надпись: „Ни одинъ человекъ непокорный власти любви, ни одинъ человекъ, недоступный желанію не долженъ вѣдать счастье, какое я расточаю въ замкѣ Эротократіи. Кто хочетъ проникнуть въ него и видѣть дворецъ любви, долженъ признать себя ея рабомъ и стать ея вассаломъ“. Тутъ появляются два существа, одно бѣлокурое, увѣнчанное лав-

ромъ,—это желаніе, другое, въ золотомъ платьѣ безъ пояса, увѣнчанное миртомъ,—это сладострастіе. Они вводятъ молодого человѣка къ богу любви, сидящему на тронѣ, и богъ поочередно принимаетъ образъ ребенка, зрѣлаго мужа, старика. Ливистръ падаетъ передъ нимъ ницъ и воздастъ ему почестъ. „Эросъ, царь могучій, владыка міра, властитель самихъ неодушевленныхъ вещей, ты вскрывающій всякую душу и видящій всякое желанье, ты порождающій всякое сладострастіе, если я своей нечувствительностью къ тебѣ оскорбилъ тебя, отецъ желанья, не сердись на меня за мою провинность, не наказывай меня за нее. Я былъ грубъ, знай это и прости меня. Удовольствуйся тѣмъ, что напугалъ меня, и имѣй ко мнѣ состраданье. Клянусь отнынѣ быть твоимъ рабомъ и рабомъ твоего закона, покориться, какъ данникъ, твоей волѣ, твоимъ приказаньямъ“. Богъ прощаетъ своего новаго поклонника и возвѣщаетъ ему его грядущую судьбу. Онъ полюбитъ индѣйскую принцессу Родамну, дочь царя Хриса, онъ потеряетъ ее черезъ годъ вслѣдствіе злыхъ происковъ одной колдуньи, два года будетъ искать ее по всему міру и въ концѣ концовъ возвратится вмѣстѣ съ ней царствовать надъ Аргирокастрономъ. Еще въ другомъ сновидѣніи приснился вновь рыцарю „садъ Эроса“. Онъ встрѣтилъ тамъ бога, державшаго въ одной рукѣ серебряный лукъ, а другой ведшаго „молодую дѣвушку, предназначенную для радости моего сердца, молодую дѣвушку, свѣтъ очей моихъ“. „Ливистръ, сказалъ ему Эросъ, видишь ты эту дѣвушку? Ты любишь ее красотой, ты ею восхищенъ. Это Родамна, дочь

царя Хриса. Это ее я обѣщаль тебѣ. Это ее долженъ ты завоевать. Протяни руку; живи съ нею долго, умри подлѣ нея, и склони твою непокорную голову подѣ игомъ любви“.

Ставь такимъ образомъ данникомъ любви, Ливистру остается только покориться своей судьбѣ. По совѣту своего вѣрнаго наставника онъ отправляется въ путь съ сотней рыцарей, чтобы отыскать свою красавицу, и послѣ долгихъ испытаній достигаетъ замка, стѣны котораго такъ и сверкають на солнцѣ. Это Аргирокастронъ, „серебряный замокъ“.

Тутъ слѣдуетъ любопытное описаніе резиденціи царя Хриса. На башняхъ, служащихъ ей обороной, возвышаются мраморныя и бронзовыя статуи, изображающія вооруженныхъ воиновъ и музыкантовъ, и при дуновеніи вѣтра сладкозвучныя аккорды вырываются изъ инструментовъ, которые они держатъ. Надъ дверями другія фигуры изображаютъ двѣнадцать добродѣтелей и въ надписи обозначено имя и свойство каждой изъ нихъ. Дальше слѣдуютъ двѣнадцать мѣсяцевъ, каждый подѣ видомъ символической фигуры съ надписью. И, наконецъ, двѣнадцать геніевъ любви: Привѣтъ, Симпатія, Привязанность, Постоянство и т. д., и каждый геній держитъ дощечку съ надписью. Но рыцарь передъ всѣми этими чудесами пребываетъ въ нѣкоторомъ смущеніи: онъ не знаетъ какимъ способомъ добраться до своей красавицы. Къ его большому счастью одинъ изъ его спутниковъ, отыскавъ то мѣсто во дворцѣ, гдѣ находится помѣщеніе Родамны, вступаетъ въ сношенія съ однимъ изъ евнуховъ царевны. По его совѣту Ливистръ пишетъ письмо и вмѣстѣ со

стрѣлой пускаетъ его на террасу молодой дѣвушки. Служительницы Родамны, крайне заинтригованныя, рвутъ изъ рукъ одна у другой стрѣлу и письмо, не зная, кому изъ нихъ оно предназначено; въ концѣ концовъ несутъ и то и другое своей госпожѣ; послѣдняя, какъ женщина любопытная, не можетъ успокоиться, пока не узнаетъ, кто авторъ письма, и покуда не увидитъ смѣлаго любовника.

Скоро завязывается переписка. Сначала Родамна колеблется; но самъ Эросъ приходитъ на помощь рыцарю, убѣждая красавицу сдаться, также и евнухъ расточаетъ ему свои услуги, радуя за Ливистра подлѣ своей госпожи. Напрасно молодая дѣвушка старается обмануть себя, напрасно дѣлаетъ видъ, что думаетъ, будто всѣ эти страстные посланія обращены къ одной изъ ея прислужницъ; незамѣтно она увлекается перепиской, любовь вспыхиваетъ въ душѣ, и она кончаетъ тѣмъ, что отвѣчаетъ. Надо, впрочемъ, сознаться, что нѣтъ ничего утомительнѣе этой переписки, гдѣ поэтъ, видимо, находитъ удовольствіе изливаться въ нѣжностяхъ. Тѣмъ не менѣе во всемъ этомъ наборѣ словъ попадаются нѣкоторыя красивыя мѣста, на примѣръ серенада, которую Ливистръ поетъ подъ окномъ своей возлюбленной: „Рыцарь любитъ молодую дѣвушку, солнцемъ рожденную, любитъ благородный рыцарь прекрасную молодую дѣвушку. Изъ любви къ своей красавицѣ онъ разбилъ себѣ палатку посреди поляны и поетъ при лунѣ, съ блескомъ которой можетъ успѣшно поспорить его красавица. Красота любимой причина тому, что онъ въ плѣну и далеко-далеко отъ родного края

и много выстрадалъ бѣдъ, чтобы разыскать свою красавицу; но и теперь, найдя ее, онъ все еще мучится и опять страдаетъ изъ любви къ ней. Рыцарь знатнаго рода. Молодая дѣвушка несравненна. Онъ смотритъ на нее—и вздыхаетъ, и душа его разрывается и омрачена скорбью. Онъ смотритъ на солнце и напоминаетъ ему все, что выстрадалъ изъ-за нея; и луну, чуть она заблеститъ, онъ проситъ со слезами на глазахъ, чтобы умоляла красавицу не мучить его больше незаслуженной имъ холодностью“. Наконецъ, къ послѣдней запискѣ онъ прилагаетъ кольцо, и тогда царица рѣшается назначить ему свиданіе.

Вотъ по утру прекрасная Родамна выѣзжаетъ изъ замка на охоту. Она на бѣломъ конѣ, сплошь покрытомъ попоной изъ пурпура и золота. Сама она, говоритъ поэтъ, одѣта „по модѣ латинянь“ и въ золотомъ плащѣ, спускающемся почти до земли. Она такъ хороша, что одинъ ея видъ порабощаетъ ей сердца: „Никогда земля не производила ничего болѣе прекраснаго“. Лицо ея округло, какъ полная луна, цвѣтъ его бѣлъ какъ снѣгъ; взглядъ темныхъ глазъ ея кротокъ и прекрасенъ. Руками самихъ Грацій очерчена линія ея носа; губы ея словно роза, полураскрывавшаяся, чтобы принять поцѣлуй росы. „Въ цѣломъ мірѣ не найти бы другой такой красоты“. Благодаря угодливости евнуха, любовники, наконецъ, встрѣчаются, и надо отмѣтить тонкое чувство, съ какимъ поэтъ касается, едва на нихъ намекая, нѣкоторыхъ интимныхъ моментовъ ихъ свиданія.

Но вотъ является Фридрихъ, царь египетскій, требовать руки Родамны, какъ это ему было обѣщано. Тогда царица рѣшается открыть свою

любовь отцу и просить, чтобы соискатели бились на поединкѣ за обладаніе ею. Ливистръ выходитъ побѣдителемъ изъ жестокаго боя, его тотчасъ провозглашаютъ царемъ, Хрисъ дѣлаетъ его совратителемъ имперіи, и онъ женится на Родамнѣ. Супруги предаются полному блаженству: „Въ помѣщеніи молодой женщины, рассказываетъ Ливистръ, былъ зимній садъ, уголокъ рая, блаженное мѣстопробываніе, источникъ счастья“. Но тутъ же была таинственная статуя, а на ней пророческая надпись, возвѣщавшая о новыхъ страданіяхъ, предстоявшихъ рыцарю. „Послѣ радости, было написано на ней, снова Ливистра постигнетъ бѣда, два года испытаній, а затѣмъ соединеніе послѣ изгнанія, счастье послѣ превратностей судьбы“.

Дѣло въ томъ, что египетскій царь до нѣкоторой степени колдунъ, и онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ магіи, чтобы отомстить своему сопернику. Однажды Ливистръ и Родамна были на охотѣ. „Посерединѣ поляны, рассказываетъ рыцарь, встрѣчаю я купца; съ нимъ было множество лошадей и людей, его сопровождала старая женщина, верхомъ на верблюдѣ. Онъ спѣшился и подошелъ привѣтствовать меня, и я ему сказалъ: Чтò ты за человекъ, и откуда будешь?—Я купецъ изъ Вавилона.—А что продаешь? спросилъ я у него.—Всякаго рода вещи, серебро и драгоценные камни, жемчугъ и шелковыя ткани, все что ни пожелаешь самаго прекраснаго.—У тебя драгоценные камни, купецъ,—покупаю.—Есть у меня также и великолѣпный конь, нѣтъ лучше его на землѣ“. Царевна хочетъ испытать коня; она вскакиваетъ на сѣдло, но скоро чувствуетъ что не

можетъ больше справиться съ конемъ. Между тѣмъ, въ это самое время Ливистръ выбиралъ себѣ кольцо; но едва онъ надѣлъ кольцо на палець, какъ упалъ замертво навзничь. Когда онъ пришелъ въ себя, Родамны уже не было. И съ тѣхъ поръ ищетъ ее по всему свѣту. Какъ разъ во время этихъ своихъ странствій и повстрѣчалъ онъ на одинокой тропинкѣ другого рыцаря Клитова.

Послѣ того что Клитовъ въ свою очередь, и съ большими отступленіями, разсказалъ свои собственные приключенія, товарищи вмѣстѣ продолжаютъ путь. И скоро въ сновидѣніи имъ открывается, какую дорогу они должны избрать, чтобы отыскать Родамну и ея похитителя. Черезъ нѣкоторое время встрѣчаютъ они на берегу моря старую женщину, „черную, какъ сарацинка“. Это была та самая колдунья, нѣкогда помогшая египетскому царю похитить жену Ливистра; но царь плохо заплатилъ ей за услугу, и она хочетъ отомстить ему. Здѣсь поэтъ съ любовью распространяется о колдовствѣ. Очень пространно объясняетъ колдунья двумъ рыцарямъ, на что она способна, благодаря своей волшебной силѣ. Она умѣетъ вопрошать свѣтила, предсказывать будущее, вызывать демоновъ въ безлунныя ночи, низводить небо на землю. Чтобы служить ей, демоны часто принимаютъ тысячи человѣческихъ образовъ; къ ея услугамъ имѣются волшебные кони, могущіе въ одну ночь проѣхать громадное пространство. Она предлагаетъ все свое умѣнье къ услугамъ друзей; затѣмъ, заперевъ ихъ въ своей хижинѣ, она въ полночь вызываетъ злыхъ духовъ и, получивъ отъ нихъ свѣдѣнія, откры-

ваетъ Ливистру и Клитову судьбу Родамны. Полная цѣломудрія, царица сумѣла противостоятъ всѣмъ просьбамъ и попыткамъ египетскаго царя; она потребовала и добила у него отсрочки въ четыре года раньше чѣмъ принадлежать ему; въ настоящее время она содержитъ маленькую гостиницу на берегу моря въ Египтѣ.

Туда то и отправляются разыскивать ее оба рыцаря, съвѣвъ на коней колдуньи и получивъ отъ нея разныя свѣдѣнія. Сначала Клитовъ одинъ является къ царицѣ и постепенно подготавливаетъ ее къ ожидающей ее неожиданности. „Завтра, говоритъ онъ, ты увидишь Ливистра“. За этими словами слѣдуетъ обморокъ, потомъ восторги радости: въ первую минуту царица не можетъ повѣрить своему счастью. Но вслѣдъ затѣмъ любовники соединяются и бѣгутъ изъ Египта все на тѣхъ же коняхъ волшебницы. Ливистръ, впрочемъ, не считаетъ себя нисколько обязаннымъ благодарностью старой колдуньѣ: по просьбѣ Родамны онъ однимъ ударомъ меча убиваетъ старуху и „избавляетъ землю отъ этого чудовища, бывшаго никѣмъ другимъ, какъ воплощеннымъ демономъ“. И всѣ вмѣстѣ, совершенно счастливые, они послѣ этого возвращаются въ Аргирокастроу, гдѣ Клитовъ, въ награду за свою преданность, получаетъ руку сестры Родамны.

IV.

Такова поэма Ливистра и Родамны. Съ литературной точки зрѣнія она крайне интересна и несомнѣнно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ

произведеній этого рода. Опытный и тонкій художникъ соединилъ въ ней приемы искусства съ наивной простотой народныхъ пѣсенъ; *) и этотъ контрастъ представляетъ необычайную прелесть. Несомнѣнно, мѣстами запутанная форма разсказа является нѣсколько утомительной, а также сентиментальная дѣланность безконечныхъ любовныхъ посланій, какими обмѣниваются герои поэмы, и гдѣ авторъ, повидимому, находилъ удовольствіе выставлять на показъ жеманное и витіеватое прекрасноуміе, прибѣгая слишкомъ часто и совершенно искусственно къ снамъ, аллегоріямъ и другимъ литературнымъ банальностямъ. Точно также встрѣчаются неудачныя повторенія одного и того же эпизода, какъ, на примѣръ, эпизодъ встрѣчи любовниковъ съ вавилонскимъ купцомъ, разсказывается два-три раза почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Но когда поэтъ отдѣляется отъ этихъ длинотъ и общихъ мѣстъ, онъ выказываетъ тонкое умѣнье, находитъ ноты истиннаго чувства, выраженія подлинной страсти. Наряду съ невыносимой игрой словъ на *λόθος*, любовь, и *λόθος*, страданіе, порождаемое любовью, въ приведенныхъ выше любовныхъ пѣсняхъ есть мѣстами очаровательная свѣжесть чувства. Встрѣчаются также еще и другія прекрасныя мѣста, гдѣ говоритъ одна чистая страсть. Посмотрите, на примѣръ, какими словами выражается Родамна, когда ей сообщаютъ, что мужъ ея живъ:

*) Я разумѣю нѣкоторыя фразы, возвращающіяся мѣстами въ поэмѣ какъ припѣвъ, чтобы прервать рѣчь дѣйствующаго лица (см. 2481—83, 2495, 2511, 2533, 2252 и 2804, 2820, 2829, 2845, 2879, 2889, и т. д.)

„Онъ живъ, Ливистръ, живъ онъ, тотъ, кого погубили козни волшебницы. Живъ онъ, кому моя любовь причинила смерть. Онъ живъ, тотъ, кого моя душа насытила тоской. Онъ живъ, тотъ, кого сразили муки, претерпѣнныя изъ-за меня. Но если живъ онъ и пришелъ ко мнѣ, кто указаль ему дорогу, кто послужиль ему проводникомъ? И не могу повѣрить я, что онъ пришелъ. Ибо какъ же это онъ самъ не пришелъ ко мнѣ? “Въ послѣднихъ словахъ скрыто глубокое чувство, радостью пробивается наружу нѣжная страсть.

Но въ особенности эту поэму слѣдуетъ разсматривать съ исторической точки зрѣнія въ смыслѣ всего, что она даетъ намъ для исторіи общества.

Какъ и въ романѣ Белтандра, латинскій элементъ играетъ большую роль въ исторіи Ливистра и Родамны. Герой—латинянинъ, и на портретѣ, сдѣланномъ съ него авторомъ, онъ является передъ нами бритымъ, въ одѣяніи и вооруженіи рыцарей его національности. Его другъ Клитовъ—племянникъ армянскаго царя, то-есть монарха, согласно историческимъ показаніямъ бывшаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ монархами франкскихъ государствъ Сиріи. Наконецъ, міръ, описываемый въ поэмѣ, полонъ всякихъ западныхъ обычаевъ. Идея феодальнаго лена, ленной зависимости, соединяющей вассала съ сюзереномъ, представляютъ въ ней обычное явленіе, вошедшее до извѣстной степени въ нравы и языкъ. Рыцарское товарищество, соединяющее двухъ воиновъ узами взаимной клятвы въ вѣрности и въ дружбѣ, является тутъ, какъ учрежденіе извѣстное. Моды также латинскія, даже

при восточномъ дворѣ отца Родамны. Царевна, говорится въ поэмѣ, была одѣта „въ латинскія одежды“, и на поединкѣ, на турнирѣ, описанномъ поэтомъ со всѣми подробностями, дерется Ливистръ съ Фридрихомъ египетскимъ за обладаніе рукой своей дамы. Но что, быть можетъ, еще замѣчательнѣе, это то, что греческій писатель, схожій въ этомъ съ авторомъ Морейской хроники, явно выказываетъ свои симпатіи къ латинянамъ. „Я люблю латинянъ, говоритъ Родамна своему отцу; это нація храбрыхъ. И между ними люблю въ особенности тѣхъ, кто сражается за любовь и славу“.

Несмотря на эти характерныя черты, свидѣтельствующія, какъ и въ Белтандрѣ, о томъ, насколько западные обычаи привились на Востокѣ, было бы большой смѣлостью, равно какъ и относительно Белтандра, разсчитывать найти въ поэмѣ слѣды подражанія западнымъ образцамъ. Если описанное въ ней общество является проникнутымъ нѣкоторыми латинскими элементами, въ общемъ оно сохраняетъ колоритъ чисто византійскій.

Правда, религія не играетъ въ этой поэмѣ такой большой роли, какъ въ романѣ Белтандра. Сама Родамна даже не христіанка, и всякая мысль о пропагандѣ или обращеніи, повидимому, чужда автору. Но, съ другой стороны, онъ такъ же свято хранитъ завѣты античныхъ традицій, какъ хранили ихъ чисто византійскіе романы XII вѣка: безпрестанно встрѣчаешься тутъ съ воспоминаніями и вліяніями произведеній классическаго гѣнія. Изображеніе Эроса-ребенка, какимъ онъ тутъ является, прелестнаго и грознаго въ то же

время, съ бѣлокурыми волосами, обрамляющими его лицо, это образъ чисто античный, вдохновенный однимъ изъ образцовъ въ духъ того искусства; при этомъ поэтъ говоритъ намъ, что „онъ словно былъ сдѣланъ руками превосходнаго художника“. Аллегоріи желанія и сладострастія, правды и справедливости порождены непосредственно искусствомъ александрійскимъ; того же происхожденія фигуры добродѣтелей и мѣсяцевъ, украшающія двери Аргирокастропа, при чемъ авторъ въ длинныхъ словоизвитіяхъ описываетъ ихъ качества.

„Мартъ, весь покрытый своей броней, держалъ въ одной рукѣ мечъ, въ другой дощечку съ надписью, гдѣ можно было прочесть: „Я начинаю годъ, я воинъ брани; не забывайте, что надо идти на врага“. За нимъ слѣдовалъ Апрѣль, пастухъ, гнавшій свои стада; въ одной рукѣ у него была палка, въ другой бумажка съ надписью: „Я веду и стерегу на пастбищѣ безчисленныя стада, и мнѣ радостно смотрѣть, какъ рѣзвятся и прыгаютъ ягнята“. Май въ видѣ прекраснаго юноши, на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, въ рукѣ роза. Онъ говоритъ: „Пользуйся прекраснымъ временемъ года, если ты мудръ; не давай пройти прекраснымъ днямъ не увеселяясь ими“. Юнь, широкоплечій мужъ съ голыми руками, пригоршни полны разноцвѣтными цвѣтами. Онъ говоритъ: „Я живу въ лучшее время года, я пью благоуханіе всего разнообразія цвѣтовъ“, Юль нагой; на головѣ у него вѣнокъ изъ колосьевъ; въ одной рукѣ онъ держитъ серпъ, въ другой снопы; онъ говоритъ: „Я жну плоды земли, посѣянные въ трудъ“. Августъ словно задыхается

отъ зноя, и надпись на немъ восхваляетъ купанье и прохладныя воды, освѣжающія и утоляющія жаждущихъ людей. Сентябрь собираетъ виноградъ. Октябрь охотится за птицами. Ноябрь является въ образѣ пахаря, у ногъ его хлѣбныя зерна для посѣва. Декабрь одѣтъ въ тяжелый плащъ и въ рукѣ у него посохъ. Январь—смѣлый охотникъ; за нимъ бѣжитъ его собака; на рукѣ онъ держитъ сокола и говоритъ: „Охотникъ не садится, онъ ждетъ случая бѣжать на охоту“. Февраль представленъ въ образѣ старца съ грѣлкой въ рукѣ; онъ говоритъ: „Я грѣюсь, потому что холодно; никто не можетъ меня въ томъ упрекнуть, видя какъ я старъ“.

Романы Продрома и Евстаѳа заключаютъ почти такія же описанія цикла мѣсяцевъ, равно и въ византійскихъ рукописяхъ легко найти изображенія подобныя фигурамъ, описаннымъ въ этой поэмѣ. Онѣ во всякомъ случаѣ представляютъ рѣзкое различіе съ западными изображеніями тѣхъ же аллегорій: съ этой стороны поэма безусловно имѣетъ характеръ византійскій.

Византійской же является въ ней и любовь къ природѣ, какую мы уже отмѣтили также въ романѣ Дигениса Акрита и въ романѣ Белтандра. Въ стихахъ нашего автора безпрестанно попадаетъ описаніе прелестныхъ пейзажей, такихъ, какіе всегда любили жители Востока, съ обиліемъ растительности и цвѣтовъ, высокихъ деревьевъ и свѣжеструйныхъ текучихъ водъ, при чемъ передъ глазами читателя возникаетъ представленіе превосходнаго произведенія искусства, „созданнаго руками художника“. Дѣйствующія лица романа глубоко чувствуютъ прелесть такого

пейзажа: „Еслибы человекъ, говоритъ Ливистръ, могъ поселиться на такой полянѣ и проводить всѣ дни своей жизни въ такомъ обворожительномъ мѣстѣ, онъ не желалъ бы больше рая“. Прекрасный пейзажъ можетъ заставить ихъ забыть всякія горести, и они любятъ соединять близкую имъ природу со всѣми переживаемыми ими тревоженіями. „Горы воздыхаютъ, говоритъ Ливистръ. Долины скорбятъ вмѣстѣ со мною; плачутъ берега, растроганы равнины; придорожныя деревья, тѣсныя ущелья вняли моей скорби и стонутъ вмѣстѣ со мной“. И Клитовъ вторитъ: „Деревья шумятъ, говоря о моей скорби, луга о моей тоскѣ, рѣки повторяютъ мои слезы, холмы мои стоны“.

Точно такъ же и роскошь дворцовъ, дворца Эроса со всѣми его чудесами, дворца Ливистра съ его внутренними покоями, представляющимися „уголкомъ рая“, приводитъ на память византійское великолѣпіе. Равно и обычаи императорскаго двора очевидно послужили образцами при описаніи церемоній. Когда отецъ Родамны дѣлаетъ Ливистра своимъ соправителемъ, „онъ посылаетъ, говорится въ поэмѣ, четверыхъ своихъ архонтовъ, которые несутъ круглый щитъ и, посадивъ на него героя, поднимаютъ высоко щитъ, и привѣтствуютъ прежде всего Хриса автократора, затѣмъ Ливистра: „Многая лѣта, восклицаютъ они, царю Ливистру“. Когда герой, по возвращеніи въ свою страну, среди празднествъ принимаетъ бразды правленія, къ музыкѣ органовъ, къ барабаннымъ фанфарамъ и рогамъ присоединяется ритуальное привѣтствіе: „Ливистру, великому царю славной земли Аргирока-

строна и царю земли Ливандрской, Ливистру и прекрасной Родамнѣ, славной и милостивой царицѣ, многая, многая лѣта“. Точно такъ же поступали въ покояхъ священнаго Дворца, когда собраніе придворныхъ сановниковъ, сенатъ, войско и народъ привѣтствовали и праздновали восшествіе на престолъ новаго императора.

Несомнѣнно, общество, какое описывается въ романѣ Ливистра, утонченнѣе, изящнѣе общества, выведеннаго въ исторіи Белтандра. Любовь по прежнему играетъ въ немъ главную роль, является главной приманкой рыцарей; но эта любовь уже является настоящей наукой, имѣетъ свои законы, свои ненарушимыя правила, какія долженъ соблюдать посвященный, начиная съ того дня, какъ принялъ служеніе любви. И несомнѣнно, что у трубадуровъ и минезенгеровъ легко можно найти подобное же представленіе о любви и подобную же утонченность въ области нѣжныхъ чувствъ. Но безподобные любовники греческаго романа дѣйствуютъ въ обстановкѣ чисто восточной. Встрѣча Ливистра и Родамны съ вавилонскимъ купцомъ прямо взята изъ жизни, и подобныя сцены разыгрывались нерѣдко въ Азіи на большихъ дорогахъ. Пріѣздъ Клитова къ содержательницѣ гостиницы напомнить всякому, знакомому съ Востокомъ, сцену вѣками повторяющуюся тамъ неизмѣнно: Сойди съ коня, путникъ дорогой, говоритъ хозяйка; ты найдешь тутъ кровь, гдѣ можешь отдохнуть, стойло, куда поставить твоего коня, баню, гдѣ ты омоешься. Я хочу только, чтобы ты обѣщалъ мнѣ одно: ты долженъ рассказать мнѣ, что дѣлалъ, что слы-

шалъ, что видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ“. Это все подлинныя черты, тонко и вѣрно подмѣченныя, придающія роману особый оттѣнокъ и на всемъ этомъ лежитъ чисто восточный отпечатокъ.

Такъ литература подтверждаетъ намъ то, что мы знаемъ изъ исторіи. Отъ столкновеній съ Западомъ византійское общество измѣнилось лишь внѣшнимъ образомъ. Само собой разумѣется, сближеніе двухъ цивилизацій, явившееся слѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, ввело на Востокъ нѣкоторыя латинскіе обычаи; само собой разумѣется, высшіе классы греческаго общества, съ давнихъ поръ привыкшіе къ рыцарскимъ идеямъ и нравамъ, охотно усвоили нѣкоторыя моды и нѣкоторыя привычки Запада. Тѣмъ не менѣе суть оставалась той же чисто византійской. И это видно еще яснѣе, если отъ міра придворнаго и отъ знати мы обратимся къ той части общества, которая представляетъ въ собственномъ смыслѣ слова народъ. Этотъ народъ, какъ было выше показано, не чувствовалъ ничего кромѣ ненависти къ иноземнымъ монархинямъ, ставшимъ царицами въ Византіи по политическимъ соображеніямъ; этотъ народъ, поддерживаемый духовенствомъ, питалъ лишь недовѣріе и презрѣніе ко всѣмъ попыткамъ, имѣвшимъ цѣлью сблизить его съ Западомъ. Несмотря на усилія монарховъ, несмотря на политическія требованія, никогда эти два враждебные другъ другу міра не могли ни взаимно проникнуться, ни понять другъ друга. Это было, быть можетъ, несчастьемъ для Византіи въ томъ смыслѣ, что латиняне, настроенные противъ нея, остались равнодушными ко всѣмъ ея затрудненіямъ и къ ея гибели. Но съ дур-

гой стороны это позволило ея цивилизації сохранить за собою свою оригинальность и самобытность, такъ сильно привлекающія къ ней и останавливающія на ней вниманіе историка нашихъ дней.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	V
Глава I. Византія и Западъ въ эпоху крестовыхъ походовъ.	1
„ II. Анна Комнина	<u>29</u>
„ III. Императрица, Ирина Дука	<u>59</u>
„ IV. Романическія походы Андроника Комнина	95
„ V. Придворный поэтъ въ эпоху Комниновъ .	149
„ VI. Западныя принцессы при дворѣ Комниновъ.	183
„ VII. Констанція Гогенштауфенъ, никейская императрица	<u>233</u>
„ VIII. Западныя принцессы при дворѣ Палеологовъ	<u>255</u>
„ IX. Браки послѣднихъ Палеологовъ	<u>305</u>
„ X. Романъ Дигениса Акрита	327
„ XI. Два рыцарскихъ византійскихъ романа . .	359